

VI. 2
01

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XI.

Подъ редакціей Л. М. Лопатина и кн. С. Н. Трубецкого, при ближайшемъ участіи В. А. Гольцева, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, А. А. Токарскаго, Н. А. Умова.

Книга V (55).

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1900 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К.,
Пименовская ул., соб. домъ.

1900.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Объ эстетическомъ идеалѣ.— Н. Г. Дебольскаго	759
О трусости въ мышленіи.— И. И. Лапшина	817
Объ отношеніи искусства къ дѣйствительности.— В. Е. Гіа- цинтова	882
Поиски за міросозерцаемъ. (Окончаніе).— И. И. Иванова .	895
Трагедія Ницше. Опытъ психологіи личности. Часть I. Діонисъ и Аполлонъ.— Г. А. Рачинскаго .	963
—	
Очерки философіи права Л. І. Петражицкаго . Спб. 1900.— Б. Н. Чичерина	365
Психо-физиологическая теорія чувствованій. (Окончаніе).— Н. В. Згурекаго	385
Наблюденія и опыты по эстетикѣ зрительныхъ воспріятій. (Окончаніе).— Ц. П. Балталона	449
Четвертый международный психологическій конгрессъ въ Парижѣ (²⁰ / ₇ — ²⁵ / ₁₂ августа 1900 г.).— В. Θ. Чижа	493
Критика и библіографія.	
I. Обзоръ книгъ.	
А. Сутерландъ . Прохождение и развитіе нравственнаго инстинкта.— С. Казанскій	522
Gustav Störing . Vorlesungen über Psychopathologie in ihrer Bedeutung für die normale Psychologie mit Einschluss der psychologischen Grundlagen der Erkenntnistheorie.— А. Нечаевъ	533

	<i>Стр.</i>
Wilhelm Wundt. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte.— Д. Викторовъ	536
II. Библиографическій листокъ	547
<hr/>	
Извѣстія и замѣтки	550
Психологическое общество. (Отчеты о засѣданіи. 181). .	551
Матеріалы для журнальной статистики.	553
<hr/>	
ОБЪЯВЛЕНІЯ	555

Объ эстетическомъ идеалѣ. *)

Два года тому назадъ я имѣлъ честь предложить Философскому Обществу сообщеніе „Понятіе красоты“ **), въ которомъ я старался установить то положеніе, что въ простѣйшемъ своемъ видѣ красота даетъ намъ, въ непосредственномъ и цѣлостномъ сохраненіи, извѣстную истину о природѣ, какъ о непорозненномъ единствѣ вещества и души. Нынѣ я имѣю въ виду объяснить, по какимъ основаніямъ человѣческой духъ не останавливается на этомъ простѣйшемъ видѣ красоты, но претерпѣваетъ его разложеніе, а затѣмъ приходитъ къ возстановленію того же понятія въ болѣе совершенномъ и выработанномъ видѣ, какъ *красоты идеальной*, или иначе, какъ *эстетическаго идеала*.

Если красота содержитъ въ себѣ данную въ непосредственномъ содержаніи истину о природѣ, какъ о единствѣ или цѣлостности вещества и души, то спрашивается, что можетъ содержать въ себѣ *безобразіе*, какъ *противоположность* красоты. Коль скоро безобразіе есть противоположность красоты, то оно содержитъ въ себѣ данную въ непосредственномъ же созерцаніи *ложь* о природѣ. Т.-е., если красота удостовѣряетъ насъ въ той истинѣ, что природа въ существѣ своемъ едина, то безобразіе удерживаетъ насъ

*) Сообщеніе, читанное въ Философскомъ обществѣ при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 22 апрѣля 1900 г.

***) Напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1898 г. № 8 отд. 2, стр. 416—441.

въ томъ заблужденіи, что природа не едина, не цѣльна, что въ ней вещество и душа кореннымъ образомъ порознены, что вещество не одухотворено, а воля надъ нимъ безсильна; и этотъ образъ порозненности и раздора поселяетъ въ насъ чувство неудовлетворенности, т. е. неудовольствіе.

Какъ ложь въ непосредственномъ созерцаніи природы, безобразіе, съ точки зрѣнія нашего эстетическаго требованія, *не должно* существовать, или, иначе, его существованіе должно быть лишь кажущимся, мнимымъ. Первое и простѣйшее послѣдствіе такого требованія состоитъ въ томъ, что мы *устраиваемся* отъ безобразія, напр., отворачиваемся отъ непріятнаго зрѣлища или принимаемъ мѣры къ тому, чтобы нашъ слухъ не поражался терзающими его звуками. Но это первое и простѣйшее средство избавиться отъ безобразія не устраняетъ содержащейся въ немъ лжи, а потому и не достигаетъ своей цѣли. Если въ прекрасномъ образѣ созерцается нами *сущность* природы *), то этотъ образъ не есть по отношенію къ природѣ нѣчто случайное и безразличное, т.-е. нѣчто такое, что въ нашемъ чувственномъ созерцаніи одинаково можетъ какъ быть, такъ и не быть. Между тѣмъ, ограничиваясь лишь устраненіемъ себя отъ безобразія, мы именно предаемъ красоту такой случайности, разрывая ея необходимую, существенную связь съ природою. Созерцаніе природы, какъ безобразной, оказывается при этомъ не менѣе для насъ нормальнымъ, чѣмъ и созерцаніе ея, какъ прекрасной, т.-е. остается непонятнымъ, почему, коль скоро и красота и безобразіе обѣ даны въ природѣ, и безобразіе даже чаще, чѣмъ красота, первая остается по отношенію къ природѣ истинною, а второе—ложью. Оставляя и красотѣ и безобразію одинаковую силу распространенія и только убѣгая отъ второго, мы тѣмъ самымъ и наслажденіе красотою предоставляемъ случайности. Мы можемъ закрыть глаза и уши,

*) См. вышеупомянутую статью, стр. 439—440.

чтобы не видѣть и не слышать того, что ихъ оскорбляетъ; но если для нашего созерцанія природы красота и безобразіе равно случайны, то ничто не гарантируетъ насъ отъ того, чтобы, открывъ глаза и уши, мы вновь не натолкнулись на нѣчто безобразное.

Недостаточность одного пассивнаго устраненія отъ безобразія ясна, впрочемъ, и независимо отъ какихъ бы то ни было метафизическихъ соображеній о красотѣ. Если даже допустить, что красота ничего не открываетъ намъ о сущности природы, что она заключена исключительно въ область видимости, и что, слѣдовательно, весь смыслъ ея исчерпывается доставляемымъ ею наслажденіемъ, то и при такомъ предположеніи окажется потребнымъ сдѣлать нѣчто большее, чѣмъ закрыть глаза и уши отъ безобразія. Если эстетическое наслажденіе желательно людямъ просто какъ таковое, независимо даже отъ какого-либо связаннаго съ нимъ высшаго смысла, то и въ такомъ случаѣ они естественно заинтересованы въ томъ, чтобы это наслажденіе не было предано на долю случайности, но было до известной степени обезпечено. слѣдовательно, какъ бы мы ни смотрѣли на значеніе красоты, для насъ, если только мы придаемъ ей цѣну, является надобность въ известной дѣятельности, обезпечивающей ея существованіе. И понятно, въ чемъ именно можетъ состоять такая дѣятельность. Такъ какъ изъ воспринимаемаго нами одно представляется намъ прекраснымъ, а другое безобразнымъ, то мы стараемся внести въ самые предметы нашихъ воспріятій такія измѣненія, которыя умножили бы ихъ красоту и препятствовали бы вторженію въ нихъ безобразія. Такое цѣлесообразное съ эстетической точки зрѣнія измѣненіе или такая обработка воспринимаемыхъ нами предметовъ и составляетъ задачу *искусства*. Оно остается еще *несвободнымъ, связаннымъ* искусствомъ, покуда красота есть только прибавокъ къ полезному предмету, т.-е. покуда мы украшаемъ ножъ, которымъ рѣжемъ пищу, или одежду, которую мы носимъ. Оно возвышается до уровня *свободнаго или чистаго* искус-

ства, когда мы измѣняемъ или обрабатываемъ предметъ единственно съ цѣлью его красоты, независимо отъ того или иного практическаго его употребленія.

Возникновеніе искусства, какъ умышленнаго, преднамѣреннаго произведенія красоты, необходимо измѣняетъ самое ея понятіе. Художникъ представляетъ нашему воспріятію свое произведеніе уже не такъ, какъ природа, для которой безразлично, нравится она намъ или нѣтъ. Онъ желаетъ и разсчитываетъ понравиться намъ въ своихъ произведеніяхъ и потому соображаетъ ихъ съ тѣми условіями, которымъ должно удовлетворять существованіе красоты. Конечно, художникъ не есть ученый психологъ, основывающій разсчеты на эстетическое дѣйствіе своихъ произведеній на какомъ-либо научномъ изслѣдованіи. Но во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ, хотя бы смутное, представленіе о томъ, какимъ *ожиданіямъ* должно удовлетворять его произведеніе, дабы оно было найдено прекраснымъ, слѣдовательно, и о томъ, при какихъ условіяхъ въ томъ или иномъ случаѣ ему нужно такъ или иначе подѣйствовать на наше воспріятіе цвѣтомъ, фигурою или звукомъ. Другими словами, красота, въ природѣ данная, какъ неподготовленная, въ искусство вносится, какъ заранѣе предположенная, какъ *представляемая*, и затѣмъ уже осуществляемая для воспріятія согласно этому представленію. слѣдовательно, когда красота становится достояніемъ искусства, то она изъ *чувственнаго воспріятія* переносится въ *представленіе*, изъ *чувственно-воспринимаемой* красоты преобразуется въ красоту *представляемую*. Имѣя заранѣе составленное, хотя бы и неотчетливое, представленіе красоты, художникъ сообразно этому представленію осуществляетъ красоту для чувственнаго воспріятія.

Понятіе красоты, при перемѣщеніи ея изъ воспріятія въ представленіе, не претерпѣвало бы никакого существеннаго измѣненія въ своемъ содержаніи, если бы представляемая красота была просто *копією* съ красоты воспринимаемой. Но дѣло въ томъ, что самое это перемѣщеніе сопрягается съ совершенно новымъ взглядомъ на красоту. Я случайно

нахожу какой-нибудь драгоценный камень и поражаюсь его красотой. Я вставляю его въ головной уборъ; это—уже искусство. Но оказывается, что въ уборѣ онъ мнѣ не нравится, потому что не соотвѣтствуетъ цвѣту или формѣ убора. Итакъ, красота природы, которую я хотѣлъ посредствомъ искусства сохранить и даже умножить, превратилась въ безобразіе. Но положимъ, однако, что самъ по себѣ уборъ мнѣ нравится. Я предлагаю кому-нибудь надѣть его себѣ на голову,—и онъ опять является мнѣ безобразнымъ, такъ какъ не соотвѣтствуетъ возрасту или другимъ свойствамъ даннаго лица. Такимъ образомъ, даже сохранивъ или, быть можетъ, умноживъ красоту камня въ уборѣ, но перемѣстивъ уборъ въ тѣ или иныя условія, я опять-таки превращаю его красоту въ безобразіе. Слѣдовательно, если я занимаюсь тѣмъ видомъ несвободнаго или связаннаго искусства, который называется ювелирнымъ дѣломъ, то мнѣ недостаточно ограничиться лишь непосредственною красотою камня. Представляя себѣ эту красоту, какъ умышленную цѣль моихъ дѣйствій, я долженъ представлять ее въ ея условіяхъ, такъ какъ, оставивши эти условія безъ вниманія, я рискую не сохранить и умножить, а уничтожить красоту.

Различіе красоты, непосредственно данное чувственному воспріятію, отъ красоты, представляемой и осуществляемой въ искусствѣ, состоитъ, стало быть, въ слѣдующемъ: въ первомъ случаѣ я считаю ее чѣмъ-то самостоятельнымъ, безусловнымъ, такъ какъ условій ея я не принимаю въ соображеніе. Во второмъ случаѣ она понижается до значенія чего-то относительнаго, зависящаго въ своемъ существованіи отъ той группировки, въ которой она мнѣ является. Когда красота изъ чувственно-воспринимаемой становится представляемою, ея собственно-чувственная цѣнность (цвѣтъ, блескъ, та или иная фигура, тотъ или иной тонъ) замѣняется цѣнностью, вытекающею изъ соотвѣтствія ея свойствамъ *всего представляемаго предмета*. Другими словами, при этомъ процессѣ то, что было ранѣе самостоятельною красотою, становится красотою *прибавочною*, изъ *красоты* дѣлается лишь

украшеніемъ, цѣнность котораго не въ немъ самомъ, а въ томъ представляемомъ цѣломъ, часть котораго оно составляетъ.

Это измѣненіе уже само по себѣ достаточно глубоко, такъ какъ оно перемѣщаетъ центръ сужденія о красотѣ изъ *отдѣльныхъ* воспріятій въ сочетаніе ихъ въ *предметъ*, представляемомъ намъ, какъ нѣчто объемлющее и соединяющее въ себѣ эти воспріятія. Но оно, т.-е. это измѣненіе, идетъ еще далѣе, пуская въ ходъ новую и особую душевную дѣятельность, именно дѣятельность *воображенія*. Образую въ своемъ представленіи предметы и снабжая ихъ тѣми или иными свойствами, красота которыхъ опредѣляется сообразно свойству цѣлага предмета, мы не ограничиваемся тѣмъ, что воспроизводимъ эти свойства въ той группировкѣ и послѣдовательности, въ какой они намъ даны въ самомъ актѣ воспріятія. Если бы это было такъ, то не было бы и переоцѣнки сказанныхъ свойствъ соотвѣтственно представленію цѣлага предмета. Если такая переоцѣнка происходитъ, то мы, значить, не довольствуемся однимъ воспроизведеніемъ воспріятого, но дѣятельно измѣняемъ его черты, приводя ихъ въ новыя сочетанія, сравнивая послѣднія между собою и выбирая изъ нихъ тѣ, которыя насъ наиболѣе удовлетворяютъ съ точки зрѣнія эстетической. Въ такой дѣятельной и цѣлесообразной перегруппировкѣ почерпнутыхъ нами изъ воспріятія свойствъ предметовъ, въ видахъ сообщенія послѣднимъ наибольшей мѣры красоты, и состоитъ дѣятельность *эстетическаго воображенія*. У художника она имѣетъ характеръ *творческой*, т.-е. приводитъ къ созданію прекрасныхъ изображеній; у насъ же, которые только любятъ созданія художника, она имѣетъ характеръ лишь сочувственнаго проникновенія въ творчество художника, лишь попытки повторить въ нашемъ воображеніи то, что совершилось въ *его* воображеніи и затѣмъ отлилось въ дѣйствительность въ видѣ созданной имъ на всеобщую радость красоты *).

*) Относя красоту въ воображеніи специально къ области искусства, я не хочу этимъ сказать, чтобы она не могла имѣть мѣста въ красотѣ природы, поскольку и эта послѣдняя красота воспринимается душою подготовленною,

Итакъ, красота, ставъ изъ чувственно - воспринимаемой представляемою, тѣмъ самымъ необходимо становится красотою въ *воображеніи*, красотою, возникающею такимъ путемъ, что мы самостоятельно избираемъ и приводимъ въ сочетанія чувственныя свойства представляемыхъ нами предметовъ въ видахъ наибольшаго ихъ украшенія. Если, не идя пока далѣе въ нашемъ изслѣдованіи, мы остановимся на эстетическихъ послѣдствіяхъ этого процесса, то мы убѣдимся, въ какой степени онъ, даже въ той элементарной своей формѣ, въ какой мы покуда съ нимъ ознакомились, способствуетъ обезпеченію насъ отъ безобразія. Мы нѣтъ надобности долго останавливаться на объясненіи того, въ какой мѣрѣ процессъ художественнаго творчества *умножаетъ* красоту и *упрочиваетъ* пользованіе ею: умножаетъ вслѣдствіе того, что созерцаемыя свойства предметовъ подбираются умышленно, а не предоставляются случайности въ дѣлѣ ихъ возникновенія; упрочиваетъ вслѣдствіе того, что произведенія искусства составляютъ собою красоту *въ нашемъ распоряженіи и подъ нашимъ охраненіемъ*, чего въ большинствѣ случаевъ нельзя сказать о красотѣ, непосредственно данной въ природѣ. Но есть и другое, внутреннее и гораздо болѣе существенное воздѣйствіе этого процесса на безобразіе. Дѣйствіемъ воображенія безобразіе не только отстраняется и искореняется, но *само превращается въ красоту*. Безобразіе въ томъ, что нами чувственно воспринимается, есть то, что мѣшаетъ намъ удовлетворяться на чувственномъ созерцаніи, какъ на вполне пѣлостномъ и конченномъ, чуждомъ какъ вещественности, такъ и напряженія воли. Безобразное въ нашемъ чувственномъ воспріятіи есть раздоръ, порозненіе, помѣха, усиліе и потому сопровождается чувствомъ неудовлетворенности или неудовольствіемъ. Но когда чувственно-воспринимаемыя качества представляются обладающею извѣстными представленіями и ожиданіями. Но въ природѣ она встрѣчается случайно, а въ искусствѣ умышленно готовится. Различіе здѣсь подобно тому, какое существуетъ между обычнымъ, несистематическимъ и научнымъ познаніемъ. И первое можетъ приводить къ истинѣ, но только второе дѣлаетъ это методически.

нами, какъ свойства единаго предмета, то, характеризуя это единство и проистекая изъ него, они, несмотря на свою *чувственную рознь*, вступаютъ въ *воображаемое согласіе*. Напримеръ, есть извѣстныя психофизиологическія условія красоты въ сочетаніяхъ цвѣтовъ и тоновъ, а также въ фигурахъ. Эти различныя частныя условія могутъ быть въ сущности сведены къ одному общему условію, которое послѣдовательно вытекаетъ изъ нашего опредѣленія красоты: *чувственно-воспринимаемой красоты во вѣсѣхъ этихъ случаяхъ тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе требуется сознательная усилія для достиженія наибольшей отчетливости воспріятія*. Такъ, при сочетаніяхъ цвѣтовъ, какъ одновременныхъ, такъ и послѣдовательныхъ, цвѣтъ воспринимается наиболѣе отчетливо въ сосѣдствѣ со своимъ дополнительнымъ цвѣтомъ. Это условіе, очевидно, совпадаетъ съ предрасположеніемъ самой нашей организаци, т.-е. съ наибольшею легкостью воспріятія. Извѣстно, что продолжающееся нѣкоторое время ощущеніе какого-либо цвѣта, по прекращеніи своемъ, сопровождается субъективнымъ ощущеніемъ его дополнительнаго цвѣта. Сочетаніе цвѣтовъ по закону контраста какъ бы идетъ навстрѣчу этому требованію нашего органа зрѣнія, представляя для него внѣшній предметъ воспріятія соответствующимъ его (т.-е. органа зрѣнія) субъективной склонности. Равнымъ образомъ, какъ бы мы ни истолковывали условія консонанса тоновъ, напр. по ученію ли *Гельмольца* или по ученію *Штумпфа*, въ томъ и другомъ случаѣ результатъ съ нашей теперешней точки зрѣнія получится одинаковый. *Гельмольцъ* находитъ источникъ диссонанса въ такъ называемыхъ *біеніяхъ* или *толчкахъ* (*Schwebungen*), которые нарушаютъ непрерывность звука и, нарастая до извѣстнаго числа въ единицу времени, сообщаютъ ему неприятную шероховатость. Очевидно, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ препятствіемъ къ воспріятію тона, какъ единаго цѣлаго, увеличивающимъ усиліе, требующееся для этого воспріятія. *Штумпфъ*, съ своей стороны, главнымъ условіемъ консонанса считаетъ *смѣнаніе* тоновъ, т.-е. опять-таки условіе,

облегчающее воспріятіе ихъ, какъ единого цѣлаго. Условія красоты видимыхъ фигуръ еще не выяснены въ ихъ элементарныхъ основахъ. Но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что эти основы коренятся въ мышечной работѣ нашего органа зрѣнія. Если, напримѣръ, при раздѣленіи горизонтальной линіи намъ всего пріятнѣе симметрія, пріятное же раздѣленіе вертикальной линіи слѣдуетъ другому закону, то это различіе эстетической оцѣнки въ разныхъ направленіяхъ, безъ сомнѣнія, находится въ связи съ различіемъ въ условіяхъ работы глазныхъ мышцъ при горизонтальномъ и вертикальномъ поворотѣ глаза. Я заимствую изъ „Физиологической психологіи“ Вундта слѣдующія относящіяся сюда данныя: если мы пытаемся на глазъ раздѣлить пополамъ вертикальную линію, то обыкновенно дѣлаемъ ошибку въ пользу нижней ея половины на $\frac{1}{16}$, т.-е. нижняя часть оказывается увеличенною, а верхняя уменьшенною. Это объясняется тѣмъ, что нижняя прямая мышца массивнѣе верхней, и, слѣдовательно, для прохожденія равныхъ разстояній, вторая требуетъ большей затраты нервной силы, чѣмъ первая; вслѣдствіе чего, при поворотѣ глаза вверхъ меньшія разстоянія преувеличиваются нашимъ сознаниемъ сравнительно съ поворотомъ глаза внизъ. При раздѣленіи горизонтальной линіи *однимъ* глазомъ, также происходитъ ошибка, а именно внѣшняя ея половина сравнительно съ внутреннею оказывается менѣе на $\frac{1}{40}$; это зависитъ отъ того, что внутренняя глазная мышца массивнѣе внѣшней. Но когда мы смотримъ *обоими* глазами, то ихъ ошибки при раздѣленіи горизонтальной линіи взаимно уничтожаются, и въ *среднемъ* результатѣ видимое раздѣленіе совпадаетъ съ истиннымъ. Безъ сомнѣнія, этотъ фактъ объясняетъ намъ только, почему *дѣйствительная* симметрія иначе оцѣнивается нами въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіи, но не даетъ еще ключа къ различной оцѣнкѣ въ этихъ направленіяхъ *видимой* симметрії. Но я привелъ эти данныя не для такого объясненія во всей его полнотѣ, а лишь въ показаніе того, что уже въ элементарныхъ, простѣйшихъ явленіяхъ движенія

глаза есть различіе въ условіяхъ его работы въ вертикальномъ и горизонтальномъ направленіяхъ, указывающее намъ тотъ *путь*, идя которымъ, психофизиологическое изслѣдованіе, вѣроятно, со временемъ найдетъ и *законъ* красоты дѣленія линіи въ разныхъ направленіяхъ, а слѣдовательно, въ концѣ концовъ, и красоты видимыхъ фигуръ.

Приведенныя условія чувственно-воспринимаемой красоты, очевидно, чрезвычайно ограничиваютъ ея область, устанавливая весьма тѣсный кругъ непосредственно-нравящихся намъ сочетаній зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній. Но когда красота переходитъ въ область представляемаго и воображаемаго, то этотъ кругъ весьма расширяется. Коль скоро то дѣйствительно нужно для наглядной характеристики воображаемаго предмета, живопись допускаетъ любое сочетаніе цвѣтовъ, любую степень неотчетливости въ ихъ оттѣнкахъ, любую диссимметрію въ горизонтальномъ и любое отношеніе размѣровъ въ вертикальномъ направленіи. Въ музыкѣ сохраняютъ болѣе силы требованія чувственной пріятности; но и въ этомъ искусствѣ границы красоты, служащей цѣлямъ выразительности и характеристичности, далеко простираются за границы красоты чувственно-воспринимаемой. Вотъ что говоритъ *Гельмгольцъ* въ своемъ сочиненіи *Die Lehre von den Tonempfindungen*: „Говоря до сихъ поръ въ ученіи о созвучіяхъ о пріятномъ и непріятномъ, мы имѣли въ виду непосредственное впечатлѣніе отдѣльныхъ созвучій на ухо, не принимая во вниманіе художественныхъ контрастовъ и средствъ выраженія, т.-е. говорили о чувственной пріятности, а не объ эстетической красотѣ“. И прибавляетъ далѣе: „Въ какой мѣрѣ отдѣльныя созвучія различаются по степени своей шероховатости,—это зависитъ лишь отъ анатомическаго строенія уха, а не отъ психологическихъ мотивовъ. Но какую мѣру шероховатости, какъ средства музыкальной выразительности, склонны допускать слушатели,—это зависитъ отъ вкуса и привычки; поэтому границы между консонансомъ и диссонансомъ многократно измѣнялись“.

Это освобождающее отъ оковъ непосредственнаго чувственнаго воспріятія вліяніе воображенія достигаетъ особой силы въ искусствѣ поэзіи, которое вращается въ чистой сферѣ воображенія и пользуется чувственнымъ воспріятіемъ лишь какъ средствомъ вспомогательнымъ, а иногда и совсѣмъ не существеннымъ. Когда мы читаемъ романъ, то что остается для насъ изъ непосредственнаго чувственнаго воспріятія? Одни внѣшнія начертанія буквъ, конечно, не имѣющія въ данномъ случаѣ никакого эстетическаго значенія. Вся эстетическая оцѣнка переносится тутъ на чистые продукты воображенія, совершенно отрѣщаясь отъ вопроса о гармоніи цвѣтовъ, фигуръ и звуковъ. Въ этомъ родѣ искусства, въ такъ называемой поэзіи для чтенія, воображеніе одерживаетъ надъ чувственнымъ воспріятіемъ окончательную и рѣшительную побѣду, вовлекая въ область прекраснаго всякое содержаніе, если только оно даетъ пищу эстетическому воображенію.

Такое расширеніе области красоты оставляетъ, однако, въ силѣ ея основной законъ или, правильнѣе сказать, представляетъ собою послѣдствіе того же закона. Красота въ воображеніи остается попрежнему въ области чувственной, только ея чувственный характеръ уже не *непосредственный*, а *воспроизводимый*. Поэтому красота въ воображеніи подчиняется тому же основному условію, при которомъ данный образъ единственно можетъ быть прекраснымъ,—условію цѣльности, непорозненности, удовлетворенности, стало быть, *отсутствія напряженности, сознательнаго усилія*. Этому условію удовлетворяетъ только такой предметъ, въ которомъ нераздѣльно, органически соединены элементы *вещественный и психическій*, т.-е. предметъ *одушевленный*. Эстетическое воображеніе одинаково чуждается и *чистой вещественности* и *чистой духовности*, такъ какъ въ первомъ случаѣ ему предстоитъ нѣчто совершенно непроницаемое для воли, а во второмъ эта воля не имѣетъ наглядной осуществимости. Поэтому вещественное въ искусствѣ необходимо одухотворяется, а духовное онагляживается тѣлесно;

изъ того и другого въ отдѣльности образуется единое, вещественное и духовное вмѣстѣ, иными словами, то, что называется *осуществленнымъ предметомъ*. Все неодушевленное вводится въ область красоты въ воображеніи, а стало быть и въ область искусства, не иначе, какъ проникаясь душою, становясь какъ бы ея *тѣломъ* или *внѣшнимъ выраженіемъ*. Это требованіе одушевленности не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ *непрѣмьннаго олицетворенія* тѣхъ неодушевленныхъ предметовъ, съ которыми имѣеть дѣло искусство. Вовсе нѣтъ необходимости для достиженія поэтической красоты изображать море или солнце, какъ *одушевленные существа* или какъ *движимыя одушевленными существами*. Такое изображеніе есть послѣдствіе извѣстнаго теоретическаго воззрѣнія на природу, а вовсе не элементарнаго, основнаго дѣйствія эстетическаго воображенія. Если для древняго поэта морская буря была произведеніемъ Посейдона, а солнце было Геліосомъ, то это происходило отъ того, что онъ и независимо отъ поэзіи вѣрилъ въ Посейдона и Геліоса. За симъ, когда такая вѣра миновала, то поэтическое олицетвореніе природы сохранилось отчасти, какъ требованіе ложно-классической теоріи (что мы видимъ у *Буало*), отчасти, какъ одно изъ средствъ усиленія поэтическаго эффекта, какъ то нерѣдко допускается и теперешними поэтами, отчасти, наконецъ, какъ наслѣдіе, хранящееся въ языкѣ, который, возникнувъ еще во время господства мифологіи, носить на себѣ еще и теперь слѣды этого происхожденія, когда идетъ рѣчь о природѣ. Но оставляя въ сторонѣ это неизбѣжное влияніе языка, мы можемъ найти множество изображеній природы высокаго поэтическаго достоинства, въ которыхъ вовсе нѣтъ ея олицетворенія. Еще менѣе существенно такое олицетвореніе въ другихъ родахъ искусства. Эстетическое впечатлѣніе отъ пейзажа, конечно, вовсе не обусловлено тѣмъ, что камни, горы или деревья принимаются нами за одушевленные существа; а въ отношеніи музыкальной пьесы или архитектурнаго произведенія даже непонятна самая возможность такого представленія.

То одушевленіе предметовъ искусства, о которомъ у насъ теперь идетъ рѣчь, есть результатъ не теоретическаго міровоззрѣнія, какимъ является такъ называемое олицетвореніе природы, но основнымъ, невольнымъ актомъ эстетическаго воображенія. Сущность этого процесса заключается въ томъ, что всякій предметъ воображенія признается прекраснымъ постольку, поскольку онъ, при всей своей объективности, представляется намъ, какъ *внѣшнее тѣлесное выраженіе или изліяніе нашей души*. Не въ томъ дѣло, чтобы (какъ полагаетъ *Майковъ* въ извѣстномъ своемъ стихотвореніи) для насъ были непременно въ морѣ сирены, въ лѣсу—дріады, а въ ручьяхъ—наяды; если бы въ *этомъ* было условіе поэзіи, то, какъ самъ *Майковъ* справедливо заключаетъ, ея міръ былъ бы „міромъ пустымъ и ложнымъ“, а красота—„блѣднымъ вымысломъ“. Дѣло въ томъ, что *наша собственная душа* поглощается завываніемъ морской бури, трепетаніемъ древесной листвы, кристальною прозрачною и журчаніемъ ручья, какъ бы переливается въ нихъ, отождествляется съ ними и тѣмъ самымъ претворяетъ ихъ, не реально, а въ воображеніи, въ образъ, во внѣшнее тѣлесное изображеніе своихъ настроеній. Если нѣтъ такого перелива нашей души въ созерцаемые нами предметы, то нѣтъ и красоты, сколько бы мы ни придумывали разныхъ сиренъ или дріадъ; и именно въ этомъ переливѣ, дѣйствіи независимомъ отъ какаго бы то ни было теоретическаго взгляда на предметы, и состоитъ ихъ одушевленіе силою эстетическаго воображенія. Безъ него, какъ сказано, нѣтъ красоты, потому что нѣтъ непосредственнаго, цѣлостнаго удовлетворенія души на предметъ ея созерцанія: онъ остается передъ нею въ своей неосиленной внѣшней матеріальности, а она остается передъ нимъ въ своемъ неосуществившемся порывѣ къ внѣшнему выраженію своихъ состояній.

Въ тѣхъ искусствахъ, предметы которыхъ всего болѣе противятся такъ называемому олицетворенію, т.-е. въ музыкѣ и въ архитектурѣ, всего легче прослѣдить основной и элементарный актъ одушевленія этого предмета, именно,

потому, что въ этихъ искусствахъ первичная его матеріальность всего менѣе заслоняется вліяніемъ ассоціаціи представленій. Если взять инструментальную музыку въ ея совершенной чистотѣ, какъ того требуетъ *Гансликъ* и отчасти *Эншель*, т. е. просто, какъ калейдоскопъ тоновъ, не осложненный никакими ассоціированными съ нимъ чувствами и представленіями, то именно въ этомъ калейдоскопѣ и проявляется всего яснѣе первичный и элементарный процессъ одушевленія вещественнаго. *Гансликъ*, какъ извѣстно, рѣшительно возстаеъ противъ приписанія музыкѣ способности выражать опредѣленные чувства и представленія. По его взгляду, красота музыки есть красота собственно ей принадлежащихъ звуковыхъ образований и сочетаній, и всякая прибавка къ ней иного содержанія есть результатъ внѣшней и собственно для музыки, какъ таковой, несущественной ассоціаціи. Но онъ тѣмъ съ большею силою настаиваетъ на *одушевленности* собственно музыкальныхъ образцовъ. Органъ, воспринимающій прекрасное въ музыкѣ, есть, по справедливому его замѣчанію, не *чувство*, а *воображеніе*, и если музыка дѣйствуетъ на чувство, то не иначе, какъ чрезъ посредство этого органа. Но воображеніе, не менѣе чѣмъ чувство, есть психическій, слѣдовательно одушевляющій, факторъ. „Содержаніемъ музыки, — говоритъ *Гансликъ*, — являются одушевленные жизнью, звучащія формы... калейдоскопъ звуковъ есть непосредственное проявленіе художественно-творящаго духа“... „Настаивая на музыкальной красотѣ, — продолжаетъ онъ, — мы не исключаемъ изъ нея духовнаго содержанія, но только оговорили его... звуковыя формы не пусты, но исполнены содержанія; онѣ не просто внѣшняя оболочка какого-то пустого пространства, но духъ, пріобрѣтающій жизнь, и притомъ изъ самого себя“.

Я нарочно обратился въ этомъ случаѣ къ *Ганслику*, какъ къ автору, принадлежащему къ такъ называемымъ *формалистамъ* въ эстетикѣ музыки, полагающимъ центръ тяжести этого искусства не въ порождаемыхъ имъ душевныхъ волненіяхъ, а въ самыхъ звукообразованіяхъ; для болѣе отчет-

ливаго выясненія того, что именно слѣдуетъ подразумѣвать подъ первичнымъ актомъ одушевленія въ искусствѣ. Этотъ актъ не есть послѣдствіе нашего теоретическаго взгляда на природу, но есть элементарный и произвольный актъ нашего воображенія, которое, въ своемъ исканіи красоты, можетъ достигнуть ея, лишь переливая въ мертвую природу оживляющую ее душу.

Этимъ же переливомъ обусловливается красота и *архитектурныхъ формъ*. Вотъ что говоритъ *Липпс* въ своемъ сочиненіи *Raumästhetik und geometrisch-optische Täuschungen*: когда мы смотримъ на колонну, то „форма колонны пріобрѣтаетъ для нашего представленія свое существованіе на основаніи извѣстныхъ механическихъ условій. Она не только есть, но *происходитъ*, и не однажды, но заново въ каждый мигъ. Словомъ, мы дѣлаемъ колонну предметомъ механическаго истолкованія. Что мы поступаемъ такъ, это не есть результатъ нашего произвола, равнымъ образомъ для этого не требуется никакого размышленія, но вмѣстѣ съ воспріятіемъ колонны непосредственно дано и механическое истолкованіе; непосредственно съ воспринимаемымъ связывается представленіе о способѣ, какимъ, согласно нашему тысячекратному опыту, возможно существованіе или сохраненіе такой формы или такого рода пространственнаго существованія. Но къ этому сейчасъ же и безъ дальнѣйшихъ соображеній присоединяется второй фактъ. Механическое событіе внѣ насъ не есть единственное событіе въ мірѣ. Есть еще событіе, которое въ любомъ смыслѣ слова ближе къ намъ, именно событіе въ насъ; и съ этимъ событіемъ въ насъ сравнимо или подобно ему первое изъ указанныхъ событий. Но въ насъ существуетъ склонность смотрѣть на то, что сравнимо, съ одинаковой точки зрѣнія. И эта точка зрѣнія во всѣхъ случаяхъ прежде всего опредѣляется тѣмъ, что къ намъ ближе. Поэтому мы созерцаемъ совершающееся внѣ насъ по аналогіи съ совершающимся въ насъ“... „Всякое механическое событіе,—говоритъ далѣе тотъ же авторъ,—имѣетъ свой опредѣленный

характеръ или свой опредѣленный способъ совершенія. Оно происходитъ или легче, безпрепятственнѣе, или труднѣе и съ преодоленіемъ сильныхъ препятствій; оно требуетъ меньшей или большей затраты „силы“. Тѣмъ самымъ въ насъ возбуждается воспоминаніе о процессахъ, происходящихъ въ насъ самихъ. Въ насъ возникаетъ образъ нашей собственной однородной дѣятельности и съ тѣмъ вмѣстѣ своеобразное самочувствіе, естественно сопровождающее эту дѣятельность. Все это также происходитъ безъ всякой рефлексіи... Существованіе самой колонны, какъ я его воспринимаю, является мнѣ непосредственно и въ самый моментъ его воспріятія, какъ обусловленное механическими причинами; а эти механическія причины представляются мнѣ непосредственно съ точки зрѣнія человѣкоподобной дѣятельности“.

Итакъ, предметъ красоты въ воображеніи есть одушевленная матеріальность или, наоборотъ, матеріализованная, онагляженная душа. Красоты въ этомъ предметѣ тѣмъ болѣе, чѣмъ полнѣе въ немъ слиты духовный и вещественный элементы, чѣмъ вещество въ немъ болѣе одушевлено, а душа болѣе матеріализована. Съ этой точки зрѣнія красота можетъ быть опредѣлена, какъ такое, осуществленное въ искусствѣ, созданіе воображенія, въ которомъ мы созерцаемъ образъ *вполнѣ одухотворенной вещественности*. Для поясненія этого опредѣленія Гегель употребляетъ слѣдующее сравненіе: „Если мы возьмемъ для ближайшаго объясненія человѣческой образъ, то онъ есть .... извѣстная совокупность органовъ... а въ каждомъ изъ его членовъ обнаруживается какая-либо особая дѣятельность и частное отправленіе. Но если мы теперь спросимъ, въ какомъ изъ этихъ отдѣльныхъ органовъ проявляется вся душа, какъ таковая, то мы сейчасъ же укажемъ на глазъ, потому что въ глазу сосредоточивается душа и не только смотритъ посредствомъ него, но и сама видна въ немъ... Въ такомъ смыслѣ можно утверждать и объ искусствѣ, что оно должно превращать являющееся, на всѣхъ пунктахъ его поверх-

ности, въ глазъ, какъ мѣстопребываніе и обнаруженіе души. Или, какъ *Платонъ* восклицаетъ въ извѣстномъ двустишіи: „ты смотришь на звѣзды, звѣзда моя! О, какъ бы я желалъ быть тысячеглазымъ небомъ, чтобы глядѣть на тебя!“ — такъ, наоборотъ, можно сказать объ искусствѣ, что оно превращаетъ каждый изъ своихъ образовъ въ тысячеглазаго *Аргуса*, дабы на всѣхъ пунктахъ явленія была видна душа.

Такое, уже не непосредственно-воспринимаемое, а устанавливаемое дѣйствіемъ эстетическаго воображенія сляніе вещественнаго и духовнаго такъ, чтобы получался образъ, хотя взятый изъ вещественной природы, но насквозь проникнутый и озаренный душою, составляетъ собою процессъ *эстетической идеализаціи* въ широкомъ значеніи этого слова, а результатъ или произведеніе этого процесса, въ томъ же широкомъ значеніи слова, — *эстетическій идеаль*. Эстетическая теорія, которая находитъ именно въ такомъ процессѣ существо искусства и оцѣниваетъ произведенія искусства съ этой точки зрѣнія, можетъ быть названа *эстетическимъ идеализмомъ*. Но всѣ эти термины — эстетическая идеализація, эстетическій идеаль, эстетическій идеализмъ — берутся здѣсь, какъ сказано, въ ихъ широкомъ смыслѣ. Они имѣютъ еще и болѣе узкій смыслъ, который гораздо чаще соединяется съ ними и который явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній.

Предметомъ эстетическаго воображенія, какъ я сказалъ, всегда служить *одушевленное*, такъ какъ только въ одушевленномъ осуществляется требованіе соединенія вещества и души. Но одушевленность предметовъ, съ которыми имѣетъ дѣло искусство, бываетъ двоякая: одни изъ нихъ сами по себѣ не одушевлены, но ихъ образы только *одушевляются нами*, какъ орудія или средства выраженія состояній души; другіе же предметы и сами по себѣ уже одушевлены. Такимъ образомъ, только вторымъ предметамъ, именно животнымъ и людямъ, присваивается собственно наименованіе одушевленныхъ; первые же предметы, какъ-то: небо, горы, море,

растенія, правильнѣе назвать предметами *одушевляемыми*. Это различіе *собственно одушевленныхъ* и *одушевляемыхъ* предметовъ влечетъ за собою весьма важныя эстетическія послѣдствія.

Хотя дѣйствию эстетическаго воображенія могутъ, какъ сказано, подлежать тѣ и другіе предметы, но высшаго своего предѣла оно, конечно, достигаетъ въ отношеніи предметовъ *собственно одушевленныхъ* и, въ частности, *человѣка*, который поэтому является главнымъ, первенствующимъ предметомъ искусства *). Красота предметовъ одушевляемыхъ обуславливается переливомъ въ нихъ состояній и движеній души. Но какъ бы этотъ переливъ ни былъ полонъ, во всякомъ случаѣ тотъ тѣлесный образъ, въ который переливается душа, остается для нашего сознанія чѣмъ-то чуждымъ, не превращается въ *дѣйствительное тѣло* этой души. Когда же предметъ по самой своей природѣ есть такое тѣло, и особенно тѣло человѣческое, то само собою разумѣется, что въ немъ мы находимъ гораздо болѣе послушное орудіе для того сліянія вещественнаго и духовнаго, которое требуется красотою въ воображеніи, чѣмъ въ морѣ, горѣ или деревѣ. Поэтому всякая сколько нибудь развитая и богатая чувствами и настроеніями душа ищетъ своего нагляднаго изображенія по преимуществу въ предметѣ, не одушевляемомъ только, а по самой своей природѣ одушевленномъ и человѣкоподобномъ. Подъ руководствомъ такого стремленія мы, по отношенію къ самимъ одушевленнымъ предметамъ, не довольствуемся уже тѣмъ непосредственнымъ, первичнымъ переливомъ въ нихъ движеній и состояній души, о которомъ было сказано ранѣе, но сознательно централизуемъ ихъ около человѣка или,

---

*) Это первенствующее положеніе человѣка не исключаетъ, конечно, извѣстной самостоятельности и красоты животныхъ, какъ предмета искусства, поскольку въ нихъ, хотя въ болѣе слабой степени, даны тѣ условія красоты, о которыхъ будетъ далѣе рѣчь, въ примѣненіи собственно къ человѣку. Какія изъ этихъ условій и въ какой мѣрѣ могутъ имѣть мѣсто въ животныхъ, легко усматривается изъ дальнѣйшаго изложенія.

по крайней мѣрѣ, человѣкоподобнаго существа. Колонна нравится намъ, потому что ея очертанія непосредственно соотвѣтствуютъ настроеніямъ и ожиданіямъ души. Но этого намъ мало: мы вводимъ колонну въ составъ храма или памятника, уже какъ сознательное средство изображенія нашихъ чувствъ къ Богу—существу человѣкоподобному—или къ человѣку. Если и допустить, что музыка сама по себѣ не способна къ выраженію опредѣленныхъ чувствованій, то въ искусствѣ пѣнія она уже сопрягается съ ними, а, соединяясь съ драмою, является средствомъ усиленія характеристики человѣческихъ личностей. Относительно живописи *Гартманъ* справедливо говоритъ въ своей „Эстетикѣ“: „когда искусство спускается (въ своихъ изображеніяхъ) ниже животной ступени и тѣмъ самымъ лишается возможности наглядно выразить извѣстную индивидуальную идею, какъ присущую самому объекту, то, если оно не желаетъ перестать быть искусствомъ, оно видитъ себя безусловно вынужденнымъ внести въ объектъ субъективно-индивидуальное идейное содержаніе, т.-е. воспользоваться имъ, какъ объективнымъ выраженіемъ субъективно-индивидуальныхъ настроеній и чувствъ. Лишь такимъ путемъ получаютъ, напримѣръ, *nature morte*, живопись цвѣтовъ и ландшафтъ эстетическое право на самостоятельное существованіе“.

Такимъ образомъ, лишь въ изображеніи человѣка дѣятельность эстетическаго воображенія достигаетъ той полноты и того простора, которые допускаютъ всестороннее раскрытіе всѣхъ ея моментовъ. И потому лишь въ примѣненіи къ человѣку раскрывается вполне и та система опредѣленій, въ которой можетъ быть изложено понятіе красоты въ воображеніи, а также понятія *идеализаціи*, *идеала* и *идеализма* приобрѣтаютъ свой тѣсный и точно-опредѣленный смыслъ.

Одушевленность, какъ условіе красоты въ воображеніи, очевидно должна быть въ примѣненіи къ предмету, по самой своей природѣ одушевленному, именно къ животному и чело-

вѣку, дополнена другимъ болѣе частнымъ условіемъ. Если, въ примѣненіи къ такимъ предметамъ, считать одушевленность единственнымъ условіемъ красоты, то придется сказать, что всякое животное и всякій человѣкъ во всѣхъ ихъ состояніяхъ прекрасны, съ чѣмъ, конечно, согласиться было бы невозможно. Поэтому одушевленность этого рода существъ слѣдуетъ считать лишь отрицательнымъ условіемъ ихъ красоты, условіемъ *sine qua non*, въ предѣлахъ котораго должно быть для существованія красоты болѣе частное положительное условіе. Дѣло въ томъ, что одушевленное существо и въ частности человѣкъ отражаетъ въ самой своей душѣ сложность своего вещественнаго состава, вслѣдствіе чего въ самой этой душѣ проявляются нерѣдко разстройство и раздоръ, препятствующіе той непосредственной цѣлостности ея тѣлеснаго образа, безъ которой не можетъ быть красоты. Болѣзни, страданія, страсти, безсиліе воли противъ неодолимыхъ препятствій нарушаютъ цѣлостность душевной жизни и проявляюся вовнѣ въ столь же разстроенныхъ, и слѣдовательно безобразныхъ, тѣлесныхъ образахъ. Сверхъ того, такъ какъ самый вещественный организмъ животныхъ и человѣка въ разной степени одушевленъ, то преобладаніе въ той или другой его части или въ цѣломъ недѣлимомъ отправленій низшихъ, менѣе одухотворенныхъ, надъ высшими служить также источникомъ безобразія. Такимъ образомъ теперь нашу задачу является изысканіе того *ближайшаго* условія, которое создаетъ красоту въ одушевленномъ существѣ и въ особенности въ человѣкѣ.

Красота, которой мы теперь ищемъ, есть красота идеальная или эстетическій идеаль въ тѣснѣйшемъ и высшемъ значеніи этого слова. Для нея уже недостаточно признака одушевленности, какъ такового, такъ какъ въ самихъ душевныхъ состояніяхъ и движеніяхъ одушевленнаго существа проявляются рознь и несогласіе, нарушающія его цѣлостность и приводящія его къ безобразію. Слѣдовательно, для опредѣленія эстетическаго идеала въ высшемъ значеніи этого слова мы должны найти въ самой душѣ выс-

шее единство, примиряющее въ себѣ ея разнородныя влеченія. *Наиллдное изображеніе этого высшаго единства души* и составляетъ собою *эстетическій идеалъ* въ высшемъ и тѣснѣйшемъ значеніи этого слова.

Какое начало или какая сила вносить единство во всю совокупность душевныхъ явленій, а слѣдовательно и во всю жизнь одушевленнаго существа,—это есть одинъ изъ основныхъ вопросовъ философіи. Ни художникъ, представляющій созерцанію людей идеально-прекрасное изображение, ни огромное большинство людей, находящихъ наслажденіе въ такомъ созерцаніи, этого вопроса не рѣшаютъ. Поэтому хотя ничто не препятствуетъ, а многія основанія даже требуютъ изслѣдованія факта эстетическаго идеала во всей глубинѣ его философскаго значенія, но само собою понятно, что не отъ сознанія этого философскаго значенія зависятъ творчество художника и наслажденіе любителей искусства. Мы обязаны предположить, что и художникъ и его публика руководствуются—первый въ дѣлѣ созданія, а вторая въ дѣлѣ созерцанія идеальной красоты—не философскими изслѣдованіями о природѣ одушевленности, но обычнымъ, популярнымъ на нее воззрѣніемъ; и что, стало быть, то высшее единство души, которое составляетъ собою содержаніе эстетическаго идеала, есть нѣчто, открываемое въ душѣ безъ всякой науки, въ предѣлахъ обыкновеннаго, популярнаго на нее воззрѣнія.

Дѣйствительно, не требуется никакой науки, но довольно простаго обыкновеннаго здраваго смысла для того, чтобы постигнуть условіе, при соблюденіи котораго душа, а слѣдовательно и всякое одушевленное существо представляютъ намъ въ наибольшемъ единствѣ или цѣлостности. Наблюдая дѣйствія одушевленныхъ существъ, и въ особенности людей, мы тѣмъ легче составляемъ о нихъ цѣлостное, объединенное представленіе, чѣмъ въ самыхъ этихъ дѣйствіяхъ проявляется болѣе *единообразія* характера. Но *единообразіе* характера есть то же, что *своеобразіе* характера, потому что чѣмъ въ характерѣ менѣе *своего собственнаго*, инди-

видуальнаго отпечатка, тѣмъ болѣе поддается онъ случайнымъ внѣшнимъ импульсамъ, тѣмъ зависимѣе его дѣйствія отъ случайныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и, слѣдовательно, тѣмъ труднѣе найти въ немъ что-либо общее, постоянное, единое. Своеобразіе же характера мы понимаемъ, какъ своеобразіе той внутренней силы, которой мы приписываемъ дѣйствія человѣка, т.-е. его воли. Чѣмъ характеръ своеобразнѣе, т.-е. чѣмъ болѣе въ самыхъ различныхъ условіяхъ дѣятельности сохраняется внутреннее согласіе человѣка съ самимъ собою, тѣмъ *самозаконные* считаемъ мы волю человѣка. Слѣдовательно, доступное всѣмъ и не требующее никакой науки для своего обнаруженія условіе высшаго единства души состоитъ въ самостоятельности или самозаконности воли. Обычный житейскій опытъ показываетъ намъ, что есть люди по преимуществу *инозаконные*, почерпающіе основанія своей дѣятельности внѣ себя, и есть люди по преимуществу *самозаконные*, находящіе въ себѣ самихъ, въ своей собственнй волѣ опору своихъ дѣйствій. Въ людяхъ перваго типа нѣтъ *внутреннюю* основанія для единства ихъ дѣятельности, такъ какъ эта дѣятельность складывается подъ вліяніемъ внѣшнихъ, случайныхъ для души мотивовъ. Напротивъ, люди втораго типа во всѣхъ самыхъ разнообразныхъ положеніяхъ жизни сохраняютъ согласіе съ самими собою, и вся ихъ дѣятельность запечатлѣна рѣзко выраженнымъ индивидуальнымъ своеобразіемъ.

Это внутреннее согласіе самозаконной личности съ самою собою выражается вовсе не во *внѣшнемъ* мірѣ, спокойствіи и счастіи ея жизни. Напротивъ, именно такая личность, которая сама даетъ законъ своей жизни, какъ бы не принимая въ соображеніе ея объективныхъ условій, всего скорѣе придетъ и въ столкновеніе съ этими условіями, которое вовлечетъ ее въ страданія и даже погибель. Но подъ этимъ внѣшнимъ покровомъ страданій и погибели для нашего воображенія сохраняется цѣлостный, объединенный во всѣхъ своихъ чертахъ образъ единообразно дѣйствующей воли, — образъ, отъ котораго зависитъ удовлетворяющее

и, слѣдовательно, въ концѣ концовъ радующее насъ воздѣйствіе всего произведенія искусства. На этой высшей ступени эстетической идеализаціи повторяется тотъ же процессъ, который совершается при переходѣ красоты чувственно-воспринимаемой въ красоту воображенія. Когда чувственно-воспринимаемая красота становится лишь украшеніемъ, лишь средствомъ наглядной характеристики воображаемаго предмета, тогда, какъ было мною объяснено, она подчиняется условіямъ, даннымъ въ цѣломъ предметѣ, и отдѣляется съ точки зрѣнія этихъ условий. Вслѣдствіе того область прекраснаго расширяется, такъ какъ многое, съ точки зрѣнія собственно-чувственного воспріятія безобразное, становится прекраснымъ по своему соотвѣтствію свойствамъ цѣлаго предмета. Общимъ условіемъ принятія этого предмета въ кругъ предметовъ эстетическихъ служить, какъ указано мною далѣе, одушевленіе его силою эстетическаго воображенія, дабы всѣ его свойства стали наглядными изображеніями души. Но затѣмъ оказалось, что въ предметахъ, которые не нами одушевляются, а по самой своей природѣ, суть предметы одушевленные, вслѣдствіе сложности души и ея связи съ различными тѣлесными отправленіями, она сама повергается въ раздоръ, болѣзнь, страданіе, наглядное проявленіе которыхъ безобразно. Для устраненія этого безобразія требуется возвести отдѣльные, порозенныя, борющіяся между собою движенія души къ высшему единству, что достигается тѣмъ, что художникъ изображаетъ ихъ, какъ проявленія или выраженія единой въ себѣ *самозаконной* воли. Если такая цѣль художника достигнута, то борьба страстей, страданіе, даже болѣзнь и смерть теряютъ для нашего воображенія свою самостоятельность, но становятся лишь средствами характеристики даннаго своеобразія воли; тѣмъ самымъ онѣ перестаютъ быть безобразными, но поглощаются въ цѣлостномъ, внутренно-согласномъ съ собою и потому удовлетворяющемъ насъ идеальномъ образѣ. Что, напримѣръ, можетъ быть ужаснѣе и отвратительнѣе сумашествія? Между тѣмъ въ

идеальномъ образѣ *Донъ-Кихота* мы и съ нимъ эстетически примиряемся. Намъ нравится образъ этого безумца, такъ какъ силою творчества художникъ превратилъ безуміе своего героя въ крайній предѣлъ наглядной характеристики общаго типа и направленія его самозаконной воли. Другой примѣръ такой же идеализаціи болѣзненнаго состоянія души представляетъ намъ гетевскій *Торквато Тассо*. Хотя онъ не изображенъ въ той же степени душевноболѣзненнымъ, какъ *Донъ-Кихотъ*, тѣмъ не менѣе его душевное состояніе несомнѣнно во многихъ отношеніяхъ носитъ характеръ патологическій. Но въ *Тассо*, какъ и въ *Донъ-Кихотъ*, душевная болѣзнь не есть нѣчто случайное, нарушающее цѣлостность его образа, а есть лишь перешедшее въ крайность, потерявшее мѣру, общее настроеніе его души. Только типы души у того и другого героя различны: у *Донъ-Кихота* воля направлена къ совершенію рыцарскихъ подвиговъ, у *Тассо* же—къ мощной работѣ художественнаго творчества. Его болѣзненное самопревознесеніе, замкнутость отъ людей, опасливая подозрительность въ отношеніи къ нимъ суть лишь крайніе результаты его духовнаго положенія среди людей, какъ особо-настроеннаго и особо-одареннаго существа.

Его глаза блуждаютъ въ высотѣ;
 Онъ внемлетъ звукамъ, разлитымъ въ природѣ.
 Его душа исторіи и жизни
 Открыта глубоко и широко.
 Разсѣянное собираетъ онъ,
 И чувствомъ жизнь даетъ тому, что мертво.
 Онъ низкое облагородитъ вмигъ
 И уничтожитъ то, что цѣнять люди.
 Своимъ волшебнымъ міромъ окруженъ,
 Блуждаетъ странный человѣкъ и насъ
 Вслѣдъ за собой стремиться заставляетъ.
 Онъ близокъ намъ,—а между тѣмъ далекъ,
 Онъ взоръ въ тебя вперилъ,—а между тѣмъ
 Въ его очахъ—духовное видѣнье.

Такой человѣкъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ жизни—одинокій странникъ между людьми. Но обстоятель-

ства эти далеко не благопріятны. Люди унижаютъ его и въ своей низменной житейской разсудительности не хотятъ признать его *природною* духовнаго превосходства. Вотъ какъ характеризуетъ онъ самъ отношеніе къ нему типическаго представителя этой ходячей разсудительности.

О, вѣрь мнѣ, тщетно духъ себелюбивый
 Надъ завистью возвыситься стремится.
 Прошаетъ онъ другимъ ботатство, знатность
 И почести. Все это, мыслить онъ,
 И я могу имѣть, коль захочу,
 И если счастье будетъ благосклонно.
 Но что другимъ даровано природой,
 Чего нельзя достигнуть ни трудомъ,
 Ни золотомъ, ни силою оружья,
 Что посмѣвается и надъ разсудкомъ,
 И надъ терпѣньемъ, онъ снести не можетъ.
 И онъ во мнѣ признаетъ этотъ даръ?
 Онъ, убѣжденный въ томъ, что милость музъ
 Имъ вопреки возможно получить?
 Онъ, ставящій себя съ поэтомъ рядомъ,
 Когда разсудкомъ мысль его постигъ?
 Скорѣй онъ согласится, чтобы герпогъ
 Ему въ ущербъ мнѣ милость оказалъ,
 Чѣмъ допустить, что бѣдный сирота
 Небеснымъ даромъ—геніемъ украсенъ.

При такихъ условіяхъ равновѣсіе богато-одаренной и въ высшей степени впечатлительной души естественно легко нарушается, и это нарушение равновѣсія, дойдя до извѣстнаго предѣла, проявляется въ аномальныхъ, болѣзненныхъ поступкахъ. Но, служа къ характеристикѣ поэтическаго склада воли, изображеніе этихъ болѣзненныхъ поступковъ не разрушаетъ ея идеальнаго образа. Для того, чтобы еще болѣе выяснить, при какихъ условіяхъ картина душевной болѣзни согласуется или не согласуется съ требованіями эстетической идеализаціи, я въ параллель съ гётевскимъ „Тассо“ укажу на одно новѣйшее произведеніе, въ которомъ также выведенъ даровитый художникъ съ болѣзнен-

ными предрасположеніями души. Въ лицѣ *Клода Лантье* у *Зола* изображенъ художникъ съ гениальною силою творческаго воображенія, съ страстною любовью къ искусству и съ непреклонною энергіей въ трудѣ. Но всѣ эти великіе задатки не приводятъ ни къ какому результату, такъ какъ своихъ великихъ замысловъ *Клодъ* не въ силахъ осуществить. По мѣрѣ того, какъ его работа надъ задуманнымъ имъ произведеніемъ приближается къ концу, она перестаетъ его удовлетворять; онъ, передѣлывая, портитъ ее, вводитъ въ нее странныя, искажающія ее прибавки, и въ концѣ концовъ не только не достигаетъ соотвѣтствующаго его таланту внѣшняго успѣха, но, отчаявшись въ своихъ силахъ, убиваетъ себя. Эта душевная болѣзнь *Клода* не находится ни въ какой необходимой связи съ его художественнымъ талантомъ. Она есть просто случайное съ эстетической точки зрѣнія послѣдствіе наслѣдственнаго порока его организаци, общаго ему съ его братьями *Этьенномъ* (героемъ „Жерминаля“) и *Жаномъ* (героемъ „Человѣка-звѣря“), которые, отличаясь отъ него во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, сходятся съ нимъ лишь въ душевной поврежденности. Здѣсь, въ изображеніи *Клода* мы видимъ уже нарушеніе эстетическаго идеала, такъ какъ безуміе *Клода* есть чисто-внѣшняя, случайная помѣха его волѣ, какъ бы родъ *deus ex machina*, разбивающаго эту волю вдребезги. Получается образъ вполне патологическій, такъ какъ въ немъ не болѣзнь души служитъ къ характеристикѣ ея своеобразія, а, напротивъ, это своеобразіе является лишь средствомъ иллюстраціи того (въ сущности безразличнаго для искусства) положенія, что душевныя болѣзни могутъ передаваться по наслѣдству даже личностямъ высокоодареннымъ.

Смотря по источнику или основанію самозаконности воли, типъ этой самозаконности можетъ быть весьма разнообразенъ; но въ самыхъ общихъ чертахъ онъ представляетъ три главныхъ видоизмѣненія. Человѣкъ можетъ относиться безразлично къ внѣшнимъ условіямъ своего существованія прежде всего по невѣдѣнію, и это состояніе невѣдѣнія въ

его наглядномъ изображеніи составляетъ *первый* видъ эстетической идеализаціи. Образъ ребенка, наивно предающагося радостямъ жизни, безъ сознанія окружающихъ его опасностей, или невинной дѣвушки, не только безпорочной, но и не понимающей, что такое порокъ, вообще такого склада жизни, при которомъ люди, въ простотѣ и тишинѣ своего быта, не знаютъ еще ни раздора, ни борьбы страстей, ни всей той мѣры зла, какая возможна по законамъ природы,—вотъ примѣры такой идеализаціи. Это изображеніе наивности и невинности не должно быть, однако, смѣшиваемо съ изображеніемъ невѣжества, которое, какъ таковое, никакимъ образомъ не можетъ стать предметомъ идеализаціи. Различіе въ настоящемъ случаѣ такое же, какъ въ приведенномъ примѣрѣ съ сумашествіемъ. Сумашествіе можетъ входить въ составъ эстетически-идеальнаго образа, лишь какъ средство характеристики его духовнаго своеобразія, но не какъ самостоятельный предметъ изображенія. Точно такъ же невѣжество, свойственное, напримѣръ, ребенку, не портитъ идеальнаго впечатлѣнія его образа лишь при томъ условіи, если оно вводится въ этотъ образъ для характеристики именно того, что въ немъ *существенно*,—его простодушнаго, чуждаго заботъ и горя погруженія въ свой собственный міръ игры и наслажденія жизнью. Но когда намъ изображаютъ невѣжество въ его собственной самостоятельности, независимо отъ внутренней самобытности души, то оно, какъ и болѣзнь при такомъ же условіи, является нарушеніемъ идеала.

Нужно замѣтить, что именно въ виду этого требованія тщательнаго различенія состоянія невѣдѣнія, какъ содержанія эстетическаго идеала, отъ состоянія невѣжества, которое, какъ таковое, не можетъ служить предметомъ идеализаціи, весьма ограничиваетъ область разсматриваемаго теперь вида эстетической идеализаціи. Требуется великая сила художественнаго творчества для того, чтобы въ изображеніи наивности и невинности соблюсти художественную правду. Самозаконность души, какъ требованіе эсте-

тического идеала, вовсе не есть отрицаніе житейскаго правдоподобія, т.-е. отрицаніе тѣхъ причинъ и условій, при которыхъ она можетъ имѣть мѣсто. Слѣдовательно, и самозаконность наивности и невинности должна быть изображена художникомъ въ такой обстановкѣ, которая дѣлала бы ее правдоподобною. Для насъ понятна и привлекательна шекспировская *Миранда*. Совершенно правдоподобно, что дѣвушка, выросшая въ полномъ уединеніи, подъ руководствомъ мудраго и высоконравственнаго отца, никогда не видѣвшая другихъ мужчинъ, кромѣ него, и имѣвшая случай наблюдать зло лишь въ отвратительномъ образѣ *Калибана*, живетъ въ райскомъ невѣдѣніи бѣдствій, соблазновъ и пороковъ міра. Но если бы *Шекспиръ* изобразилъ душевное состояніе *Миранды* въ современной, получившей обычное воспитаніе дѣвицѣ, то требованія идеализаціи были бы нарушены. Естественное въ *Мирандѣ* невѣдѣніе жизни, служащее къ усиленію впечатлѣнія отъ ея идеальнаго образа, превратилось бы въ непонятное для насъ и ничѣмъ правдоподобно не обоснованное невѣжество, т.-е. послѣднее стало бы самостоятельнымъ предметомъ изображенія и, какъ таковое, оказалось бы безобразнымъ. Даже въ изображеніи дѣтской наивности легко впасть въ преувеличеніе и неестественность. Тѣмъ болѣе ограничены предѣлы того вида идеализаціи, который можно назвать *идиллическимъ*, такъ какъ представить безъ нарушенія правдоподобія наивную и невинную жизнь цѣлаго общества взрослыхъ людей можно, лишь поставивъ ихъ въ условія совершенно исключительныя и трудно осуществимыя не только въ дѣйствительности, но даже въ воображеніи.

Второй и наиболѣе распространенный видъ эстетической идеализаціи имѣетъ своимъ содержаніемъ такую самозаконную волю, которая вступаетъ въ разногласіе съ объективнымъ строемъ жизни уже не по невѣдѣнію, а по сознательному предпочтенію своихъ субъективныхъ влеченій требованіямъ окружающей жизни. Этотъ видъ воли вообще можетъ быть названъ *героическимъ*, и изображеніе его настолько

преобладаетъ въ эпической и драматической поэзіи, что главные дѣятели, выводимые въ ней, обыкновенно и называются *героями*. Для насъ было бы теперь и неисполнимо, и безцѣльно вдаваться въ разсмотрѣніе всевозможныхъ видоизмѣненій идеала героической воли. Я ограничусь лишь указаніемъ на его существенные признаки, такъ какъ иначе самыя границы его могутъ быть понимаемы невѣрно.

Въ смыслѣ обозначенія извѣстнаго вида эстетической идеализации терминъ „героическая воля“ надлежитъ разумѣть болѣе широко, чѣмъ то принято въ обыденной рѣчи. Этотъ терминъ долженъ означать для насъ теперь не только проявленіе воли въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя принято подводить подъ понятіе храбрости или, общѣе, мужества, но вообще такихъ, въ которыхъ обнаруживается самобытность воли, опредѣленіе ея внутреннею особностью, субъективностью дѣятеля. Въ этомъ смыслѣ, обращаясь къ приведенному выше примѣру, мы и гетевского „Торквато Тассо“ подводимъ подъ героическій типъ, хотя онъ не только не совершаетъ никакихъ внѣшнихъ подвиговъ геройства, но въ столкновеніяхъ обыденной жизни обнаруживаетъ даже недостатокъ обычнаго, средняго размѣра мужества.

Съ другой стороны, нельзя, очевидно, расширять понятіе героическаго идеала въ такой степени, чтобы оно обняло собою всякое ясно и отчетливо выраженное субъективное своеобразіе воли. При такомъ расширеніи понятія пришлось бы и *Гарпагона*, и *Плюшкина*, и *Чичикова* отнести къ категоріи идеальныхъ образовъ. Необходимо поэтому понимать ту самозаконность воли, которая составляетъ собою содержаніе героическаго идеала, не только формально, какъ какое бы то ни было субъективное своеобразіе, но ограничить ея понятіе лишь извѣстными родами субъективныхъ влеченій. Самозаконность героической воли заключается не только въ томъ, что воля одушевлена нѣкоторою субъективною цѣлью, которую она осуществляетъ вопреки внѣшнимъ препятствіямъ или даже опасностямъ, но въ томъ, что самая эта цѣль по своему качеству или содержанію есть нѣчто *свое-*

образное, не могущее стать достояніемъ *всякой* индивидуальности, но требующее особыхъ индивидуальныхъ силъ или способностей. Иными словами, понятие самозаконности, предполагаемое героическимъ идеаломъ, исключаетъ изъ области этого идеала *всякую посредственность*, всякаго *средняго* человѣка, но вводитъ въ нее лишь *отборныя, аристократическія* или *царственныя* души, возвышающіяся надъ уровнемъ такъ называемой толпы. Это и понятно, такъ какъ идеальная красота, представляя собою высшую ступень развитія красоты въ воображеніи, должна и предметомъ своимъ имѣть нѣчто такое, что заинтересовываетъ наше воображеніе, приковываетъ его къ себѣ.

Отсюда ясно, почему, напримѣръ, ни *Гарпагонъ*, ни *Чичиковъ* не подходятъ подъ понятие героическаго идеала, такъ какъ это вполне люди толпы, ничего отборнаго или аристократическаго въ себѣ не имѣющіе. Для того, чтобы влеченіе къ богатству могло быть озарено свѣтомъ эстетической идеализаціи, объятая имъ воля должна быть изображена, какъ нѣчто великое, властвующее, покоряющее себѣ людей, напр., какъ воля энергическаго инициатора въ области промышленности и торговли, великаго изобрѣтателя, реформатора *экономическаго быта* и т. под. При этомъ условіи и стремленіе къ богатству, своему или чужому, можетъ стать содержаніемъ героическаго идеала.

Самозаконная воля особо-выдающейся, превышающей обшій уровень личности непременно направляется къ цѣли крупной, значительной, въ осуществленіи или неосуществленіи которой заинтересованъ не только самъ герой, но и окружающее его общество. Герой, въ своей субъективной самобытности, есть какъ бы *малый міръ (микрокосмъ)*, представляющій собою окружающій его *большой міръ (макркосмъ)*. Герой есть выдающійся, рельефный представитель того, что важно, существенно въ окружающемъ его обществѣ, и въ этомъ смыслѣ искусство въ лицѣ своихъ героевъ даетъ живое, наглядное изображеніе важнаго, существеннаго въ общественной жизни. Поэтому *Гегель* совершенно правъ;

предъявляя идеалу требованіе такого *субстанціального со-
держанія*, наполняющаго человѣка, которое обладало бы си-
лою преодолѣть частныя свойства его субъективности; при-
чемъ подъ „субстанціальнымъ содержаніемъ“ именно слѣ-
дуетъ разумѣть существенное, важное для человѣческой
жизни.

Создаваемые искусствомъ наглядные образы представите-
лей человѣчества, конечно, имѣютъ высокую поучительность
и для нашего познанія, и для нашей нравственности. Но
эта поучительность не есть поучительность *теоретическаго
доказательства* или выставленія *нравственнаго образца для под-
ражанія*. То и другое уже выходитъ за предѣлы собственно
эстетической задачи, и художникъ, употребляющій произ-
веденія своего творчества для этихъ цѣлей, перестаетъ быть
художникомъ; онъ становится мыслителемъ и моралистомъ,
и эстетическое достоинство его произведеній при этомъ
необходимо страдаетъ. Идеальный образъ героя поучите-
ленъ для познанія и размышленія, какъ наглядное и скон-
центрированное изображеніе одной изъ существенныхъ сто-
ронъ человѣческой жизни; онъ поучителенъ для нравствен-
ности, какъ дѣйствующій на наше чувство образецъ вели-
кой индивидуальной силы, направленной на важную для че-
ловѣчества задачу. Обращенный въ орудіе доказательства,
онъ понижается до уровня *примѣра* или *иллюстраціи* къ за-
щищаемому авторомъ теоретическому положенію. Но что
же можно доказать посредствомъ примѣра или иллюстра-
ціи? На каждый примѣръ въ области тѣхъ положеній, въ
которой вращается искусство, можно привести примѣръ,
доказывающій противоположное. *Зола* потратилъ главную
часть своей литературной дѣятельности на художествен-
ную иллюстрацію начала наслѣдственности. Но сдѣлалась
ли оттого истина этого начала хотя сколько-нибудь убѣ-
дительнѣе? Конечно, нѣтъ, и совершенно понятно почему.
Всякій легко можетъ себѣ представить, что художникъ съ
равнымъ талантомъ и съ равною степенью правдоподобія
въ состояніи создать рядъ образовъ безъ малѣйшаго въ

нихъ слѣда вліянія закона наслѣдственности въ томъ смыслѣ, какъ этотъ законъ понимается Зола. А между тѣмъ, какое послѣдствіе получалось отъ такой тенденціи писателя въ отношеніи художественнаго достоинства его произведеній? Въ романахъ своихъ Зола изображаетъ несомнѣнно существенныя, важныя стороны и событія современной жизни: напряженную борьбу за власть и общественное вліяніе, лихорадочную жажду обогащенія въ высшихъ слояхъ общества, исключительное и тупое поклоненіе культу земельной собственности въ крестьянствѣ, постоянно угрожающее взрывомъ подземное трепетаніе рабочаго пролетаріата, необузданные порывы чувственности, подъ лицемѣрными покровами потерявшей внутреннее содержаніе семьи и обратившейся въ пустую формальность религіи, наконецъ, разгромъ всего испорченнаго и потерявшаго способность сопротивленія общественнаго тѣла внезапно налетѣвшею войною. Но на этомъ фонѣ, несомнѣнно въ высшей степени пригодномъ для идеальныхъ образовъ, мы ихъ напрасно ищемъ: я разумѣю образы такихъ героевъ, которые настолько крупны, чтобы выразить въ себѣ въ сосредоточенномъ видѣ всю великую силу даннаго общественнаго движенія. Всѣ герои романовъ Зола суть личности мелкія или, въ лучшемъ случаѣ, поврежденныя, не вожди великаго процесса жизни, а его рабы. Вслѣдствіе того не достигается и должная мѣра художественнаго впечатлѣнія, такъ какъ тѣ субстанціальныя силы, которыя составляютъ содержаніе романа, не находя себѣ соответственнаго нагляднаго индивидуальнаго выраженія, остаются въ отвлеченной общности; а это вынуждаетъ автора постоянно и тенденціозно напоминать о нихъ при каждомъ удобномъ случаѣ,—пріемъ, безъ сомнѣнія, нарушающій художественное достоинство произведенія. Такое же постоянное нехудожественное подчеркиваніе тенденціи, постоянное порываніе автора какъ бы объяснять читателю: „вотъ что именно я хочу сказать и внушить тебѣ“, зависящее совершенно отъ такой же причины, проникаетъ собою и послѣднее произведеніе Толстого.

Нравственное возрожденіе, духовное воскресеніе личности, которая легкомысленно и необдуманно скиталась въ мірѣ и внезапно нашла случай опомниться и оглянуться на грѣховность своего существованія,—тема, достойная великаго художника. Но эта тема для своего нагляднаго, истинно-художественнаго изображенія требуетъ и соответствующаго ей героя. Мы должны видѣть и почувствовать въ немъ ту особую индивидуальную силу, которая сдѣлала возможнымъ воскреснуть именно *его*. Между тѣмъ, авторъ обуреваемый тенденціознымъ и антихудожественнымъ желаніемъ *доказать*, именно потому превратилъ и своего героя, да и другія дѣйствующія лица романа лишь въ манекены для доказательства, а изложеніе романа обременилъ постоянными подчеркиваніями и напоминаніями своихъ мыслей вмѣсто того, чтобы отлить эти мысли въ образы, ни въ какихъ подчеркиваніяхъ и напоминаніяхъ не нуждающіеся.

Также отрицательно долженъ быть разрѣшенъ вопросъ и о томъ, существенно ли для идеальнаго образа искусства, чтобы онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ образомъ добродѣтели, т.-е. чтобы онъ имѣлъ значеніе образца для подражанія. Въ понятіи субстанціальной цѣли несомнѣнно всегда дано нѣчто *положительное*, т.-е. нѣкоторое *добро* для общества, и въ этомъ смыслѣ эстетическій идеаль есть идеаль вмѣстѣ съ тѣмъ добрый въ широкомъ значеніи этого слова: въ образѣ этого идеала указывается непременно на нѣкоторое желательное для общества благо. Нужно только имѣть въ виду, что это благо далеко не всегда есть благо во всѣхъ своихъ частяхъ безусловное, но что въ идеалѣ — и именно во внѣшнемъ способѣ его осуществленія — можетъ выражаться нѣчто цѣнное только для извѣстнаго момента историческаго развитія. Напримѣръ, для насъ въ настоящее время вопросъ о согласномъ съ обычаемъ погребеніи родственника не имѣетъ того существеннаго значенія, какое онъ имѣлъ для древняго грека; и потому для современной жизни тема идеализаціи родственной любви требуетъ осуществленія въ другомъ внѣшнемъ обликѣ, чѣмъ то мы находимъ въ „Антигонѣ“. За

этой оговоркою мы можемъ сказать, что содержаніе эстетическаго идеала всегда есть нѣчто положительное или доброе. Но путь къ этому добру не всегда есть путь добродѣтели. Богатство, власть, половая любовь суть блага; они суть блага не только для стремящагося къ нимъ человѣка, но—въ широкомъ смыслѣ этихъ словъ—блага и для общества, такъ, какъ оно не можетъ безъ нихъ жить и развиваться. Но *способы* достиженія этихъ благъ могутъ быть и добрые, и злые. И вотъ, согласно тому, что было сказано ранѣе о героическомъ идеалѣ, я полагаю, что для этого идеала существенно, чтобы герой стремился къ одному изъ такихъ—не этихъ, конечно, только, но и многихъ другихъ благъ, и чтобы въ его стремленіи выражалась *крупная величина* его личности, его *превосходство* надъ толпою; но не существенно, чтобы въ этомъ своемъ стремленіи онъ оказывался личностью нравственною, добродѣтельною. Онъ долженъ быть изображенъ съ тою мѣрою добродѣтелей и пороковъ, не болѣе и не менѣе, какая нужна для наглядной характеристики его мощной, выдающейся индивидуальности. Если художникъ снабдитъ своего героя добродѣтелями, не вытекающими изъ существа дѣла, то можетъ сдѣлать это, лишь введя въ изображеніе несущественныя, нарушающія цѣлостность впечатлѣнія или даже противорѣчащія общему впечатлѣнію прибавки. Такъ именно и получаютъ тѣ холодныя безжизненныя фигуры добродѣтельныхъ людей, надъ которыми смѣялся *Гоголь*. И эта опасность—изъ любви къ своему герою сдѣлать его болѣе добродѣтельнымъ, чѣмъ то согласно съ требованіями искусства—угрожаетъ иногда даже великимъ художникамъ. *Шекспиру* въ его драмѣ „Юлій Цезарь“ не довольно было изобразить *Брута* честнымъ, безкорыстнымъ и убѣжденнымъ бойцомъ за республиканскій строй Рима; авторъ желаетъ, чтобы его героя признали *человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова*. Но такъ какъ для характеристики полноты всечеловѣческихъ достоинствъ *Брута* ходъ событій драмы не представляетъ достаточной широты, и такъ какъ, съ другой стороны, идеаль всечело-

вѣческаго совершенства не согласуется съ образомъ, хотя и честнаго и безкорыстнаго, политическаго убійцы, то автору приходится тенденціозно подчеркивать всечеловѣческія достоинства *Брута*, безпрестанно вкладывая въ его уста разныя моральныя сентенціи, а также старательно, не только подбирая у *Плутарха*, но и всячески усиливая черты незлобія, великодушія и довѣрчивости *Брута*. Вслѣдствіе того, вмѣсто образа мощнаго, рѣшительнаго, сознательно обдумавшаго и пѣли, и практическія средства своего предприятия главы и вожака, политическаго заговора, мы видимъ въ шекспировомъ *Брутѣ* колеблющагося резонера, съ непонятною въ пожиломъ и опытномъ государственномъ дѣятелѣ неумѣlostью въ оцѣнкѣ людей и окружающихъ условий жизни, т.-е. вмѣсто живого образа истиннаго героя—мертвенный образъ ходячей добродѣтели.

Но нужно имѣть въ виду, что сказанное о добродѣтеляхъ идеальнаго героя относится въ равной мѣрѣ и къ его порокамъ, т.-е. что изображеніе его нравственныхъ несовершенствъ и проступковъ или даже преступленій умѣstно лишь въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для характеристики его индивидуальнаго своеобразія. Присочиненіе порока въ видахъ униженія героя такъ же не художественно, какъ присочиненіе добродѣтели въ видахъ его возвеличенія. Пороки и преступленія героя должны объединяться въ его идеальномъ образѣ, какъ такія отступленія его отъ нравственныхъ нормъ, которыя возникаютъ вслѣдствіе доходящей до крайности и превращающейся въ своеволіе самозаконности его воли, а не вслѣдствіе любви къ злу, какъ къ чему-то самостоятельному, самоцѣльному. Напр., борьба за власть и похищеніе ея даже насильственными способами на извѣстномъ уровнѣ общественной культуры являются неизбѣжными, и въ этомъ смыслѣ исторически оправданными средствами врачеванія или, по крайней мѣрѣ, обнаруженія ея несовершенствъ. Поэтому, эстетическая идеализація не уклоняется отъ изображенія мятежниковъ и похитителей власти со всѣми неизбѣжными въ ихъ

положеніи пороками и преступленіями. Шекспировскій *Генрихъ IV* или Пушкинскій *Борисъ Годуновъ* вполнѣ соотвѣтствуютъ требованіямъ такой идеализаціи, такъ какъ ихъ преступленія изображены, хотя и какъ безнравственныя, но естественныя и логическія средства для достиженія поставленныхъ ими себѣ субстанціальныхъ цѣлей. Зло не является для нихъ милымъ само по себѣ; они не только не совершаютъ ненужныхъ жестокостей, но въ глубинѣ души страдаютъ отъ укуровъ совѣсти за совершенныя ими злыя дѣла. Но Шекспировскій *Ричардъ III* уже не соотвѣтствуетъ эстетическимъ идеальнымъ требованіямъ. Съ первыхъ шаговъ драмы онъ прямо высказываетъ, что зло есть для него не средство, а любимая имъ и привлекательная для него атмосфера. Страна успокоилась, Йоркская династія въ лицѣ его брата достигла престола, никакой надобности въ продолженіи усобицы общество болѣе не ощущаетъ. Но ему нечего дѣлать въ это время мира и успокоенія. Уставши отъ смуть, люди предались развлеченіямъ, въ которыхъ онъ, по своимъ физическимъ недостаткамъ, принимать участія не можетъ:

«Вотъ почему, надежды не имѣя
 Въ любовникахъ дни эти коротать,
 Я проклялъ наши праздныя забавы
 И бросился въ злодѣйскія дѣла.»

При такомъ героѣ драма обращается въ простое изображеніе его злодѣйскихъ поступковъ, а какого-либо субстанціального содержанія или, выражаясь общепринятымъ языкомъ, какой-либо „идеи“ въ ней искать нечего.

Итакъ, мы можемъ сказать, что героическій идеаль, будучи проникнутъ положительнымъ, слѣдовательно, въ широкомъ значеніи этого слова *добрымъ*, содержаніемъ, въ лицѣ своихъ героевъ *безразличенъ* къ добродѣтели и пороку, какъ таковымъ, но интересуется ими лишь какъ способами характеристики индивидуальнаго своеобразія героя. Въ героѣ важенъ не его *моральный*, а его *микросмическій* характеръ, т. е. его выдающаяся способность сосредоточивать

въ себѣ и наглядно показывать собою великія, важныя, субстанціальныя стороны жизни. При отсутствіи такой способности самый добродѣтельный человѣкъ не можетъ стать предметомъ эстетической идеализаціи. Въ романахъ *Диккенса* передъ нами проходитъ цѣлый сонмъ добродѣтельныхъ личностей; но онѣ лишены идеальности, такъ какъ въ нихъ нѣтъ превосходства надъ толпою, нѣтъ способности быть выдающимися представителями человѣчества. Съ другой стороны, къ числу идеальныхъ съ эстетической точки зрѣнія образовъ мы относимъ *Коріолана*, хотя онъ впадаетъ въ тяжелое преступленіе измѣны отечеству, такъ какъ онъ является центральной и крупною фигурою въ актѣ великой общественной борьбы,—фигурою, относительно которой, при всѣхъ ея нравственныхъ несовершенствахъ, остается справедливымъ обращенное къ врагамъ *Коріолана* восклицаніе его матери:

«Насколько Капитолій

Превышаетъ римскія лачужки,

Настолько онъ, изгнанникъ, выше васъ!»

Какъ индивидуальная значительность эстетически-идеальнаго героя не должна быть отождествляема съ добродѣтелью, такъ не слѣдуетъ отождествлять ее непременно и съ тѣми свойствами, которыя доставляютъ человѣку знаменитость или славу. Основное свойство героя есть самозаконная, т. е. исходящая изъ нѣдръ его собственной индивидуальности, воля, при томъ показуемая или изображаемая въ наглядныхъ, отчетливо уловимыхъ воображеніемъ поступкахъ. Но человѣкъ можетъ обладать особыми, даже исключительными дарованіями, которыя оставляютъ великій слѣдъ въ исторіи и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствуютъ въ области, находящей себѣ мало нагляднаго выраженія. Великій ученый или государственный дѣятель въ событіяхъ своей видимой жизни можетъ ничѣмъ не выдаваться изъ толпы самыхъ обыкновенныхъ людей; а то, что онъ изобрѣлъ новый приѣмъ математическаго изслѣдованія, или сочинилъ уставъ, по которому будутъ жить и дѣйствовать даже

отдаленные его потомки, невозможно изобразить наглядно. Съ другой стороны, дѣйствія человѣка, не оставляя по себѣ историческаго слѣда, могутъ столь наглядно выражать его своеобразное, самозаконное отношеніе къ нѣкоторой важной житейской цѣли, что онъ самъ собою естественно напрашивается стать предметомъ эстетической идеализаціи. Послѣднее замѣчаніе относится вообще къ эмоціональной сторонѣ человѣческой жизни и въ частности и въ особенности къ любви во всѣхъ ея видахъ и послѣдствіяхъ. Любовь, какъ главная, основная связь человѣка съ человѣкомъ, имѣетъ своихъ самозаконныхъ героевъ, образы которыхъ, именно какъ таковыхъ, сохраняются чрезъ художественную идеализацію. Для того, чтобы не вдаваться въ чрезмѣрные подробности, я не буду распространяться о томъ матеріалѣ, который собранъ въ искусствѣ для увѣковѣченія въ образахъ главныхъ и второстепенныхъ героевъ, какъ главнаго или второстепеннаго момента ихъ идеализаціи, различныхъ видовъ любви—родительской, дѣтской, супружеской, братской, наконецъ, основанной на дружбѣ лицъ, несвязанныхъ родствомъ. *Ахиллъ* въ его отношеніяхъ къ *Патроклу*, *Пенелопы*, *Антигона*, *Орестъ* и *Пиладъ*, *Электра*, *Ифигенія*, *Корделия*, *Горацио* въ его отношеніяхъ къ *Гамлету*,—эти вполнѣ вымышленныя или нѣкоторыя изъ нихъ, по меньшей мѣрѣ, сомнительнаго историческаго существованія лица для нашего воображенія стоятъ дѣйствительной исторіи, хотя ихъ значеніе никакъ не опредѣляется обычнымъ историческимъ мѣриломъ. Они суть выдающіеся представители человѣчества не въ наукѣ, не въ искусствѣ, не въ промышленности, не въ законодательствѣ, даже не въ военномъ дѣлѣ, если не считать за такое подвиги единоличной удали и силы, но въ томъ, что глубже, важнѣе, субстанціальнѣе для человѣчества, — въ связующей его любви. Я имѣю въ виду, именно для лучшей характеристики эстетическаго идеала, остановиться лишь на одномъ и главнѣйшемъ—по крайней мѣрѣ для новаго искусства—видѣ любви, именно любви половой, которую

обыкновенно предпочтительно именуютъ терминомъ „любовь“. Въ своей естественной, животной основѣ, какъ похоть, направленная на недѣлимое другого пола, этотъ видъ любви имѣетъ субстанціальное значеніе для всѣхъ высшихъ животныхъ, и потому на этой своей ступени онъ если и есть предметъ искусства, то такого, въ которомъ человѣкъ еще не отдѣляется отъ животныхъ. Для того, чтобы изображеніе половой любви сопряглось съ эстетическою идеализаціею именно человѣка, какъ такового, необходимо, чтобы сама половая любовь очеловѣчилась, т. е. прониклась особенностями, возвышающими человѣка надъ животными. Для такого очеловѣченія половой любви требуется, чтобы въ человѣческомъ обществѣ возникли извѣстныя внѣшнія и внутреннія преграды непосредственному влеченію сладострастія, извѣстныя правовыя и нравственныя нормы, съ которыми должны считаться существа обоого пола въ своемъ естественномъ взаимномъ влеченіи. Въ составъ искусства, имѣющаго своимъ предметомъ *человѣка* въ его *человѣческихъ* особенностяхъ, половая любовь входитъ лишь при томъ условіи, если въ процессъ ея возникновенія и развитія ей необходимо сообразоваться съ этими ограничивающими ее правовыми и нравственными нормами; и своеобразное, самозаконное отношеніе данной личности къ этимъ нормамъ дѣлаетъ ее пригоднымъ героемъ такого художественнаго произведенія, одушевляющимъ началомъ или пафосомъ котораго служить любовь. Одно возмущеніе половой чувственности противъ ограничивающихъ ее нормъ еще не составляетъ того самозаконнаго къ нимъ отношенія, которое требуется для эстетическаго идеала, такъ какъ половая чувственность, какъ таковая, обща человѣку съ животными, и, стало быть, ея изображеніе не есть изображеніе того, что принадлежитъ спеціально человѣку. Предметомъ эстетической идеализаціи можетъ быть лишь такая любовь, которая, если она даже и возстаетъ противъ поставленныхъ ей нормъ, то во имя ихъ недостаточной человѣчности, во имя того, что сами онѣ подъ видомъ стѣсненія половой

распущенности стѣсняють какое-либо специфически - чело-
вѣчное стремленіе. Герои и героини любви, дѣйствительно
достойные идеализаціи, суть выдающіеся представители
человѣчества въ смыслѣ стремленій и дѣйствій, хотя не всегда
согласныхъ съ моральными требованіями, но всегда касаю-
щихся важной, субстанціальной для челоуѣчества стороны,
въ тѣхъ нормахъ, которыми управляются половыя отноше-
нія. Вслѣдствіе того, для эстетической идеализаціи любви
требуется, чтобы она была не только господствующею,
всеподчиняющею страстью даннаго героя, но чтобы основа-
ніе такого ея господства заключалось не въ животной похо-
ти и не случайномъ сочетаніи внѣшнихъ обстоятельствъ,
игрушкою котораго сдѣлался герой, а въ глубокихъ, ко-
ренныхъ свойствахъ его своеобразнаго и возвышающагося
надъ обычнымъ уровнемъ характера. Тѣ обстоятельства,
что взаимное влеченіе двухъ молодыхъ людей встрѣтило
препятствія, приведшія ихъ къ страданіямъ и гибели;
что добродѣтельная жена, оклеветанная передъ мужемъ,
сдѣлалась жервою его ревности; что юноша, влюбленный въ
чужую невѣсту и впослѣдствіи жену, кончилъ жизнь само-
убійствомъ,—еще недостаточны, чтобы на этомъ фонѣ воз-
никли идеальные образы *Ромео*, *Отелло* или *Вертера*. Ихъ
идеализація имѣетъ свой корень не въ случайностяхъ окру-
жающей ихъ жизни, а въ глубокихъ основахъ ихъ соб-
ственныхъ далеко не заурядныхъ характеровъ, къ проявле-
нію которыхъ случайныя сочетанія обстоятельствъ даютъ
лишь внѣшніе поводы. Всѣ названные герои, при различіяхъ
въ характерахъ и житейскихъ положеніяхъ, сходны между
собою въ *двухъ* отношеніяхъ. Во-первыхъ, всѣ они суть
личности выдающіяся въ сонмѣ окружающихъ ихъ лицъ:
Ромео даже врагомъ его рода характеризуется, какъ гордость
своего роднаго города; *Отелло*—знаменитый воинъ и полко-
водецъ; относительно же *Вертера*—независимо отъ общаго
впечатлѣнія, производимаго его образомъ въ романѣ, — до-
вольно указать на то, что онъ въ значительной степени
является изображеніемъ, хотя и временнаго, состоянія ду-

ши самого *Гёте*,—а *Гёте*, конечно, не могъ изобразить свою душу въ чемъ-нибудь заурядномъ. Во-вторыхъ, въ *Ромео* и *Вертеръ* любовь, а въ *Отелло* производная ея — ревность, суть страсти, возникшія хотя и по случайному толчку, но какъ демоническія силы, только ждавшія этого толчка для своего обнаруженія и, разъ обнаруженныя, захватившія всѣ помыслы и волю даннаго героя. Такимъ образомъ, для разсматриваемаго теперь типа эстетической идеализаціи требуется также соблюденіе общаго ея условія — способности избраннаго для нея героя быть представителемъ той субстанціальной цѣли, которой несомнѣнно служить владѣющая имъ страсть.

По поводу этихъ приведенныхъ мною примѣровъ слѣдуетъ, конечно, также принять въ соображеніе, что идеализація любви въ той же мѣрѣ не имѣетъ въ виду нравоучительной цѣли, какъ и прочіе типы эстетической идеализаціи. Значеніе идеальныхъ образовъ героевъ любви или ревности есть также не морально-назидательное, а *микромикроскопическое*. Великая, властная и неизмѣримо-важная для человѣчества сила половой любви также показуется намъ въ этихъ герояхъ въ сосредоточенномъ и односторонне-господствующемъ видѣ, какъ въ герояхъ другихъ типовъ показуются намъ въ такомъ же видѣ другія категоріи общественныхъ силъ. *Вертеръ* есть также представитель человѣчества въ области любви, какъ *Торквато Тассо* — въ области поэтически-настроенной воли. Если *Вертеръ*, равно какъ *Ромео* и *Отелло* изображаются людьми нравственно-чистыми, то основаніе для того не моральное, а эстетическое. Способность увлеченія любовью и ея послѣдствіемъ—ревностью личности порочной является функциею ея порочности, т.-е. лишается своей самозаконности, и вмѣсто образа героя любви передъ нами является патологическій образъ распутника. Вотъ почему для приведенныхъ выше идеальныхъ изображеній избраны лица нравственно-порядочныя. Но можно привести примѣры такихъ типовъ половой любви, для идеальной характеристики ко-

торыхъ эстетически допускается и даже требуется порокъ. Наиболѣе извѣстнымъ примѣромъ можетъ служить многократно использованный искусствомъ образъ *Донъ-Жуана*. Если *Донъ-Жуанъ* представляется намъ просто ловкимъ развратникомъ, какъ, напр., у *Байрона*, то онъ выпадаетъ изъ сферы эстетической идеализаціи. Но если въ немъ дается намъ представитель одной изъ положительныхъ и субстанціальныхъ сторонъ половыхъ отношеній, то образъ его остается идеальнымъ, и присущіе ему пороки служатъ лишь для его художественной характеристики. Любовь, не только въ смыслѣ животной похоти, но и въ смыслѣ любви человѣческой, одухотворенной, есть влеченіе въ главной своей части безотчетное, очень мало основанное на сознательной оцѣнкѣ достоинствъ своего предмета. Другими словами, способность привлекать къ себѣ любовь въ основѣ своей не опредѣляется нравственными или умственными достоинствами человѣка. Въ чемъ именно основной первоисточникъ этой способности,—этого труднаго и сложнаго вопроса я не намѣренъ теперь касаться. Я желаю только установить тотъ фактъ, что въ духовной и физической природѣ человѣка существуетъ извѣстная, трудно поддающаяся анализу совокупность свойствъ, дѣлающая человѣка, въ значительной степени независимо отъ сознательной оцѣнки его достоинствъ, болѣе или менѣе способнымъ вызывать къ себѣ безотчетную страсть половой любви. Выдающіеся представители человѣчества въ обладаніи такую способностью, въ виду ея субстанціального значенія, могутъ служить предметами эстетической идеализаціи, и болѣе типичнымъ въ этомъ отношеніи является образъ *Донъ-Жуана*. Для художественной характеристики этого героя не только нѣтъ достаточнаго основанія, но и совершенно не цѣлесообразно превращать его въ мелкаго развратника, прибѣгающаго къ разнымъ искусственнымъ и случайнымъ уловкамъ для удовлетворенія своей чувственности. Въ такихъ пріемахъ *Донъ-Жуанъ* не нуждается, такъ какъ и безъ нихъ вся совокупность его свойствъ обезпечиваетъ за нимъ

успѣхъ въ дѣлѣ возбужденія любви. Но такъ какъ эта совокупность свойствъ отражается въ своеобразномъ направленіи воли *Донъ-Жуана*, то онъ необходимо является лицомъ порочнымъ, злоупотребляющимъ въ ущербъ нравственности своими природными преимуществами и потому столь вредоноснымъ, что требуется даже вмѣшательство сверхъестественной силы для тѣго, чтобы стереть его съ лица земли. Здѣсь порокъ, какъ въ другихъ случаяхъ сумашествіе, смерть, преступленіе, служатъ законнымъ средствомъ характеристики идеальнаго образа и есть новое свидѣтельство того, что эстетическая идеализація преслѣдуетъ задачу не морально-поучительную, а микрокосмическую.

Итакъ, резюмируя все сказанное о героической идеализаціи, я считаю себя въ правѣ установить то положеніе, что, изображая самозаконную волю въ ея состояніи противоположенія окружающимъ условіямъ жизни, она тѣмъ самымъ изображаетъ выдающихся представителей челоуѣчества въ ихъ состязаніи за субстанціальныя цѣли жизни, причемъ: 1) способъ осуществленія этихъ цѣлей можетъ измѣняться сообразно развитію общественной культуры; 2) въ этихъ выдающихся представителяхъ челоуѣчества важень именно ихъ микрокосмической, а не морально-поучительный характеръ, и 3) эта важность далеко не всегда совпадаетъ съ историческимъ значеніемъ дѣятельности героевъ.

Для того, что я считаю *третьею* ступенью эстетической идеализаціи, трудно найти вполнѣ соотвѣтственный терминъ. Вообще говоря, она является столь же необходимою для восполненія недостаточности героическаго идеала, какъ героическій идеаль является необходимымъ для восполненія недостаточности первой ступени эстетической идеализаціи. Процессъ эстетической идеализаціи состоитъ въ одушевленіи вещественнаго, а по отношенію къ тѣмъ предметамъ, которые уже по природѣ одушевлены, въ дальнѣйшемъ одухотвореніи или объединеніи ихъ чрезъ образъ самостоятельной или самозаконной воли. Такою, какъ объ-

яснено ранѣе, воля бываетъ, во-1-хъ, по наивному невѣдѣнію окружающихъ ея внѣшнихъ условій, и это состояніе наивнаго невѣдѣнія составляетъ собою содержаніе первой ступени эстетическаго идеала. Но такъ какъ состояніе наивнаго невѣдѣнія, будучи лишь первою, такъ сказать, эмбриональною ступеню развитія воли, само не имѣетъ въ индивидуальной жизни прочнаго положенія, то, во-2-хъ, самозаконная воля опредѣляется, какъ ея протестъ или борьба противъ окружающихъ условій жизни, и этотъ видъ самозаконности составляетъ содержаніе второй ступени развитія идеала—идеала героическаго. Но протестъ или борьба необходимо нарушаютъ до извѣстной мѣры внутреннее единство воли. Тотъ, кто борется, при всей своей самозаконности, тѣмъ самымъ необходимо подпадаетъ закону, управляющему предметомъ его борьбы. Невозможно бороться за власть, за устраненіе преградъ къ любви, не признавая силы богатства, власти и любви, слѣдовательно, не сообразуя свою волю съ ихъ внѣшними для нея законами. При этомъ сущность дѣла очевидно не измѣняется отъ того, падетъ ли герой или восторжествуетъ въ этой борьбѣ. Если произойдетъ первое, то, значить, внѣшнія силы неблагоприятствовали герою, если второе, то, значить, онѣ ему благоприятствовали; но отрицать ихъ значеніе ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ онъ, очевидно, не можетъ. Поэтому идеальная красота, принадлежащая образу героя, есть во всякомъ случаѣ красота неполная, такъ какъ въ нее вторгается внутренній раздоръ—стало быть, безобразіе—дѣйствительности. Требования эстетической идеализаціи простирается далѣе *этой* красоты. Если эстетическая идеализація совершается чрезъ наглядное изображеніе самозаконной воли, какъ всеобъединяющаго начала, то эта воля должна быть дѣйствительно внутренне-единою, всепримиряющею, восходящею надъ влеченіями борьбы и раздора. Такая воля и составляетъ собою содержаніе *третьей* и высшей ступени эстетическаго идеала.

Здѣсь мы вступаемъ на такую почву, на которой одинъ

- неосторожный шагъ можетъ увлечь ученіе о красотѣ въ область ему чуждую. Легко дать предыдущему разсужденію слѣдующій оборотъ: борьба есть удѣлъ чловѣка; слѣдовательно, говоря о такой красотѣ, условіемъ которой служить возвышеніе надъ борьбою, мы говоримъ, повидимому, уже о какой-то красотѣ сверхчловѣческой, принадлежащей существу, возносящемуся надъ ограниченностью чловѣческой природы. Отсюда легко переходъ къ *двумъ* заблужденіямъ, въ которыя нерѣдко дѣйствительно впадали и впадаютъ эстетики-идеалисты: одно изъ этихъ заблужденій есть заблужденіе *отвлеченнаго эстетическаго идеализма*, другое же состоитъ въ *подчиненіи* эстетическаго идеала *идеалу религіозному*.

Если высшая идеальная красота можетъ принадлежать лишь существу, стоящему выше ограниченій чловѣческой природы, то, разсуждая послѣдовательно, мы должны признать носителемъ вполнѣ совершенной красоты Бога. Въ этомъ предположеніи и заключается такъ называемый *отвлеченный эстетическій идеализмъ*, для котораго надъ нашею, ограничленною, несовершенною красотою стоитъ высшая Божественная красота, относящаяся къ нашей красотѣ, какъ *красота въ себѣ* къ красотѣ, *являющейся намъ* въ образѣ помутненномъ и искаженномъ. „Отвлеченнымъ“ этотъ идеализмъ называется потому, что въ своемъ опредѣленіи эстетическаго идеала онъ отвлекаетъ отъ тѣхъ чувственныхъ условій, при которыхъ дана наша, чловѣческая, красота. Но при этомъ неизбѣжно возникаетъ вопросъ, не сопровождается ли такое отвлечение вообще отвлеченіемъ отъ всякаго условія опредѣленности въ понятіи красоты. Богу можетъ быть приписанъ атрибутъ красоты въ двоякомъ смыслѣ. Во-1-хъ, мы можемъ считать Бога прекраснымъ, какъ предметъ *нашего* созерцанія. Но такъ какъ непосредственнаго, чувственнаго созерцанія Бога, какъ такового, мы не имѣемъ, то порождаемые искусствомъ образы Бога всегда почерпаются изъ нашей чувственно-воспринимаемой природы, и слѣдовательно, какъ бы художественное достоин-

ство имъ не принадлежало, въ нихъ мы имѣемъ дѣло не съ особою, божественною, а съ нашею, человѣческою красотою. Во-2-хъ, можно считать Бога прекраснымъ въ его собственномъ существѣ, т.-е. какъ предметъ его собственнаго *самосозерцанія*. Но такъ какъ для воспроизведенія въ себѣ такой способности Божескаго самосозерцанія человѣку нужно самому стать Богомъ, то эта собственная красота Бога намъ совершенно недоступна, и стремиться къ ней въ области искусства, очевидно, невозможно. Конечно, можетъ возникнуть вопросъ, не имѣетъ ли такое понятіе по крайней мѣрѣ *руководящаю* для насъ значенія, т.-е., не будучи само осуществимо въ чувственномъ образѣ, не даетъ ли оно намъ мѣрила для эстетической оцѣнки всякаго образа. Но даже и такого значенія это понятіе имѣть не можетъ, и вотъ на какомъ основаніи. Въ Богѣ мы мыслимъ существо всесовершенное, въ которомъ снята всякая ограниченность нашей природы, т.-е. въ которомъ все то, что въ насъ раздѣльно, не примирено, находитъ свое объединеніе и примиреніе. Слѣдовательно, въ Богѣ мыслится разрѣшеннымъ не только различіе частныхъ эстетическихъ опредѣленій красоты и безобразія, но и общее различіе эстетической области отъ другихъ областей человѣческаго духа. Существованіе самой художественной способности, какъ отличной отъ познанія и нравственности, есть послѣдствіе человѣческой ограниченности, которой въ Богѣ мы допустить не можемъ. Въ немъ нѣтъ различія художника, мыслителя и моралиста съ ихъ, хотя плодотворною для человечества, но все же свидѣтельствующею объ ограниченности его природа, односторонностью. Слѣдовательно, сила того регулятивнаго понятія, какимъ предполагается понятіе красоты Бога, слишкомъ велика для эстетической области; эта сила уничтожаетъ опредѣленные границы послѣдней и сливается еѣ вмѣстѣ съ другими высшими областями человѣческой дѣятельности въ такое безразличіе, которое упраздняетъ возможность какой-либо человѣческой оцѣнки. Какъ всякая мѣра времени и пространства исчезаетъ по срав-

ненію съ вѣчностью и безконечностью, такъ исчезаетъ и всякая мѣра нашей истины, нравственности и красоты передъ тѣмъ, что ихъ безмѣрно превосходитъ.

Итакъ, эстетическій идеализмъ непременно долженъ быть не отвлеченнымъ, а *конкретнымъ*, т.-е. никакъ не упускать изъ виду того, что содержаніе идеала можетъ быть почерпаемо лишь изъ чувственной области, что основнымъ условіемъ всякой, даже идеальной, красоты служить ограниченіе ея міромъ явленій. Но если высшею ступеню идеальной красоты нельзя считать красоту, принадлежащую самому Богу, то является вопросъ, не слѣдуетъ ли искать ея въ *единеніи чловѣка съ Богомъ*, т.-е. въ области *религіозной*, въ подчиненіи эстетическаго идеала началу религіозному. На высшей ступени идеализаціи воля должна быть изображена, какъ всепримиренная, свободная отъ внутренняго раздора. Но такого состоянія примиренности воля именно и достигаетъ чрезъ религіозное настроеніе. Поэтому естественно возникаетъ предположеніе, не должно ли искать высшей идеальной красоты въ искусствѣ, посвященномъ на служеніе цѣлямъ религіознымъ. Предметомъ такого искусства служить уже не Богъ, какъ таковой, но *Богъ въ чловѣкѣ*.

Здѣсь мы, очевидно, сталкиваемся съ вопросомъ, подобнымъ тому, какой имѣлъ мѣсто при разсмотрѣннн героическаго идеала. Какъ тамъ возникало притязаніе лишить эстетическій идеаль его самостоятельности чрезъ подчиненіе его цѣли научной или нравоучительной, такъ тутъ возникаетъ притязаніе на лишеніе его самостоятельности во имя цѣли религіозной. Правильное освѣщеніе вопроса и въ настоящемъ случаѣ приводитъ къ отклоненію такого покушенія на самостоятельность эстетическаго идеала и къ установленію того положенія, что искусство также не есть слуга религіи, какъ оно не есть слуга научнаго доказательства и нравственнаго назиданія.

Если отождествлять всякую примиренную, избавившуюся отъ внутренняго раздора волю съ волею настроенною ре-

лигіозно, то содержаніемъ высшей ступени эстетическаго идеала окажется исключительно состояніе *святости*. Святая воля можетъ, конечно, быть предметомъ художественнаго изображенія. Но собственно изъ этого факта такъ же мало можно выводить заключеніе о религіозномъ характерѣ высшей ступени эстетическаго идеала, какъ мало можно доказывать моральную поучительность героическаго идеала тѣмъ обстоятельствомъ, что герой можетъ быть личностью добродѣтельною. Я объяснялъ уже, что добродѣтели и пороки героя въ дѣлѣ его художественнаго изображенія важны не сами по себѣ, а какъ средства характеристики его своеобразной воли. Слѣдовательно, и по отношенію къ святости мы должны опредѣлить, въ ней ли самой заключается средоточіе художественнаго значенія даннаго изображенія, или же она служитъ въ этомъ изображеніи лишь средствомъ характеристики.

Изображеніе воли отъ внутренняго раздора можетъ происходить лишь такимъ путемъ, что тѣ цѣли, ради которыхъ борется герой и ради которыхъ онъ самъ долженъ, въ интересахъ именно этой борьбы, подчиняться внѣшнимъ для себя законамъ, выясняются для него, какъ имѣющія лишь преходящее, условное значеніе передъ чѣмъ-то болѣе субстанціальнымъ. Важны богатство, власть, любовь во всѣхъ ея видахъ; важно погруженіе въ искусство, въ науку, въ заботы объ успѣхахъ общественной культуры,—но есть *нѣчто*, передъ чѣмъ важность ихъ упраздняется; есть та великая пучина, по отношенію къ которой эти волнующія людей силы отражаются лишь мелкою, преходящею рябью на ея поверхности. Это нѣчто есть то, что пребываетъ при смѣнѣ недѣлимыхъ, изъ нѣдръ чего выдѣляется — въ нѣдра чего возвращается каждое недѣлимое,—т.-е. *природа*. Всякая борьба самозаконной индивидуальной воли есть въ сущности борьба съ природою, и эта борьба фактически всегда кончается побѣдою природы, такъ какъ недѣлимое исчезаетъ, а природа остается въ своей незыблемости. Поэтому, если въ индивидуальной борьбѣ и вообще въ инди-

видуальныхъ стремленіяхъ есть смыслъ, то лишь при томъ условіи, что эти стремленія, кромѣ фактическаго, *реально* результата, даютъ результатъ *идеальный*, т.-е. что хотя *реально* природа всегда побѣждаетъ недѣлимое, но дѣятельность послѣдняго оставляетъ прочный *идеальный* слѣдъ въ самой побѣдившей его природѣ. И только такое убѣжденіе вносить въ сознательную волю недѣлимаго то высшее примиреніе воли, которое составляетъ содержаніе высшей ступени эстетическаго идеала. Къ обоснованію и укрѣпленію такого убѣжденія служатъ и религія, и философія, и при томъ каждая *своимъ особымъ способомъ*, такъ что всякому понятно, что религія не есть философія, а философія не есть религія. Поэтому вполне законно и естественно предположить, что и искусство на высшей ступени идеализаціи служитъ такому убѣжденію *своимъ собственнымъ, ему же, а не религіи, принадлежащимъ способомъ*. И дѣйствительно, для высшей эстетической идеализаціи совершенно несущественно именно то, что для религіознаго вѣрованія составляетъ главное. Если я вѣрую въ Бога, какъ въ высшаго руководителя моей воли, то основное свойство такой вѣры заключается въ непоколебимомъ убѣжденіи въ ея объективной истинѣ. Но если искусство изображаетъ меня, какъ вѣрующаго и достигающаго черезъ вѣру умиротворенія моей воли, то для него важна не объективная истина моего вѣрованія, а лишь *истина моего изображенія*, важень соответствующій состоянію моей вѣрующей души *наглядный образъ* моихъ положеній и дѣйствій. Стало быть, мы оцѣниваемъ произведеніе искусства не по степени его собственной назидательности въ смыслѣ религіозной истинности, а лишь по степени нагляднаго изображенія состоянія убѣжденія въ этой истинности. Мы перемѣщаемся въ изображаемую намъ искусствомъ вѣру *не вѣрую, а воображеніемъ*, и въ этомъ-то и состоитъ существенная разница между настроеніемъ эстетическимъ и религіознымъ. Конечно, вполне возможно и очень часто бываетъ въ жизни, что мы перемѣщаемся въ изображеніе искусства и воображеніемъ, и вѣрою; тогда

можно сказать, что эстетическое воздѣйствіе отъ произведенія искусства *соединяется* съ воздѣйствіемъ религіознымъ. Но оба рода воздѣйствія, хотя и соединенныя, остаются, однако, различными. Они въ такой мѣрѣ различны, что требуется очень высокая степень духовнаго развитія для того, чтобы, при своемъ соединеніи въ одномъ лицѣ, они взаимно не искажали и не потемняли одно другое. Мы постоянно видимъ въ жизни, какъ, съ одной стороны, религіозныя симпатіи ведутъ къ преувеличенной оцѣнкѣ художественнаго достоинства тѣхъ или иныхъ произведеній, и какъ, съ другой стороны, люди преувеличиваютъ силу одушевляющей ихъ вѣры подъ влияніемъ ласкающихъ ихъ чувственность наглядныхъ образовъ искусства—въ архитектурѣ храмовъ, въ церковной музыкѣ и въ живописи религіознаго содержанія. Такимъ образомъ, смѣшеніе задачъ религіи и искусства весьма легко можетъ вредно отразиться и на той, и на другомъ.

Если можно признать за установленное, что высшая ступень эстетической идеализаціи, даже въ тѣхъ случаяхъ когда содержаніемъ ея служить религіозно настроенная воля, достигается на почвѣ не религіозно, но специально-эстетической, то тѣмъ болѣе ясна отдѣльность эстетической области отъ религіозной въ тѣхъ случаяхъ, когда факторъ такого умиротворенія воли вовсе не имѣетъ характера религіознаго. Я указалъ уже на то, что къ обоснованію убѣжденія въ идеальной связи между человѣкомъ и природою, т. е. въ томъ, что, несмотря на погибель недѣлимаго, его цѣли и стремленія не пропадаютъ безслѣдно, служить не только религія, но и философія. Различіе между религіознымъ и философскимъ обоснованіемъ этого убѣжденія заключается не въ самомъ его содержаніи, а въ способѣ сказаннаго обоснованія. Напримѣръ, и философія, и религія могутъ утверждать истину безсмертія души и въ сознаніи этой истины находить высшее умиротвореніе воли. И для философа, и для религіозно-вѣрующаго человѣка эта истина несомнѣнно говоритъ и мысли, и сердцу. Но

для философа первое ея основаніе—въ доводахъ мышленія, и если эти доводы онъ находитъ слабыми, то вопреки голосу сердца онъ обязанъ сказать: „безсмертіе души сомнительно“. Для человѣка же религіозно-вѣрующаго мыслительное доказательство этой истины имѣетъ значеніе лишь отрицательное, т. е. если только ему не доказана *ложность* убѣжденія въ безсмертіи души, то слабость *положительныхъ* доводовъ въ пользу этого убѣжденія еще не воспрепятствуетъ ему вѣровать въ него *всѣмъ сердцемъ*, коль скоро то согласуется съ влеченіями этого сердца. Если такимъ образомъ, философія представляетъ собою особый, своеобразный способъ умиротворенія воли, то и этотъ способъ можетъ служить содержаніемъ эстетическаго идеала, который тѣмъ самымъ уже выходитъ, по своему содержанію, изъ границъ религіозной области. Напримѣръ, Платоновъ разговоръ *Федонъ* представляетъ собою не только философское разсужденіе, но и художественное изображеніе послѣднихъ часовъ жизни приговореннаго къ смерти мудреца. *Сократъ* примиряется съ предстоящею ему кончиною, даже радуется ей, такъ какъ онъ убѣжденъ въ томъ, что послѣ смерти для него наступитъ болѣе совершенное и счастливое существованіе. Но онъ убѣжденъ, какъ философъ, въ силу доказательствъ, которыя принимаются его мыслию; о религіозной вѣрѣ, какъ таковой, въ разговорѣ не поднимается и вопроса. Здѣсь мы, стало-быть, имѣемъ дѣло съ эстетическою идеализаціею не религіозно, а философски умиротворенной воли; слѣдовательно, если бы существованіе въ искусствѣ темъ религіознаго содержанія служило доказательствомъ подчиненности искусства религіи, то съ такимъ же правомъ, на основаніи *Федона*, мы могли бы доказывать подчиненность искусства философіи. Но послѣднее утвержденіе, очевидно, было бы въ такой же степени ложно, какъ и первое. Философская цѣнность *Федона* ясно различается нами отъ его цѣнности эстетической. Съ эстетической точки зрѣнія мы оцѣниваемъ его по представляемому имъ идеальному образу *преодольшатаго страхъ смерти мудреца*.

нисколько не обязуясь раздѣлять его философскіе взгляды или считать убѣдительными его доказательства. Смѣшеніе этихъ двухъ точекъ зрѣнія и тутъ привело бы къ нарушенію законныхъ границъ обѣихъ областей: мы оказались бы весьма плохими философами, если бы подъ вліяніемъ эстетическаго впечатлѣнія отъ *Федона* признали убѣдительными доводы, влагаемые *Платономъ* въ уста *Сократа*, и весьма плохими судьями искусства, если бы, при возможной неубѣдительности для насъ этихъ доводовъ, стали отрицать достоинства *Федона*, какъ художественнаго произведенія.

Но религиозное и философское умиротвореніе воли далеко не исчерпываетъ собою всего содержанія высшаго эстетическаго идеала; такъ что, если мы взглянемъ на него во всемъ его объемѣ, то представится даже страшною попытка втѣснить его въ узкія рамки религиозныхъ или философскихъ требованій. И религиозное, и философское убѣжденіе представляетъ собою уже выработанныя, опредѣлившіяся состоянія сознанія, въ составѣ и значеніи которыхъ человекъ отдастъ себѣ болѣе или менѣе ясный отчетъ. Между тѣмъ, въ отношеніяхъ человека къ природѣ, какъ къ предмету созерцанія, всегда остается много непосредственнаго, нерасчлененнаго и, однако, мощно захватывающаго душу. Въ философіи и въ религіи мы имѣемъ дѣло съ понятіями и твердо направленными хотѣніями. Но та объемлющая и поглощающая индивидуума пучина, какую мы наименовали природою, есть въ самомъ непосредственномъ ея созерцаніи нѣкоторое таинственное цѣлое, которое вліяетъ на нашу волю смутными грезами, мечтами, настроеніями, позывами, далеко не всегда могущими превратиться въ опредѣленные мысли и хотѣнія. Въ числѣ этихъ непосредственныхъ вѣяній природы есть такія, которыя пугаютъ и отталкиваютъ насъ, усиливаютъ и обостряютъ нашъ внутренній раздоръ, но есть и такія, которыя умиротворяютъ волю, и не только волю дѣтскую или обыденную, но и ту волю, которую мы назвали героическою, т. е. самозаконную волю имѣющаго микрокосмическое значеніе недѣлимаго. Потому такія вѣя-

нія природы преемлются въ высшую эстетическую идеализацію, какъ средства высшаго умиротворенія воли независимо отъ какой бы то ни было философіи и религіи. Область распространенія такой идеализаціи безмѣрно велика и чрезвычайно разнообразна. Если, несмотря на то, она менѣе, чѣмъ должно, привлекаетъ на себя вниманіе, то на это существуютъ *два* главныхъ причины. *Первая* причина заключается въ томъ, что эту идеализацію не всегда легко разграничить съ достаточною ясностью отъ того общаго стремленія къ одушевленію природы, которое служитъ условіемъ всякой идеализаціи. Такого яснаго разграниченія по существу дѣла нельзя и ожидать, такъ какъ рассматриваемая теперь идеализація есть лишь высшій моментъ развитія идеализаціи вообще. Но типическое ихъ различіе состоитъ въ томъ, что въ этомъ высшемъ своемъ моментѣ идеализація направляется не къ тому одушевленію явленій и предметовъ природы, которое предполагается уже достигнутымъ черезъ первичный, элементарный актъ идеализаціи, а къ изображенію *умиротворенія воли* общимъ впечатлѣніемъ природы. Для поясненія этого различія я приведу, какъ примѣръ, слѣдующее стихотвореніе:

«Солнце садится, и вѣтеръ утихнулъ летучій.
Нѣтъ и слѣда тѣхъ огнями пронизанныхъ тучъ.
Вотъ на окраинѣ дрогнулъ живой и нежгучій
Всю эту степень озарившій и гаснущій лучъ.
Солнца ужъ нѣтъ, нѣтъ и дня неустанныхъ стремленій;
Только закатъ будетъ долго, чуть зримо горѣть.
О, еслибъ небо судило безъ тяжкихъ томленій
Также и мнѣ, оглянувшись на жизнь, умереть».

Въ этомъ стихотвореніи, очевидно, есть, во-1-хъ, извѣстные частные образы, красота которыхъ зависитъ отъ элементарнаго акта одушевленія природы, независимо отъ общей темы стихотворенія. Зрѣлище заходящаго солнца и постепеннаго угасанія его лучей, воспроизведенное воображеніемъ впечатлѣніе стихающаго вѣтра — эти образы прекрасны сами по себѣ, чрезъ переливъ въ нихъ настроеній

души. Но, во-2-хъ, эти образы приводятся въ связь съ владѣющею поэтомъ мыслию о смерти, естественно возмущающею его душевный покой. Общее впечатлѣніе постепенно угасающаго дня съ прекращеніемъ его труда и заботъ служить поэту средствомъ слить умиротворяющую струю въ тягостное ожиданіе смерти путемъ возбужденія надежды на то, что она можетъ наступить такъ же тихо и приведетъ къ такому же состоянію покоя, какъ и смѣняющая день ночная мгла. Что эти два вида впечатлѣній существенно различны, видно изъ того, что красоты первой категоріи остались бы въ той же силѣ, если бы поэтъ и не ожидалъ смерти и не думалъ о ней.

Второю причиною сравнительно малаго вниманія, обращенаго на разсматриваемый теперь видъ идеализаціи, слѣдуетъ считать то, что ея образы, вообще говоря, обладаютъ меньшею полнотою индивидуальныхъ чертъ, чѣмъ образы идеализаціи героической. Умиротвореніе воли непосредственными впечатлѣніями природы есть обыкновенно лишь временное, преходящее состояніе недѣлимаго, а не правящее начало цѣлаго ряда событій его жизни. Поэтому тѣ области искусства, въ которыхъ дается намъ наибольшая полнота индивидуальнаго образа въ послѣдовательности его развитія, какъ-то поэзія повѣствовательная и драматическая, представляютъ сравнительно менѣе простора для высшаго вида идеализаціи, чѣмъ лирика, музыка, отчасти живопись; вслѣдствіе чего онъ въ первенствующихъ и популярнѣйшихъ родахъ искусства является лишь какъ бы второстепенною прибавкою къ основной художественной характеристикѣ. Но лирика, музыка и многія произведенія живописи, въ которыхъ изображается душа самого художника, въ которыхъ онъ самъ въ своемъ выдающемся своеобразіи является героемъ своихъ произведеній, представляютъ собою кругъ не менѣе обширный, чѣмъ эпосъ или драма, и если уступаютъ послѣднимъ въ экстенсивности впечатлѣнія, то превосходятъ ихъ въ его интенсивности, передавая съ большею силою настроеніе данное, владѣющее душою именно въ из-

• вѣстный моментъ. Душа великаго художника съ ея мощною игрою воображенія и порождаемыми послѣднимъ вереницами мыслей, чувствъ и влеченій, конечно, не менѣ заслуживаетъ быть изображенною, чѣмъ душа создаваемыхъ художникомъ героевъ, потому что, изображая первую, художникъ показываетъ намъ тайники той сокровенной лабораторіи, въ которой вырабатываются образы *Гамлетовъ*, *Кориолановъ* и *Фаустовъ*. Поэтому образъ умиротворенія такой души непосредственнымъ вѣяніемъ природы есть вмѣстѣ съ тѣмъ образъ идеальнаго умиротворенія всего того воображаемаго міра, который созданъ или можетъ быть созданъ ею для нашего созерцанія.

• Если тѣ образы, въ которыхъ художникъ показываетъ намъ свою собственную душу, а не душу созданныхъ его воображеніемъ героевъ, назвать, въ широкомъ значеніи этого слова, образами искусства *лирическаго*, не ограничивая понятія лирики предѣлами одной поэзіи, то можно сказать, что разсматриваемый теперь видъ идеализаціи свойственъ преимущественно—хотя не исключительно—лирикѣ. Но при этомъ нужно имѣть въ виду слѣдующее. Если художникъ умиротворяетъ свою волю черезъ непосредственное впечатлѣніе природы, то отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы для него, какъ для всякаго человѣка, не были открыты способы и болѣе сознательнаго ея умиротворенія чрезъ религію и философію. И эти способы умиротворенія своей воли онъ также въ правѣ изображать, накладывая, такимъ образомъ, на свои произведенія печать извѣстнаго религіознаго или философскаго міровоззрѣнія. У того же поэта, стихотвореніе котораго было только что приведено, тема смерти получаетъ и философское освѣщеніе:

«Я жить хочу!» кричитъ онъ дерзновенный.

«Пускай обманъ! О, дайте мнѣ обманъ!»

И въ мысляхъ нѣтъ, что это ледъ мгновенный,

А тамъ, подъ нимъ, бездонный океанъ.

Бѣжать? Куда? Гдѣ правда, гдѣ ошибка?

Опора гдѣ, чтобъ руки къ ней простерть?

Что ни расцвѣтъ живой, что ни улыбка,
 Уже надъ ними торжествуетъ смерть.
 Слѣпцы напрасно ищутъ, гдѣ дорога,
 Довѣривъ чувствъ слѣпымъ поводырямъ.
 Но если жизнь—базаръ крикливый Бога,
 То только смерть Его безсмертный храмъ».

Различіе въ способѣ умиротворенія души передъ страхомъ смерти въ первомъ и во второмъ стихотвореніи не требуетъ объясненій, — оно понятно само собою. Но, конечно, нужно имѣть въ виду, что эстетическая оцѣнка такихъ поэтико-философскихъ произведеній не имѣетъ ничего общаго съ [оцѣнкою истины содержащейся въ нихъ философіи; равно какъ возможная истина этой философіи нисколько не обусловливаетъ собою ихъ эстетической цѣнности.

Далѣе, слѣдуетъ принять во вниманіе, что и въ эпосѣ, и въ драмѣ есть свой лиризмъ, т.-е. отпечатокъ души создаващаго ихъ художника. Я говорю не о разсѣянныхъ въ драматическихъ и повѣствовательныхъ произведеніяхъ отрывкахъ лирическаго характера, но о томъ *общемъ тонѣ* произведенія, вслѣдствіе котораго мы оставляемъ его съ впечатлѣніемъ достигнутаго умиротворенія, или же внутренняго раздора и смуты. Послѣ всего сказаннаго едва ли есть надобность объяснять, что это впечатлѣніе достигается не тою или иною внѣшнею развязкою, но именно внутреннимъ смысломъ произведенія. Если, несмотря на страданія и даже погибель героя, мы остаемся подъ тѣмъ впечатлѣніемъ, что *реальная* побѣда природы надъ недѣлимымъ не была, вмѣстѣ съ тѣмъ, его *идеальнымъ* пораженіемъ, то мы примиряемся съ фактомъ внѣшняго, физическаго торжества природы, и тѣмъ самымъ героическій идеаль возводится на высшую примиряющую ступень эстетической идеализаціи. Недѣлимое во всякомъ случаѣ осуждено на погибель, и если, на примѣръ, *Корделія* умираетъ нѣсколькими десятками лѣтъ ранѣе, чѣмъ то было бы по естественному ходу событій, то для искусства, изображающаго субстан-

ціальную сторону жизни, это обстоятельство не имѣть существеннаго значенія. Но имѣть существенное значеніе вопросъ, стоила ли та цѣль, ради которой погибла *Корделія*, ея безвременной гибели, т.-е. дала ли ея дѣятельность идеальныйъ результатъ. Если да, то высшее идеальное примиреніе достигнуто. Потрясавшіе насъ диссонансы драмы разрѣшаются ея заключительнымъ аккордомъ, и представляемое ею зрѣлище страданій и смерти превращается для насъ въ зрѣлище идеальнаго торжества любви, надъ которою безсилны всѣ средства грубой матеріальной природы.

Заканчивая на этомъ мое настоящее сообщеніе, я прошу имѣть въ виду, что оно имѣло своимъ предметомъ исключительно вопросъ объ *эстетическомъ идеалѣ*, не касаясь другихъ задачъ искусства, выходящихъ за предѣлы *положительной эстетической идеализаціи*. Замѣчу только въ заключеніе, что какъ бы мы ни представляли себѣ эти другія задачи искусства, задача положительной идеализаціи сохраняетъ и всегда будетъ сохранять свое значеніе и свою силу. Но, съ другой стороны, слѣдуетъ признать за несомнѣнное, что вмѣстѣ съ развитіемъ и усложненіемъ общественной культуры возрастаетъ и трудность исполненія этой задачи, и, при томъ, въ отношеніи ко всѣмъ *тремъ* ступенямъ эстетической идеализаціи. Возрастаетъ трудность идеализаціи, изображающей состояніе наивности и блаженнаго невѣдѣнія, такъ какъ для такого состоянія въ жизни оказывается все менѣе и менѣе благопріятствующихъ условій. Возрастаетъ трудность идеализаціи героической воли, такъ какъ, по справедливому замѣчанію *Гегеля*, для проявленія такой воли упорядоченный и законотѣрный бытъ цивилизованнаго общества оставляетъ менѣе простора, чѣмъ бытъ болѣе грубый и неустроенный. Возрастаетъ, наконецъ, трудность идеализаціи умиротворенной воли, такъ какъ современный человѣкъ съ его утонченною и требовательною душою гораздо труднѣе подчиняется религіознымъ, философскимъ и непосредственно-природнымъ средствамъ такого умиротво-

ренія. Не возрастутъ ли когда-нибудь эти затрудненія до такого размѣра, что о нихъ разобьются всякія дальнѣйшія попытки художественной идеализаціи? Для отвѣта на этотъ вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ потребовалась бы, быть можетъ, бесѣда еще болѣе продолжительная, чѣмъ предложенная мною сегодня. Поэтому, оставляя открытымъ вопросъ о будущности идеальнаго искусства, я ограничусь лишь замѣчаніемъ, что нынѣ послѣ всего пережитого нами историческаго опыта, мы съ особеннымъ удареніемъ можемъ повторить слова, произнесенныя греческою философіею при первомъ приступѣ ея къ изслѣдованію понятія красоты: „прекрасное трудно“.

Н. Г. Девольскій.

О трусости въ мышленіи.

Мудрецъ отличенъ отъ глупца
Тѣмъ, что онъ мыслить до конца.

Майковъ.

(Этюдъ по психологіи метафизическаго мышленія.)

Подъ трусливымъ мышленіемъ нерѣдко разумѣютъ нерѣшительность или непослѣдовательность человѣка въ выводахъ, обусловленную опасеніемъ вызвать негодованіе или преслѣдованіе со стороны окружающей среды, короче сказать, этотъ терминъ часто означаетъ нарушеніе логическаго развитія мысли „страха ради іудейска“. Указанія на подобное трусливое недомысліе сводятся къ обвиненіямъ въ недостаткѣ нравственной стойкости; подобныя обвиненія можно часто встрѣтить въ философскихъ сочиненіяхъ. Такъ, напримѣръ, Шопенгауэръ считаетъ второе изданіе „Критики чистаго разума“ преднамѣренно испорченнымъ текстомъ. Онъ полагаетъ, что Кантъ по выпускѣ перваго изданія, представляющаго строгое обоснованіе идеализма, испугался возможныхъ преслѣдованій и въ перемѣнахъ, введенныхъ во второе изданіе (преимущественно въ „опроверженіи идеализма“), вступилъ въ сдѣлку съ догматизмомъ. Точно также Дюрингъ, разбирая мнѣнія Спенсера о значеніи религіи, у которой англійскій философъ видитъ общій съ наукою предметъ въ „непознаваемомъ“, говоритъ, что Спенсеръ спекулируетъ на религіозности и лицемеріи англичанъ. Подобныя обвиненія въ тѣхъ случаяхъ, когда

неискренность философа можетъ быть документально доказана, составляютъ, конечно, неумолимый приговоръ исторіи. Но, къ сожалѣнію, они нерѣдко взводятся на философовъ безъ достаточныхъ основаній, и тогда не только на ихъ имя налагается незаслуженное позорное пятно, но и чисто научная историко-философская оцѣнка ихъ воззрѣній глубоко искажается, и, такимъ образомъ, неудачное морализированье наноситъ ущербъ интересамъ науки. Такъ, напримѣръ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что обвиненія, взводимыя на Канта и Спенсера, лишены всякихъ основаній. Въ самомъ дѣлѣ, всякій, внимательно изучавшій „Критику чистаго разума“, согласится, что измѣненія, внесенныя Кантомъ во второе изданіе, не представляютъ никакого разногласія съ точкою зрѣнія въ первомъ изданіи. Новѣйшая критика показала, что „опроверженіе идеализма“ не есть догматическое установленіе причиннаго отношенія между явленіями внутренняго чувства и матеріальной „вещью въ себѣ“, воздѣйствующей на послѣднее *). Съ другой стороны, отдѣльныя выраженія, въ которыхъ вещь въ себѣ трактуется догматически, встрѣчаются одинаково и въ первомъ, и во второмъ изданіи. А между тѣмъ категорическое заявленіе Шопенгауэра объ „умышленно испорченномъ“ текстѣ 2-го изданія не только бросило тѣнь на одного изъ благороднѣйшихъ представителей человѣческой мысли, но, кромѣ того, сбило съ толку многихъ комментаторовъ Канта. Полагаясь на авторитетъ Шопенгауэра, многіе критики Канта повторяли басню объ испорченномъ текстѣ, пока новѣйшія изслѣдованія не показали окончательно, что „опроверженіе идеализма имѣетъ имманентное значеніе“ (Эд. фонъ-Гартманнъ **), и что вве-

*) Файнгеръ въ статьѣ: «Zu Kant's Widerlegung des Idealismus» замѣчаетъ, что опроверженіе идеализма: 1) не относится къ вещи въ себѣ, но къ существованію предметовъ въ пространствѣ; 2) направлено противъ Декарта и лишь косвенно противъ Беркли; 3) не противорѣчитъ 1-му изданію (См. Strassburger Abhandlungen zur Philosophie, 1884).

**) Kant's Erkenntnisstheorie und Metaphysik in den vier Perioden ihrer Entwicklung. 1894.

деніе вещи въ себѣ въ опроверженіе идеализма было бы „абсурдомъ столь чудовищнымъ въ Кантовой системѣ, что, по справедливости, могло бы считаться плодомъ рехнувшагося ума“ (Магаффи)*).

Столь же несостоятельно обвиненіе, взводимое на Спенсера. Существованіе „непознаваемаго“ для Спенсера не проблематическое положеніе, а вполне достовѣрный фактъ. Въ то же время, если Спенсеръ незамѣтно для себя часто въ метафизикѣ приближается къ материалистическому пониманію вещи въ себѣ, то онъ ни въ какомъ случаѣ не согласился бы *сознательно* отождествить „непознаваемое“ съ матеріей и признать послѣднюю единственно возможнымъ видомъ бытія въ себѣ, такъ какъ это шло бы въ разрѣзъ со многими пунктами въ его психологіи и теоріи знанія, которыя въ сущности очень далеки отъ догматическаго материализма. А если изъ самаго духа Спенсеровскаго міросозерцанія вытекаетъ признаніе реальности „непознаваемаго“, которое при томъ нѣтъ основаній считать непременно матеріей, то въ чемъ же заключаются компромиссы и уступки Спенсера по отношенію къ религіи? Вѣдь, допущеніе существованія реальности, недоступной научному познанію, и есть то, что постулируется всѣми религіями, и въ чемъ Спенсеръ видитъ примиряющее начало между религіей и наукой.

Изъ всего сказаннаго ясно, что не въ мѣру преданный „чтенію въ сердцахъ“ историкъ философіи рискуетъ не только оказаться недостойнымъ клеветникомъ, но, сверхъ того, и недобросовѣстнымъ съ чисто-научной точки зрѣнія критикомъ. Въ настоящей статьѣ я отнюдь не задаюсь цѣлью „изобличать“ съ моральной точки зрѣнія только-что охарактеризованную (настоящую или мнимую) „трусость въ мышленіи“. Я хочу проанализировать съ чисто психологической точки зрѣнія иной видъ „трусости въ мышленіи“ — это страхъ не передъ другими людьми, а передъ извѣстными представленіями въ нашей собственной душѣ. Мы сплошь

*) Kant's Critical Philosophy for English Readers.

и рядомъ боимся логически развивать нашу мысль до конца, предчувствуя, что конечные выводы посягнуть на что-нибудь очень цѣнное для насъ. Въ философскомъ мышленіи принятіе извѣстныхъ положеній нерѣдко неизбежно влечетъ за собою въ качествѣ необходимаго вывода отрицаніе за тѣми или другими цѣнностями ихъ значенія. Напримѣръ, если я примыкаю къ матеріалистической точкѣ зрѣнія въ теоріи знанія, я долженъ въ этикѣ отказаться отъ представленій о загробномъ существованіи нематеріальной души. Если такое существованіе кажется мнѣ очень цѣннымъ, то я ради послѣдовательности мысли долженъ хотя бы съ болью въ сердцѣ отказаться отъ вѣры въ то, что съ точки зрѣнія усвоеннаго мною міросозерцанія представляется мнѣ безусловно химерическимъ. Если же въ одномъ и томъ же лицѣ уживаются матеріализмъ и религіозныя вѣрованія, за которыя оно держится изъ страха утратить нѣчто цѣнное, то мы видимъ въ немъ типичный образчикъ „трусости въ мышленіи“, который я имѣю въ виду. Разумѣется, эта трусость въ мышленіи не выставляется философами на показъ, а большею частію инстинктивно укрывается, хотя сплошь да рядомъ они сами не отдають себѣ отчета въ томъ, что не рѣшаются мыслить безстрашно до конца. Нерѣдко задушевнѣйшія вѣрованія, находящіяся въ вопіющемъ противорѣчьи съ ихъ формулированной и законченной системой, не высказываются ими открыто, но сохраняются въ глубинѣ души до конца жизни.

Но особенно часто они бываютъ жертвой слѣдующей иллюзіи, о которой я и намѣренъ повести рѣчь. Знакомясь съ міросозерцаніемъ, которое чуждо усвоеннымъ ими ранѣе метафизическимъ воззрѣніямъ, они, не понявъ, какъ слѣдуетъ, послѣдняго, пугаются возможной утраты извѣстныхъ цѣнностей, которая постигнетъ ихъ, если они станутъ на новую точку зрѣнія, не подозревая того, что эти цѣнности отнюдь не потеряють своего значенія, если философы, какъ слѣдуетъ, усвоятъ себѣ новый взглядъ на міръ и познаніе. Эта иллюзія наблюдается у реалистовъ

въ ихъ антипатіи къ философскому идеализму. Философскій идеализмъ, понимаемый широко, заключается въ убѣжденіи, что реальность внѣшняго міра, не зависящая ни отъ какого сознанія, не можетъ быть доказана научнымъ путемъ, и что всѣ міровыя явленія могутъ быть объяснены или безъ необходимаго предположенія о существованіи такой реальности (критическій идеализмъ) или путемъ отрицанія этого послѣдняго предположенія въ связи съ дополнительными метафизическими гипотезами въ родѣ *Veracitas dei* Декарта, творческой дѣятельности Бога у Беркли, безсознательной активности сверхъ-индивидуальнаго „я“ у Фихте и т. п. (метафизическій идеализмъ). Подобно индѣйской сказочной царевнѣ, слѣпо вѣрившей, что, если роза ея увянетъ—это значить, что отецъ ея, находящійся въ походѣ, умеръ, хотя между обоими событіями не могло быть ровно никакой связи, реалисты полагаютъ, что, утративъ догматическую вѣру въ независящую отъ сознанія реальность бытія, они потеряютъ нѣчто цѣнное; такіе выводы пугаютъ ихъ, и иногда *этотъ страхъ, а не убѣжденіе въ логической несостоятельности идеализма, имѣетъ для нихъ рѣшающее значеніе, когда они при выработкѣ своего міровоззрѣнія отдають предпочтеніе реализму передъ идеализмомъ* *). Между тѣмъ на это обстоятельство сторонники философскаго идеализма вообще и критическаго идеализма въ частности до сихъ поръ совершенно не обращали вниманія: они атаквали противниковъ исключительно съ фронта, подвергая реализмъ философской критикѣ, но не пытаясь въ то же время атаковать его съ тылу: всмотрѣться въ психологическіе мотивы, побуждающіе реалистовъ крѣпко держаться за догматическую вѣру въ реальность внѣшняго міра, мотивы, которые руко-

---

*) «Земля не упадетъ, — говоритъ Файингеръ, — если мы вынемъ изъ-подъ нея черепаху, на которой она стоитъ, и небо не обрушится на насъ, если мы освободимъ Атланта отъ тяготящей на н мѣ ноши; столь же мало потеряетъ и философія, если мы устранимъ изъ нея идею (экстраментальной) субстанции: ни наши мысли, ни наши моральныя дѣйствія не потеряютъ отъ этого своей опоры». (*Vierteljahrsschrift für Wiss. Philos.*, II, 422).

водить ихъ выводами несознательно. Это превосходно выражено Юмомъ по поводу аргументовъ Беркли въ пользу идеализма: „Они не допускаютъ возраженій и въ то же время вовсе не порождаютъ никакого убѣжденія въ ихъ истинности“. (Прим. къ XII-му Essay, ч. I). Очень многіе реалисты вполне признаютъ или крайнюю трудность опроверженія, или неопровержимость идеализма съ логической точки зрѣнія и тѣмъ не менѣе не считаютъ для себя возможнымъ примкнуть къ этой точкѣ зрѣнія. Гольбахъ, Гамильтонъ, Браунъ, Огюсть Контъ, Фуйлье даже открыто сознаются въ этомъ. Такимъ образомъ, идеалистическія и реалистическія утвержденія, противорѣчащія другъ другу, уживаются въ головѣ философа незамѣтно для него самого, и въ его системѣ, какъ выражается Гамильтонъ, создается „родъ неустойчиваго равновѣсія (a kind of vacillating equilibrium): ея материалистическая тенденція въ одномъ отношеніи уравнивается идеалистической тенденціей въ другомъ отношеніи“ (Lectures on metaphysics I, 297). Что же удерживаетъ нерѣдко реалистовъ отъ рѣшительнаго шага? Не страшная ли мысль о томъ, что реальности, цѣнные для нихъ, перестанутъ для нихъ существовать, если они сдѣлаются идеалистами? Въ такомъ случаѣ среди лицъ, исповѣдующихъ реализмъ, должно замѣчаться стремленіе отстаивать не просто реальность внѣшняго міра, а особенно реальность тѣхъ сторонъ въ немъ, которыя представляются данному лицу *цѣнными по преимуществу* съ точки зрѣнія его профессіи или господствующихъ интересовъ въ той средѣ, къ которой онъ принадлежитъ. И дѣйствительно, въ *духовномъ* лицѣ, въ *общественномъ дѣятелѣ*, въ *ученомъ*, въ *поэтѣ* идеализмъ вызываетъ различнаго рода страхи. Болѣе близкое знакомство съ этими спеціальными формами страха передъ идеализмомъ поможетъ намъ выяснитъ тайныя причины той антипатіи, которую реалисты питаютъ къ своимъ философскимъ противникамъ *).

*) Само собою разумѣется, что въ настоящемъ изслѣдованіи, избирая предметомъ психологическаго анализа „трусость въ мышленіи“, у реалистовъ, я оставляю въ сторонѣ многочисленныя проявленія „трусости въ мышленіи“,

Опасность идеализма съ точки зрѣнія духовнаго лица.

If a wise man give thee poison, fear not to drink thereof. If a fool offer thee an antidote, spill it upon the earth. Omar Khayam.

Весьма интересно выяснитъ отношеніе католическихъ писателей къ идеализму. Огромное большинство ихъ относится къ идеализму крайне враждебно. Съ католической точки зрѣнія, идеализмъ и вообще субъективизмъ представляется опаснѣйшимъ ученіемъ, такъ какъ онъ подрываетъ вѣру въ два рода реальностей *цѣнныхъ по преимуществу*: 1) въ сверхчувственный міръ, 2) въ видимую церковь. Замыкая себя въ кругъ нашихъ представлений, мы дѣлаемся жертвами безграничнаго скептицизма по отношенію къ существованію чего-либо потусторонняго, да и внѣшній міръ превращается для насъ въ иллюзію, а вмѣстѣ съ нимъ и представители церкви, и ея матеріальные атрибуты. Такимъ образомъ, идеализмъ не только лишаетъ чловѣка вѣры, но и является препятствіемъ для исполненія церковныхъ обрядовъ. Вотъ два главныхъ Leitmotiv'a въ критическихъ замѣчаніяхъ, какія направляетъ католицизмъ противъ идеализма. Гамильтонъ указываетъ, что еще въ средніе вѣка у церкви существовало враждебное отношеніе къ идеализму: „ни одинъ правовѣрный католикъ не могъ быть идеалистомъ“. „Ученіе идеализма несовмѣстимо съ ученіемъ католическимъ объ Эвхаристіи. Если мы станемъ отрицать реальность матеріи, то это поведетъ къ отрицанію вообще реальности воплощенія Христа и въ частности реальности пресуществленія въ его тѣло элементовъ вина и хлѣба“. Еще Августинъ писалъ: „Si phantasma fuit corpus Christi et si fefellit, veritas non est.“ (De 83 quaestionibus.

которыя могутъ наблюдаться по другимъ совершенно постороннимъ вопросамъ въ исторіи философіи. Кромѣ трусости передъ идеализмомъ, возможна трусость передъ любой философской точкой зрѣнія напримѣръ, передъ материализмомъ, передъ эволюціонной теоріей, психологическимъ детерминизмомъ и т. п., но я не имѣю въ виду разсматривать ихъ въ настоящей саатьѣ.

ф. 14). Вражда католическихъ писателей къ философіи Декарта сводилась къ подобнымъ же замѣчаніямъ *). Но враждебное отношеніе католиковъ къ идеализму приняло окончательно вполне ясныя и опредѣленные формы съ появленіемъ „Критики чистаго разума“ Канта. Въ виду этого я сосредоточу вниманіе на тѣхъ мнѣніяхъ, которыя высказывались ими о критическомъ идеализмѣ. Черезъ годъ послѣ того, какъ появился первый переводъ „Критики“ на романскій языкъ—итальянскій переводъ доктора медицины Мантовани, этотъ переводъ попалъ въ Index осужденныхъ книгъ (въ 1827 г.). Еще ранѣе въ 1817 году туда же попали всѣ изложенія критическаго идеализма, какія тогда успѣли появиться на французскомъ языкѣ: Дежерандо, Буле и Виллера **). Въ 1830 г. основывается первый и важнѣйшій органъ католической философіи: „Annales de philosophie chrétienne.“ Въ этомъ органѣ, являющемся вѣрнымъ отраженіемъ католическихъ тенденцій въ философіи, мы находимъ строго выдержанное въ теченіе 68 лѣтъ недоброжелательное отношеніе къ критическому идеализму. То-же мы находимъ съ начала 80-хъ годовъ, когда произошла реставрація философіи Томы Аквината въ *Philosophische Jahrbücher*, а въ 90-хъ годахъ въ *Revue „Thomiste“* (осн. въ 1896 г.). Посмотримъ, въ чемъ заключается сущность возраженій, дѣлаемыхъ католическими писателями Канту. Когда въ 1836 г. появился въ Дижонѣ переводъ „Критики ч. разума“ на французскій языкъ, переводчикъ ея Тиссо приложилъ въ своему переводу статью: „De la méthode théologique et de la méthode philosophique.“ Въ этой статьѣ (изданной въ ограниченномъ количествѣ и приложенной лишь къ немногимъ экземплярамъ перевода) онъ съ большою мѣткостью харак-

*) Lyon. L'idéalisme en Angleterre.

**) Когда Кузенъ (горячій противникъ критицизма) написалъ книгу: «Du vrai, du beau et du bien», онъ хотѣлъ «laisser un livre irréprochable que les pères et mères de famille puissent voir sans crainte entre les mains de leurs enfants» и просилъ Пия IX-го, чтобы онъ не включалъ книгу въ Index; ему поставили въ видѣ ультиматума рядъ требованій, между прочими: *ne pas donner tant de valeur à la théorie de Kant*».

теризуетъ ту „трусость мысли“, которая заставляетъ подгонять логическіе выводы къ заранѣ готовымъ заключеніямъ, и которая дѣлаетъ немислимымъ для теолога усвоеніе критическаго идеализма. Въ католическомъ философствованіи онъ видитъ „une dialectique tout instrumentale,“ которая должна вести къ заранѣ намѣченнымъ цѣлямъ. „Итакъ, когда Кантъ скажетъ, что ни онтологическое, ни другія доказательства бытія Божія несостоятельны, то, конечно, къ нему отнесутся крайне неблагоклонно, будь онъ хоть тысячу разъ правъ, потому что онъ долженъ быть неправъ во всякомъ случаѣ.“ (Annales, XIV, 249). На эту статью и на переводъ Тиссо появилась рецензія въ Annales (1837) аббата Донэй (Doney), который замѣчаетъ: во-1-хъ, что критическій идеализмъ, если развивать его послѣдовательно, ведетъ въ *абсолютному скептицизму*, и во-2-хъ, что то, что мы называемъ „трусостью мысли“, есть нѣчто обязательное для правовѣрнаго католика, ибо непогрѣшимый критерій католической истины заключается въ подчиненіи разъ навсегда установленнымъ церковью мнѣніямъ: „Dans l'église il faut s'attacher avec soin à la doctrine qui a été reçue dans tous les lieux, toujours et partout“ (Annales, XIV, 237)*. Еще до появленія новокантіанскаго движенія мы встрѣчаемъ въ католическихъ журналахъ много статей, враждебныхъ нѣмецкому идеализму, къ которому у католическихъ писателей постоянно обнаруживается, какъ выражается рецензентъ „Philos. Monatsh.“, „tiefe Abneigung.“ Одною изъ главныхъ цѣлей Ватиканскаго собора было стѣсненіе свободы критической мысли и научнаго изслѣдованія. Особенно агитируютъ противъ философіи иезуиты, дѣйствующіе „mehr denunciatorisch, als kritisch“. Въ каждомъ независимомъ философскомъ мнѣніи они видятъ „effrenatam licentiam“ и хотятъ обуздать субъективизмъ нѣмецкой философіи, который есть не что иное, какъ „sententiae temerariae, novae et inauditae, male sonantes“. Послѣ возникновенія неотомистиче-

*) Слова св. Винцента. (st. Vincent de Lérins).

скаго движенія въ 1879 году (одновременно съ быстрымъ ростомъ неокантизма) появляется рядъ статей о философіи Канта и главнымъ образомъ объ его идеализмѣ. Въ 1881 г. въ „Annales“ въ статьѣ „Coup d'oeil sur la philosophie“ Кантъ называется *отцомъ всѣхъ отрицателей*; въ 1883 г. „Annales“ стр. 201) критическому идеализму противопоставляются воззрѣнія школы здраваго смысла. Въ 1884 г. Секретанъ въ „Revue philosophique“ указываетъ на причину, почему томисты такъ враждебны идеализму: Тома догматически принимаетъ дуализмъ 2-хъ субстанцій, что, разумѣется, вдвойнѣ невозможно для критическаго идеалиста. До какой степени идеализмъ представлялся томистамъ опасною доктриной, можно видѣть изъ того, какое неодобреніе вызвала между ними скромная статья одного изъ сотрудниковъ „Annales“—Марселя Геберта: „Thomisme et kantisme“. Гебертъ въ ней задается цѣлью показать, что Кантъ вовсе не идеалистъ, такъ какъ онъ осуждалъ идеализмъ Беркли, и увѣряетъ, что томизмъ близокъ къ кантизму *). Статья эта вызвала протесты Domet de Verges'a, который указываетъ, что между Томой Аквинскимъ и Кантомъ нѣтъ ничего общаго. Тома считаетъ возможнымъ познаніе абсолютнаго, а идеализмъ Канта ведетъ къ „разнузданному скептицизму.“ Въ 1889 году Франки въ статьѣ: „Критика

*) Гебертъ отмѣчаетъ слѣдующія точки соприкосновенія теоріи знанія Канта съ метафизикой Тома: 1) Intellect agent послѣдняго соотвѣтствуетъ активности мысли, которую Кантъ называетъ Spontaneität. 2) Различіе *формы и содержанія* опыта у Тома то же, что и у Канта: «Modus cognoscendi rem aliquam est secundum cognitionem cognoscentis, in quo forma (intelligibilis) recipitur secundum modum eius» (De veritate. q. X, a. 4.). 3) Гебертъ ссылается, повидимому, на то же мѣсто, что и Кузенъ въ своей критикѣ Канта: «so ist zwar mein eigenes Dasein nicht Erscheinung, vielweniger blosser Schein, чтобы показать, что Кантъ признавалъ, какъ и doctor angelicus, самоочевиднымъ существованіе души, хотя и утверждалъ, что мы не можемъ знать свойствъ ея. 4) *Formae substantiales secundum se nobis ignotae* соотвѣтствуютъ понятію Ноумена у Канта. Къ сожалѣнію, заключаетъ Гебертъ свою статью, Кантъ слишкомъ подчеркивалъ субъективный характеръ нашего познанія, и въ его системѣ можно пользоваться лишь отдѣльными мыслями, а потому: «Omnia probate, quod bonum est tenete.» Будемъ слѣдовать примѣру Льва XIII-го, предлагающаго «vetera novis augere et Perficere».

критицизма“ рассказываетъ, что онъ въ молодости увлекался этимъ ученіемъ, но черезъ 37 лѣтъ раскаялся: „*eggravimus a via veritatis.*“ Кричащимъ: назадъ къ Канту! надо кричать въ отвѣтъ „*Mala via ticini!*“ (Dante, Inferno, XVII, III). Тотъ же авторъ (Annales 1891) въ статьѣ: „Критицизмъ и наука“ одобряетъ Огюста Конта за то, что тотъ не захотѣлъ „*passer par Kant,*“ не „бросился очертя голову въ *гробый идеализмъ*, превращающій міръ въ проэцію нашего воображенія.“ Рецензентъ на статью Поля Жане: „Идеализмъ и реализмъ“ видитъ въ современной элохѣ „періодъ умственной дезорганизации, когда извѣстнаго рода идеализмъ, который въ сущности есть видъ скептицизма, проникаетъ къ намъ со всѣхъ сторонъ“; необходимо, по мнѣнію автора, напрячь всѣ умственныя силы, чтобы разорвать эту *паутину*. Въ томъ же году Мерсье въ статьѣ: „Двѣ критики Канта“ говоритъ: „оцѣнивъ ужасающія послѣдствія, вытекающія изъ его разрушительной работы, Кантъ *содрогнулся бы* отъ чувства лежащей на немъ нравственной отвѣтственности, но было бы поздно. Ему пришлось бы разрушить самую систему критической философіи“ *). Изъ приведенныхъ до сихъ поръ цитатъ видно, что опасность критическаго идеализма заключается въ томъ, что онъ ведетъ къ „скептицизму“, отнимая почву у догматическихъ доказательствъ существованія трансцендентнаго, столь цѣнныхъ для теолога. Въ очень интересной статьѣ:

*) Le K. P. Maunius въ книгѣ «St Thomas d'Aquin et la philosophie cartesienne» (Iutr. XXI) указываетъ, что неотомистическое движеніе, представляющее современную реакцію противъ идеализма, было предсказано еще Альбертомъ Великимъ: «Вы называете его (Омю) сицилійскимъ быкомъ, говорилъ онъ товарищамъ англійскаго доктора, настантъ время, когда этотъ быкъ замычитъ и огласитъ своимъ мычаніемъ цѣлый міръ». Можеть замѣчаетъ, что, согласно точкѣ зрѣнія Канта, разумокъ творить объективную истину. Эта точка зрѣнія *опасна и нечестива*, ибо она приписываетъ человѣческому интеллекту роль, которая принадлежитъ одному лишь божественному разуму» (I, 127). «Система Фихте вся соткана изъ абсурдовъ». «Право, лучше нельзя выразить *отращеніе* и *презрѣніе*, внушаемое всякому челювѣку, у котораго хватаетъ храбрости пробѣжать сочиненія этого философа. Никогда еще *безумный бредъ* (*délire insensé*) и заблужденія челювческаго ума не заходили такъ далеко» (II, 367).

„Les illusions de l'idéalisme et leurs dangers pour la foi“ авторъ *) также усматриваетъ опасность критическаго идеализма въ томъ, что ставить насъ на точку зрѣнія *солипсизма* и *отрываетъ насъ отъ міра духовъ и Бога*. Онъ указываетъ на то, что Ватиканскій соборъ *провозгласилъ анафему* противъ идеалистовъ, считающихъ недоказуемымъ существованіе міра и Бога, не признающихъ „*per ea quae facta sunt visibilibus et invisibilibus creatorem, mundum, resque omnes, quae in eo continentur et spirituales, et materiales secundum totam suam substantiam*“. Но идеализмъ подрываетъ вѣру не только въ сверхчувственный міръ, но также и въ чудеса. Чудеса узнаются, согласно *Томъ Аквинскому*, черезъ извѣстныя *матеріальныя* проявленія, дѣлающія ихъ очевидными и подлинными для насъ, это и составляетъ *evidentiam signorum*, которая подрывается идеализмомъ **). Мало того, идеализмъ, подвергая сомнѣнію реальность внѣшняго міра, лишаетъ насъ вѣры въ реальность видимой *внѣшней церкви*, составляющей часть этого міра. Это обстоятельство побудило папу Льва XIII издать энциклику: „*Satis cognitum*“, направленную противъ идеализма какъ разъ по этому послѣднему поводу: „*propter eam rem, quod corpus est, oculis cernitur ecclesia*“. Авторъ статьи образно описываетъ то положеніе, которое создаетъ себѣ критическій идеалистъ по отношенію къ видимой церкви: „Когда онъ становится на колѣни передъ исповѣдальней, его „чи-

*) Schwalm. Revu Thomiste, Sept. 1896.

**) По мнѣнію одного англійскаго богослова, идеализмъ несовмѣстимъ съ самымъ духомъ христіанства и есть просто плодъ человѣческой гордыни; онъ задаетъ вопросъ: «Почему современная философская мысль стремится къ идеализму?» и отвѣчаетъ: «Часто благодаря недостатку простоты и благодаря нѣкоторой долѣ тщеславія человѣка, который, кичась своей разумностью, готовъ забыть, что онъ *смертъ*, главнымъ же образомъ вслѣдствіе смѣщенія идеализма и спиритуализма съ христіанствомъ. Но мы имѣемъ наилучшее свидѣтельство отрицательнаго отношенія христіанства къ идеализму въ словахъ самого Христа (см. отъ Луки XXIV, 38—39). (Psychical Realism. Thomas Case, стр. 379. 1888 г.). «Какъ отличается ученіе въ библии отъ берклеянаго идеализма, замѣчаетъ Т. Кэзъ въ другомъ мѣстѣ: въ началѣ сотворилъ Богъ небо и землю и потомъ только человѣка».

стый разумъ“ не знаетъ, существуетъ ли самъ по себѣ его духовный отецъ; причащаясь, онъ не знаетъ, существуетъ ли сама по себѣ Эвхаристія. И, такимъ образомъ, вся внѣшняя сторона церковнаго культа, церковной іерархіи, tout *le visible de l'Eglise*, для него остается непознаваемымъ“.

„Онъ слушаетъ своего священника, читающаго ему съ церковной кафедры папскую энциклику, приходитъ къ себѣ домой и начинаетъ самъ читать этотъ документъ. Согласно его имманентной точкѣ зрѣнія, онъ никогда не будетъ, строго говоря, имѣть разумно обоснованнаго убѣжденія въ томъ, что онъ прочелъ и прослушалъ энциклику, какова она есть на самомъ дѣлѣ. Онъ имѣетъ лишь представление о ней—и только“. Такимъ образомъ, идеализмъ, подрывая вѣру въ реальность внѣшняго міра, подрываетъ и вѣру въ реальность *внѣшней церкви*, то-есть посягаетъ на то, что для католика наряду съ вѣрою въ трансцендентное *цѣнно по преимуществу*. Гардейль въ статьѣ: „Devons-nous traverser Kant?“ задается вопросомъ, должны ли томисты замыкаться въ субъективизмъ Канта или нѣтъ, и отвѣчаетъ отрицательно.

„Понятно—говоритъ онъ,—что Кантъ, видѣвшій свѣтъ лишь сквозь цвѣтныя стекла своего дома въ Кенигсбергѣ, выбралъ первую альтернативу; но не должно за нимъ слѣдовать: идеализмъ—продуктъ больного мозга *). Крайне любопытно, что Гардейль сознаетъ основательность упрековъ въ „трусости мысли“, которые ему дѣлаютъ идеалисты, но вотъ какъ откровенно отвѣчаетъ онъ на эти упреки: „Левъ современной философіи (т.-е. Кантъ) несомнѣнно боленъ. Намъ говорить: *ne бойтесь феноменизма*; имманентная точка зрѣнія, доведенная съ логической послѣдовательностью до конца, даетъ ключъ къ бытію и познанію внутри міра явленной, насколько это возможно. Но . . . . :

*) По мнѣнію Гардейля, идеалистъ: „se voit forcé pour gagner sa vie à chanter sur la guitare de l'illusionisme:

J'ai langui triste et solitaire
 Sans pouvoir trouver le lien,
 Qui m'attache encore à la terre,
 Je ne vois rien, je ne sais rien.

De par le roi des animaux
 Qui dans son antre était malade
 Fut fait savoir à ses vassaux
 Que chaque espèce en ambassade
 Envoyât gens le visiter,
 Sous promesse de bien traiter
 Les députés et leur suite.
 Foi de Lion très bien écrite:
 Bon passeport contre la dent,
 Contre la griffe tout autant.
 L'édit du prince s'exécute,
 De chaque espèce on lui députe.
 Les renards gardant la maison
 Un d'eux en dit cette raison:
 Les pas empreints sur la poussière
 Par ceux qui s'en vont faire au malade leur cour
 Tous sans exception regardent sa tanière,
 Pas un ne marque de retour.
 Cela nous met en défiance
 Que sa Majesté nous dispense
 Grand merci de son passeport!
 Je le crois bon: mais *dans cet antre*
Je vois fort bien comme l'on entre,
Je ne vois pas comme on en sort.

Опасность идеализма съ точки зрѣнія общественнаго дѣятеля.

«Тамъ, гдѣ толпа имѣетъ подозрѣніе, что хитро-
 умные умники покушаются на основы общественнаго
 благополучія, тамъ, повидимому, не только умно,
 но и позволительно и даже почтенно скорѣе идти
 на помощь доброму дѣлу съ призрачными доказа-
 тельствами, чѣмъ позволить мнимымъ противникамъ
 его какое-либо преимущество... Но здѣсь я вынуж-
 денъ думать, что въ мірѣ хуже всего соединять съ
 защитою добраго дѣла хитрость, притворство и об-
 манъ. Самос меньшее чего мы можемъ требовать это,
 чтобы при обсужденіи разумныхъ основаній чистыхъ
 умозрѣній все велось честно» (Кр. ч. р. пер. Сок.
 стр. 523).

Кантъ.

„Кто слишкомъ стремится къ достиженію практическихъ
 цѣлей, говоритъ Гельмгольцъ, тотъ рискуетъ ошибиться

въ расчетъ“. Общественный дѣятель съ его практическими задачами очень часто не можетъ опредѣлить цѣлесообразность и практичность того или другого теоретическаго научнаго положенія, такъ какъ онъ не имѣетъ возможности прослѣдить вполнѣ строго, какіе именно практическіе результаты должны неизбѣжно вытекать изъ усвоенія извѣстнаго философскаго или научнаго положенія. Боязнь (часто лишенная основаній) пошатнуть что-нибудь въ существующемъ общественномъ строѣ, „потрясти основы“, принявъ извѣстное научное положеніе и примѣнивъ его на практикѣ, иногда такъ сильна у общественныхъ дѣятелей, что совершенно парализуетъ свободное развитіе философской мысли. Вотъ почему еще въ XVII вѣкѣ философы и ученые ясно сознавали необходимость избѣгать въ своихъ выводахъ вліянія мнѣній общества съ его предразсудками и постоянными ссылками на „здравый смыслъ“ *). Близорукій здравый смыслъ, вездѣ преслѣдующій лишь ближайшія цѣли, никогда не въ состояніи оцѣнить широкіе взгляды мыслителя. Въ вопросѣ объ идеализмѣ и реализмѣ вліяніе общественныхъ предразсудковъ и трусливаго недомыслія сторонниковъ „здраваго смысла“ проявляется съ особенною яркостью въ боязни утратить *цѣнное по преимуществу*. А такую цѣнную по преимуществу сторону во внѣшнемъ мірѣ для отдѣльнаго общественнаго дѣятеля и для цѣлаго народа, въ которомъ соціальныя интересы преобладаютъ надъ всѣми остальными, должно быть все то, что дѣлаетъ возможнымъ и упрочиваетъ общественныя отношенія и интересы, то-есть реальность другихъ людей, ихъ собственности и всѣхъ матеріальныхъ объектовъ, которые

*) Въ 1646 г., слишкомъ за вѣкъ до появленія англійской школы «здраваго смысла», появилась любопытная бршюра Ламота де Леваіе: «Oposcule ou petit traité sceptique sur cette commune façon de parler: N'avoir le sens commun», гдѣ авторъ указываетъ на вредное вліяніе толпы на философскую мысль: «Грубое невѣжество или извращенное сужденіе черни оказываетъ незамѣтное вліяніе на всякаго мыслителя. Маляръ можетъ вымазать вась бѣлой краской, трубчисть загрязнить сажей—въ обоихъ случаяхъ остается съ трудомъ выводимое пятно».

служать орудіями при взаимномъ общеніи людей. Этотъ взглядъ на идеализмъ, какъ на нѣчто опасное съ общественной точки зрѣнія, особенно часто высказывался англійскими мыслителями, и понятно почему. Огромная роль, которую играютъ политическіе интересы въ жизни англичанъ, ихъ привычка никогда не упускать изъ виду практическихъ соображеній при оцѣнкѣ отвлеченныхъ научныхъ взглядовъ— все это, какъ справедливо указываетъ Морлей*), составляетъ издавна общепризнанную коренную національную особенность англичанъ. Эта особенность заключается „въ глубокомъ недовѣрїи ко всѣмъ общимъ принципамъ, въ крайнемъ нежеланїи часто обращаться къ нимъ и отсутствїи всякой охоты сообщать имъ практическую силу“. У англичанъ постоянно замѣчается наклонность „замѣщать самими узкими политическими взглядами всѣ другія точки зрѣнія на человѣческую дѣятельность. *Въ своемъ мышленїи англичане ставятъ соображенія о соціальныхъ выводахъ на первый планъ, а уваженіе къ истинѣ—на второй*“. Если Стефенъ указываетъ на другую причину, удерживающую англичанъ отъ умозрѣній чисто теоретическаго характера, причину, которая является естественнымъ послѣдствїемъ только что указанной нами національной черты. „Въ метафизическихъ умозрѣніяхъ полетъ мысли у англичанъ былъ всегда непродолжителенъ и близокъ къ землѣ. Наше нерасположеніе къ претенціознымъ умствованїямъ нерѣдко дѣлаетъ насъ слѣпыми по отношенію къ заслугамъ болѣе смѣлыхъ метафизиковъ, у которыхъ ширина взглядовъ оказала на мысль плодотворное дѣйствіе, хотя и привела вмѣстѣ съ тѣмъ ко многимъ ошибочнымъ обобщенїямъ“. Причина этого, по мнѣнію Стефена, заключается въ томъ, что „мы имѣемъ, можетъ быть, слишкомъ много юмору, чтобы не бояться до крайности того осмѣянїя, которое угрожаетъ смѣлому метафизику (the daring adventurer) при его паденїи на землю послѣ неудачной попытки подняться выше атмосферы. Ме-

---

*) On compromise.

жду тѣмъ, мы не рискуемъ сблаться общимъ посящимъ, если будемъ открыто стремиться поддерживать общепринятые взгляды^{*)}). Итакъ, имѣя въ виду эти общія соображенія объ огромномъ влияніи на философское мышленіе страха передъ *практически невыгодными слѣдствіями* и передъ *общественнымъ предубѣжденіемъ* противъ отвлеченныхъ умозрѣній, посмотримъ, какъ этотъ страхъ проявлялся по отношенію къ философскому идеализму.

Беркли первый и послѣдній оригинальный представитель идеалистической точки зрѣнія въ Англіи, былъ не англичаниномъ, а ирландцемъ. Я отмѣчаю этотъ фактъ, потому что, можетъ быть, это не простая случайность, такъ какъ и въ настоящее время едва ли не единственными представителями идеализма (критическаго) въ Англіи являются ирландскіе философы Монкъ и Магаффи (изъ Dublin Trinity College, откуда вышелъ и Беркли). Однимъ изъ очень популярныхъ въ свое время сочиненій, въ которомъ идеализмъ Беркли былъ подвергнутъ рѣзкой критикѣ, было „*Essay on truth*“ Битти (Beattie), появившееся въ 1770 г. „Осмѣлюсь спросить,—говоритъ Битти,—что худого въ томъ, что я упорствую въ прежнихъ мнѣніяхъ и вѣрю со всѣмъ остальнымъ свѣтомъ, что я не единственная тварь на свѣтѣ. что, кромѣ меня, существуютъ еще другіе люди, существованіе которыхъ такъ же независимо отъ меня, какъ мое отъ нихъ?.. Что худого въ томъ, что я убѣжденъ въ необходимости накинуть *идею* шубы на *идею* плечь моихъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ *идея* простуды повлечетъ за собою *идею* такихъ страданій и разстройства, которыя могутъ вызвать смерть?.. Я никогда не слыхалъ объ ученіи, которое было бы болѣе *скандальнымъ абсурдомъ*, чѣмъ ученіе о несуществованіи матеріи... Система эта ведетъ къ атеизму и всеобщему скептицизму. Предположимъ, что она серьезно принята всѣми; предположимъ, что люди отдалились отъ вѣры и принциповъ, *развѣ не послѣдуетъ вслѣдъ за этимъ разложене*

*) «English Thought in the eighteenth Century».

общества и гибель человечества? Это—ученіе, руководствуясь коимъ люди, не могли бы ни дѣйствовать, ни разсуждать ни о какомъ дѣлѣ въ обыденной жизни, не навлекая на себя обвиненія въ безуміи и глупости и не причиняя себѣ ущерба и гибели“. (Essays v. I, p. 242—260).

Юмъ, какъ извѣстно, всецѣло раздѣлялъ идеализмъ Беркли, отбрасывая лишь его теологическую подкладку и распространя сомнѣнія не только на вѣру въ независимое отъ сознанія существованіе матеріи, но и на самостоятельное (отъ отдѣльныхъ душевныхъ состояній) бытіе духовной субстанции. Но Юмъ не былъ строго послѣдовательнымъ скептикомъ. Онъ не выдерживаетъ своего скептицизма въ примѣненіи къ житейской практикѣ и охотно идетъ на компромиссъ, заявляя, что первое прикосновеніе съ общественной жизнью мгновенно разсѣваетъ идеализмъ и сводитъ его къ нулю: „Стойкъ или Эпикуреецъ,—говоритъ онъ,—исповѣдуютъ принципы, которые не только отличаются устойчивостью, но сверхъ того, могутъ оказывать вліяніе на ихъ поведеніе и поступки. Но для скептика человѣческое существованіе становится невысказаннымъ. Если бы люди повсемѣстно стали придерживаться его принциповъ, то это повергнуло бы всѣхъ въ полнѣйшую летаргію, пока естественныя потребности не вынудили бы ихъ положить конецъ такому жалкому существованію... Первое ординарнѣйшее житейское событіе превратитъ сразу въ ничто ихъ недоумѣнія и сомнѣнія“ (Inquiry, Sect XII p. 2) *).

Ридъ, основатель школы „здраваго смысла“, особенно рѣзко подчеркиваетъ ту страшную опасность, которая угрожаетъ обществу, если мы станемъ на идеалистическую точку зрѣнія. Если сгруппировать и отчетливо формулировать разсѣянные въ его сочиненіяхъ аргументы противъ

---

*) «Я обѣдаю, играю въ шашки, весело болтаю съ пріятелями, и когда послѣ 2—3 часовъ развлеченія я возвращаюсь къ этимъ умозрѣніямъ, они представляются мнѣ такими холодными, натянутыми и смѣшными, что я не чувствую ни малѣйшей охоты далѣе въ нихъ углубляться» (соч. Юма. Изд. Грина, т. I, стр. 549).

идеализма, то они могутъ быть сведены къ слѣдующимъ положеніямъ: 1) Идеализмъ идетъ въ разрѣзъ *инстинкту самосохраненія*: „Я порѣшилъ не довѣрять моимъ чувствамъ. Какія же изъ этого вытекаютъ слѣдствія? Я разбиваю себѣ носъ о столбъ, попадающійся мнѣ на дорогѣ. Я оступившись сваливаюсь въ грязную канаву, и послѣ десятка-другого такихъ мудрыхъ и основательныхъ поступковъ меня забираютъ и сажаютъ въ сумасшедшій домъ“ (Inquiry, edby Hamilt. I, 184 a). 2) Идеализмъ сводится къ *солицизму*, то есть, къ отрицанію реальности другихъ живыхъ существъ: „Идеи мои единственные сотовариши! Нечего сказать, холодная компанія! Всякое чувство общественныхъ привязанностей замерзаетъ при этой мысли!“ (Inq. Ed by Ham. p. 283 a)*). 3) Идеализмъ Беркли и критика закона причинности Юма *подрываютъ прочность всѣхъ общественныхъ отношеній и между прочимъ ведутъ къ невозможности отправлять правосудіе*. „Обязательность договоровъ и обѣщаній—вещь настолько святая и важная по своимъ послѣдствіямъ для чело­вѣческаго общества, что умозрѣнія, въ которыхъ замѣтна тенденція ослабить эту обязательность и запутать понятія людей въ такомъ важномъ и ясномъ вопросѣ, должны быть встрѣчены всѣми честными людьми неодобрительно“ (v. III, 444). „Предположимъ, что на большой дорогѣ нашли тѣло покрытое смертельными ранами, съ разбитымъ черепомъ; на покойникѣ нѣтъ ни его часовъ, ни его денегъ. Судьи осмотрѣвъ тѣло, ставятъ вопросъ: какова была причина смерти—несчастная ли случайность, самоубійство или убійство, совершенное неизвѣстными лицами? Предположимъ, что одинъ изъ судей послѣдователь философіи Юма—онъ будетъ настаивать на томъ, что нельзя порѣшить, была ли какая-нибудь причина у этого событія, или

---

*) «Въ самомъ дѣлѣ, онъ (Беркли) мѣтко замѣчаетъ, что только въ одиночествѣ и уединеніи отъ всѣхъ онъ могъ вызвать въ себѣ убѣжденіе въ истинности его философіи; общество, какъ дневной свѣтъ, разсѣяло бы мракъ и туманы скептицизма и подчинило бы его господству здраваго смысла».

оно случилось безо всякой причины“ (Essay on the princ. of h. the mind v. II, p. 286). По поводу общественных послѣдствій, вытекающихъ изъ усвоенія идеализма, Ридъ употребляетъ характерное выраженіе: *uncomfortable consequence*. Относительно теоретическихъ философскихъ выводовъ, которые представляются *угрожающими прочности социальныхъ отношеній*. мнѣ не разъ случалось встрѣчать у англійскихъ писателей другое типичное выраженіе—*alarming conclusions*, наминающее намъ терминъ „неблагонамѣренный образъ мыслей“. Бокль по поводу вышеприведенныхъ аргументовъ противъ идеализма упрекаетъ Рида въ „робости, почти доходящей до моральной трусости“, но, мнѣ кажется, трусость въ мышленіи, составляющая сущность всего духовнаго склада представителей школы здраваго смысла*), есть скорѣе страхъ передъ идеями, чѣмъ страхъ передъ людьми, къ которому можно было бы примѣнить выраженіе Бокля *moral cowardice*.

Чтобы обратить вниманіе на *опасность* скептицизма Юма для общества одинъ изъ современныхъ эпигоновъ школы „здраваго смысла“ указываетъ на то, что *періодъ наибольшаго философскаго скептицизма Юма совпадаетъ со временемъ*, когда противъ него былъ возбужденъ процессъ одной женщиной, обвинявшей его въ томъ, что онъ, приживъ съ ней ребенка, бросилъ ее. „Крайне любопытно,—говоритъ Макъ-Кошъ,— что этотъ инцидентъ случился именно въ то время, когда

*) Вотъ что говоритъ Доріакъ по поводу этой трусости въ мышленіи у представителей школы здраваго смысла: «мы остаемся лицомъ къ лицу съ идеализмомъ, какъ Алиса, въ 3-мъ актѣ «Роберта Дьявола»; преслѣдуемая демономъ, она остается неподвижной, зачарованная его взглядомъ. Она находитъ убѣжище лишь у креста, который она обнимаетъ и, такимъ образомъ, спасается отъ вѣчнаго осужденія. Подобнымъ же образомъ здравый смыслъ ищетъ спасенія въ стремленіи быть реалистомъ; онъ будетъ отрицать подъ вліяніемъ принужденія то, что онъ будетъ утверждать подъ вліяніемъ другаго принужденія. Подобно крестьянину, который бормочетъ свой «*prater poster*», не зная ни слова по-латыни, онъ говоритъ самому себѣ: «я реалистъ». И его убѣжденіе останется непоколебимымъ до тѣхъ поръ, пока онъ не попытается дать себѣ въ немъ отчетъ». (De la réalité selon le sens commun. Lionel Dauriac. La Critique philosophique, 1888, v. I, p. 64).

юноша покидалъ родной домъ (23-лѣтній Юмъ отправлялся путешествовать) въ такомъ исключительномъ состояніи духа“. (Scottish philosophy, 1875. p. 109).

Философія Рида, какъ извѣстно, сильно повліяла на французскихъ мыслителей; на Ройе Коллара (непосредственно). Прево и Жуффуа (черезъ посредство Дугальта Стюарта) и на Виктора Кузэна. Послѣдній, критикуя критическій идеализмъ, выставляетъ противъ него въ качествѣ одного изъ важнѣйшихъ аргументовъ ссылку на *опасность этого ученія для общества*, повторяя мысли Рида объ идеализмѣ Беркли. По его мнѣнію, нигилизмъ — послѣднее слово критическаго идеализма. „Увѣренія въ идеальности пространства, времени и причинности только вызываютъ во мнѣ улыбку и не колеблютъ моихъ убѣжденій“. „Когда совершается убійство, публика приходитъ въ негодованіе противъ убійцы, хотя и не знаетъ, кто онъ. Что же, согласно этой системѣ (т. е. философіи Канта), публикѣ не слѣдуетъ приходиться въ негодованіе; правосудіе не должно прибѣгать ко всяческому поискамъ за убійцей и *преступникъ не долженъ быть подвергнутъ смертной казни (sic!)* только ради того, чтобы удовлетворить закону нашего разума, который требуетъ, чтобы мы предполагали причину, но причину чисто идеальную вездѣ, гдѣ мы видимъ совершающимся какое-нибудь событіе? И пусть насъ не обвиняютъ въ томъ, что мы хотимъ опровергнуть теорію Канта, поднимая ее на смѣхъ, потому что на это мы можемъ отвѣтить, что осмѣяніе есть выраженіе и, такъ сказать, *энергичнѣйшій крикъ здравому смыслу* и, слѣдовательно, оно можетъ быть законно примѣняемо противъ философіи, всякій разъ какъ она заблуждается, какъ въ данномъ случаѣ“ *).

*) Французскій эмигрантъ аббатъ Жераръ Глейгъ, перебравшійся въ 1791 г. изъ Франціи въ Германію, еще задолго до Кузэна примкнулъ къ школѣ здраваго смысла; въ 1817 году онъ выпустилъ на французскомъ и латинскомъ языкахъ (en regard) книгу: «In elementa philosophiae tentamen», гдѣ онъ влагаетъ въ уста нѣмецкаго профессора философіи слѣдующее осужденіе Кантова идеализма: «Если мой отецъ, моя мать — лишь пустая видимость, вачѣмъ я долженъ ихъ уважать? Что станетъ съ повиновеніемъ начальству, съ

Якоби, возрѣнія котораго развивались подъ сильнымъ вліяніемъ Рида и Шотландской школы (SW, II, 175—6), представляетъ себѣ идеализмъ чѣмъ-то ужаснымъ. По поводу ученія Фихте, въ которомъ онъ видѣлъ *отталкивающую иллюзинію*, онъ говоритъ: „Я проклинаю сознаніе, вызвавшее этотъ кошмаръ, и призываю божество—помощника, чтобы отъ него избавиться“.

Томасъ Браунъ, признавая въ принципѣ неопровержимость идеализма, пользуется въ своей критикѣ философіи Канта вторымъ аргументомъ Рида. Онъ указываетъ на ту *опасность, которая угрожаетъ самому критическому идеалисту съ общественной точки зрѣнія*. Идеалистъ считаетъ недоказуемымъ существованіе внѣшняго міра. Но часть этого внѣшняго міра составляютъ другія одушевленные существа и въ томъ числѣ другіе люди—слѣдовательно, и ихъ реальность подвержена сомнѣнію. А этимъ самымъ уничтожается и общеобязательность всѣхъ положеній критическаго идеализма, и самыя условія для его распространенія. Если идеализмъ замыкаетъ насъ въ заколдованный кругъ солипсизма, то какой смыслъ имѣютъ, на примѣръ, утвержденія Канта о всеобщности геометрическихъ сужденій? „Положенія геометріи не могутъ имѣть отношенія къ формамъ мысли всякаго мыслящаго существа, потому что для человѣка онъ самъ есть единственный объектъ, который познается имъ такимъ, каковъ онъ есть“. „Критическая философія не можетъ имѣть много послѣдователей, потому что для каждаго изъ нихъ нѣтъ другаго существа, которому онъ могъ бы сообщить свое credo“ *).

Я окончу эту характеристику страха передъ идеализмомъ съ общественной точки зрѣнія указаніемъ на одинъ въ высшей степени курьезный фактъ, показывающій, до какой

уваженіемъ внушаемымъ закономъ, quid illa publica rerum conditio, quae nostri fortuna, si sociale vinculum umbra levi solum et imagine fugace protegatur? Horret animus excogitantis a me patriam incolis regionem ubi talia doceant. In abdita montium aufugerem, hora si non instaret illa quae me deprimat ad tumultum atque periculo venenosae novitatis eripiat» (101).

*) Edinb Rev. 1804, v. I.

степени у англичанъ сильна привычка рѣшать даже чисто философскіе вопросы *путемъ общественнаго обсужденія и голосованія*. Колленсъ Саймонсъ въ 1847 г. предложилъ сочиненіе на конкурсъ на тему: „О природѣ и составныхъ элементахъ внѣшняго міра или всеобщій имматеріализмъ“. Авторъ, который сумѣлъ бы дать *убѣдительное опроверженіе всеобщаго имматеріализма* (т. е. идеализма), награждается 500 фунтовъ, если онъ представитъ 12 *arrouvers* (судей) между извѣстными учеными и философами *).

Опасность идеализма съ точки зрѣнія естествоиспытателя.

«Я не вижу, какъ могла бы быть опровергнута система даже самаго крайняго идеализма... Мы могли бы предположить, что всѣ наши воспріятія—одинъ сплошной сонъ, хотя и въ высшей степени въ себѣ послѣдовательный, сонъ, въ которомъ одно представленіе развивается изъ другого по строго опредѣленнымъ законамъ».

Гельмгольцъ.

«Подобно тому, какъ мы представляемъ себѣ звѣзды свѣтящимися во время нашего сна, точно такъ же мы будемъ представлять себѣ весь предсознательный періодъ вселенной и земли такъ, какъ будто мы при немъ присутствовали, не заботясь о томъ, было ли что-нибудь, и что именно было за этотъ періодъ во времени „an sich».

Лаасъ.

(Id. und Pos. III, 686).

Издавна въ философіи установилось подраздѣленіе свойствъ тѣлъ на первичныя и вторичныя (выраженія Локка—*primary, secondary qualities*). Въ независимую отъ сознанія реаль-

*) Подобнымъ аргументомъ пользуется въ настоящее время Фолькельтъ. По его мнѣнію, послѣдователи критическаго идеализма проявляютъ фанатизмъ въ стремленіи искоренить трансубъективное (*Fanatismus in der Ausrottung des Transsubjectiven*). Субъективный идеализмъ ведетъ къ «опошленію философіи» (*zur Trivialisierung der Philosophie*). «Къ чему пишетъ книги Шубергъ-Зольдернъ? Чтобы сообщить свѣдѣнія объ извѣстныхъ описываемыхъ имъ представленіяхъ другимъ, одновременно заключеннымъ въ его сознаніи представленіямъ, именно представленіямъ о чужихъ одушевленіяхъ? Но эти послѣднія группы представленийъ должны и безъ того знать о первыхъ, опи-

ность вторичныхъ свойствъ (цвѣтъ, вкусъ, запахъ, звукъ) никто изъ натуралистовъ уже давно не вѣритъ. Съ тѣхъ поръ какъ физиологія органовъ чувствъ была прочно обоснована Иоганномъ Миоллеромъ, наивный реализмъ, считающій вторичныя свойства *экстраментальными реальностями*, не имѣетъ среди натуралистовъ ни одного послѣдователя. Наоборотъ, первичныя свойства тѣлъ (протяженность, подвижность, непроницаемость) не только считаются подавляющимъ большинствомъ натуралистовъ за нѣчто экстраментальное, но почти всѣ они глубоко убѣждены, что вѣра въ реальность матеріи составляетъ основаніе всѣхъ положительныхъ наукъ, и разъ мы утратимъ эту вѣру, мы потеряемъ всякую почву для изученія внѣшняго міра, который сразу превратится для насъ въ галлюцинацію, въ коей нѣтъ ничего устойчиваго, постояннаго, поддающагося взвѣшиванію и измѣренію, слѣдовательно, нѣтъ ничего закономѣрнаго. Исключеніе представляютъ естествоиспытатели, придерживающіеся *панпсихической точки зрѣнія* на міръ, то-есть приписывающіе извѣстную степень одушевленія всей матеріи (Геккель, Цёллнеръ) и незначительная группа, считающая транссубъективное бытіе недоказуемымъ (Гёксли). Итакъ, для натуралистовъ цѣннымъ по преимуществу во-внѣшнемъ мірѣ являются *первичныя свойства тѣлъ*. Идеализмъ, считающій экстраментальное бытіе этихъ свойствъ недоказуемымъ, кажется нѣкоторымъ изъ нихъ опаснѣйшимъ метафизическимъ заблужденіемъ, противъ котораго наука должна бо-

---

санныхъ въ книгахъ представленіяхъ! Вѣдь они принадлежатъ сознанію того же человѣка! Съ другой стороны, читатели сочиненій г-на Шуберта—Зольдерна едва ли удовольствуются тѣмъ, чтобы служить простыми вспомогательными представленіями автора. По крайней мѣрѣ, я, къ счастью, рѣшительно ничего не чувствую отъ того, что сознаніе этого солипсическаго философа пріютило въ себѣ мое бытіе» (см. Zeitschr für Ph. und Ph. Kritik, 1889, стр. 97: «Das Denken als Hülfsvorstellungsthätigkeit und als Anpassungsvorgang. Beiträge zur Kennzeichnung des Positivismus.») Однако Фолькельтъ избобрѣтательнѣе Брауна въ средствахъ къ устрашенію «благонамѣреннаго» читателя: онъ сближаетъ «феноменалистическій радикализмъ, ведущій свое начало отъ Канта и Юма» съ *политическимъ радикализмомъ*—и цѣль достигнута! (стр. 55).

ротьясь всѣми силами *). Въ сочиненіяхъ физиковъ можно часто встрѣтить заявленія о необходимости вѣрить въ реальность *эфира*, которая не подлежитъ никакимъ сомнѣніямъ: считая ее недоказуемой, мы лишаемъ всякаго основанія ученіе о свѣтѣ, объ электричествѣ и тому под. Эфиръ для очень многихъ физиковъ не научная фикція, а реальность, вѣра въ которую безусловно необходима для изученія физики. „Эта субстанція,—пишетъ Тиндаль,—называется свѣтоносный эфиръ. Она наполняетъ пространство; она окружаетъ атомы тѣлъ; она проходитъ, не нарушая своей непрерывности, сквозь жидкости въ глазу etc.“. Та-же необходимость *вѣрить* въ реальность атомовъ и молекулъ предъявляется химиками. Вотъ что пишетъ Кукъ въ своей „Новой химіи“. „Новая химія принимаетъ въ качествѣ основного постулата, что тѣльца, называемыя нами молекулами, суть реальности; но это—ея единственный постулатъ. Примите постулатъ—и вы увидите, что все остальное будетъ вытекать въ качествѣ необходимыхъ выводовъ. Отвергните его — и вся новая химія утратитъ для васъ всякій смыслъ, и вамъ въ такомъ случаѣ не стоить продолжать изученіе этого предмета. Такимъ образомъ, чтобы проникнуться духомъ новой химіи, мы прежде всего должны утвердить въ существованіе молекулъ etc.“ Вся судьба химіи зависитъ отъ

*) «Критицизмъ, говоритъ Вашро, повидному, упускаетъ изъ виду одну вещь, а именно, что наука и даже чистая наука нуждается въ вѣрѣ, ибо у науки есть свой героизмъ. Для того чтобы мыслить такъ же, какъ и для того, чтобы дѣйствовать, философъ долженъ вѣрить въ нѣчто иное, кромѣ самого себя, своего сознанія, своихъ представленій, чувствованій и ощущеній. Станный эгоизмъ, въ который замыкается эта философія дѣлаетъ ее чѣмъ-то окаменѣлымъ и угасшимъ («Метафизика и наука, стр. 342»). «Какой ученый,—замѣчаетъ Фонсегривъ,—не расхохочется, если кто-нибудь вздумаетъ ему доказывать, что физическіе или химическіе законы, открытыя имъ послѣ многихъ мучительныхъ попытокъ, суть лишь рядъ чисто субъективныхъ мыслей и не соответствуютъ ровно ничему реальному, что, напримѣръ, кислородъ или уголь суть ничто внѣ его мысли, и что затменія луны и Венеры суть лишь «представленія» въ его сознаніи?» Въ своей книгѣ «Метафизика и наука» Вашро приводитъ слѣдующія весьма характеристичныя для натуралиста слова: «Идеализмъ—наименѣ популярная изъ вѣщихъ школъ и наиболее *антипатичная* привычкамъ и методамъ современнаго ума» (р. 327).

того, вѣримъ мы или не вѣримъ въ экстраментальное существованіе такихъ уточненныхъ реальностей, какъ, напримеръ, атомъ водорода, вѣсящій по вычисленію Томсона, 0,000,000,000,000,000,000,000,000,109,312 граммовъ, т. - е. 0,109,312 октиліонныхъ. Для біолога, изучающаго не только строеніе и функція организмъ, но также и ихъ развитіе во времени, идеализмъ долженъ представляться отталкивающимъ міросозерцаніемъ, которое находится въ глубокомъ противорѣчій съ эволюціонной точкой зрѣнія, имѣющей въ виду не только *Naturbeschreibung*, но и *Naturgeschichte*. Если весь міръ познается нами, лишь какъ наше представленіе, если все его прошлое рисуется передъ нами, лишь какъ рядъ нашихъ же собственныхъ представленій въ настоящемъ, если пространство и время появились на свѣтъ лишь вмѣстѣ съ сознаніемъ, то какимъ же абсурдомъ должно быть изученіе развитія вселенной до появленія на ней живыхъ существъ и человѣка! Не даромъ Кантъ, давшій впервые въ „Теоріи неба“ (1755 г.) механическое объясненіе происхожденія міра, нигдѣ не сопоставляетъ этого своего научнаго открытія съ конечными выводами своей идеалистической теоріи знанія, появившейся 26 лѣтъ спустя, потому что они находятся между собою въ самомъ вопіющемъ противорѣчій *). „Эволюція,—говоритъ Копъ,—наноситъ „coup de grace“ идеализму“. „Трудно опредѣлить,—замѣчаетъ Бальфуръ Стюартъ,—какъ можетъ смотрѣть идеалистъ на это состояніе вещей (предшествующее появленію сознанія во вселенной), какъ на вселенную вообще!“ Rehmke въ рѣчи, произнесенной въ собраніи врачей и естествоиспытателей въ Эйзенахѣ 21 сент. 1882 года: „Philosophie und Kantianismus“ проявляетъ въ очень характерной формѣ типичный для біолога *Furcht vor dem krassen Subjectivismus* (13), какъ онъ самъ выражается. По его мнѣнію, между фізіоло-

*) Эти ходячія мысли объ несовмѣстности критическаго идеализма и теоріи эволюціи были впервые подмѣнены и охарактеризованы, если не ошибусь, Куно Фишеромъ: «Kritik der Kantischen Philosophie: Гл. IV: „Некритическій взглядъ на міръ“. Изданіе 1883 г., а также 1-е изданіе.

ней и критицизмъ существуетъ consensus лишь на словахъ, а не на дѣлѣ (22). Въдѣ „физическій организмъ для кантіанна—лишь явленіе, представленіе и потому не можетъ хронологически предшествовать міру представленій, какъ его условіе и предпосылка“. Также мысль выражена еще наивнѣе у Фуйляе (*Le mouvement idéaliste*, стр. 82): „можно опровергнуть идеалистическій аргументъ черезъ *reductio ad absurdum*, доведя разсужденіе до самаго субъективнаго и „эгоистическаго“ идеализма: міръ нуждался въ моемъ индивидуальномъ сознаніи, чтобы быть познаннымъ мною—и это я произвелъ міръ, солнце и планеты съ ихъ жителями“. Итакъ, *эпюръ для физика, атомы и молекулы для физика и химика и развитіе организмовъ въ реальномъ, независящемъ ни отъ какаго сознанія времени для біолога*— вотъ цѣнныя по преимуществу стороны въ видимомъ нами мірѣ, это такъ сказать, его скелетъ. Идеалистъ считаетъ недоказуемымъ экстраментальное существованіе этого скелета и тѣмъ самымъ дѣлается заклятымъ врагомъ естествоиспытателя, потому что беззвучный и безцвѣтный міръ матеріальныхъ частицъ, сочетанія и движенія которыхъ подчинены механически необходимымъ законамъ, составляетъ для послѣдняго величайшее на свѣтѣ сокровище. Отсюда понятна страстная антипатія нѣкоторыхъ натуралистовъ къ идеализму. „Всѣ научныя изслѣдованія,— говоритъ одинъ изъ нихъ (Абботтъ),— опираются на теорію, прямо противоположную кантовой, а именно, что вещи могутъ быть познаны, хотя и не вполнѣ, каковы онѣ сами по себѣ; и что познаніе должно сообразоваться съ ними, а не онѣ съ нимъ“... *Идеализмъ „представляетъ наростъ на современной философіи, раковую опухоль, которая питается ея жизненными соками*. Наука завершила рядъ своихъ удивительныхъ побѣдъ, практически отрицая основной принципъ кантовой философіи и руководствуясь на практикѣ какъ разъ противоположнымъ принципомъ, и это просто скандалъ, что философія до сихъ поръ еще не узаконила примѣняемую на практикѣ процедуру, которая побѣдоносно оправдывается, какъ таковая, тѣми неопровержимыми результатами, къ которымъ

они приводятъ. Пора философіи... дать теорію знанія, которая сдѣлала бы методы положительныхъ наукъ не успѣшными на практикѣ (ибо они и безъ того успѣшны), но неуязвимыми съ теоретической точки зрѣнія". (Mind, 1882, v 7, p. 460).—„Ракъовая опухоль"—это, пожалуй, нѣчто страшнѣе „паутины“, „кошмара" или „отвратительной галлюцинаціи!"

Опасность идеализма съ точки зрѣнія поэта.

Zweifle an der Sonne Klarheit,
Zweifle an der Sterne Licht,
Leser, nur an meiner Wahrheit,
Und an deiner Dummheit nicht.

Schelling *).

Если съ научной точки зрѣнія наиболѣе цѣнную сторону внѣшняго міра составляли первичныя свойства матеріи, то съ эстетической точки зрѣнія, наоборотъ, самымъ дорогимъ и привлекательнымъ являются скорѣе вторичныя свойства—краски, звуки и т. п. Поэтъ стоитъ на точкѣ зрѣнія наивнаго реализма: для него эти свойства представляются нерѣдко атрибутами внѣшней реальности, которые продолжаютъ существовать независимо отъ его сознанія.

Философскій идеализмъ не пользовался симпатіями поэтовъ. Во Франціи идеализмъ Декарта былъ осмѣянъ Мольеромъ. Въ *Magie forcée* Сганарель говоритъ Марфурію, что пришелъ къ нему посоветоваться, на что послѣдній замѣчаетъ: „Vous ne devez pas dire: „je suis venu“, mais: „il me semble que je suis venu“. Когда выведенный изъ терпѣнія послѣдующимъ разговоромъ Сганарель начинаетъ бить Марфурію, тотъ кричитъ, что его бьютъ; Сганарель замѣчаетъ на это: „Corriger, s'il vous plait, cette manière de parler; il faut douter de toutes choses, et vous ne devez pas dire que je vous ai battu, mais qu'il vous semble que je vous ai

*) Эти стихи сочинены Шеллингомъ и его женой по адресу Фихте: «Ein Versuch den Leser zum Verstehen zu zwingen». Гете былъ въ восторгѣ отъ этихъ стиховъ. См. Kuno Fischer: G. der N. Philos. B. VI, S. 12, 1894).

battu“. Въ Англіи *) Байронъ отзывается объ идеализмѣ Беркли слѣдующимъ образомъ:

When Bishop Berkeley said there is no matter
 And proved it—'t was no matter what he said,
 They say his system is in vain to batter
 Too subtle for the airiest human head
 And yet who can believe it? I would shatter
 Gladly all matters down to stone or lead
 Or adamant to find the world a spirit
 And wear my head denying that I wear it.
 What a sublime discovery't was to make the
 Univers universal egotism
 That all's ideal—all ourselves.

У Гете въ „Фаустъ“ имѣется слѣдующая сцена:

Вас. Die Welt sie war nicht eh'ich sie erschuf,
 Die Sonne führt'ich aus dem Meer herauf,
 Mit mir begann der Mond des Wechsels Lauf,
 Da schmückte sich der Tag auf meinen Wegen,
 Die Erde grünte, blühte mir entgegen;
 Auf meinen Wink in jener ersten Nacht
 Entfaltete sich aller Sterne Pracht.
 Wer ausser mir entband euch aller Schranken
 Philisterhaft einklemmender Gedanken?
 Ich aber frei, wie mir im Geiste spricht
 Und wandle rasch im eigensten Entzücken
 Das Helle vor mir Finsterniss im Rücken.

Мерф. Original fahr'hin in deiner Pracht,
 Wie würde dich die Einsicht kränken
 Wer kann was Dummes, wer was Kluges denken
 Das nicht die Vorwelt schon gedacht?
 Doch sind wir auch mit diesem nicht gefährdet
 In wenig Jahren wird es anders sein

*) Въ Ирландіи существуетъ легенда, будто Свифтъ пригласилъ къ себѣ въ гости Беркли въ очень дождливую погоду, и когда гость появился у входныхъ дверей, хозяинъ не отперъ ихъ, прося его проникнуть сквозь запертыя двери. Джонсонъ говорилъ въ обществѣ одному берклезянцу: «Пожалуйста, сэръ, не уходите отъ насъ, а то можетъ случиться, что мы забудемъ думать о васъ, и тогда вы перестанете существовать».

Wenn sich der Most auch ganz absurd gebärdet,
Es giebt zuletzt doch noch n'n Wein

Такому же осмѣянію подвергся идеализмъ Фихте Ж. По-
лемъ Рихтеромъ („Clavis Fichtiana“)*. Нельзя сказать, что-

*) Въ Испаніи мы находимъ у Кальдерона въ его знаменитомъ *La vida es sueño*, повидимому, открытое исповѣданіе философскаго идеализма:

...Nous vivons dans un univers de mensonge,
Où vivre c'est rêver, ou l'homme en ce sommeil
Rêve tout ce qu'il sent et voit jusqu'au réveil,
Le roi rêve qu'il est roi, puis ce grand fantôme
Conduit, regit, commande et gouverne un royaume;
Mais de tous les honneurs qu'on lui prête souvent
La mort fait une cendre et jette tout au vent.
Quelqu'un voudra-t-il donc régner encore s'il pense
Finir dans le sommeil où finit l'existence?
Le riche rêve hélas de son or convoité,
Le pauvre qu'il ressent la faim, la pauvreté,
Celui qui s'accroît rêve et sa vie est rêve.
A celui dont la soif de grandir est sans trêve,
Au méchant qui se venge, outrage on fait affront;
Et dans la vie enfin tous rêvent ce qu'ils sont,
Mais nul ne le comprend, nul n'a d'inquiétude.
Moi j'ai rêvé de fer pesant de servitude;
Mais j'ai rêvé déjà d'autre condition.
Qu'est la vie? Une extase. Encore?—Une illusion.
Le plus grand bien n'est rien. Car la vie est un songe,
Car la vie est un rêve, et le rêve un mensonge.

[*La vie est un songe*, 2-й день, 22-я сцена, переводъ Louis Vasco. 1892 г. См. изданіе: Société dunkerquoise pour l'encouragement des sciences]. Прочитавъ эти строки, можно подумать, что Кальдеронъ — крайній идеалистъ по своимъ философскимъ убѣжденіямъ, усвоившій это мировоззрѣніе подъ вліяніемъ сопоставленій сна и дѣйствительности въ «Рѣчи о методѣ» Декарта, которая вышла въ свѣтъ тремя годами раньше «*La vida es sueño*». (1637—1640). Но болѣе близкое знакомство съ мирозерцаніемъ Кальдерона свидѣтельствуеетъ, что сопоставленіе сна и жизни было для него простой поэтической аллегоріей для выраженія мысли: «*Vanitas vanitatum et omnia vanitas*». «Человѣческая личность,—говоритъ Ортицъ въ своей книгѣ «*Die Weltanschauung Calderons*» [Bernier Studien zur Philosophie und ihrer Geschichte, стр. 41-я, Bern, 1897], имѣетъ съ точки зрѣнія Кальдерона центральное значеніе въ твореніи (Centralwert) подобно «Я» у Фихте и «Волѣ» Шопенгауэра, но она не представляетъ для него первоисточника вселенной, какъ для этихъ двухъ философовъ, наоборотъ, является, по крайней мѣрѣ въ томъ, что относится къ ея организаціи, результатомъ воздѣйствія на нее окружающаго міра». Сочиненія Декарта были, повидимому, совершенно неизвѣстны Кальдерону:

бы въ отношеніи этихъ поэтовъ къ идеализму чувствовался страхъ передъ возможной утратой цѣннаго; скорѣе они относятся къ нему полушутя; но несомнѣнно, что за этимъ полушутливымъ отношеніемъ скрывается чувство *антипатіи*, иногда, какъ мы увидимъ ниже, переходящее въ *панической страхъ*. Мнѣ кажется, для этой антипатіи у поэтовъ имѣются три причины. Если смѣшивать идеализмъ съ иллюзіонизмомъ (а поэты, осмѣивающіе его, дѣлаютъ какъ разъ это), то I) внѣшній міръ низводится на степень продуктовъ воображенія, которые, вообще говоря, кажутся копіями и притомъ не столь яркими, какъ ихъ оригиналы—реальные предметы. Поэту представляется, что во внѣшнемъ мірѣ—галлюцинаціи нѣтъ той *живости* ощущеній, той *интенсивности чувственной тона*, какими обладаютъ реальные воспріятія. „Красота“ становится „*блѣднымъ вымысломъ*“, если природа—продуктъ нашей фантазіи *). II) *Качественное разнообразіе*, какое мы замѣчаемъ въ роскоши красокъ, звуковъ и другихъ ощущеній при воспріятіи реальныхъ явленій, также должно, повидимому, пострадать, если эти явленія оказываются чѣмъ-то

онъ не владѣлъ французскимъ языкомъ (стр. 58-я), и всѣ изучавшіе міровоззрѣніе Кальдерона подчеркиваютъ въ немъ средство со схоластическимъ реализмомъ. Эомы Аквинскаго, который былъ для Кальдерона величайшимъ авторитетомъ: «*Thomas dijo*» (стр. 28) [см. также: «*Schlaf und Traum bei Calderon*», статья Юганна Алберта, Würzburg, 1800 сборникъ статей въ память 25-лѣтней дѣятельности Людвигъ Ульрихса].

*) Ссылка на *живость чувственного тона*, какъ на *доказательство* экстраментального существованія воспріятій, представляетъ одинъ изъ самыхъ старыхъ аргументовъ противъ идеализма. Этотъ аргументъ встрѣчается у Локка, который предложилъ идеалистамъ сунуть палецъ въ пламя свѣчи. (Essay, кн. IV, гл. 2, § 14). У Локка въ новѣйшее время этотъ аргументъ заимствовалъ Гартманнъ. (Филос. Безсоснат. Ч. I, гл. IX, пер. А. А. Козлова). Лучше всего онъ выраженъ въ видѣ вышеприведеннаго *argumenti baculini* у Мольера. Этотъ аргументъ сохраняетъ все свое значеніе для *Фульге* при «опроверженіи» критическаго идеализма: «Предположите, что кто-то замahнулъ на васъ палкой и ударилъ васъ; неужели вы, кантіанецъ, удовольствуетесь ссылкой на независимость и спонтанеичность мысли, говоря, что въ концѣ-концовъ палка, рука, державшая ее, и человекъ, ударившій васъ, не существовали бы для васъ независимо отъ законовъ вашего мышленія и вашего представленія? Да—а между тѣмъ васъ поколотили, и вы узнали, что удары исходили не отъ васъ самихъ».

призрачнымъ. III) Идеализмъ ведетъ къ отрицанію реальности другихъ *живыхъ существъ* или, по крайней мѣрѣ, къ неувѣренности въ ней. Это обстоятельство должно быть особенно антипатично для поэта, такъ какъ одухотвореніе природы, *соціализація* всѣхъ міровыхъ явленій, стремленіе къ расширенію собственной личности путемъ симпатическаго сближенія съ ея проявленіями жизни въ природѣ на всѣхъ ступеняхъ ея развитія,—все это, какъ извѣстно, составляетъ одну изъ характерныхъ особенностей поэтическаго творчества. Поэтому поэтъ склоненъ считать *красоту въ природѣ*, за внѣшнее проявленіе жизни объективной, существующей независимо отъ насъ. До какой степени *чужое одушевленіе* цѣнно для поэта, можно видѣть изъ стихотворенія Фета, въ которомъ описываются чувства послѣдняго человѣческаго существа, оставшагося на землѣ, гдѣ вымерло все живое: „Никогда“. Вотъ окончаніе этого стихотворенія:

«Все понялъ я! Земля давно остыла
И вымерла! Кому же берегу
Въ груди дыханье? Для кого могила
Меня вернула? И мое сознанье
Съ чѣмъ связано? И въ чемъ его призванье?
Куда идти, гдѣ некого обнять,
Тамъ, гдѣ въ пространствѣ затерялось время.
Вернись же, смерть, поторопись принять
Послѣдней жизни роковое бремя;
А ты, застывшій трупъ земли, лети,
Неси мой трупъ по вѣчному пути!»

Солипсизмъ для поэта—нѣчто худшее смерти: онъ вселяетъ въ него безграничный ужасъ. Такимъ образомъ, для поэта цѣнны по преимуществу: *интенсивность чувственаго тона, качественное разнообразіе ощущеній и чужая жизнь, воплощенная въ безчисленныхъ формахъ объективной красоты*. Мысль о томъ, что за яркою и пестрою оболочкой „вторичныхъ свойствъ“—ощущеній и чувствованій—нѣтъ никакой реальности, что за таинственнымъ покрываломъ Май и скрывается абсолютное ничто, эта мысль вызываетъ въ нѣкоторыхъ

поэтахъ неподдѣльный ужасъ. Яркій образчикъ подобнаго ужаса передъ идеей призрачности мірового процесса можно найти у Ришпена *), и у Полонскаго. Вотъ стихотворенія послѣдняго—„Ничто“:

Всесильное ничто, бездушный мракъ, могила
 Бездонная всего, что движется, что было,
 И есть, и будетъ, смерть смертей!
Я не могу безъ содроганья
 Ни мыслить о тебѣ, ни о судьбѣ людей,
 Прильнувшихъ въ вихрь мірозданья
 Къ землѣ на мигъ, чтобъ быть игралищемъ страстей,
 Безумныхъ оргій иль страданья.
 Но если иногда ничтожество мое
 Мнѣ говорить, что я не вѣченъ,
 Ничто, ужели я тобой вочеловѣченъ,
 Или—подобіе твое?
 Ужели мнѣ тобой даны и слухъ, и очи,

*) Ужасъ передъ призрачностью бытія у Ришпена замаскированъ цинизмомъ. Ришпенъ крайній сенсуалистъ по своимъ философскимъ воззрѣніямъ; онъ доходитъ до отрицанія законмѣрности природы и готовъ разсматривать ее, какъ бессмысленный призрачный хаосъ. Но философскій „нигилизмъ“, къ которому онъ чувствуетъ влеченіе, пугаетъ его. Въ предисловіи къ «Les derniers idoles» онъ говоритъ: „даже между тѣми, кто меня любитъ, немного найдется лицъ, которыя дерзнуть спуститься за мною до послѣдней ступеньки головокружительной лѣстницы, ведущей къ ужасающему и невозмутимому нигилизму (erouvantable et serene nihilisme“). Вотъ какую картину представляетъ міровой процессъ съ точки зрѣнія этого ужасающаго нигилизма:

Sur l'infini pour linceul
 Zéro s'embêtait tout seul.
 Soudain au bord de l'espace
 Il a vu Néant qui passe.
 Grâce à leur Vague absolu
 L'un à l'autre ils se sont plu.
 De cette union modèle
 Rien du tout tient la chandelle,
 Donc dans le vide béant
 Zéro s'accouple à néant.
 Nullité c'est toi qui mêles
 Leurs inanités jumelles.
 Et de ce coût subtil
 Nait le monde. Ainsi soit-il.

И осязанье для того,
 Чтобъ я, какъ Богъ, изъ ничто
 Творилъ минуты, дни и ночи
 И наполнялъ бы ихъ собой,
 Сердечнымъ трепетомъ и трепетнымъ созданьемъ,
 То отрицаемъ, то враждой,
 То безобразіемъ, то дивной красотой
 И умиленнымъ упованьемъ.
 Ужель, Ничто, ты—первообразъ мой?
 Цѣль безконечная существованій стала
 Невидимой, или она ушла,
 Чтобъ тьма иль пустота ее оборвала
 И чтобъ она навѣкъ пропала!

.....
 О, Господи, земныхъ творцовъ Творецъ,
 Не вижу, не могу я видѣть, гдѣ конецъ
 Того, гдѣ Ты всему начало.
 О, Господи, верни мнѣ то,
 Чего не покорить всесильное Ничто:
 И вѣру, и любовь, и правду, и незлобье,
 Верни мнѣ образъ Твой, верни Твое подобье!

Чувство беспомощности, нравственного одиночества, призрачности всѣхъ отношеній къ другимъ существамъ, призрачности красоты въ природѣ—вотъ элементы, изъ которыхъ вырастаетъ этотъ ужасъ. Крайне любопытно, что это стихотвореніе представляетъ какъ-бы поэтическое переложеніе вышеприведенныхъ по поводу идеализма словъ Якоби: „Я проклинаю сознаніе, вызвавшее этотъ кошмаръ [„Я не могу безъ содроганья мыслить о „ничто“], и призываю божество-помощника, чтобы отъ него избавиться [О, Господи, верни мнѣ то, чего не покорить всесильное ничто...]“. Ниже я еще буду имѣть случай сказать нѣсколько словъ о психической природѣ этого ужаса.

Психологическія соображенія.

„Трусость въ мышленіи“ составляетъ одинъ изъ очень сложныхъ видовъ страха, такъ какъ она заключается въ

извѣстномъ взаимоотношеніи между эмоціями и механизмомъ нашихъ представленій. Какъ извѣстно, въ нашемъ мышленіи замѣтно постоянное стремленіе избѣгать такихъ представленій, которыя кажутся намъ отталкивающими. Наоборотъ, мы склонны болѣе останавливать наше вниманіе на представленіяхъ привлекательныхъ, и, такимъ образомъ, незнательно нерѣдко весь ходъ нашихъ представленій подчиняется извѣстному подбору. „Сильныя эмоціи,—говоритъ Бэнъ,—внушая намъ извѣстные поступки и влияя на наши умственные приобрѣтенія, въ то-же время оказываютъ дѣйствіе на наши сужденія объ истинномъ и ложномъ. Эмоція страха проявляетъ значительность своей силы, внушая намъ самыя ирраціональныя вѣрованія“ *).

Возможность вліять на логическія убѣжденія другихъ людей путемъ „интимидации“ была впервые подмѣчена, если не ошибаюсь, Аристотелемъ въ слѣдующемъ мѣстѣ *Риторики*: „Когда нужно, чтобы ораторъ возбудилъ страхъ въ своихъ слушателяхъ, онъ долженъ показать имъ, что они таковы, что могутъ потерпѣть бѣдствія, ибо и другіе люди сильнѣйшіе пострадали“ (Риторика, книга II, гл. VII).

Шопенгауэръ характеризуетъ этотъ приемъ въ спорѣ, называемый имъ *argumentum ab utili*, слѣдующимъ образомъ: „Если вамъ удастся заставить почувствовать вашего оппонента, что его мнѣніе, будь оно истинно, явно наноситъ ущербъ его интересамъ, онъ отброситъ его, какъ горячую картошку, и признаетъ, что съ его стороны было очень неосторожно отстаивать такое мнѣніе. Священникъ, напримѣръ, защищаетъ извѣстную философскую догму; вы даете ему понять, что эта догма непосредственно противорѣчитъ одному изъ основныхъ ученій церкви—и онъ покидаетъ ее. Помѣщикъ утверждаетъ, что введеніе машинъ въ земледѣльческія работы, практикуемое въ Англии, превосходная затѣя, ибо одна машина выполняетъ работу, многихъ людей. Дайте ему понять, что недалеко то время, когда экипажи будутъ приводиться

*) Emotions and Will, см. главу о вліяніи эмоцій на вѣрованія.

въ движеніе паромъ, и что тогда стоимость его обширнаго конскаго завода значительно упадетъ—и вы увидите, что онъ скажетъ“.

„Есть много людей, — говоритъ Поланъ, — у которыхъ функционированіе ума находится въ зависимости отъ эмоціи. Будучи неспособными заинтересоваться какой-нибудь отвлеченной теоріей и высказать какое-либо замѣчаніе по поводу нея, они начинаютъ обсуждать и критиковать ее, какъ только замѣчаютъ, что она непосредственно угрожаетъ ихъ интересамъ. Споры по политическимъ и общественнымъ вопросамъ нерѣдко свидѣтельствуютъ объ этомъ порабощеніи ума волею. Таковы, напримѣръ, разговоры купцовъ, которымъ угрожаетъ расширеніе потребительныхъ обществъ“ (Esprits logiques et esprits faux., p. 71). Поланъ, однако, вовсе не подозреваетъ, что *страхъ* и *надежда* сильнѣйшимъ образомъ вліяютъ на наши логическіе выводы и въ сферѣ чисто-научной мысли и притомъ совершенно независимо отъ воздѣйствія другихъ людей. Ладдъ въ своей психологіи указываетъ на то, какъ, напримѣръ, эмоція надежды можетъ исказить результаты научнаго изслѣдованія. Профессоръ геологіи Alpheus Hyatt *надѣялся* найти въ нѣкоторыхъ палеонтологическихъ наблюденіяхъ наглядное подтвержденіе теоріи эволюціи, но въ-время *поймалъ себя* на тенденціозной подтасовкѣ фактовъ въ желаемомъ направленіи; оказалось, что *честная* группировка наблюденій не оправдывала ожиданій (Ladd, Psychology, p. 511).

По словамъ Гамильтона, это вторженіе эмоцій страха и надежды въ логическій процессъ „стремится такъ направить ассоціаціи мыслей, что, во-1-хъ, только такія промежуточные звенья въ цѣпи доказательствъ (media of proof) впускаются и привлекаются ими въ сферу сознанія, которыя благоприятствуютъ заключенію, къ коему насъ влечетъ эмоція; во-2-хъ, если приходятъ въ голову промежуточные звенья въ цѣпи доказательствъ, которыя ведутъ къ противоположному заключенію, то умъ все-таки остается подъ вліяніемъ эмоціи и подвергаетъ ихъ реальность сомнѣнію; если же

послѣдняя несомнѣнна, то стремится умалить ихъ убѣдительность для вывода, и въ то же время онъ склоненъ, не колеблясь, принять тѣ доводы, которые благопріятствуютъ заключенію въ интересахъ нашего страха или надежды, и расположенъ преувеличивать ту принудительность, съ которою эти аргументы приводятъ къ данному конечному выводу“ (Lectures on Logic, II, 100—101).

Въ философскомъ мышленіи это явленіе представляется еще болѣе сложнымъ. Предметомъ философскаго мышленія служатъ не единичныя представленія, а концепты, и притомъ самаго отвлеченнаго свойства. Такіе концепты сами по себѣ, подобно математическимъ идеямъ, такъ сказать, почти не окрашены *аффективнымъ тѣлбромъ*, т.-е. взятые сами по себѣ они, какъ предметъ чисто-логическаго анализа, не затрогиваютъ нашихъ интересовъ практическихъ; но на самомъ дѣлѣ они никогда не бываютъ обособлены отъ иныхъ, болѣе конкретныхъ представленій, съ которыми можетъ быть связана значительная эмоціональная окраска. Такъ, напримѣръ, сложная система концептовъ, объединяемыхъ терминомъ *критическій идеализмъ* (обозначимъ эту систему черезъ *A*), сама по себѣ могла бы быть предметомъ объективнаго логическаго обсуждения, если бы она не наталкивала на нѣчто болѣе конкретное, именно, на представленіе призрачности, неустойчивости нашихъ воспріятій, то-есть на концептъ *B*—*иллюзіонизмъ*; а это болѣе конкретное понятіе, хотя и въ смутной формѣ, способно вызвать страхъ въ томъ, кто дорожить устойчивостью воспріятій и подчиненностью ихъ извѣстной закономерности. Философу, разбирающему съ чисто логической стороны систему концептовъ *A* (идеализмъ), можетъ показаться, что она, будучи сведена къ болѣе конкретному представленію, есть въ сущности иллюзіонизмъ (*B*). Такимъ образомъ между *A* и *B* устанавливается *логическое сходство*. Предположимъ теперь, что система концептовъ *A* (идеализмъ) показалась философу чѣмъ-то несимпатичнымъ, идя въ разрѣзъ съ привычной для него точкой зрѣнія, согласно которой независящая ни отъ

какого сознанія реальность вѣшняго міра есть несомнѣнный фактъ. Онъ еще самъ не знаетъ, почему эта новая точка зрѣнія ему несимпатична, почему онъ чувствуетъ необходимость догматически вѣрить въ независящую отъ сознанія реальность. Но вотъ—передъ его сознаніемъ всплываетъ болѣе конкретный концептъ неустойчивости воспріятій, концептъ иллюзіонизма. Разумѣется, этотъ концептъ еще не вполне конкретный образъ, такъ какъ его, строго говоря, нельзя себѣ представить. Это—еще неопредѣленная, но уже воздѣйствующая на чувство страха идея неустойчивости воспріятій вообще. Предположимъ далѣе, что логическій процессъ (вѣрный или ошибочный—это другой вопросъ) побудилъ философа признать идеализмъ тождественнымъ съ иллюзіонизмомъ, а послѣдній—не вполне конкретный концептъ неустойчивости воспріятій—онъ замѣнилъ *нагляднымъ представленіемъ ихъ призрачности* (С). Что должно особенно поразить его воображеніе? Да, несомнѣнно, *представленіе объ утратѣ во вѣншнемъ мірѣ того, что для него цѣнно по преимуществу* (С). Оно должно довести его страхъ до наивысшей степени, и вслѣдъ за логическимъ процессомъ установленія сходства между А и В и В и С произойдетъ въ обратномъ направленіи процессъ *распространенія эмоціи страха съ С на В и съ В на А*, то-есть такъ называемый въ психологіи чувствованій *переносъ эмоціи по сходству* съ одного представленія на другое. Но между интенсивностью эмоціи и силою ея выраженія существуетъ, какъ извѣстно, до нѣкоторой степени параллелизмъ *). Въ устномъ спорѣ описанный страхъ догматики реализма переходитъ, какъ это было мѣтко указано Фихте, въ *гнѣвъ*: онъ *возвышаетъ голосъ* и начинаетъ горячиться. *Горячность* догматиковъ реализма была отмѣчена Платономъ, затѣмъ Беркли и Фихте. Въ своей полемикѣ противъ идеалистовъ [*ἐν μέσῳ δὲ περὶ ταῦτ' ἄπλετος ἀμφοτέρων μᾶλλον*] эти *δεινοὶ ἄνδρες* (идеалисты же *ἡμερώτεροι*!) настаиваютъ на существованіи одного лишь матеріальнаго бытія (*καταφρονοῦντες*

*) Bourdon: De l'expression des emotions et des tendances dans le langage. 1892.

τὸ παραπᾶν καὶ οὐδὲν ἐθέλοντες ἄλλο ἀλοῦεν), „презирая того, кто противорѣчитъ имъ, и не желая вовсе слушать“ (Софистъ 24б). *Ne serdisse*,—говоритъ Беркли философскому реалисту:— ты не теряешь ничего—ни реального, ни химерического“ (Издание Фрэзера т. IV, 432). По словамъ Фихте; „догматикъ сердится, извращаетъ смыслъ и готовъ былъ бы преслѣдовать противника, если бы это было въ его власти; идеалистъ холоденъ и подвергается соблазну поднять на смѣхъ своего антагониста“. На письмѣ „чисто-интеллектуальные признаки наличности эмоці всплываютъ на поверхность въ языкѣ“ *) и выражаются въ подборѣ *отталкивающихъ эпитетовъ* по адресу идеализма, въ которыхъ эмоція *выдаетъ* себя. Вотъ схематическое изображеніе только что описаннаго мною процесса мысли въ примѣненіи къ указаннымъ выше враждебнымъ взглядамъ на идеализмъ: (см. табл. на стр. 856).

Эти соображенія, почерпнутыя изъ данныхъ нормальной психологіи, слѣдуетъ пополнить мыслями, на которыя наводитъ изученіе нѣкоторыхъ психопатологическихъ явленій, а именно, нѣкоторыхъ специальныхъ формъ *сомнѣнія* и *страха*. I. Было бы ошибочно думать, что вѣра въ реальность внѣшнихъ воспріятій есть чисто-интеллектуальное знаніе, такъ какъ помимо логической стороны въ этой вѣрѣ есть волевой элементъ. Увѣренность въ постоянствѣ связи нашихъ представленій, какимъ отличаются наши воспріятія, отражается на степени рѣшимости дѣйствовать. „Мы вѣримъ,—говоритъ Пэйо, — всѣмъ нашимъ существомъ и тѣломъ, и чувственною воспримчивостью, и умомъ**). Между воленіемъ и вѣрою—разница въ степени: *Croire c'est se retenir d'agir*. Эта связь между вѣрою и рѣшимостью дѣйствовать согласно ей прекрасно обнаруживается на томъ фактѣ, что исполненіе обрядовъ, связанныхъ съ извѣстнымъ вѣрованіемъ, какъ указываетъ Пэйо, содѣйствуетъ укрѣпленію послѣдняго.

*) Bain. Emotions and Will.

***) „De la croyance“.

Вопросы философіи, кн. 55.

	Представл. А.	Представл. В.	Представл. С.	Определенія идеа- лизма.
				Внѣшнее выраженіе эмоціи.
духовное лицо	Идеализмъ	Иллюзіонизмъ	сверхчувств. мѣръ	полетъ Икара противоестествен. точка зрѣнія ядовитое новше- ство отвратительная галлюцинація кошмаръ паутина раковая опухоль самая чудовищная вещь на свѣтѣ смерть смертей скандальный аб- сурдъ червь, подтачи- вающій современ- ную философію
обществ. дѣят.			видимая цер- ковь	
ученый			другіе люди	
поэтъ			<i>утрата цѣн- наго по пре- имуществу</i>	
			соціалн. от- ношен.	
	эвиръ, атомы			
	эволюція въ реальн. вре- мени			
	интенсивность и разнообразн. ощущен.			
	объективность жизни въ при- родѣ			

A —————> C

I) Процессъ мысли.

A <————— C

II) Переносъ по сходству представлений чувства страха и его рас-
ширеніе.

„Дѣла порождаютъ любовь, а любовь—вѣрованія. Не надо дожидаться полной вѣры, чтобы начать исполненіе обрядовъ, такъ какъ вѣра разовьется сама собой“ (Боссю). „Нужно заставить себя вѣрить какъ умомъ, такъ и чувствомъ, а чтобы достигнуть вѣры, надо поступать такъ, какъ будто вѣришь“ (Паскаль)*). А если вѣрованіе въ извѣстную реаль-

*) „Въ качествѣ чисто-логическихъ мыслителей безъ эмоциональной реакціи, мы приписываемъ реальность рѣшительно всѣмъ объектамъ нашей мысли, ибо всѣ они суть по меньшей мѣрѣ дѣйствительно явленія или объекты на

ность усиливается отъ нашей активности, связанной съ этимъ вѣрованіемъ, то-есть если оно возрастаетъ въ зависимости отъ образованія извѣстныхъ привычекъ къ дѣйствию, то отсюда понятно, почему отрѣшиться отъ точки зрѣнія (реализма), которая кажется связанной съ вѣрою въ реальность *цѣннаго по преимуществу* для лица извѣстной профессіи, особенно трудно: *это вѣрованіе для него—наибольше привычное **). Кантъ, говорившій, что взгляды догматика, усвоивающаго критическій идеализмъ, должны претерпѣвать въ теченіе извѣстнаго времени *трѣніе* (Friction), чтобы преобразоваться, не подозревалъ, сколь велико это трѣніе, и какія специфическія формы оно принимаетъ у людей различныхъ профессій. Такимъ образомъ, существуютъ двѣ различныя вещи: *отвлеченное логическое знаніе* о реальности внѣшняго міра и *органическое убѣжденіе* въ постоянствѣ нашихъ воспріятій. Последнее ослабляется въ болѣзни *манія сомнѣнія*—folie du doute, подмѣченной впервые Пинелемъ въ 1802 году, затѣмъ описанной Эскиролемъ (1838 г. „manie raisonnante“), Легранъ дю-Солемъ, Вестфалемъ, Фальре и Болломъ (Ball). Вотъ каковы, по описанію послѣдняго, ея симптомы. „Пациентъ, повидимому, охваченъ философскими сомнѣніями Декарта. Въ его личности произошло измѣненіе: „Все въ окружающей жизни почти осталось безъ измѣненія, но утратилась *вера* въ реальность“—произошла полная потеря чувства реальности. Въ тѣлѣ чувствовалась пустота, оно казалось пациенту какъ-бы пустымъ бумажнымъ мѣшкомъ. Ассоціаціи

шей преходящей мысли. Но въ качествѣ мыслителей, обладающихъ эмоциональной реакціей, мы сообщаемъ нѣчто кажущееся намъ высшей степенью реальности тѣмъ объектамъ, которые мы выделяемъ и подчеркиваемъ (emphaze), и къ которымъ охотно стремимся. Эти объекты суть для насъ живыя реальности и не только сами они, но и другія вещи, тѣсно съ ними связанныя“. Въ этомъ смыслѣ „реально то, что пробуждаетъ и вызываетъ въ насъ интересъ“. Такимъ образомъ, чувство реальности,—эмоція убѣжденія“ (emotion of conviction—выраженіе Багехо въ его статьѣ подъ этимъ заглавіемъ) есть величина *веремѣнная* (James: The Psychology of belief, Mind, XIV, 333).

*) „La coutume,—говоритъ Паскаль,—fait nos preuves les plus fortes et les plus crues“ (Pensées, art X, 4).

зрительныхъ ощущеній съ осязательными не порождали *увѣренности* въ реальности предметовъ. Міръ для него уподобился гигантской галлюцинаціи; онъ поглощалъ тѣнь пици въ тѣнь желудка *). Замѣчательно, что эта болѣзнь отнюдь не есть умственное разстройство: *націлты веегда сознають нелѣтность своихъ сомнѣній*; они отлично знаютъ, что міръ не есть галлюцинація; но при каждомъ отдѣльномъ воспріятіи не увѣрены въ томъ, имѣютъ ли они дѣло съ чѣмъ-нибудь реальнымъ, или съ продуктомъ ихъ воображенія **). Они постоянно нуждаются въ опроверженіи ихъ сомнѣній другими лицами, и нерѣдко, не довѣряя ихъ словеснымъ показаніямъ относительно реальности того или другого явленія, просятъ завѣрить ихъ въ этомъ *письменно* (Would you mind putting it on paper!). *Коліе ду доіте* есть крайнее патологическое проявленіе болѣзненныхъ сомнѣній, которыя хорошо знакомы почти всякому человѣку. Всякому случалось испытывать порой доходящую до смѣшного неувѣренность въ реальности того или другого отдѣльнаго воспріятія. Нормальные люди иногда

*) Сопоставьте описаніе этого болѣзненного явленія съ описаніемъ того состоянія духа, къ которому должна привести критическая точка зрѣнія на міръ, по мнѣнію Ансильона: „Феноменологіей злоупотребляли самымъ страннымъ образомъ; гдѣ же въ концѣ-концовъ то реальное существо, передъ которымъ возникаютъ эти явленія?! Эта фантазмагорія (критич. идеализмъ) напоминаетъ пиръ Бармесиды въ арабскихъ сказкахъ, гдѣ на пустой столъ ставились воображаемыя яства въ воображаемыхъ сосудахъ. Тѣнь философа, приближающаяся къ тѣни чувственныхъ явленій, къ тѣни абстракцій, напоминаетъ слѣдующіе стихи Скаррона:

J'ai vu l'ombre d'un cocher

Frottant l'ombre d'un carosse

Avec l'ombre d'une brosse. (Essais philosophiques 1817).

**) Дильтей въ своемъ интересномъ изслѣдованіи: „Beiträge zur Lösung der Frage vom Ursprung unserer Glaubens an die Realität der Aussenwelt und seinem Recht“ подтверждаетъ эти факты, ссылаясь на наблюденія д-ра Крисхабера. „Н. въ одномъ изъ этихъ наблюденій,—говоритъ Дильтей,—не появлялось отрицаніе сознанія реальности; но это сознаніе реальности подверглось ослабленію, подобно тому, которое мы замѣчаемъ въ сновидѣніяхъ... Различія меньшей степени появляются также и въ нашей нормальной жизни“. См. Sitzungsberichte der Königlich preussischen Akademie der Wissenschaften] zu Berlin, XXXIX, 1890].

испытываютъ ни на чемъ не основанную неувѣренность въ томъ, взяли ли съ собой на дорогу деньги, слѣдуетъ ли или не слѣдуетъ признать въ лицѣ, сидящемъ въ омнибусѣ, знакомаго и т. п. Эта неувѣренность есть несомнѣнно болѣзненный *тикъ* и оставляетъ послѣ себя очень непріятное впечатлѣніе. Я уже замѣтилъ, что она не имѣетъ никакого отношенія къ отвлеченному логическому отрицанію возможности познать или доказать существованіе реальностей, независящихся отъ нашего сознанія; но не естественно ли предположить, что это *непріятное чувство ослабленія увѣренности въ реальности отдѣльныхъ воспріятій играетъ нѣкоторую роль въ страхѣ передъ идеализмомъ въ глазахъ тѣхъ лицъ, которыя смѣшиваютъ его съ иллюзионизмомъ?* Если допустить, что описанный выше *тикъ* присущъ въ слабой формѣ многимъ лицамъ, особенно натурамъ съ сильно развитой рефлексіей и со слабо сравнительно развитою активностью воли, этимъ *monstris per excessum*, въ которыхъ, по словамъ Шопенгауэра, на $\frac{1}{3}$ воли приходится $\frac{2}{3}$ интеллекта, то это предположеніе, можетъ быть, окажется не лишеннымъ нѣкоторой доли вѣроятности. Съ другой стороны, что это временное ослабленіе увѣренности въ реальности воспріятій возникаетъ иногда въ раннемъ возрастѣ и бываетъ иногда *какъ разъ наоборотъ, поводомъ, благоприятствующимъ развитію философскихъ сомнѣній*, это было подмѣчено нашимъ геніальнымъ романистомъ Львомъ Толстымъ въ „Дѣтствѣ и отрочествѣ“. „Ни однимъ изъ философскихъ направленій я не увлекался такъ, какъ скептицизмомъ, который одно время довелъ меня до состоянія, близкаго къ сумасшествію. Я вообразилъ, что, кромѣ меня, никого и ничего не существуетъ во всемъ мірѣ, что предметы не предметы, а образы, являющіеся только тогда, когда я на нихъ обращаю вниманіе, и что, какъ скоро я перестаю думать, образы эти тотчасъ же исчезаютъ... Были минуты, что я подъ вліяніемъ этой постоянной идеи доходилъ до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оборачивался въ противоположную сторону, надѣясь врасплохъ застать пустоту (le néant) тамъ, гдѣ меня не было“.

Толстой характеризуетъ этотъ душевный процессъ, какъ болѣзненное явленіе, поведшее къ „ослабленію силы воли и свѣжести чувства“. Любопытно сопоставить съ наблюденіемъ Льва Толстого одно мѣсто въ „Common Place Book“ Беркли: „Съ дѣтства я чувствовалъ въ этомъ направленіи (въ направленіи идеализма) необъяснимую склонность мысли“. Подобныя же болѣзненные явленія *ослабленія чувства реальности* подъ вліяніемъ *старости* и *taedium vitae* были подмѣчены двумя другими гениальными психологами—Шекспиромъ и Достоевскимъ. Первый описываетъ его въ знаменитой фразѣ Просперо:

We are such stuff
As dreams are made of, and little life
Is rounded with a sleep.

Шопенгауэръ цитируетъ это мѣсто въ доказательство того, что Шекспиръ былъ философскимъ идеалистомъ, забывая о томъ, что Просперо говоритъ далѣе:

Sir, I, am vexed
Bear with my weakness; my old brain is troubled,
Be not disturbed with my infirmity:

Въ „Разказѣ смѣшного человѣка“ Достоевскій влагаетъ идеалистическія разсужденія въ уста человѣка, пресыщеннаго жизнью и собирающагося наложить на себя руки: „Я вдругъ почувствовалъ, что мнѣ все равно, существовалъ ли бы міръ, или еслибы нигдѣ ничего не было. Я сталъ слышать и чувствовать всѣмъ существомъ своимъ, *что ничего при мнѣ не было* (курсивъ Достоевскаго). Сначала мнѣ все казалось, что зато было многое прежде; но потомъ я догадался, что и прежде ничего тоже не было, а только почему-то казалось. Мало-по-малу я убѣдился, что и никогда ничего не будетъ. Тогда я вдругъ пересталъ сердиться на людей и почти сталъ не примѣчать ихъ. Право, это обнаруживалось даже въ самыхъ мелкихъ пустякахъ: я, напри- мѣръ, случалось, иду по улицѣ и натыкаюсь на людей. И не то, чтобы отъ задумчивости: о чемъ мнѣ было думать,

я совсѣмъ пересталь тогда думать, мнѣ было все равно... Застрѣлюсь я, и міра не будетъ по крайней мѣрѣ для меня. Не говоря уже о томъ, что можетъ быть и дѣйствительно ни для кого ничего не будетъ, послѣ меня, и весь міръ, только лишь угаснетъ мое сознание, угаснетъ тотчасъ, какъ призракъ, какъ принадлежность лишь одного моего сознания, ибо, можетъ быть, весь этотъ міръ и всѣ эти люди я-то самъ одинъ и есть". (Собрание сочиненій, т. XI, стр. 118 и 122).

II. Есть другое патологическое явленіе, которое иногда бываетъ связано съ *folie du doute*,—это разныя *фобіи* и между прочими *агорафобія* (боязнь открытыхъ пространствъ) и страхъ передъ идеями вѣчности, пустоты, небытія, всеобщаго уничтоженія etc. Идея небытія, сама по себѣ непредставимая, но иллюстрируемая представленіями необъятныхъ пустыхъ пространствъ, даже въ видѣ воспроизведеннаго представленія вызываетъ въ нѣкоторыхъ людяхъ чувство ужаса. Это наводитъ на предположеніе, не составляетъ ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ страхъ передъ философскими сомнѣніями и идеализмомъ явленія, въ основаніи котораго кроется болѣзненная фобія передъ идеей пустоты, небытія и уничтоженія, передъ „всесильнымъ Ничто“? Мнѣ кажется, въ двухъ случаяхъ можно отмѣтить несомнѣнную наличность этого явленія у лицъ, обуреваемыхъ сомнѣніями и страстно ищущихъ изъ нихъ выхода въ мистицизмъ. Я имѣю въ виду Паскаля и Якоби. Психологическимъ комментариемъ знаменитой фразы Паскаля: „Глубокое молчаніе этихъ необъятныхъ пространствъ *пугаетъ* меня“, мнѣ кажется, можетъ служить указаніе на тотъ фактъ, что Паскаль страдалъ агорафобіей. Послѣ несчастнаго случая на мосту Нейллы „ему постоянно мерещилась пропасть съ лѣвой стороны, что мѣшало ему передвигаться, если только кто-нибудь не держалъ его за руку или если онъ не опирался на стулъ“ *). Читая вышеприведенныя слова Якоби, направленные противъ идеализма:

*) Ст. Рибо, Психологія чувствованій.

„Я проклинаю этот кошмар и призываю небытіе, какъ божество-помощника, чтобы избавиться отъ него“, мы должны имѣть въ виду, что онъ съ дѣтства испытывалъ столь сильный ужасъ передъ идеей призрачности бытія, что она вызвала въ немъ обморокъ, и съ годами это чувство не уничтожилось“ *). Любопытно, что приведенное выше стихотвореніе Полонскаго „Ничто“, приналежащее къ позднѣйшему періоду его творчества, является; повидимому, отголоскомъ болѣзненнаго скептицизма, пережитого имъ въ молодости. Вотъ какъ онъ описываетъ свое настроеніе въ эту эпоху: „Что-то недоброе стало скопляться въ душѣ моей; происходила страшная умственная и нравственная ломка. Я сталъ сомнѣваться въ своемъ собственномъ существованіи. Дѣйствительно ли существуютъ люди, солнце и звѣзды, все, что я вижу и слышу, или все это только снится мнѣ?.. Меня стали преслѣдовать и какъ бы жечь мозгъ мой собственные стихи мои, и я боялся сойти съ ума“.

Само собой разумѣется, что только что высказанныя мною замѣчанія о взаимной роли психопатологическихъ явленій въ развитіи страха передъ идеализмомъ имѣютъ значеніе лишь очень слабыхъ догадокъ и должны быть тщательно провѣрены многочисленными наблюденіями въ томъ же направленіи. Но, будутъ ли онѣ подтверждены или опровергнуты послѣдующими изслѣдованіями, это не измѣнитъ общихъ соображеній, высказанныхъ мною о природѣ „трусости въ мышленіи“. Эти соображенія чисто психологическаго свойства сохраняютъ всю свою силу совершенно независимо отъ того, примкнемъ ли мы въ нашихъ философскихъ воззрѣніяхъ къ идеализму или реализму. Въ обоихъ случаяхъ мы должны признать, во-1-хъ, что описанные нами психологическіе процессы, въ которыхъ проявляется „трусость мышленія“, дѣйствительно существуютъ и совершаются

---

*) См. Lévy-Brühl. La philosophie de Jacobi: La vision d'une durée infinie: „l'idée de l'aneantissement qui m'avait toujours été un objet d'épouvante, me devint encore plus horrible“ (стр. 3).

такъ, какъ мы ихъ описали; во-2-хъ, что они принимаютъ своеобразныя внѣшнія формы у людей различныхъ профессій, оставаясь по своей природѣ вездѣ одинаковыми; въ 3-хъ, что они служатъ яркимъ образчикомъ „умственной порчи, возникающей вслѣдствіе вторженія чувствованій въ процессъ научнаго умозрѣнія“.

Средство противъ трусости въ мышленіи.

Δειλὴ δὲ καὶ ἀνελευθέρα φύσει φιλοσοφίατ
 ἀληθινῆ, ὡς εἶπεν, οὐκ ἔν μεταίτι; Οἱ μοι
 δοκῆτ (Plato, Resp. IV, 486, b).

Передъ нами теперь возникаетъ вопросъ, каковы средства, при помощи которыхъ можно было бы бороться противъ этой „умственной порчи“, проистекающей вслѣдствіе вторженія чувствованій въ область мысли. Изслѣдованіе этого вопроса побуждаетъ насъ коснуться той области, которой психологи до сихъ поръ удѣляли слишкомъ мало мѣста, именно области *интеллектуальныхъ эмоцій*. Большинство психологовъ (даже наиболѣе чуждые узкому интеллектуализму) до самаго послѣдняго времени смотрѣло и еще продолжаетъ смотрѣть на чувствованія, какъ на нѣчто совершенно обособленное отъ процесса философской научной мысли, какъ на психическій факторъ, вторгающійся въ познавательные процессы случайно и играющій при этомъ почти исключительно отрицательную роль. „Научный умъ, — говоритъ Бэнъ, — долженъ быть совершенно лишень эмоциональной подкладки“ (Emotions and Will). Говоря о процессѣ философской мысли, Джэмсъ замѣчаетъ: „Здѣсь эмоція очень слаба, если не считать усилія для точнаго направленія вниманія, чувства довольства и облегченія (главнымъ образомъ въ дыхательномъ аппаратѣ), когда непослѣдовательности мысли превзойдены и представленія въ теченіе нѣкотораго времени текутъ свободно (Pg. of Ps. II, 472 c.)“. Ренанъ въ интересной статьѣ „Examen de conscience philosophique“ вмѣняетъ въ долгъ мыслителю пассивно созерцать безстрастный *чисто интеллектуальный процессъ* въ его созна-

ни, какъ будто этотъ процессъ реально отдѣлимъ отъ чувствованій и волевыхъ импульсовъ: „Первый долгъ искренняго человѣка заключается въ томъ, чтобы не вліять на свои собственныя мнѣнія, предоставлять реальности отражаться въ немъ, какъ въ фотографической камерѣ-обскурѣ, и быть зрителемъ внутренней борьбы, которой предаются идеи въ глубинѣ нашего сознанія. Не слѣдуетъ вмѣшиваться въ эту самопроизвольную работу; мы должны оставаться пассивными по отношенію къ внутреннимъ измѣненіямъ, происходящимъ въ нашей духовной сѣтчаткѣ... Образованіе истины есть объективное явленіе, совершающееся во мнѣ помимо меня, чуждое мнѣ, нѣчто вродѣ образованія химическаго осадка, которое мы должны лишь наблюдать съ любопытствомъ“ (Revue de deux Mondes, 1889, 15 Avr., стр. 721). Въ основаніе этихъ разсужденій положены три, на мой взглядъ, глубоко фальшивыхъ положенія: 1) Научная мысль заключаетъ въ себѣ незначительную примѣсь эмоціональнаго элемента 2). Этотъ элементъ долженъ быть устраненъ, какъ факторъ, всегда вредно вліяющій на развитіе научной мысли. 3) Онъ легко устранимъ: стоитъ намъ захотѣть быть добросовѣстными—и мы сразу получимъ возможность безстрастно созерцать формированіе объективной истины въ нашемъ сознаніи изъ самопроизвольной борьбы идей. Несостоятельность этихъ положеній станетъ намъ вполне ясной, если мы обратимъ вниманіе на фактъ, указанный уже Аристотелемъ или однимъ изъ его учениковъ; а именно, что самый процессъ познанія независимо отъ внѣшнихъ практическихъ побужденій, съ которыми онъ можетъ быть и не быть связанъ, самое изслѣдованіе теоретической истины составляетъ источникъ очень сильныхъ эмоцій sui generis. „Почему мы получаемъ наслажденіе, спрашиваетъ Аристотель, видя, что сумма угловъ $\Delta = 2 d$?“ и отвѣчаетъ: „Только оттого, что происходитъ изъ теоріи, и было бы такъ же отрадно видѣть сумму угловъ $\Delta = 3 d$ или болѣе; но мы радуемся побѣдѣ на Олимпійскихъ играхъ или при Саламинѣ, а не

противоположному“ *). Кантъ описываетъ то-же явленіе слѣдующимъ образомъ: „Вскрытіе связи двухъ или нѣсколькихъ эмпирическихъ гетерогенныхъ законовъ въ одномъ объединяющемъ ихъ принципѣ, составляетъ источникъ весьма замѣчательнаго удовольствія, нерѣдко даже восторга, который не прекращается, даже когда предметъ сталъ достаточно знакомъ намъ. Правда, мы уже не находимъ болѣе замѣчательнаго удовольствія охватывать единство природы въ дѣленіи на роды и виды, составляющемъ единственное *conditio sine qua non* эмпирическихъ концептовъ, при помощи которыхъ мы познаемъ ее въ ея частныхъ законахъ; но несомнѣнно было время, когда это дѣленіе доставляло намъ удовольствіе, и лишь въ силу того, что обыденный опытъ не былъ бы возможенъ безъ этого дѣленія, оно незамѣтно слилось съ простымъ познаніемъ и перестало привлекать наше вниманіе“ (Изъ силы сужденія введеніе VI). „Наоборотъ, мы испытали бы *величайшее неудовольствіе*, представивъ себѣ природу, въ которой мы рисковали бы въ нашихъ изслѣдованіяхъ за предѣлами простѣйшихъ опытовъ натолкнуться на такую гетерогенность законовъ, которая лишала бы нашъ разсудокъ возможности свести частные эмпирическіе законы къ общимъ“ **). Кантъ называетъ эту интеллектуальную эмоцію *bloss contemplative Lust* и указываетъ на ея сродство съ эстетическимъ чувствомъ. Важность интеллектуальной эмоціи, какъ творческаго элемента въ научной мысли, была выдвинута австрійскими психологами: Brentano (*Psychologie*. S. 344), Наловскимъ и Фолькманномъ-фонъ-Фольмаръ. Наловскій называетъ изреченіе: „wo viel Verstand, sei wenig Herz und

*) См. Проблемы кн. IV, 7.

**) Кантъ намекаетъ здѣсь на тотъ періодъ въ исторіи человѣческой мысли, когда простѣйшіе логическіе процессы (напр., дѣленія) служили источникомъ очень сильнаго удовольствія,—это мы наблюдаемъ, напр., у Платона. Иерузальемъ въ своей интересной книгѣ «*Die Urtheilsfunction*», отмѣчая наличность «*Gefühlselemente im Urtheil*», указываетъ на то, что «частое пользованіе актомъ сужденія «*damit verbundene Lust abstumpft*», подтверждающа психологическимъ анализомъ состава простѣйшихъ актовъ мысли догадку Канта.

umgekehrt“ старымъ предразсудкомъ. „Наоборотъ,—говорить онъ,—съ гораздо большимъ основаніемъ можно утверждать, что только люди, въ высокой степени одаренные тонкою эмоціональною воспримчивостію, могли осуществить и въ искусствѣ, и въ наукѣ, и въ общественной жизни нѣчто имѣвшее прочное значеніе. Весьма часто острое логичное мышленіе (*scharfes correctes Denken*) и способность глубоко чувствовать встрѣчаются въ той же душѣ, если и не одновременно, то послѣдовательно, смѣняя другъ друга и оказывая другъ другу поддержку“ (*Das Gefühlsleben*, 1862 г., 75 стр.). Еще категоричнѣе указываетъ на важность интеллектуальной эмоціи Фолькманнъ: „Чистое мышленіе имѣть соотвѣтствующее себѣ чувствованіе, которое по силѣ и глубинѣ приближается къ эмоціи художественнаго творчества, съ каковою оно имѣетъ общую основу—подыскиваніе новыхъ общихъ точекъ зрѣнія; неудовольствіе, вызываемое непреодолимыми трудностями, раздвоенность мысли, порождаемая неразрѣшенными противорѣчіями, принадлежатъ къ интенсивнѣйшимъ чувствованіямъ, на какія только вообще способенъ человѣкъ, и уже указаніе на одинъ этотъ фактъ достаточно само по себѣ, чтобы банальная фраза о „*холодъ мысли*“ утратила разъ навсегда всякое значеніе“. Селли, по примѣру Фолькманна, указываетъ, что эмоціи—не только „уклонители нормальнаго логическаго процесса мысли“, оказывающіе на нее задерживающее дѣйствіе, но и важнѣйшій стимуль для творчества. „Очевидно, что убѣжденіе древнихъ философовъ, будто мысль наиболѣе плодотворна при полномъ отсутствіи эмоціональнаго элемента, представляетъ устарѣвшій предразсудокъ“ (*Psychology*, II, 60, 61). Если мы отъ этихъ замѣчаній психологовъ о процессѣ философскаго творчества обратимся къ сочиненіямъ великихъ философовъ, то и въ нихъ подъ оболочкой сухой, безстрастной діалектики читатель можетъ дешифровать хотя бы отчасти „знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры“ цѣлыя „жизненные драмы“, какъ выразился Вл. Соловьевъ о Платонѣ, цѣлые „романы мыс-

лителей“, какъ называла Софія Жермэнъ философскія системы. Называть философское мышление сухимъ, неэстетичнымъ, безстрастнымъ можетъ только тотъ, кто наивно смѣшиваетъ *продуктъ* философскаго творчества, систему, написанную на бумагѣ, съ *творческимъ процессомъ*, при помощи котораго она возникла *). Это прекрасно выражено Кантомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Es scheint zwar nichts geschmackswidriger zu sein, als die Metaphysik, aber die Zierrate die an der Schönheit glänzen lagen erstlich in dunkeln Grüften, wenigstens sah man sie zuerst durch die finstere Werkstatt des Künstlers“ **). Подъ ледяною корою мысли кроется міръ великихъ радостей и страданій. „Кантъ работаетъ подъ землею,—говоритъ Ройсь,—въ золотыхъ рудоконьяхъ чело­вѣческаго духа. Великія мысли блестятъ въ обильномъ кварцѣ его умозрѣній; но лишь съ ломомъ въ рукахъ, путемъ мучительныхъ усилій это золото можетъ быть извлечено на свѣтъ Божій“. „Критика чистаго разума“ представляетъ, по словамъ Лэдда „strictly logical and unemotional procedure“ и тѣмъ не менѣе къ ней приложимо изреченіе: *das Pathos ist der Grundton des Ganzen Daseins des Weltalls*“. Этоть паѳосъ философа сквозить въ чудныхъ словахъ Исаи: *vexatio dat intellectum*, въ заявленіи Аристотеля на послѣдней страницѣ Органона *πολύν ὑπόνοι ἐπινοεῖεν*, въ замѣчаніяхъ Канта о *мучительныхъ усиліяхъ*, о *тернистомъ пути* критики. Съ другой стороны, процессъ философскаго творчества да­етъ *souveraine félicité* Декарту, *solides joies* Малебраншу, *état*

*) Годферно замѣчаетъ, что интеллектуальная эмоція не воплощается непосредственно въ „двигательные синтезы“: „Когда Спиноза писалъ „Этику“, формы дѣятельности, которыя вырабатывала его мысль, были слишкомъ обширны и отдаленны, чтобы опредѣлять собою начало какого-нибудь исполненія. Единственныя реальныя мускульныя движенія, къ которымъ могла вести въ данномъ случаѣ эмоція, суть произнесеніе словъ и письмо. То-же наблюдается во всѣхъ умственныхъ синтезахъ, которые объединяютъ приспособленія самаго общаго и самаго отдаленнаго по пространству и времени характера. Эти синтезы замыкаются во *внутреннемъ словѣ* и иногда во „внѣшнемъ“ („Godferneaux: Le sentiment et la pensée“ (1894, p 149).

**) Reflexionen, В. II, II, 6.

de felicité parfaite Шопенгауэру, τέλειαν εὐδαιμονίαν Аристотелю, strongest impression of novelty Коульриджу, joie continue et souveraine Спинозѣ (een gevoelen en genieten van de zaake zelve), the enjoining life with new satisfaction—Беркли. Изъ всѣхъ этихъ указаній на важное значеніе интеллектуальной эмоціи въ философскомъ творчествѣ ясно, что обособлять мысль отъ чувствованій, кастрировать ее не только не желательно, но и психологически невозможно. Слѣдовательно, чтобы освободиться отъ вреднаго вліянія эмоцій на процессъ мысли, нужно не устранять ихъ, а *измѣнить ихъ отношеніе къ процессу идеации*. А для этой цѣли необходимо прежде всего дать себѣ ясный отчетъ въ ихъ существованіи, что мы и попытались сдѣлать. Охарактеризованное нами вліяніе эмоціи страха на мышленіе представляетъ психологическое явленіе, которое Рихардъ Авенариусъ называетъ *тимематологической апперцепціей*. Подъ тимематологической апперцепціей Авенариусъ разумѣетъ *внесеніе эстетической или этической оцѣнки въ область чистой мысли*: „Тимематологическая группа распадается на этическія и эстетическія апперцепціи, изъ которыхъ обѣ имѣютъ въ виду оцѣнку предмета и затѣмъ результатъ оцѣнки приписываютъ предмету въ качествѣ предиката, поскольку его характеризуютъ—дурнымъ или хорошимъ, прекраснымъ или отвратительнымъ“ („Philosophie als Denken der Welt gemäss dem Princip des kleinsten Kraftmasses). Страхъ побуждаетъ насъ смѣшать идеализмъ съ иллюзіонизмомъ и перенести на него этическія и эстетическія опредѣленія безнравственной, вредной, неэстетической теоріи, не задаваясь вопросомъ, въ правѣ ли мы съ чисто логической точки зрѣнія отождествлять два понятія, можетъ быть, не имѣющія между собою ничего общаго. Описаніе подобнаго страха уже само по себѣ является средствомъ противъ него. Подмѣчая, что эмоція вынуждаетъ насъ отождествлять безъ достаточнаго основанія два понятія, мы тѣмъ самымъ парализуемъ ее возмущающее дѣйствіе на мысль, благодаря хорошо извѣстному психологическому закону, который пре-

красно охарактеризованъ ГёфФдингомъ въ слѣдующихъ словахъ: „Ясное пониманіе причинъ чувства дѣйствуетъ на него, проясняя и очищая его. Поэтому, *стремленіе понять чувство, овладѣвшее мною, даетъ мнѣ возможность отнѣстись къ нему свободнѣе*. Чувство обыкновенно отличается неопредѣленностью, которая составляетъ часть его силы, и которая можетъ исчезнуть передъ яснымъ сознаниемъ, какъ проказы нечистой силы передъ свѣтомъ божьяго дня. Стремленіе чувства къ тому, чтобы найти объясненіе и оправданіе ведетъ къ построенію и развитію цѣлыхъ теорій и гипотезъ. Когда ясное познаніе можетъ достигнуть такой силы, что открывается ничтожество превратныхъ теорій, то это оказываетъ обратное вліяніе на чувствованіе. Но *особенно важно пониманіе причинъ возникновенія чувства* (Психологія, 280 стр.). Такимъ образомъ, необходимо, чтобы шли рука объ руку: *логическая критика* теорій, связанныхъ съ извѣстными чувствованіями, и *психологическій анализъ* происхожденія послѣднихъ, ослабляющій ихъ силу или замѣняющій ихъ другими чувствованіями (страшное становится смѣшнымъ). На первый взглядъ, замѣчаетъ Достоевскій, можетъ показаться, что „логическій выводъ уже самъ по себѣ разлагаетъ предрасудки. Разумное убѣжденіе порождаетъ тоже чувство. Мысль выходитъ изъ чувства и въ свою очередь, водворяясь въ человѣкѣ, формулируетъ новое (Подростокъ, ч. I, гл. III)“. „Но, замѣчаетъ тотъ же авторъ, не всѣ натуры одинаковы: у многихъ логическій выводъ обращается иногда въ сильнѣйшее чувство, которое захватываетъ все его существо, и которое очень трудно изгнать или передѣлать. Чтобы вылѣчить такого человѣка, надо въ такомъ случаѣ измѣнить самое это чувство, что возможно не иначе, какъ замѣнивъ его другимъ равносильнымъ. Это всегда трудно, а во многихъ случаяхъ невозможно“.

Я не сомнѣваюсь въ томъ, что „трусость въ мышленіи“ у мало развитыхъ натуръ, съ узкимъ духовнымъ кругозоромъ можетъ составлять глубоко вкоренившуюся черту. Для нихъ знакомство съ настоящей статьёй будетъ, разумѣется, не-

достаточнымъ, чтобы излѣчиться отъ этого недостатка, и есть другое болѣе радикальное, хотя и медленно дѣйствующее средство, которое можетъ въ такихъ случаяхъ оказаться хорошимъ лѣкарствомъ. На это лѣкарство противъ возмущающаго дѣйствія эмоцій на философскую мысль указывалъ еще Кантъ: „Невѣрность вѣсовъ,—говоритъ онъ...—обнаруживается попеременнымъ помѣщеніемъ взвѣшиваемого товара и гирь то на одну, то на другую чашку (двойное взвѣшиваніе). Односторонность вѣсовъ интеллектуальныхъ обнаруживается при помощи аналогичнаго приѣма“. Мы пытаемся взглянуть на тотъ же предметъ съ чуждыхъ намъ точекъ зрѣнія, связанныхъ съ весьма различными эмоціями и настроеніями по сравненіи съ тѣми, которыя мы привыкли связывать съ опредѣленнымъ мнѣніемъ. Такъ, на примѣръ, ученіе спиритуалистовъ о безсмертіи души можетъ быть прочно ассоціровано въ нашей душѣ съ эмоціей *надежды*. Въ такомъ случаѣ „вѣсы разсудка не находятся въ полномъ равновѣсіи, и одно изъ коромыселъ, на которомъ написано „*Надежда въ будущемъ*“, въ силу нѣкотораго механическаго преимущества обладаетъ тѣмъ свойствомъ, что слабые доводы, падающіе на его чашку, перевѣшиваютъ аргументы противоположные, которые сами по себѣ болѣе вѣски“. Но, чтобы произвести въ нашемъ духѣ такой экспериментъ *двойного взвѣшиванія*, мы должны располагать широкимъ историко-философскимъ образованіемъ. Широкое историко-философское образованіе содѣйствуетъ развитію привычки *становиться на чужія точки зрѣнія*, а эта привычка содѣйствуетъ *диссоціаціи между опредѣленными эмоціями и теоретическими принципами*. Историко-философскія занятія показываютъ, что *метафизическія теоріи и опредѣленные этические и эстетическія построенія сочетаются въ самыхъ разнообразныхъ комбинаціяхъ*. Поясню это слѣдующимъ яркимъ примѣромъ. *Пессимизмъ и оптимизмъ* суть два этическихъ взгляда на міръ, и предполагаютъ въ мыслителѣ наличность соотвѣтствующихъ настроеній. *Тензмъ и атисзмъ* философа предполагаютъ наличность или отсутствіе рели-

гіознаго чувства. Съ другой стороны идеализмъ и реализмъ суть два противоположныхъ *теоретическихъ* взгляда на міръ. Если мы обозначимъ оптимизмъ и пессимизмъ черезъ +О и —О, теизмъ и атеизмъ черезъ +Т и —Т, реализмъ и идеализмъ черезъ +R и —R, то мы получимъ восемь возможныхъ сочетаній по 3, изъ которыхъ почти для каждаго можно подыскать иллюстрацію изъ исторіи философій.

I. Локкъ	+R+O+T.		IV. Шопенгауэръ	—R—O—T.
II. Дюрингъ	+R+O—T.		V. Беркли	—R+O+T.
III. Аккерманъ	+R—O—T.			

Итакъ, исторія философій сообщаетъ не только широту нашимъ воззрѣніямъ, но-нейтрализуетъ влияніе эмоцій въ качествѣ „уклонителей нормальной мысли“, приучая насъ связывать тоже теоретическое воззрѣніе (напримѣръ, идеализмъ) съ самыми разнообразными настроеніями. Изученіе чуждыхъ намъ воззрѣній расширяетъ кругъ нашихъ интеллектуальныхъ симпатій и сообщаетъ *гибкость* нашему мышленію. Вальдштейнъ въ книгѣ „Балансъ эмоцій и интеллекта“ (1878, London), насколько извѣстно мнѣ, впервые обратилъ на это вниманіе, хотя и въ крайне поверхностной формѣ. Итакъ, *изученіе исторіи философій служитъ коррективомъ противъ эмоцій въ мышленіи.*

По поводу всего сказаннаго намъ могутъ замѣтить слѣдующее: „Если „трусость въ мышленіи“ является нерѣдко эмоціональнымъ дефлекторомъ, вынуждающимъ насъ склоняться въ пользу догматическаго реализма, то нельзя ли указать другихъ психологическихъ мотивовъ, которые дѣйствовали бы въ качествѣ скрытыхъ факторовъ, уклоняя нашу мысль въ прямо противоположномъ направленіи, то-есть не побуждаютъ ли догматика идеализма дорожить его точкой зрѣнія какіе-нибудь *практическіе мотивы*, сходные съ описанною нами *боязнью утратить цѣнное по преимуществу?* На это, мнѣ кажется, можетъ быть данъ утвердительный отвѣтъ. Безъ сомнѣнія догматики идеализма, утверждающіе, что всякое бытіе-мыслимое бытіе, достовѣрно знающіе,

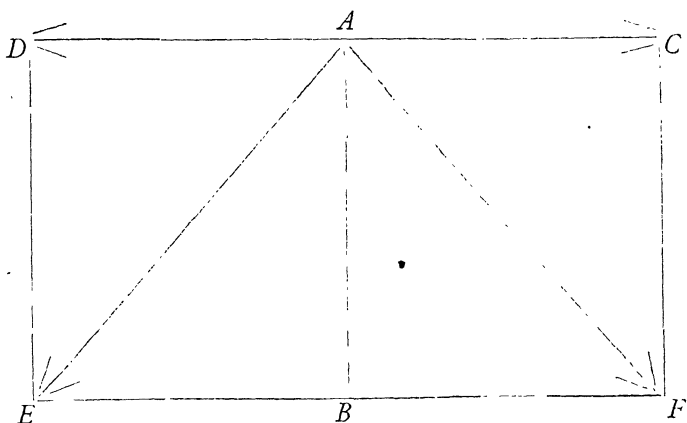
что міръ самъ по себѣ не существуетъ, дорожать своимъ идеализмомъ не только потому, что онъ имъ кажется теоретически истиннымъ, но и потому, что эта точка зрѣнія *симпатична* имъ, на основаніи чисто практическихъ, моральныхъ или религіозныхъ соображеній. Въ этомъ можно убѣдиться, всмотрѣвшись въ конечныя психологическія основанія, побуждавшія трехъ величайшихъ догматиковъ идеализма Беркли, Фихте и Шопенгауэра отстаивать эту метафизическую теорію. Для Беркли идеализмъ былъ теологической гипотезой, наносившей смертельный ударъ *антирелигіознымъ* системамъ. Для Фихте идеализмъ—орудіе въ борьбѣ противъ моральнаго *фатализма*. Для Шопенгауэра идеализмъ—теоретическое оправданіе *пессимизма*. „Враги религіи придаютъ, говоритъ Беркли, такъ много значенія не обладающей сознаниемъ матеріи (*unthinking matter*); они приписываютъ весь рядъ событій или слѣпому случаю, или роковой необходимости, возникающей вслѣдствіе толчковъ, сообщаемыхъ однимъ тѣломъ другому: *какъ только удаленъ этотъ краеугольный камень, вся ихъ система (fabric) должна неизбѣжно рухнуть до основанія*“. (*Of the principles of the human knowledge*, 204 стр. изд. Fraser'a, т. III). „Всякій логическій догматикъ, говоритъ Фихте, по необходимости фаталистъ. Онъ не отрицаетъ факта сознанія, что мы чувствуемъ себя свободными, ибо это было бы неразумно, но, со своей точки зрѣнія, онъ доказываетъ, что это — заблужденіе. Онъ отрицаетъ *in toto* независимость „Я“, составляющаго основу для идеалиста, превращаетъ его въ простой продуктъ вещи, въ мировую случайность“. Фихте не можетъ скрыть своего презрѣнія къ детерминистамъ (напр. къ Александру фонъ-Юхъ) и призываетъ на свою голову проклетія въ случаѣ измѣны догматическому идеализму, которая была бы величайшей подлостью. „Во многихъ случаяхъ,—говоритъ Риль,—истинный источникъ *теоретическаго* отрицанія реальности внѣшняго міра (*Weltverneinung*) можно найти въ нѣкоторой формѣ *практическаго* отрицанія реальности міра (*Weltverleugnung*)“. „Въ разви-

тии философіи Шопенгауэра пессимизмъ предшествовалъ идеализму. Изъ самыхъ раннихъ замѣтокъ философа, сообщаемыхъ Гвиннеромъ въ его біографіи этого замѣчательнаго человѣка, мы видимъ, что пессимистическое міросозерцаніе Шопенгауэра сложилось задолго до того, какъ оно нашло себѣ выходъ въ идеализмъ“. (Ph. Kritiz. §§ 137—139). Подобнымъ же образомъ идеалистическія разсужденія, попадающіяся въ стихотвореніяхъ Мюссе, навѣяны его пессимизмомъ. Гюйо замѣчаетъ по поводу „идиллій“ Мюссе: „Послѣдствіемъ этого тревожнаго исканія чего-то повыше является у Мюссе нѣкоторое ослабленіе вѣры въ реальность настоящаго міра; въ Мюссе пробудилась жажда идеальнаго, которую не въ состояніи утолить „мѣдные сосцы реальнаго міра“ *). „Пессимизмъ —руководящая идея, такъ

*) То-же мы видимъ въ очень яркой формѣ у Фета. Въ противоположность оптимисту и реалисту Полонскому, Фетъ идеалистъ и пессимистъ и притомъ идеалистъ, потому что пессимистъ, какъ это видно изъ стихотворенія:

Измученъ жизнью, коварствомъ надежды,
 Когда имъ въ битвѣ порой уступаю,
 И днемъ, и ночью смежаю я вѣжды
 И какъ-то странно порой прозрѣваю.
 Еще темнѣе мракъ ночи вседневной,
 Какъ послѣ яркой осенней зарницы,
 И только въ небѣ, какъ зовъ задушевный,
 Мерцаютъ звѣздъ золотыя рѣсницы.
 И такъ прозрачна огней безконечность,
 И такъ доступна вся бездна ээира,
 Что прямо смотрю я изъ времени въ вѣчность,
 И пламя твое узнаю, солнце міра!
 И неподвижно на огненныхъ розахъ
 Живой алтарь мірозданья курится,
 Въ его дыму, какъ въ творческихъ грезахъ,
 Вся сила дрожить, и вся вѣчность снится.
 И все, что мчится по безднамъ ээира,
 И каждый лучъ, плотскій и безплотный—
 Твой только отблескъ, о солнце міра,
 И только сонъ, только сонъ мимолетный!
 И этихъ грезъ въ міровомъ дуновеньи
 Какъ дымъ, несусь я и таю невольню,
 И въ этомъ прозрѣньи, и въ этомъ забвеньи
 Легко мнѣ жить и дышать мнѣ не больно.

сказать, врожденное понятіе въ философіи Шопенгауэра. Міръ долженъ быть только сномъ, который при отрицаніи воли къ жизни, при пробужденіи „лучшаго сознанія“ самъ собою исчезнетъ“ (зб. 140). Итакъ, практическіе мотивы могутъ одинаково уклонять нашу мысль какъ въ сторону догматическаго реализма, такъ и въ сторону догматическаго идеализма. Наши эмоціи, вторгаясь въ процессъ мышленія, порождаютъ прямо противоположныя метафизическія иллюзіи, и еслибы мы вмѣстѣ съ Кантомъ допустили, что точка зрѣнія критическаго идеализма является нормой философскаго мышленія свободнаго отъ противорѣчій, то мы могли бы сказать вмѣстѣ съ нимъ, что „ошибка происходитъ только отъ вліянія чувственности (въ данномъ случаѣ эмоцій и практическихъ стремленій) на разсудокъ, въ виду чего субъективныя основы сужденія сливаются съ объективными и заставляютъ послѣднія уклониться отъ ихъ назначенія, такъ же, какъ движущееся тѣло, хотя оно и должно идти въ своемъ направленіи по прямой линіи, принимаетъ криволинейное направленіе, если на него дѣйствуетъ другая сила въ другомъ направленіи. Чтобы отличить своеобразную дѣятельность разсудка отъ той силы, которая къ нему примѣшивается, на ложное сужденіе надо смотрѣть, какъ на діагональ между двумя силами, которая опредѣляетъ сужденіе по двумъ различнымъ направленіямъ“. (Кр. г. р. 241 стр.). Если примѣнить это замѣчаніе Канта къ вышеприведеннымъ разсужденіямъ, то параллелограммъ силъ, создающихъ метафизическія иллюзіи, можетъ быть представленъ въ такомъ видѣ:

AB = критицизмъ.

AE = догматическій идеализмъ.

AF = догматическій реализмъ.

AD = практическіе мотивы, уклоняющіе мышленіе отъ строго логическаго пути: пессимизмъ, борьба противъ фатализма.

AC = практическіе мотивы, уклоняющіе мышленіе отъ строго логическаго пути: трусость въ мышленіи.

Борьба догматиковъ реализма и идеализма, въ которой психологическіе мотивы обостряютъ противоположности теоретическихъ взглядовъ, представляетъ прекрасную иллюстрацію того соціального явленія, которое Тардъ называетъ *логической дуэлью*. Догматикъ прежде всего — человекъ дѣла, борецъ за практическіе интересы, отстаиваніе которыхъ ослабляетъ въ немъ способность объективно изслѣдовать истину, не впадая въ одностороннюю, логически несостоятельную крайность... Принято называть, говоритъ Тардъ, „*hommes d'action*“ людей, которые, оказывая сильное воздѣйствіе другъ на друга, въ концѣ-концовъ взаимно нейтрализуютъ другъ друга, а люди мысли тѣмъ временемъ накопленіемъ усилій, послѣдовательной разработкой своихъ открытій, ведутъ за собою миръ“ (*L'oppositon universelle*, p. 372, 1897).

Однако мы не имѣемъ въ виду въ настоящемъ изслѣдованіи логически обосновывать критицизмъ, поэтому мы только отмѣтимъ логическія ошибки очевидныя и съ догма-

тической, и съ критической точки зрѣнія, которая протекаютъ отъ вторженія эмоцій въ область мысли. Эти ошибки въ вышеописанномъ явленіи, „трусости въ мышленіи“ могутъ быть сведены къ двумъ типамъ*). I) Одинъ изъ нихъ заключается въ *ignoratio elenchi*. Подъ вліяніемъ эмоціи мы стараемся указать на опасность и несостоятельность не идеализма, а иллюзіонизма, который мы съ нимъ смѣшиваемъ. Это прекрасно разъяснено Миллемъ, который опредѣляетъ это смѣшеніе двухъ понятій, какъ *fallacy of confusion*. Онъ говоритъ: „Навсегда останется явнымъ свидѣтельствомъ недостатка метафизической глубины Рида, Стюарта и, прибавлю съ грустью, Брауна тотъ фактъ, что они упорствовали въ мнѣніи, будто Беркли, вполне увѣровавъ въ свое ученіе, долженъ былъ бы свалиться въ канаву или разбить себѣ голову о верстовой столбъ. Какъ будто лица, не признающія реальности скрытой причины ихъ ощущеній, не могли бы въ то-же время вѣрить, что между самыми ощущеніями существуетъ неизмѣнная законмѣрность (*a fixed order*). Такой неспособности понимать различіе между вещью и ея чувственными проявленіями или, выражаясь на языкѣ метафизики, между ноуменомъ и феноменомъ невозможно было бы встрѣтить даже у самаго тупого ученика Канта или Коульриджа“ (*Logic v. II, p. 412*). II) Но, кромѣ *ignoratio elenchi* „трусость въ мышленіи“ приводитъ и къ другой еще болѣе грубой логической ошибкѣ, которая мо-

*) Признавая извѣстную точку зрѣнія въ философіи опасною, мы отнюдь не проявляемъ трусости въ мышленіи, если логически мотивируемъ наши опасенія. Трусость въ мышленіи есть логически необоснованное опасеніе, запутывающее насъ въ противорѣчія, и, слѣдовательно, она есть величайшая неосторожность. Наоборотъ, опасенія, связанныя съ логическимъ обоснованіемъ соображеній, вынуждающихъ насъ признать извѣстный взглядъ опаснымъ, есть чистѣйшее выраженіе научной осторожности, даже въ томъ случаѣ, если логическіе доводы несостоятельны. Такъ напримѣръ, опасенія Гартманна, будто идеализмъ ведетъ къ иллюзіонизму вовсе, не есть трусость въ мышленіи, потому что Гартманнъ доказываетъ свой взглядъ, вѣрно или нѣтъ это другой вопросъ. Ни въ одномъ изъ вышеприведенныхъ случаевъ трусости передъ идеализмомъ не дано логическаго доказательства его тождественности съ иллюзіонизмомъ.

жетъ быть охарактеризована, какъ нарушение правила непосредственнаго умозаключенія *per judicia subalternata* отъ общаго къ частному, согласно которому, если общее сужденіе истинно, то и частное ему соотвѣтствующее должно быть истинно. Если мы признаемъ, что вообще *ни одинъ* фактъ сознанія не вынуждаетъ насъ предполагать существованіе бытія, абсолютно независящаго ни отъ какого сознанія, то мы не имѣемъ права ссылаться въ то же время на „голосъ чувства“, на „здравый смыслъ“ или вообще на тотъ или другой *частный* фактъ сознанія, какъ на свидѣтельство, указывающее на несомнѣнное существованіе экстраментальнаго бытія. Въ противномъ случаѣ мы наталкиваемся на вопіющее противорѣчіе. Именно такое противорѣчіе въ поразительно грубой формѣ мы встрѣчаемъ въ упомянутомъ выше психологическомъ изслѣдованіи Дильтея: „*Beiträge zur Lösung der Frage vom Ursprung unseres Glaubens an die Realität der Aussenwelt und seinem Recht*“. Исходя изъ предположенія идеалистовъ, что весь внѣшній міръ, всѣ воспріятія и наличность другіхъ живыхъ существъ суть порожденія „я“, Дильтей говоритъ: „Столь запутанный механизмъ сложныхъ соотношеній, которія въ совокупности порождаютъ какъ разъ видимость существованія реальныхъ предметовъ, разумѣется, предполагаетъ нѣчто, дѣйствующее цѣлесообразно, что происходитъ не только въ нашемъ сознаніи. Мы можемъ назвать его „я“ или Богъ и демонъ — это во всякомъ случаѣ самое несуразное представленіе, какое мы можемъ образовать, единственное въ своемъ родѣ гипотетическое чудовище. Совершенно безцѣльная, бессмысленная цѣлесообразность! Съ тѣхъ поръ какъ я, отдѣльный человѣкъ, сталъ сознавать себя и помнить, это существо уже должно было приноровить мой первичный опытъ къ законотѣрной связи всѣхъ моихъ будущихъ опытовъ. Постоянно должна была производиться огромная затрата интеллигенціи, направленная къ призрачной цѣли (*für den wichtigsten Zweck*), къ пустой видимости. *Всѣ нравственныя чувства, возникающія въ этой серіи опытовъ, весь трудъ, затра-*

чиваемый героическими усилиями человеческой воли, можетъ быть обусловленъ лишь этою видимостью и долженъ быть направленъ на нечто призрачное. Такимъ образомъ, этотъ міръ видимости превращается въ міръ обмана; но мудрѣйшее и бесполезнѣйшее существо, породившее все это — и есть какъ разъ то самое мое „я“, въ которомъ заключаются мои нравственныя чувства. Легко видѣть, сколь неправдоподобно такое предположеніе. Чтобы отвергнуть его, достаточно его лишь формулировать. Но опровергнуть его логически (*allgemeingültig*) никто не въ состояніи“ (1015 — 1016). Вотъ то безвыходное вопиющее противорѣчіе, къ которому неизбежно приводитъ трусость въ мышленіи и связанные съ нею призывы къ чувству, вопли негодованія и страшныя слова по адресу идеализма въ лучшемъ случаѣ, какъ мы видѣли; они представляютъ лишь комическое *ignotatio elenchi* *). Но совершенно такимъ же *ignotatio elenchi* было бы съ моей стороны убѣжденіе, что часто психологическій анализъ „трусости въ мышленіи“ достаточенъ самъ по себѣ, чтобы опровергнуть философскій реализмъ. Для человѣка, который путемъ чисто логическаго анализа понятій приходитъ къ заключенію, что онъ доказалъ реальность экстраментальнаго бытія, моя статья

---

*) Можно сказать, что эта мысль начинаетъ мало-по-малу проникать въ сознаніе противниковъ критицизма; вотъ что пишетъ Вильгельмъ Іерузалемъ въ своей интересной книгѣ „Die Urtheilsfunction“: „Мнѣ не можетъ оказать никакой поддержки (при опроверженіи идеализма) ссылка на здравый смыслъ, на наивное ходячее воззрѣніе, ибо, хотя я не думаю вмѣстѣ съ Кантомъ, что философъ долженъ краснѣть передъ ссылками на здравый человѣческій смыслъ, но все-таки я привыкъ опровергать логическіе аргументы логически, а не истерическими призывами къ чувству. Законы логики такъ часто оправдывались въ моихъ глазахъ, что сомнѣніе въ ихъ общезначимости невозможно; между тѣмъ я прихожу тутъ (въ допущеніи критическаго идеализма) къ результату, который мнѣ кажется абсурдомъ. Въ виду этого я долженъ попытаться атаковать идеализмъ логически“. Справедливо предполагая далѣе, что „заблужденіе, которое чувствуетея нами, должно быть показано такими логическимъ путемъ“, онъ прибавляетъ: „Дешевыя шутки, попытка поднять на смѣхъ результаты глубокаго размышленія, кажутся мнѣ недостойными мыслителя, да и сами по себѣ онѣ лишены всякаго значенія. Только логическіе аргументы могутъ намъ помочь“. („Die Urtheilsfunction“, S. 230 — 231, 1895 года).

ни въ какомъ случаѣ не можетъ имѣть значенія опроверженія его взгляда, такъ какъ я въ ней не подвергаю критикѣ старое догматическое понятіе „вещи въ себѣ“. Болѣе ста лѣтъ отдѣляетъ насъ отъ того времени, когда, по словамъ Шиллера:

Метафизика скончалась, не оставивъ наслѣдниковъ.

И вотъ съ аукціона продаются «вещи въ себѣ».

Слишкомъ много вниманія удѣлялось до сихъ поръ логическому опроверженію *доказательствъ* существованія вещей въ себѣ, и слишкомъ мало было попытокъ пошатнуть *уверенность* въ доказуемости ихъ существованія путемъ психологическаго анализа тѣхъ мотивовъ, которые побуждаютъ насъ дорожить этимъ „наслѣдіемъ метафизики“. Съ другой стороны, есть много лицъ, которыя, признавая логическую неопровержимость идеализма и въ частности критическаго идеализма, который *настаиваетъ на одинаковой недоказуемости, какъ существованія, такъ и несуществованія вещей въ себѣ и объясняетъ міровыя явленія, не прибѣгая къ помощи этого понятія*, въ то-же время боятся, что онъ ведетъ къ иллюзіонизму. Съ ихъ точки зрѣнія, идеалистическое міросозерцаніе неуязвимо, какъ Ахиллесъ, но и у Ахиллеса было одно уязвимое мѣсто—пята, и эта пята идеализма—его практическая несостоятельность, его опасность, такъ какъ онъ ведетъ къ иллюзіонизму. Такъ, напримѣръ, Броунъ подобно Дильтею, признаетъ, что Родъ и школа здраваго смысла не опровергли идеализма съ логической точки зрѣнія: „Скептическій аргументъ (относительно существованія вещи въ себѣ), какъ простой діалектическій кунштstückъ (as a mere play of reasoning), не допускаетъ возраженій“. По мнѣнію Брауна *credo* идеалиста и догматика тождественно и состоитъ изъ двухъ положеній:

1) Нельзя логически доказать существованіе внѣшняго міра.

2) Вѣра въ его реальность есть сила, по степени равная логическому аргументу и абсолютно непреодолимая.

Вся разница между догматикомъ и скептикомъ заключается въ томъ, что скептикъ первое произноситъ *громко*, второе — *шопотомъ*, а сторонникъ здраваго смысла, *было* упоминая о первомъ положеніи, *долго* останавливается на второмъ, которое произноситъ увѣреннымъ тономъ. „Я желаю, чтобы лица, изучающія критическій идеализмъ, обратили вниманіе на тѣ опасенія, которыя онъ вызываетъ въ ихъ душѣ. Болѣе вдумчивое изученіе научно-философскаго критицизма приводитъ къ убѣжденію, что эта теорія не имѣетъ ничего общаго съ иллюзионизмомъ, что у ея послѣдователя „лошадь попрежнему находится въ конюшнѣ, и книги стоятъ попрежнему на полкахъ на тѣхъ же мѣстахъ“ *). Но такое теоретическое изученіе не всегда бываетъ достаточно, чтобы *вызвать диссоціацію* между представленіями А (идеализмъ) и В (иллюзионизмъ). Можетъ быть, чтеніе настоящаго психологическаго этюда *посодѣйствуетъ образованію такой диссоціаціи*, поселивъ въ читателѣ подозрѣніе, что страхи передъ критическимъ идеализмомъ — смѣшные страхи, что если исповѣдовать идеализмъ и „опасно“, то во всякомъ случаѣ это — *καρὸς κίνδυνος* — благородный рискъ. А что психологическій анализъ „трусости въ мышленіи“ можетъ быть небезполезенъ въ русскомъ обществѣ, въ этомъ я имѣлъ случай убѣдиться изъ личнаго опыта и изъ личныхъ наблюденій. Опасенія утратить нѣчто цѣнное, утративъ догматическую вѣру въ существованіе вещей въ себѣ, долго преслѣдуетъ почти всякаго, изучающаго критическую философію, и недостаточно усвоить принципы идеализма, надо *живо почувствовать комизмъ опасеній*, которыя онъ вызываетъ въ насъ, чтобы окончательно отъ нихъ отдѣлаться. Въ 1897 году на русскую публику произвело сильное впечатлѣніе слѣдующее событіе. Въ одномъ провинціальномъ городѣ наложилъ на себя руку старикъ-еврей. Онъ былъ найденъ мертвымъ, сидящимъ въ креслѣ. Передъ нимъ лежала на столѣ развернутая книга — „Критика чистаго разума“. Тутъ же на бумагѣ было написано двестишесть:

*) Слова Беркли.

Наслѣдства не оставляю,
Въ день Троицы жизни лишаясь.

По этому поводу въ печати указывали на безотрадность критическаго идеализма, который ведетъ къ самоубійству. Въ томъ же году въ студенческомъ обществѣ при Спб. университетѣ читался интересный рефератъ, въ которомъ указывалось на то, что идеализмъ ведетъ къ иллюзіонизму, и высказывались такія же опасенія относительно практическаго значенія этого ученія. Я упоминаю объ этихъ фактахъ, потому что они не единичныя явленія, а типичныя образчики отношенія къ идеализму очень многихъ лицъ среди русскаго общества и среди русскаго студенчества. Напомню имъ слова Александра Бэна:

„Лучшее средство противъ страха—наука“.

И. И. Лапшинъ.

Объ отношеніи искусства къ дѣйствительности.

(Вступительная лекція въ курсъ исторіи искусствъ.)

Никто, конечно, не станетъ въ настоящее время отрицать того значенія, которое имѣютъ для художественнаго памятника мѣсто и время его возникновенія, никто не станетъ опровергать словъ Тэна, что „подобно тому, какъ существуетъ температура физическая, которая своими измѣненіями опредѣляетъ появленіе того или другого вида растеній—существуетъ и духовная температура, которая своими измѣненіями опредѣляетъ появленіе того или другого вида искусства“; что „подобно тому, какъ изучаютъ температуру физическую, чтобы понять появленіе того или другого вида растеній, такъ слѣдуетъ изучать духовную температуру, чтобы понять появленіе извѣстнаго вида искусства“; вообще никто не станетъ опровергать, что „произведенія человѣческаго духа, какъ и живыя произведенія природы, становятся понятны только при изученіи ихъ среды“. *Насколько* однако же произведеніе искусства является продуктомъ среды? Правда ли, какъ это утверждаетъ Тэнъ, что въ точномъ указаніи на культурное состояніе этой среды кроется *послѣднее* объясненіе художественнаго памятника, его *первоначальная* причина? Теорія искусства Тэна, блестяще изложенная, пользуется у насъ большою популярностью, а потому мнѣ и кажется удобнымъ при изслѣдованіи поставленнаго мною вопроса принять за точку отправленія именно нѣкоторыя воззрѣнія на искусство Тэна.

Не касаясь пока тѣхъ соображеній, на основаніи которыхъ Тэнъ пришелъ къ своему опредѣленію искусства, обратимся сперва къ его конечному выводу. „Художественное произведеніе,—говоритъ Тэнъ,—имѣетъ цѣлью обнаружить какое-нибудь существенное или выдающееся свойство, другими словами, какую-нибудь важную идею, болѣе ясно и полно, нежели то бываетъ въ реальныхъ предметахъ“. Согласно этому идеализація въ искусствѣ состоитъ исключительно въ томъ, что „художникъ, постигнувъ въ предметѣ и выдѣливъ въ немъ какое-нибудь замѣтное свойство, систематически измѣняетъ дѣйствительныя отношенія его частей съ цѣлью сдѣлать это свойство болѣе виднымъ и болѣе господствующимъ“. Содержаніе искусства, по мнѣнію Тэна, тождественно съ содержаніемъ науки, и онъ видитъ между художникомъ и ученымъ только ту разницу, что ученый, выдѣляя основныя свойства предметовъ, „выражаетъ ихъ въ точныхъ формулахъ и отвлеченныхъ терминахъ, художникъ же обнаруживаетъ не въ сухихъ опредѣленіяхъ, недоступныхъ для толпы и понятныхъ только для нѣсколькихъ спеціалистовъ, но въ формѣ осязательной, обращаясь при этомъ не только къ уму, но и къ чувствамъ, къ сердцу самаго простаго человѣка“. Поэтому „особенность искусства заключается въ томъ, что оно въ одно время и возвышенно и популярно; оно выражаетъ самое высокое содержаніе, но выражаетъ его для всѣхъ“.

Нельзя не согласиться съ Тэномъ, что такая точка зрѣнія на искусство оправдываетъ наше инстинктивное къ нему уваженіе. Но зато она невольно заставляетъ сомнѣваться въ цѣлесообразности научныхъ произведеній, ибо для чего нужны, сухія опредѣленія, недоступныя для толпы и понятныя только для нѣсколькихъ спеціалистовъ“ рядомъ съ произведеніями искусства, если эти произведенія выражаютъ то же самое содержаніе, но только для всѣхъ? Неужели же научное изложеніе отличается отъ художественныхъ изображеній только своимъ несовершенствомъ? Другого рода соображеніе также подрываетъ довѣріе къ тэнову

опредѣленію задачи искусства. Именно, если содержаніе науки и искусства одно и то же, то какъ объяснить, что одна, по словамъ Тэна, дѣйствуетъ только на умъ, а другое и на чувство? Если это дѣйствіе зависитъ не отъ содержанія, то, значитъ, отъ формы. Но тогда весь вопросъ искусства сведется къ опредѣленію именно этой особой формы, къ опредѣленію не того, *что* выражаетъ искусство, а того, *какъ* оно выражаетъ, и формула Тэна окажется по крайней мѣрѣ недостаточной. Съ другой стороны возможна ли форма, не обнаруживающая никакого содержанія? Что такое форма, какъ не проявленіе извѣстнаго содержанія? Когда мы противопоставляемъ форму вещи ея содержанію, не означаетъ ли такое противоположеніе лишь то, что *извѣстная* форма данной вещи выражаетъ иное содержаніе, нежели остальные ея формы? А если такъ, то можно ли утверждать, что искусство, дѣйствуя своимъ содержаніемъ, подобно наукѣ, на умъ,—на чувство дѣйствуетъ исключительно своей формой? И не правильнѣе ли будетъ признать, что художественная форма потому и дѣйствуетъ на чувство, что по самому содержанію отличается отъ научной?

Но посмотримъ, какъ Тэнъ пришелъ къ своему выводу; другими словами, насколько этотъ выводъ имѣетъ силу необходимости. Несомнѣннымъ признакомъ, основной чертой всякаго истинно-художественнаго произведенія Тэнъ считаетъ доставляемое имъ эстетическое удовольствіе. И въ этомъ случаѣ онъ стоитъ на совершенно правильной точкѣ зрѣнія. Ибо всѣ тѣ произведенія искусства, которыя стремятся возбудить въ насъ извѣстное чувство не въ силу его самостоятельной цѣнности, а съ какими-либо практическими цѣлями, т.-е. не въ силу его красоты, а только въ силу его полезности, упускаютъ изъ вида, что они возбуждаютъ это полезное чувство собственно не къ реальному міру, гдѣ оно только и можетъ имѣть свой практическій результатъ, а лишь къ художественному изображенію, которое, если не всегда бываетъ, то всегда имѣетъ право быть вымысломъ и, слѣдовательно, уже само по себѣ, какъ художественное

изображеніе, должно смущать вѣру въ законность возбуждаемаго имъ чувства по отношенію его къ реальному міру. Этимъ объясняется, почему всѣ споры о достоинствѣ подобныхъ произведеній сводятся исключительно къ вопросу о томъ, бываетъ или не бываетъ то, что изображено авторомъ, т.-е. къ такому вопросу, рѣшеніе котораго лежитъ внѣ его художнической компетенціи. Правда, вымыселъ можетъ иногда произвести иллюзію, но этотъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, благочестивый обманъ не въ состояніи оказывать продолжительнаго дѣйствія. Обыкновенно такое преслѣдующее исключительно практическія цѣли произведеніе пользуется особенной популярностью среди тѣхъ лицъ, которыя и ранѣ имѣли то же представленіе о дѣйствительности, какое хочетъ внушить имъ авторъ, т.-е. среди тѣхъ, для кого это произведеніе собственно не нужно, и отталкиваетъ отъ себя тѣхъ, кто держится противоположнаго взгляда, т.-е. тѣхъ, для кого оно главнымъ образомъ и должно бы предназначаться. Для человѣка неопредѣленныхъ воззрѣній оно, конечно, можетъ имѣть нѣкоторое значеніе: испытанное чувство можетъ обратить его вниманіе на извѣстную сторону какого-нибудь факта. Но вѣдь того же результата можетъ достигнуть и публицистическая статья, съ тѣмъ однако преимуществомъ, что она имѣетъ возможность не только указать, но и доказать дѣйствительное существованіе того, на что указываетъ. Другими словами, художественное произведеніе и въ этомъ случаѣ является, если не лишнимъ, то исполняющимъ не свое, по крайней мѣрѣ, не специально свое дѣло. Специальной пользы отъ художественнаго произведенія мы должны искать не въ проистекающихъ изъ этого произведенія или возбуждаемаго имъ чувства непосредственныхъ результатахъ для практической дѣятельности, а въ его благотворномъ дѣйствіи на самую нашу способность чувства; но это благотворное дѣйствіе и сознается нами, какъ эстетическое удовольствіе.

Итакъ, Тэнъ совершенно правъ, когда, желая опредѣлить, что такое истинно художественное произведеніе,

изслѣдуетъ только такія произведенія, которыя возбуждаютъ въ насъ эстетическое удовольствіе, ибо только такія произведенія носятъ свою цѣль въ самихъ себѣ, только по отношенію къ нимъ право художника на творчество не подлежитъ никакому сомнѣнію. И Тэнъ признаетъ это право за художественнымъ произведеніемъ во всей его полнотѣ. Раздѣливъ искусства на подражательныя (скульптура, живопись и поэзія) и неподражательныя (архитектура и музыка), и оставляя сперва въ сторонѣ послѣднія, онъ старается доказать, что и для первыхъ цѣль лежитъ не въ подражаніи, ибо въ противномъ случаѣ прекраснѣйшими произведеніями, т. е. такими, которыя бы намъ особенно нравились, были бы произведенія, подражающія съ наибольшей точностію, а между тѣмъ наблюденіе показываетъ иное: какой-нибудь слѣпокъ, фотографическій снимокъ, стенографическій отчетъ не могутъ сравниться по своему дѣйствию на чувство со статуей, картиной или драмой, хотя и точнѣ воспроизводятъ дѣйствительность. Точно также, если сравнивать между собой только художественныя произведенія, то сильнѣйшее впечатлѣніе оставляютъ далеко не всегда тѣ, которыя достигаютъ наибольшей иллюзіи, напр. „какой-нибудь размашистый эскизъ Ванъ-Дейка во сто разъ могущественнѣе“ выписанныхъ до мельчайшихъ подробностей, какъ бы „вылъзающихъ изъ рамы“, портретовъ Деннера. Еще болѣе убѣдительное доказательство своей мысли Тэнъ видитъ въ томъ, что нѣкоторые виды искусства, очевидно, намѣренно отступаютъ отъ дѣйствительности: таковы статуи, которыя, если слишкомъ приближаются къ дѣйствительности, какъ, напр., одѣтыя и раскрашенныя съ соблюденіемъ всѣхъ реальныхъ особенностей статуи въ церквахъ Неаполя и Испаніи, то производятъ отталкивающее впечатлѣніе; таковы написанныя въ стихахъ драмы, причемъ измѣненіе реальной рѣчи не только имъ не вредитъ, а, напротивъ, придаетъ особую прелесть, напр. Ифигенія Гете, написанная въ прозѣ, несравненно ниже Ифигеніи того же поэта, написанной стихами. Указывая на то, что искусство под-

ражаетъ въ предметахъ собственно только отношеніямъ ихъ частей, Тэнъ отмѣчаетъ, наконецъ, тотъ фактъ, что именно въ величайшихъ созданіяхъ искусства, напр., въ статуяхъ Микельанджело на гробницахъ Медичи или въ картинѣ храмоваго праздника Рубенса, эти отношенія и являются наиболѣе измѣненными.

Приведенные факты рѣшительно убѣждаютъ насъ въ томъ, что цѣль искусства *не есть* подражаніе. Но даютъ ли два послѣдніе примѣра достаточное основаніе утверждать, какъ дѣлаетъ Тэнъ, что эта цѣль *есть*—возможно ясное и полное выраженіе существенныхъ или главныхъ свойствъ предметовъ? Нельзя не согласиться съ Тэномъ, что въ обыкновенной дѣйствительности трудно встрѣтить такое разительное выраженіе отчаянія и негодованія, какъ въ статуяхъ Микельанджело, или такое полное проявленіе „грубыхъ, плоткихъ инстинктовъ“, такое, по выраженію Тэна „торжество человѣческаго скотства“, какъ въ картинѣ Рубенса. Но изъ того факта, что въ нѣкоторыхъ великихъ произведеніяхъ искусства извѣстныя свойства виднѣе, нежели въ реальномъ мірѣ, еще не слѣдуетъ *непрѣменно*, что цѣль этихъ произведеній только въ томъ и заключается, чтобы сдѣлать ихъ *какъ можно болѣе* видными. Примѣняя къ выводу Тэна тотъ способъ провѣрки, какой онъ употребилъ относительно предположенія, что искусство стремится къ возможно точному воспроизведенію дѣйствительности, мы, напротивъ, придемъ къ совершенно иному заключенію. Въ самомъ дѣлѣ, если цѣль искусства—какъ можно яснѣе и полнѣе выразить какое-нибудь существенное свойство предмета, то, съ одной стороны, тѣ произведенія, гдѣ такое свойство не ясно и не полно, не могутъ считаться истинно художественными. Но, говоря о ясности, именно самыя великія произведенія искусства, каковы образы греческихъ скульпторовъ, Рафаэля, Шекспира, и могутъ быть всего менѣе сведены къ какому-нибудь опредѣленному свойству, чѣмъ объясняется, напр., тотъ фактъ, что самъ Тэнъ, желая опредѣлить основное свойство приводимыхъ имъ художествен-

ныхъ образовъ, принужденъ иногда, напр., при объясненіи Рафаэлевой Галатеи, обозначать его такими сложными и отчасти противорѣчащими другъ другу понятіями, какъ „гордая и граціозная нѣжность“ (*douceur fière et gracieuse*) и болѣе прибѣгать къ описаніямъ, нежели къ точнымъ опредѣленіямъ. Что же касается до полноты изображенія, то даже тѣ примѣры, которые послужили Тэну исходной точкой для его вывода, статуи Микельанджело и картина Рубенса, очевидно, исчерпываютъ въ весьма ограниченномъ объемѣ проявленія отчаянія и негодованія или чувственной разнузданности. Вообще, вопреки указанному раньше мнѣнію Тэна о тождествѣ содержанія искусства и науки, искусство никогда не въ состояніи выразить опредѣленное свойство ни такъ ясно, ни такъ полно, какъ наука, ибо, въ отличіе отъ науки, искусство пользуется, какъ средствомъ выраженія своихъ идей не понятіями, но образами, а всякій образъ болѣе или менѣ индивидуаленъ, т. е. содержитъ въ себѣ кромѣ признаковъ, составляющихъ извѣстное свойство, и такіе, которыхъ въ немъ нѣтъ, и которые, будучи воспринимаемы одновременно съ первыми, ихъ затемняютъ; другими словами, образъ, во-первыхъ, не можетъ быть *такъ ясенъ*, какъ понятіе, устраняющее всѣ лишніе признаки; во-вторыхъ, какъ единичный случай проявленія извѣстнаго свойства, образъ не можетъ обнаруживать его и съ *такой полнотой*, какъ понятіе, которое обобщаетъ всѣ возможные случаи.— Но цѣль искусства не можетъ быть той, какую указываетъ ему Тэнь, и потому, что если бы это было справедливо, то самыми совершенными созданіями искусства должны бы считаться тѣ, гдѣ извѣстное свойство выражается особенно ясно и полно. А между тѣмъ, пользуясь примѣромъ, который приводитъ Пушкинъ, разсуждая о задачѣ драматическаго писателя, когда въ какой-нибудь драмѣ заговорщикъ говоритъ „дайте мнѣ пить“ именно какъ заговорщикъ, то это можетъ возбудить только совершенно непредвидѣнный авторомъ и весьма не лестный для него смѣхъ. Вообще, продолжая высказанную уже относительно теории Тэна

мысль, систематическое измѣненіе отношеній между отдѣльными частями предмета съ цѣлью выдвинуть въ немъ какое-либо опредѣленное свойство неминуемо должно привести къ каррикатурѣ. Поэтому даже въ тѣхъ произведеніяхъ, на основаніи которыхъ Тэнъ построилъ свой выводъ, и въ которыхъ ему удается указать основное свойство болѣе или менѣе опредѣленно, мы несомнѣнно замѣчаемъ въ обнаруженіи этого свойства извѣстную сдержанность, выражающуюся хотя бы въ томъ, что наряду съ указанными Тэнномъ чертами созданія Микельанджело и Рубенса даютъ мѣсто и другимъ, которыя никакъ нельзя вывести изъ первыхъ. Такъ, неужели въ статуяхъ на гробницахъ Медичи, даже въ тѣхъ самыхъ признакахъ, на которые указываетъ Тэнъ, въ колоссальныхъ размѣрахъ, мощномъ изгибѣ тѣла, въ складкахъ на лбу, подобныхъ львинымъ, вздутыхъ, какъ гора, мускулахъ, натянутыхъ, какъ готовая лопнуть цѣпь, позвонкахъ и жилахъ, неужели во всемъ этомъ не выражается кромѣ отчаянія и негодованія, также и способность, и стремленіе сопротивляться охватившимъ чувствамъ, т. е. состояніе, не имѣющее ничего общаго съ указанными Тэнномъ? Точно также можно ли согласиться съ Тэнномъ, что въ храмовомъ праздникѣ Рубенса мы видимъ не болѣе, какъ „торжество человѣческаго скотства“? Чтобы убѣдиться въ противномъ, стоитъ только обратить вниманіе на то искреннее веселье, которое, по указанію самого же Тэна, царитъ въ этой картинѣ, и къ которому человѣкъ способенъ тѣмъ менѣе, чѣмъ болѣе онъ поглощенъ удовлетвореніемъ своихъ физическихъ потребностей. Но нигдѣ точка зрѣнія Тэна на задачу искусства не оправдывается менѣе, чѣмъ въ музыкальныхъ произведеніяхъ, которымъ онъ, какъ и архитектурѣ, приписываетъ ту же цѣль, что и созданіямъ подражательныхъ искусствъ. Музыка, говоритъ Тэнъ, *сравнительно съ другими искусствами*, „имѣетъ то специальное достоинство и тѣмъ производитъ особенно сильное впечатлѣніе, что „звукъ аналогиченъ съ крикомъ и потому выражаетъ непосредственно, съ вѣрностью, изяществомъ и силой, не

имѣющими равныхъ—страданіе, радость, гнѣвъ, негодованіе, всѣ тревоги и волненія живого, чувствующаго существа до самыхъ неуловимыхъ оттѣнковъ и въ самыхъ неизвѣданныхъ тайнахъ“. Но въ чемъ же, спросимъ, заключается преимущество музыкальнаго выраженія въ сравненіи *не съ другими искусствами*, а съ простымъ крикомъ? Что касается до вѣрности и силы выраженія, то несомнѣнно, что въ обнаруженіи всякаго частнаго состоянія духа, каковы радость, грусть и т. п., преимущество всегда останется за крикомъ, значеніе котораго опредѣлить гораздо легче, нежели существенное свойство извѣстнаго сочетанія музыкальныхъ звуковъ. Слѣдовательно, если музыка доставляетъ больше удовольствія, нежели крикъ, то надо предположить, что это удовольствіе проистекаетъ не только изъ ея выразительности, а отъ чего-то другого, что, очевидно, чувствовалъ и Тэнъ, отмѣтивъ изящество (*delicatesse*) музыкальнаго выраженія, но не объяснивъ, въ чемъ оно заключается.

Такимъ образомъ, недовѣріе, возбужденное въ насъ опредѣленіемъ Тэна раньше вслѣдствіе того, что оно не дѣлаетъ различія между содержаніемъ науки и содержаніемъ искусства, между удовольствіемъ интеллектуальнымъ и эстетическимъ, еще болѣе усиливается теперь, когда мы видимъ, что онъ пришелъ къ этому опредѣленію путемъ слишкомъ поспѣшнаго обобщенія, ибо изъ того факта, что въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ искусства извѣстное свойство выражается въ усиленной сравнительно съ дѣйствительностью степени, заключилъ, что и всегда цѣль, съ которой искусство видоизмѣняетъ дѣйствительныя отношенія предметовъ, состоитъ въ доставленіи главному въ предметѣ свойству исключительнаго въ немъ господства.

Такое же поспѣшное обобщеніе дѣлаетъ онъ и въ другомъ случаѣ, именно указывая на то, что въ своемъ стремленіи выдвинуть главное свойство предмета искусство слѣдуетъ только по стопамъ природы и брать на себя такую задачу потому, что природа не въ силахъ ее выпол-

нить. „Въ природѣ,—говоритъ онъ,—извѣстное свойство является только преобладающимъ (dominant): дѣло искусства заключается въ томъ, чтобы сдѣлать его безусловно господствующимъ (dominateur); это свойство сообщаетъ реальнымъ предметамъ извѣстную форму, но она не вытекаетъ изъ него всецѣло. Дѣйствию этого свойства препятствуетъ, его парализуетъ вмѣшательство другихъ причинъ. Оно не могло съ достаточной силой и ясностью запечатлѣться въ тѣхъ предметахъ, которые носятъ на себѣ его слѣдъ. Человѣкъ чувствуетъ этотъ пробѣлъ,—и вотъ, для того, чтобы его пополнить, онъ изобрѣтаетъ искусство“. Трудно сомнѣваться въ томъ, что художественная дѣятельность стремится удовлетворить естественной потребности человѣка, и что она, такимъ образомъ, представляетъ продолженіе въ человѣкѣ той дѣятельности, которой предается природа вообще. Но именно потому, что искусство 'продолжаетъ дѣло природы, задача его и получаетъ для насъ совершенно иное освѣщеніе, нежели то, въ какомъ она представляется Тэню. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ основано утвержденіе, что природа въ каждомъ предметѣ стремится къ исключительному господству лишь одного изъ своихъ свойствъ, и что взаимное ограниченіе такихъ свойствъ есть явленіе случайное, незаконное, противодѣйствующее стремленію природы? Одно изъ двухъ: или въ природѣ все случайно, и тогда нечего говорить о продолженіи ея дѣла. Или же, признавая причины для однихъ явленій, было бы произволомъ отвергать существованіе подобныхъ же причинъ и для другихъ. И потому не слѣдуетъ ли скорѣе заключить изъ того факта, что въ природѣ ни одно свойство *никогда* не получаетъ исключительнаго господства, что „форма предмета“ *никогда* „не вытекаетъ изъ него всецѣло“, что „оно *никогда* не можетъ съ достаточной силой и ясностью запечатлѣться въ тѣхъ предметахъ, которые носятъ на себѣ его слѣдъ“, что „его дѣйствию“, напротивъ, *всегда* „препятствуетъ вмѣшательство другихъ причинъ“,—не слѣдуетъ ли заключить изъ этого факта, что природа не только въ общемъ итогѣ, но

и въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ стремится не къ безусловному сліянію выдѣляемыхъ ею элементовъ въ безразличную массу, а лишь къ образованію изъ нихъ органически связаннаго цѣлаго, т.-е. такого сочетанія частей, которое при всей своей законченности сохраняетъ самостоятельность каждой изъ этихъ частей, которое предполагаетъ не логически необходимую подчиненность одной части другой, а лишь полную ихъ между собой солидарность? Прекрасный примѣръ такого стремленія природы къ цѣлому представляетъ самъ Тэнъ въ своей характеристикѣ льва. Онъ считаетъ большую часть особенностей этого животнаго вытекающими съ силою неизмѣнности (*suivant des liaisons fixes*, какъ онъ выражается) изъ его основного свойства плотоядности. Но развѣ эти особенности: острые, какъ пила, зубы, челюсти, устроенныя, по словамъ самаго Тэна, „для того, чтобы мять и рвать“, „потому что левъ—плотоядное животное и питается мясомъ и живностью“, огромные мускулы, нужные „для того, чтобы приводить въ движеніе эти страшные клещи (*tenailles*)“, такихъ же размѣровъ височныя впадины, „для того, чтобы было, гдѣ помѣститься этимъ мускуламъ“, ужасные выпускные когти, представляющіе такіе же клещи на ногахъ, легкая походка на концахъ пальцевъ, поразительная упругость лягвей, которая устремляетъ его впередъ, какъ бы при помощи пружины, глаза, способные видѣть ночью, „потому что ночь—лучшее время для охоты“,—развѣ всѣ эти особенности на самомъ дѣлѣ вытекаютъ изъ плотоядности съ силою неизмѣнности, какъ признаки изъ понятія? Изъ самаго способа выраженій Тэна ясно, что онѣ находятся съ ней именно лишь въ отношеніяхъ солидарности, и, что если созерцаніе льва, какимъ его описываетъ Тэнъ, способно вызвать эстетическую эмоцію, то именно въ силу сознанія этой солидарности, которой въ свойствахъ другихъ плотоядныхъ животныхъ можетъ и не быть.

Во всякомъ случаѣ представленіе о цѣломъ или, по крайней мѣрѣ, потребность въ такомъ представленіи живеть въ духѣ человѣка, и для удовлетворенія этой то по-

требности, а не потребности обнаружить одно какое-нибудь свойство, являющейся принципомъ науки—человѣкъ, не довольствуясь тѣми случаями, когда это представление возбуждается въ немъ дѣйствительностью, или той степенью, въ какой оно возбуждается въ немъ дѣйствительностью, изобрѣтаетъ, по выраженію. Тѣна, искусство Но для того, чтобы выполнить свое назначеніе, искусство, какъ и природа, не можетъ слѣдовать тѣмъ прямолинейнымъ путемъ, который указываетъ ему Тѣнь: если оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ изображаетъ извѣстное свойство въ преувеличенномъ видѣ, то въ то же время всегда даетъ чувствовать, что и это преувеличенное свойство есть только часть цѣлаго, для чего усиливаетъ и тотъ противовѣсь этому свойству, благодаря которому только и возможно его существованіе въ цѣломъ, какъ возможно, напр., существованіе изображеннаго Микель Анджело въ статуяхъ на гробницахъ Медичи всесокрушающаго отчаянія лишь въ соединеніи съ ничѣмъ не сокрушимой силой его носителей, или изображенная Рубенсомъ чудовищная трата жизненной энергіи лишь въ соединеніи съ неисчерпаемымъ ея запасомъ. Вообще, то, что Тѣнь называетъ существеннымъ, главнымъ и т. д. свойствомъ, можетъ служить для художника только точкой отправленія, и художественное изображеніе даннаго свойства всегда нуждается, если можно такъ выразиться, въ дополнительномъ цвѣтѣ. Этотъ дополнительный цвѣтъ, ограничивая выраженіе отдѣльнаго свойства, является причиной того, что въ истинно художественномъ произведеніи мы всегда замѣчаемъ присутствіе того чувства мѣры, которымъ такъ славятся древніе греки, и что, опредѣливъ въ такомъ произведеніи какое-нибудь преобладающее свойство, мы всегда можемъ указать на другое, нерѣдко прямо ему противоположное, такъ что принципъ борьбы, лежащій въ основаніи произведеній, возбуждающихъ наиболѣе сильную эстетическую эмоцію, именно драматическихъ, представляетъ въ нихъ только наиболѣе яркое развитіе того качества, которое составляетъ отличительную черту всякаго художественнаго произведенія.

И вотъ почему, если изъ области художественной, съ одной стороны, должны быть, согласно мнѣнію Тэна, исключены произведенія ложно-реальныя или натуралистическія, которыя совсѣмъ не дополняютъ природу, а являются только слабымъ ея повтореніемъ, то, съ другой стороны, въ ней не должны быть терпимы и произведенія ложно-идеальныя, которыя видятъ въ выраженіи извѣстнаго свойства цѣль, а не исходную лишь точку, и вслѣдствіе этого не только не дополняютъ, но по самому принципу искажаютъ природу, ибо часть ставятъ на мѣсто цѣлаго.

Но если, такимъ образомъ, стараясь объяснить себѣ особенности художественнаго произведенія, мы пришли къ выводу, что слѣдуетъ искать руководящаго для него принципа не въ стремленіи выразить какое-нибудь важное свойство міра, какъ думаетъ Тэнъ, а въ стремленіи построить на основаніи какого-нибудь свойства новый, болѣе цѣлый міръ, нежели доступный созерцанію художника міръ дѣйствительный, то ясно, что, вопреки Тэну, художественное произведеніе, чѣмъ оно художественнѣе, тѣмъ менѣе можетъ считаться продуктомъ породившей его среды, и тѣмъ осторожнѣе долженъ пользоваться имъ историкъ, какъ средствомъ ознакомленія съ характеромъ этой среды. Но, съ другой стороны, именно благодаря тому обстоятельству, что мнѣняющаяся по мѣсту и времени среда является только извѣстнымъ условіемъ, а не первоначальной причиной художественнаго произведенія, и что художественныя произведенія различныхъ эпохъ и странъ стремятся не къ разнымъ цѣлямъ, а составляютъ лишь разнообразныя воплощенія одной и той же вѣчно присущей человѣческому духу идеи,—получаетъ свой истинный смыслъ исторія искусства, какъ внутренне объединенный, имѣющій самостоятельную цѣну предметъ изученія.

В. Е. Гіацинтовъ.

Поиски за міросозерцаніємъ.

Х.

Если въ гражданской конституціи духовенства практически таились сѣмена самаго разнузданнаго „философскаго“ гоненія на христіанство, въ знаменитомъ докладѣ Робеспьера Конвенту 18 флореаля чутся дыханіе католической реставраціи. Воинскій натискъ философіи на откровенную религію закончился культомъ Разума. Въ одной изъ „мессъ“ Вольтеръ провозглашался „посланникомъ Божиимъ“: это было буквальный воспроизведеніемъ обращенія Даламбера къ фернейскому патріарху: „Вы—священнослужитель разума“ *). Практика философіи имѣла тотъ же результатъ какъ и теорія: она не пришла къ цѣльному и точно опредѣленному воззрѣнію и не только въ силу неопредѣленности идейныхъ основъ, но еще и подъ влияніемъ политическихъ страстей, партійныхъ и личныхъ междоусобицъ. Робеспьеръ выступилъ противъ философіи въ роли аналогичной положенію Руссо относительно энциклопедистовъ. Онъ рѣшилъ во чтобы то ни стало систематизировать идеи и сообщить имъ реальное значеніе религіи—народное и государственное.

Культь Разума до конца оставался исключительно партійнымъ. Помимо якобинцевъ и въ Парижѣ всякихъ подонковъ населенія, къ нему преимущественно въ провинціи приставали группы патріотической интеллигенціи, возмущенной противъ -національнымъ поведеніемъ неконститу-

---

*) Grégoire. I, 109. Письмо Даламбера къ Вольтеру отъ 13 дек. 1764 г.

ціоннаго духовенства. Въ массѣ Разумъ не встрѣтилъ сочувствія, и его патриотическое значеніе не слѣдуетъ преувеличивать *). Служеніе новому культу успѣло захватить неизмѣримо болѣе ограниченный районъ, чѣмъ патриотическое движеніе, и оба явленія совпали хронологически: революціонная Франція самоотверженно боролась противъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ до культа и особенно послѣ него, и въ наиболѣе горячіе патриотическіе моменты новое божество совершенно заслонялось фигурами славнѣйшихъ, на взглядъ революціонеровъ, патриотовъ **). Патриотизмъ занималъ первостепенное мѣсто и въ культѣ Верховнаго Существа, какъ вообще во всѣхъ событіяхъ революціи.

Робеспьеръ задумалъ вмѣсто партійной религіи учредить національную, и Робеспьеръ искусно старается прежде всего повернуть на путь реакціи, остановить революцію въ пользу своей единоличной власти и отнять революціонный характеръ у предполагаемаго національнаго культа, какъ основы порядка. Планъ Робеспьера ясенъ не только изъ его „первосвященнической“ должности, но изъ политической и социальной. Монтаньяры, руководимые Робеспьеромъ, оказались подлинными буржуа въ экономическомъ вопросѣ. Комитетъ общественнаго спасенія издавалъ строжайшіе декреты противъ рабочихъ союзовъ, стачекъ и даже собраній. Всѣ взаимныя сношенія рабочихъ ставились подъ неусыпный контроль администраціи мастерскихъ. Даже коллективныя жалобы и всякія сборища воспрещались рабочимъ подъ угрозой арестовъ и наказаній по закону. Якобинство желало быть консервативнымъ, и Робеспьеръ рассчитывалъ явиться предъ Европой мудрымъ законодателемъ и государемъ ***).

*) Aulard склоненъ все движеніе во славу Разума считать взрывомъ патриотизма. О. с. 199 атс.

***) На это указываетъ и Aulard: „On se détourne de la statue froide et abstraite de la Raison pour ne plus voir honorer que la trinité des victimes du patriotisme (Марата, Cholier и Le Peletier) О. с. 202.

***) Ср. *Les origines historiques du socialisme français*, par Aulard. *Revue de Paris*, 15 août, 1899.

А первый шагъ къ дѣли, разумѣется, возстановленіе авторитета. На какой почвѣ,—указывала самая краснорѣчивая дѣйствительность. Католичество отнюдь не склонялось подъ ударами разума. Не только провинціальная народная Франція твердо исповѣдывала старую вѣру, но и многіе участники новаго культа въ глубинѣ души оставались католиками, даже негодую на эмиграцію и не сочувствуя Вандеѣ. Неприсягнушіе священники окружались ореоломъ мученичества, и маскарады и оперы съ богинями Разума меньше всего могли омрачить этотъ ореоль.

Робеспьеръ понималъ сущность дѣла и сдѣлалъ соотвѣтственныя заключенія. Совершенно напрасно считать его правовѣрнымъ ученикомъ Руссо: онъ ученикъ-эклектикъ, взялъ изъ *Эмиля* и *Общественнаго договора* только тотъ матеріалъ, какой казался ему пригоднымъ для реставраціонныхъ цѣлей, при данныхъ условіяхъ. Подъ покровомъ Руссо онъ ведетъ борьбу противъ жирондистовъ, какъ учениковъ энциклопедіи, разбивая бюстъ Гельвеція, произноситъ компиляцію изъ исповѣди савойскаго викарія, и въ послѣдствіи восторженно нарисованную фигуру Руссо противопоставить презрѣннымъ изображеніямъ „честолюбивыхъ шарлатановъ“. Вся эта боевая политика чрезвычайно полезна для оратора-демагога—*противъ* атеистовъ-аристократовъ *за* плебея, „учителя человѣческаго рода“. Пока жирондисты живы—на сценѣ *Эмиль*. Жирондисты уничтожены,—Шометтъ организуеъ культъ Разума, дикій, часто возмутительный и въ общемъ партійный—Робеспьеру можно позволить себѣ поменьше философіи и побольше политики. Онъ, не переставая восхвалять Провидѣніе въ стилѣ Руссо, прямо переходитъ къ обвиненію „атеистовъ“ въ политической неблагонадежности, даже въ измѣнѣ религіи, единственной основѣ нравственности и вѣрности отечеству. Атеизмъ дѣлаеъ французовъ ненавистными въ глазахъ народовъ; нечестіе является несмываемымъ пятномъ на французской республикѣ,

*) Lamennais. *O. c.* VII, 70. Grégoire. I, 99.

и это вредить ея достоинству и свободѣ во всемъ мірѣ. Оратору остается закончить открытымъ доносомъ на отдѣльныхъ лицъ, что Робеспьеръ и выполняетъ.

Такимъ путемъ подведены подъ гильотину Шометтъ и его свита. Дантонъ также палъ отнюдь не изъ-за мятежническаго атеизма: онъ первый возсталъ противъ фарсовъ новаго культа. Настала очередь Конвента освятить заключительный актъ террористической реакціи. Всѣ, кому надлежало, ясно понимали смыслъ робеспьеровскаго плана. Ламеннэ напрасно думаетъ, будто Франція начала „строиться вновѣ“ — *Se reconstituer*, съ момента гибели Робеспьера. Грегуаръ вѣрнѣе понимаетъ смыслъ событій: съ точки зрѣнія католика, онъ появленіе *Верховнаго Существа* считаетъ „возвратомъ къ принципамъ“, признавая въ то же время „эту мѣру чисто политической“. Къ какимъ принципамъ, — свидѣтельствовали заинтересованные католики и дѣйствія самого Робеспьера. Католики спѣшатъ обращаться къ нему съ просьбами о своихъ религіозныхъ нуждахъ, „полныя довѣрія къ его справедливости“; они искренно присоединяются къ новому культу, надѣясь на близкое возвращеніе „къ религіи“, т. е. къ своей церкви. Самъ Робеспьеръ беретъ подъ свое покровительство католическую вѣру и протестантскаго священника называетъ „чудовищемъ“. Наконецъ, даже распространялись слухи, будто конституціонные епископы будутъ приглашены способствовать новому культу *).

Во всякомъ случаѣ—время кроткаго савойскаго викарія миновало; предъ конвентомъ 18 флореаля явился „законодатель“ во всемъ мрачномъ притязательномъ формализмѣ *общественнаго договора*. Онъ благословлялъ и проклиналъ, — благословенія звучали чувствительнымъ романомъ и идиллической лирикой, — но проклятія на всѣхъ, кто „пытается погасить возвышенный энтузіазмъ“, на „тирановъ и измѣнниковъ“, на „аристократовъ“ — дышали самой яркой жизненной правдой. Политическій смыслъ новой религіи усиленно

*) Aulard. 238—9, 264, 302. Ср. Grégoire. I, 114.

подчеркивался сочувственниками Робеспьера. Во время чтенія доклада рукоплесканія отмѣчали именно политическія обоснованія Культа—его необходимость, какъ говорилось и въ самомъ заглавіи доклада—*Rapport sur les rapports des idées religieuses et morales avec les principes republicains*. Вновь явившіеся исповѣдники даже дагмать о безсмертіи души усиливались истолковать въ цѣляхъ патріотизма. Католическая печать не оскорблялась утилитарной постановкой религіознаго вопроса,—она только сѣтовала, почему Робеспьеръ безъ всякихъ мудреныхъ изворотовъ—*sans tant s'alambiguer*—просто не заявилъ, что онъ вѣруеть въ Бога? *).

Этотъ естественный шагъ будетъ сдѣланъ непосредственными преемниками Робеспьера—въ дѣлѣ религіозно-политическаго возстановленія Франціи—сотрудниками Бонапарта по конкордату, Симеономъ и Порталисомъ. Ихъ рѣчи въ трибунатѣ и въ законодательномъ корпусѣ—по идейнымъ основамъ—представляютъ полную аналогію Робеспьеровскому докладу. Для всѣхъ религія не истина сама по себѣ, не органической фактъ естественнаго развитія человѣческой природы, а практическое средство, пускаемое въ ходъ искусными укротителями толпы. Здѣсь главная сила не въ вѣрѣ и въ доказательствѣ, а въ повелѣніи и эффектѣ. Портались эту истину выразить вполнѣ откровенно,—Робеспьеръ сдѣлаеть больше: устранивъ соперниковъ, онъ утратить тактъ дѣйствительности и примется разыгрывать ту самую роль, о какой даже Бонапартъ мечталъ только въ Египтѣ. Праздникъ 20-го преріала, аранжированный художникомъ Давидомъ по программѣ поразительно первобытнаго мелодраматическаго содержанія, даже для артистическаго воображенія республиканца XVIII-го вѣка, — обнаружить всю близорукость политическаго зрѣнія Робеспьера. Но что еще важнѣе—удивительный день выказалъ во всей яркости его политическое двуличіе и лицемѣрное фразерство. Робеспьеръ въ рѣчи особенно налегаль на мотивъ о

*) Полный текстъ—*Bucher et Roux. Aulard. 285, 294—5.*

невинно-угнетенныхъ, съ одной стороны, и о тиранахъ съ другой. Это говорилось въ то время, когда съ точки зрѣнія столь чувствительно прославляемой массы политика диктатора была въ полномъ смыслѣ буржуазной, а на взгядъ истинныхъ противниковъ тираннiи—деспотической. И то и другое Робеспьеръ не переставалъ доказывать рѣчами и проектами законовъ послѣ праздника Верховному Существо, и былъ остановленъ на распоряженiи противъ „невинно-угнетенныхъ“ 5-го термидора и на проектѣ проскрипцiй противъ „дурныхъ гражданъ“ 8 термидора. Пятаго числа былъ опубликованъ максимальный тарифъ заработной платы,—и рабочеіе отвѣчали на него свистками въ день казни Робеспьера и его товарищей. Такимъ образомъ, казнь именно Робеспьера среди всѣхъ многочисленныхъ казней революціи оказалась наименѣ партійной, дѣйствительно отвѣчала настроенію и общества, и народа. Съ его смертью пока отсрочивалась реставрація въ католическомъ направленiи, но только на парадной государственной сценѣ,—въ глубинѣ населенiя она не переставала набираться новыхъ силъ, не исключая Парижа.

Официально оба культа—Разума и Верховнаго Существа, продолжались весьма недолго: Разумъ не царствовалъ и мѣсяца, а Верховное Существо имѣло въ сущности только одинъ торжественный день. Кое-гдѣ въ провинціи оно привѣтствовалось, какъ легкое видоизмѣненіе Разума, а въ Парижѣ самъ первосвященникъ съ перваго же дня дискредитировалъ религіозный смыслъ культа. „Ты начинаешь наскучивать намъ съ своимъ Верховнымъ Существомъ“, замѣтилъ, говорятъ, Робеспьеру одинъ изъ его товарищей еще 20 преріаля. Но какъ бы ни были призрачны и недолговѣчны философскія формулы революціоннаго міросозерпанiя,—не въ нихъ была сущность, а въ совершенно независимой отъ нихъ, но ими прикрываемой дѣйствительности. Оригинальность Робеспьера среди якобинской партіи состояла въ его посползновенiи шадить католичество и прозрѣвать въ немъ своего союзника. Всѣ остальные слу-

жители обоихъ культовъ воспользовались ими исключительно для страшнаго, чисто-языческаго гоненія на старую религію. Предлогъ былъ безразличенъ, и главнымъ явилась не философская доктрина, а внѣшняя старина ея—празднованіе декады. Воскресеніе становилось буднями, и революціонные философы пустили въ ходъ отнюдь не болѣе философскія мѣры, чѣмъ впослѣдствіи изъ-за того же воскресенія будутъ примѣнены конгрегаціей при Бурбонахъ — только въ противоположномъ смыслѣ. Красные якобинцы заставляли народъ по воскресеньямъ работать, бѣлые—отдыхать; что же касается фанатизма—Каррье и Фуше врядъ ли могли уступить какому угодно католику. Грегуаръ подробно рассказываетъ исторію декады и заключаетъ рассказъ такими словами: „потомство никогда не будетъ въ состояніи представить вполне точно, сколько денегъ, слезъ, мукъ и крови стоили празднованія декады“. * Алтарь Разума безпрестанно становился эшафотомъ,—и въ провинціи это продолжалось до конца террора. Просвѣтители XVIII-го вѣка менѣе всего могли рассчитывать на такое осуществленіе своихъ идей, и революція въ религіозномъ отношеніи осуществляла не идеи, а чувства глубокой, безпощадной ненависти противъ католичества. Адресы департаментовъ Конвенту кратко но краснорѣчиво изображали дѣло революціонной религіи, извѣщая, что l'infâme—раздавлено. Слова заимствовались изъ сочиненій Вольтера, но все, не соответствовавшее ихъ разрушительному смыслу, — настоячивыя разсужденія о терпимости, рѣшительныя осужденія фанатизма, попытки спокойнаго логическаго созиданія новаго міровоззрѣнія, — все это не находило отклика въ воинствующихъ сердцахъ революціонныхъ партій. Въ результатѣ онѣ обнаружили не только полное отсутствіе творческаго таланта въ области философско-религіознаго созиданія, но органическую неспособность даже вступить на этотъ путь. Таковъ смыслъ общей дѣятельности *партій*. Попытки отдѣльныхъ лично

---

*) Grégoiré. I, 339. chap. X—XIII. Cp. Pressensé. 345 etc.

стей „кодифицировать XVIII-й вѣкъ“, какъ выражается Мишле, привели къ другому столь же безотрадному выводу. Философія, оказалось, не подлежала кодифицированію въ своихъ религіозныхъ идеяхъ,—по крайней мѣрѣ, кодифицированію—практически-жизненному. Вольтеровскій разумъ, „внутренній голосъ“ Руссо остались формулами, не подлежащими обоснованію, хотя и свидѣтельствовали о логической и нравственной потребности философской эпохи въ новомъ систематическомъ воззрѣніи. И не партійныя страсти помѣшали жизненному развитію философскихъ формулъ. Послѣ Робеспьера была произведена послѣдняя попытка извлечь изъ философской метафизики XVIII-го вѣка вѣру и культъ,—попытка, самая поучительная и идейная, такъ какъ ей въ первый и послѣдній разъ былъ чуждъ философскій фанатизмъ Разума и инквизиторское двуличіе Верховнаго Существа. Новый культъ—въ лицѣ своихъ основателей—искренно стремился быть философскимъ и нравственнымъ по преимуществу, бороться съ католичествомъ только на почвѣ мысли и морали, не прибѣгая ни къ партійному заговору, ни къ политическому давленію законодательства.

Теофилантропія возникла неофициально; правительство директоріи приняло участіе въ ея судьбѣ, когда она могла уже казаться значительнымъ общественнымъ явленіемъ.

Возникла она при совершенно, повидимому, неподходящихъ условіяхъ. Послѣ опытовъ революціи создать какую-либо новую религію—общество, пережившее девятое термидора, должно было относиться къ дальнѣйшимъ попыткамъ или съ чувствомъ невольнаго страха, или съ полнымъ недоумѣніемъ. Люди желали, просто жить и пользоваться жизнью. „Духъ беззаботности, разсѣянна и расточительности овладѣлъ всѣми классами“, пишетъ очевидецъ, и Парижъ никогда не видалъ столько зрѣлищъ, концертовъ, баловъ, пировъ и всякаго рода разгула и увеселеній. *). И это одновременно съ непрерывной, жестокой войной, съ без-

*) Mercier. O. c. II, 429—30.

денежьемъ правительства, съ голодной нищетой народа. Но Парижъ, по словамъ современной газеты, распадается будто на двѣ національности различныхъ—по платью, по языку, по нравамъ и чувствамъ. Утромъ толпы оборванныхъ нищихъ, истощенныхъ, больныхъ,—вечеромъ—сады, театры, улицы переполнены блестящими веселыми фигурами, съ яростью ищущими удовольствій *). Трудно предполагать, чтобы какая-либо изъ этихъ „націй“ была заинтересована высшими вопросами. Разложеніе міросозерцанія царствовало полное. Въ основѣ общественной и личной нравственности не оказывалось больше никакого идеала—прочнаго и для всѣхъ убѣдительнаго. На этой неблагоприятной почвѣ нѣкоторые мечтатели, не желавшіе возстановленія старой церкви и приходившіе въ ужасъ отъ безпринципности просвѣщеннаго общества, задумали систематизировать „естественную религію“ и украсить ее культомъ.

Въ такомъ именно смыслѣ объясняетъ возникновеніе теофилантропіи одинъ изъ директоровъ Ларевельерь-Лепо. Двѣнадцатаго флореаля V-го года онъ прочиталъ въ Академіи докладъ—*Размышленія о культѣ, о гражданскихъ обрядахъ и о національныхъ праздникахъ*. Это было первой официальной проповѣдью новаго культа,—но не основаніемъ его, что несправедливо приписывали директору. Рѣчь онъ произнесъ около пяти мѣсяцевъ спустя послѣ возникновенія теофилантропіи. Первое собраніе теофилантроповъ состоялось 26 нивоза V-го года, т.-е. 16-го декабря 1796 года, а Ларевельерь-Лепо говорилъ о новой религіи 1-го мая слѣдующаго года **). Первымъ пророкомъ былъ Валентинъ Гаюи — знаменитый изобрѣтатель способовъ обученія слѣпыхъ, основатель Института для слѣпыхъ дѣтей обоого пола. Увлеченіе теофилантропией стоило ему очень дорого: кон-

*) *Courrier français*, 4 fructidor, an III—*La Réaction thermidorienne à Paris*, par Aulard. *Revue de Paris*, 15 dec. 1898.

***) Эти даты указаны Грегуаромъ. I, 379. Сами теофилантропы начало своихъ богослуженій относили къ срединѣ III-го года. *Dictionnaire historique des cultes religieux*. Versailles. 1821, IV, Supplément, p. 62. rem. 1.

суль Бонапартъ закрыль его институтъ, и съ 1803 года до реставраціи Гаюи жилъ въ Петербургѣ, основавъ и здѣсь учрежденіе для слѣпыхъ и самоотверженно выдерживая борьбу за безкорыстное, гуманное дѣло съ многочисленными темными силами дореформенной Россіи. Идея новой религіи, несомнѣнно, была подсказана Гаюи самыми возвышенными цѣлями. Въ пользу ихъ говорило и сочувствіе такихъ людей, какъ Бернардэнъ де Сень-Пьеръ и Мерсье, оставившій слѣдующее восторженное изображеніе теофилантропіи.

„Вѣчная благодарность философіи: Разумъ торжествуетъ.

„Убѣдительный голосъ естественной религіи начинаетъ проникать во всѣ сердца. Вскорѣ эта мирная религія, сѣмена которой мы носимъ въ себѣ съ самаго рожденія, будетъ нераздѣльно господствующей. Такова религія, пропо-вѣдуемая теофилантропами.

„Истинные друзья Бога—истинные друзья и людей. Простые въ своемъ ученіи, какъ и апостолы Христа, подобно имъ—смиранные, противники пышности и важности, теофилантропы могутъ внушать только довѣріе основательнымъ умамъ, всѣхъ увлекать и стягивать во едино своихъ послѣдователей.

„Ихъ культъ, лишенный всякаго великолѣпія, основанъ на вѣрѣ въ Верховное Существо, на догматѣ о безсмертіи души, на супружеской любви, на уваженіи къ старости, на почтеніи къ родителямъ и на благотворительности.

„Этотъ культъ устанавливается безъ богословскихъ споровъ, безъ драгонадъ, безъ пролитія крови, потому что теофилантропы никого не принуждаютъ вѣровать. Текстъ ихъ евангелія—небесная твердь, и Богъ—смысль этой естественной книги, которой мѣсто только въ одномъ *индексѣ*—восторга.

„Они не преклоняются ни предъ какимъ образомъ—произведеніемъ человѣческихъ рукъ, охотно предоставляя католическимъ священникамъ заботу дѣлать своего Бога видимымъ или невидимымъ, смотря по своей жадности.

„Святылище теофилантроповъ—вселенная; картина ея развертывается предъ близорукими глазами атеиста несказанныя чудеса творенія и повергаетъ вѣрующаго въ неисчерпаемое восхищеніе.

„Цвѣты, первыя произведенія жатвы, плоды, произрашаемые лономъ земли, покрываютъ ихъ алтарь и служатъ единственнымъ его украшеніемъ. Они приносятъ все это вѣчному, какъ залогъ своей благодарности... Они вѣдряютъ въ сердца дѣтей уроки мудрости; они проповѣдуютъ женщинамъ любовь къ мужьямъ, они наставляютъ людей—любить другъ друга и взаимно желать другъ другу добра. Они убѣждаютъ ихъ, что смерть начало безсмертія и внушаютъ имъ уваженіе и признательность къ непобѣдимымъ защитникамъ отечества“.

Мерсье вѣрится въ будущее теофилантропіи. Возвращеніе къ религіознымъ идеямъ—неизбѣжно, а теофилантропія—единственно разумная религія безъ тайнъ, безъ непостижимыхъ догматовъ—исключительно нравственная и просвѣтительная *).

То же самое думалъ и Ларевельеръ-Лепо. Къ нему Гаюи обратился за поддержкой, зная его религіозныя воззрѣнія. Директоръ передалъ просьбу товарищамъ, заявляя полное сочувствіе новому культу,—и правительство рѣшило поощрить теофилантроповъ. Ларевельеръ Лепо сочинилъ чрезвычайно обстоятельный докладъ для Академіи. Онъ доказывалъ неизбѣжность и необходимость просвѣщенной религіи: иначе люди впадутъ въ грубѣйшія суевѣрія и попадутъ во власть шарлатановъ, умѣющихъ разжигать воображеніе. Необходимы и догматы и извѣстный внѣшній культъ, иначе нельзя внушить народу принципа нравственности. Нужна *положительная опора* для гражданскаго долга, непременно религіозно-догматическая, „холодныя выкладки разума“ никогда не удержатъ людей на стезѣ добродѣтели, и ораторъ останавливается на *une couple de dogmes*—двухъ

*) Mercier. II, chap. CXLI, CCLXII.

догматахъ, завѣщанныхъ философiей XVIII-го вѣка. Онъ настаиваетъ на учрежденiи культа и праздниковъ: на мѣсто какого бы то ни было разрушеннаго культа непременно нужно создать другой, иначе старый снова возобладаетъ. Католичество можетъ причинить Франци еще немало зла, если республика не поспѣшитъ упрочить новую религию. Ораторъ подробно распространяется насчетъ обрядовъ, которые должны сдѣлать эту религию привлекательной въ глазахъ массы. Важнѣйшiе моменты въ человѣческой жизни должны быть сопровождаемы гражданскими церемонiями—рожденiе, бракъ, смерть. Непременно слѣдуетъ заботиться о сильныхъ впечатлѣнiяхъ для воображенiя, о глубокихъ волненiяхъ для сердца. Празднества должны быть также цѣлесообразны—воспитывать гражданъ добрыхъ, справедливыхъ, сильныхъ волей. Культъ долженъ отличаться простотой,—Ларевельеръ-Лепо приводитъ въ образецъ кальвиническое богослуженiе, произведшее на него сильное впечатлѣнiе. Національныя празднества и гражданскiе обряды, напротивъ, должны являться внушительными и даже величественными. Ораторъ въ заключенiе сознается, что его идеи не понравятся и священникамъ, и нѣкоторымъ философамъ,—но онъ во имя усовершенствованiя людей и улучшенiя ихъ жизни готовъ идти противъ „кинжаловъ кроваваго фанатизма и преслѣдованiй гордой философiи“ *).

Теофилантропiя, слѣдовательно, стремилась къ *принципамъ*, руководительству дѣйствiями людей въ личныхъ и политическихъ отношенiяхъ. Принциповъ директоръ совѣтовалъ искать въ сердцахъ: „стучитесь въ сердце: изъ сердца забьеть ключъ нравственности и только расцвѣтши въ сердце она принесетъ обильные плоды.“ Чувство, а не разумъ, властитель поведенiя людей. Призывъ не новый; было бы новымъ, если бы пророкъ теофилантропiи показалъ, какимъ путемъ изъ человѣческаго сердца можно извлечь для всѣхъ убѣдительные принципы? Это необходимо, если религиа дол-

*) *La Theophilanthropie par Larevellière-Lépaux. La Rev. franç. 14 juin. 1882*

жна воспитывать общество, но, оказывается, невозможно. Послѣднія слова Ларевельера-Лепо: каждый человекъ понимаетъ принципы по-своему и о нихъ можно также спорить, какъ и о богословскихъ вопросахъ—безъ надежды на соглашеніе. Ораторъ не замѣчалъ, что въ этомъ соображеніи заключался приговоръ новой религіи.

Теофилантропы очень дѣятельно принялись за осуществленіе своихъ идей. Разсчитывая объединить и философовъ и христіанъ, они объявляли свою религію — *первобытной* и Иисуса Христа признавали ея основателемъ *). Даже больше. Теофилантропы воспользовались опредѣленіемъ, какое Дидро далъ естественной религіи и примѣнили его къ своему культу. Естественная религія, по мнѣнію Дидро, это общая основа всѣхъ религіи, освобожденная отъ специальныхъ заблужденій каждой исторической религіи **). Теофилантропія также похожа на всѣ религіи: она зиждется на принципахъ—не поколебленныхъ и священныхъ для всякой другой религіи. Ея Бога возвѣщали всѣ мудрецы и законодатели отъ Нумы и Сократа до Конфуція и Иисуса ***). Теофилантропія поэтому стремилась преподавать самую простую и возвышенную нравственность, идиллически-чистую и мирную. Свѣжія впечатлѣнія революціи заставляли проповѣдниковъ формулировать свои принципы въ высшей степени осторожно, консервативно. Исповѣдуя республиканскія убѣжденія, они очень рѣдко занимались публичнымъ разъясненіемъ политическихъ вопросовъ, и здѣсь сводили задачу къ нравственности и просвѣщенію: надо распространить просвѣщеніе и восполнить пробѣлы общественнаго образованія****). Никакихъ революціонныхъ замысловъ теофилантропы не допускали. Однимъ изъ правилъ они объ-

*) Grégoire на основаніи сочиненій теофилантроповъ о происхожденіи теофилантропіи. I, 370.

**) Diderot. *O. c.* I, 265 etc.

***) *Discours sur l'anniversaire de la Théophilanthropie. Recueil de discours prononcés dans divers temples de Théophilanthropes.* A Paris. Années VI et VII.

****) *Discours pour la fête de la souveraineté du peuple. Recueil.*

являли „не пытаться критиковать гражданское законодательство, еще меньше возбуждать недовольство законами“, и всѣ вопросы общественнаго порядка теофилантропами разрѣшались съ величайшей осторожностью. Напримѣръ, никто усерднѣе ихъ не прославлялъ супружеской вѣрности и вообще семейныхъ добродѣтелей. Новый культъ установилъ особый „праздникъ супруговъ“; проповѣдники подробно разбирали „священный“ смыслъ брачнаго союза, возставали противъ безразличнаго или снисходительнаго отношенія къ непостоянству и невѣрности супруговъ, вопросъ о разводѣ разрѣшали чрезвычайно осмотрительно, считали необходимымъ религиозное освященіе брака и усиливались стѣснить до послѣдней возможности поводы къ его разрыву. Картины семейнаго счастья, одна изъ самыхъ любимыхъ темъ теофилантропическихъ проповѣдниковъ. Такую же осторожность наблюдали теофилантропы, касаясь социальныхъ явленій. Они видимо желали въ этой области ограничиться такими же идиллическими изліяніями, восторженно отзывались о рабочемъ классѣ, „лишенномъ золота, но богатомъ безкорыстіемъ и благородствомъ“, земледѣльцамъ и земледѣлю пѣли гимны и въ прозѣ и въ стихахъ. Благотворительность, повидимому, казалась теофилантропамъ вѣрнѣйшимъ рѣшеніемъ социальныхъ задачъ: *il faut des hommes humains*. Путемъ благотворительности теофилантропы основывали школы, въ пользу ихъ печатали и продавали свои проповѣди, зывали къ богатымъ обложить себя „нѣкоторыми жертвами“ для даровыхъ или почти даровыхъ школь *).

Вообще, болѣе смиреннаго культа не существовало на развалинахъ стараго. Теофилантропы изошрялись преимущественно въ чувствительности и трогательности. Ихъ по-

*) *Discours sur la bienfaisance et sur les moyens de faire prospérer les écoles.—Discours sur la constance et le courage dans le malheur.—Discours sur le bon ménage.—Sur la fête des époux.—Sur la fête de la reconnaissance.—Sur la fête de l'agriculture.—Du mariage et du divorce.—Discours sur la fête de la vieillesse.—Recueil.*

дозрѣвали въ нетерпимости, въ революціонныхъ покушеніяхъ, или совершенно наоборотъ, въ раболѣпствѣ передъ властью; теофилантропы горячо опровергали обвиненія и спрашивали у своихъ слушателей, пришлось ли имъ услышать что-либо мятежническое или безнравственное въ храмахъ теофилантропіи? „Какое чувствительное сердце не становилось лучше и добродѣтельнѣе послѣ поученій теофилантроповъ?“ *).

Мирный характеръ новаго культа вполне примирилъ съ нимъ правительство директоровъ. Множество церквей въ Парижѣ было отдано въ распоряженіе теофилантроповъ, или безраздѣльно, или совмѣстно съ католиками. Другъ Ларевельера-Лепо внесъ въ совѣтъ пятьсотъ предложеній, объявить *гражданскую религію* со священнослужителями въ лицѣ чиновниковъ республики. Совѣтъ не принялъ предложенія, но публично въ *Адресъ къ французамъ* косвенно одобрилъ теофилантроповъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ рассылалъ по департаментамъ *Manuel des Theophilantropes*; правительство въ нѣкоторыхъ случаяхъ оплачивало расходы по богослуженію, въ иностранныхъ сношеніяхъ старалось обезпечить въ католическихъ государствахъ полную безопасность исповѣдникамъ теофилантропіи. Гражданская религія распространялась въ провинціи, и ею здѣсь пользовались въ обычныхъ революціонныхъ цѣляхъ, для преслѣдованія католиковъ. Но этотъ фактъ только лишній разъ доказывалъ, какъ трудно было революціоннымъ дѣятелямъ остаться въ предѣлахъ идейной борьбы, и какую второстепенную роль играло философское содержаніе той или другой доктрины. Но по существу теофилантропія стремилась быть мирной религіей и соревновать съ католичествомъ высотой нравственнаго ученія и благородной простотой обрядовъ. *Руководство теофилантроповъ* подробно излагало смыслъ двухъ догматовъ, мораль и „ежедневное времяпре-

*) Историч. обзоръ развитія теофилантропіи. — *Discours sur l'anniversaire.*

**) Договоръ съ Неаполемъ. Grégoire. 407—411.

провожденіе“, т.-е. молитвы, образъ жизни, общее направленіе поведенія вѣрующаго и, наконецъ, обряды при празднествахъ *).

Но вся эта система не упрочила единства среди вѣрующихъ. Уже спустя полтора года въ теофилантропіи обнаружился расколъ, именно изъ-за стремленія части вѣрующихъ организоваться возможно тѣснѣй. Теофилантропы не могли удержаться отъ искушенія, вступить въ соперничество съ католиками не только въ обрядахъ, но и въ церковномъ устройствѣ, создать нѣчто вродѣ іерархіи, идейнаго обученія вѣрующихъ, особыхъ костюмовъ для проповѣдниковъ, — „центръ доктрины и управленія“. Это стремленіе возмутило другую часть теофилантроповъ, находившихъ излишней всякую администрацію и всякій *сектантскій* духъ въ свободномъ республиканскомъ культѣ. Протестанты образовали общество своего *не католическаго* или *первобытнаго культа* **).

Но сильнѣйшимъ врагомъ новой философской вѣры было и осталось до конца католичество. Партийныя преслѣдованія могли только возвысить національное значеніе старой религіи. Она изъ всѣхъ испытаній выходила незамѣнимой, по вѣковой укорененности ученія среди народной массы, по прочности внѣшней организаціи, по традиціонной привлекательности идеально упорядоченнаго культа; а гоненія, кромѣ того, укрѣпили и возвысили престижъ внутренней силы церкви. И она, ни на минуту не умирая среди террористическихъ ужасовъ, немедленно обнаружила энергичную жизненность послѣ 3-го термидора. У нея нашлось множество проповѣдниковъ, давно ждавшихъ возвращенія дорогой старины и изошрившихъ свое религиозное чувство до экстаза среди революціонныхъ событій. Эти люди принадлежатъ къ недѣятельному и непоказному слою парижскаго населенія. Ихъ нѣтъ среди „народа вечера“—

*) Перепечатано въ *Dictionnaire historique des cultes religieux*, IV. *supplément*.

***) *Dictionnaire, Supplém.*, 73—5.

peuple du soir, и ими не занимается республиканская печать, отмѣчающая разгуль эпикурейскихъ инстинктовъ на поверхности термидорьянскаго общества.

Но заинтересованные наблюдатели единодушно отмѣчаютъ поразительные успѣхи католическаго культа послѣ террора. Законъ 3-го вантоза III-го года объявилъ всякій культъ свободнымъ въ предѣлахъ его храмовъ, освободилъ государство отъ всѣхъ обязательствъ предъ какой бы то ни было религіей: „республика, гласила 2-я статья закона, не оплачиваетъ никакого культа“ и католическое духовенство съ образцовой энергіей воспользовалось льготой *). Побѣдители Робеспьера рѣшили достигнуть двухъ цѣлей, умиротворить Вандею; для этого возстановить фактическую свободу католическаго культа, и окончательно отдѣлить государство отъ церкви. Парижъ увидѣлъ сцены, повергавшія въ „восторги радости“ вѣрующихъ. По ихъ словамъ, церкви не вмѣщаютъ всѣхъ желающихъ слушать мессу. Толпы людей стоятъ у церквей, будто ожидая предметовъ первой необходимости. Уже въ 1795 году, т. е. немедленно послѣ закона о свободѣ культовъ, Пасха была отпразднована при большомъ стеченіи народа въ парижскихъ церквахъ. Возникъ даже ажіотажъ на священныя книги: повсюду спѣшили запастись евангеліемъ, часословомъ, требниками съ расчетомъ продать ихъ за дорогую цѣну. Аббаты стали появляться на улицахъ въ духовномъ платьѣ, чего не видали въ Парижѣ уже давно. Правда, на нихъ пока еще показываютъ пальцами, тѣмъ болѣе, что еще и закономъ не разрѣшено носить священнической костюмъ внѣ церкви. Но въ воздухѣ не чувствуется больше философскаго фанатизма; даже умѣренная печать начинаетъ выражать опасеніе предъ столь быстрыми успѣхами католичества. Она обращается къ набожнымъ людямъ съ такой отповѣдью: „Прекратите ваши іереміады,—вы, оплакивающіе разрушеніе религіи и развалины Сіона! Иерусалимъ воз-

*) Ср. *Les Constitutions de la France avec un commentaire par Hélie*. P. 1880,

рождается болѣе блестящимъ и болѣе прекраснымъ; никогда культъ не соблюдался строже, никогда его поклонники не бывали набожнѣе⁴. Когда-то полицейскій лейтенантъ со всѣми своими шпионами не могъ добиться, чтобы лавочники закрывали свою торговлю въ день процессіи св. тѣла. Тогда парижскіе купцы были не больше христианами, чѣмъ арабы. Времена перемѣнились. Теперь они посѣщаютъ всѣ церковныя службы, хотя бы даже было тридцать праздниковъ подъ рядъ.

Въ столицѣ возобновились сцѣны далекаго прошлаго. Снова у вратъ храмовъ появились кающіеся; десятина и требошья опять вскорѣ обогатятъ духовенство; мессы уже стоятъ по двадцати пяти ливровъ; уже отлучаютъ отъ церкви владѣльцевъ національныхъ имуществъ, врагами Бога провозглашаютъ всѣхъ, кто не посѣщаетъ церкви и не тратится на культъ *).

Въ департаментахъ стремительность къ старой вѣрѣ обнаружилась еще сильнѣе. Повсюду начали открывать церкви; города и села переполнились священниками. Самъ конвентъ призналъ необходимымъ считаться съ фактами и декретомъ II-го преріала отдавалъ многочисленныя приходскія церкви въ полное распоряженіе католиковъ,—въ Парижѣ было отдано до 15 церквей; особая статья устанавливала порядокъ пользованія храмами для богослуженія различныхъ культовъ **).

Католичество дѣятельно принялось за осуществленіе новыхъ правъ. По расчету Грегуара уже въ 1797 году культъ былъ возстановленъ въ 32,214 приходахъ,—по другимъ свѣдѣніямъ болѣе чѣмъ въ 40,000 ***). Государство не несло никакихъ издержекъ, ему предстояло только предоставить событія ихъ естественному развитію. Расходы по культу

*) *La réaction thermidorienne à Paris*. Revue de Paris. 15 dec. 98, 857—9. 428—9. Robidon. *Histoire du clergé*. P. 89. II, 371 etc.

***) Robidon. II, 374—7.

****) Проповѣдь епископа Лекоза при открытіи собора 1797 года. Pressensé. 446—7.

оплачивались прихожанами. Государство удерживало за собой только полицейскій надзоръ. Церковь становилась свободной и добровольной ассоціаціей вѣрующихъ. И церковь, повидимому, рѣшалась идти этимъ путемъ. Католическій соборъ 1797 года предложилъ миръ неприсягнувшимъ священникамъ и не выразилъ притязаній на другія благодѣянія государства, помимо свободы. Президентъ собора три года спустя въ пастырскомъ посланіи объявлялъ, что религія Христова будетъ существовать безъ поддержки, ея недостойной. И епископъ вспоминалъ примѣръ апостоловъ *).

Дѣйствительно ли подобныя заявленія шли отъ сердца и можно ли было рассчитывать на самоотверженіе духовенства и въ будущемъ, во всякомъ случаѣ Бонапартъ энергически вмѣшался въ нравственный и историческій процессъ и придавъ лично-разсчитанный характеръ уже готовому явленію. Католичество онъ отнюдь не возстановлялъ: оно возстановлялось независимо отъ чьего бы то ни было поощрительнаго содѣйствія. Консулу предстояло рѣшить вопросъ—предоставить ли церкви ея новой участи, т.-е. существованію внѣ всякой матеріальной и, слѣдовательно, идейной зависимости отъ государства или воспользоваться ею въ цѣляхъ государства, т.-е. возобновить въ той или другой формѣ гражданское устройство духовенства, созданное учредительнымъ собраніемъ. Понимая громадную культурную и социальную силу католической церкви, Бонапартъ естественно рѣшилъ вопросъ во второмъ направленіи. Онъ же нанесъ смертельный ударъ и теофилантропій, представлявшей родъ свободной идеологіи—республиканской и философской, при всей ея сдержанности и чувствительности. Распоряженіемъ консуловъ у теофилантроповъ были отняты церкви и культъ ихъ умеръ, по крайней мѣрѣ, для общества. У возродившагося католичества также потребовали свободу, но не даромъ, а путемъ сдѣлки.

*) Chossin. *Resumé historique des lois et décrets de la Convention réglant en matière religieuse la liberté de conscience. La Revol. franç.* 14 nov. 1881, 435—6. Robidon, II, 409—10. Pressensé, 446—7.

Правительство признавало необходимой вообще религію и наиболѣе цѣлесообразной въ политическомъ отношеніи признало католичество. Порталисъ подробно объяснилъ правительственный взглядъ въ законодательномъ корпусѣ: „люди вообще нуждаются въ томъ, чтобы ихъ на чемъ-нибудь утвердили; имъ нужны больше правила, чѣмъ доказательства“. Неизбѣжна, однимъ словомъ, *дисциплина*. Религія съ догматами, съ моралью, свыше освященными, съ культомъ, дѣйствующимъ на воображеніе, наилучшее средство управлять „толпой“. Католичество какъ нельзя болѣе удовлетворяетъ этимъ условіямъ, и на немъ слѣдуетъ остановиться. „Дѣло идетъ, — говорилъ Порталисъ, — не о разрушеніи, а укрѣпленіи и созиданіи“ *).

Но если религія—политическое средство, она должна находиться въ полномъ распоряженіи государства, и новый конкордатъ усвоилъ всѣ основанія гражданской конституціи духовенства, созданной учредительнымъ собраніемъ, за исключеніемъ демократическаго элемента. Епископы назначались первымъ консуломъ, все духовенство получало казенное содержаніе и принесло присягу въ вѣрности конституціи. Папа примирялся съ продажей церковныхъ имуществъ.

Мы видимъ, конкордатъ въ отношеніи къ католической церкви воспользовался всѣми завоеваніями и философіи XVIII-го вѣка, и революціи. Откровенная религія трактовалась исключительно съ политической точки зрѣнія, призывалась къ дѣятельности, какъ органъ государства. Конкордатъ по существу заканчивалъ и узаконялъ идейное разложеніе старой доктрины и практическое уничтоженіе церкви, какъ самодовлѣющей свободной силы. Въ этомъ смыслѣ конкордатъ Бонапарта—краснорѣчивый культурный

---

*) Recueil de decrets, ordonnances, traités de paix, manifestes, proclamations, Discours etc. etc. de Napoléon Bonaparte et des Membres du gouvernement français. Londres 1813, I, 274 etc. „Les hommes en général ont besoin d'être fixés; il leur faut des maximes plutôt que des démonstrations... Il ne s'agit de détruire, il s'agit d'affirmer et d'édifier“.

фактъ. Смысль не преминулъ подчеркнуть самъ первый консуль. Раздраженный колебаніями куріи—принять проектъ французскаго правительства, Бонапартъ выразилъ угрозу—оторвать Францію отъ католичества, если Римъ къ извѣстному сроку не уступитъ. Угроза, очевидно, показалась осуществимой для папской дипломатіи; она поспѣшила предотвратить гнѣвъ перваго консула.

Бонапартъ не могъ, разумѣется, раскатоличить французскаго народа: онъ ревностно возвращался къ старой вѣрѣ, въ сущности, не покидалъ ея ни въ какой періодъ революціонныхъ гоненій и опытовъ съ новыми религіями. Но Франція—просвѣщенная, философствующая, даже официальная, привѣтствовала бы полный расколъ съ искреннимъ восторгомъ. Она желала неограниченной свободы культовъ, полного равенства между ними и совершеннаго отдѣленія ихъ отъ государства. Лафайэтъ объяснилъ это открыто, и на его сторонѣ оказались генералы и законодательный корпусъ. Одни смѣялись надъ замысломъ Бонапарта, другіе, не дерзая на открытую оппозицію, встрѣчали проектъ недовольнымъ молчаньемъ; а законодательный корпусъ выбралъ своимъ президентомъ Дюпои, автора книги *Origine de Tous les cultes*,—человѣка безъ всякой религіи, по мнѣнію Бонапарта.

Но народная Франція сама возстановляла католичество. Какъ она отнеслась къ конкордату? Мы слышали,—само духовенство не стремилось къ милостямъ правительства. По наблюденіямъ г-жи Сталь, и вѣрующіе не подозрѣвали необходимости какого бы то ни было правительственнаго вмѣшательства въ религіозный вопросъ. Они желали только прекращенія гоненій на священниковъ. Вѣротерпимость, на американскій образецъ, вполне удовлетворила религіозную Францію. Бонапартъ, превращая церковь въ орудіе своей власти, пролагалъ новый путь къ трону: „онъ нуждался въ духовенствѣ такъ же какъ и въ камергерахъ“^{*)}.

^{*)} *Considérations sur la Révolution française*. II, 273.

Какъ бы то ни было, религія и церковь могли путемъ закона стать въ подчиненное положеніе не только предъ государствомъ, но даже предъ единичной волей. Бонапартъ особыми „органическими“ постановленіями совершенно поработилъ епископовъ и священниковъ свѣтской власти. Каждый ихъ шагъ былъ предусмотренъ и точно опредѣленъ, начиная съ права передвиженія и кончая подробностями костюмовъ. При такой заботливости не всѣ оказались способными превратиться въ „камергеровъ“; правовѣрные хранители преданій протестовали не во Франціи, а изъ Англіи, изъ лагеря эмигрантовъ. Но даже отсюда, изъ этого лагеря, явился самый восторженный пѣснопѣвецъ новаго „Кира — возстановителя храма“ — Шатобрианъ, посвятившій свой *Геній Христіанства* Бонапарту.

Наблюдая всѣ эти явленія, протестанскій священникъ имѣлъ основаніе осмыслить ихъ слѣдующимъ выводомъ: „религіи перестаютъ существовать сами по себѣ и для себя; онѣ входятъ въ организацию правительства; онѣ становятся предметомъ администраціи“.

Бонапартъ завершилъ свою религіозно-организаторскую дѣятельность *Катехизиса французской имперіи*. Это былъ опытъ приспособить къ интересамъ личности уже не церковь, а религіозную догму, доктрину. Служеніе Наполеону приравнивалось къ служенію Богу, и благодѣянія и доблести Наполеона прославлялись въ самомъ текстѣ катехизиса. „Въ первый разъ съ установленія христіанства,—говоритъ Грегуаръ,—произошелъ такой скандалъ—явился катехизисъ, нарочно приспособленный въ пользу одной личности и одной семьи“. И катехизисъ былъ одобренъ кардиналомъ-легатомъ а латуре съ чрезвычайными полномочіями *).

Никакая Каносса не могла до такой степени унижить католичество какъ церковь, какъ религіозную систему. Впослѣдствіи оно могло вновь приобрѣсти политическое вліяніе во Франціи; при Бурбонахъ конгрегациа—іезуитская и

*) Pressensé, 517.

фанатическая могла стать вдохновительницей власти, изобрести проект новаго конкордата—въ средневѣковомъ стилѣ, даже заставить бывшихъ атеистовъ Директоріи и скептиковъ имперіи—строить часовни, посѣщать церкви и участвовать въ религиозныхъ процессіяхъ, наконецъ, наложить руки на народное просвѣщеніе, все это было только судорожнымъ движеніемъ на смерть пораженнаго организма *). Католическая доктрина не могла воскреснуть и снова властвовать надъ умами; какъ философская и нравственная истина **). Она только своими притязаніями ускорила политическія катастрофы и консервативнѣйшіе, повидимому, идеалы неизмѣнно оказывались революціонными. Основы новой прочной, идеальной организаціи предстояло искать въ области другихъ идей. Что эти идеи могли развиваться внѣ католичества, допускали даже такіе наблюдатели революціонныхъ событій какъ Деместръ. Ему казалось, всякій истинный философъ—при современномъ разложеніи нравственныхъ принциповъ и разладѣ мнѣній—долженъ выбрать одну изъ двухъ гипотезъ: или возникнетъ новая религія, или христіанство обновится какимъ-нибудь необыкновеннымъ образомъ ***).

Такъ думалъ Деместръ вскорѣ послѣ террора, и самая постановка задачи указывала на болѣе естественное ея рѣшеніе: христіанство, т.-е. въ смыслѣ Деместра католичество, могло обновиться только необыкновеннымъ образомъ—*de quelque manière extraordinaire*, очевидно больше надеждъ оставалось на новую религію, и этотъ вопросъ остается на очереди дня послѣ страстнаго разрушительнаго религиознаго творчества революціи и чисто-политической реставраціи церкви Бонапартомъ.

*) Robidon, II, 417—8; Pressensé, 546.

***) *Le Concordat de 1817*, A. Debidour. *La Rev. franç.* 1896. XXXI, 501 etc.

****) *Considérations sur la France*. P. 1853, p. 73.

La Congrégation (1821—1830) *La Rev. franç.* 14 janv., 14 févr. 1897.

XI.

Мы видѣли, вѣра въ необходимость нравственной-религиозной доктрины—логическая, инстинктивная или политическая—не исчезала окончательно ни въ какую *критическую* эпоху, былъ ли это—періодъ просвѣтительной философіи или разгаръ революціи. Но послѣ террора созидательская тенденція обнаруживается съ особенной яркостью среди наиболѣе жизненныхъ и вдумчивыхъ элементовъ общества. Настойчивая потребность въ религіозномъ строительствѣ чувствуется людьми всѣхъ направлений, отъ представителей разрушеннаго общественнаго порядка до его рѣшительныхъ противниковъ. Естественно, не всѣ партіи находятся въ одинаково выгодномъ положеніи. У тѣхъ, кто не утратилъ нравственной и политической связи съ дореволюціоннымъ прошлымъ, положительный идеаль—готовъ: возстановленіе старины и притомъ самое воинственное и послѣдовательное, такъ какъ старина должна не только утѣшить обездоленныхъ, но побѣдить торжествовавшихъ и продолжающихъ торжествовать и отомстить имъ за побѣду. Отсюда фанатическій, якобинскій характеръ реакціонной философіи. Деместръ говоритъ не только о Богѣ, но о Богѣ страшномъ, мстительномъ, несправедливомъ, требующемъ жертвъ и умилостивленій. Деместръ требуетъ не только христіанства, но неограниченной папской власти, инквизиціоннаго суда надъ всѣми вѣрующими, палача ставить во главу угла человѣческаго общества. Права Бога, по программѣ Деместра, ведутъ къ такому же террору, какой революціонное якобинство создало во имя правъ человѣка. И если революція призвала фанатизмъ разума противъ откровенія, реакція въ лицѣ единомышленника Деместра—Бональда—переставитъ роли жертвы и гонителя и открыто потребуетъ жесточайшихъ мѣръ противъ мысли и слова, вооружится даже противъ опытныхъ наукъ и техническихъ изобрѣтеній. Третій мыслитель—самый блестящій и страстный—объявитъ преступленіемъ не только невѣріе въ католичество, но даже

равнодушіе къ нему. „Самый большой вѣкъ,—начинается знаменитая книга,—не тотъ, который увлекается заблужденіемъ, а тотъ который пренебрегаетъ, который презираетъ истину“. Логическій выводъ—отожествленіе усердія съ фанатизмомъ, религіозности съ обоготвореніемъ намѣстника Христа. Революція усиливалась поработить церковь государству,—теперь обратный идеаль: папа долженъ явиться верховнымъ судьей надъ міромъ.

Какой положительный результатъ могли вызвать подобныя проповѣди? Онѣ были прежде всего партійнымъ отрицаніемъ ненавистныхъ явленій, борьбой фанатизма противъ фанатизма, и все равно какъ красный терроръ не могъ создать прочной системы принциповъ, такъ и бѣлый съ самаго начала осудилъ себя на истощеніе отъ протестующей и мстящей страсти. Но не въ этомъ только заключался смертный приговоръ надъ реакціонной мыслью. Еще болѣе страшнымъ недугомъ ея являлось невѣріе въ собственную вѣру. Можно было сколько угодно возмущаться слишкомъ откровеннымъ политическимъ расчетомъ Бонапарта, возстановлявшаго церковь; но въ сущности та же политика одушевляла религіозную страсть талантливѣйшихъ защитниковъ алтаря. Ни Деместръ, ни Бональдъ, ни даже поэтически-талантливый Шатобріанъ не могли душой переживать того, что они доказывали отъ разума, исторіи или эстетики. Деместръ и Бональдъ—по приемамъ своихъ доказательствъ и по настроеніямъ—не что иное какъ *анти-философы*—въ смыслѣ XVIII-го вѣка, анти-вольтерьянцы. Они воюють противъ разума тѣми же способами, какими философы пользовались противъ церковной религіи, и основательное знакомство съ Вольтеромъ и Руссо доказывается всѣми произведеніями Деместра и Бональда.

Жуфоруа мѣтко изобразилъ эту психологію обновителей мертваго порядка. „Пусть старый режимъ царствуетъ деспотически, онъ убѣжденъ въ своей неправдѣ. Онъ самъ сознаетъ свое ничтожество; онъ не можетъ чувствовать того, что ему необходимо исповѣдовать напоказъ, и эта

невозможность вѣрять въ собственные доктрины поражаетъ смертью всё его слова и лишаетъ ихъ всякой нравственной силы“ *).

И факты вполне согласны съ этимъ наблюдениемъ. Кто призываетъ на помощь гоненія и казни, тотъ слабо вѣритъ въ идейную силу своего дѣла, и еще менѣе вѣритъ тотъ, кто ратоборство за идею кончаетъ разочарованиемъ и отчаяниемъ. Именно такова участь самыхъ видныхъ идеалоговъ реакціи.

Деместръ съ самаго начала видѣлъ двойкій выходъ изъ современнаго хаоса—чудесное обновленіе христіанства или возникновеніе новой религіи. Бональдъ, утомившись безплодной борьбой противъ ничѣмъ неотразимаго развитія науки, переживалъ унылую старость, изошряясь въ мрачныхъ пророчествахъ о будущемъ Франціи. Ламеннэ встрѣтилъ рѣшительное сопротивленіе своему идеальному ультрамонтанству въ самомъ Римѣ, въ лицѣ папы и церкви, и вступилъ на путь безпощаднаго разрушенія старыхъ кумировъ. Въ концѣ реставраціи онъ дѣлился съ Деместромъ самыми печальными предчувствіями, и самъ Деместръ не могъ упрочить своихъ надеждъ на одномъ традиціонномъ католичествѣ. Еще раньше отпаденія Ламеннэ отъ церкви, онъ додумался до любопытнѣйшихъ мыслей, какія только могли придти въ голову автору *С.-Петербургскихъ вечеровъ* и трактата *О папѣ*.

„Намъ слѣдуетъ быть готовыми къ необъятному перевороту въ божественномъ порядкѣ; къ нему мы идемъ съ ускоренной быстротой, которая должна поражать всѣхъ наблюдателей. На землѣ нѣтъ больше религіи. Человѣчскій родъ не можетъ остаться въ этомъ положеніи“.

Какой же выходъ? Мы знаемъ,—Деместръ допускалъ возникновеніе новой религіи, теперь онъ намѣчаетъ ея программу.

„Подождите, чтобы естественное сходство религіи и науки соединило ихъ въ умѣ какого-либо одного геніальнаго

*) *Mel. philosophiques. O. c., 20.*

человѣка; появленіе этого человѣка врядь ли далеко, можетъ быть даже онъ уже существуетъ. Онъ будетъ славень и положить конецъ восемнадцатому вѣку, все еще продолжающемуся, потому что вѣка умственного развитія не сообразуются съ календаремъ—подобно вѣкамъ хронологическимъ“ *).

Реакціонная мысль въ одномъ только отношеніи имѣла положительное культурное значеніе: она чрезвычайно настойчиво отмѣчала дѣйствительно характерную черту времени, ставила вопросъ, волновавшій всѣ партіи. Рѣшеніе вопроса у Деместра и его единомышленниковъ не общало практическихъ умиротворяющихъ результатовъ, но освѣщеніе вопроса было общей задачей и реакціонеровъ, и ихъ умѣренныхъ и крайнихъ противниковъ. Ближайшимъ свидѣтелямъ эпохи кажется, что весь наступающій вѣкъ долженъ явиться религіознымъ по преимуществу. Много лѣтъ писатели самыхъ разнообразныхъ направленій будутъ повторять одну и ту же мысль: вѣкъ безбожія миноваль, религіозный духъ возрастаетъ съ каждымъ днемъ. „Смутное безпокойство устремляетъ умъ къ высшимъ созерцаніямъ“.—Это наблюденіе Бональда принимается Сисмонди и приводится въ связь съ дѣятельностью и психологіей Бенжамена Констана **). Самъ Констанъ произноситъ рѣчь объ „общемъ направленіи умовъ“ въ XIX вѣкѣ“,—прославляетъ значеніе религіи и удостовѣряетъ фактъ: „религіозное чувство обнаруживается со всѣхъ сторонъ“. Ораторъ знаетъ также еще одинъ вопросъ, занимающій такое же видное мѣсто въ умахъ современниковъ,—вопросъ о промышленности, т. е. социальный. Задача—установить нравственно-религіозное воззрѣніе и обезпечить труду свободу и миръ—въ такой формѣ рисуется либеральному оратору программа новаго времени ***).

*) *Soirées de S. Pétersbourg.*

***) *Revue des progrès des opinions religieuses. Revue Encyclopédique. 1821, XXIX, 21—2.*

****) *Coup d'oeil sur la tendance générale des esprits dans le XIX Siècle. Revue Encyclopédique. 1825, XXVII, décembre.*

Вторая часть программы съ особенною настойчивостью выясняется позже, при реставраціи; впереди по времени стоитъ религіозный вопросъ и пока—философской литературой—рѣшается внѣ связи указанной Констаномъ. Стремленіе къ „вышшимъ созерцаніямъ“ непосредственно послѣ террора преобладаетъ надъ чисто-политическими интересами. Рядомъ съ пророками религіозно-государственного права—въ родѣ Деместра и Бональда,—возникаетъ теченіе въ безкорыстно-религіозномъ направленіи. Это мистицизмъ, представляемый Сень-Мартэномъ и встрѣчающій сильныя сочувствія среди либеральныхъ противниковъ политическаго преобладанія церкви и вѣроисповѣданія.

Сень-Мартэнъ родился „официальнымъ защитникомъ Провидѣнія“, выступалъ въ этой роли еще противъ энциклопедистовъ; при революціи, мы знаемъ, боролся противъ философіи Кондильяка и на эпоху—непосредственно за терроромъ—падаетъ полный расцвѣтъ его славы. Въ 1795 году вышло его *Письмо къ другу о французской революціи*, написанное раньше его поединка съ Гара въ Нормальной школѣ. Оно доказывало провиденціальное значеніе революціи, приравнивало ее къ страшному суду, находило въ событіяхъ цѣлесообразную высшую волю и приходило къ заключенію, что религіозныя идеи выиграли отъ революціоннаго движенія и должны восторжествовать надъ новымъ обществомъ. Сень-Мартэнъ съ этихъ поръ станетъ рисовать свой особый идеаль—*божественной теократіи*,—не имѣющей ничего общаго съ папской политикой. Сень-Мартэнъ—противникъ церковнаго христіанства, врагъ іерархіи. Его религія—нравственная и созерцательная, страстное влеченіе человѣческой природы къ божественному свѣту, таинственное сліяніе человѣческой души съ божествомъ. Это религія восторговъ, откровеній, неугасимаго горенія духа передъ Богомъ.

Сень-Мартэнъ имѣлъ множество почитателей въ свѣтскомъ обществѣ—французскомъ, англійскомъ и русскомъ. Высокій полетъ его *идей* весьма часто подмѣнялся въ этой средѣ внѣшней *практикой*, разными теургическими операціями.

„Жажда Бога“ искренняя у Сень-Мартэна имѣла у его многихъ послѣдователей судьбу одинаковую съ художественными вліяніями шатобріановскаго *Генія Христіанства*,— съ одной разницей: Шатобріанъ ничего не могъ имѣть противъ религиозныхъ декораций и археологическихъ фантазій въ средневѣковомъ церковномъ стилѣ: у него самого религиозность не поднималась выше этихъ удовольствій,—Сень-Мартэнъ, несомнѣнно, представлялъ глубокое культурное явленіе, хотя и выраженное въ личной своеобразной формѣ.

Мистическая струя—чрезвычайно сильна въ настроеніи людей, стоящихъ во главѣ религіознаго вѣка. Убѣжденіе въ провиденціальномъ характерѣ только что совершившихся событій—непосредственное внушеніе революціи и для политиковъ средневѣковой церкви, и для восторженно-религіозныхъ мечтателей, и для совершенно трезвыхъ и свободомыслящихъ наблюдателей дѣйствительности. Сень-Мартэнъ и Деместръ единодушно строятъ свои разсужденія о революціи на вѣрѣ въ ея фатальное теченіе. Не люди вели революцію, а она увлекла ихъ, и *Божество ни въ одномъ человѣческомъ событіи не обнаруживалось съ такою ясностью*. Деместръ поспѣшить прибавить о *сатаническомъ* участіи въ этомъ фатальномъ явленіи,—но сущность идеи отъ этого не измѣняется. Революція неожиданно—грознымъ и стихійно-разрушительнымъ движеніемъ неволью вызвала у современниковъ настроеніе противоположное духу предыдущей эпохи. Просвѣтители могли оцѣнивать *ниже* дѣйствительной силы—независимо отъ воздѣйствія личности исторической процессъ и *выше* подлиннаго значенія—творческія способности личности. Законодатель Руссо долженъ быть способнымъ измѣнять даже человѣческую природу и якобинцы возьмутъ на себя эту задачу. Когда столь могущественные законодатели потерпѣли участь, одинаковую съ своими жертвами, и когда вообще революція послѣдовательно обнаружила призрачность личнаго геройства и мимолетность личной роли, свидѣтели неволью—на разные лады—принялись повторять старыя слова шекспировскаго героя, также пережив-

шаго удивительныя катастрофы съ личностями: „звѣзды, святыя звѣзды правятъ человѣкомъ“.

Одномысленный эпиграфъ Сень-Мартэнъ ставитъ на своемъ сочиненіи о революціи; къ тому же выводу приходитъ Деместръ—о тѣхъ же событіяхъ, наконецъ, съ буквальной точностью та же истина мистика и инквизитора будетъ повторена либеральнымъ историкомъ революціи. „Люди, по мнѣнію Минье, совершаютъ великія дѣла безсознательно—avec ignorance. Богъ, чьимъ орудіемъ они являются, свои намѣренія не столь часто влагаетъ въ ихъ умъ, какъ въ ихъ положеніе. Онъ пользуется ихъ страстями, чтобы выполнить свои планы“ *). Всѣ эти уроки преподавала историкамъ и философамъ революціонная эпоха.

Не успѣвши создать положительнаго міросозерцанія, она внесла новую черту въ человѣческое стремленіе къ нему. Восемнадцатый вѣкъ признавалъ логическую неизбѣжность системы, политическую необходимость, практическую полезность и только среди особаго типа философовъ—патетическаго по преимуществу—система являлась внушеніемъ самой природы, инстинктомъ, вдохновеніемъ. Но и въ этомъ случаѣ систематизація принциповъ или подвергалась общей участи внушеній и вдохновеній, т. е. зависѣла отъ чувствъ и настроеній, или переходила въ чисто-разсудочную догматику.

Революція, тщетно усиливаясь осуществить философское творчество, оказала великую услугу нравственному предрасположенію своихъ современниковъ къ такому творчеству. Къ мотивамъ просвѣтительной систематической мысли она прибавила свой—идею нѣкоей органической и цѣлесообразной силы, дѣйствующей въ исторіи. Это не лирическое представленіе Кондорсе о прогрессѣ, не живописное *путешествіе* вольтеровскаго *разума*: и то и другое допускало неограниченное творческое воздѣйствіе личности на процессъ. Теперь—мы видѣли—историческое воззрѣніе близко къ фа-

*) Mignet. *Notices*. I, 35.

тализму, склонно къ обезцѣнванію личности въ пользу Провидѣнія. Исторія—есть осуществленіе свыше предназначенныхъ цѣлей, таковъ смыслъ, извлеченный изъ революціонныхъ событій Деместромъ и Минье. Это не прогрессъ Кондорсе и не система Тюрго,—это ничто иное, какъ перестановка *личныхъ* факторовъ, подмѣна челоуѣка Богомъ, разсудочныхъ наведеній и героическихъ обобщеній мистицизмомъ и резиньяціей. Это настроеніе останется наслѣдствомъ для многихъ поколѣній, и будетъ уживаться даже рядомъ съ представленіемъ о закономѣрной исторической эволюціи.

При такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о быломъ философскомъ презрѣннн къ серьезному изслѣдованію религіозныхъ тайнъ. Когда-то Вольтеръ пришелъ въ жестокое негодованіе на сочиненіе Сень-Мартэна—*О заблужденіяхъ и объ истинѣ*, гдѣ матеріализмъ унижался во славу христіанскаго ученія о Словѣ, какъ творческой силѣ *). Теперь одинаковымъ уваженіемъ просвѣщеннѣйшей литературы пользуются и религіозное чувство и изслѣдованія въ этой области. Религія—великое культурное и нравственное явленіе,—въ этомъ убѣждены самые искренніе защитники вѣротерпимости и вообще политической и умственной свободы.

Во главѣ либеральной мысли стоятъ—г-жа Сталь и Бенжамэнъ Констанъ; оба они захвачены современнымъ повѣтріемъ мистицизма и, независимо отъ своего настроенія, являются убѣжденными защитниками нравственно-религіозныхъ системъ, какъ естественныхъ историческихъ силъ.

Уваженіе къ религіи у г-жи Сталь было наслѣдственнымъ. Ея отецъ наканунѣ революціи издалъ книгу *О важности религіозныхъ мнѣній*. Онъ доказывалъ тѣсную связь религіи съ администраціей, съ законодательствомъ и нравственностью,—это одно—«великое цѣлое» *ce grand ensemble*. Неккеръ сѣтовалъ на воцаряющееся повсюду невѣріе, на чисто-личную ожесточенную полемику философовъ и фанатиковъ — безъ

*) *Des erreurs et de la verité*, 1775. Ср. Matter. O. c. 68 etc.

истинной любви къ истинѣ и безпристрастнаго исканія ея. У Неккера можно найти программу блестяще выполненнаго въ послѣдствіи похода г-жи Сталь противъ поверхностныхъ идей философіи здраваго смысла и разлагающаго вліянія матеріализма. *). На эту тему будутъ написаны краснорѣчивѣйшія страницы въ книгѣ о Германіи,—пока дочь Неккера въ сравнительно менѣе энергичной, но вполне опредѣленной формѣ прославляетъ нравственныя достоинства религіи. Въ сочиненіи *О вліяніи страстей*, написанномъ подъ живымъ впечатлѣніемъ террора, религія является спутницей человѣка въ самыхъ жестокихъ испытаніяхъ жизни, и въ примѣрѣ приводится мужественное поведеніе Людовика XVI предъ смертью. Авторъ спѣшитъ рѣзко разграничить церковный догматизмъ, переходящій въ бездушную набожность и порабощеніе разума, —отъ „религіозныхъ идей болѣе высшаго порядка“: воспитанница гуманной мысли XVIII-го вѣка не можетъ забыть о „суевѣрной нетерпимости, квіетизмѣ, иллюминатствѣ“. Но все это она сама называетъ „злополучными результатами пустоты бытія, борьбы человѣка противъ времени, неудовлетворительности жизни“. Все разсужденіе проникнуто глубокой меланхоліей, безпрестанно воспѣваемой молодой писательницей въ теченіе революціонной эпохи **).

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда терроръ успѣлъ стать историческимъ фактомъ, и Франція начала успокоиваться и организоваться,—г-жа Сталь отозвалась на злобу дня любопытнымъ сочиненіемъ, до сихъ поръ, къ сожалѣнію, неизданнымъ. Цѣль работы ясна изъ заглавія: г-жа Сталь намѣрена разсуждать о томъ, какъ *кончитъ революцію* и на какихъ принципахъ основать республику во Франціи ***).

*) *De l'importance des opinions religieuses. Liège, 1788. 2—9; 25 etc.*

**) *De l'influence des passions sur le bonheur des individus et des nations. Section II, chap. IV. ср. Essai sur les fictions.*

***) *Des circonstances actuelles qui peuvent terminer la Révolution et des principes qui doivent fonder la République en France.* Рукопись относится къ 1792 году; находится въ Bibliothèque Nationale. О ней сообщ. Paul Gautier.—*Revue des deux Mondes*, 1 nov. 1899, 85—113.

Настоятельная задача времени—прекратить революціонное состояніе государства, поддерживаемое двумя крайними партіями—реакціонной и якобинской. Средство единственное—установить общественное мнѣніе на прочныхъ и опредѣленныхъ принципахъ: надо *бросить потоки свѣта на принципы и ихъ примѣненія*. Эту обязанность должны взять на себя представители мысли и художественнаго слова. Они должны истребить въ народѣ духъ фанатизма и насилія и преподать ему уроки терпимости и гражданскаго долга. Въ этомъ дѣлѣ наравнѣ съ политиками и ораторами должны принять участіе и ученые,—именно славнѣйшая ученая корпорація Франціи—институтъ,—отъ всѣхъ этихъ людей долженъ возникнуть „толчокъ національному духу“. Они представляютъ собой высшую нравственную силу націи, — г-жа Сталь приходитъ въ восторгъ отъ Бонапарта, ставшаго членомъ института: этимъ онъ указалъ истинный путь общественному мнѣнію.

Какимъ же путемъ слѣдуетъ открыть принципы? Отвѣтъ г-жи Сталь заслуживаетъ всего нашего вниманія: онъ—предзнаменованіе для будущихъ поисковъ за новымъ міросозерцаніемъ.

Прежде всего писательница, пережившая безплодное, но роковое религіозное резонерство якобинства, — возстаетъ противъ „идеологіи“, противъ упражненій въ неуловимыхъ отвлеченныхъ теоріяхъ. „Метафизика, — говоритъ она, — извлеченная изъ положительныхъ предметовъ, обобщеніе точныхъ идей—прекраснѣйшая работа, на какую только способенъ человѣческій умъ; но метафизика пустаго пространства—одна только иллюзія воображенія“. Г-жа Сталь готова вручить государству власть надъ періодическою печатью—съ цѣлью создать и дисциплинировать общественное мнѣніе, слѣдить за сообщеніемъ и освѣщеніемъ фактовъ. Бонапартъ за свой счетъ осуществить именно эту идею, — г-жа Сталь—не находитъ иного средства — создать и упрочить республиканскіе принципы.

Но всякій принципъ, какъ бы онъ ни былъ совершененъ,

останется буквой и звукомъ, если не найдется въ пользу его нравственнаго воодушевленія—самоотверженнаго, общедейнаго. Г-жѣ Сталь въ печальномъ видѣ представляется современное французское общество. Эпикурейство, любопытствіе и эгоизмъ — глубоко проникли въ умы и страсти людей. Ихъ надо вернуть къ энтузіазму, нравственно возродить и возвысить,—а для этого необходимо возстановить религіозную идею. Но это не значить, будто религіей слѣдуетъ пользоваться какъ политическимъ средствомъ. Французы утратили религіозность именно потому, что различныя партіи неуклонно стремились направлять религію къ политической цѣли, а между тѣмъ „ничто такъ мало не располагаетъ къ благочестію, какъ пользованіе религіей ради какого либо другаго предмета, а не ради ея самой“.

Слѣдовательно, религія должна только вообще возвышать человѣческую природу, вѣдрять въ нее способность вѣровать въ принципы. Г-жа Сталь, очевидно, заранѣе осуждала Конкордагъ Бонапарта,—но не могла удержаться отъ вѣроисповѣдной проповѣди. Католичество, по ея мнѣнію, совершенно непригодно быть религіей французовъ. Оно опирается на слѣпую вѣру въ таинства; оно тѣсно связано съ старой монархіей. А между тѣмъ религія не должна противорѣчить принципамъ разума, менѣе всего обращать вниманіе на догму и на первый планъ ставить мораль. Протестантство удовлетворяетъ вполне этимъ условіямъ и оно, кромѣ того, по своей организаціи, по своей исторіи — защитникъ свободы и равенства, слѣдовательно, религія по преимуществу республиканская, враждебная католичеству. Только протестантство можетъ разрушить тиранническую церковь. И г-жа Сталь позже не проститъ Бонапарту его официальнаго возстановленія католичества, какъ религіи большинства французовъ.

Эта программа не осталась у автора одинаковой во всѣхъ подробностяхъ. Религія прославляется — и въ книгѣ о *Германи*, и въ романѣ *Коринна*. Здѣсь говорится: *Le sublime en tout genre est un reflet de la Divinité*, — и рѣчь переходитъ въ

безпредѣльный восторгъ предъ красотой и силой религиозныхъ волненій. Онъ находится въ неразрывной связи съ сужденіями о религіи нѣмцевъ и особенно съ главной, озаглавленной *О религиозномъ настроеніи именуемомъ мистицизмомъ*. Защита энтузіазма, его могущественнаго вліянія на просвѣщеніе—принадлежитъ къ той же области идей и чувствъ. Результатъ знакомства съ религіей и философіей Германіи расширяетъ культурный взглядъ г-жи Сталь на религію. Она ссылается на сочиненіе Лессинга *Воспитаніе человѣческаго рода* и принимаетъ идею прогресса въ области религіи. Ей вполне понятенъ законъ соотвѣтствія религиозныхъ воззрѣній уровню просвѣщенія въ данное время, и она готова вѣрить въ новое ближайшее *развитіе христіанства*: „оно соберетъ въ одномъ очагѣ всѣ разсѣянные лучи; оно откроетъ намъ въ религіи больше чѣмъ мораль, больше чѣмъ счастье, болше чѣмъ философію, больше чѣмъ даже чувство, такъ какъ каждое изъ этихъ благъ возрастетъ благодаря своей связи съ остальными“.

Г-жа Сталь не рѣшаетъ вопроса о содержаніи будущей религіи; она поглощена преимущественно изображеніемъ религиозной природы человѣка, души, вдохновляемой энтузіазмомъ, всеобъемлющей вѣрой въ идеаль. Такъ какъ здѣсь догма и культъ имѣютъ второстепенное значеніе,—писательница легко переходитъ къ сочувственному описанію мистицизма, „возношенія души къ Творцу—этого высшаго культа христіанъ мистиковъ“. Упоминается Сень-Мартэнъ, какъ „французскій писатель, обладающій высшимъ просвѣщеніемъ“, и восторженно оцѣниваются произведенія Фенелона. И дальше—энергическая защита мистиковъ вообще, соединяющихъ въ себѣ „спокойствіе стоицизма съ чувствительностью христіанства“. Въ заключеніе — отождествляются три понятія—идеалистическая философія, мистическое христіанство и истинная поэзія: все это въ одинаковой мѣрѣ свойственно Германіи. Представители всѣхъ этихъ направленій стремятся къ одной и той же цѣли: создать людей энергичныхъ, вдумчивыхъ, искреннихъ, благородныхъ — вмѣсто умниковъ

безъ идей, шутниковъ безъ веселости, эпикурейцевъ безъ воображенія: всѣ эти люди именуются родомъ человѣческимъ только за неимѣніемъ лучшаго *).

Отъ такихъ сильныхъ чувствъ недалеко до почтительнаго отношенія къ мистическимъ бесѣдамъ императора Александра I съ г-жей Крюднеръ. Г-жа Сталь не возражаетъ на безграничные восторги одной изъ своихъ великосвѣтскихъ корреспондентокъ предъ г-жей Крюднеръ и спѣшитъ заявить: „я вѣрю въ мистицизмъ, т.-е. въ религію Фенелона, въ религію, имѣющую святилище въ сердцѣ, которая соединяетъ любовь съ дѣлами, и вѣрю въ реформацію *Реформаціи*, въ развитіе христіанства, въ сляніе всего хорошаго въ католичествомъ и въ протестантствѣ, и въ совершенное разграниченіе религіи отъ политическаго вліянія священниковъ“. Г-жѣ Сталь Александръ I является „чудомъ провидѣнія“; онъ долженъ стать во главѣ двухъ благородныхъ идеаловъ челоуѣчества—„религіи сердца и представительнаго образа правленія“ **).

Это противопоставленіе двухъ понятій—*la religiona intime*—и церкви,—*la religiona sacerdotale* основа нравственнаго взгляда на религію у Констана. Онъ писалъ свое изслѣдованіе объ источникѣ, формахъ и развитіи религіи, также сильно тяготѣя къ мистицизму. Корреспондентка, г-жа Сталь, восхищаясь г-жей Крюднеръ, сообщала о частыхъ свиданіяхъ ея съ Констаномъ. Знаменитый либеральный писатель дѣйствительно усердно посѣщалъ молельню баронессы,—и до какой степени глубоко затрогивали его мистическія настроенія,—мы знаемъ изъ другого источника—изъ воспоминаній герцога Брольи.

Продолжительное изгнаніе, прожитое Констаномъ преимущественно въ Германіи, знакомство съ германскою наукою и философіей, окончательно унизили въ его глазахъ философскую метафизику XVIII-го вѣка, — и, напримѣръ,

*) *De l'Allemagne*. Quatr. p., chap. I, V.

**) Muhlenbeck. *Etude sur les origines de la Sainte-Alliance*. Paris-Strasbourg, 234—6. Письмо къ M-me de Gerando 27 сент. 1815.

такое „удивительное“ явленіе какъ Гольбахъ — Констанъ могъ объяснить только страстностью борьбы противъ фанатизма. Его намѣреніе—разсказать исторію религіи—было предварено Дююи, бывшимъ членомъ конвента, а еще раньше ученикомъ католическаго богословія. Дююи, съ ревностью церковниковъ - отщепенцевъ дореволюціонной эпохи, написалъ громадное сочиненіе противъ религіи, обильное доказательствами рѣдкой учености автора. Еще Вольтеръ перечислялъ цѣлый рядъ служителей католической церкви—съ знаменитымъ Мелье во главѣ яростныхъ противниковъ не только католичества, но даже религіи вообще *). Дююи не былъ священникомъ, но почти до тридцатилѣтняго возраста носилъ церковное платье, какъ лиценціатъ богословія, — и, снявъ его, продолжалъ работать надъ цѣлымъ арсеналомъ противорелигіознаго оружія. Трехтомная работа, стоившая автору безчисленныхъ усилій, вышла фактическимъ комментариемъ къ Гольбаху и послѣдовательнымъ приложеніемъ „великой аксіомы“ о происхожденіи всѣхъ нашихъ идей отъ чувства — къ религіозному вопросу. Цѣль автора доказать, что всѣ религіи не что иное, какъ обожаніе видимой вселенной, точнѣе аллегорическая астрономія,—даже христіанство съ его ученіемъ о грѣхопадении и искупленіи. Съ этой точки зрѣнія Дююи разсматриваетъ содержаніе св. преданія и книгъ всѣхъ народовъ, оцѣниваетъ религіозные памятники, разъясняетъ таинства, толкуетъ догматы,—и главное вниманіе посвящаетъ „разоблаченію“ христіанства и, въ заключеніе,—„полному объясненію“ Апокалипсиса. Выводъ Дююи стоитъ во главѣ сочиненія и гласитъ: *Вселенная — Богъ*, и культурнѣйшіе народы, по мнѣнію автора, принуждены возвратиться къ религіознымъ представленіямъ дикарей,—къ отождествленію Божества съ природой **). Дююи не удовлетворился изда-

*) *Lettres à son Altesse Mgr. le Prince de Brunswick*, VII. O. compl. XLIV, 361—4.

***) *Origine de tous les cultes ou Religion Universelle*. Par Dupuis citoyen français. A Paris L'an. III. tome I. préface. XIII chap. I. *L'Univers-Dieu*; chap. II. *Culte de la Nature prouvé par l'Histoire*.

ніемъ одной редакціи своего изслѣдованія,—въ цѣляхъ болѣе широкаго распространенія своихъ идей онъ напечаталъ краткое изложеніе ихъ, по тону еще болѣе энергичное и особенно подробное въ „объясненіи басни о солнцѣ, обозначаемою подъ именемъ Христа *).

Астрономическое толкованіе всѣхъ религій, подтверждаемое звѣздными таблицами, должно было производить впечатлѣніе на современныхъ читателей не только противорелигіозной тенденціей автора, но еще особымъ освѣщеніемъ идейнаго смысла астрономическихъ явленій. Этотъ смыслъ придавалъ особый философскій интересъ Ньютонскому закону, столь могущественно дѣйствовавшему на воображеніе людей XVIII-го вѣка и даже позже, — и не могъ остаться безъ вліянія на извѣстныя намъ попытки—распространить астрономическій принципъ на міръ органической и нравственный.

Можно думать, и на Констанана изслѣдованіе Дюпои не осталось безъ вліянія. Но это впечатлѣніе было скоротечно и въ наполеоновскую эпоху оно уступило мѣсто открытому мистицизму. Герцогъ Брольи рассказываетъ удивительную сцену, характерную не только для Констанана. Дѣло происходило въ дорогѣ. Герцогъ, сынъ 7-жи Сталь и Констанъ возвращались съ дачи въ Парижъ. „Ночь была темная, продолжаетъ Брольи,—въ воздухѣ чувствовалась гроза, молніи бороздили небо, вдали гремѣлъ громъ“... Этотъ моментъ Бенжамэнъ Констанъ выбралъ для своей странной исповѣди о томъ, какъ онъ бесплодно старался войти въ сношенія съ врагомъ рода человѣческаго. „Несомнѣнно, — онъ рассчитывалъ подшутить надъ нами, но въ сущности онъ шутилъ надъ самимъ собой и смѣялся только кончиками губъ; его лобъ былъ блѣденъ, злобно-насмѣшливая улыбка освѣщала его лицо. Онъ началъ рассказъ своимъ обычнымъ тономъ горькой ироніи, но мало-по-малу тонъ становился

*) *Abregé de l'origine de tous les cultes.* 1-е изд. 1798. Chap. IX. Ed. Paris 1836, съ біографіей Dupuis.

серьезнымъ и по мѣрѣ того какъ онъ повѣствовалъ о странныхъ упражненіяхъ, какимъ онъ подвергался, о своихъ надеждахъ и разочарованіяхъ, его разсказъ становился до такой степени выразительнымъ и проникновеннымъ, что въ ту минуту, когда онъ его кончилъ, — ни онъ, ни одинъ изъ насъ не подумалъ засмѣяться. Констанъ и мы также — я признаюсь въ этомъ съ полнымъ самоуничижениемъ—впали въ тягостную и невыразимо печальную думу. Мы пріѣхали въ Парижъ, не обмѣнявшись другъ съ другомъ ни единымъ словомъ. Когда въ послѣдствіи Констанъ, въ своемъ трудѣ, въ книгѣ о политеизмѣ у римлянъ, набрасывалъ безотрадную картинѣ суевѣрій, порожденныхъ постепенно-развивавшимся отчаяннымъ невѣріемъ среди лучшихъ и просвѣщеннѣйшихъ грековъ и римлянъ, — среди наслѣдниковъ Фокіона и Цицерона, — мнѣ думается, Бенжамэнъ Констанъ въ это время отчасти имѣлъ въ виду самого себя, и личный опытъ приходилъ на помощь его учености *).

«Ученость, въ свою очередь, теперь вся была направлена къ одной цѣли реабилитаціи религіознаго чувства. Констанъ неутомимо и въ книгѣ, и въ рѣчахъ доказывалъ—прирожденность челоуѣку религіознаго чувства, его возвышенный характеръ и идеальный смыслъ, пока жрецы не воспользовались имъ для политическихъ цѣлей, и не вызвали фанатизма и религіозныхъ смуть. Но религіозное чувство всегда боролось и продолжаетъ бороться съ этими „могущественными корпораціями“. Оно стремится совершенствовать формы религіи и старается приводить ихъ въ полную спасительную гармонію съ идеями времени“. И вся обширная работа Констана направлена противъ жреческаго вмѣшательства въ религію и въ защиту ея прогрессивнаго развитія **). При всякомъ случаѣ обнаруживается мистиче-

*) *Souvenir du duc de Broglie. I. Les cent Jours et la Restauration. Revue des deux Mondes.* 1 avr. 1886, 535—6.

***) *De la Religion considérée dans sa source, ses formes et ses développements.* Deuxième édition. I, préface, XXV—XXVI, Livre I, chap. I. L. II, chap. II, VII. Tome II, Liv. III, chap. VIII; особенно Tome III, Liv. IV, chap. III. *Comp. d'oeil. R. Encyclop.*, déc. 1825.

ский интерес автора. Констанъ повсюду отличаетъ мистическій элементъ въ религіозныхъ воззрѣніяхъ, съ другой стороны, подчеркиваетъ противорелигіозный характеръ жреческихъ тайныхъ ученій. Онъ изучаетъ прогрессъ религіи, „не объявляя войны никакому догмату“, „все что касается религіи — заслуживаетъ почтенія“, — но тщательно изслѣдуетъ формы, въ которыя облекается естественное религіозное чувство. Исторія ихъ начинается обоготвореніемъ физическихъ силъ, потомъ, когда законы природы разъясняются, обожаніе переходитъ на почву морали; еще позже, когда люди успѣваютъ познавать причины и слѣдствія въ области нравственности, — религія становится метафизикой и спиритуализмомъ; еще позже, съ исчезновеніемъ метафизическихъ тонкостей, безсильныхъ все объяснить, религія находитъ непреодолимое убѣжище въ нашей душѣ. Каждая религіозная форма имѣетъ три періода: одинъ — цвѣтушій, когда человѣкъ стремится открыть отношеніе между собой и невидимыми силами, открываетъ ихъ сообразно съ своимъ умственнымъ развитіемъ и придаетъ имъ опредѣленную форму. Съ теченіемъ времени способности человѣка развиваются, и это развитіе нарушаетъ установленную раньше гармонію между религіозными идеями и духовными силами человѣка. Съ этихъ поръ — разрушеніе формы неизбежно, и политеизмъ Иліады разлагается въ эпоху Перикла; Эврипидъ является органомъ нарождающагося нечестія. Но всегда и вездѣ паденіе устарѣвшаго вѣрованія замедляется учрежденіями. Вѣрованіе продолжаетъ жить чистомеханической жизнью; въ религіи нѣтъ ни энтузіазма, ни вѣры, остаются только формулы, обряды и священнослужители.

Но это состояніе также должно имѣть конецъ. Загорается борьба не только между установленной религіей и разумомъ, который она оскорбляетъ, но между ею и чувствомъ, котораго она больше не удовлетворяетъ. Борьба заключается третьей эпохой, уничтоженіемъ старой формы. Наступаетъ кризисъ полного невѣрія, кризисъ полный смуты

и иногда ужасовъ,—но неизбежный: человѣкъ долженъ освободиться отъ оковъ. За этимъ кризисомъ всегда возникаетъ новая форма религіозныхъ идей, лучше приспособленныхъ къ силамъ человѣческаго духа,—и религія выходитъ изъ пепла болѣе юной, болѣе чистой и прекрасной *).

По этому плану выполнено изслѣдованіе Констанана, и авторъ неоднократно, по поводу отдѣльныхъ фактовъ, повторяетъ свою идею религіознаго прогресса. Въ теченіе десятковъ лѣтъ онъ убѣждается въ непреложномъ фактѣ: „таинственное безпокойство, желаніе вѣрить, жажда надѣяться“—волнуютъ наслѣдниковъ философскаго и революціоннаго вѣка. Какую же форму должно теперь принять религіозное чувство?

Мы слышали отвѣтъ Констанана: внѣшней общеобязательной никакой; чувство должно остаться чувствомъ, замкнуться въ душѣ каждаго человѣка отдѣльно. Метафизика исчезнетъ окончательно изъ области религіи, т.-е. догматы; а также прекратится власть „жреческой корпораціи“ надъ религіей,—это должно повлечь упраздненіе культа. „Догматическое невѣріе невозможно для массы человѣческаго рода“,—но и догматическая вѣра—дѣло не сердечной, а жреческой религіи. Остается—свободная религія, т.-е. гуманная нравственность и духовное общеніе съ верховной силой. Но въ то же время Констананъ настаиваетъ на прогрессивныхъ измѣненіяхъ религіи сообразно съ *общимъ ходомъ человѣческаго ума*. Это значитъ,—развитіе и совершенствованіе знаній отражается на религіозномъ чувствѣ, т.-е. на его формѣ, на представленіяхъ человѣка о Божествѣ. Представленія эти непременно существуютъ—по самой сущности вѣрующей человѣческой природы—слѣдовательно и догматы. Разница этихъ догматовъ отъ догматовъ положительныхъ, неподвижныхъ религій только въ ихъ прогрессивномъ свойствѣ и въ свободѣ вѣроисповѣданія. „Во всякую эпоху,—говоритъ Констананъ,—будемъ требовать религіозной

---

*) Tome I, Liv. I, chap. VII, 102—5.

Вопросы философіи, кн. 55.

свободы неограниченной, безконечной, индивидуальной; она окружить религію непобѣдимой силой и обезпечить ей совершенствованіе“ *).

Таковы заключенія либеральной пореволюціонной мысли. Она, мы видимъ, не порвала всѣхъ нравственныхъ связей съ просвѣтительной философіей. Приговоръ надъ католичествомъ остался въ силѣ,—но теперь онъ былъ обоснованъ не однимъ здравымъ смысломъ Вольтера, скрѣпленъ не философскимъ фанатизмомъ революціи, а историческимъ міросозерцаніемъ. Оно пользуется старымъ словомъ—прогрессъ, но понятіе, выражаемое этимъ словомъ, новое: для него только не достаётъ пока термина—эволюціи, смыслъ готовъ. Констанъ не желаетъ, чтобы перемѣны, совершившіяся въ религіозныхъ представленіяхъ, непременно *провозглашались*: это только можетъ вызвать сопротивленіе старо-го ученія,—новое само собой восторжествуетъ: „въ природѣ все дѣлается постепенно и, такъ сказать, непримѣтно: люди должны подражать ей“ **). Слѣдовательно, естественная постепенность явленій изъ міра физическаго распространяется на міръ нравственный. Формы религіи—формы органическія и въ то же время прогрессивныя, такъ какъ онѣ видоизмѣняются въ зависимости отъ совершенствованія умственныхъ силъ и, слѣдовательно, отъ накопленія знаній, т.-е. отъ научнаго прогресса. Лирическая и субъективная идея XVIII-го вѣка, проверенная опытами революціи,—преобразовалась въ болѣе спокойное объективное и болѣе самоотверженное представленіе объ органическомъ процессѣ исторіи и труднѣйшій, и важнѣйшій вопросъ о міросозерцаніи былъ перенесенъ на почву естественной эволюціи ума и просвѣщенія.

Это убѣжденіе въ одинаковой законмѣрности всѣхъ историческихъ явленій, на какой бы то ни было взглядъ положительныхъ или отрицательныхъ—наканунѣ XIX-го вѣка,

*) Tome V, Liv. XV, chap. I, 165—180; chap. IV.

**) Tome V, p. 202—3.

становится символъ вѣры у искреннѣйшихъ христіанъ Франціи, и убѣжденіе въ *религіозной* эволюціи разрушаетъ средневѣковыя вожделѣнія реакціонеровъ даже въ глазахъ ихъ католическихъ читателей. Балланшъ рѣшается обозвать Деместра и его учениковъ „іудеями стараго закона“, а себя причислить къ христіанамъ закона благодати. Балланшъ вѣрить въ провиденціальныи смыслъ революціи, но этого мало: онъ ждетъ новаго и демократическаго христіанства—въ соотвѣтствіи съ духомъ времени. „Человѣческой умъ идетъ путемъ темнымъ и таинственнымъ, но ему нѣтъ отступленія, нѣтъ даже остановки. Націи вырождаются, а человѣческой умъ все идетъ впередъ. Въ немъ заключена жизнь непрерывно прогрессивная; ея онъ не замѣчаетъ, не можетъ и не долженъ замѣчать, но тѣмъ не менѣе онъ чувствуетъ ее, и она обнаруживается явно только въ извѣстныя эпохи“. И въ основѣ всѣхъ перемѣнъ и переворотовъ лежатъ религіозные вопросы. Съ нихъ, по мнѣнію Балланша, начинаются революціи и съ ними связано возникновеніе новыхъ учреждений. Религія прогрессивна такъ же, какъ и все существующее. Истина, неизмѣнная у Бога,—*последовательно* раскрывается людямъ. Балланшъ исповѣдуетъ вѣру Лессинга въ постепенное воспитаніе человѣчества Провидѣніемъ и уже готовъ видѣть новое христіанство въ идеяхъ и чувствахъ, распространенныхъ въ мірѣ революціей. Онъ находитъ, что раньше *чувство* *человѣчности*—*sentiment d'humanité*—было только религіознымъ, теперь оно стало общественнымъ, социальнымъ. Новое христіанство—религія не посвященныхъ, а всеобщая совѣсть: „христіанскій геній сталъ социальнымъ геніемъ“ *).

Балланшъ отличался скорѣе талантомъ поэта и мечтателя, чѣмъ философа и историка, и его произведенія безпрестанно напоминаютъ поэмы и стихотворенія въ прозѣ. Но смыслъ ихъ всегда ясенъ. Онъ съ драматическимъ воодушевленіемъ, но вполне единодушно съ Констаномъ гово-

---

*) Ballanche.

рить о „страшныхъ эпохахъ“, когда „народы чувствуютъ таинственную потребность возродить свои вѣрованія, очистить и расширить свою религію. И на эту тему Балланшъ пишетъ романическую исторію *Антигоны*, открывая въ эллинскомъ сказаніи общій культурный и философскій смыслъ, видя въ немъ „изображеніе всѣхъ социальныхъ кризисовъ“ *). Можно бы новую идею выразить проще, не прибѣгая ни къ мифамъ, ни къ аллегоріямъ, не превращая въ „притчу“ исторію революціи и осторожнѣе обращаясь съ словами „загадка“, „тайна“, „судьба“, „проблема“,—и все-таки при всѣхъ романтическихъ цвѣтахъ краснорѣчія—мысль Балланша принадлежитъ новому умственному теченію. Ему не требовалось становиться въ безусловную зависимость отъ Вико, многократно имъ восхваляемаго, чтобы признать существованіе философіи исторіи и прогрессъ—провиденціальнымъ **). Можно скорѣе предполагать глубокія вліянія на Балланша со стороны естествознанія. Знаменитый швейцарскій физиологъ Бонне написалъ сочиненіе *Palingénésie philosophique*. Эту книгу, несомнѣнно, внимательно читалъ Балланшъ: онъ только отсюда могъ заимствовать одно изъ самыхъ любимыхъ своихъ философскихъ выраженій—*palingénésie* и ради него провозгласить автора „браминомъ естественной исторіи“. Бонне доказывалъ законъ постепеннаго совершенствованія всего неорганическаго, органическаго и нравственнаго міра. Всѣ видимыя существа представляютъ непрерывную лѣстницу все болѣе и болѣе развивающихся формъ. Наверху лѣстницы—человѣкъ, и путь его умственнаго совершенствованія неограниченъ вплоть до идеальныхъ существъ, посредниковъ между человѣкомъ и божествомъ, съ которыми окончательно должны слиться всѣ существа. Палингенезія, слѣдовательно, прогрессъ въ смыслѣ эволюціи: такъ понимаетъ его и Балланшъ, замѣняя

*) Epilogue de l'Antigone et de l'Homme sans nom.

***) Faguet настаиваетъ на ученическомъ подчиненіи Балланша Вико. *Politiques et moralistes du XIX-e Siècle*. Deuxième série. P. 1898, 137—8.

выраженіе „конецъ палингенезіи“—другимъ: „граница эволюціи“—*le terme de l'évolution* *).

Эта связь идей Балланша съ философіей естествоиспытателя достойна вниманія. Она новой чертой отмѣчаетъ разногласіе Балланша съ реакціонными католиками, вродѣ Бональда, чувствовавшего глубокое презрѣніе къ естествознанію—какъ *звѣрскому служенію—zoolatrie, bestialité*,—и объясняетъ, почему Балланшъ могъ сочувственно относиться къ чужимъ попыткамъ построить историко-философское воззрѣніе внѣ католическихъ преданій. Онъ могъ послать свое сочиненіе сень-симонистамъ и тѣ въ свою очередь могли увидѣть въ немъ человѣка будущаго въ отличіе отъ „либераловъ“, живущихъ въ настоящемъ и „ultra“ преданныхъ прошлому**).

Мы не впервые встрѣчаемъ соприкосновеніе новой систематизирующей мысли съ областью опытной науки. Деместръ, мы знаемъ, даже рѣшилъ предположить въ будущемъ тѣснѣйшій союзъ религіи и науки. Какой смыслъ могъ имѣть этотъ союзъ? Только одинъ, охватывающій и научную и религіозную стихію человѣческаго духа. Истины религіи усвоятъ научный характеръ, а научныя открытія приобрѣтутъ обязательность и распространенность религіозныхъ ученій. Развѣ этотъ идеалъ не совпадаетъ съ программой г-жи Сталь — воспользоваться учеными силами для установленія политическихъ и нравственныхъ принциповъ? Идея Деместра въ своемъ послѣдовательномъ развитіи даже превосходитъ систему г-жи Сталь, по крайней мѣрѣ за послѣдніе годы XVIII-го вѣка. Свободомыслящая писательница находила предѣлъ высшаго міросозерцанія въ протестантизмѣ, впослѣдствіи остановилась на синтетической религіи изъ католицизма и протестантизма или на мистической вѣрѣ Фенелона. Въ блестящемъ сочиненіи *О литературѣ, разсматриваемой въ ея отношеніяхъ къ общественнымъ учрежденіямъ***), г-жа

*) *Épilogue de l'Antigone. Oeuvres. d. 1841. (Bibliothèque choisie), 421—2. О Бонне—Georges Cuvier. O. c. IV, 248 etc.*

***) *De la littérature considérée dans les rapports avec les institutions sociales. Sec. partie, chap. VI.*

Сталь защищает прогрессъ, понимаетъ его глубже, чѣмъ противохристіанскій XVIII-й вѣкъ, указываетъ на согласіе религіозныхъ принциповъ—какъ основы общества—съ разумомъ, но у нея нѣтъ идеи о гармоническомъ развитіи разума и религіи, нѣтъ культурно-эволюціонной теоріи міросозерцанія. Эта теорія ясно выражена у Константа, хотя въ самой общей формѣ, можно сказать какъ тема для будущихъ изслѣдованій. Но въ высшей степени важенъ фактъ: когда-то теоретически намѣченная программа религіозной эволюціи у Тюрго легла въ основу историческаго изслѣдованія этой эволюціи и лирической, и философскій идеаль Кондорсе перешель въ область положительной и бѣзпартійной мысли. Такое усвоеніе значительнѣйшаго наслѣдства просвѣтительной философіи по вопросу о міросозерцаніи людьми пореволюціонной эпохи отнюдь не основывалось на чисто теоретическомъ заимствованіи, на субъективно сочувственномъ продолженіи традиціи. Наглядные революціонные опыты и здѣсь произвели всестороннюю сортировку идей,—и если идея о научно-религіозной систематизаціи принциповъ овладѣла сознаниемъ современной мысли,—значитъ имѣлись неопровержимо убѣдительные факты именно въ этомъ направленіи.

ХІІ.

Среди бурной разрушительной дѣятельности апостоловъ разума и верховнаго существа, въ конвентѣ и въ печати изрѣдка вспыхивала религіозная идея, не тождественная съ резонерской метафизикой „естественной религіи и рѣшительно враждебная вѣрѣ Робеспьера. Въ конвентѣ одинъ мало извѣстный представитель прославлялъ науку, какъ религію будущаго; въ печати столь же мало извѣстный журналистъ доказывалъ необходимость замѣнить религію наукой *). Въ этихъ славословіяхъ мы не должны видѣть основательно-обдуманной положительной идеи. Наука была здѣсь такимъ же военнымъ кличемъ противъ католичества, какъ

*) Aulard. *Le culte de la Raison*, den. Jacob Dupont, литераторъ Salaville; р. 18, 86.

Разумъ и Природа. И депутатъ, и литераторъ не могли подняться выше „грезъ“ Даламбера въ діалогъ Дидро, т.-е. простого изгнанія религіозной метафизики во има естественно-поэтической игры воображенія на темы странныхъ фактовъ и удивительныхъ открытій. Значеніе науки въ міросозерцаніи раскрывалось не въ полемическихъ декламацияхъ, а [въ положительной и безпартійной дѣйствительности.

Мы видѣли,—вопросъ о нравственно-религіозныхъ принципахъ, какъ основахъ общественнаго порядка, особенно обострился послѣ террора. Минувшіе ужасы и воцарившееся эпикурейство и гражданская безыдейность одинаково ярко освѣтили необходимость *убѣжденій и вѣры*. Ларевельеръ-Лепо именно съ этой точки зрѣнія защищалъ теофилантропію; г-жа Сталь съ тою же цѣлью искала основъ новой принципіальной, личной и общественной жизни; католичество воскресало въ той же атмосферѣ, и своимъ воскресеніемъ создало опору политическимъ замысламъ Бонапарта. Но одновременно съ чисто-философскимъ или непосредственно-религіознымъ движеніемъ—въ силу необходимости упрочить жизненные завоеванія революціи—возникло гораздо болѣе организаторское теченіе, чѣмъ какой-либо философскій культъ или официально-реставрированная церковь.

Мѣсяць спустя послѣ смерти Робеспьера епископъ Грегуаръ представилъ въ конвентъ отъ имени комитета общественнаго просвѣщенія три доклада о вандализмѣ и средствахъ прекратить его.

Уже одно имя Грегуара ручалось за просвѣтительную цѣль докладовъ. Грегуаръ тщательно перечислялъ ущербы, нанесенные партійной междоусобицей наукамъ и искусствамъ, говорилъ объ уничтоженіи памятниковъ древности, драгоценныхъ рукописей, картинъ и книгъ. Расхищеніе библіотекъ царило по всей Франціи, и участіе принимали одинаково и республиканцы и монархисты. Съ другой стороны, революціонная смута отодвинула вопросъ

о народномъ образованіи. При первыхъ же словахъ Грегугура посыпались проклятія на Рабесцѣра; особенно энергично говорилъ знаменитый химикъ Фуркруа о „тиранѣ, который ничего не зналъ и отличался грубымъ невѣжествомъ“. Лаканалъ, одинъ изъ ревностнѣйшихъ работниковъ просвѣщенія при революціи, присоединился къ негодованію Фуркруа. Конвентъ приглашался изъ тьмы варварства вступить на путь цивилизаціи: революція должна *морализироваться*. Это выраженіе Грегугуара въ высшей степени мѣтко. Оно означало долгъ революціи просвѣтить гражданъ новаго государства, создать новыя народныя школы, открыть высшія учебныя заведенія для учителей, въ общемъ упрочить и развить принципы новой гражданственности.

Конвентъ немедленно принимаетъ подъ особое попеченіе бібліотеки, разсылаетъ въ департаменты требованія, представить каталоги книгъ въ самый непродолжительный срокъ. Эта работа дастъ матеріаль для выполнения слѣдующихъ задачъ, поставленныхъ комитетомъ образованія: возсоздать заново исторію Франціи, составить словарь анонимныхъ и псевдонимныхъ книгъ, неимѣющихся въ бібліотекахъ, *начертать генеалогическую таблицу человѣческихъ знаній, идѣ подраздѣленія будутъ развиты пространне и точно, чѣмъ въ таблицѣ Бэкона, исправленной редакторами энциклопедіи* *).

Просвѣщеннѣйшіе дѣятели революціи, слѣдовательно, понимали культурную важность систематизаціи наукъ и видѣли недостатки въ системѣ энциклопедистовъ. Задача исправить ее перейдетъ и въ слѣдующее столѣтіе и ляжетъ въ основу нравственно-религіозныхъ построеній. Столь плодотворное направленіе революціонной мысли долго не могло обнаружиться среди ожесточенной борьбы политическихъ партій. Разрушительныя и мстительныя страсти захватили науку и образованіе и принесли себѣ въ жертву многихъ

*) Despois. *Le Vandalisme révolutionnaire*, chap. XV, XVI.

даровитыхъ представителей таланта и знанія. Фанатики равенства и въ томъ и въ другомъ видѣли поруху своему принципу, только первобытно-невѣжественное и безличное общество могло соотвѣтствовать ихъ идеалу. Въ ихъ средѣ возможно было убѣжденіе, что республика не нуждается въ ученыхъ, и что во главѣ дѣлъ достаточно одного ученаго челоуѣка *). Таковымъ подразумѣвался Робеспьеръ. Еще до его диктатуры революція успѣла нанести жестокіе удары просвѣщенію. Современникъ, историкъ судебъ науки при революціи, рассказываетъ, въ какое трагическое положеніе попали школы при гражданскихъ смутахъ. Шайки революціонеровъ безпрестанно врывались въ учебныя заведенія и увлекали за собой молодежь. Преподаваніе прекратилось, училища опустѣли **). Учредительное собраніе вознамѣрилось было возстановить просвѣщеніе, но не успѣло даже издать закона о начальныхъ школахъ. При законодательномъ собраніи политическая буря, ниспровергшая тронъ, вызвавшая сентябрьскія убійства, лишила работу Кондорсе по вопросу объ общественномъ образованіи всякаго практическаго значенія. Вскорѣ погибъ и самъ Кондорсе. Его обвинитель готовъ былъ къ числу его преступленій прибавить его званіе академика и философа. Робеспьеръ, пылавшій ненавистью къ энциклопедистамъ, взялъ въ свои руки просвѣтительное дѣло Кондорсе и вопросъ о народномъ просвѣщеніи постарался превратить въ орудіе яacobинской уравнительной политики. Проектъ, прочитанный Робеспьеромъ, отнималъ дѣтей у родителей съ пятилѣтняго возраста и отдавалъ ихъ на воспитаніе государству—общее и бесплатное для всѣхъ. Проектъ вызвалъ энергическія возраженія и, несмотря на стремленіе проекта по-

*) Фраза, приписываемая Коффиналю, вице-президенту революціоннаго трибунала, предсѣдательствовавшему во время процесса Лавуазье и другихъ генеральныхъ откупщиковъ. Въ приведенной формѣ фразу передаетъ Фуркруа, ученикъ и сотрудникъ Лавуазье. Ср. Grimaux, *Lavoisier*, 302 и критика преданія въ Appendice, 376—8.

***) Biot. *Essais sur l'histoire générale des sciences pendant la Révolution française*. P. 1803. 36 etc..

ставить вопрос на боевую почву кассовой борьбы, конвентъ допустилъ вольныя школы рядомъ съ государственными.

Но въ проектѣ заключалась одна общая идея, пока фактически отвергнутая, но неперестававшая господствовать надъ просвѣтительными планами революціи—объединеніе націи путемъ внушенія молодымъ поколѣніямъ единообразныхъ воззрѣній. Въ интересахъ этого *соціального единства* проектъ продолжалъ находить защитниковъ много лѣтъ спустя послѣ революціи *). Но якобинское воззрѣніе на единство могло создать его только путемъ приниженія единицъ до наиболѣе посредственнаго уровня массы, а не возвышеніемъ массы до уровня единицъ. Приговоръ надъ Лавуазье—подлинное выраженіе робеспьеровской цивилизаторской политики и не противорѣчитъ духу ея похода на философъ-энциклопедистовъ. Только исчезновеніе съ революціонной сцены первосвященника и диктатора могло очистить атмосферу для науки и просвѣщенія, и доклады Грегюара явились однимъ изъ краснорѣчивѣйшихъ свидѣтельствъ болѣе свободнаго и культурнаго настроенія конвента и общества. Съ этихъ поръ осуществляется цѣлый рядъ учреждений и мѣръ, дѣйствительно *морализировавшихъ* революцію.

Эта дѣятельность—въ своемъ общемъ направленіи—была подготовлена множествомъ отдѣльныхъ фактовъ, блистательно доказывавшихъ полезность ученыхъ даже для якобинской республики. Она погубила Бальи, Кондорсе, Лавуазье въ то самое время, когда наука не меньше военной доблести работала на спасеніе отечества. Во время террора учеными были открыты средства добывать матерьялъ для пороха и пушекъ. Особенно важно было изобрѣтеніе простѣйшихъ общедоступныхъ способовъ извлекать селитру изъ почвы, такъ какъ привозъ ея изъ-заграницы прекратился. Комитетъ общественнаго спасенія поручилъ зна-

*) Самый ревностный—Луи Бланъ. *Histoire de la Rev.* IX, 409.

менитѣйшимъ современнымъ ученымъ открыть *революціонныя курсы*. Ихъ должны были прослушать избранные артиллеристы національной гвардіи и научиться новымъ усовершенствованнымъ способамъ добывать селитру, дѣлать порохъ, лить пушки. Преподавателями, между прочимъ, были назначены Фуркруа, Бертоле, Монжъ, и результаты превзошли самую смѣлую надежду. По распоряженію конвента по всѣмъ департаментамъ были учреждены должности завѣдующихъ селитреннымъ дѣломъ. Изданы популярныя *инструкціи*, какъ находить и очищать селитру. Въ теченіе девяти мѣсяцевъ было добыто селитры 12 милліоновъ фунтовъ; раньше годовая добыча достигала едва милліона. Въ такой же пропорціи увеличилось производство пороха и огнестрѣльнаго оружія. Прекращеніе внѣшней торговли заставило французскую науку въ самое короткое время создать новыя отечественныя производства, и они создавались съ поразительной быстротой. Тридцатаго вентоза II года состоялся патриотическій *праздникъ селитры*, восторженно описанный Монжемъ и дѣйствительно бывший праздникомъ французскаго изобрѣтательскаго гения *). Одновременно, при помощи той же науки, совершилось объединеніе вѣсовъ и мѣръ. Наконецъ, ученые безпрестанно призывались на службу государству по множеству второстепенныхъ, но по условіямъ времени настоятельныхъ вопросовъ. Химики не только изобрѣли способъ съ небывалой быстротой молоть порохъ, они указали новыя средства готовить консервы, изслѣдовать доброкачественность военныхъ съѣстныхъ припасовъ. Правительство дѣлало запросы ученымъ по самымъ неожиданнымъ предметамъ: о качествахъ пушечныхъ ядеръ, о матеріалѣ для непромокаемыхъ плащей, о способѣ устанавливать по нѣсколько пушекъ на одномъ лафетѣ, о сохраненіи питьевой воды на корабляхъ, о консервованіи бисквитовъ и овощей. Академія наукъ превра-

---

*) *Les sciences pendant la Révolution et l'Empire. La Rev. franç. 1887, XIII, 108 etc. Biot. 81—3.*

шлась въ правительственную патриотическую комиссію и блистательно выполняла порученія *).

Легко представить, какъ много выигрывали науки при такихъ обстоятельствахъ. Польза ихъ обнаружилась слишкомъ очевидно, чтобы революція могла миновать вопросъ о ихъ дальнѣйшемъ развитіи. И немедленно послѣ террора начинается усиленная организаторская дѣятельность конвента. Энциклопедическій и широко-просвѣтительный духъ XVIII-го вѣка, проклятый и задавленный Робеспьеромъ, внушаетъ правительству рядъ учреждений—одно другого оригинальнѣе и смѣлѣе.

Законъ 28 сентября 1794 года создаетъ *Политехническую школу*. Намѣченная еще въ мартѣ того же года,—она была отсрочена Робеспьеровской диктатурой, и теперь Фуркруа воспользовался случаемъ лишній разъ вспомнить о „заговорѣ противъ прогресса человѣческаго разума“. Школа должна была замѣнить прежнія спеціальныя училища, почти недоступныя среднему сословію. Независимо отъ спеціальныхъ знаній, необходимыхъ для гражданскихъ и военныхъ инженероу, школа, вѣрная энциклопедическимъ задачамъ революціоннаго просвѣщенія, преподавала „общіе принципы наукъ“. Во главѣ преподаванія явились первостепенныя силы современныхъ математическихъ и опытныхъ наукъ—Лагранжъ, Монжъ, Бертоле, Фуркруа, Шапталъ. Впослѣдствіи Контъ будетъ видѣть великое значеніе въ самомъ фактѣ возникновенія Политехнической школы. Конвентъ, учреждая школу, „инстинктивно создалъ первичную ячейку настоящей философской корпораціи“. Ученикъ Конта еще яснѣе опредѣлитъ роль школы въ подготовленіи новаго научно-философскаго міросозерцанія. Она положила начало позитивной классификаціи наукъ, „установила первую часть научнаго ряда, обнимающаго математику, науки физико-математическія и химію. Это было великой идеей въ безсознательной подготовкѣ позитивной философіи“. Конту,

*) *Le Centenaire de l'institut*. P. 96, 26.

по мнѣнію Литтре, оставалось закончить начатую лѣстницу.

Воспитанники школы получали отъ государства ежегодное содержаніе по 1200 франковъ и принимались по конкурсу. Курсы велись по программѣ, тщательно и философски разработанной: на первомъ мѣстѣ стояла математика, за ней слѣдовала физика, химія. Въ Политехнической школѣ дѣйствительно съ самаго начала практически выполнялась та самая система, которая впослѣдствіи ляжетъ въ основу всеобъемлющей систематизаціи наукъ у основателей позитивизма.

Неотложная нужда въ практическихъ дѣятеляхъ заставила до послѣдней степени сократить время приготовления новыхъ инженеровъ, проходить „революціонные“ курсы. И преподаватели нашли достойныхъ слушателей. Лекціи посѣщались съ энтузіазмомъ; работы, по словамъ современника, выполнялись съ пламеннымъ усердіемъ въ три мѣсяца; профессора успѣвали сообщить свѣдѣнія, которыя при обыкновенныхъ условіяхъ заняли бы три года *).

Среди этого поколѣнія наставниковъ и учениковъ встрѣчаются безпримѣрные энтузіасты научной и практической работы. Иная біографія своего рода героическое сказаніе, на примѣръ исторія Монжа или Биша. Оба они не только своими научными талантами и заслугами, но и личностями производили глубокое впечатлѣніе на современниковъ, и реформаторскій пылъ Сень-Симона находилъ обильную пищу, между прочимъ, въ ближайшемъ общеніи съ подобными героями мысли и дѣла—*des enragés de travail*, какъ называетъ Мишле ученыхъ эпохи революціи.

Монжъ—сынъ сельскаго торговца—едва получилъ доступъ въ дополнительное народное отдѣленіе аристократической инженерной школы въ Мезьерѣ. Геніальный математическій талантъ, выразившійся въ созданіи начертательной геометріи, быстро вынесъ его на поверхность, поставилъ въ пер-

*) Biot. 62. Despois. 65.

вые ряды современныхъ ученыхъ; при революціи Монжъ становится министромъ, принимаетъ горячее участіе въ преобразованіи системы мѣръ и вѣса, открываетъ и популяризируетъ способы добыванія селитры, устраиваетъ пушечные заводы и оружейныя фабрики и, наконецъ, является однимъ изъ строителей Политехнической школы. Съ Бонапартомъ Монжъ попадаетъ въ Египетъ, и только приказъ генерала мѣшаетъ ему занять мѣсто въ военномъ строю. И одновременно съ лихорадочной работой—бѣдность, нерѣдко нищета и полнѣйшее безкорыстіе.

Въ этомъ отношеніи даже Монжа превзошелъ еще болѣе оригинальный *enragé de travail*, его ученикъ и сотрудникъ и впоследствии одинъ изъ друзей Сень-Симона—Клуэ. По происхожденію крестьянинъ, воспитанникъ той же мезьерской школы, ея особаго отдѣленія, при революціи неутомимый практической химикъ и фабрикантъ оружія, Клуэ представлялъ изъ себя странную смѣсь естественнаго человѣка и высоко-образованнаго спеціалиста. Его оружейная фабрика находилась около Седана. Онъ отсюда путешествовалъ пѣшкомъ съ хлѣбомъ и водой, спалъ по часу въ сутки, питался только произведеніями своего огорода и сада; въ Парижѣ жилъ въ углѣ, спалъ на соломѣ, самъ шилъ себѣ платье, готовилъ пищу. Объ его энергіи и упорствѣ современники рассказываютъ легенды. Жизнь свою онъ кончилъ въ Кайэнѣ, гдѣ поселился съ научными цѣлями и жилъ какъ дикарь *).

Достойный соперникъ самыхъ страстныхъ тружениковъ по трудолюбію—и одинъ изъ первыхъ по талантливости—Биша, учитель Сень-Симона, давшій свое имя мѣсяцу „новой науки“ въ позитивистскомъ календарѣ Конта. Онъ умеръ всего тридцати лѣтъ и успѣлъ связать свое имя съ новой эпохой въ исторіи физиологии и медицины. Двадцати двухъ лѣтъ, въ 1793 году онъ прибылъ въ Парижъ совершенно одинокій, безъ всякой рекомендаціи, началъ слушать

*) Ср. Michelet. *Hist. du XIX S.* I, 41. *Biographie universelle* (Michaud).

лекціи въ клиникѣ знаменитаго современнаго хирурга Дезо и быстро выдвинулся, благодаря методу преподаванія, введенному при революціи. Законодательное собраніе упразднило старые медицинскіе факультеты, и конвентъ декретомъ 14 Фримэра III-го года основалъ три медицинскихъ школы: въ Парижѣ, въ Монпелье и въ Страсбургѣ. Цѣль и здѣсь была военно-практическая. Школа должна была образовывать врачей для сухопутныхъ и морскихъ госпиталей. Воспитанники и здѣсь, какъ и въ Политехнической школѣ, получали ежегодное содержаніе въ 1200 франковъ и, разумѣется, посѣщеніе лекцій требовалось безусловно тщательное. Но особенно заслуживаютъ вниманія двѣ идеи, положенныя въ основу медицинскаго преподаванія. Образцовый *Планъ* требовалъ и въ медицинскихъ школахъ прежде всего *энциклопедическаго изученія* предметовъ, относящихся къ медицинѣ, *энциклопедическаго прохожденія знаній la carrière encyclopédique des connaissances*. Что касается метода, — конвентъ желалъ теоретическое преподаваніе замѣнить практическимъ, чтеніе лекціи клиническимъ изученіемъ болѣзней на самихъ больныхъ. Лекція превращалась въ совмѣстную бесѣду профессора и слушателей. Биша обратилъ на себя вниманіе Дезо и въ четыре года успѣлъ приготовить и достойно замѣнить учителя, умершаго въ 1795 году. Открывъ курсъ анатоміи, Биша буквально не зналъ отдыха, въ одну зиму дѣлалъ по 600 вскрытій, почти жилъ въ анатомическомъ амфитеатрѣ, производилъ надъ собой опыты съ цѣлью опредѣлить дѣйствіе различныхъ лѣкарствъ на организмъ. Избранные слушатели были призваны къ совмѣстной съ профессоромъ работѣ, и аудиторія Биша походила на медицинскій парламентъ. Все это постепенно разрушило здоровье Биша и онъ умеръ „на полѣ битвы“, по выраженію одного изъ его товарищей.

Результатомъ поистинѣ героической работы осталась новая теорія органической жизни — взамѣнъ механической и метафизической, — ученіе о жизненныхъ силахъ и свойствахъ—*les forces et propriétés vitales*, столь же неразрывно

связанная съ организмомъ, какъ сила тяжести съ неорганизованной матеріей. Носителями этихъ свойствъ являются ткани, числомъ 21; изъ ихъ разнообразныхъ комбинацій образуются органы, и Биша посвятилъ громадный трудъ на изученіе свойствъ тканей, взаимной связи физической организаціи и нравственныхъ явленій и распространилъ свои выводы на всю организованную матерію, кончая человѣкомъ. Научныя наблюденія и обобщенія Биша излагалъ въ самой доступной формѣ, какую только можно представить въ области науки, и его работа *Recherches physiologiques sur la vie et la mort* приобрѣла такую же широкую популярность, какъ, напримѣръ, сочиненіе его восторженнаго почитателя Бокля *).

Очевидно,—двѣ основныхъ психологическихъ черты до-революціонной мысли—систематическое направленіе и энтузіазмъ—пережили самыя бурныя смуты революціи и вступили на новый путь развитія, исправленный и управляемый только что пережитымъ историческимъ опытомъ. Сама революція желала широко воспользоваться талантами, задачами и воодушевленіемъ ученыхъ. Всюду, даже въ области специальныхъ знаній, выдвигая на первый планъ энциклопедическое образованіе молодыхъ поколѣній, революціонное правительство безпрестанно призывало себѣ на помощь науку, требовало у нея совѣтовъ не только въ практическихъ, но даже въ философскихъ вопросахъ. Позднѣйшій ученый совершенно вѣрно оцѣниваетъ смыслъ этой тенденціи „создать государственную картину“ **). Революція дѣйствительно поставила себѣ подобную задачу и старалась выполнить ее съ помощью научныхъ и учебныхъ учреждений.

Мѣсяць спустя послѣ основанія Политехнической школы декретъ конвента 9 брюмера III года создалъ Нормальную школу. Организуя новое трехстепенное образованіе, кон-

*) Blanville III, 175. Cuvier, V, 56. Русскій переводъ *Recherches*.—Спб. 1865, со статьей о жизни и трудахъ Биша. Ср. *La Rev. franç.* 1887, XIII, 135.

***) Jules Simon, *Centenaire de l'Institut*, 26.

вентъ рѣшилъ подготовить и новыхъ учителей, заставивъ пройти ихъ общую школу. Учителя должны были въ самомъ очагѣ революціи усвоить новыя политическія представленія, научиться новымъ методамъ преподаванія и потомъ завоевать всю Францію новому порядку идей и учрежденій. Лаканаль, докладчикъ проекта, называлъ будущую школу школой народа и преподавателями въ нее приглашалъ перво-степенныхъ представителей всѣхъ отраслей знанія. Біо говорить, что имъ предстояло выполнить назначеніе цивилизаторовъ варварскихъ народовъ. Надлежало создать вновь основныя стихіи культуры, начиная съ искусства рѣчи, сплачивающаго общество, и кончая глубокими научными обобщеніями. А времени для дѣйствія было всего нѣсколько мѣсяцевъ. Нормальная школа съ такимъ усердіемъ принялась выполнять свои обязанности, что постепенно усиливавшаяся реакція признала необходимымъ закрыть курсы. Но и за короткое время школа успѣла оставить прочныя слѣды въ современномъ просвѣщеніи. Составъ ея преподавателей являлся безпримѣрнымъ по блеску именъ — по крайней мѣрѣ половина ихъ ознаменовала эпохи въ исторіи разныхъ наукъ — Лагранжъ, Лапласъ, Монжъ, Добантонъ, бывший сотрудникъ Бюффона, Бертоле. Помимо лекцій въ школахъ происходили публичныя бесѣды по декадамъ, и какой свободой они отличались, мы могли судить по исторіи Сень-Мартэна съ Гара. Лекціи стенографировались, экземпляры ихъ раздавались членамъ конвента, профессорамъ и воспитанникамъ другихъ образцовыхъ школъ, разсылались провинціальнымъ администраторамъ и агентамъ республики за границей. На лекціяхъ могли присутствовать женщины. Современники сообщаютъ немало фактовъ, свидѣтельствующихъ объ энтузіазмѣ слушателей и самихъ преподавателей. Никогда еще популяризація научнаго преподаванія не была поставлена такъ широко и рѣшительно. По словамъ Біо, отпечатанные экземпляры лекцій распространялись съ непостижимой быстротой по всѣмъ угламъ Франціи. „Наконецъ, прибавляетъ онъ, узнали истинный методъ преподаванія наукъ

и впервые познакомились съ философіей ихъ принциповъ“. Біо, далеко не благасклонный къ революціи, дѣятельность Нормальной школы ставить наравнѣ съ заслугами Галилея, Бэкона и Декарта: тѣ велики въ исторіи прогресса наукъ, школа—безсмертна въ исторіи ихъ преподаванія. Сборникъ отчетовъ школы навсегда остался руководителемъ для профессоровъ. Никогда принципы наукъ не излагались съ такой точностью, и ясностью и съ такимъ талантомъ, и никогда философскій методъ преподаванія не распространялся такъ дѣятельно и съ такимъ прочнымъ успѣхомъ. Само званіе преподавателя получило небывалый блескъ и общественное значеніе. Араго именно вліянію Нормальной школы приписываетъ возможность позднѣйшаго высокаго положенія профессоровъ Политехнической школы, весьма часто членовъ государственнаго совѣта, министровъ, президентовъ сената *).

Еще болѣе значительное учрежденіе создалъ конвентъ— въ тѣхъ же цѣляхъ организациі наукъ и систематизациі ихъ завоеваній — декретомъ III-го брюмера IV-го года, наканунѣ своего закрытія. Это былъ заключительный актъ многолѣтняго революціоннаго вопроса объ упраздненіи академій и замѣнѣ ихъ новой ученой корпораціей. Еще учредительное собраніе поручило Мирабо представить докладъ объ этомъ вопросѣ. Мирабо не успѣлъ внести своего крайне суроваго доклада, обзывавшаго академіи „школами раболѣбія и лжи“. Шамфоръ опубликовалъ докладъ, но академіи продолжали жить до 8 августа 1793 года, когда конвентъ упразднилъ ихъ по докладу Грегуара, выдѣливъ только академію наукъ впредь до преобразования за ея заслуги передъ государствомъ. Институтъ явился на мѣсто старыхъ учреждений съ ясно выраженнымъ демократическимъ и неограниченно-просвѣтительнымъ духомъ.

Институтъ долженъ былъ объединить все научное и художественно-даровитое во Франціи и во весь міръ, безъ

*) Biot. 65—6. Despois. Chap. V.

различія происхожденія и національностей. Институтъ разпадался на три класса — наукъ физическихъ и математическихъ, наукъ нравственныхъ и политическихъ, литературы и искусствъ. Предполагалось всѣ отрасли духовной дѣятельности человѣка соединить въ тѣсной взаимной связи и установить между ними непрерывное взаимное вліяніе. Ежегодно институтъ обязывался отдать отчетъ въ своихъ работахъ предъ національнымъ представительствомъ. Это и выполнялось въ годы его существованія въ томъ видѣ, какой установилъ конвентъ. Араго эти отчеты считаетъ „неоцѣненными главами исторіи наукъ“. Такъ смотрѣло на нихъ и національное представительство. Дону, авторъ доклада объ учрежденіи института, членъ класса нравственныхъ и политическихъ наукъ, въ качествѣ предсѣдателя совѣта пяти-сотъ—при представленіи институтомъ отчета—говорилъ о надеждахъ Франціи воспитать новыя поколѣнія гражданъ, упрочить культуру, возродить нравы, „однимъ словомъ, распространить идеи и чувства, наиболѣе приличествующія свободнымъ людямъ“. „Нѣтъ философіи безъ патріотизма, — говорилъ Дону, и генія безъ республиканской души“.

Очевидно, на институтъ возлагались не только научныя, но и чисто-гражданскія обязанности, долгъ—развивать и вѣдрять въ духъ націи государственную доктрину. Для этой цѣли были призваны даже артисты: имъ дали шесть мѣстъ. Изъ ста сорока членовъ половина принадлежала парижскимъ и половина провинціальнымъ ученымъ. Иностранцы принимались въ количествѣ двадцати четырехъ. Организация выборовъ заслуживаетъ вниманія, какъ настойчивая попытка возможно тѣснѣе сплотить таланты наукъ и искусствъ. На каждое вакантное мѣсто представлялъ три кандидата классъ, гдѣ имѣлась вакансія, но выборы производились членами всѣхъ классовъ. На столѣтней годовщинѣ института этотъ порядокъ былъ—далеко не въ первый разъ—подвергнутъ беспощадной критикѣ *).

*) Jules Simon. *Le centenaire*,

института равнялось воскрешенію *энциклопедіи*, и вообще всѣ образовательныя учрежденія этого періода были направлены на развитіе нравственно-гражданской идеологіи, извѣстной системы нравственныхъ и политическихъ воззрѣній, противоположныхъ духу старыхъ академій. Предполагалось, слѣдовательно, достаточное знакомство всѣхъ членовъ института съ общими результатами всей научной работы, тѣмъ болѣе, что эти результаты періодически должны были подлежать обсужденію представительнаго законодательнаго собранія.

Идейно-организующій смыслъ плановъ конвента съ полной очевидностью подтвердилъ Наполеонъ своимъ враждебнымъ отношеніямъ къ нимъ. Реформы начинаются еще при консульствѣ; Бонапартъ грозитъ разогнать второй классъ института за политическіе дебаты, какъ „злонамѣренный клубъ“. Въ 1803 году классъ нравственныхъ и политическихъ наукъ уничтожается, и институтъ преобразовывается въ духѣ прежнихъ академій. Преобразованія исходили изъ общей ненависти Наполеона къ *идеологіи* и *темной метафизикѣ*. Разрѣшая вопросъ о государственной доктринѣ новымъ конкордатомъ, Наполеонъ не допускалъ никакихъ другихъ путей къ систематизаціи общихъ принциповъ. Всѣ его идеи въ области науки и просвѣщенія—прямая противоположность энциклопедическому духу. Во всѣхъ отрасляхъ знанія онъ требовалъ только практическихъ непосредственно полезныхъ свѣдѣній: медицины безъ естественно-математическихъ наукъ, политической экономіи безъ „идеальныхъ вымысловъ экономистовъ“, юриспруденціи безъ исторіи и догмы права *).

Но эта неограниченная война противъ *идеологіи* не могла привести къ желательному успѣху. Систематическій духъ одинаково прочно водворился въ опытныхъ и нравственныхъ наукахъ. Лавуазье пересоздавалъ химію, окончатель-

---

*) Jung. Stael. XIII, 270. Villemain. Souvenirs contemporains d'histoire et de littérature. P. 62. I, 145.

но разрушивъ старую полуметафизическую теорію вѣсомой тепловой матеріи и открылъ путь безчисленнымъ научнымъ открытіямъ и практическимъ приложеніямъ науки. Съ именемъ Лавуазье связана первая попытка систематизировать результаты химическихъ открытій. На помощь химику пришли даровитѣйшіе современные представители другихъ физико-математическихъ наукъ—астрономъ Лапласъ, математикъ Монжъ. *Элементарный трактатъ химіи*, вышедшій въ началѣ 1789 года, явился одной изъ популярнѣйшихъ ученыхъ книгъ всей эпохи и означалъ побѣду совмѣстной работы новаго научнаго анализа надъ средневѣковыми тайнами, служившими основой для физиологіи и психологіи энциклопедистовъ. Революція въ полной мѣрѣ воспользовалась завоеваніями новой науки для своихъ практическихъ нуждъ, и этимъ фактомъ сильнѣе всякаго книжнаго разсужденія способствовала ея слава и жизненному значенію.

Въ области изученія организованной матеріи противъ имени Лавуазье стоитъ имя Ламарка. Его дѣятельность связана съ однимъ изъ важнѣйшихъ научно-практическихъ учреждений революціи—съ музеемъ естественной исторіи. Ботаническій садъ при Бюффонѣ съ тремя кафедами—по ботаникѣ, химіи и анатоміи, по проекту Лаканала былъ превращенъ декретомъ 10 іюня 1793 года въ центральный институтъ естествознанія съ 12 кафедрами: по выраженію доклада, наукъ открывалась „необъятная книга природы“. Ламаркъ, уже давно работавшій подъ руководствомъ Бюффона, занялъ теперь мѣсто среди Фуркруа, Добантона, Жуффруа Сентъ-Илера. Неутомимая дѣятельность его продолжалась до самой смерти въ 1829 году и оставила въ наслѣдство новому вѣку наряду съ множествомъ научныхъ фактовъ одну изъ самыхъ значительныхъ системъ. „Ламаркъ, говоритъ историкъ-естествоиспытатель, ближе всякаго другого философа подошелъ къ широкому представленію о цѣльности человѣческихъ знаній съ помощію одного лишь глубокаго изслѣдованія природы“ *). Постоянно

*)Blainville, III, 463.

слѣдую одному и тому же методу, располагать организмы въ порядкѣ усложняющейся организациі, Ламаркъ пришелъ къ знаменитому обобщенію,—къ теоріи измѣненія видовъ въ зависимости отъ внѣшнихъ условий. Онъ попытался постигнуть, путемъ наблюденій, смыслъ творческаго, мірового процесса и свести его къ одному естественному закону. Въ результатѣ, естествоиспытатель пришелъ въ выводу, тождественному съ теоріей, извѣстной намъ отъ историковъ и философовъ нравственныхъ явленій, къ закону эволюціи. Основная идея ламаркизма—передача индивидуально приобрѣтенныхъ органическихъ измѣненій потомству. Новый организмъ создается на почвѣ, измѣненной внѣшними вліяніями и усвоенной предшествующимъ организмомъ; та же идея, мы знаемъ, управляетъ и новымъ нравственнымъ міросозерцаніемъ. Эволюціонное ученіе послѣ революціи является господствующимъ толкователемъ фактовъ физической и духовной природы, отъ развитія частныхъ организма до видоизмѣненій религіозныхъ и культурныхъ воззрѣній. И это ученіе—результатъ энциклопедическаго духа, т.-е. стремленіе систематизировать принципы каждой науки отдѣльно и привести всѣ отрасли человѣческаго знанія въ тѣснѣйшую взаимную связь и установить между ними непрерывное идейное взаимодействіе.

Смѣлый и для современниковъ, и для потомства очень внушительный шагъ въ этомъ направленіи дѣлаетъ одинъ изъ самыхъ талантливыхъ членовъ института—Кабанисъ. Врачъ и другъ Мирабо, даже его сотрудникъ по вопросамъ народнаго просвѣщенія, талантливый поэтъ и блестящій профессоръ, Кабанисъ своими лекціями продолжаетъ начатую институтомъ систематизацію наукъ выше физико-математическаго ряда. Воспитавшійся среди энциклопедистовъ, горячій поклонникъ самыхъ смѣлыхъ „просвѣтителей“—Кождорсе, Гельвеція, Вольнея,—Кабанисъ явился краснорѣчивымъ представителемъ сенсуалистскихъ воззрѣній въ нравственной философіи. Онъ самъ ведетъ начало своихъ идей отъ Локка и Кондильяка, принимаетъ безъ критики идею

Кондорсе о приложеніи теоріи вѣроятностей къ нравственнымъ вопросамъ и явленіямъ, восхваляетъ „ясность, простоту и изящество“ философіи Гельвеція, восхищается лекціями Вольведа и Гара въ Нормальной школѣ и самую эту школу считаетъ „необыкновеннымъ явленіемъ“ и „эпохой въ исторіи наукъ“. Неменьше восторга вызываетъ у него и учрежденіе института. Онъ ставитъ это событіе въ неразрывную связь съ дѣятельностью энциклопедистовъ; институтъ является какъ бы осуществленіемъ ихъ плана, можетъ считаться „настоящею живою энциклопедіей“, потому что онъ выражаетъ собой идею о соединеніи, распределеніи и организациіи въ одно цѣлое всего выработаннаго человѣческимъ разумомъ. Кабанисъ видитъ практическое развитіе этой идеи въ стройной организациіи классовъ. Институтъ ставитъ однѣ науки рядомъ съ другими, руководствуясь ихъ внутренней связью, и Кабанисъ привѣтствуетъ соединеніе въ одинъ отдѣлъ наукъ философскихъ, нравственныхъ и, наконецъ, изучающихъ физическую природу человѣка. Институтъ призвалъ физиологовъ въ отдѣленіе философскихъ наукъ и этимъ освятилъ научную истину о неразрывной связи изслѣдованій въ области физическихъ и нравственныхъ явленій, и именно изученіе физической стороны человѣческой природы должно служить основаніемъ для философіи и морали. „Физиологія, философія и нравственность“—три вѣтви одной и той же науки о человѣкѣ. Эта мысль положена въ основу двѣнадцати мемуаровъ, прочитанныхъ Кабанисомъ въ качествѣ члена національнаго института. Чтенія, по свидѣтельству Кювье, имѣли очень большой успѣхъ и составили потомъ два тома подъ заглавіемъ: *Rapports du physique et du moral de l'homme*, также, по свидѣтельству автора, благосклонно принятые публикой.

Кабанисъ, какъ истинный питомецъ энциклопедической атмосферы XVIII-го вѣка, не побоялся сдѣлать самые рѣшительные выводы изъ своей основной мысли. Нравственная природа человѣка—таже физическая, относится къ ней какъ слѣдствіе къ причинѣ. Всѣ умственные процессы объ-

ясняются Кабанисомъ съ той же точки зрѣнія, какъ и другія чисто-физиологическія отправленія организма. Вся его психологія заключается въ слѣдующемъ разсужденіи: „чтобы составить себѣ точное понятіе объ отправленіяхъ, результатомъ которыхъ является мысль, слѣдуетъ разсматривать головной мозгъ какъ отдѣльный органъ, предназначенный исключительно для ея производства, подобно тому, какъ желудокъ и кишки совершаютъ пищевареніе, печень вырабатываетъ желчь, околоушныя, подчелюстныя и подъязычныя железы отдѣляютъ слюну. Впечатлѣнія, дойдя до мозга, возбуждаютъ въ немъ дѣятельность, подобно тому, какъ пища, попадая въ желудокъ, вызываетъ въ немъ болѣе обильное отдѣленіе пищеварительнаго сока, способствующаго ея растворенію. Намъ возразятъ, что органическія движенія, по которымъ совершаются отправленія мозга, намъ неизвѣстны. Но и дѣятельность нервовъ желудка, вызывающихъ различныя отправленія пищеваренія, но и способъ развитія въ пищеварительномъ сокѣ живой растворяющей силы не менѣе скрыты отъ нашего изслѣдованія. Мы видимъ, что пища поступаетъ въ эту полость съ извѣстными качествами; мы заключаемъ, что именно полость эта произвела въ ней испытанныя ею измѣненія. Такимъ же точно образомъ мы заключаемъ, что впечатлѣнія достигаютъ до головного мозга чрезъ посредство нервовъ: они поступаютъ въ него отрывочными и безсвязными. Органъ приходитъ въ дѣятельность; онъ дѣйствуетъ на нихъ, и скоро возвращаетъ ихъ превращенными въ представленія и, наконецъ, выводитъ ихъ наружу при содѣйствіи игры фізіономіи и жестовъ, или звуковъ языка и знаковъ письма. Съ неменьшею достовѣрностью мы заключаемъ, что головной мозгъ въ нѣкоторомъ смыслѣ перевариваетъ впечатлѣнія, что онъ органически выдѣляетъ мысль“.

Все сочиненіе посвящено фактическимъ иллюстраціямъ этой идеи. Иллюстраціи часто чрезвычайно жизненны; напримеръ, описаніе различныхъ характеровъ въ связи съ типами физической природы, характеристика возраст-

ныхъ и половыхъ вліяній на нравственную жизнь, при чемъ главной цѣлью автора, по его словамъ, была неизмѣнно одна общепонятность; несомнѣнно, книга должна была получить самое широкое распространеніе. И мы встрѣчаемъ Кабаниса въ числѣ вдохновителей Сень-Симона; молодой Контъ беретъ его подъ защиту отъ нападковъ слишкомъ строгихъ научныхъ критиковъ, видитъ положительный результатъ въ его работѣ: онъ первый ясно понялъ, что настало время подчинить *нравственныя* явленія тѣмъ же законамъ, изслѣдованіямъ, методамъ, какъ и *физическія* явленія“, т.-е., объясняетъ Контъ, уничтожить между ними основное различіе по природѣ. Контъ привѣтствуетъ задачу Кабаниса—*нравственныя* явленія называть *мозговыми и нервными*. Контъ только сожалѣетъ, что работу Кабанисъ не довелъ до конца, скорѣе поставилъ задачу, чѣмъ выполнилъ ее. Естественнымъ продолжателемъ Кабаниса явился Галль, и ему принадлежать всѣ сочувствія учителя позитивизма, такъ же какъ и пристальное вниманіе Сень-Симона.

Мы, слѣдовательно, изъ первоисточниковъ узнаемъ о существенномъ значеніи, какое имѣли естественно-философскія работы конца XVIII го вѣка для будущихъ создателей новаго научно-философскаго міросозерцанія. Эти работы неуклонно вели дѣло систематизаціи наукъ, объединеніе ихъ общими принципами и въ этомъ направленіи достигли крайняго предѣла подчиненія всѣхъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія одной физической основѣ.

Галль, продолжавшій путь Кабаниса, былъ именно однимъ изъ самыхъ отважныхъ объединителей и прямой предшественникъ Контовской френологической психологіи. Принципъ ея Контъ исповѣдуетъ уже въ молодости, подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ произведеній Кабаниса и Галля.

Галль, нѣмецкій профессоръ, вынужденъ былъ искать убѣжища во французской столицѣ, благодаря смѣлости своихъ естественно-нравственныхъ воззрѣній. Занимаясь сравнительной анатоміей и сосредоточившись преимущественно

на физиологіи мозга, Галль въ теченіе многихъ лѣтъ изучалъ явленія психологическаго порядка въ связи съ ихъ органической почвой и пришелъ къ выводу о непосредственной зависимости умственныхъ силъ и талантовъ отъ устройства мозга до такой степени, что возможно даже нравственные способности локализовать въ отдѣльныхъ частяхъ мозгового вещества. По устройству черепа можно судить объ анатомическихъ подробностяхъ мозга и дѣлать заключенія о нравственныхъ качествахъ субъекта. Практическіе результаты такой физиологіи очевидны: френологическія указанія должны обусловливать извѣстныя воздѣйствія на даннаго человѣка путемъ воспитанія, законодательства и вообще нравственныхъ средствъ. Такимъ путемъ — анатомія, физиологія, медицина, педагогика и даже политика сливаются въ одну неразрывную цѣпь. „Функции души выполняются при помощи матеріальныхъ аппаратовъ, говоритъ Галль и строить практическія неограниченно-широкія заключенія на почвѣ, подготовленной изслѣдованіями Биша, Кабаниса и другихъ анатомовъ и физиологовъ революціонной эпохи. *Всякая способность зависитъ отъ организаціи,* и Галль въ вопросахъ нравственныхъ и психологическихъ пытается достигнуть возможнаго для науки идеала — предвидѣнія, и заключить въ одну логическую систему весь сложный міръ человѣческой природы — индивидуальной и социальной, доказать необходимость единенія науки объ организмахъ съ философіей, и современный ученый естество-испытатель и убежденный врагъ матеріализма и защитникъ нравственно-религіознаго воззрѣнія такъ опѣниваетъ задачу Галля: „самая замѣчательная цѣль въ усиліяхъ Галля и наименѣе спорная — привести къ единству науки разединенныя и разшородныя. Галль вновь доказалъ необходимость неразрывной связи между всѣми науками“ *).

Слѣдовательно, усовершенствованіе методовъ въ отдѣль-

*) Blainville. III, 334 стр. О Галлѣ Ferzaz. *Etude sur la philosophie en France au XIX. s. Le socialisme, le naturalisme et le positivisme.* P. 77.

ныхъ наукахъ, устраненіе метафизическаго содержанія въ принципахъ, воззрѣніе на міръ какъ на одно цѣлое, развивающееся по одному закону и подлежащее одному физико-математическому и физиологическому анализу, стремленіе и въ результатъ анализа получить такую же единую стройную, сплоченную систему принциповъ, какую наблюдаемый міръ представляетъ какъ царство явленій, такія задачи поставилъ и передалъ будущему исправленный и дополненный революціонной эпохой энциклопедическій духъ, т.-е. научно-систематизирующій духъ XVIII-го вѣка.

Идеаль всякой систематизаціи — открытіе всеобъединяющаго закона явленій, какъ ихъ первоисточника и принципа. И ученые будто стихійно стремятся къ такой всеобъясняющей аксіомѣ, готовы законъ тяготѣнія распространить на міръ органической и нравственной. Кабанись въ результатъ своихъ изслѣдованій органическихъ явленій приходитъ къ „мысли о какой-то аналогіи между животною чувствительностью, растительнымъ инстинктомъ, химическимъ средствомъ и простымъ притяженіемъ, постоянно существующимъ между всѣми частицами матеріи“. И его выводъ уполномочить въ послѣдствіи Сень-Симона искать въ астрономическомъ законѣ разгадки тайнъ всего жизненнаго круговорота. „Несмотря на существенныя различія, продолжаетъ Кабанись, открываемыя въ нихъ наблюденіемъ, нѣтъ сомнѣнія, что три порядка явленій представляютъ одно и то же непосредственное стремленіе тѣлъ другъ къ другу, что это стремленіе дѣйствуетъ по болѣе или менѣе разнообразнымъ и сложнымъ законамъ, смотря по состоянію, въ которомъ находятся раздѣленные другъ отъ друга частицы, и по условіямъ, при которыхъ онѣ встрѣчаются, и изъ этого вытекаютъ всѣ новыя свойства, обнаруживающіяся въ различныхъ ихъ сочетаніяхъ“.

Всѣ изложенныя задачи подъ вліяніемъ ярко выраженнаго настроенія современниковъ эпохи должны были отразить на себѣ вліяніе религіозной стихіи, въ широкомъ смыслѣ слова, т.-е. чисто научную цѣль слить съ нравственной, и

придать всему движению *политико - научный* характер по мѣткому выраженію современника *). Философія, въ смыслѣ системы личной и соціальной морали, является спутницей, точнѣе другой стороной научнаго энциклопедическаго направленія.

Между двумя полюсами — *мистицизмомъ и физицизмомъ* **), какъ крайними выраженіями двухъ господствующихъ культурныхъ теченій—развиваются новыя нравственно - политическія и научно-религіозныя системы, безпрестанно оправдывая вновь усвоиваемый законъ эволюціи, воспроизводя въ многообразныхъ усовершенствованныхъ формахъ элементы созидательной работы, предпринятой просвѣтительной литературой и провѣренной революціонной практикой. Сень-Симонъ — первый обладатель этого наслѣдства по времени и по значительности реализованнаго имъ идейнаго достоянія.

Ив. Ивановъ.

---

*) Ib. III, 336..

**) Выраженіе, изобрѣтенное Сень-Симономъ и вполнѣ точно примѣняемое имъ къ всеобъемлющему господству физико математическаго метода.

Трагедія Ницше.

Опытъ психологіи личности.

Ja! ich weiss, woher ich stamme!
Ungesättigt gleich der Flamme
Glühe und verzehr'ich mich.
Licht wird alles was ich fasse,
Kohle alles was ich lasse:
Flamme bin ich sicherlich.

Nietzsche.

Да будетъ омраченъ позоромъ
Тотъ малодушный, кто въ сей день
Безумнымъ оскорбитъ укоромъ
Его *стрададьческую* тѣнь!

Пушкинъ.

Василію Петровичу Преображенскому.

Тебѣ, мой усопшій другъ, приношу я эту работу, которую ты уже не можешь просмотрѣть и исправить. Ты первый заговорилъ о Ницше въ русской литературѣ со всѣмъ авторитетомъ долгаго изученія и мастерствомъ тонкаго пониманія. Ты училъ меня скептически относиться къ увлеченіямъ чувства и мысли и „изслѣдовать писанія“. Съ тобою вмѣстѣ мы наслаждались въ образцовыхъ твореніяхъ мыслителей и поэтовъ „красотою слова“. Я смотрю на Ницше въ этой работѣ иначе, чѣмъ смотрѣлъ на него ты: ты бы первый похвалилъ меня за это. У тебя, конечно, были общія духовныя черты съ Ницше, иначе ты не могъ бы наслаждаться чтеніемъ его мыслей. Но въ одномъ вы всегда расходились: ты любилъ и уважалъ чувство долга, состраданіе, милосердіе и добро, и самъ ты былъ человѣкъ строгаго долга, милосердый, сострадательный и добрый; это знаю я—твой благодарный другъ!

Edel war der Mensch, hülfreich und gut!

Goethe.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Всеобщія и необходимыя истины—это такія истины, которыхъ многіе вовсе не знаютъ и которыя большею частью никому не нужны... Во всѣхъ спорахъ о нравственномъ и безнравственномъ забывается одно, что нѣтъ *аксіомъ воли*, иначе говоря, что въ основаніи человѣческой дѣятельности и всякихъ нравственныхъ идеаловъ лежатъ не логическія истины, а коренныя влеченія человѣка. Ихъ можно развивать, передѣлывать или истреблять путемъ личнаго и историческаго воспитанія, но нельзя логически доказывать или опровергать. Жизненность и практическое вліяніе игравшихъ историческую роль нравственныхъ системъ основались, конечно, не на логической состоятельности и строгомъ проведеніи ихъ отвлеченныхъ началъ, а на притягательности тѣхъ живыхъ типовъ идеальнаго человѣка, которые безотчетно выражались и описывались въ этихъ системахъ. А эти типы — созданія воли, а не построения разума, и нравственность—такое же *творчество*, какъ искусство. Всякое убѣжденіе логическими средствами бываетъ здѣсь только призракомъ, заслоняющимъ собою незамѣтно подкрадывающееся *внушеніе*; а слѣдовательно, всякое *обоснованіе нравственности* оказывается въ концѣ концовъ только скрытою *проповѣдью морали*“.

Глубокія и справедливыя слова тонкаго психолога и знатока какъ исторіи человѣческой мысли, такъ и исторіи человѣческаго творчества. Но неужели В. П. Преображенскій правъ безотносительно, и вся нравственность—только личное дѣло, индивидуальное мнѣніе безъ всякой объективной убѣдительности; а всякій анализъ моральнаго ученія и установленіе этического критерія—дѣло или пустой болтовни, или проповѣдническаго краснорѣчія? Окончательно и вполнѣ рѣшить этотъ вопросъ значило бы дать полную критику всѣхъ моральныхъ ученій и, въ заключеніе, предложить свое. Наша задача даже и близко не подходитъ къ такому непосильному для насъ труду. Да притомъ этотъ трудъ

быль уже поднять другими, и намъ остается пока разобратъся въ томъ, что дано, прежде чѣмъ на свой страхъ идти дальше. Мы въ нашей работѣ имѣемъ дѣло съ однимъ только типомъ этической мысли и притомъ въ той формѣ, какую этотъ типъ принялъ въ сочиненіяхъ едличнаго мыслителя — съ индивидуалистической моралью Фридриха Ницше. И вотъ, имѣя въ виду лишь нашу тему въ ея ограниченномъ объемѣ, мы хотѣли бы замѣтить, по поводу приведенныхъ выше словъ, нижеслѣдующее.

Мы далеко не безусловные поклонники естественно-историческаго метода въ приложеніи его къ наукамъ о духѣ. Можетъ быть, самая популярность этого метода основывается часто на бессознательномъ перенесеніи понятія о достоинствѣ и достовѣрности такъ называемыхъ точныхъ наукъ на самый ихъ методъ. При этомъ почти всегда упускается изъ виду, что методъ зависитъ отъ науки, а не наоборотъ. И если достигнутая цѣль не можетъ оправдывать средствъ, то она не можетъ служить и указаніемъ на ихъ пригодность въ другомъ, отличномъ отъ даннаго, случаѣ, или гарантіей ихъ успѣха въ новой области работы. Но указаніи на извѣстную цѣлесообразность того или другого приема изслѣдованія мы имѣемъ право и обязанность искать во всякомъ методѣ.

Когда въ природѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ настолько сложнымъ, что анализъ и объясненіе его затруднены или даже прямо невозможны въ виду этой самой сложности, изслѣдователь обращается къ изученію основныхъ причинъ явленія и конечныхъ его слѣдствій, т.-е., другими словами, послѣдовательнаго хода измѣненій въ самомъ явленіи, оцѣниваетъ, такъ сказать, явленіе въ его генезисѣ. И, смотря по тому, какой смыслъ и значеніе онъ придаетъ причинамъ и слѣдствіямъ явленія, такой же смыслъ и значеніе изслѣдователь придастъ и самому явленію. Въ области нашей темы — морали этотъ приемъ оцѣнки ярко выражаютъ два всѣмъ знакомыя изреченія: „изъ Галилеи можетъ ли быть что доброе“ и „по плодамъ ихъ познаете ихъ“. Конечно,

для правильности такихъ сужденій необходимо основательное знакомство съ „Галилеей“ и „плодами дѣль“ обсуждаемыхъ лицъ; но, при такомъ перемѣщеніи центра тяжести вопроса, изслѣдованіе дѣлается зачастую проще и доступнѣе, а самая задача — разрѣшимѣе. Вотъ почему я и позволилъ себѣ свести вопросъ о достоинствѣ моральнаго ученія Ницше на вопросъ объ исторіи развитія его идей.

Объяснивъ такимъ образомъ причину, почему я придалъ моей работѣ ту, а не другую форму, мнѣ остается сказать объ основаніяхъ вообще, по которымъ я предпринялъ настоящее изслѣдованіе. Мы живемъ въ эпоху переходную; этого не оспариваетъ, кажется, никто. Два теченія особенно замѣтно борются между собой: индивидуалистическій идеализмъ и историко-экономическій матеріализмъ. Я беру ихъ, въ широкомъ смыслѣ, какъ типы двухъ враждебныхъ міровоззрѣній. Всѣ отрасли культуры: наука, искусство, политическій и экономическій бытъ подвергаются критикѣ, а современное ихъ состояніе переоцѣнкѣ. У каждаго типа свое моральное если не ученіе, то убѣжденіе, стоящее въ центрѣ дѣла и по существу наиболѣе важное для всякаго. Въ наукѣ ихъ борьба, повидимому, идетъ къ концу, хотя, къ сожалѣнію, еще не близкому. Въ жизни она въ полномъ разгарѣ. Какъ всегда бываетъ, обѣ стороны, въ стремленіи отстоять свои взгляды, договариваются до крайностей. Я не скажу, чтобы мои симпатіи были на серединѣ: я опасуюсь „золотого“ безразличія, памятуя апокалипсическую угрозу „Носящаго въ рукѣ семь звѣздъ“ противъ тѣхъ, кто не горячъ и не холоденъ, а только теплъ, и презрительныя слова Данте о людяхъ безразличія: „Non ragioniam di lor, ma guarda e passa“! „Не будемъ толковать о нихъ, а посмотри и пройди мимо“. Мои убѣжденія ближе къ индивидуалистическому идеализму. Тѣмъ болѣе для меня важно и дорого, чтобы рѣшеніе вопросовъ съ этой точки зрѣнія не искажалось ни страстью борьбы, ни субъективными ошибками мыслителей. Я думалъ, что

при такомъ положеніи дѣла пересмотрѣ вопроса о смыслѣ ученій Ницше можетъ представить нѣкоторую пользу и интересъ *).

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Діонисъ и Аполлонъ.

Sage aber auch dies, du wunderlicher Fremdling: wie viel musste dies Volk leiden, um so schön werden zu können. Jetzt aber folge mir zur Tragödie und opfere mit mir im Tempel beider Gottheiten!

Nietzsche.

But Greece and her foundations are
Based on the crystalline sea
Of thought and its eternity.

Shelley.

Философскіе взгляды мыслителей, какъ и ихъ книги, имѣютъ свою судьбу: *habent sua fata ideae*. Можетъ быть, одна изъ самыхъ интересныхъ задачъ исторіи мысли, прослѣдивъ всѣ повороты этой судьбы, показать, какія различныя формы принимаетъ подъ вліяніемъ времени, мѣста и обстоятельствъ возникшая въ гениальной головѣ мысль, дробясь и переливаясь всѣми оттѣнками чувства и настроеній въ неисчерпаемомъ разнообразіи умовъ ученыхъ, художниковъ, поэтовъ, людей жизни и практическаго дѣла. Но еще интереснѣе, пожалуй, взглянуть въ обратный процессъ синтеза, когда въ критической литературѣ и со-

*) Для тѣхъ, кто склоненъ относиться къ Ницше а главное къ его вліянію на современное общество скептически, я позволю себѣ привести разговоръ одного изъ русскихъ философовъ съ Э. фонъ-Гартманомъ. Русскій гость спросилъ Гартмана, что онъ думаетъ о Ницше. „Er hat sein Publicum“, отвѣчалъ тотъ, и пояснилъ, что это та же публика, которая читала съ увлеченіемъ „Парадоксы“ Макса Нордау, „Крейперову сонату“ Толстого и его „Философію Безсознательнаго“. Конечно, сопоставленіе странное, и Гартманъ очевидно иронизируетъ; но, отбросивъ Макса Нордау, публика у Толстого и Гартмана была большая, и относиться къ ней, какъ къ чему-то незначительному въ современной общественной жизни, едва ли будетъ справедливо. Замѣчу еще, что тотъ же Гартманъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи „Исторія метафизики“ счелъ же нужнымъ отвести мѣсто и ученіямъ Ницше.

знаніи общества изъ всѣхъ этихъ разнородныхъ впечатлѣній мало - по - малу слагается образъ, который затѣмъ на долгія времена остается господствующимъ отчасти въ литературѣ предмета, но въ особенности въ общественномъ мнѣніи. Духовный портретъ мыслителя готовъ. Онъ помѣщенъ въ галерею исторіи, въ залу какой-либо болѣе къ нему подходящей, школы, занесенъ въ каталогъ науки и заумерованъ. О тонкомъ сходствѣ не можетъ быть и рѣчи: слишкомъ велико законное нетерпѣніе слушателей вновь появившагося могучаго мыслителя поскорѣй создать себѣ цѣльный образъ его духа и... успокоиться на разрешенной задачѣ. А потомъ трудно будетъ нарушить цѣной такихъ усилій и тревоги добытый покой. И цѣлые вѣка уйдутъ на поправку скороспѣлой работы, при упорномъ сопротивленіи консервативной мысли, которая будетъ отстаивать каждую черту освященнаго годами традиціоннаго образа *).

---

*) Необыкновенно странный и неожиданный со стороны такого тонкаго психолога и чуткаго, добросовѣстнаго критика, какимъ всегда былъ В. С. Соловьевъ, примѣръ сомнительной характеристики представляетъ статья „Словесность или истина“, напечатанная сначала въ газетѣ „Русь“ и потомъ перепечатанная въ „Трехъ Разговорахъ“. Въ ней, рядомъ съ поразительною сжатой и вѣрной оцѣнкой скрытаго смысла моральныхъ взглядовъ Ницше въ періодъ созданія имъ типа Заратустры, встрѣчаемъ ироническую характеристику его, какъ педанта-профессора, даровитаго, но „исключительно“ кабинетнаго ученаго, — „сверхфилолога“. Основываясь на томъ, что Ницше „не испыталъ понастоящему (?) никакой жизненной драмы“, Соловьевъ утверждаетъ, что онъ о „земной человѣческой природѣ помимо книгъ имѣлъ лишь очень одно-стороннее и элементарное познаніе“; смѣется надъ тѣмъ, что онъ пишетъ „Заратустра“, а не „Зороастръ“ (а самъ Соловьевъ писалъ же не „Магометъ“, а „Мухаммедъ“); и переводитъ слова Ницше: „Ich lehre euch den Uebermenschen!“ — „Я намѣренъ преподавать сверхчеловѣка“, объясняя, что для Ницше „сверхчеловѣкъ есть лишь предметъ университетскаго преподаванія—вновь учреждаемая *кафедра* (курсивъ подлинника) на филологическомъ факультетѣ“. И все это говорится о человѣкѣ, вся жизнь котораго, за вычетомъ пяти—шести лѣтъ молодости, была одно сплошное физическое страданіе и одна раздирающая душевная драма, который провелъ на кафедрѣ всего что-то около пяти лѣтъ, всю остальную жизнь путешествовалъ и жилъ въ общеніи и дружбѣ съ самыми разнообразными и, по большей части, весьма замѣчательными людьми, былъ поэтомъ и композиторомъ, отличался рѣд-

Въ числѣ условій, отъ которыхъ зависитъ тотъ или другой характеръ вышесказаннаго синтеза, не послѣднее мѣсто занимаетъ одно, на первый взглядъ довольно внѣшнее, обстоятельство, а именно: въ какую эпоху развитія его мысли и какое именно сочиненіе того или другого философа выдвинуло его на первый планъ во вниманіи общества. Это первое и непосредственное впечатлѣніе становится основаніемъ для всей дальнѣйшей оцѣнки. Сколько мыслителей и художниковъ горько жаловались на то, что, послѣ долгихъ лѣтъ упорнаго труда и движенія впередъ, они до могилы остались въ глазахъ большинства авторами какого-либо блестящаго, но далеко не самаго глубокаго, произведенія своей юности. Не для всякаго мыслителя такое положеніе равно невыгодно. Для тѣхъ изъ нихъ, которыхъ В. С. Соловьевъ такъ мѣтко называлъ „однодумами“, довольно безразлично, съ какой стороны подходитъ къ ихъ мысли читатель. Съ любой точки на сферѣ ихъ системы онъ можетъ кратчайшимъ путемъ радіуса придти къ центру всего построенія. Многія системы прямо носятъ характеръ развитія одной счастливой мысли. Когда я смотрю

кой наблюдательностью и писалъ книги о сверхчеловѣкѣ, похожія на что хотите, только не на курсъ лекцій съ кафедръ филологическаго факультета. Совершенно вѣрно замѣчая, что „для филолога быть основателемъ религіи такъ же неестественно, какъ для титулярнаго совѣтника быть королемъ испанскимъ“, и что „самому гениальному филологу невозможно основать хотя бы самую скверную религіозную секту“, Соловьевъ какъ будто не замѣчаетъ, что нищешанство, если на что похоже, такъ ужъ скорѣе на „скверную секту“, а съ университетскихъ кафедръ, насколько мнѣ извѣстно, еще никогда не преподавалось. Я понимаю всю безграничную антипатію Соловьева къ Ницше; но здѣсь факты говорятъ сами за себя. Опасно и неосторожно презирать врага, не отдавая всего должнаго его уму и духовной силѣ. Когда Соловьевъ въ своихъ критическихъ замѣчаніяхъ (между прочимъ, напримѣръ, въ „Мірѣ Искусства“) смѣется надъ тѣми, кого онъ называетъ въ другомъ мѣстѣ „трепещущими и преклоняющими колѣна передъ именемъ Заратустры психопатическими декадентами и декадентками въ Германіи и Россіи“, то этому можно только посочувствовать: не разсуждать же, въ самомъ дѣлѣ съ такими господами. Но общественнаго значенія и вліянія ученій Ницше В. С. Соловьевъ непонимать не могъ; вѣдь онъ самъ въ своемъ „Оправданіи Добра“ подвергъ ученіе Ницше самой строгой, беспощадной, изумительной по силѣ мысли и чувства, но вполне серьезной, критикѣ.

на два десятка огромных томовъ, написанныхъ Эдуардомъ Гартманомъ, мнѣ всегда весь этотъ изумительный трудъ представляется счастливымъ воспоминаніемъ той незабвенной минуты, когда молодой прусскій офицеръ, въ безконечно пессимистическомъ настроеніи, вызванномъ болѣзнью ноги—болѣзнью, разбившей всю его карьеру, раскрылъ мало читаемое сочиненіе Канта и напалъ на тѣ строки о безсознательномъ, которыя стоятъ эпиграфомъ на небольшомъ томикѣ перваго изданія еѳо „Philosophie des Unbewussten“. Но въ сколь менѣе выгодномъ положеніи находятся мыслители вродѣ Ницше, въ существѣ своемъ не систематики, вся дѣятельность которыхъ наполнена борьбой, исканіемъ, отказомъ отъ стараго и возвращеніемъ къ нему. Психологическій интересъ произведеній этихъ послѣднихъ крайне великъ, и значеніе ихъ, какъ показателей внутренней борьбы идей въ современныхъ имъ умахъ, неопѣнимо, особенно когда сила и тонкость ума соединены въ нихъ съ такимъ рѣдкимъ художественнымъ чутьемъ и неумолимою честностью мысли, какія мы видимъ у Фр. Ницше. Тѣмъ важнѣе разобраться въ ходѣ развитія ихъ мыслей и уловить скрытое подъ сѣтью переходовъ и противорѣчій единство личности. Я менѣе всего склоненъ въ данномъ случаѣ пользоваться тѣмъ методомъ, наиболѣе яркимъ и блестящимъ представителемъ котораго является Ип. Тэнъ. Въ приложеніи къ такимъ сложнымъ явленіямъ, какъ Ницше, результаты получаются крайне неудовлетворительные, и яркость образа почти всегда покупается грубостью его. Вотъ почему, начиная свою работу съ разбора перваго эстетическаго сочиненія Ницше, которому я придаю основное значеніе въ дѣлѣ объясненія его личности, я на первыхъ же шагахъ считаю долгомъ заявить, что ни мало не утверждаю возможности объяснить все его мышленіе *исключительно* съ эстетической точки зрѣнія. Но особое вниманіе на эту сторону его идей обратить надо еще и въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ.

Слава Ницше началась со времени появленія его въ

этическихъ сочиненій, во второмъ періодѣ его литературной дѣятельности. Эти сочиненія сравнительно быстро создали ему всемірную извѣстность и опредѣлили взглядъ на него въ критикѣ и обществѣ. Работы перваго періода остались въ тѣни. Этому много способствовало и то, что самъ Ницше, при удобномъ случаѣ, говорилъ о первыхъ своихъ изслѣдованіяхъ, какъ о чемъ-то рѣшительно пережитомъ и отвергнутомъ. Онъ самъ какъ бы просилъ читателя не обращать вниманія на его прошлое метафизика и эстетика. Многіе изъ критиковъ послѣдовали этому скрытому совѣту, не обративъ вниманія на то, какъ осторожно приходится въ такихъ случаяхъ вѣрить самому автору. Мы знаемъ на примѣрѣ Шопенгауэра, какъ жестоко ошибся бы тотъ, кто, повѣривъ на слово его неизсякаемой брани на Фихте и Шеллинга, отказался бы искать у сихъ послѣднихъ перваго основанія многихъ мыслей самого Шопенгауэра. Если бы мы не имѣли доказательствъ необыкновенной добросовѣстности Ницше, какъ мыслителя, мы были бы склонны подумать, что онъ самъ чувствуетъ свою скрытую связь съ первымъ метафизическимъ періодомъ его мышленія и своими насмѣшками надъ метафизикой старается заглушить въ себѣ это чувство. Оставивъ въ сторонѣ первые труды Ницше, критика потеряла ключъ ко многимъ противорѣчіямъ мысли во второмъ періодѣ его дѣятельности, и затѣмъ поставлена была въ немалый тупикъ, когда въ послѣдніе годы опять стали появляться отголоски молодыхъ его дней. Объясняли даже первыми проявленіями душевной болѣзни подписи на послѣднихъ его письмахъ «Dionysus» и «Der Sekreuzigte». Ницше былъ для большинства авторомъ «По ту сторону добра и зла». Эта односторонность толкованія его личности была замѣчена нѣкоторыми критиками и приписана исключительному интересу къ моральнымъ вопросамъ, проснувшемуся въ наши дни. Съ этимъ объясненіемъ я, хотя и съ сожалѣніемъ, не могу вполне согласиться. Вопросы эстетики и искусства, въ особенности въ той формѣ, въ которой ихъ затронулъ Ницше,

по меньшей мѣрѣ въ той же степени занимають современное общество, какъ и вопросы морали. Что же касается литературныхъ достоинствъ и блеска утонченной парадоксальности, то во второмъ отношеніи эстетическія работы Ницше ни въ чемъ не уступаютъ другимъ его работамъ, а въ первомъ даже отчасти превосходятъ ихъ: вѣдь въ его «Geburt der Tragödie» мы имѣемъ единственное законченное его сочиненіе, построенное по строгому и стройному плану и выполненное съ изумительнымъ мастерствомъ. При чтеніи его видишь, что потерялъ читатель отъ перехода Ницше къ излюбленной имъ затѣмъ афористической манерѣ. Всѣ эти основанія вмѣстѣ взятыя и привели меня къ мысли, что провѣрка взглядовъ Ницше, исходя изъ его первыхъ работъ по эстетикѣ, не будетъ лишена интереса, а можетъ быть поставить и всю его личность въ нѣсколько иное освѣщеніе. Первая часть моей работы имѣетъ своимъ предметомъ самый ранній періодъ литературной дѣятельности Ницше вплоть до перелома въ его мысли, служащаго введеніемъ ко второму періоду его жизни.

Ницше было 27 лѣтъ, когда появилось въ печати первое его сочиненіе «Рожденіе трагедіи изъ духа музыки». Въ послѣдующихъ изданіяхъ авторъ прибавилъ характерное подзаглавіе «Griechenthum und Pessimismus». Онъ уже четыре года какъ былъ профессоромъ филологіи въ Базелѣ. Ницше былъ сыномъ пастора. Одинъ нѣмецкій писатель какъ-то сказалъ, что домъ протестантскаго пастора въ Германіи богатъ только дѣтьми да книгами. Въ одной изъ этихъ строгихъ, трудолюбивыхъ, разсудочно-благочестивыхъ, буржуазныхъ, но весьма интеллигентныхъ семей, давшихъ родинѣ столько великихъ ученыхъ и глубокихъ мыслителей, родился будущій создатель «сверхъ-человѣка», самый небуржуазный и неблагочестивый писатель современной Германіи. Но въ жилахъ этого пастора текла кровь одного изъ самыхъ блестящихъ, но зато и самыхъ парадоксальныхъ народовъ міра: кровь польскаго шляхтича, рыцаря-аристократа, мистика-католика, страстнаго, безпорядочнаго, легко-

мысленнаго и вольнолюбиваго. И сынъ пастора слышалъ въ себѣ эту кровь: онъ всю жизнь любилъ повторять, что онъ потомокъ ясновельможныхъ графовъ Ницкихъ; онъ гордился тѣмъ, что онъ славянинъ, и до конца говорилъ, что вся надежда будущей культуры въ великомъ народѣ молодой Россіи. По призванію онъ былъ художникъ—поэтъ и музыкантъ. Онъ готовилъ себя къ карьерѣ композитора. Обстоятельства жизни заставили его сдѣлаться профессоромъ. Но добросовѣстный и неумолимый въ вопросѣ чести мысли Ницше занялъ катедру съ полнымъ сознаниемъ своего права на нее. Филологъ онъ былъ перворазрядный: знаменитый Ричль рекомендовалъ его; а Лейпцигскій университетъ безъ экзамена далъ степень доктора человѣку, ничего не издавшему. Явленіе рѣдкое вездѣ, а въ Германіи прямо таки исключительное. Риль называетъ его этюды по греческой философіи мастерскими. Молодой профессоръ встрѣтился съ Рихардомъ Вагнеромъ, сошелся съ нимъ близко и сталъ самымъ горячимъ и безусловнымъ его поклонникомъ. Чувство благоговѣнія необыкновенно развито было въ этомъ ультраиндивидуалистѣ и осталось на всю жизнь одной изъ господствующихъ чертъ его моральнаго склада*). Какъ странно можетъ показаться подобное утверженіе тѣмъ, кто помнитъ градъ насмѣшекъ, которыми онъ осыпалъ впо-

*) Въ журналѣ «Міръ Искусства», № 19—20, 1900 года, напечатана статья Н. Минскаго „Фридрихъ Ницше“. Она производитъ нѣсколько неожиданное впечатленіе въ этомъ журналѣ, всегда относившемся къ Ницше съ замѣтнымъ сочувствіемъ. Авторъ «Альмы» говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Ницше былъ одинаково зачарованъ и покоренъ гениемъ эллиновъ и гениемъ Шопенгауэра, и въ этой слѣпой привязанности къ тому и другому сказывается одна изъ основныхъ чертъ характера Ницше, которую я бы назвалъ каждою духовнаго рабства, чисто женской влюбчивостью ума, — черта характера, съ которой Ницше долженъ былъ бороться всю жизнь, такъ какъ наряду съ этой рабской преданностью ему была врождена другая, также свойственная рабамъ, страсть—мѣнять одного властелина на другого, возиться съ цѣпями, надѣвать ихъ и разбивать». Я боюсь, какъ бы этотъ упрекъ не обратился на нѣкоторыхъ критиковъ Ницше: давно ли онъ былъ типомъ «могучаго, смѣлаго и независимаго мыслителя», а теперь онъ сталъ типомъ «раба».

«Je ne crois pas, Seigneur, avoir mérité
Ni cet excès d'honneur, ni cette indignité!

слѣдствіи людей въ родѣ Данте, Шиллера и того же Вагнера; однако это такъ. Понимать людей другого душевнаго склада, чѣмъ онъ, разбираться въ нихъ Ницше не могъ и не хотѣлъ; состраданіе и милосердіе, вообще сочувствіе, онъ презиралъ, а потому умѣлъ только насмѣхаться, или благоговѣть. Рядомъ съ этой чертой стоитъ и другая, но о ней рѣчь будетъ впереди на своемъ мѣстѣ. Впрочемъ, въ тотъ періодъ, о которомъ я теперь веду свою рѣчь, всѣ эти свойства еще не были такъ рѣзко выражены.

И вотъ этотъ-то филологъ-музыкантъ издаетъ одну изъ поэтичнѣйшихъ книгъ въ современной литературѣ. Это было философское, историческое и главнымъ образомъ эстетическое изслѣдованіе въ области классической филологіи. Со стороны своихъ метафизическихъ предпосылокъ, оно покоится цѣликомъ на ученіи Шопенгауэра. Увлеченіе метафизикой Шопенгауэра не требуетъ особаго объясненія: влияніе ея въ это время достигло высшей своей точки. За два года передъ тѣмъ вышла первая книга Гартмана, а черезъ три года юноша-магистрантъ В. С. Соловьевъ указывалъ въ своей диссертаци на это влияніе, какъ на признакъ нарождающагося новаго движенія въ философіи. Соловьевъ былъ на девять лѣтъ моложе Ницше, но въ своемъ философскомъ пониманіи тогда уже стоялъ неизмѣримо выше его. Въ то время, когда Ницше еще весь былъ въ сѣтяхъ шопенгауэровской метафизики, будущій величайшій философъ своего времени уже ясно видитъ ошибки своихъ предшественниковъ. Однако и Ницше вноситъ въ ученіе Шопенгауэра цѣлый рядъ поправокъ, придающій ему совсѣмъ иной видъ. Замѣчу здѣсь, кстати, что чувство благоговѣнія къ учителю и тутъ налицо: «нѣтъ въ мірѣ равнаго ему», «какъ сынъ внимааетъ онъ поученіямъ этого отца!» Теперь, прежде чѣмъ приступить къ изложенію измѣненій, внесенныхъ Ницше въ метафизику Шопенгауэра, я позволю себѣ напомнить въ самыхъ краткихъ словахъ основныя черты этой метафизики, ограничиваясь при этомъ тѣмъ, что существенно необходимо для пониманія дальнѣйшаго.

То, что мы называемъ міромъ, есть только наше представле-
 ніе: это доказаль «изумительный» Кантъ, какъ называетъ его
 Шопенгауэръ, въ своей «Критикѣ чистаго разума». Эти слова
 не надо понимать въ томъ смыслѣ, что міръ есть созданіе исклю-
 чительно нашей творческой фантазіи, плодъ дѣятельности на-
 шего духа, какъ то училъ Берклеи. Въ основѣ міра, какъ пред-
 ставленіе, лежитъ реальная подкладка его явленія—вещь въ
 себѣ, нумень-абсолютъ. Но про этотъ абсолютъ мы знаемъ
 только то, что онъ существуетъ, и что міръ—его явленіе:
 больше о немъ мы пока ничего не знаемъ и сказать не можемъ.
 Нашъ міръ есть царство неумолимаго и непреложнаго закона,
 закона достаточнаго основанія въ его четырехъ корняхъ или
 видахъ: 1) связи причины со слѣдствіемъ, 2) логическаго вы-
 вода съ его предпосылкой, 3) мотива съ актомъ воли и
 4) знакомыхъ намъ изъ математики созерцательныхъ формъ
 мѣры и числа съ ихъ свойствами. Изученіе этого міра есть
 дѣло точныхъ наукъ, основанныхъ на вышеназванномъ за-
 конѣ достаточнаго основанія, и метафизика въ это дѣло не
 должна и не можетъ вмѣшиваться. Но я сказалъ выше, что
 мы ничего не знаемъ объ абсолютѣ только «пока». Есть въ
 мірѣ одинъ фактъ, дающій намъ ключъ къ познанію абсо-
 люта и тѣмъ обосновывающій метафизику; какъ науку, или
 искусство—это для нашего дѣла безразлично. Этотъ фактъ
 лежитъ въ области нашего индивидуальнаго сознанія. Не все
 содержаніе сознанія сводится къ представленіямъ: въ основѣ
 его лежитъ наша воля. Въ ней мы встрѣчаемъ съ тѣмъ, что я
 назвалъ выше реальною подкладкою явленій. Абсолютъ есть
 воля; конечно не въ смыслѣ нашей личной индивидуальной
 воли, съ которой смѣшивать его не слѣдуетъ, но если во-
 обще мыслимо познаніе и объясненіе абсолюта, то оно дано
 въ пониманіи характера и свойствъ этой нашей воли. Замѣ-
 тимъ, что наши чувствованія Шопенгауэръ считаетъ явле-
 ніями нашей воли: болѣзненные—угнетеніемъ ея, радостныя—
 проявленіемъ ея относительной свободы. Міровая воля со-
 здала міръ явленій, но сама она и ея формы не явленія, а
 слѣдовательно законамъ міра явленій не подчинены. Міръ

абсолюта—міръ свободы. Въ нашемъ мірѣ явленій каждая форма проявляется въ безчисленномъ рядѣ преходящихъ экземпляровъ: животныя, растенія, камни, люди и т. д.; въ мірѣ воли каждая форма, служащая основаніемъ одного изъ этихъ рядовъ, единична и вѣчна; распаденіе ея въ знакомый намъ рядъ явленій есть только иллюзія, вызванная свойствами нашей способности представленія. Эти вѣчныя формы Шопенгауэръ, какъ онъ говоритъ, по примѣру «божественнаго» Платона, назвалъ идеями. Метафизика есть познаніе сущности вселенной въ этихъ идеяхъ; она познаетъ ихъ путемъ рассуждающей мысли. Но есть и другой способъ познать эти идеи, а именно въ созерцаніи; эту возможность даетъ искусство. Преходящій міръ явленій связанъ закономъ; отсюда онъ міръ горя, плача, страданій и смерти; воля рвется въ немъ изъ цѣпей закона, но не въ силахъ порвать ихъ и вѣчно мучается; это міръ пессимизма. Въ познаніи истины путемъ метафизики и въ созерцаніи красоты въ мірѣ и искусствѣ человѣкъ освобождается на время отъ этихъ цѣпей, заглушаетъ въ себѣ волю къ жизни, перестаетъ страдать. Въ этомъ лежитъ объясненіе радостнаго, возвышающаго дѣйствія на насъ всего истинно прекраснаго. Но эта свобода отъ міра зла только временная: онъ скоро напомнитъ о себѣ и метафизику, и художнику, и тогда опять муки, еще болѣе тяжкія послѣ временнаго рая. Нужно болѣе радикальное и окончательное искупленіе; его даетъ моральное ученіе Шопенгауэра, основанное на со-страданіи. Если всѣ проникнутся этимъ чувствомъ, то человечество въ одинъ прекрасный день рѣшитъ отказаться въ полномъ своемъ составѣ отъ воли къ жизни; потонетъ и исчезнетъ въ міровой волѣ, а весь этотъ міръ свѣта и звуковъ со всей его ложью, зломъ и страданіемъ рухнетъ въ Нирвану. Какъ можетъ случиться это метафизическое чудо, Шопенгауэръ объяснить не въ состояніи, но онъ вѣритъ въ его возможность и утѣшаетъ ею истомленное въ жизненной борьбѣ человечество. Вотъ приблизительно то, чему училъ великій пессимистъ.

Метафизика Ницше, какъ и метафизика Шопенгауэра есть ученіе объ искупленіи, ученіе о спасеніи отъ этого во злѣ и страданіи лежащаго міра. Но Ницше вѣрно подмѣтилъ въ ученіи Шопенгауэра возможность другого исхода всей его теоріи. Всю четвертую книгу «Міра какъ воли и представленія», все ученіе о морали состраданія, можно отбросить, обосновавъ спасеніе отъ зла и смыслъ жизни на искусствѣ. Такая постановка вопроса, безъ привлеченія новаго фактора, была бы не поправкой, а простымъ искаженіемъ; не шагомъ впередъ, а возвращеніемъ назадъ къ пережитому и забытому прошлому романтиковъ старой нѣмецкой школы и эстетиковъ типа Сольгера. Но у Ницше новый факторъ налицо — это эстетическая эволюція человѣчества, воспитаніе его въ исторіи будущаго путемъ искусства, отвергаемое въ этой себѣ довлѣющей формѣ Шопенгауэромъ. Періодъ глумленія надъ національной жизнью и національными идеалами еще впереди, и молодой Ницше убѣжденный патріотъ. Онъ только что вернулся съ поля битвы, гдѣ служилъ санитаромъ; онъ опьянеетъ величіемъ новой имперіи, и, какъ мы увидимъ далѣе при изложеніи его труда, седанскія пушки еще гремятъ въ его ушахъ чудной музыкой. Но главное въ томъ, что отвращеніе къ морали сочувствія, состраданія и милосердія, лучшей сторонѣ духа Шопенгауэра, уже живетъ въ немъ, хотя и скрытно. А если отбросить въ четвертой книгѣ «Міра какъ воли и представленія» эту часть дѣла, то что же останется? Очень туманная, почти ничѣмъ не обоснованная метафизическая теорія самоуничтоженія міровой воли въ человѣчествѣ — надежда грядущей Нирванѣ; причемъ самъ Шопенгауэръ видитъ, что задача въ сущности не разрѣшена, ибо слѣпая воля создастъ новый міръ представленій гдѣ-нибудь въ другомъ углу космоса, и утѣшаетъ читателя разсужденіемъ въ родѣ: «тебѣ то что? ты, вѣдь, будешь въ Нирванѣ!» А вѣдь такое утѣшеніе въ корнѣ уничтожаетъ всю его теорію морали, построенной на состраданіи всему живущему. Этику Канта Ницше конечно долженъ отрицать вмѣстѣ съ Шопенгауэромъ и, вѣроятно, на

тѣхъ же основаніяхъ. Все это еще не удивительно, но удивительно то, что, отвергая въ ученіи обоихъ философовъ мысли, составляющія душу дѣла, Ницше, не смущаясь называетъ одного «своимъ отцомъ», а другого «величайшимъ учителемъ», не подозрѣвая, что если бы Шопенгауэръ прочелъ его сочиненіе, онъ навѣрное отыскалъ бы въ своемъ неистощимомъ лексиконѣ самую отборную брань для своего «сына». Съ Кантомъ Ницше сойдется ближе во второмъ періодѣ, когда онъ по своему обыкновенію выхватитъ изъ его ученія одну часть, именно—отрицательную оцѣнку Кантомъ состраданія и любви, какъ этическихъ мотивовъ, и отброситъ его теорію категорическаго императива. Тогда повторится на нашихъ глазахъ довольно обычное въ исторіи мысли, а въ исторіи этики чуть ли не постоянное, явленіе двухъ мыслителей, утверждающихъ одно и то же на діаметрально противоположныхъ основаніяхъ.

Изъ основной разницы во взглядахъ Шопенгауэра и Ницше логически вытекаютъ всѣ остальные. Во-первыхъ, взглядъ на міровую сущность, какъ абсолютную волю. Шопенгауэръ считалъ ее слѣпой, темной, безсознательной. Если собрать все сказанное имъ о ней, то трудно будетъ найти лучшее выраженіе идеи первобытнаго хаоса, накануне того дня, когда его освѣтилъ лучъ божественнаго Логоса *). Придать ей сознаніе въ человѣческомъ смыслѣ Шопенгауэръ конечно не могъ: это послѣднее требуетъ наличности субъекта и объекта, а абсолютъ въ своемъ безразличіи такого раздѣленія содержать не можетъ. Однако, придать абсолютной волѣ нѣкоторый признакъ трансцендентной разумности онъ конечно могъ бы, не впадая въ противорѣчіе со своей теоріей познанія: Кантъ сдѣлалъ же это

---

*) Ante mare et terras, et, quod tegit omnia, coelum, Unus erat toto naturae vultus in orbe, Quem dixere chaos, rudis indigesta que moles, Non bene junctarum discordia semina rerum.

Ovid.

Земля же бѣ невидима и неустроена и духъ Божій пошамеса веру воды.
Кн. Бытія.

въ своей „Критикѣ практическаго разума“. Но тутъ Шопенгауэру мѣшали соображенія этическаго свойства. Разумная воля, создавшая абсолютно злой міръ, была бы тождественна съ абсолютной идеей зла—Сатаной. А такого Сатану даже самыми тонкими и убѣдительными метафизическими соображеніями къ отреченію отъ воли зла не приведешь. Поэтому пришлось закрыть глаза передъ явнымъ противорѣчіемъ разумнаго и сознательнаго человѣка, представляющаго высшее проявленіе неразумной и безсознательной воли. Для Ницше затрудненіе падало: абсолютъ, творецъ міра—это великій художникъ; цѣль его творческой воли—красота; зло міра, какъ необходимое условіе для осуществленія этой великой цѣли, оправдано. Ницше, конечно, не называетъ міровой воли личностью; невозможность такого утвержденія съ точки зрѣнія теории познанія и онъ понималъ; но говоритъ онъ о ней часто въ терминахъ личности, чего Шопенгауэръ тщательно избѣгаетъ.

Въ связи съ этимъ измѣненіемъ метафизики Шопенгауэра, Ницше подвергаетъ соотвѣтствующей переработкѣ и его теорію красоты и искусства. Это самая интересная и оригинальная часть метафизики Ницше. Онъ отпроявляется отъ шопенгауэровскаго отличія музыки отъ другихъ искусствъ. У Шопенгауэра это отличіе не выдерживаетъ критики: вѣдь въ сущности всѣ искусства по его мнѣнію служатъ выразителями идей, какъ вѣчныхъ формъ объективациі воли; одно больше, другое меньше, смотря по тому, какую ступень объективациі воли данное искусство въ силахъ выразить въ зависимости отъ характера своего матеріала. Музыка, утверждаетъ Шопенгауэръ, выражаетъ самую волю въ ея сущности, какъ мірового субъекта, тогда какъ остальные искусства выражаютъ ее только на стадіи ея распадѣнія въ объективный рядъ космическихъ формъ, лежащій въ основѣ міра, какъ представленіе. Какъ въ музыкѣ, такъ и въ другихъ искусствахъ человѣкъ равно созерцаетъ явленіе, независимо отъ закона достаточнаго основанія, какъ чистый объектъ, и самъ въ моментъ этого созерцанія чувствуетъ

себя чистымъ субъектомъ познанія, свободнымъ отъ міра, съ которымъ онъ связанъ, какъ индивидуумъ, цѣпями вышеупомянутаго закона; а слѣдовательно свободнымъ и отъ мірового зла и страданій. Но вѣдь и музыка возможна только подъ условіемъ какихъ-либо представленій: оставимъ въ сторонѣ звуки, какъ таковыя несомнѣнно являющіеся рядомъ представленій во времени, а сопровождающая ихъ смѣна чувствованій, по психологіи Шопенгауэра представляющихъ состоянія воли, лежитъ же въ мірѣ какъ представленіе, и, хотя актомъ художественнаго созерцанія и оторвана отъ связи съ міромъ представленія въ цѣломъ, тѣмъ не менѣе, какъ рядъ чувствованій индивидуальнаго субъекта, подчинена закону времени и не можетъ быть выраженіемъ абсолютной воли въ ея бытіи въ себѣ. Остается послѣдняя кажущаяся разница: такъ какъ содержаніе музыки проходитъ въ формахъ чувствованій, т.-е. воли, слушателя, а наша воля есть то, въ чемъ единственно мы можемъ ближе познать характеръ самаго абсолюта, какъ воли, то въ музыкѣ слѣдовательно намъ дана преимущественно передъ другими искусствами возможность познанія воли. Но и это различіе только кажущееся: вѣдь и во всѣхъ другихъ искусствахъ познаніе воли необходимо проходитъ черезъ чувство зрителя, т.-е. опять-таки, по психологіи Шопенгауэра, его воли, и слѣдовательно никакой разницы по существу мы же имѣемъ, а только разницу въ степени, и музыка входитъ въ рядъ всѣхъ искусствъ, восходящій отъ архитектуры къ музыкѣ, причемъ это рядъ непрерывный, и даже количественнаго скачка отъ другихъ искусствъ къ музыкѣ усмотрѣть нельзя. Если бы все это было не такъ, какъ могъ бы человѣкъ, созерцая созданія искусства, говорить, по шопенгауэровскому выраженію: „Tat twam asi“— „это ты“! Все это разсужденіе въ прямомъ видѣ у Ницше не находится, и я принужденъ былъ построить его, какъ основаніе для той формы, какую получила теорія искусства Шопенгауэра у Ницше. Ницше вообще избѣгаетъ говорить о своемъ несогласіи съ Шопенгауэромъ; въ одномъ мѣстѣ

онъ прямо заявляетъ, что основалъ свою книгу на его учении, и критикуетъ его открыто только въ частностяхъ, на примѣръ, въ его теоріи лирики и его отношеніи къ трагедіи, о чемъ я скажу подробнѣе при изложеніи его сочиненія.

Отправляясь отъ сказанной критики теоріи искусства у Шопенгауэра, Ницше вводитъ новое дѣленіе въ искусство, воплощая это различіе въ образахъ Діониса и Аполлона. Діонисъ представитель музыки, но музыки не какъ реальной формы искусства, а какъ метафизическаго понятія, поэтому Ницше, говоря о реальной музыкѣ, различаетъ діонисіевскую музыку отъ музыки аполлоновской. Познаніе сущности міра даетъ только Діонисъ, Аполлонъ же, какъ „*princípium individuationis*“, такого познанія дать не можетъ*. Созерцаніе вселенной съ точки зрѣнія Аполлона избавляетъ насъ отъ индивидуальной воли, но не только не углубляетъ нашего взгляда на жизнь, а напротивъ дѣлаетъ его легкомысленно поверхностнымъ. Человѣкъ и народъ должны страдать и испытать все зло жизни, чтобы стать прекрасными. Аполлонъ врагъ человѣчества, жаждущаго познать абсолютное и слиться съ нимъ въ чувствѣ красоты. Казалось бы, выводъ отсюда простой: отвергнуть Аполлона съ его чарами. Но Аполлонъ нуженъ для другой цѣли. Человѣчество; спасенное искусствомъ отъ міра зла, можетъ, погружаясь въ созерцаніе абсолютнаго, исчезнуть въ немъ. Индивидуалистъ Ницше этого не желаетъ: онъ врагъ Нирваны. И вотъ Аполлону указывается роль служебная: удерживать и спасать отдѣльную личность отъ этой гибели. Пока онъ довольствуется этой ролью, человѣчество стоитъ на прямомъ пути; какъ только Аполлонъ побѣждаетъ и ца-

*у И Шопенгауэръ признавалъ, что, облекаясь въ форму матеріи, всякое произведеніе искусства неизбежно вступаетъ въ міръ явленій, дарство закона достаточнаго основанія, этого *princípium individuationis* (W. a. W. и V. I, 166, 286. ed. Griesebach.) Собственно, послѣдовательно исходя изъ метафизики Шопенгауэра, Ницше долженъ былъ бы признать, что безъ того или другого участія Аполлона, искусство прямо невозможно.

рять, наступает паденіе челоуѣчества; искусство теряетъ свой смыслъ и служитъ орудіемъ не воспитанія, а развращенія личности. Понятно, что при такомъ взглядѣ на искусство величайшимъ его произведеніемъ будетъ то явленіе, въ которомъ вліяніе Аполлона сведено на минимумъ; такимъ произведеніемъ представляется самъ художникъ въ минуту вдохновенія, когда его уже объялъ богъ своимъ восторгомъ, но онъ еще свободенъ отъ всего аполлоновскаго: не слышитъ звуковъ, не видитъ видѣній, даже не разбирается еще въ отдѣльныхъ своихъ чувствованіяхъ; тогда онъ весь музыка, воплощенный Діонисъ. Нѣтъ, больше того!—онъ тогда самъ богъ, самъ великій Діонисъ! Преклонитесь передъ нимъ люди, потрясай тирсами, бей въ кимвалы, челоуѣчество! Эванъ, Эвое челоуѣкобогу! Идти дальше въ обожествленіи личности некуда: Ницше перемѣнитъ и не разѣ свои точки зрѣнія; но типъ „сверхчелоуѣка“ готовъ въ его первой эстетико-мистической формѣ. Онъ уже и теперь стоитъ гордымъ противникомъ своей великой противоположности: Богочелоуѣка, смиреннаго, образъ раба пріявшаго, покорнаго, послушнаго, даже до смерти. Но Ницше или не созналъ еще этой противоположности, или не хочетъ говорить о ней. Имя Христа и слово христіанство отсутствуютъ въ его первой книгѣ, несмотря на то, что, какъ мы увидимъ дальше, его книга хочетъ дать картину всей исторіи культуры отъ временъ расцвѣта древней Греціи до нашихъ дней. И вотъ, развить и доказать эти мысли Ницше рѣшилъ въ своемъ историческомъ изслѣдованіи „Рожденіе трагедіи изъ духа музыки“ или „Греція и пессимизмъ“.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію содержанія этого изслѣдованія, я долженъ еще отдѣльно обратить особое вниманіе читателей на одно обстоятельство, стоящее въ тѣсной связи съ той чертой нравственнаго облика Ницше, на которую я только намекнулъ выше. Ницше самъ видитъ, что такое пониманіе искусства, какое онъ проповѣдуетъ, можетъ привести къ дикому оргіазму, иступленной чувственности, къ культу сладострастія въ искусствѣ. И онъ

сурово и рѣшительно предостерегаетъ отъ такого униженія и извращенія дѣла. Всякая чувственность въ искусствѣ, даже въ невинномъ видѣ сентиментальности, глубоко противны его натурѣ. Фридрихъ Ницше былъ дѣвственникъ и въ извѣстномъ смыслѣ аскетъ до могилы. Желаящіе знать факты, подтверждающіе это до несомнѣнности, могутъ обратиться къ его біографіи. Вотъ вторая и важная черта его этическихъ убѣжденій. Въ ней лежитъ ключъ къ тому повороту въ его душевной жизни, которымъ открывается второй періодъ его литературной дѣятельности. Остальное тогда довершило его отвращеніе отъ метафизики. Любопытно въ этотъ моментъ остановиться и попристальнѣе взглянуть на тотъ духовный образъ, который представляетъ Ницше въ первую эпоху его жизни. Онъ мистикъ самаго чистаго типа. Искусство для него таже религія: оно даетъ познаніе абсолюта, т.-е. божества; только имени Бога, какъ мы его понимаемъ, онъ не произноситъ. Его абсолютъ—творецъ-художникъ; деміургъ, только безъ задачи осуществленія добра въ твореніи; эстетическій логосъ. Познаніе истины дано частично въ созерцаніи и вполнѣ въ экстазѣ. И какъ Богъ для христіанскихъ мистиковъ могъ открываться въ мгновенія экстаза именно въ виду отсутствія въ экстатическомъ состояніи даже малѣйшихъ признаковъ конкретнаго видѣнія, несомнѣннаго съ природой божества, такъ и у Ницше человекъ-художникъ познаетъ абсолютъ лишь постольку, поскольку онъ весь музыка безъ звуковъ. Накоонецъ, та же опасность впасть въ чувственность (примѣры въ христіанской мистикѣ были), и отсюда та же неизбѣжность аскетизма. Польская кровь сказалась въ авторѣ. Сходство такъ близко, что сравненіе само напрашивается. И опять мнѣ начинается, какъ въ вопросѣ о дальнѣйшихъ его отношеніяхъ къ метафизикѣ, казаться, что Ницше сознаетъ это, и что, католикъ безъ Христа, онъ намѣренно уклоняется отъ объясненій о мѣстѣ и значеніи христіанства въ исторіи европейской культуры.

Перейдемъ теперъ къ изложенію книги Ницше. Какой стран-

ной ироніей судьбы представляется исторія юности этого человѣка. Будущій величайшій врагъ какъ абсолютнаго долга и состраданія въ морали, такъ и чувственности въ искусствѣ выступаетъ въ свѣтъ убѣжденнымъ и восторженнымъ ученикомъ самаго великаго проповѣдника абсолютнаго долга—Канта, самаго великаго учителя состраданія—Шопенгауэра и самаго чувственнаго изъ композиторовъ — Вагнера! Вся книга, удивительная по красотѣ изложенія, тонкости пониманія искусства и мѣткости отдѣльныхъ мыслей, представляетъ въ общемъ лишь блестящій, но не выдерживающій критики, историческій парадоксъ.

Вся историческая картина, написанная Ницше, есть только одно большое доказательство на примѣрѣ изъ исторіи справедливости того метафизическаго построенія красоты, искусства и смысла жизни, которое я изложилъ выше. Какъ примѣръ, онъ выбралъ исторію происхожденія греческой трагедіи, а затѣмъ, въ связи съ этимъ, и всей послѣдующей европейской культуры.

Документальныхъ доказательствъ справедливости своихъ историческихъ обобщеній Ницше почти нигдѣ не приводитъ и фактической стороною исторіи не стѣсняется. Ученикъ Шопенгауэра, да, пожалуй, въ данномъ случаѣ и самаго Канта, онъ питаетъ къ исторіи, какъ наукѣ о прошломъ, нѣкоторое презрѣніе и смотритъ на нее, въ лучшемъ случаѣ, какъ на собраніе примѣровъ для иллюстраціи философскихъ истинъ, добытыхъ умозрительнымъ путемъ. Въ связи съ этимъ, онъ не вѣритъ въ возможность историческаго пониманія явленій и личностей; развѣ что счастливый случай сведетъ насъ лицомъ къ лицу съ человѣкомъ, воплощающимъ въ себѣ, какъ въ живомъ образѣ, какое-либо стародавнее явленіе изъ жизни человѣчества. Съ нимъ съ самимъ такой счастливый случай былъ: въ лицѣ Рихарда Вагнера онъ встрѣтился съ воскресшимъ и вновь воплотившимся величайшимъ въ своемъ родѣ и единственнымъ въ исторіи міра поэтомъ-трагикомъ Эсхиломъ. „Вагнеръ открылъ мнѣ Грецію,—говоритъ онъ,—а Греція мнѣ объ-

яснила Вагнера“. Ему и посвящает онъ восторженно и благоговѣйно, свою книгу. Вагнеръ принялъ это посвященіе съ благодарностью. Онъ увидаль въ молодомъ ученомъ покорнаго слугу своей музыкальной славы: а будущаго опаснаго и сильнаго врага онъ не угадалъ. Увлеченіе Вагнеромъ безусловно было ошибкой со стороны Ницше. Психологическія ея причины намъ уже знакомы. Повторилось то же, что было и съ Шопенгауэромъ. Разъ Ницше видѣлъ въ комъ-либо симпатичную ему черту, онъ дальше не разбиралъ и начиналъ благоговѣть. Но зато какимъ глубокимъ разочарованіемъ, какою „горечью обманутыхъ надеждъ“ зазвучитъ черезъ четыре года его рѣчь, когда ему придется опять говорить о томъ же Вагнерѣ.

На заглавномъ листѣ книги стоитъ „Рожденіе трагедіи изъ духа музыки“. Второе заглавіе: „Греція и пессимизмъ“, или вѣрнѣе: „Духъ греческаго народа и пессимизмъ“, прибавлено уже въ послѣдующихъ изданіяхъ и, пожалуй, точнѣе выражаетъ направленіе работы. Подъ заглавіемъ изображенъ Прометей на своей скалѣ, разорвавшій оковы и попирающій ногой коршуна Зевеса. Этому рисунку авторъ очевидно придаетъ символическій смыслъ, ибо, при дальнѣйшихъ перепечаткахъ съ новымъ предисловіемъ, воспроизводитъ этотъ заглавный листъ въ срединѣ текста. Смыслъ этотъ станетъ и намъ скоро понятенъ. Въ предисловіи, обращенномъ къ Вагнеру, онъ предупреждаетъ, что признаетъ за своимъ трудомъ глубокое значеніе. „Да вѣдь это только разрѣшеніе какого-то спорнаго эстетическаго вопроса, скажутъ „серьезные люди!“ Этимъ „серьезнымъ“ я скажу,—говорить Ницше,—что считаю искусство высшей задачей жизни и метафизической дѣятельностью „по существу“. Цѣль автора, кромѣ всего, еще и національно-нѣмецкая, патриотическая: онъ еще не питаетъ глубокаго презрѣнія къ мысли о службѣ своему родному народу.

Продолжаю изложеніе мыслей Ницше.

Два великихъ понятія лежатъ, или по крайней мѣрѣ должны бы лежать, въ основѣ всякой научной эстетики: апол-

лоновское и діонисіевское. Но мало постигнуть это логически, путемъ умозрѣній; намъ должна придти на помощь непосредственная убѣдительность созерцанія. Только имена здѣсь греческія, содержаніе же ихъ вѣчно. Вотъ что какъ бы говоритъ Ницше всякому читателю его книги: „Это великіе символы двухъ отъ вѣка враждующихъ силъ; выслушайте же теперь исторію типичнѣйшаго случая ихъ раздора и борьбы, высшаго примиренія и единенія въ трагедіи, затѣмъ паденія одного изъ нихъ, побѣды другого, и плачевную повѣсть о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя на многіе вѣка навлекла эта побѣда на человѣчество. И пусть этотъ рассказъ будетъ вамъ грознымъ урокомъ для настоящаго. А когда вы меня поймете, я покажу вамъ лучъ великой надежды въ нѣмецкомъ народѣ!“

Кто не знаетъ двухъ состояній человѣка, когда онъ не помнитъ себя, находится, какъ говорятъ, внѣ себя: сна и хмѣля? Всѣ мы видали сны; но знаемъ ли мы, что и свѣтлые образы боговъ, картины и статуи великихъ мастеровъ, созданія поэтовъ—тѣ же свѣтлые и легкіе сны? Да вѣдь и весь этотъ міръ для созерцателя-философа такой же сонъ—покровъ Майи, наброшенный на голову грезящаго. Во снѣ нѣтъ ничего лишняго, или безразличнаго: все понятно и необходимо; и тѣмъ не менѣе мы чувствуемъ, что это только сонъ. Однако все это лишь подъ условіемъ, чтобы сонъ не былъ слишкомъ реаленъ, патологиченъ; тогда онъ не греза, а мученіе; въ грезѣ же и горе, и страданіе легки и какъ-то радостны. Сны бываютъ и пророческіе. Аполлонъ—лучезарный богъ сна, богъ пророчества и пластическихъ искусствъ, богъ поэзіи и чистой красоты. Иное дѣло—хмѣль. Во снѣ человѣкъ оторванъ отъ дѣйствительной жизни, но не оторванъ отъ себя—отъ своей индивидуальности. Онъ живетъ во снѣ жизнью міра явленій, міра какъ представленье: вѣдь Аполлонъ по Ницше „*principium individuationis*“. Въ этомъ мірѣ грезы есть, конечно, нѣчто отличающее его отъ реальной жизни—это отсутствіе реальной тягости бытія, міровыхъ страданій и зла. Въ этомъ смыслѣ

человѣкъ во снѣ какъ бы полуиндивидуумъ; но это никакъ не абсолютное достоинство въ немъ; онъ скорѣе испорченный индивидуумъ, форма безъ содержанія, тѣло безъ духа, съ одной формальной душой, *тѣло* безъ *духу*, если вы мнѣ позволите воспользоваться для иллюстраціи мыслей Ницше этой древней терминологіей. Во хмѣлю человѣкъ вполнѣ внѣ себя; онъ теряетъ свою индивидуальность. Отсюда тотъ глубокой страхъ, который его охватываетъ при сознаніи погруженія въ безконечное, но отсюда и безграничный восторгъ этого погруженія; онъ богъ, онъ Діонисъ. Вспомните слова о хмѣльномъ напитокѣ во всѣхъ гимнахъ первобытныхъ народовъ, восторгъ наступающей весны и всю исторію великихъ оргій отъ вавилонскихъ сакѣевъ до вакхическихъ хоровъ Греціи и средневѣковыхъ плясокъ св. Іоанна и св. Витта. Діонисъ — богъ восторга и мистическаго созерцанія истины, богъ единого великаго искусства музыки.

И вотъ разсужденіе Ницше переходитъ на этомъ мѣстѣ его изслѣдованія въ гимнъ Діонису. Такъ какъ по самому характеру и объему моей работы я принужденъ вездѣ самостоятельно излагать мысли Ницше лишь отчасти пользуясь подлинными его словами, то позвольте мнѣ привести этотъ гимнъ дословно, какъ образецъ стиля всей книги *).

„Подъ чарами Діониса не только вновь смыкается

---

*) Какъ читатели могутъ наслаждаться и даже увлекаться стилемъ и взглядами Ницше по русскимъ переводамъ его сочиненій, это для меня прямо загадка. Существуетъ переводъ „Geburt der Tragödie“ Н. Н. Полилова. Онъ счастливо отличается отъ большинства другихъ русскихъ переводовъ сочиненій Ницше тѣмъ, что въ немъ нѣтъ прямыхъ безграмотностей и абсолютной бессмыслицы. Но тѣмъ не менѣе переводчикъ, по совершенно непонятнымъ для меня причинамъ, то и дѣло отступаетъ отъ точнаго смысла и словъ подлинника. Мѣстами онъ переводитъ совсѣмъ наоборотъ противъ смысла, напр., „friedfertig nahen die Raubtiere der Felsen und der Wüste“ переведено „дикіе звѣри добровольно удаляются въ лѣса и пустыни“. Иногда ошибки бываютъ прямо невѣроятны, такъ фраза по поводу кровосмѣшенія Эдипа „Es giebt einen uralten, besonders persischen Volksglauben, das ein weiser Magier nur aus Incest geboren werden könne“ переведена: „Есть старое главнымъ образомъ персидское народное повѣрье, что мудрый магъ могъ бы родиться толь-

союзъ человѣка съ человѣкомъ: сама отчужденная враждебная или поработанная природа снова празднуетъ праздникъ примиренія со своимъ блуднымъ сыномъ—человѣкомъ. Добровольно предлагаетъ земля свои дары, и мирно приближаются хищные звѣри скаль и пустыни. Цвѣтами и вѣнками усыпана колесница Діониса: подъ ярмомъ его шествуютъ пантера и тигръ. Превратите ликующую пѣсню „Къ Радости“ Бетговена въ картину и, если у васъ достанетъ силы воображенія, чтобы увидать миллионы, трепетно склоняющіеся во прахъ, то вы можете подойти къ діонисіевскому. Теперь рабъ свободный человѣкъ, теперь разбиты всѣ неподвижныя и враждебныя границы, установленныя между людьми нуждой, произволомъ и „дерзкой молодой“. Теперь, при благой вѣсти гармоніи міровъ, каждый чувствуетъ себя не только соединеннымъ, примиреннымъ, слитымъ со своимъ ближнимъ, но единымъ съ нимъ, какъ будто разорвано покрывало Майи, и только въ клочкахъ еще развѣвается оно передъ таинственнымъ Первоединымъ. Въ пѣніи и пляскѣ являетъ себя человѣкъ сочленомъ болѣе высокой общины: онъ разучился ходить и говорить и готовъ, танцуя, взлетѣть на воздухъ. Изъ его тѣлодвиженій говорить очарованіе. Какъ теперь заговорили звѣри, и земля течетъ млекомъ и медомъ, такъ и изъ него звучитъ нѣчто сверхприродное: онъ чувствуетъ себя богомъ, онъ самъ шествуетъ теперь восторженный и возвышенный: такими онъ видалъ во снѣ шествовавшихъ боговъ. Человѣкъ уже больше не художникъ: онъ сталъ самъ художественнымъ произведеніемъ; художественная мощь цѣлой природы открывается здѣсь, въ трепетномъ ужасѣ хмѣля, для высшаго, блаженнаго самоудовлетворенія Первоедиаго. Благороднѣйшая глина, драгоцѣннѣйшій мраморъ—человѣкъ здѣсь лѣпится и рубится, и, вмѣстѣ съ ударами рѣзца діонисіев-

---

ко отъ *настькомаго*“. Переводчикъ очевидно принялъ слово „Incest“ за „Insect“ и ни мало не смутился отъ получившагося умопомрачающаго смысла. А это еще пожалуй лучшій переводъ; въ другихъ иногда до грамматическаго смысла предложеній не доберешься.

скаго міроздателя, звучить элевзинскій мистическій зовъ: „вы повергаетесь ниць, миллионы? Міръ, чуешь ли ты своего Творца?“

До сихъ поръ Ницше изслѣдовалъ діонисіевское и аполлоновское начала во всякомъ отдѣльномъ человѣкѣ; перейдемъ теперь вмѣстѣ съ нимъ къ ихъ воплощенію въ художникѣ вообще, и въ греческомъ художникѣ въ частности. Ницше дѣлитъ художниковъ на три типа: 1) на аполлоновскихъ художниковъ сна—чистыхъ пластиковъ; 2) на діонисіевскихъ художниковъ хмѣля—чистыхъ музыкантовъ-лириковъ, и 3) на художниковъ сна и хмѣля вмѣстѣ. Эти послѣдніе представляютъ высшій типъ—это трагики вообще, и въ частности греческіе трагики. Трагикъ „какъ бы заснулъ въ діонисіевскомъ опьянѣніи и мистическомъ самоотчужденіи одиноко и въ сторонѣ отъ восторженныхъ хоровъ, и вотъ, ему теперь открылось въ символическомъ видѣніи сна его собственное состояніе, т.-е. его единство съ внутренней основой міра“. Объясненіе происхожденія трагедіи дано: она родилась изъ духа музыки.

Вступимъ теперь на историческую почву. Древній востокъ—царство необузданнаго Діониса, міръ либо дикихъ оргій, либо безличнаго погруженія во Всеединое въ религіозномъ аскетизмѣ. Такой міръ не можетъ дать дѣйствительнаго искусства, какъ его понимаетъ Ницше. Другое дѣло Греція: въ ея народѣ—избранномъ народѣ бога Діониса глубина восточнаго чувства сочеталась съ мѣрой и формой, свойственными западу. Вотъ почему, въ короткій мигъ своего расцвѣта, она создастъ въ лицѣ Эсхила величайшій въ исторіи человѣчества типъ художника. А расцвѣтъ этотъ занимаетъ, по историческому взгляду Ницше, приблизительно одну лишь эпоху греко-персидскихъ войнъ. До этой эпохи подготовленіе, за ней паденіе.

Посмотримъ на періодъ подготовленія. Историческіе корни Греціи лежатъ въ томъ же оргіастическомъ и аскетическомъ востокѣ. Востокъ по существу пессимистъ; пессимистъ въ своей глубочайшей сущности и грекъ. Но, прежде

чѣмъ вступить на путь великаго творчества и воплотить въ своей трагедіи вѣчную идею пессимизма во всей ея глубинѣ, грекъ долженъ былъ окрѣпнуть и собраться съ силами. А для этого онъ нуждался во временномъ утѣшеніи и поддержкѣ. Эту поддержку и утѣшеніе дала ему охрана Аполлона, во образѣ греческой религіи, дорическаго государства и дорическаго искусства; грекамъ эта помощь далась легче, чѣмъ другимъ народамъ; ихъ сны были ярче нашихъ: экстазъ варвара—грубъ, грека—метафизиченъ. Покорить себѣ экстазъ грека Аполлону было сравнительно легко. И вотъ сначала онъ создаетъ для этой цѣли міръ боговъ. Аполлонъ въ нѣкоторомъ смыслѣ отецъ этихъ боговъ, безмятежныхъ, лишенныхъ духовности, аскетизма и сознанія долга; природа ихъ—чистая чувственность. А Аполлону было съ чѣмъ побороться: греки были чуткій, а слѣдовательно въ высшей степени расположенный къ страданію народъ. Вспомните, что за міромъ ихъ боговъ лежатъ темныя сказанія о Титанахъ, о неумолимой мойрѣ, о прикованномъ Прометѣѣ и о великомъ грѣшникѣ Эдипѣ. И что сказалъ мудрый Силенъ царю Мидасу, когда тотъ, поймавъ бога, дерзко спросилъ его, что самое лучшее и наивыгоднѣйшее для челоуѣка? „Упорно и неподвижно молчалъ демонъ, пока, вынужденный царемъ, онъ не разразился дикимъ смѣхомъ, сказавъ: злополучный однодневный родъ, дѣти случая и нужды, зачѣмъ ты принуждаешь меня сказать тебѣ то, чего полезнѣе тебѣ не слышать? Самое лучшее для тебя вполне недоступно: не родиться, не быть, быть ничѣмъ. А второе по своему достоинству для тебя—скоро умереть“.

Дорическое искусство служить той-же цѣли, какъ и міръ боговъ. Наивность старика Гомера не есть нѣчто простое—это побѣда, а слѣдствіе этой побѣды та частичная и временная жизнерадостность, которую до сихъ поръ поверхностные историки считаютъ опредѣляющей особенностью греческаго духа. Гомеръ типъ художниковъ сна; его творчество отраженіе міра, какъ представленіе, тѣнь тѣни, *potinīs umbra*. сонъ во снѣ *σῆλας ὄναρ*, видѣніе въ видѣніи, по-

добно образамъ преображеннаго Христа; Моисея и Ильи на рафаэлевской грѣзѣ, на его картинѣ Преображенія. Дорическое государство — охрана Аполлона: его законы—законы бога: „познай самого себя“ и „держи мѣру во всемъ“; не даромъ эти слова написаны были золотомъ на стѣнахъ храма сребролукаго. Преступившіе эти законы обречены на гибель—то Прометей и Эдипъ; теперь и намъ начинается становиться яснѣ тайна ихъ трагической вины, страшная тайна древнихъ мистерій. „Аполлоновское сознание покрыло собой, какъ покровомъ, міръ Діониса“, и стрѣлы грознаго бога поражаютъ дерзкаго, который осмѣлится поднять хоть край этого покрова. Потому-то дорическій грекъ и относится съ такимъ священнымъ ужасомъ къ звукамъ діонисіевской музыки. Но все же въ глубинѣ народнаго духа живетъ тоска по утраченной, хотя и горькой, правдѣ плющемъ вѣнчаннаго бога; и эта тоска звучитъ въ восторженныхъ, вакхическихъ дифирамбахъ. Изъ нихъ вырастетъ трагедія *).

Но прежде чѣмъ изложить ея исторію, мы должны еще познакомиться съ типичнымъ представителемъ художниковъ хмѣля—чистыхъ лириковъ. Это—Архилохъ. Какъ Гомеръ былъ чистымъ художникомъ сна, любимымъ сыномъ Аполлона, такъ Архилохъ—чистый художникъ хмѣля, любимый сынъ Діониса. Теорія лирики одно изъ открытій Ницше; онъ съ гордостью замѣчаетъ, что Шопенгауэръ не могъ справиться съ этимъ вопросомъ: ему мѣшала неправильная постановка всей теоріи искусства. Только съ его—Ницше—точки зрѣнія, лирическая поэзія получаетъ удовлетворительное объясненіе.

---

*) Во избѣжаніе недоразумѣній необходимо замѣтить, что Гомера и его время Ницше, конечно, къ дорической эпохѣ не относятъ. Собственно у него пять періодовъ развитія эллинскаго міросозерцанія: первый—доисторическій—эпоха темнаго Діониса; второй—эпоха Гомера—первое явленіе Аполлона; третій—появленіе вновь діонисіевскихъ началъ: легенды—Мидась и Силень, Прометей, Эдипъ и т. д.; четвертый—дорическое государство и искусство—охрана Аполлона и пятый—эпоха расцвѣта и великой трагедіи.

Для Шопенгауэра, первое и главное положеніе эстетики котораго гласить: „художникъ созерцаетъ прекрасное не какъ индивидуумъ; искусство по существу не субъективно“, лирикъ такъ и долженъ былъ остаться загадкой. Дѣло вотъ въ чемъ. И Шопенгауэръ, и Ницше оба ученики Канта и вмѣстѣ съ нимъ отрицаютъ всякій эстетическій характеръ за индивидуально субъективными чертами человѣческаго чувства, мысли или творчества. Но въ противность Канту они признаютъ за прекраснымъ объективное значеніе выраженія въ формахъ міра явленій содержанія трансцендентныхъ идей, т-е., по ихъ метафизической терминологіи, ступеней объективации абсолютной воли. Кантъ, какъ извѣстно, такое значеніе прекраснаго отрицалъ и видѣлъ въ немъ не реальное космическое явленіе, а лишь трансцендентальную форму нашей способности сужденія, правда обладающую, какъ таковая, признаками всеобщности и необходимости. Спрашивается, какимъ образомъ лирика—это выраженіе субъективныхъ, интимно-личныхъ настроеній поэта—можетъ быть при подобномъ условіи произведеніемъ искусства, явленіемъ изъ области прекраснаго? На этотъ вопросъ Ницше отвѣчаетъ своей теоріей. Лирикъ во-первыхъ и главнымъ образомъ музыкантъ. Поэтому всѣ его настроенія и чувства выражаютъ безсознательно постигаемый имъ смыслъ и сущность міровой жизни; они являются въ немъ въ формахъ музыкальной мысли, хотя бы и не облеченной въ реальные звуки. Поэтому эти настроенія и не имѣютъ индивидуальнаго характера. Но для выраженія ихъ, для закрѣпленія ихъ, такъ сказать, въ реальномъ явленіи, онъ нуждается въ символѣ и беретъ символомъ самого себя. Говоря словами Гёте, „то, что колеблется въ зыбкомъ явленіи, онъ закрѣпляетъ устойчивыми мыслями“. Архилохъ видитъ и описываетъ въ видѣннн Архилоха. Музыкальное настроеніе разряжается (*effulguriert*) въ рядѣ образовъ и понятій—лирическихъ стихотвореній, являющихся какъ бы словесными фигураціями на музыкальную тему. „Когда Архилохъ, — пишетъ Ницше, — первый лирикъ гре-

ковъ, высказываетъ дочерямъ Ликамба свою безумствующую любовь и вмѣстѣ съ тѣмъ свое презрѣніе, то это не его страсть пляшетъ передъ нами въ оргіастическомъ похмѣльѣ: мы видимъ Діониса и менадъ; мы видимъ опьяненнаго мечтателя Архилоха; онъ упалъ, охваченный сномъ, какъ его описываетъ намъ Эврипидъ въ „Вакханкахъ“ сномъ на высокой горной луговинѣ, подъ полуденнымъ солнцемъ—и вотъ подступаетъ къ нему Аполлонъ и прикасается къ нему лавромъ. Тогда діонисіевско-музыкальное очарованіе спящаго мечетъ вокругъ себя какъ бы искры образовъ, лирическіе стихи, которые въ своемъ высшемъ развитіи называются трагедіями и драматическими дифирамбами“. Загадка лирики разрѣшена. Въ ней и въ народной пѣснѣ хранятся отгѣсненные аполлоновскимъ эпосомъ отголоски древняго владычества Діониса. Здѣсь ожидаешь, что Ницше признаетъ музыку діонисіевскаго характера за высшее проявленіе искусства, за ближайшее познаніе абсолюта, а за Аполлономъ утвердитъ навѣки его служебное значеніе отчасти временнаго утѣшителя и воспитателя юности народа, отчасти творца потребныхъ для выраженія музыкальнаго настроенія формъ. Но мы забыли что Ницше вагнеріанецъ: высшій родъ искусства для него не чистая музыка, а опера типа „Нибелунговъ“, которая представляется ему какъ бы современнымъ видомъ греческой трагедіи временъ Эсхила. Тайна космической жизни—тайна сложная, и полное раскрытіе ея мыслимо только въ величественной формѣ, рожденной изъ духа музыки, трагедіи.

Зачаточная форма исторической греческой трагедіи—это хоръ сатировъ, корибантовъ, шумныхъ спутниковъ Діониса. Такой смыслъ останется за нимъ во все время расцвѣта эллинской драмы, и только съ началомъ ея паденія это значеніе потеряется и исказится. Поэтому Ницше отрицаетъ объясненія хора, данныя Шлегелемъ, Шиллеромъ и Шопенгауэромъ: видѣтъ въ хорѣ моральное начало, мысль, рефлектирующую надъ дѣйствіемъ—грубая эстетическая ошиб-

ка. Пока хоръ сатировъ пѣлъ свои дифирамбы и былъ самъ себя видѣнъ, онъ ничѣмъ не отличался отъ лирика, какъ я описалъ его выше; но вотъ очарованному хору явилось видѣніе бога Діониса, и тѣмъ созданъ актеръ. Онъ надѣнетъ ту или другую маску, явится въ двухъ, затѣмъ трехъ лицахъ; но это будетъ все тотъ же Діонисъ, и содержаніе трагедіи будетъ всегда его исторіей, или, лучше сказать, рядомъ событій и эпизодовъ этой вѣчной исторіи. Матеріаль для трагедіи давно налицо: онъ данъ въ стародавнихъ мѣахъ до - аполлоновскаго времени: Прометей, Орестъ, Эдипъ. „Это, — говоритъ Ницше, — трагическіе мѣаы о діонисіевскихъ познаніяхъ“. Въ нихъ отвѣтъ на вопросъ о смыслѣ жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ на вопросъ о вѣчномъ содержаніи всякаго трагическаго искусства. Задача міроздателя тождественна съ задачей всякаго великаго творческаго генія: прекрасное есть цѣль и единственная цѣль: даже цѣной вѣчныхъ мукъ не дорого заплатить за достиженіе этой цѣли, и гордый творецъ-художникъ не проронитъ слезы, не дастъ вырваться стону изъ могучей груди, когда въ цѣпяхъ на скалахъ Кавказа его будетъ терзать злой коршунъ Зевеса. Онъ позналъ тайну — онъ выше своего гонителя. Не подходи къ сфинксу; слабый челоуѣкъ — онъ растерзаетъ тебя. Но если ты могучъ и мудръ, если ты разгадаешь загадку и низвергнешъ сфинкса въ его бездну, то знай впередъ, какую грозу соберетъ твоя дерзость надъ твоей головою, надъ головою нарушителя аполлоновскихъ законовъ. Отцеубійца, кровосмѣситель, виновникъ смерти матери, ты нигдѣ не найдешь покоя отъ изсушающаго кровя бича Эрриній. Мудрость и знаніе истины можно купить лишь цѣной нарушенія всѣхъ законовъ божескихъ и челоуѣческихъ. Не даромъ гласитъ древнее персидское сказаніе, что магъ и пророкъ всегда дитя кровосмѣшенія.

Бѣдный въ своемъ величіи, несчастный, вѣчно гонимый родъ Лабдакидовъ!

Здѣсь опять Ницше какъ-бы говоритъ читателю: пойми это, сильный! „Все существующее и справедливо и не-

справедливо и въ томъ и другомъ случаѣ равно право“, посмотри на изображеніе, украшающее мою книгу: какъ Прометей, разорви свои цѣпи, наступи на голову подлаго раба Зевесова, стань выше міра и боговъ.

Итакъ, истина открыта передъ нами, богъ найденъ. *Εὐρήκαμεν, συνήκαμεν!*“ Меня удивляетъ, что самъ Ницше не вспомнилъ этого радостнаго крика, такъ часто раздававшася въ таинствѣ античныхъ мистерій. „Мы нашли его, радуемся“! А есть ли чему радоваться? На это дасть отвѣтъ конецъ нашей статьи. А пока намъ осталось еще рассказать грустную повѣсть вѣковаго паденія лишь на короткій мигъ прозрѣвшаго человѣчества.

Даже безусловные поклонники Ницше, издатели его сочиненій, согласны съ тѣмъ, что эта часть его труда значительно слабѣе первой его половины, что „заключительныя части книги производятъ впечатлѣніе чего-то приклееннаго къ великимъ эллинскимъ предпосылкамъ“ Они слагаютъ всю вину за это на вліяніе Вагнера. Это въ значительной мѣрѣ справедливо, но нуждается въ оговоркѣ. Поверхностность и стремительность выводовъ, какъ бы спѣшащихъ поскорѣй дойти до Вагнера, очень замѣтны. Но сами выводы, несмотря на это, строго слѣдуютъ изъ начальныхъ положеній изслѣдованія, и я не понимаю, какъ можно было бы, признавъ справедливость этихъ послѣднихъ, отвергнуть существо первыхъ.

Паденіе наступило необыкновенно быстро: въ теченіе почти одного поколѣнія. Эсхила и его школу смѣнилъ Софокль. Онъ стоитъ какъ бы на рубежѣ двухъ эпохъ культуры. Въ его драмахъ еще живетъ великое діонисіевское начало, сочувствіе трагика на сторонѣ грѣшницы Антигоны и стараго Эдипа; но паеосъ хора какъ-то мельче, число актеровъ прибавилось, діалогъ уже стремится занять первенствующее мѣсто, типы дѣйствующихъ лицъ индивидуализируются, пріобрѣтаютъ нѣкоторую житейскую характерность. А характерность врагъ истинной трагедіи, „въ каждой ея чертѣ, въ каждой линіи должно быть что-то не-

своемъ примое, какая-то обманчивая опредѣленность и въ то же время загадочная полнота, даже безконечность, задняго плана". Это чуждъ художественной душой и Эврипидъ, но умъ говорилъ ему другое; отсюда постоянный раздоръ въ его натурѣ, кончавшійся побѣдой ума. Имъ уже не владѣлъ Діонисъ; новый и губительный демонъ вселился въ Эврипида: то былъ Сократъ, самый выдающійся и талантливый изъ софистовъ.

Сократа Ницше прямо не выносить, другого выраженія я не подберу; онъ для Ницше представитель всей аполлоновской культуры, ея отецъ и глава; но справедливость заставляетъ Ницше признать, что въ предѣлахъ своей сферы это совершенный типъ, и, поскольку его вѣра въ силу нашего разума придала ему безстрашіе передъ смертью, умирающій за смыслъ этой жизни Сократъ—явленіе величавое. Великій „любимецъ музъ и грацій“—Аристофанъ зналъ, что дѣлалъ, когда осмѣялъ Сократа и его клевету Эврипида. Сократъ испортилъ Эврипида; въ легенду о ихъ дружбѣ Ницше, кажется, вѣрить твердо. Философъ убѣдилъ трагика въ силѣ человѣческой мысли, въ побѣдной силѣ разума. А ученики Сократа убѣдили въ томъ же все человѣчество. Болѣе чѣмъ на двѣ тысячи лѣтъ воцарился Аполлонъ. Богъ оцѣнилъ заслугу мыслителя и устами своего оракула назвалъ его „мудрѣйшимъ изъ смертныхъ“. Наболѣе проникательные люди того времени, повидимому, чуяли бѣду и поспѣшили подвести Сократа подъ смертный приговоръ. Но было уже поздно—за нимъ стоялъ Платонъ, а черезъ пятнадцать лѣтъ послѣ смерти главнаго развратителя родился Аристотель. У Платона еще видно сознаніе того, что въ аполлоновскомъ толкованіи міра что-то неладно: недаромъ между міромъ дѣйствительности и міромъ идей у него такая пропасть. Но рѣшеніе вопроса и у него чисто аполлоновское: вѣдъ поэты, конечно поэты только діонисіевскаго типа, будутъ, хотя и съ почетомъ, но выведены за предѣлы идеальнаго государства. Александрійская культура, опираясь на Аристотеля, закончить и разработаетъ въ деталяхъ это

міровоззрѣніе, и станетъ господствующей въ исторіи человѣчества вплоть до конца XVIII вѣка нашей эры; а въ сознаніи большинства она живетъ и до нашихъ дней. Вся докантовская философія новаго времени, вообще вся культура со временъ ренессанса, только подновленная и возрожденная Александрія. О среднихъ вѣкахъ Ницше не говоритъ ничего, ограничиваясь замѣчаніемъ, что „это время было длиннымъ, трудно описуемымъ антрактомъ“. Мнѣ кажется, что это выраженіе съ его стороны слишкомъ осторожно: описать средніе вѣка, при условіи оставленія въ сторонѣ и прохожденія полнымъ молчаніемъ такого, во всякомъ случаѣ, довольно примѣчательнаго историческаго явленія, какъ христіанство,—задача не только „трудная“, но прямо неразрѣшимая. Очевидно, что отъ подобныхъ явленій даже самымъ геніальнымъ парадоксомъ не отдѣлаешься.

Относясь ко всей европейской культурѣ отъ Сократа до Канта явно отрицательно, Ницше не входитъ въ детальную оцѣнку тѣхъ или другихъ ея явленій въ областяхъ поэзіи, науки или искусствъ. Исключеніе составляетъ исторія развитія оперы: это ему нужно для перехода къ Вагнеру. Но изъ отдѣльныхъ намековъ, разбросанныхъ по его книгѣ, и кое-какихъ матеріаловъ, относящихся ко времени ея написанія, можно составить себѣ нѣкоторое представленіе и объ этой сторонѣ его взглядовъ. Впервыхъ, надо замѣтить, что Ницше отлично понимаетъ невозможность полнаго исчезновенія на многіе вѣка діонисіевскаго элемента изъ жизни человѣчества. Разъ этотъ элементъ лежитъ въ основѣ всего бытія, онъ несокрушимъ и можетъ быть лишь затемненъ или задавленъ на поверхности культуры; въ глубинѣ же человѣческаго духа онъ долженъ жить, и будетъ жить. Сознаніе этой истины Ницше олицетворяетъ въ терминѣ „музицирующій Сократъ“—„der musiktreibende Sokrates“. Это, по мнѣнію Ницше, сознавалъ даже Эврипидъ, когда передъ смертю написалъ „Вакханокъ“, критику на самого себя; но было уже поздно: „за то, что ты покинулъ Діониса, тебя покинулъ и Аполлонъ“, говоритъ ему Ницше. Не со-

всѣмъ понимаю, на что обидѣлся Аполлонъ: вѣдь не покинулъ же онъ Гомера или Фидія, а въ тѣхъ Діониса не было и слѣда. А какая-то вина за Эврипидомъ была: конецъ Эврипида окруженъ трагически-таинственными легендами. О Платонѣ, въ этомъ отношеніи, я уже говорилъ; все его мышленіе носитъ характеръ чего-то трагически-противорѣчиваго: вѣдь великую дилемму двухъ міровъ онъ понималъ, какъ никто. Затѣмъ, когда культура окончательно свернула на путь александрійскаго рационализма, тайна Діониса жила въ древнихъ мистеріяхъ, и отголосокъ ихъ не могъ не проникнуть въ послѣдующіе вѣка. Если бы Ницше по особымъ причинамъ не уклонялся отъ ближайшаго разсмотрѣнія среднихъ вѣковъ, онъ нашелъ бы тамъ многое для подтвержденія своихъ мыслей. О толпахъ бѣснующихся и пляскахъ св. Іоанна и св. Витта онъ самъ упоминаетъ въ теоретической части своего сочиненія. То же можно сказать и о мистикахъ средневѣковыхъ; и особенно позднѣйшихъ, временъ ренессанса.

Наконецъ, и въ поэзіи и искусствѣ новаго времени замѣтны нѣкоторые слѣды утраченнаго познанія истины. Говоря о греческой трагедіи, Ницше попутно приводитъ Гамлета, какъ примѣръ діонисіевскаго человѣка, увидавшаго на мгновенье сущность вещей, познавшаго истину и относящагося съ тѣхъ поръ съ отвращеніемъ даже къ одной мысли о возможности дѣйствовать въ этомъ мірѣ. Обычныя толкованія этой трагедіи онъ тутъ же называетъ „дешевой мудростью“. Въ другомъ мѣстѣ онъ сближаетъ Шекспира съ Софокломъ: Шекспиръ тоже представляетъ изъ себя нѣчто промежуточное, и въ немъ есть „музицирующий Сократъ“. Достоинства Шиллера и Гете Ницше признаетъ: Гете—музыкальный лирикъ, и поэтому имъ написаны единственныя вполне драматическія сцены въ нѣмецкой литературѣ; въ Шиллерѣ, пожалуй, еще больше музыкальнаго стремленія, но его языкъ и образы не достигаютъ соотвѣтственной высоты.

Вообще, діонисіевское начало сохранилось въ значи-

тельной мѣрѣ лишь у германскаго племени; у романцевъ (Ницше говоритъ о французахъ) культура въ ея губительной аполлоновско-александрійской формѣ прошла въ глубь національной жизни и заразила самые источники народнаго духа. Оно и понятно: вѣдь это народъ Вольтера, рационалиста изъ рационалистовъ; а въ классической драмѣ всѣ ихъ поэты—ученики Эврипида. Германца эта культура затронула лишь поверхностно; это доказало въ особенности движеніе реформации. Взглядъ Ницше на это движеніе такъ страненъ и неожиданъ, что не могу не привести по этому вопросу подлинныхъ его словъ. „Въ хоралѣ нѣмецкой реформации впервые прозвучалъ мотивъ будущаго нѣмецкой музыки. Этотъ хоралъ Лютера звучалъ такъ глубоко, мужественно и душевно, онъ звучалъ такой безмѣрной добротой и нѣжностью, словно первый манящій зовъ Діониса, вырывающійся изъ густой поросли кустовъ съ приближеніемъ весны. Въ отвѣтъ ему наперерывъ зазвучали отголоски того благоговѣнно-дерзкаго шестія діонисіевскихъ мечтателей, которому мы обязаны нѣмецкой музыкой; и которому мы будемъ обязаны возрожденіемъ германскаго мѣа“. Неужели за протестомъ противъ средневѣковаго аскетизма и міроотрицанія, Ницше не видитъ глубокой и своеобразной этической идеи реформации и ея вѣры въ силу человѣческаго разума, освященнаго и укрѣпленнаго вѣрой. Вѣдь это движеніе несомнѣнно стояло въ самой тѣсной связи съ столь ненавистной ему аполлоновской культурой царственнаго разума и рациональной морали. Или, быть можетъ, въ этихъ словахъ звучитъ послѣднее прощаніе съ идеалами воспитавшей его семьи и среды, съ дѣйствительными историческими идеалами его народа.

Какъ смотритъ въ эту эпоху своей жизни Ницше на итальянороманскій ренессансъ, столь привлекавшій его въ дальнѣйшихъ стадіяхъ развитія его мысли, сказать трудно; я привелъ выше его слова о «Преображеніи» Рафаеля: очевидно, что на эту вѣтвь романскаго племени аполлоновская культура не имѣла такого всепроникающаго влія-

нія, какъ на французовъ. Впрочемъ, это соображеніе относится только къ эпохѣ ренессанса: итальянская опера представляется Ницше самымъ яркимъ типомъ уклоненія отъ діонисіевскаго музыкальнаго начала. Эврипидъ когда-то главнымъ образомъ искажилъ смыслъ трагической, и вообще драматической, задачи тѣмъ, что пустилъ толпу зрителей на сцену. Мѣсто божественнаго видѣнія хора заняли эти зрители съ ихъ мелкими, житейскими, повседневными интересами; діалогъ свелся на моральную софистику или сантиментальную болтовню. Хору въ оркестрѣ оставалось, конечно, лишь подводить всему этому сценическому дѣйствію свои буржуазно-поучительные итоги, въ самомъ, что ни на есть, разсудочномъ тонѣ. Въ итальянской, а за ней и всей европейской оперѣ, повторилось въ другой области дѣла приблизительно то же самое. Только, по самому характеру музыкальнаго матеріала, здѣсь уже безраздѣльно царила индивидуалистическая лирика всевозможныхъ оттѣнковъ чувствительности, страсти и чувственности; а оркестръ, это основное лицо музыкальной драмы, сведено было на роль скромнаго акомпаниатора. Если къ этому прибавить господство чисто внѣшней вокальной виртуозности, то вся картина дѣла будетъ ясна.

Съ конца XVIII-го вѣка въ Германіи начинается заря дѣйствительнаго возрожденія. Отецъ этого возрожденія—Кантъ. Этотъ „всесокрушитель“ обрушивается со всей мощью своего генія на царство гордой, всѣмъ правящей науки, на самодовольный, увѣренный въ себѣ умъ. Со временъ Сократа этотъ умъ считалъ себя верховнымъ судьей всего: религіи, искусства и жизни; онъ воплощенъ былъ въ наукѣ; новое время поставитъ мудрость на мѣсто науки. Великій современникъ Канта—Гёте выразилъ посвоему предчувствіе такого взгляда на жизнь въ своемъ Фаустѣ и подтвердилъ его своими отзывами о Наполеонѣ—этомъ челоѣкѣ дѣла, а не разсужденій. Кантъ собственно только расчистилъ мѣсто для дальнѣйшей работы: положительная сторона его мысли у Ницше въ расчетъ нейдетъ. На очищенной та-

кимъ образомъ почвъ построилъ зданіе своей системы Шопенгауэръ. Это былъ „воспитатель“ челоуѣчества; его ученіе проложило дорогу для мысли и подготовило возможность новаго міросозерцанія, представителемъ котораго является самъ Ницше. Абсолютный пессимизмъ, какъ видно, только необходимое педагогическое средство для болѣе глубокаго пониманія смысла жизни. О школь нѣмецкаго идеализма—Фихте, Шеллингъ и Гегель—Ницше не говоритъ ничего. Съ его точки зрѣнія, это, очевидно, была послѣдняя попытка отстоять погибающую александрійскую культуру аполоновской эпохи. А выразить этой попыткѣ свое порицаніе какъ-нибудь особенно рѣзко и энергично послѣ его учителя—Шопенгауэра было уже трудно.

Пока, такимъ образомъ, философія дѣлала въ Германіи свое плодотворное, подготовительное дѣло; нѣмецкая музыка, постепенно развиваясь, завершилась, наконецъ, великимъ явленіемъ Вагнера. Въ его операхъ (Ницше имѣетъ по тому времени въ виду главнымъ образомъ „Нибелунговъ“ и „Тристана и Изольду“) опять воскресла великая трагедія; и новая культура—культура, какъ мы знаемъ, по существу своему эстетическая—имѣетъ теперь налицо свое главное условіе: соотвѣтственное ея задачамъ искусство. Мы дошли до цѣли всего сочиненія Ницше; и теперь необходимо, въ связи съ его окончательными выводами, выдвинуть впередъ ту сторону его мыслей, на которую я указалъ въ самомъ началѣ моего изложенія, а именно: его взглядъ на искусство, какъ на основную, руководящую и воспитательную сторону истинной культуры.

И знаніе, конечно, имѣетъ въ концѣ концовъ ту-же цѣль, какъ и искусство: объяснить жизнь и избавить челоуѣка отъ страха передъ страданіемъ и смертью. „Умирающій Сократъ“—явленіе великое. Но разумомъ, съ его спутницей—моралью добра и зла, и неизбѣжнымъ состраданіемъ, до окончательнаго смысла дѣла не дойдешь, а скорѣе, какъ мы видѣли, на долгіе годы собьешься съ дороги. Необходимо переходъ къ дѣйствительному искусству и его

основанію—національному миѳу. Безъ этого миѳа, безъ вѣры въ чудесную мудрость сѣдого прошлаго, немислима національная культура. Народъ безъ былины—погибшій народъ. Нѣмецкая музыка—дочь реформаціи—спасла для Германіи этотъ національный миѳъ, а Вагнеръ далъ ему форму музыкальной трагедіи. Эта трагедія своего рода религія: только не современная, полу-ученая, полу-моральная александрійская религія съ ея вреднымъ для трагическаго челоуѳка этическимъ мягкосердечіемъ. Музыкальная драма есть результатъ высшаго единенія Діониса и Аполлона. Однако изъ всего предыдущаго достаточно понятно, что эти боги по своему значенію далеко не равны: Діонисъ, въ концѣ счета, творецъ міра, двигающее его начало, абсолютъ, однимъ словомъ—богъ единобожія; подчиненіе ему одному и погруженіе въ него разбило бы личность и ея волю къ жизни, поэтому необходимъ Аполлонъ, богъ міра, какъ явленіе. Ницше въ заключеніе своего труда славить обоихъ боговъ, но поклоняется, очевидно, одному Діонису, а къ Аполлону продолжаетъ относиться съ нѣкоторой опаскою: очень ужъ этотъ богъ склоненъ присвоивать себѣ единовластіе и даже гнать Діониса. Изъ необходимости единенія этихъ божествъ вытекаетъ и признаніе единственно за одной музыкальной драмой права именоваться высшимъ родомъ искусства. Ницше признаетъ драму только тогда, когда ее создала себѣ музыка; ему нужна не драматическая музыка, а музыкальная драма. Въ драмѣ не должно быть ничего патологическаго; поэтому аристотелевская теорія „катарзиса“ и вообще всѣ имѣющіяся объясненія трагедіи доказываютъ только, что ни народы, ни ихъ эстетики до сего времени ничего въ драмѣ не смыслили. Говорить о страхѣ и состраданіи, а тѣмъ болѣе о морали, при созерцаніи трагедіи неумѣстно; единственный ея смыслъ въ томъ, что бытіе и жизнь могутъ являться оправданными лишь какъ эстетическій феноменъ, и что даже безобразное и дисгармоническое—только художественная игра, которую воля, въ вѣчной полнотѣ своей радости, играетъ сама съ собою. Какъ мыслимо

эстетическое наслажденіе ужасами трагедіи, это можно пояснить примѣромъ диссонанса въ музыкѣ, вся высокая прелесть котораго состоитъ въ ожиданіи его разрѣшенія въ самомъ обыкновенномъ гармоническомъ аккордѣ. Тайны бытія вообще лучше всего объясняются музыкой. А главное, что это дѣло темное, и тому, кто его не чувствуетъ, словами объяснить его трудно.

Вокругъ новаго искусства вырастетъ и новая трагическая культура. Ницше вѣритъ въ воспитательное значеніе истиннаго искусства для народа: въ этотъ періодъ его мысли для него еще не существуетъ противорѣчія между гениемъ и толпой. Это съ его первой точки зрѣнія и совершенно вѣрно. Основа искусства — мудрость мѣа и легенды; это — мудрость народа, и гений только выразитель его задушевныхъ стремленій и чувствъ. Гений, конечно, царить надъ толпой; онъ уже въ нѣкоторомъ родѣ „сверхчеловѣкъ“; отсюда поклоненіе гению. Его творчество орудіе его власти надъ толпой; но вѣдь онъ нуженъ и своему народу, какъ воспитатель и вождь. Каковъ же будетъ этотъ народъ, воспитанный діонисіевскими гениями? Это будетъ народъ трагическій: онъ не будетъ счастливъ въ обычномъ пошло-буржуазномъ смыслѣ этого слова, мораленъ онъ тоже не будетъ — это слово вообще лучше забыть; но силенъ, прекрасенъ и великъ онъ будетъ. Воспитанный на почвѣ національнаго прошлаго это будетъ народъ патриотовъ. Ницше чувствуетъ, что послѣднее утвержденіе возбудитъ нѣкоторое сомнѣніе, и ссылается на исторію. Чтѣ даль чистый, необузданный Діонисъ на почвѣ политической жизни? — будистическую Индію; а чистый Аполлонъ нашель свое „величественнѣйшее, но зато и ужаснѣйшее, выраженіе въ римскомъ *imperiūm*“ . Греки, въ короткій мигъ своего расцвѣта, дали третью и высшую форму національной жизни: вѣдь, вѣкъ Эсхила былъ и вѣкомъ греко-персидскихъ войнъ.

Такихъ людей, какъ эти греки Мараѳона и Фермопилъ, Діониса и Эсхила, дастъ Германіи ея новая культура, если

только соотечественники поймутъ правду словъ Ницше. Это будутъ трагическіе люди, Зигфриды, побѣдители драконовъ—Drachentödter'ы. Что они будутъ дѣлать въ современной Германіи, этого Ницше намъ не говорить; но, судя по его патріотическому отношенію къ побѣдѣ нѣмцевъ надъ французами, они, въ свободное отъ посѣщеній Байрейта время, будутъ, вѣроятно, помогать Бисмарку и его преемникамъ въ насажденіи повсемѣстно нѣмецкой культуры; это будутъ „Weltpolitiker'ы“; и Ницше бросаетъ торжественный призывъ къ борьбѣ, новый гимнъ Діонису. „Какъ измѣнится вдругъ мрачная чаша нашей усталой культуры, когда прикоснутся къ ней чары Діониса! Вихрь схватываетъ все отжившее, гнилое, разбитое, захирѣвшее, крутясь покрываетъ его краснымъ облакомъ пыли и, словно коршунъ, уноситъ въ вышину. Смущенно ищутъ наши взоры исчезнувшее, ибо то, что они видятъ, словно изъ могилы возстало къ золотому свѣту, въ такой полнотѣ и зелени, столь роскошно жизненно, въ безмѣрности стремленій! Трагедія возсѣдаетъ среди этого избытка жизни, страданій и радости („Leben, Leid und Lust“) въ возвышенномъ восторгѣ: она прислушивается къ далекому, печальному напѣву—онъ говоритъ о матеряхъ бытія, которымъ имя: Мечта, Воля, Скорбь („Wahn, Wille, Wehe“). Да, друзья мои, повѣрьте вмѣстѣ со мною въ діонисіевскую жизнь и въ возрожденіе трагедіи. Время сократическаго человѣка прошло: увѣнчайте себя плющемъ, возьмите въ руку тирсъ и не дивитесь, если тигръ и пантера, ласкаясь, лягутъ къ вашимъ ногамъ. Имѣйте теперь лишь мужество быть трагическими людьми, ибо вамъ суждено искупленіе. Вы должны сопровождать торжественное шествіе Діониса отъ Индіи до Греціи. Вооружитесь на жестокую борьбу, но вѣрьте въ чудеса вашего бога“

Конечно, эта великая, трагическая красота можетъ быть куплена лишь отреченіемъ отъ состраданія и страха передъ зломъ, куплена цѣной великихъ и тяжелыхъ испытаній. Если бы кто-нибудь изъ насъ могъ перенестись въ міръ

древней Эллады, то, увидавъ его восторгъ передъ безмѣрностью окружающей красоты, „старый афинянинъ замѣтилъ бы ему, поднявъ на него возвышенный взоръ Эсхила:—„Но скажи и то, странный чужеземецъ, что долженъ былъ выстрадать этотъ народъ, дабы имѣть возможность стать такимъ прекраснымъ! А теперь слѣдуй за мной къ трагедіи и принеси со мной жертву въ храмъ обоихъ боговъ“!

Этими словами заканчивается книга.

Я кончилъ изложеніе взглядовъ Ницше въ первый, молодой періодъ его мысли. Мнѣ остается теперь, подведя итоги, критически отнестись къ вытекающему изъ всего мной изложеннаго новому міро- и жизне-пониманію. Еще разъ скажу: работы Ницше усыпаны, какъ жемчугомъ, блестящими мыслями и тонкими сужденіями; писатель онъ былъ первоклассный, и пониманіе искусства, во всѣхъ его видахъ, въ немъ было прямо рѣдкое. Но окладъ не икона, и фальшивые брилліанты нерѣдко оправляются въ чистое золото тонкой работы. Поэтому, оставивъ теперь въ сторонѣ всю красоту и мѣткость деталей, посмотримъ на суть дѣла.

Начну съ исторической стороны его взглядовъ. Подвергать ли ихъ детальному разбору?

Мнѣ сдается, что самъ Фридрихъ Ницше весело и насмѣшливо разсмѣялся бы, услыжавъ мое копанье въ томъ, что онъ въ послѣдствіи иронически называлъ „гисторіей“ (Historie). Онъ писалъ свою книгу, конечно, вполне искренно и полагалъ, что дѣло было именно такъ, какъ онъ говоритъ; но въ сущности вѣдь это была только иллюстрація философскаго построенія: такъ должно было быть по теоріи; если факты ее подтверждаютъ—отлично, если нѣтъ, тѣмъ хуже для фактовъ—значить они подобраны историками неполно и односторонне. Затѣмъ нужно сказать и то, что вѣдь собственно какой-либо новой группировки фактовъ, критики ихъ значенія, не говоря уже о новыхъ историческихъ матеріалахъ, Ницше не даетъ. Онъ только все старое одѣнываетъ поновому, исходя изъ своей философіи, и при этомъ ставитъ все дѣло, какъ нѣмцы говорятъ, „auf den

Корф^а, т.-е. по-русски вверх ногами. Вѣдь противъ того, что съ Эврипида началось паденіе греческой трагедіи, не спорить въ наше время никто; а оцѣнка Гомера или Фидія, съ точки зрѣнія аполлоновскихъ задачъ, и у Ницше весьма высокая. Но разъ все развитіе человѣческой мысли отъ Сократа до Канта одно заблужденіе, а всѣ мучительные поиски человѣчества за разрѣшеніемъ вопроса о смыслѣ добра—послѣдствіе того же заблужденія, то вѣдь оцѣнка всей исторіи европейской культуры ясна, и новыхъ фактовъ въ ея подтвержденіе приводитъ нечего. Конечно, для установленія и защиты такого историческаго парадокса нужно хоть какое-либо основаніе; Ницше нашелъ его въ господствующей тенденціи объяснять всю культуру эллиновъ съ точки зрѣнія чистой, формальной красоты, невозмутимой жизнерадостности и склонности къ рационалистическому, формальному мышленію. Но съ этой критикой Ницше опоздалъ лѣтъ на сорокъ: такого исключительнаго взгляда въ наукѣ его времени уже не было. А сблизать настоящее съ далекимъ прошлымъ при желаніи всегда легко: вѣдь извѣстный историкъ философіи и кантіанецъ Виндельбандъ стоитъ, конечно, внѣ всякаго подозрѣнія въ ницшеанствѣ, а нашелъ же онъ въ платоновскомъ „Горгіи“ типъ „сверхчеловѣка“—Калликла. „Alles ist schon da gewesen“, говорилъ мудрый старецъ Бенъ-Акиба.

Итакъ, весь вопросъ переходитъ на оцѣнку философскихъ убѣжденій Ницше. На особую оригинальность ихъ онъ въ общемъ претендовать не можетъ. Онъ ученикъ Шопенгауэра и на Канта, повидимому, смотритъ его глазами. Вліяніе романтиковъ старой школы и ихъ эстетики установить трудно, хотя оно и весьма вѣроятно. Но въ основѣ всего лежитъ метафизика Шопенгауэра, своеобразно передѣланная, и, по правдѣ сказать, не къ ея выгодѣ. Въ чемъ состоитъ эта передѣлка, мы уже знаемъ.

Говоря однажды о великомъ „отцѣ“ по духу, Ницше нашелъ для его характеристики блестящее сравненіе. Помните ли вы бессмертную гравюру Альбрехта Дюрера:

рыцаря со смертю и дьяволомъ,—рыцаря, „облеченнаго въ тяжелые доспѣхи, съ твердымъ, чугуннымъ взглядомъ, умѣющаго найти свой страшный путь; его не собьютъ съ дороги ужасные спутники: безъ надежды, но спокойно, ѣдетъ онъ впередъ—одинъ со своимъ конемъ и вѣрною собакой“.

Да, Фридрихъ Ницше! Твой учитель былъ такимъ рыцаремъ. „У него не было надежды, но онъ хотѣлъ истины“. Вѣдь и онъ ѣхалъ „ранней весною черезъ густую поросль кустовъ и слышалъ первый манящій зовъ Діониса“, и ему „матери бытія“ напѣвали свой соблазнительный напѣвъ; онъ глубоко понималъ и чувствовалъ прекрасное въ жизни и искусствѣ; онъ слышалъ торжественный шумъ „побѣднаго шествія Діониса отъ Индіи до Греціи“; но онъ не свернулъ съ пути. Его „страшный“ путь лежалъ туда, гдѣ слышались жалобы „униженныхъ и оскорбленныхъ“, безумное горе матери надъ гробомъ послѣдняго ребенка, безсильный стонъ измученныхъ рабовъ. Его вело великое состраданіе и милосердіе, и онъ ѣхалъ безстрашно впередъ, „одинъ со своимъ конемъ и вѣрною собакой“. И это былъ „сильный“ по терминологіи Фридриха Ницше,—„нѣтъ ему равнаго“. А ученикъ бѣжалъ съ пути, съ крикомъ „Эванъ, Эвое“! Я знаю,—мнѣ отвѣтятъ, что не изъ низкой трусости передъ страданіемъ онъ пошелъ во слѣдъ за своимъ богомъ, не для временнаго и чувственнаго самоуслажденія; мнѣ скажутъ, что и тамъ его ждалъ трагическій подвигъ и возможность искупленія отъ міроваго зла въ красотѣ и силѣ. Но такъ ли это? На чемъ основаны надежды пессимиста-эстетика, и что выиграетъ отъ нихъ человѣчество?

Я не раздѣляю убѣжденія Шопенгауэра, что жизнь есть абсолютное зло, и что единственная разумная цѣль для человѣка, это—стремленіе къ общему небытію. Но разъ признавъ эту точку зрѣнія на міръ, отношеніе Шопенгауэра къ идеалистическому оптимизму философствующаго разума и къ христіанскому догматическому ученію мнѣ вполне понятно. Его и въ томъ, и въ другомъ случаѣ двигаетъ своеобразно обоснованное состраданіе къ человѣчеству. Фихте, Шеллингъ и Гегель для него или слѣпые, или сознательные,

но своекорыстные обманщики, ведущіе обманутое ими чело́вѣчество все глубже и глубже въ бездну зла и страданій. Христіанство поддерживаетъ ту же иллюзію возможнаго счастья обѣщаніемъ будущей блаженной жизни. Шопенгауэръ отрицаетъ оптимистическій догматизмъ, но никакъ не возможность постигнуть смыслъ міра умомъ; вѣдь онъ самъ метафизикъ-догматикъ, и не даромъ же онъ измѣняетъ терминологию Канта и ставитъ на первое мѣсто разсудокъ или умъ (Verstand), а не разумъ вообще (Vernunft). Разумъ есть и у разумныхъ животныхъ, говоритъ онъ, а чело́вѣка отличаетъ умъ. Передъ абсолютной, но слѣпой и темной, волей онъ не преклоняется; не называетъ ее богомъ и ей не служитъ. Безцѣльная сила ему не импонируетъ. Мораль состраданія онъ расширяетъ до размѣровъ, данныхъ будизмомъ, и вопросъ о добрѣ и злѣ ставитъ, какъ и Кантъ, во главу угла. Поэтому, онъ и не считаетъ нужнымъ уклоняться отъ обсуждения этическихъ и общественныхъ идеаловъ историческаго христіанства, не боится слова—мораль. Богъ Ницше это творецъ-эстетикъ, играющій формами имъ созданнаго міра; жрецы его—это художники-геніи, создающіе себя по образу его и подобію и старающіеся воспитать и народы въ этомъ культѣ трагической силы и красоты. Но вѣдь Зигфридовъ, побѣдителей дракона чело́вѣколюбія и совѣсти, всегда будетъ немного. Что же станеть дѣлать остальное чело́вѣчество, запутавшееся въ сѣтяхъ этой индивидуальной жизни, погрязшее въ аполлоновской иллюзіи разумности мыслящаго духа и реальности добра и зла? Да вѣдь это „слабые“, и „vae victis“, горе побѣжденнымъ! Впрочемъ Ницше предупреждаетъ насъ, что закоренѣлому (verbohrter) моралисту разницы между Діонисомъ и Аполлономъ не понять: онъ пройдетъ мимо ея. Передъ нами вся теорія современнаго эстетизизма въ самомъ ея разработанномъ и обоснованномъ видѣ.

Таковы были мысли, чувства и стремленія молодого Ницше. Его духовный характеръ еще не вполне сложился въ эту первую эпоху его жизни; хотя основныя его черты уже рѣзко намѣчены. Онъ пока еще своеобразный народникъ

патріотъ, метафизикъ - идеалистъ, даже мистикъ, беззавѣтный поклонникъ послѣдней формы родного искусства. Но его будущее отношеніе къ вопросу о добрѣ и злѣ уже проявляется въ стремленіи поставить эту часть дѣла внѣ круга своихъ интересовъ.

Онъ, конечно, зарвался въ своемъ исключительно эстетическомъ міропониманіи, и скоро пойметъ это самъ. Онъ разочаруется въ туманахъ метафизики и національныхъ идеалахъ. Парсиваль—этотъ „Durch Mitleid wissender, reiner Thoor“. Состраданіемъ мудрый—чистый (непорочный) глупецъ—скоро откроетъ ему глаза на смыслъ твореній Вагнера.—Старые романтики начала столѣтія, когда-то тоже увлекавшіеся эстетическимъ толкованіемъ жизни, разочаровавшись въ своихъ молодыхъ мечтахъ, ушли въ католическіе монастыри и надѣли монашескую рясу. Ницше не пойдетъ въ эту сторону: онъ станетъ позитивистомъ матеріалистическаго отѣнка, ученикомъ Дарвина въ его взглядѣ на характеръ и законъ развитія жизни въ животномъ и человѣческомъ мірѣ и построить идею „сверхчеловѣка“ — аристократа и политика, властелина общества и народовъ. Но эта эпоха составитъ предметъ уже слѣдующей нашей статьи.

Я кончилъ: мнѣ остается сказать лишь нѣсколько словъ объ общемъ планѣ и главной мысли моей работы въ ея цѣломъ. Я назвалъ мое изслѣдованіе „Трагедія Ницше“. Всякая трагедія — борьба двухъ сторонъ въ духѣ ея героя — сторонъ относительнаго добра и относительнаго зла. Передъ вами ея экспозиція, первый ея актъ. Борьба еще не началась: вопросъ о добрѣ и злѣ еще не поднятъ; но трагическая вина уже на лицо: нѣчто существенное въ дѣлѣ жизни героемъ игнорируется. Второй актъ, актъ борьбы, такъ называемую перипетію, я озаглавлю: „по эту и по ту сторону добра и зла“. Тамъ, гдѣ сплошное добро или сплошное зло—нѣтъ матеріала для драмы. Два начала добра: аскетизмъ и благоговѣніе живутъ въ душѣ моего героя; первое нужно для мощи „сверхчеловѣка“, второе должно быть въ его низшихъ—по отношенію къ нему; а въ немъ самомъ—къ себѣ. Эти два условія бо-

рются въ немъ съ идеей состраданія и милосердія. Единая идея всецѣлаго добра расколodась—отсюда душевная драма героя. Ставъ логикой своей могучей мысли, какъ ему кажется, по ту сторону добра и зла, герой замѣчаетъ, что пока онъ будетъ идти только этимъ путемъ научнаго убѣжденія, онъ не побѣдитъ людей. Старая мораль, на которую онъ нападаетъ, живетъ не силою аргументовъ ея защитниковъ, а убѣдительною и красотой того типа, въ которомъ она для большинства людей воплощается. Этотъ типъ вы всѣ знаете, это—великій Побѣдитель зла и смерти „побѣды знаменіе Носящій“. Вотъ кто дѣйствительный врагъ. Необходимо противопоставить ему живой образъ „сверхчеловѣка“, а не научную или общественно-политическую идею. Создается могучій учитель — „Заратуштра“ и для возвеличенія его напрягаются всѣ силы недюжиннаго, если только не первокласснаго, поэтическаго таланта. Опять, какъ въ молодые годы, звучатъ дифирамбы. Но чѣмъ громче они звучатъ въ честь веселаго, пляшущаго пророка, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ ихъ пѣвецъ непобѣдимостъ того мягко-сердечнаго и сострадательнаго, Бога рабовъ, самого погибшаго рабской смертью, Распятаго. И все сильнѣе закипаетъ злоба героя; послѣдняя его книга озаглавлена: „Антихристъ“. Онъ открыто, какъ Іаковъ, хочетъ грудь съ грудью бороться съ этимъ „Богомъ“. И въ этой борьбѣ герой гибнетъ. Умъ его мутится—занавѣсъ падаетъ. „The rest is silence“—„конецъ—молчаніе“! А смыслъ этой потрясающей драмы? Отбросимъ на мгновеніе различіе нашихъ научныхъ, философскихъ и религіозныхъ взглядовъ. Тотъ или иной смыслъ жизни признаетъ вѣдь каждый изъ насъ. А разъ это такъ, то неизбежно погибнетъ въ духовной борьбѣ тотъ, кто скажетъ этому смыслу жизни: „Я вижу и признаю тебя въ явленіяхъ міра“. Да святится имя твое въ красотѣ! Да придетъ царствіе твое въ могущество и силѣ! Но да будетъ воля моя, а не твоя, по всей землѣ!

Г. Рачинскій.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Психологическая теорія права.

Очерки философіи права. Л. I. Петражицкаго. С.-Петербургъ.
1900.

На свѣтъ явилась новая теорія права. Это явленіе, само по себѣ любопытное, заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія, что оно исходитъ не отъ какого-нибудь дилеттанта, мечтающаго, что онъ нашелъ то, о чемъ никто до него не догадывался, но отъ ученаго юриста, извѣстнаго блистательными трудами по правовѣдѣнію и въ Германіи, и у насъ. Въ наше время въ особенности, когда, вслѣдствіе упадка философіи, всѣ понятія о правѣ затмились и перепутались, попытка выйти на свѣтъ Божій не можетъ не встрѣтить живѣйшаго сочувствія. Право имѣетъ такое всеобъемлющее вліяніе на всю общественную жизнь, ложные на него взгляды такъ болѣзненно отзываются на самой практикѣ, что выясненіе основныхъ его началъ составляетъ, можно сказать, не только первую задачу науки, но и настоятельную общественную потребность. Поэтому на юристахъ лежитъ нравственная обязанность тщательно обсудить всякій новый шагъ въ этомъ направленіи.

Г. Петражицкій вполне признаетъ нынѣшнее хаотическое состояніе правовѣдѣнія. Онъ говоритъ, что самое опредѣленіе существа права, составляющее первую и основную задачу науки, остается нерѣшенной проблемой, такъ что наука до сихъ поръ лишена прочнаго фундамента. «Сфинксъ существа права по сей день остался сфинксомъ» (стр. 4). Разрѣшить эту задачу, надъ которою тщетно работали величайшіе умы, утвердить наконецъ правовѣдѣніе на прочномъ научномъ основаніи, открыть то существенное, основное свойство, изъ котораго, какъ изъ центрального принципа, вытекаютъ всѣ понятія и положенія пра-

Вопросы философіи, кн. 55.

ва, и притомъ не въ видѣ простой совокупности, или безпорядочной массы, а въ видѣ стройной діалектической системы положеній и понятій, такова цѣль, которую полагаетъ себѣ г. Петражицкій. Только открытіе этого основного свойства, говоритъ онъ, создаетъ свѣтъ и животворящую силу, необходимую для приближенія къ идеалу науки (стр. 3). Задача, какъ видно, громадная, требующая самыхъ обширныхъ свѣдѣній, глубокаго философскаго пониманія, всесторонняго освѣщенія изучаемаго предмета. Какъ же приступаетъ къ ней авторъ?

Г. Петражицкій справедливо отвергаетъ обычныя нынѣ опредѣленія права, которыя признаютъ таковымъ только положительныя постановленія законовъ, сопровождаемая принужденіемъ. Всѣ такого рода опредѣленія останавливаются на явленіи, не пытаясь постигнуть самую сущность проявляющагося начала. Таковъ естественный результатъ господствующей нынѣ опытной методы, которая не только исходитъ отъ явленій, но и ограничивается ими. Кто хочетъ глубже проникнуть въ существо предмета, тотъ долженъ отъ внѣшнихъ явленій возвыситься къ самому ихъ источнику. Г. Петражицкій ищетъ существенныхъ признаковъ права не въ постановленіяхъ законодателей, а въ душѣ человѣческой. «Право»,—говоритъ онъ,—«есть явленіе не внѣшняго, матеріальнаго міра, какъ, напримѣръ, камень, дерево, а явленіе духовнаго міра, психическое явленіе, явленіе нашей души; поэтому съ природой еѣ непосредственно познакомиться мы только и можемъ (но зато можемъ познакомиться непосредственно и достовѣрно, не только какъ съ камнемъ и деревомъ) въ нашей душѣ, т.-е. путемъ наблюденія, сравненія, анализа нашихъ же собственныхъ душевныхъ состояній и движеній» (стр. 9). О душевномъ состояніи другихъ мы можемъ судить по внѣшнимъ признакамъ, но всѣ подобныя сужденія основаны единственно на аналогіи съ тѣмъ, что мы наблюдаемъ въ самихъ себѣ. Здѣсь поэтому кроется источникъ всѣхъ нашихъ понятій о душевныхъ явленіяхъ.

Что же мы находимъ въ себѣ въ области тѣхъ явленій, къ которымъ принадлежитъ право?

«Размышляя въ разныхъ случаяхъ жизни какъ намъ поступить, на что рѣшиться—говоритъ г. Петражицкій,—мы иногда чувствуемъ себя совершенно свободными, ничѣмъ не связанными въ выборѣ такого или иного поведенія. Я выбираю то или дру-

гое, смотря по тому, что мнѣ удобно или пріятно. Въ другихъ случаяхъ мы, напротивъ, замѣчаемъ *связанность* нашей воли, мы чувствуемъ и сознаемъ, что мы обязаны поступить такъ-то, или воздержаться отъ какого-либо поступка. «Какой-то внутренней голосъ» авторитетно указываетъ, предписываетъ, предопредѣляетъ наше поведеніе, наша совѣсть «повелѣваетъ» намъ то или другое; иными словами, намъ присущи такія убѣжденія, которыя властно и авторитетно для насъ же самихъ нормируютъ наше поведеніе». Этимъ убѣжденіямъ мы приписываемъ авторитетъ и въ отношеніи къ другимъ: если бы другой былъ на моемъ мѣстѣ, то онъ точно такъ же былъ бы обязанъ поступить такъ или иначе (стр. 11).

Г. Петражицкій не входитъ въ разсмотрѣніе, откуда у насъ берутся эти убѣжденія и на какомъ основаніи мы можемъ навязывать ихъ другимъ. Исслѣдованіе этого вопроса онъ предоставляетъ дальнѣйшему изложенію, а пока довольствуется констатированіемъ этого своеобразнаго психическаго факта, каковъ онъ есть и несомнѣнно удостовѣряется самонаблюденіемъ. Это чувство связанности воли, сознаніе необходимости подчиненія ея извѣстному императивному побужденію къ такому или иному поведенію, мы называемъ *обязанностью*, *долгомъ*, *обязательствомъ*; а тѣ убѣжденія, которыя регулируютъ наше поведеніе, мы называемъ *нормами*, *императивами*.

Это чувство и сознаніе связанности воли, продолжаетъ г. Петражицкій, въ свою очередь, имѣть различную природу въ различныхъ случаяхъ. Иной разъ мы связаны только внутренне, своею собственною совѣстью, но свободны въ отношеніи къ другому лицу; въ другой, напротивъ, мы чувствуемъ себя связанными именно по отношенію къ извѣстному лицу. Г. Петражицкій объясняетъ это примѣрами. Петръ находится въ такомъ стѣсненномъ положеніи, что моя совѣсть побуждаетъ меня ему помочь, подарить или дать взаймы, положимъ, 10 рублей. Въ этомъ случаѣ я связанъ только своею совѣстью, но совершенно свободенъ въ отношеніи къ Петру, который не можетъ имѣть никакого притязанія на то, чтобы я ему помогъ. Это было моею доброй волей. Другой можетъ нуждаться въ большей помощи, и я дамъ деньги ему, или употреблю ихъ на что-либо другое; рѣшеніе вполнѣ зависитъ отъ меня. Напротивъ, если я уговорился съ извозчикомъ Петромъ, чтобы онъ возилъ меня по го-

роду за 10 рублей, то я, по приѣздѣ, считаю себя обязаннымъ заплатить ему эти 10 рублей. То же самое, если я сѣлъ играть въ карты съ Петромъ и проигралъ ему 10 рублей. Въ обоихъ случаяхъ я связанъ не только своею совѣстью, но и по отношенію къ извѣстному лицу, которое можетъ имѣть притязаніе на то, чтобы я ему заплатилъ. Я не чувствую въ себѣ свободы лишать его полученія денегъ.

Еще рѣзче выступаютъ эти отношенія, когда мы наблюдаемъ себя не въ качествѣ обязанныхъ, а въ качествѣ лицъ, получающихъ деньги. Въ одномъ случаѣ мы чувствуемъ, что полученіе ихъ зависитъ отъ доброй воли другого лица, въ другомъ мы принимаемъ платежъ какъ «свое» достояніе.

Обязанности перваго рода мы называемъ нравственными, обязанности втораго рода юридическими или правовыми. Въ послѣднихъ обязанность является закрѣпленною за другимъ лицомъ, которому мы приписываемъ *право* или притязаніе въ юридическомъ смыслѣ. Слѣдовательно, «наше право есть ничто иное, какъ закрѣпленный за нами, принадлежащій намъ, какъ наше добро, *долгъ* другого лица» (стр. 15). Отсюда право распоряжаться этимъ добромъ. Мы можемъ долгъ другого лица передать третьему, мы можемъ уменьшить его или даже вовсе отъ него отказаться, хотя это право распоряженія и не есть такой признакъ, которымъ характеризуется право вообще, ибо не вездѣ мы въ правѣ распоряжаться произвольно тѣмъ, что намъ принадлежитъ. Границы могутъ быть положены или закономъ, или уговоромъ.

Этимъ различіемъ опредѣляется и различіе нормъ, то-есть убѣжденій, связывающихъ нашу волю. Существо однихъ нормъ состоитъ исключительно въ авторитетномъ опредѣленіи нашего поведенія; «существо же другихъ нормъ состоитъ въ двухъ функціяхъ: съ одной стороны, онѣ авторитетно предопредѣляютъ наше поведеніе; съ другой стороны, онѣ авторитетно *отдаютъ* другому, приписываютъ ему, какъ должное, то, что онѣ требуютъ отъ насъ». Первыя можно назвать *императивными*, вторыя—*атрибутивными* нормами, ибо въ существо ихъ входятъ *imprecare+attribuere*; «отчисляемое, вычитаемое отъ одного причитается, дается атрибутивною нормою другому». Эти атрибутивные нормы и суть нормы права (стр. 17).

Этимъ опредѣляются всѣ основныя понятія правовѣдѣнія. Нормы

права суть такія нормы, которыя, налагая на одно лицо обязанность, «авторитетно приписываютъ будущій *положительный* результатъ обязанности одного лица другому, какъ ему должное, ему слѣдующее, ему причитающееся». Правоотношеніе и есть та связь между двумя лицами, которая устанавливается юридическою нормою, такъ что обязанность одного лица закрѣплена съ своей положительной стороны за другимъ лицомъ. Право, или юридическое притязаніе, есть то же правоотношеніе, съ его активной, положительной стороны (съ точки зрѣнія атрибутивной функціи). Юридическая обязанность есть тоже правоотношеніе съ его отрицательной, обременительной стороны (съ точки зрѣнія императивной функціи). Слѣдовательно, правоотношеніе немислимо безъ двухъ лицъ, изъ которыхъ одно является субъектомъ права, а другое — субъектомъ обязанности. Оно немислимо и безъ объекта, то-есть безъ того, что составляетъ предметъ или содержаніе права и обязанности. Послѣдній, какъ и самая норма, имѣетъ двѣ стороны, положительную и отрицательную. Съ точки зрѣнія обязанности объектъ есть предметъ повелѣнія (*imperare*), т.-е. то поведеніе или дѣйствіе, которое обязанность стремится извлечь или добыть изъ обязаннаго. Въ скобкахъ авторъ замѣчаетъ, что дѣйствіе принимается тутъ въ общемъ смыслѣ, такъ что сюда подходит и воздержаніе. Съ точки же зрѣнія притязанія объектъ есть предметъ *attribuere* (присвоенія), т.-е. то явленіе, которое право стремится *доставить* управомоченному, создать для него *воспріятіе* дѣйствія обязанности. Такимъ образомъ, одно и то же отношеніе съ точки зрѣнія одного субъекта является дѣйствіемъ, къ которому онъ обязанъ, а съ точки зрѣнія другого, воспріятіемъ этого дѣйствія. Исслѣдователь же этихъ отношеній можетъ произвольно начать съ того или другого (стр. 18—20).

Эти основныя понятія права, говоритъ г. Петражицкій, не предполагаютъ никакого организованнаго общественнаго союза. Такъ какъ это психическія состоянія, то достаточно, чтобы они существовали хотя бы въ душѣ одного человѣка. Если мы представимъ себѣ жителя земли, перенесеннаго на Марсъ, и обитатели этой планеты вовсе не признавали бы обязанности возвращать взятую вещь, то нормы права все-таки существовали бы въ душѣ новаго поселенца, который приписывалъ бы себѣ извѣстное право, а туземцу извѣстную обязанность. Для наличности

правового явленія, какъ психическаго факта, вовсе даже не требуется, чтобы лица были реальныя. Если суевѣрный или умалишенный человѣкъ заключаетъ договоръ съ діаволомъ, то и здѣсь дѣйствуетъ норма права, ибо право есть психическое явленіе, и его элементы суть элементы психическаго акта, а не какіе-либо предметы, находящіеся внѣ души. Поэтому, если кто-либо самъ себя считаетъ лѣшимъ или діаволомъ, и по отношенію къ другому лѣшему приписываетъ себѣ какія-либо права, то и здѣсь, согласно принятой теоріи, существуетъ дѣйствительное правоотношеніе. Хотя отдѣльные элементы права, субъекты, объекты, права и обязанности, не существуютъ какъ осязаемые, видимые или иными чувствами познаваемые предметы внѣшняго міра, тѣмъ не менѣе они вполне реальны, какъ явленія духа, познаваемые и несомнѣнно удостоверяемые самонаблюденіемъ (стр. 21—23).

Такова психологическая теорія г. Петражицкаго. Мы старались изложить ее во всей ея полнотѣ, по возможности собственными его словами. Когда выставляется начало, которое должно раскрыть невѣдомое доселѣ существо права и объединить всѣ существующія теоріи, то нельзя быть достаточно осмотрительнымъ въ точномъ опредѣленіи понятій и выводовъ. Но можно ли признать, что авторъ достигъ своей цѣли? Нельзя не сказать, что не только въ умѣ юриста, но и въ умѣ всякаго человѣка, старающагося выяснитъ себѣ основныя начала тѣхъ нормъ, которыми управляется вся общественная жизнь, изложенная теорія вызываетъ цѣлый рядъ недоумѣній.

Прежде всего, насъ нѣсколько удивляетъ самая постановка вопроса. Какъ фактъ, право есть явленіе общественной жизни; имъ опредѣляются отношенія людей между собою. Но г. Петражицкій не хочетъ останавливаться на явленіи; онъ стремится постигнуть самую сущность начала, выражающагося въ явленіяхъ. Такое стремленіе нельзя не одобрить. Но какъ скоро мы изслѣдуемъ самую сущность предмета, такъ мы не можемъ уже ограничиваться однимъ фактомъ; надобно указать его основанія. Всего менѣе можно останавливаться на фактѣ психологическомъ, который можетъ быть всякаго рода, не исключая и самыхъ фантастическихъ представленій. Когда мы имѣемъ дѣло съ фактомъ матеріальнаго міра, мы знаемъ, что доказавши наличность факта, мы тѣмъ самымъ обнаруживаемъ присутствіе въ немъ вѣчныхъ и

неизмѣнныхъ законовъ природы. Но психологическіе факты имѣютъ совершенно иной характеръ. То, что составляетъ фактъ для одного, то вовсе не фактъ для другого. Одинъ думаетъ и чувствуетъ такъ, а другой иначе. Что сегодня фактъ, то завтра перестаетъ быть таковымъ. Каждое новое открытіе, каждый новый шагъ измѣняютъ наши взгляды и наши убѣжденія. Какъ психологическіе факты, глубокомысленные выводы мудреца и бредъ сумасшедшаго имѣютъ одинаковое значеніе.

Въ настоящее время, при отрицаніи метафизики и проистекающемъ отсюда упадкѣ философіи, опытная психологія сдѣлалась обычнымъ пристанищемъ всѣхъ тѣхъ, которые ищутъ объясненія явленій человѣческой жизни. Г. Петражицкій поддался этому модному теченію. Но доселѣ оно не дало никакихъ результатовъ. Безъ сомнѣнія, все, что человѣкъ дѣлаетъ, имѣетъ свой источникъ въ психологическомъ фактѣ. Исходя отъ этой мысли, можно сказать, что дважды два четыре есть психологическій фактъ и на этомъ основаніи построить психологическую теорію математики. Однако, доселѣ математики дѣлали свои вычисленія и приходили къ совершенно точнымъ и достовѣрнымъ выводамъ, не прибѣгая къ психологіи. Для того, чтобы послѣдняя могла служить основаніемъ для какихъ бы то ни было выводовъ, надобно, чтобы и она приняла характеръ точной и достовѣрной науки. Но извѣстно, что она весьма далека отъ такого состоянія. Современная психологія представляетъ полный хаосъ разнорѣчащихъ взглядовъ относительно самыхъ основныхъ вопросовъ о человѣческой душѣ. Для правовѣдѣнія въ особенности она не представляетъ ни малѣйшей точки опоры. Первая и главная основа, на которой строится все право и безъ которой оно не существуетъ, состоитъ въ признаніи человѣческой личности и ея свободы, а современная опытная психологія не знаетъ даже, существуетъ ли человѣческая личность или есть только рядъ состояній, которыя мы ошибочно принимаемъ за нѣчто единое. Что же касается до свободы, то внутренній ея источникъ, свобода воли, отвергается огромнымъ большинствомъ современныхъ психологовъ.

Г. Петражицкій не думаетъ впрочемъ основать свою теорію на научныхъ выводахъ психологіи. Онъ довольствуется совершенно отрывочнымъ фактомъ, именно тѣмъ, что онъ находитъ въ самомъ себѣ, выдавая это за непреложную истину, обя-

зательную для всѣхъ. Такой пріемъ, со стороны ученаго, стремящагося утвердить свою теорію на прочномъ научномъ основаніи и отвергающаго всѣ другія теоріи, какъ не научныя, представляется по меньшей мѣрѣ страннымъ. Правда, авторъ обѣщаетъ намъ впослѣдствіи выяснитъ основанія и происхождение права, но это выясненіе должно предшествовать установленію начала. Иначе послѣднее виситъ на воздухѣ и не можетъ служить основаніемъ для какихъ бы то ни было выводовъ. Г. Петражицкій, повидимому, соблазнился примѣромъ Канта, который въ основаніе своего нравственнаго ученія положилъ фактъ существованія понятія объ обязанности въ умѣ человѣческомъ. Можно думать, что не безъ вліянія Канта создалась и собственная его теорія. Но Кантъ своему нравственному ученію предпослалъ *Критику чистаго разума* и, указавши на фактъ, не думалъ на немъ останавливаться, а изслѣдовалъ его происхожденіе, и только возведши его къ верховному началу нравственныхъ понятій, къ категорическому императиву чистаго разума, онъ сдѣлалъ отсюда дальнѣйшій выводъ относительно права и нравственности. Ничего подобнаго не предпринимаетъ г. Петражицкій. Онъ, какъ сказано, довольствуется тѣмъ, что онъ находитъ въ себѣ и не спрашиваетъ себя даже: находятъ ли въ себѣ и другіе то же самое?

Между тѣмъ, это—вопросъ весьма существенный, и надобно было поставить его съ самаго начала. Г. Петражицкій—юристъ, а потому убѣжденія, которые онъ находитъ въ себѣ, составляютъ результатъ обширнаго знакомства съ областью права и нравственности. Тѣ, которые не углублялись въ эти вопросы, могутъ не раздѣлять его взглядовъ. Даже знаменитые юристы и выдающіеся мыслители, какъ Бентамъ и Милль, держались въ этомъ отношеніи совершенно иныхъ воззрѣній. Идущая отъ нихъ утилитарная школа, нынѣ преобладающая, отрицаетъ, какъ извѣстно, всякіе внутренніе императивы и не признаетъ иныхъ побужденій въ человѣческой душѣ, кромѣ исканія удовольствія и избѣжанія страданій. Они могутъ быть совершенно не правы, но во всякомъ случаѣ послѣдователи утилитарнаго ученія означенныхъ убѣжденій въ себѣ не находятъ. То же самое надобно сказать и объ отличіи права отъ нравственности. Г. Петражицкій находитъ въ себѣ убѣжденіе, что нравственнымъ требованіямъ не сооцтвуютъ никакія права, а покойный В. С. Соловьевъ утверждалъ,

что если я, по внутреннему голосу совѣсти, обязанъ любить ближняго, то, значитъ, онъ имѣетъ право на мою любовь, если я обязанъ помогать ближнему, то онъ имѣетъ право на мою помощь. Думаю, что В. С. Соловьевъ былъ не правъ, что не будучи юристомъ, онъ ошибался на счетъ характера юридическихъ отношеній; но это надобно доказать. Нельзя выдавать за первоначальный и достовѣрный психологическій фактъ то, что составляетъ плодъ юридическихъ познаній и что подвергается спору.

Это отсутствіе всякихъ основаній даетъ самому факту ложное освѣщеніе и тѣмъ порождаетъ совершенно превратные изъ него выводы. При недостаткѣ анализа, мы не знаемъ даже, что это за фактъ: есть ли это чувство или сужденіе? Авторъ безразлично употребляетъ оба выраженія; между тѣмъ, это двѣ вещи разныя. Если это—чувство, то это нѣчто безотчетное и тогда надобно доказать, что этотъ инстинктъ вѣренъ и можетъ служить основаніемъ для научныхъ выводовъ. Если же это—сужденіе, то надобно показать, на чемъ оно основано. Въ приводимыхъ авторомъ примѣрахъ, мы, очевидно, имѣемъ передъ собою сужденіе. Я считаю себя обязаннымъ возвратить занятые деньги или уплатить извозчику за ѣзду, потому что я добровольно вступилъ въ договоръ, воспользовался чужими деньгами или чужимъ трудомъ и обязался возвратить деньги или вознаградить за трудъ. Даже когда я сажусь играть въ карты по извѣстной цѣнѣ, я обязываюсь заплатить проигрышъ и имѣю право получить выигрышъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ воля моя связана тѣмъ, что я самъ ее связалъ. Въ приведенныхъ примѣрахъ нѣтъ ничего другого, кромѣ добровольнаго взаимнаго ограниченія свободы, и логически авторъ ничего другого не могъ изъ нихъ вывести. Самая моя обязанность является послѣдствіемъ чужого права, то-есть, чужой свободы. Между тѣмъ, какъ увидимъ далѣе, г. Петражицкій отвергаетъ теоріи права, основанныя на взаимномъ ограниченіи свободы, т.-е. онъ отвергаетъ именно то, на чемъ зиждутся всѣ его разсужденія. Психологическій фактъ, отъ котораго онъ отправляется, состоитъ въ противоположеніи связности воли ея свободѣ, и самая эта связность опредѣляется правомъ, то-есть явленіемъ свободы другого лица. Но затѣмъ онъ о свободѣ совсѣмъ забываетъ и ограничивается чисто внѣшнимъ признакомъ: по его мнѣнію, юридическими отношеніями называются тѣ, въ которыхъ моя обязанность положительнымъ образомъ за-

крѣплена за другимъ лицомъ: право же есть закрѣпленный за нами долгъ другого лица.

Такое опредѣленіе приложимо однако не ко всѣмъ юридическимъ отношеніямъ. Право собственности не есть закрѣпленный за нами долгъ другого лица. Это—отношеніе къ вещи, исключющее изъ нея волю всѣхъ другихъ. Тутъ нѣтъ даже другого лица, къ которому бы это отношеніе специально относилось; оно одинаково оносится ко всѣмъ. Автору это весьма хорошо извѣстно, но такъ какъ это вовсе не клеится съ его теоріей, то онъ вводитъ это начало косвенно, мимоходомъ: въ скобкахъ замѣчается, что подъ именемъ дѣйствія, къ которому обязанъ субъектъ обязанности, разумѣется и воздержаніе (стр. 19). Трудно представить себѣ болѣе легкой способъ отдѣлаться отъ затрудненія. Научный выводъ основного начала великой отрасли человѣческой жизни требуетъ всесторонняго и основательнаго освѣщенія предмета. Отрицательныя обязанности обнимаютъ большую половину правовѣдѣнія. Именно основныя права, составляющія источникъ всѣхъ другихъ, личная свобода, право собственности, свобода совѣсти, связаны только съ отрицательными обязанностями всѣхъ другихъ. Но вмѣсто обстоятельнаго изслѣдованія этихъ отношеній г. Петражицкій довольствуется двумя, тремя примѣрами изъ области договоровъ, имѣющихъ уже производное значеніе, и выводитъ изъ этого опредѣленіе права, которое, несмотря на его завѣренія, вовсе не прилагается къ отрицательнымъ обязанностямъ. Развѣ можно сказать, что личная свобода, право собственности, или свобода совѣсти есть ничто иное, какъ *долгъ* другого лица? Или что эти права суть *воспріятіе* дѣйствія обязаннаго (стр. 70)? Или, еще менѣе, что они приписываются лицу, какъ будущій положительный результатъ дѣйствій другого лица? Противорѣчіе тутъ явное.

Замѣтимъ притомъ, что въ этихъ основныхъ правахъ, связанныхъ съ отрицательными обязанностями, всего яснѣе выражается истинная природа права. И въ договорѣ право *предшествоуетъ* обязанности, ибо я считаю себя обязаннымъ уплатить долгъ единственно потому, что деньги принадлежатъ другому лицу, у котораго я взялъ ихъ на время; въ основныхъ же правахъ, которымъ соотвѣтствуютъ отрицательныя обязанности, это отношеніе выступаетъ съ полною очевидностью. Здѣсь право является тѣмъ, что оно есть на самомъ дѣлѣ,—выраженіемъ свободы лица. Это

и есть начало общее обязанностямъ обоого рода, положительнымъ и отрицательнымъ, то, что связываетъ ихъ другъ съ другомъ. Нельзя поэтому произвольно начинать съ того или другого опредѣленія. Надобно начинать съ основного и затѣмъ уже перейти къ производному, зависящему отъ перваго. Г. Петражицкій, напротивъ, начинаетъ съ обязанности и отъ нея ставитъ въ зависимость право, а это ведетъ его къ радикально ложнымъ выводамъ относительно самаго существа разбираемыхъ имъ отношеній.

Исходя отъ обязанности, Г. Петражицкій считаетъ специфическимъ признакомъ правовыхъ отношеній то, что юридическая обязанность закрѣпляется за другимъ лицомъ, какъ его право. Это онъ называетъ атрибутивною функціею права. Нельзя не сказать, что терминъ выбранъ очень неудачно; неудачно потому, что подъ нимъ можно разумѣть все, что угодно. Если бы, вмѣсто того чтобы прибѣгать къ мудренымъ латинскимъ выраженіямъ, г. Петражицкій ограничился простымъ и яснымъ русскимъ языкомъ, онъ безъ сомнѣнія сказалъ бы только то, что заключается въ приводимыхъ имъ примѣрахъ, именно, что, сознавая свою обязанность, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, *признаю* за другимъ право требовать отъ меня ея исполненія. Никто противъ этого ничего бы не могъ возразить. Вмѣсто того, подставивъ тутъ слово *attribuere*, онъ выводитъ изъ этого, что атрибутивная норма права *даетъ* или *причитаетъ* одному то, что она *вычитаетъ* у другого (стр. 17). Въ другомъ мѣстѣ говорится, что *attribuere* мыслимо только при условіи, что *предоставляется* что-либо (стр. 19). Субъектъ права считается одареннымъ (тамъ же). Наконецъ *attributio* толкуется даже какъ *надѣленіе* (стр. 29). Вспомнимъ, что норма права, по опредѣленію г. Петражицкаго, есть не болѣе, какъ психическое состояніе, мое личное убѣжденіе. Но развѣ можетъ мое убѣжденіе кому-нибудь что-нибудь давать или кого-нибудь чѣмъ-нибудь надѣлять? Очевидно тутъ, незамѣтно для читателя, а можетъ быть и для самого автора, подставляется совершенно другое понятіе, а именно, о нормѣ права, какъ объ обязательномъ законѣ, дѣйствующемъ въ обществѣ. Однако и законъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, никому не даетъ правъ, а только опредѣляетъ тѣ условія, при которыхъ права пріобрѣтаются и отчуждаются. Законъ опредѣляетъ способы заключенія договоровъ; но дѣйствительныя обязательства возникаютъ не изъ

общаго закона, а изъ спеціального условія, заключаемаго между двумя лицами на основаніи закона. Я беру у другаго 1000 рублей взаймы и обязываюсь возратить ихъ въ такой-то срокъ. Мое опредѣленное обязательство, а равно и право другаго лица требовать его исполненія, основаны именно на этомъ добровольно заключаемомъ актѣ. Законъ тутъ ничего не даетъ, а только *признаетъ* право кредитора требовать свои деньги отъ должника, и при этомъ обѣщаетъ оказать свое пособіе при взысканіи. Точно такъ же законъ, въ обычномъ порядкѣ жизни, никого не надѣляетъ собственностью, а только опредѣляетъ способы ея приобрѣтенія и защищаетъ ее отъ захватовъ. Самое же приобрѣтеніе собственности того или другаго размѣра онъ предоставляетъ свободной волѣ лицъ. Я владѣю купленнымъ мною участкомъ земли не потому, что законъ мнѣ его далъ, а потому, что я его купилъ.

До какой степени, г. Петражицкій увлекся туманными представленіями, порождаемыми словомъ *attribuere*, видно изъ того, что изъ *attribuere* онъ выводитъ и *distribuere*, изъ надѣленія—распредѣленіе разныхъ благъ между людьми. Но скажите, Бога ради, развѣ изъ того, что я убѣжденъ въ своей обязанности заплатить занятія у другаго деньги, вытекаетъ право распредѣлять хозяйственныя блага между людьми? Такой изумительный логическій скачокъ былъ бы даже совершенно необъяснимъ, если бы изъ другихъ сочиненій г. Петражицкаго мы не знали, что онъ признаетъ за государствомъ право распредѣлять вещественныя блага между лицами, признавая въ послѣднихъ не разумно-свободныя существа, а просто склады товаровъ. Какъ знать? Можетъ быть, самое слово *attribuere* подкралось тутъ незамѣтно для самого автора, съ тѣмъ, чтобы путемъ заманчиваго созвучія между *attribuere* и *distribuere* подойти къ этому идеалу, разрушающему всякую человѣческую свободу.

Нѣтъ, не дарованіе и не надѣленіе, а *признаніе* за человекомъ правъ составляетъ коренное начало прововѣдѣнія. Право принадлежитъ только разумно-свободному существу, которое, какъ таковое, является *лицемъ*. Только съ свободнымъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ намъ, лицомъ можно заключать договоры; только лице можетъ обладать собственностью. Кто хочетъ постигнуть сущность права, тотъ долженъ возвыситься къ этому началу. А безъ этого мы будемъ только блуждать во тьмѣ

и можемъ затесаться въ такія трущобы, изъ которыхъ нѣтъ выхода.

Къ чему ведетъ психологическая теорія права, исходящая изъ состоянія человѣческой души, можно видѣть на приводимыхъ г. Петражицкимъ примѣрахъ жителя земли, перенесеннаго на Марсъ, и помѣшаннаго, продающаго свою душу черту. Авторъ увѣряетъ, что если въ моей душѣ существуетъ сознание права, то тутъ есть уже правоотношеніе, ибо я приписываю себѣ право, а другому обязанность, хотя бы никто другой этого не признавалъ. Но по собственному его признанію, для правоотношенія всегда требуются два лица, если же другое не признаетъ моего права, и нѣтъ власти, которая бы разрѣшила нашъ споръ на основаніи признаннаго обществомъ закона, то никакого дѣйствительнаго юридическаго отношенія тутъ нѣтъ, а есть только одностороннее притязаніе. Въ этомъ обнаруживается коренной недостатокъ теоріи, ограничивающей понятие о правѣ психическимъ состояніемъ. Право невысказано безъ опредѣляющей его нормы, какъ признаетъ и г. Петражицкій, который опредѣляетъ его какъ атрибутивную норму, регулирующую человѣческое поведение. Но норма не есть только личное убѣжденіе, а начало общее для многихъ. Даже тамъ, гдѣ норма регулируетъ только личное мое поведение и гдѣ, по этому самому, приложеніе ея зависитъ исключительно отъ меня, личное мое убѣжденіе состоитъ въ признаніи надъ собою высшаго закона, обязательнаго для всѣхъ. Таковъ законъ нравственный. Право же не ограничивается моимъ личнымъ поведеніемъ; оно опредѣляетъ внѣшнія мои отношенія къ другимъ лицамъ; оно признаетъ право одного на дѣйствіе другого, а это невысказано безъ общаго закона, признаемаго всѣми. Корень права лежитъ въ человѣческой свободѣ; но свобода становится правомъ, только когда она подчиняется общему закону, опредѣляющему ея границы въ отношеніи къ другимъ.

Отсюда ясно, какое значеніе могутъ имѣть фантастическія представленія о продажѣ души черту и объ юридическихъ отношеніяхъ между лѣшими. Никто не сомнѣвается въ томъ, что можно вообразить себѣ какія угодно юридическія отношенія между воображаемыми лицами. Для этого не нужно даже вызывать образы черта и лѣшихъ. *Венеціанскій купецъ* Шекспира и многочисленные уголовные романы представляютъ тому бо-

лѣе близкіе примѣры. Но никому еще не приходило въ голову причислять эти созданія фантазіи къ области правовѣдѣнія и видѣть въ нихъ не воображаемая, а дѣйствительныя юридическія отношенія. Разница между ними и представленіями помѣшаннаго, считающаго себя лѣшимъ или продающаго свою душу черту, состоитъ лишь въ томъ, что послѣдній принимаетъ созданія своего воображенія за дѣйствительность. Но на то онъ и сумасшедшій. Человѣкъ, находящійся въ здоровомъ умѣ, не можетъ раздѣлять этихъ убѣжденій. Съ точки зрѣнія психологической теоріи, все это, конечно, безразлично, ибо воображеніе есть способность человѣческой души и вызываемая имъ представленія суть такіе же психологическіе факты, какъ и всѣ другіе. Но наука имѣетъ дѣло не съ созданіями фантазіи, а съ настоящею дѣйствительностью. Причисленіе лѣшихъ и чертей къ юридическимъ субъектамъ доказываетъ только, что психологическая теорія права не имѣетъ ничего общаго съ наукой, стремящейся къ познанію истины.

Совершенно иное значеніе имѣетъ мыслимое, или философское право. Это—не простой психологическій фактъ, а система раціональныхъ понятій о правѣ, развивающаяся въ человѣчествѣ и служащая руководствомъ для законодателей и юристовъ. Какъ таковая, она выясняетъ не только то, что есть, но и то, что должно быть. Это составляетъ въ высшей степени важный элементъ правовѣдѣнія. Законодатель не долженъ думать, что устанавливаемая имъ нормы зависятъ исключительно отъ его произвола. Законъ долженъ сообразоваться не съ одними только измѣняющимися практическими потребностями, но и съ вѣчными началами, присущими человѣческому духу. Человѣкъ есть разумно-свободное существо, и какъ таковое, долженъ быть признанъ субъектомъ вытекающихъ изъ свободы правъ. Сознаніе этого начала законодателемъ представляетъ великій шагъ въ исторіи народовъ. Мы видѣли на нашихъ глазахъ, какіе перевороты оно производитъ въ общественной жизни. И это не есть даръ или милость законодателя, а признаніе того, что помимо дѣйствующаго закона лежитъ въ глубинѣ человѣческой природы. Но для того, чтобы это присущее человѣку начало сдѣлалось правомъ, надобно, чтобы оно получило общее признаніе и превратилось въ законъ. Право есть внѣшняя свобода человѣка, опредѣленная общимъ закономъ. Поэтому философ-

ское, или естественное право не есть собственно право; это система понятій о правѣ, которая становится правомъ только когда она осуществляется въ общественной жизни. Истинное право есть положительное право, ибо оно одно опредѣляетъ дѣйствительныя отношенія людей; оно одно имѣетъ обязательную силу. Нельзя, поэтому, видѣть въ положительномъ правѣ только практической способъ разрѣшенія столкновений, какъ дѣлаетъ г. Петражицкій. Оно имѣетъ несравненно высшее значеніе: это переводъ права изъ области мысли, ни для кого не обязательной, въ область дѣйствительности, обязательной для всѣхъ. Право не есть только психологическій фактъ; это норма, опредѣляющая общественныя отношенія. Человѣческой разумъ служитъ источникомъ юридическихъ понятій; но только положительный законъ даетъ этимъ понятіямъ реальную силу. Утверждать, что право есть исключительно психическое явленіе и что всѣ его элементы суть элементы психического акта, а не какіе-либо предметы, находящіеся внѣ души (стр. 22), значитъ идти наперекоръ очевиднымъ фактамъ. Право есть опредѣленіе внѣшней свободы, а внѣшняя свобода имѣетъ дѣло именно съ предметами, находящимися внѣ души. Всѣ человѣческія отношенія происходятъ не иначе, какъ черезъ посредство матеріальнаго міра, безъ котораго, слѣдовательно, нельзя обойтись при установленіи юридическихъ нормъ. Достаточно указать на право собственности. Имѣетъ ли оно какой-нибудь смыслъ, какъ чисто психическій фактъ, безъ отношенія къ элементамъ, находящимся внѣ души?

Философское, или естественное право г. Петражицкій называетъ *интуитивнымъ* правомъ. Это неопредѣленное выраженіе избавляетъ его отъ необходимости точнѣе указать на источникъ этого начала въ душѣ человѣческой. Вѣроятно, со временемъ мы это узнаемъ, когда авторъ выяснитъ намъ происхожденіе права. Рядомъ съ этимъ онъ ставитъ и положительное право; но онъ даетъ послѣднему совершенно своеобразное значеніе. Право, устанавливаемое или признаваемое государствомъ, онъ называетъ *оффициальнымъ* правомъ; къ области же положительнаго права онъ относитъ, сверхъ того, всѣ господствующіе въ обществѣ обычаи, правила учтивости, распорядокъ танцевъ, размѣщеніе гостей за столомъ, однимъ словомъ, всю область нравовъ. Съ точки зрѣнія психологической теории все это опять безразлично; но едва ли

какой-либо юристъ согласится съ такимъ опредѣленіемъ. Правила общежитія имѣютъ совершенно иное значеніе, нежели права лица, вытекающія изъ духовной его природы и составляющія основаніе всего общественнаго зданія. Есть и внѣшній признакъ, которымъ отличаются эти два порядка общественныхъ явленій: область нравовъ такъ же, какъ и область нравственности, вполне предоставляется свободѣ, тогда какъ право сопровождается принужденіемъ.

Мы приходимъ здѣсь къ весьма важному вопросу: составляет ли принужденіе существенный признакъ права? Г. Петражицкій это отрицаетъ. Признавая, что принужденіе можетъ быть однимъ изъ практическихъ послѣдствій атрибутивныхъ нормъ, онъ отвергаетъ принадлежность его къ самому ихъ существу. Съ точки зрѣнія психологической теоріи, не признающей въ правѣ иныхъ элементовъ, кромѣ психическихъ, это совершенно послѣдовательно; но для теорій, которыя видятъ въ правѣ явленіе общественной жизни, вопросъ ставится иначе. Что дѣйствующія въ обществѣ нормы права имѣютъ принудительный характеръ и что юридическія нормы этимъ самымъ отличаются отъ всякихъ другихъ нормъ, это—всеобщій фактъ, который не подлежитъ сомнѣнію. Что же можно противъ этого сказать?

Г. Петражицкій подвергаетъ обстоятельной критикѣ теоріи, признающія принужденіе отличительнымъ признакомъ права; нельзя сказать однако, чтобы его доводы были убѣдительны. Онъ совершенно правъ, когда говоритъ, что признакомъ принужденія даже не затрогивается вопросъ о существѣ права. Но когда онъ утверждаетъ, что присвоеніе праву этого признака заключаетъ въ себѣ логическую несообразность, то въ этомъ трудно видѣть что-либо, кромѣ софизма. Г. Петражицкій усматриваетъ въ этомъ сопоставленіи двухъ понятій то, что называется *definitio per idem* (опредѣленіе вещи ею же самою) (стр. 66). Но когда я говорю, что право есть дѣйствующая въ обществѣ норма, отличительный признакъ которой состоитъ въ принужденіи, то гдѣ же тутъ *definitio per idem*? Это два разные понятія, связанные другъ съ другомъ. Если я прибавлю къ этому, что принудительная сила должна быть ввѣрена организованной съ этою цѣлью власти, то и тутъ нѣтъ никакой логической несообразности. Не видать, почему законъ, устанавлиющій извѣстную норму права, не можетъ опредѣлить и способъ ея исполненія.

Г. Петражицкій даетъ своей критикѣ и другой оборотъ, столь же мало доказывающій. По означенной теоріи, говоритъ онъ, норма тогда только признается юридическою, когда она сопровождается принужденіемъ. Но для установленія принужденія требуется вторая норма, которая есть санкція первой. А такъ какъ эта норма опять же носить принудительный характеръ, то и она, въ свою очередь, требуетъ санкціи. Этимъ путемъ мы никогда не дойдемъ до конца. Каждая норма права, для того чтобы сдѣлаться принудительною, требуетъ безконечнаго ряда санкцій, т. е. приводитъ къ абсурду (стр. 67).

Нельзя не сказать, что эта ирргументація напоминаетъ доводы древнихъ философовъ противъ возможности движенія. Въ дѣйствительности же, безконечнаго ряда санкцій вовсе не требуется для того, чтобы право получило принудительную силу. Принудительное исполненіе нормы требуетъ, вообще, организованной власти, прилагающей принужденіе; но эта цѣль достигается, когда устанавливается власть, облеченная правомъ принуждать и которой отдѣльные лица *обязаны* подчиняться. Норма, опредѣляющая эти отношенія, несомнѣнно есть норма юридическая, ибо ею устанавливаются принудительныя права и обязанности. Но отъ всякой юридической нормы вовсе не требуется, чтобы принужденіе было двустороннее. Законъ даетъ кредитору право принуждать должника, но не даетъ должнику право принуждать кредитора. Точно такъ же и власть, облеченная правомъ принуждать, сама не подлежитъ принужденію, ибо кто же будетъ ее принуждать? *Quis custodiet ipsos custodes?* Противъ возможныхъ ея злоупотребленій могутъ быть установлены гарантіи, заключающіяся въ самомъ ея устройствѣ; но это дѣло цѣлесообразности. Во всякомъ случаѣ, мы непремѣнно придемъ къ власти, не подлежащей принужденію, ибо такова природа вещей. Обязанности ея остаются нравственными.

Г. Петражицкій удивляется тому, что несмотря на неопровержимые, по его мнѣнію, доводы противниковъ теоріи принужденія, они до сихъ поръ остаются гласомъ вопіющаго въ пустынь. Ничего удивительнаго тутъ нѣтъ, ибо они хотятъ опровергнуть фактъ совершенно очевидный. Если у нихъ нѣтъ другихъ доводовъ, кромѣ тѣхъ, которые приводитъ г. Петражицкій, то теорія принужденія остается незыблемою. Да и какъ ее опровергнуть, когда она коренится въ самомъ существѣ юридиче-

скихъ отношеній? Право есть свобода, опредѣленная закономъ. Но отношеніе свободы къ закону можетъ быть двоякое: добровольное или принудительное. Первое имѣетъ мѣсто въ нравственной области, ибо нравственный законъ опредѣляетъ свободу внутреннюю; правомъ же опредѣляется свобода внѣшняя, приводящая человѣка въ столкновенія съ другими, а потому здѣсь отношеніе закона къ свободѣ, по самому существу дѣла, принимаетъ характеръ принудительный. Это не значитъ, что принужденіе прилагается всегда и вездѣ: оно прилагается только въ случаяхъ нарушенія закона. Но и тутъ фактическое осуществленіе этого требованія можетъ встрѣтить многочисленныя затрудненія; можетъ даже случиться, что оно остается совершенно неприменимымъ. Тогда право теряетъ свойственный ему характеръ; но можетъ оставаться обязанность нравственная, исполняемая добровольно. Такъ, на примѣръ, обязательство, совершенное въ незаконной формѣ, или для котораго истекла давность, теряетъ свою юридическую силу, но нравственная обязанность уплатить долгъ остается. Различныя области человѣческой дѣятельности соприкасаются, и всегда возможенъ переходъ изъ одной въ другую.

Еще слабѣе возраженія г. Петражицкаго противъ теорій свободы. Онъ относитъ ихъ къ прошлому и посвящаетъ имъ всего полстранички. Единственное возраженіе, которое онъ приводитъ, состоитъ въ томъ, что господствующее въ этихъ теоріяхъ направленіе состояло въ признаніи осуществленія индивидуальной свободы основною и самою цѣнною задачею права, слѣдовательно преобладающая точка зрѣнія не столько теоретическая, сколько политическая. Въ дѣйствительности же, только нѣкоторыя нормы права имѣютъ въ виду проведеніе начала свободы; другія же явно ему противорѣчатъ: таковы установленіе рабства, крѣпостное состояніе, стѣсненіе свободы слова и т. д.

Знакомые съ исторіей философіи права знаютъ, что упрекъ г. Петражицкаго не относится именно къ самымъ глубокимъ теоріямъ, основывающимъ право на свободѣ. Что же касается до втораго его замѣчанія, то оно совершенно бьетъ мимо: опредѣляя права и обязанности людей, право имѣетъ въ виду не только проведеніе, но и ограниченіе начала свободы во имя чужихъ правъ и общественной пользы, и эти ограниченія измѣняются съ измѣненіемъ общественныхъ потребностей и съ развитіемъ обществен-

наго сознанія. На древнихъ рабовъ право вовсе не распространялось, ибо они считались вещью; только свободныя лица пользуются правами. Развитие же начала свободы въ исторіи человѣчества не подлежитъ сомнѣнію. Древнее рабство пало; на нашихъ глазахъ уничтожилось и невольничество негровъ въ сѣверной Америкѣ. Исчезло и крѣпостное состояніе во всѣхъ образованныхъ государствахъ. Всюду признается начало общей гражданской свободы, неизвѣстное древнему міру и среднимъ вѣкамъ. Самыя начала политической свободы водворились во всѣхъ европейскихъ государствахъ, кромѣ двухъ. Они господствуютъ и въ Америкѣ и въ Австраліи. Тѣ мыслители, которые въ развитіи свободы полагали существенное содержаніе всемірной исторіи и высшую задачу права, имѣютъ за себя прочное основаніе историческихъ фактовъ.

На послѣднихъ страницахъ сочиненія г. Петражицкаго встрѣчается по поводу этого вопроса фраза, которая не можетъ не возбудить нѣкотораго недоумѣнія. «Вообще,—говоритъ онъ,—въ области права удобнѣе и правильнѣе говорить не о волѣ и свободѣ, и не объ интересахъ, а о поведеніи, о дѣйствіяхъ и поступкахъ. Нормы права говорятъ вовсе не объ интересахъ (желаніе выгодъ) и не о свободной волѣ, а о дѣйствіяхъ и поступкахъ» (стр. 125). Вспомнимъ, что вся теорія г. Петражицкаго основана на томъ, что право есть чисто психическій фактъ и ничего кромѣ психическихъ элементовъ въ себѣ не содержитъ; вспомнимъ, что фактъ, который служить ему точкою исхода, состоитъ въ томъ, что мы находимъ въ себѣ двоякое опредѣленіе воли, съ одной стороны—свободу, съ другой стороны—ее связанность; какъ же послѣ этого понять означенную фразу, состоящую со всѣмъ этимъ въ явномъ противорѣчьи? Есть ли это отреченіе отъ воздвигнутой на слишкомъ шаткомъ основаніи системы?

Г. Петражицкій, очевидно, не справился съ своею задачею. Она была слишкомъ обширна, а фундаментъ, на которомъ онъ думалъ построить свое зданіе не былъ достаточно обслѣдованъ и укрѣпленъ. Отрѣшившись отъ господствующей теоріи, основывающей право на интересѣ, за что нельзя не сказать ему спасибо, онъ искалъ новыхъ путей, но пока ихъ еще не обрѣлъ. Будемъ ждать дальнѣйшихъ выпусковъ, хотя едва ли отъ нихъ можно ожидать существенныхъ улучшеній. На худомъ основа-

ни невозможно построить прочнаго зданія. Тутъ требуется полная переработка предмета. При выдающихся дарованіяхъ г. Петражицкаго можно надѣяться, что онъ этотъ трудъ совершить и внесетъ свой вкладъ въ скудную сокровищницу русской науки. Можно пожалѣть только о томъ, что онъ счелъ возможнымъ явиться передъ публикой съ такимъ скороспѣлымъ произведеніемъ. Выгода отъ этого можетъ быть лишь та, что несостоятельность этой попытки побудитъ его пересмотрѣть свои положенія и осмотрительнѣе отнестись къ своимъ выводамъ. Главное же, чего слѣдуетъ желать, это то, чтобы студентамъ не выдавалось за научную истину то, что не имѣетъ ни малѣйшаго научнаго основанія. Чѣмъ даровитѣе профессоръ и чѣмъ болѣе онъ способенъ вліять на своихъ слушателей, тѣмъ осторожнѣе слѣдуетъ быть въ этомъ отношеніи. Иначе, вмѣсто научнаго направленія, ожидаемаго отъ университета, водворится только большій хаосъ въ ищущихъ истины. молодыхъ умахъ. Отъ добросовѣстнаго профессора нельзя и ожидать чего-либо другаго.

Б. Чичеринъ.

Психо-фізіологіческая теорія чувствованій *).

Ш. Законъ ассоціаціи по смежности, выраженный въ наиболѣе общемъ видѣ. Нѣкоторыя приложенія его. Какимъ образомъ ощущенія и представленія пріобрѣтають способность порождать такія органическія переměны, которыя первоначально не вызывались ими? Заразительность чувствованій и чѣмъ она объясняется. Почему искусственное воспроизведеніе нами внѣшнихъ проявленій какой-либо эмоці оказываетъ вліяніе на наше настроеніе? Нѣсколько словъ о теоріяхъ Джемса и Ланге.

Намъ слѣдуетъ теперь рассмотретьъ особо органическія переměны, возникающія подъ вліяніемъ такихъ ощущеній и представлений, которыя первоначально не оказывали почти никакого вліянія на растительную жизнь нашего тѣла. Для этого намъ придется обратить вниманіе на то, что если какія-либо группы нервныхъ клѣтокъ головного мозга часто приходили въ дѣятельное состояніе одновременно или послѣдовательно одна за другою, то эти группы пріобрѣтають способность возбуждать одна другую. Говоря иначе, при подобныхъ условіяхъ между разными группами клѣтокъ устанавливается такая зависимость, что дѣятельное состояніе одной группы начинаетъ приводить въ подобное же состояніе и остальныя группы. Назовемъ буквами А и В двѣ группы моторныхъ клѣтокъ мозговой коры. Положимъ, что этимъ группамъ часто приходилось функціонировать одновременно. Въ такомъ случаѣ достаточно будетъ придти въ дѣятельное состояніе группѣ А, чтобы въ подобное состояніе была вовлечена и группа В. Нетрудно убѣдиться въ справедливости этого. Рассмотримъ общеизвѣстныя движенія, выполняемыя нами въ томъ случаѣ, когда мы беремъ въ руки какой-нибудь предметъ (зонтикъ, стаканъ, платокъ). Мы при этомъ сгибаемъ извѣстнымъ образомъ пальцы своей руки, т.-е., строго говоря, со-

*) См. «Вопр. Фил. и Псих.» № 53.

вершаемъ одновременно нѣсколько движеній. Нѣтъ надобности разъяснять читателю, что движенія каждого пальца требуютъ сокращенія особенныхъ мускуловъ, иннервируемыхъ особенными нервными волокнами, которыя въ свою очередь возбуждаются отдѣльными группами нервныхъ клѣтокъ. Такъ какъ для того, чтобы захватить предметъ въ руки, намъ приходится обыкновенно сгибать всѣ свои пальцы (кромѣ большого), то это обстоятельство приводитъ въ концѣ концовъ къ тому, что достаточно бываетъ прижать къ ладони одинъ изъ четырехъ пальцевъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, чтобы согнулись помимо нашей воли и другіе пальцы той же руки. Но одновременное сокращеніе многихъ мускуловъ оказывается возможнымъ лишь потому, что они одновременно возбуждаются нервными элементами. Поэтому въ данномъ случаѣ группы моторныхъ клѣтокъ, вызывающія съ помощью относящихся нервовъ движенія разныхъ пальцевъ, приходятъ несомнѣнно въ дѣятельное состояніе одновременно. Объясняется это характеромъ предшествующихъ упражненій. Такъ какъ мы очень часто заставляемъ пальцы руки сгибаться одновременно, то, значить, одновременно приходится работать и нѣкоторымъ группамъ моторныхъ клѣтокъ. Вслѣдствіе этого между ними устанавливается такое отношеніе, что когда начинаетъ функціонировать одна изъ этихъ группъ, то приходятъ въ дѣятельное состояніе и остальные группы. Благодаря подобному одновременному или послѣдовательному возбужденію моторныхъ клѣтокъ происходятъ тѣ движенія, которыя мы совершаемъ при ходьбѣ, плаваніи, танцахъ, шитьѣ, вязаньѣ, игрѣ на фортепіано и т. д. Съ помощью соотвѣтствующихъ упражненій мы достигаемъ того, что извѣстныя группы моторныхъ клѣтокъ начинаютъ приводить мускулы въ дѣятельное состояніе вполне машинально, такъ что совершаемыя нами движенія не требуютъ усилій и напряженія вниманія.

Если въ дѣятельное состояніе приходятъ одновременно или послѣдовательно сенсорныя клѣтки коркового слоя, то вслѣдствіе этого устанавливается извѣстная связь между нашими представленіями. Связь эта, выражающаяся въ способности нашихъ представленій вызывать другъ друга, называется ассоціаціей идей. Положимъ, что, встрѣчаясь съ извѣстнымъ человѣкомъ, мы часто слышали отъ него одну и ту же фразу. Съ какимъ фізіологическимъ процессомъ будетъ связанъ такого рода фактъ?

Понятно, что при каждой встрѣчѣ придется функционировать одновременно, во-первыхъ, зрительнымъ клѣткамъ, возбуждаемымъ внѣшнимъ видомъ этого человѣка, и, во-вторыхъ, тѣмъ слуховымъ клѣткамъ, которыя приводятся въ дѣятельное состояніе упомянутою фразою. Вслѣдствіе этого между рассматриваемыми группами клѣтокъ установится такое отношеніе, такая связь, что достаточно будетъ придти въ дѣятельное состояніе первой группѣ, чтобы начала автоматически функционировать и другая группа. Психическій результатъ этой способности, приобретенной нервными клѣтками, будетъ состоять въ томъ, что, встрѣчаясь съ упомянутымъ человѣкомъ или только думая о немъ, мы неизбѣжно будемъ вспоминать и о той фразѣ, которую онъ часто произносилъ въ нашемъ присутствіи. Но внѣшнія впечатлѣнія очень часто заставляютъ сенсорныя клѣтки работать въ опредѣленномъ, неизмѣнно повторяющемся порядкѣ. Такъ, различныя части одного и того же предмета, различныя подробности одного и того же явленія приводятъ въ дѣятельное состояніе почти однѣ и тѣ же группы клѣтокъ. Кромѣ того, извѣстные предметы мы встрѣчаемъ обыкновенно въ опредѣленной обстановкѣ. Около самовара мы видимъ чаще всего чайникъ, стаканы, блюдечки; около тарелокъ на обѣденномъ столѣ оказываются вилки, ножи, салфетки, солонки; дома той улицы, по которой намъ приходится часто ходить, каждый разъ въ одномъ и томъ же порядкѣ дѣйствуютъ на наши глаза и т. п. Благодаря этому и сенсорнымъ клѣткамъ приходится обыкновенно функционировать въ опредѣленномъ порядкѣ; вслѣдствіе чего разныя группы ихъ приобретаютъ способность приводить въ дѣятельное состояніе одна другую не какъ попало, а въ извѣстной послѣдовательности. То, что было наблюдаемо нами одновременно или послѣдовательно, то и припоминается нами въ такомъ же точно порядкѣ. Поэтому явленія, которыя всегда явно сопровождаютъ одно другое, оставляютъ въ нашемъ умѣ и воспоминанія сопровождающія одно другое. Все то въ окружающемъ мірѣ, что оказывается явно связаннымъ между собою, порождаетъ и воспоминанія, связанныя, т.-е. ассоціированныя между собою. Слѣдовательно, связь между нашими идеями является до нѣкоторой степени результатомъ той связи, которая существуетъ между реальностями, соответствующими этимъ идеямъ.

Одновременно или послѣдовательно могутъ функционировать

всякаго рода клѣтки: сенсорныя, моторныя, эмотивныя, а также и тѣ клѣтки, дѣятельностью которыхъ объясняются органическія перемѣны, связанныя съ эмоціями. За отсутствіемъ подходящаго термина, я назову ихъ иннерваціонными клѣтками. Предупреждаю читателя, что терминъ этотъ нельзя назвать удачнымъ уже потому, что моторныя клѣтки тоже принадлежатъ къ числу иннерваціонныхъ. Но такъ какъ моторными чаще всего называютъ тѣ клѣтки, съ помощью которыхъ выполняются произвольныя движенія, то къ числу иннерваціонныхъ мы условимся относить главнымъ образомъ клѣтки, вліяющія на дѣятельность гладкихъ мышцъ, железъ и трофическихъ нервовъ *). Предоставляя читателю полное право позабыть объ этомъ условіи чрезъ нѣсколько минутъ, я только прошу его помнить, что клѣтки, названныя сейчасъ иннерваціонными, тоже подчиняются тому закону, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Законъ этотъ состоитъ въ томъ, что каковы бы ни были группы клѣтокъ, приходящихъ въ дѣятельное состояніе одновременно или послѣдовательно, между ними вслѣдствіе этого всегда устанавливается нѣкоторая зависимость, выражающаяся въ томъ, что возбужденіе одной группы начинаетъ вовлекать въ подобное же состояніе и остальные группы.

Разсмотримъ слѣдствія, вытекающія изъ этого закона. Положимъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ намъ пришлось испытать много огорченій. Согласно съ защищаемой здѣсь теоріею эмоцій, внѣшнія причины вызвали при этомъ нѣкоторыя органическія перемѣны, воспріятыя нами въ видѣ непріятнаго чувствованія. Значитъ, въ данномъ случаѣ были приведены въ дѣятельное состояніе тѣ иннерваціонныя клѣтки, участіе которыхъ необходимо было для произведенія извѣстныхъ органическихъ перемѣнъ. Но въ это же самое время на насъ продолжали дѣйствовать впечатлѣнія, доставляемые всей окружающею средою и вызывавшія

---

*) Да не подумаетъ читатель, что участіе этихъ клѣтокъ мозговой коры необходимо для поддержанія обычнаго теченія растительной жизни нашего тѣла. Совершенно напротивъ, эти клѣтки производятъ скорѣе пертурбаціи въ органическихъ процессахъ, нормальный ходъ которыхъ поддерживается продолговатымъ и спиннымъ мозгомъ, а также элементами, не входящими въ составъ центральныхъ органовъ нервной системы (симпатическая система, собственные нервные узлы сердца, ганглии, находящіеся въ кишечныхъ стѣнкахъ, а также возлѣ кровеносныхъ сосудовъ и т. д.).

рядъ такихъ ощущеній, къ которымъ мы чаще всего относимся совершенно равнодушно. Слѣдовательно, одновременно съ иннервационными клѣтками приходилось функционировать тоже и тѣмъ сенсорнымъ клѣткамъ, которыя возбуждались различными подробностями окружающей насъ обстановки. Къ какому же результату должна была привести эта одновременная дѣятельность иннервационныхъ и сенсорныхъ клѣтокъ. Какъ неизбѣжный результатъ одновременнаго функционированія двухъ группъ нервныхъ клѣтокъ, явилось установленіе между ними такой зависимости, благодаря которой возбужденіе одной группы начало распространяться непременно и на другую группу. Поэтому если мы очутимся въ той мѣстности, гдѣ прежде испытали много огорченій (или даже въ мѣстности, похожей на нее), то сенсорныя клѣтки, возбуждаемая внѣшней средой, заставятъ работать и тѣ иннервационныя клѣтки, которыми вызываються тѣлесныя перемѣны, связанныя съ огорченіемъ. Такимъ образомъ ощущенія, казавшіяся намъ когда-то совершенно безразличными, потеряютъ прежній индифферентный характеръ и станутъ вызывать непріятное чувство.

Чтобы избавиться отъ неосновательныхъ и поэтому безплодныхъ возраженій, порождаемыхъ обыкновенно разными недоразумѣніями, я считаю полезнымъ присовокупить къ сказанному нѣсколько разъясненій. Не подлежитъ сомнѣнію, что мѣстность, личность, предметъ, явленіе могутъ вызвать въ насъ вполне отчетливыя воспоминанія о нѣкоторыхъ событіяхъ и такимъ путемъ пробудить извѣстныя душевныя движенія. Если мы представимъ себѣ ясно то событіе, которое вызвало въ насъ недавно сильное негодованіе, то, конечно, мы снова начнемъ волноваться. Въ данномъ случаѣ мы будемъ какъ бы вторично присутствовать при той сценѣ, которая возбудила въ насъ прежде глубокія чувства, и поэтому рисующіяся въ нашемъ умѣ подробности этой сцены сами по себѣ въ состояніи будутъ повліять на иннервационныя клѣтки и породить такимъ образомъ органическія перемѣны, необходимыя для возникновенія эмоціи. Совершенно таковъ же бываетъ порядокъ явленій и во многихъ другихъ случаяхъ. Если предметъ вызываетъ въ насъ душевное волненіе, напоминая намъ о томъ, что дорого намъ, что привлекаетъ насъ къ себѣ, то въ этомъ нѣтъ ничего неяснаго и непонятнаго. Точно такъ же не требуютъ объясненій тѣ душевныя состоянія,

которыя возникаютъ въ насъ, когда при встрѣчѣ съ какимъ-нибудь человѣкомъ мы вспоминаемъ о забавномъ анекдотѣ, рассказанномъ имъ когда-то, или же о той обидѣ, которую онъ нанесъ намъ. Но предметы и явленія могутъ дѣйствовать на насъ и не пробуждая отчетливыхъ воспоминаній. Иногда звукъ чьего-нибудь голоса вызываетъ въ насъ пріятное волненіе; мы тщетно напрягаемъ память, чтобы припомнить, на чей голосъ похожъ услышанный нами, кого изъ близкихъ, дорогихъ намъ людей напоминаетъ онъ; тѣмъ не менѣе звукъ этого голоса трогаетъ насъ, кажется намъ привлекательнымъ. Точно также и мѣстность, гдѣ протекла значительная часть нашей жизни, можетъ вызывать въ насъ тѣ или другія душевныя движенія независимо отъ какихъ-либо воспоминаній. Если человѣкъ часто вызывалъ въ насъ хорошее настроеніе духа своею веселостью и остроуміемъ, то это настроеніе начнетъ затѣмъ возникать въ насъ при одномъ появленіи его, прежде чѣмъ мы услышимъ отъ него что-либо забавное и даже прежде чѣмъ вспомнимъ о какой-либо изъ его шутокъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда у человѣка и животныхъ возникаетъ инстинктивнымъ путемъ чувство страха, это душевное состояніе появляется совершенно независимо отъ какихъ-либо представлений. Лошади, никогда не видѣвшія львовъ и тигровъ, приходятъ въ сильное безпокойство и убѣгаютъ прочь, когда вблизи ихъ кладутъ ту солому, на которой лежали эти животныя. Едва ли кто-нибудь рѣшится утверждать, что въ данномъ случаѣ испугъ у лошадей вызывается устрашающими представленіями. Но такъ какъ трудно говорить съ увѣренностью о разныхъ подробностяхъ психической жизни какого-либо животнаго, то перейдемъ лучше къ человѣку.

Каждому извѣстно, какъ дѣйствуютъ на насъ внѣшнія проявленія страха, замѣчаемыя нами у другихъ людей. Испуганное выраженіе лица, крики ужаса, бѣгство приводятъ также и насъ не только въ безпокойство, но вызываютъ иногда и чувство страха. Это послѣднее возникаетъ въ подобныхъ случаяхъ совершенно машинально, т.-е. независимо отъ представлений о какой-либо опасности. Поэтому появленіе этого чувства можно объяснить только ассоціаціею, установившейся между чувствомъ страха и тѣми ощущеніями, которыя вызываются въ насъ внѣшними проявленіями этого чувства у другихъ людей. Подобными

же ассоціаціями объясняется заразительность унынія и веселости. При какихъ же условіяхъ возникаютъ эти ассоціаціи? Чтобы не прибѣгать къ бесполезной перифразировкѣ того, о чемъ мнѣ уже приходилось писать раньше, я позволю себѣ привести здѣсь небольшой отрывокъ изъ одной своей работы.

«Внѣшнія выраженія душевныхъ движеній вызываютъ у зрителей и слушателей извѣстные чувства вполнѣ машинально, вслѣдствіе ассоціацій, установившихся въ давно-прошедшія времена и существующихъ поэтому даже у дѣтей. Возникновеніе этихъ ассоціацій можно объяснить слѣдующимъ образомъ. Чѣмъ въ большей степени дѣлалась привычною для людей общественная жизнь, тѣмъ чаще долженъ былъ каждый человѣкъ испытывать какія-нибудь чувства одновременно съ другими людьми. Но каждый случай, вызывавшій у цѣлой толпы людей или испугъ, или гнѣвъ, или смѣхъ, долженъ былъ содѣйствовать установленію ассоціацій между чувствами и воспоминаніями о внѣшнихъ обнаруженіяхъ ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что какой-нибудь фактъ вызвалъ изумленіе одновременно у нѣсколькихъ индивидуумовъ. Въ такомъ случаѣ каждый изъ нихъ будетъ не только испытывать это чувство, но и видѣть какъ измѣнились лица у окружающихъ его людей. вмѣстѣ съ чувствомъ изумленія въ немъ возникнутъ ощущенія, пробужденныя жестиами, невольными восклицаніями, измѣненіями въ интонаціи рѣчи и т. д. Но частое одновременное появленіе какихъ-либо состояній сознательности сопровождается всегда установленіемъ ассоціаціи между ними. Поэтому должна была неизбежно установиться ассоціація между ощущеніями, вызывавшимися въ насъ внѣшними проявленіями чувствованій, и тѣми душевными движеніями, которыя мы испытывали въ это же самое время. Можно сказать поэтому, что внѣшнія выраженія чувствованій вызываютъ у насъ соотвѣтствующія душевныя движенія потому, что предкамъ нашимъ приходилось наблюдать эти выраженія преимущественно тогда, когда они испытывали эти самыя душевныя движенія. Имъ неоднократно приходилось испытывать страхъ и вмѣстѣ съ этимъ видѣть проявленія этого чувства у другихъ, быть въ веселомъ настроеніи и слышать взрывы хохота и т. д. Все это и привело къ тому, что установились, наконецъ, ассоціаціи, благодаря которымъ крикъ испуга, вырвавшійся у одного человѣка, вызываетъ тревожное настроеніе или даже невольный

страхъ у всѣхъ тѣхъ, которые услышали этотъ крикъ» (Элементарныя понятія о физической и психической жизни чловѣка, стр. 335).

Какимъ же образомъ возникаютъ эти ассоціаціи? Должны ли мы думать, что сенсорныя клѣтки, возбуждаемая внѣшними выраженіями чувствъ, приобретаютъ способность приводить въ дѣятельное состояніе также эмотивныя клѣтки. Если бы дѣло ограничивалось только этимъ, то возникающія подобнымъ путемъ душевныя состоянія едва ли можно было бы назвать эмоціями. Они лишены были бы той аффективной окраски, которая является существенною особенностью каждой эмоціи. Кромѣ того душевныя движенія, возникающія у людей при разсматриваемыхъ нами условіяхъ, связаны бывають самымъ очевиднымъ образомъ съ разными органическими перемѣнами. Все это заставляетъ насъ думать, что сенсорныя клѣтки, возбуждаемая внѣшними проявленіями чувствованій у другихъ людей, приводятъ въ дѣятельное состояніе иннервационныя клѣтки и такимъ путемъ вызываютъ органическія перемѣны, необходимыя для появленія эмоцій. Приобрѣтають же онѣ эту способность потому, что имъ часто приходится функционировать одновременно съ иннервационными клѣтками. Въ самомъ дѣлѣ, если какой-нибудь случай пугаетъ толпу людей, то у каждаго индивидуума, входящаго въ составъ этой толпы, приходятъ въ возбужденное состояніе тѣ иннервационныя клѣтки, дѣятельностью которыхъ обусловливается возникновеніе тѣлесныхъ перемѣнъ, связанныхъ съ чувствомъ страха. Но такъ какъ каждый индивидуумъ не только испытываетъ чувство страха, но и видитъ въ то же время, какъ измѣнились лица у окружающихъ его людей, слышитъ ихъ восклицанія и т. п., то, значитъ, вмѣстѣ съ иннервационными клѣтками начинаютъ функционировать при этомъ и сенсорныя клѣтки, возбуждаемая внѣшними выраженіями чувствованій у другихъ людей. Вслѣдствіе этого между упомянутыми группами клѣтокъ устанавливается такая зависимость, что достаточно бываетъ придти въ дѣятельное состояніе однѣмъ клѣткамъ, чтобы въ подобное же состояніе были вовлечены также и другія.

Если кто-нибудь станетъ утверждать, что сенсорныя клѣтки могутъ возбуждать эмотивныя клѣтки непосредственно, т.-е. безъ участія органическихъ перемѣнъ, то я не буду возражать противъ этого, потому что и самъ убѣжденъ въ возможности по-

добнаго возбужденія эмотивныхъ клѣтокъ. Я думаю только, что при этомъ въ насъ возникаетъ не дѣйствительная эмоція, а только, такъ сказать, ея копія. Когда мы вспоминаемъ о музыкальной пьесѣ, то иной разъ она довольно отчетливо начинаетъ звучать въ нашей головѣ. Однако всякій согласится съ тѣмъ, что воспоминаніе о пьесѣ нельзя признать тождественнымъ съ тѣмъ душевнымъ состояніемъ, какое возникаетъ въ насъ, когда мы присутствуемъ при исполненіи ея. Точно также, когда эмотивныя клѣтки возбуждаются импульсами, направляющимися по ассоціационнымъ путямъ, то возникаетъ не эмоція, а душевное состояніе, похожее въ нѣкоторомъ отношеніи на то воспоминаніе о музыкальной пьесѣ, о которомъ сейчасъ говорилось. Для того же, чтобы появилась настоящая эмоція, необходимо, чтобы эмотивныя клѣтки были возбуждены импульсами, направляющимися по тѣмъ приносящимъ нервамъ, которые оканчиваются въ различныхъ внутреннихъ органахъ нашего тѣла. Такимъ образомъ, когда мы наблюдаемъ внѣшнія проявленія душевныхъ движеній у другихъ людей, то, подъ вліяніемъ иннервационныхъ клѣтокъ, происходятъ измѣненія въ ходѣ растительной жизни нашего тѣла, каковыми измѣненіями и опредѣляется характеръ возникающихъ въ насъ чувствованій.

Раздѣляя чувства другихъ людей, мы совершаемъ и тѣ движенія, которыя внушаются этими чувствами. Но такъ какъ одинаковыя эмоціи сопровождаются обыкновенно и одинаковыми движеніями, то нерѣдко выходитъ такъ, что мы какъ будто подражаемъ при этомъ другимъ людямъ. Но если мы неволью повторяемъ жестъ актера, если мы плачемъ вмѣстѣ съ нимъ, то это происходитъ прежде всего потому, что мы раздѣляемъ его чувства. Мы начинаемъ смѣяться вмѣстѣ съ другими обыкновенно вслѣдствіе того, что предварительно проникаемся тѣми же чувствами, которыя испытываютъ другіе. Точно такъ же мы издаемъ привѣтственные восклицанія, машемъ шляпами и платками, аплодируемъ, кричимъ ура очень часто только потому, что успѣли заразиться чувствами, воодушевляющими другихъ людей. Даже зѣвать и потягиваться мы начинаемъ при видѣ чужихъ зѣвковъ и потягиваній только послѣ появленія чувства, заставляющаго насъ дѣлать это. Энергическая пляска одного заставляетъ вскорѣ плясать также и тѣхъ, которые присутствовали сначала только въ качествѣ зрителей. Но и это происходитъ обыкновенно послѣ

того, какъ зрителями овладѣли чувствованія, заставляющія ихъ пускаться въ пляску. Мнѣ могутъ сказать, что я извращаю дѣйствительный порядокъ явленій, что на самомъ дѣлѣ мы сперва невольно воспроизводимъ движенія другихъ людей и только вслѣдствіе этого въ насъ возникаютъ тѣ или другія эмоціи. На это возраженіе я долженъ обратить надлежащее вниманіе уже потому, что мнѣ самому пришлось высказать въ одной изъ своихъ статей взглядъ, съ которымъ я не согласенъ въ настоящее время. Мнѣ казалось тогда, что внѣшнія выраженія страсти у другого человѣка вызываютъ въ насъ произвольныя мышечныя сокращенія, а эти послѣднія вызываютъ соотвѣтствующее душевное движеніе.

Давно было замѣчено, что поза, принятая человѣкомъ, его жесты и выраженіе лица оказываютъ нѣкоторое влияніе на его душевное настроеніе. Придавши нашему лицу выраженіе, соотвѣтствующее извѣстной эмоціи, принявши подходящую позу, мы въ состояніи будемъ вызвать до извѣстной степени и ту эмоцію, внѣшнія проявленія которой были воспроизведены нами искусственнымъ путемъ. Еще Догальдъ Стюартъ обратилъ вниманіе на этотъ фактъ. Бредъ, изучавшій явленія, наблюдаемая у субъектовъ, находящихся въ гипнотическомъ состояніи, нашелъ, что, придавая подобному субъекту извѣстную позу, можно вызвать въ немъ душевное состояніе, выражаемое въ нормальныхъ условіяхъ именно этою позою. Такъ, заставляя ихъ протягивать впередъ руку и сжимать ее въ кулакъ, онъ замѣтилъ, что вслѣдъ за этимъ не только ихъ лицо принимало угрожающее выраженіе, но что они съ яростью бросались на воображаемыхъ противниковъ. Когда же головѣ, рукамъ и тѣлу придавали положеніе, соотвѣтствующее мольбѣ, то на лицѣ субъекта, погруженнаго въ гипнотическій сонъ, появлялось выраженіе смиренія и сознанія собственнаго ничтожества. Всѣ эти факты должны были, конечно, оказать извѣстное влияніе на взгляды людей, изучавшихъ психическую жизнь человѣка. Поэтому насъ не должно удивлять утверженіе Маудсли, что опредѣленныя мускульныя сокращенія служатъ не только выраженіемъ страсти, но составляютъ ея существенную часть. Подобнымъ же образомъ отнесся къ выразительнымъ движеніямъ и профессоръ Джемсъ. По его мнѣнію безъ обычныхъ своихъ внѣшнихъ проявленій испытываемыя нами душевныя состоянія были бы блѣдны, безцвѣтны,

лишены эмоциональной теплоты. Приводя косвенные доказательства въ пользу своей теории эмоций, онъ говоритъ слѣдующее: расправьте морщины на лбу, выпрямите корпусъ, заговорите мажорнымъ тономъ, привѣтствуйте съ веселымъ видомъ знакомыхъ и вы невольно поддадитесь благодушному настроенію; съ другой стороны, попробуйте просидѣть цѣлый день въ задумчивой позѣ, поминутно вздыхая и отвѣчая упавшимъ голосомъ на разспросы окружающихъ, и вы такимъ путемъ еще усилите ваше меланхолическое настроеніе.

Чѣмъ же объясняется подобное вліяніе на насъ мышечныхъ сокращеній, связанныхъ съ разнаго рода выразительными движеніями? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, естественнѣе всего будетъ обратить вниманіе на ощущенія, вызываемыя въ насъ исполняемыми нами движеніями. Каждый знаетъ, что когда мы поднимаемъ грузъ и вообще производимъ какую-либо механическую работу, то въ насъ возникаютъ нѣкоторыя спеціальныя ощущенія, на основаніи которыхъ мы судимъ о трудности или легкости исполняемой нами работы. Эти ощущенія появляются даже и въ томъ случаѣ, когда намъ не приходится дѣлать замѣтныхъ усилій. Принявши извѣстную позу, мы даже въ темнотѣ ясно ощущаемъ, въ какомъ положеніи находится наше тѣло. Точно также мы чувствуемъ при этомъ, что протянули впередъ или согнули извѣстнымъ образомъ свою руку. Хотя мы и не видимъ этого движенія, но ясно ощущаемъ, что оно было сдѣлано нами. Все это оказывается возможнымъ благодаря присутствію тѣхъ ощущеній, которыя называютъ обыкновенно мускульными. Ощущенія эти играютъ довольно важную роль въ нашей психической жизни. Напримѣръ, благодаря имъ мы составляемъ свои сужденія о разстояніи до предметовъ, ихъ тѣлесности, сравнительной величинѣ, движеніи и непроницаемости. Однако, большинство людей почти не сознаетъ присутствія этихъ ощущеній и вообще очень мало знаетъ о нихъ. Объясняется это главнымъ образомъ тѣмъ, что мускульныя ощущенія обладаютъ очень слабымъ чувственнымъ тономъ. Они рѣдко бываютъ приятными или неприятными, а поэтому не привлекаютъ къ себѣ вниманія людей. Какъ отдѣльныя движенія, такъ и самыя разнообразныя комбинаціи ихъ сопровождаются вообще такими мускульными ощущеніями, которыя самымъ несомнѣннымъ образомъ принадлежатъ къ категоріи безразличныхъ. Но почему же въ такомъ случаѣ выразительныя

движенія вліяють замѣтно на наше настроеніе. Является вопросъ, не вызываютъ ли они какимъ-то окольнымъ путемъ другія ощущенія, являющіяся ближайшею и дѣйствительною причиною измѣненія нашего настроенія. Именно такимъ образомъ я и объясняю появленіе эмоцийъ въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ вызываются искусственнымъ воспроизведеніемъ разныхъ внѣшнихъ ихъ проявленій. При подобныхъ условіяхъ возникаютъ нѣкоторыя измѣненія въ ходѣ растительной жизни нашего тѣла, которыми и вызываются внутренностныя ощущенія, служащія дѣйствительнымъ источникомъ нашихъ эмоцийъ. Какимъ же образомъ выразительныя движенія порождаютъ измѣненія въ ходѣ растительной жизни нашего тѣла?

Когда мы испытываемъ душевное движеніе, то происходятъ многочисленныя сокращенія мускуловъ, которыми обуславливаются извѣстное выраженіе лица, опредѣленные жесты и позы. Эти сокращенія мускуловъ вызываются моторными клѣтками. Но вмѣстѣ съ этимъ возникаютъ и органическія перемѣны, порождаемыя тѣми клѣтками, которыя мы условились называть иннервационными. Такимъ образомъ, и въ разсматриваемомъ случаѣ происходитъ то одновременное возбужденіе различныхъ группъ нервныхъ клѣтокъ, о которомъ намъ уже приходилось говорить раньше. Вслѣдствіе этого между моторными клѣтками, вызывающими выразительныя движенія, и иннервационными клѣтками, порождающими органическія перемѣны, устанавливается нѣкоторая зависимость. Выражается она въ томъ, что когда начинаютъ функціонировать извѣстныя моторныя клѣтки, то въ подобное же состояніе приходитъ и опредѣленная группа иннервационныхъ клѣтокъ. Поэтому когда мы воспроизводимъ искусственнымъ путемъ внѣшнія проявленія извѣстной эмоции, то этимъ самымъ мы заставляемъ работать и нѣкоторыя иннервационныя клѣтки. Только благодаря этому обстоятельству и возникаетъ въ насъ при такихъ условіяхъ нѣкоторое подобіе эмоции. Почему же, однако, возникаетъ только подобіе эмоции, спроситъ читатель; если теорія, излагаемая здѣсь, правильна, то должна была бы возникать настоящая эмоція. Совершенно согласенъ съ этимъ, отвѣчу я; такая эмоція и возникла бы въ насъ, если бы мы сумѣли въ совершенствѣ воспроизвести всѣ ея внѣшнія проявленія. Но сдѣлать это не легко. Когда актеръ увлекаетъ насъ своею игрою, онъ достигаетъ этого обыкновенно тѣмъ, что дѣйствительно испытываетъ

то или другое чувство. Онъ мысленно переноситъ себя въ положеніе того лица, дѣйствія котораго изображаются игрою, и силою своего воображенія заставляетъ себя увѣровать, что съ нимъ самимъ случилось все то, что происходитъ на сценѣ. Поэтому ему нѣтъ надобности заботиться объ искусственномъ воспроизведеніи внѣшнихъ проявленій эмоціи. Эти проявленія сами собою возникаютъ подъ вліяніемъ дѣйствительнаго душевнаго волненія. Но если бы кто-либо пожелалъ въ совершенно спокойномъ состояніи воспроизвести внѣшнія проявленія той или другой эмоціи, то онъ увидѣлъ бы, что результаты получаются весьма посредственные.

Такимъ образомъ выразительныя движенія ихъ дѣйствуютъ на насъ не сами по себѣ, а посредствомъ возбуждаемыхъ ими измѣненій въ растительной жизни нашего тѣла. Значитъ, и въ этомъ случаѣ главная роль принадлежитъ внутренностнымъ ощущеніямъ. На этомъ основаніи я не придаю мускульнымъ ощущеніямъ того значенія въ образованіи эмоцій, какое признаетъ за ними Уилльямъ Джемсъ. Этотъ извѣстный психологъ помѣстилъ въ 1884 г. въ журналѣ «Mind» статью, въ которой утверждаетъ, что явленія, на которыя обыкновенно смотрятъ какъ на послѣдствія эмоціи, вовсе не порождаются эмоціей, а, напротивъ, сами являются ея источникомъ. Поэтому во всѣхъ тѣлесныхъ перемѣнахъ, изъ которыхъ слагается языкъ душевныхъ волненій, онъ видитъ не результаты, а причины эмоціи. Тѣлесныя измѣненія, говоритъ онъ, слѣдуютъ непосредственно за воспріятіемъ возбуждающаго ихъ факта. Мы ощущаемъ эти измѣненія, вслѣдствіе чего и возникаетъ эмоція. Принято думать, что, потерявши свое состояніе, мы огорчаемся и плачемъ; встрѣчаемъ медвѣдя, пугаемся и убѣгаемъ; насъ оскорбляетъ соперникъ, мы выходимъ изъ себя и ударяемъ его. По мнѣнію Джемса, рациональнѣе было бы утверждать, что мы чувствуемъ огорченіе потому, что плачемъ; испытываемъ гнѣвъ вслѣдствіе того, что бьемъ другого; поддаемся страху потому, что дрожимъ, а не говорить: мы плачемъ, бьемъ, дрожимъ потому, что опечалены, разгнѣваны, испуганы.

Первоначально Джемсъ придавалъ очень большое значеніе двигательнымъ реакціямъ, связаннымъ съ эмоціями. Вслѣдствіе этого ему сдѣлано было справедливое возраженіе, что при разныхъ по своему характеру эмоціяхъ намъ приходится нерѣдко

выполнять совершенно одинаковыя движенія. Въ самомъ дѣлѣ, гонится ли человѣкъ за своимъ противникомъ или убѣгаетъ отъ него, онъ выполняетъ одинаковыя движенія, хотя душевныя состоянія, испытываемыя имъ, никто не назоветъ похожими другъ на друга. Впослѣдствіи Джемсъ нѣсколько измѣнилъ свое мнѣніе о природѣ эмоцій и при объясненіи ихъ отвелъ главное мѣсто внутренностнымъ ощущеніямъ. Наиболѣе существенными я признаю слѣдующія два положенія, приводимыя Джемсомъ въ защиту своей теории эмоцій: 1) каждое воспріятіе оказываетъ на нашъ организмъ широко распространяющееся дѣйствіе, 2) всякая тѣлесная перемѣна отчетливо или смутно ощущается нами въ моментъ своего появленія.

Говоря здѣсь о различныхъ органическихъ перемѣнахъ, я постоянно имѣлъ въ виду, что каждая такая перемѣна требуетъ участія особенныхъ, специальныхъ нервныхъ элементовъ. Существуетъ, однако, мнѣніе, которое весьма упрощаетъ весь механизмъ нервного вліянія на растительную жизнь нашего тѣла. Это мнѣніе было высказано въ 1866 году Клодъ Бернаромъ. Не отрицая того, что нервная система постоянно вліяетъ на отдѣленія, питаніе и даже на химическіе процессы, совершающіеся въ тканяхъ, Клодъ Бернаръ утверждалъ, что все, происходящее при этомъ, можно объяснить дѣйствіемъ вазо-моторныхъ (сосудодвигательныхъ) нервовъ на кровообращеніе. Мысль эту слѣдуетъ понимать такимъ образомъ: если нервы, оканчивающіеся въ какомъ-нибудь органѣ, оказываютъ воздѣйствіе на работу послѣдняго, то это достигается тѣмъ, что нервы эти или усиливаютъ, или ослабляютъ притокъ крови къ упомянутому органу. Напримѣръ, вліяніе нервныхъ волоконъ, управляющихъ дѣятельностью слюнныхъ железъ, сводится по этой теоріи къ тому, что они или увеличиваютъ, или уменьшаютъ притокъ крови къ упомянутымъ железамъ. Въ первомъ случаѣ происходитъ усиленіе отдѣленія слюны, во второмъ—ослабленіе этого отдѣленія. Короче говоря, Клодъ Бернаръ принималъ въ расчетъ только вазо-моторы и думалъ, что къ дѣйствію, производимому ими на кровообращеніе, сводится весь механизмъ нервного вліянія и что поэтому нѣтъ надобности настаивать на прямомъ дѣйствіи разныхъ специальныхъ нервовъ на отдѣльные органическіе процессы. Подобный же взглядъ на причины тѣлесныхъ перемѣнъ былъ высказанъ въ 1885 году профессоромъ Копенгагенскаго университета Ланге.

Этотъ ученый, подобно Джемсу, смотритъ на тѣлесныя перемѣны, связанныя съ эмоціями, какъ на причины послѣднихъ. По общераспространенному мнѣнію, говоритъ онъ, всякое событіе, за которымъ слѣдуетъ эмоція, вызываетъ сначала именно эту эмоцію; тѣлесныя же проявленія ея составляютъ только побочныя явленія, хотя постоянно присутствующія, но сами по себѣ совершенно несущественныя. Но это мнѣніе, какъ думаетъ Ланге, ошибочно. Когда человѣкъ испытываетъ страхъ, то сердцебиеніе, дрожь, путаница въ мысляхъ вызываются непосредственно ужащающей причиной, такъ что эмоція происходитъ исключительно вслѣдствіе функциональныхъ разстройствъ тѣла. Говоря иначе, страхъ слѣдуетъ объяснить общимъ ощущеніемъ тѣхъ измѣненій, которыя происходятъ при этомъ въ организмѣ человѣка. Значитъ, при возникновеніи эмоцій, дѣйствительный порядокъ явленій бываетъ таковъ: 1) чувственное воспріятіе или воспоминаніе, 2) тѣлесныя перемѣны, 3) сознаніе этихъ перемѣнъ, которое и является тѣмъ психическимъ состояніемъ, которое называютъ эмоціей.

Разсматривая органическія перемѣны, связанныя съ эмоціями, Ланге ставитъ такой вопросъ: не служатъ ли всѣ эти перемѣны только послѣдствіями предварительнаго измѣненія въ кровообращеніи? Онъ рѣшаетъ этотъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ, вслѣдствіе чего и считаетъ возможнымъ утверждать, что чувственныя впечатлѣнія и воспоминанія вызываютъ вазо-моторныя измѣненія и затѣмъ обусловленныя ими другія измѣненія въ тѣлѣ. Такъ какъ Ланге очень много говоритъ о вліяніи вазо-моторныхъ нервовъ, то, вѣроятно, это обстоятельство и ввело нѣкоторыхъ лицъ въ заблужденіе относительно истиннаго смысла теоріи этого ученаго. Напримѣръ, мнѣ пришлось встрѣтить статью, авторъ которой сообщаетъ читателямъ, что Джемсъ и Ланге видятъ въ сосудо-двигательной системѣ даже нѣчто въ родѣ органа чувствованій. Когда начинается усиленная работа сосудо-двигательныхъ центровъ, то объ этой работѣ получаютъ свѣдѣнія въ головномъ мозгу, которыя и являются тамъ въ видѣ ощущеній—страданія, неудовольствія, боли и т. д. Смѣю увѣрить читателей, что ни Джемсъ, ни Ланге ничего подобнаго никогда не утверждали. Хотя въ настоящее время найдется, вѣроятно, очень мало физиологовъ, которые были бы согласны съ вышеупомянутымъ мнѣніемъ Клодъ Бернара, а поэтому и съ

вазо-моторной теоріей Ланге, однако это обстоятельство не умаляет значенія того взгляда на природу эмоцій, который был высказанъ Ланге. Вазо-моторная теорія есть только подробность и при томъ сравнительно маловажная. Но суть дѣла заключается всегда не въ подробностяхъ, а въ основныхъ положеніяхъ той или другой теоріи. Гдѣ детальная разработка подробностей теоріи оказывается преждевременной и поэтому затруднительной, тамъ слѣдуетъ цѣнить даже одни общія положенія, въ особенности въ томъ случаѣ, если они кажутся большинству парадоксальными или даже совершенно ложными.

IV. Нервные клѣтки, функционирующія при появленіи эмоцій. Эти клѣтки могутъ утомляться и погружаться въ сонъ. Этическая оцѣнка спорна. Результаты продолжительнаго прекращенія или извращенія нормальной дѣятельности упомянутыхъ клѣтокъ. Нравственная анестезія.

Такъ какъ на каждую эмоцію мы должны смотрѣть какъ на совокупность органическихъ ощущеній, то значить эмотивныя клѣтки оказываются ни чѣмъ инымъ, какъ тѣми клѣтками мозговой коры, на которыя дѣйствуютъ впечатлѣнія, посылаемая головному мозгу разными внутренними органами. Поэтому если мы найдемъ тѣ клѣтки коркового слоя, которыя возбуждаются процессами растительной жизни, то вмѣстѣ съ этимъ будетъ найдено и то, что мы называемъ эмотивными клѣтками. Очень возможно поэтому, что онѣ окажутся гдѣ-нибудь въ сосѣдствѣ съ клѣтками, приходящими въ дѣятельное состояніе при возникновеніи голода, жажды, полового влеченія. Конечно, нѣтъ основанія думать, что всѣ эти клѣтки собраны непременно въ одномъ мѣстѣ мозговой коры или сгруппированы въ опредѣленные центры*). Въ особенности не слѣдуетъ думать, что онѣ размѣ-

*) Нервнымъ центромъ принято называть всякую группу нервныхъ клѣтокъ, связанныхъ общностью своихъ отправленій и расположенныхъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Возьмемъ, напримѣръ, дыхательный центръ. Клѣтки его связаны общностью своихъ отправленій, такъ какъ всѣ онѣ принимаютъ участіе въ возбужденіи мускуловъ, дѣятельностью которыхъ обуславливаются наши дыхательныя движенія. Онѣ не разбросаны по всей нервной системѣ, а собраны въ опредѣленномъ пунктѣ продолговатаго мозга и образуютъ тамъ отдѣльную группу. Въ подобныя же группы соединены нервныя клѣтки продолговатаго мозга, управляющія мышечными сокращеніями, необходимыми для глотанія, для движеній пищевода и желудка, для измѣненія диаметра кровеносныхъ сосудовъ и т. д.

щены въ видѣ такихъ группъ, изъ которыхъ одна группа приходитъ въ дѣятельное состояніе при гнѣвѣ, другая—при страхѣ и т. д. Я не буду вдаваться въ какія-либо подробности, такъ какъ, съ точки зрѣнія разсматриваемой здѣсь теоріи, вопросъ о локализациіи эмотивныхъ клѣтокъ (т.-е. вопросъ о мѣстонахожденіи ихъ) представляется весьма маловажнымъ. Если бы даже оказалось, что эмотивныя клѣтки разбросаны по всему корковому слою (чего, однако, я не утверждаю), то и въ такомъ случаѣ возникновеніе каждой эмоціи связано было бы съ дѣятельностью не всего головного мозга, а только нѣкоторой части его эмотивныхъ клѣтокъ. Ограничусь поэтому обращеніемъ вниманія читателя только на то обстоятельство, что внутренностныя впечатлѣнія, подобно внѣшнимъ, достигаютъ мозговой коры не иначе, какъ пройдя предварительно чрезъ субкортикальные центры. Только при совмѣстной дѣятельности эмотивныхъ клѣтокъ, лежащихъ въ упомянутыхъ центрахъ и въ мозговой корѣ, получается дѣйствительная эмоція, а не одно только воспоминаніе о ней. Поэтому когда центральные возбудители приводятъ въ дѣятельное состояніе эмотивныя клѣтки мозговой коры (при чемъ подобныя же клѣтки субкортикальныхъ центровъ остаются въ бездѣйствіи), то получается индифферентное душевное состояніе, при которомъ мы остаемся совершенно спокойными. Но почему же въ такомъ случаѣ нѣкоторыя воспоминанія (напримѣръ, воспоминаніе о нанесенной намъ обидѣ, о сдѣланной нами глупости) сопровождаются нерѣдко сильнымъ душевнымъ волненіемъ? Происходить это потому, что такого рода воспоминанія вызываютъ значительныя тѣлесныя перемѣны, которыя и ощущаются нами въ формѣ эмоцій. Въ подобныхъ случаяхъ намъ приходится имѣть дѣло съ реальною эмоціею, а не съ блѣднымъ воспоминаніемъ о ней. Здѣсь эмотивныя клѣтки возбуждаются не тѣми импульсами, которые распространяются въ мозговой корѣ по ассоціаціоннымъ волокнамъ и соприкасающимся отросткамъ нейроновъ, а импульсами другого рода, идущими отъ внутреннихъ органовъ нашего тѣла и проходящими на своемъ пути чрезъ клѣтки субкортикальныхъ центровъ. При соблюденіи этихъ условій получается дѣйствительная эмоція, обладающая всѣми тѣми свойствами, благодаря которымъ она оказываетъ значительное вліяніе на наше поведеніе. При отсутствіи же указанныхъ условій эмоція не возникаетъ, а появляется только мысль

о ней, лишённая аффективной окраски и неоказывающая поэтому большого вліянія на наши поступки.

Эмотивныя клѣтки, подобно сенсорнымъ и моторнымъ клѣткамъ головного мозга, могутъ истощаться и вслѣдствіе этого утрачивать способность къ дѣятельности. Поэтому когда человекъ утомился и его начинаетъ клонить ко сну, то въ немъ замѣчается сильное ослабленіе интереса къ окружающимъ его предметамъ и явленіямъ; онъ дѣлается вялымъ, равнодушнымъ ко всему, апатичнымъ. Истощеніе нервной системы бываетъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ болѣе приходится человеку волноваться, трудиться и испытывать разныя лишёнія. Поэтому походная жизнь съ ея лишёніями, утомительными переходами, частыми тревогами и стычками съ непріателемъ приводитъ иногда людей въ такое состояніе, что они утрачиваютъ способность и радоваться, и пугаться, и веселиться. Нерѣдко случалось, что полумертвые отъ усталости солдаты ложились во время боя на землю и равнодушно отдыхали подъ градомъ непріятельскихъ пуль. Одинъ военный писатель, говоря объ условіяхъ морской войны, справедливо замѣчаетъ, что постоянный страхъ за свое судно, непрерывное ожиданіе атакъ, частыя фальшивыя тревоги, широкія мѣры предосторожности, физическія лишёнія отъ недосыпанія, дождя, сырости, холода—настолько утомляютъ людей, что могутъ довести экипажъ броненосца до полного отупѣнія и равнодушія къ своей участи.

Кромѣ общей усталости всего организма, о которой сейчасъ говорилось, можетъ появляться также частичная усталость, распространяющаяся только на нѣкоторые органы. Напримѣръ, мускулы правой руки и управляющіе ими нервныя элементы могутъ утомиться настолько сильно, что заставятъ насъ дать отдыхъ этой рукѣ, причёмъ эта усталость не распространится на остальные мускулы тѣла. Точно также утомленіе, вызванное умственной работою, не лишаетъ насъ способности къ физическому труду. Подобное частичное утомленіе наблюдается и въ эмоціональной жизни. Каждая эмоція, подобно ощущенію, говоритъ Спенсеръ, оставляетъ послѣ себя временную неспособность къ немедленному повторенію такой же эмоціи. Хотя душевныя движенія продолжаются иногда въ теченіе цѣлыхъ часовъ и дней, но они никогда не представляются однообразными въ продолженіе всего этого времени. Будетъ ли это горе, или радость, или нѣжность,

всегда существуетъ здѣсь поперемянное увеличеніе и уменьшеніе интенсивности; всегда пароксизмъ сильнаго чувства чередуется съ интерваломъ чувства менѣе сильнаго. Обстоятельство это объясняется тѣмъ фактомъ, что появленіе душевнаго движенія всегда влечетъ за собою трату нервнаго вещества въ соотвѣтственномъ нервномъ аппаратѣ. Центры, представляющіе сѣдалище эмоцій, претерпѣвають, при возникновеніи этихъ эмоцій, нѣкоторыя измѣненія и становятся послѣ этого менѣе способными къ порожденію новыхъ эмоцій, пока они не придуть въ прежнее состояніе (Основанія психологіи, т. I, стр. 127—128). Будемъ ли мы слушать длинную оперу или знакомиться съ художественными произведеніями, находящимися въ обширной картинной галереѣ, мы всегда по прошествіи нѣкотораго времени замѣтимъ, что чувства, вызываемыя музыкою и произведеніями живописи, сдѣлались слабѣе, тусклѣе, индифферентнѣе и во всякомъ случаѣ стали непохожими на тѣ душевныя состоянія, которыя мы испытывали два или три часа тому назадъ. Бурное продолжительное веселіе, сопровождаемое частыми взрывами хохота, тоже утомляетъ соотвѣтствующія эмотивныя клѣтки, вслѣдствіе чего способность наша испытывать веселость понижается настолько, что даже весьма остроумные рассказы, шутки и каламбуры начинаютъ оказывать на насъ очень слабое дѣйствіе. Много смѣешься, какъ бы не расплакался, говорятъ иногда расшалившемуся ребенку. Эту фразу указываетъ на общеизвѣстный фактъ, объясняемый именно такимъ утомленіемъ эмотивныхъ клѣтокъ, благодаря которому на ребенка перестаютъ оказывать прежнее дѣйствіе тѣ впечатлѣнія, которыя обыкновенно оживляли и радовали его. Вспомнимъ выраженіе: она выплакала всѣ свои слезы. Что обозначаетъ это выраженіе, какъ не то ослабленіе способности испытывать печаль, которое наступаетъ, наконецъ, вслѣдствіе истощенія извѣстнаго рода эмотивныхъ клѣтокъ.

Хотя вмѣстѣ съ разрушеніемъ тканей идетъ безостановочно и процессъ ихъ возстановленія, однако, послѣ долгаго бодрствованія нервныя элементы головного мозга истощаются и прекращаютъ свою работу, вслѣдствіе чего наступаетъ сонъ. Не вся нервная система пріостанавливаетъ при этомъ свою дѣятельность. Тѣ элементы ея, участіе которыхъ необходимо для поддержанія въ надлежащемъ порядкѣ органическихъ функцій, конечно, не засыпаютъ. Не спитъ также и спинной мозгъ вмѣстѣ съ продол-

говатымъ, хотя нѣкоторыя ихъ части, повидимому, прекращаютъ иногда свою работу. Нѣкоторые полагаютъ, что кошмаръ происходитъ именно оттого, что клѣтки дыхательнаго центра, который находится, какъ мы знаемъ, въ продолговатомъ мозгу, погружаются въ сонъ и перестаютъ поэтому вызывать дыхательныя движенія. Большой мозгъ прекращаетъ если не всю свою работу, то наиболѣе важную ея часть, необходимую для поддержанія въ нормальномъ состоянїи нашей сознательной жизни. Сензорныя клѣтки его засыпаютъ въ извѣстной послѣдовательности, погружаясь постепенно все въ болѣе глубокой сонъ. Когда вызываютъ безсознательное состоянїе вдыханїемъ хлороформа, то замѣчаютъ, что сперва утрачиваются чувства вкуса и обонанія, затѣмъ—чувства зрѣнїя, и, наконецъ,—слуха и осязанія; поэтому хлороформируемый субъектъ еще слышитъ въ то время, когда онъ уже пересталъ видѣть. И при естественномъ снѣ не всѣ чувства засыпаютъ одновременно, такъ что одно чувство можетъ находиться въ болѣе глубокомъ снѣ, нежели другое. Точно также при пробужденїи не всѣ сенсорныя клѣтки приходятъ сразу въ бодрственное состоянїе; поэтому мы можемъ слышать звуки раньше, чѣмъ другія чувства получили возможность воспринимать впечатлѣнїя. Вообще, степень нечувствительности различныхъ клѣтокъ мозга во время сна бываетъ неодинакова. Въ одно и то же время однѣ клѣтки могутъ быть погружены въ очень поверхностный, а другія—въ очень глубокой сонъ.

Чѣмъ сильнѣе бываютъ утомлены нервныя клѣтки предшествующей дѣятельностью, тѣмъ въ большей степени утрачиваютъ онѣ чувствительность во время сна. Карпентеръ въ своей физиологїи ума рассказываетъ, что во время атаки Рангуна капитанъ одного фрегата, истощенный продолжительнымъ напряженїемъ, заснулъ и въ теченїе двухъ часовъ пробылъ въ состоянїи полной безчувственности въ разстоянїи какого-нибудь ядра отъ большой пушки, энергично работавшей въ продолженїе всего этого періода времени. Даже самая жестокая тѣлесная боль уступаетъ настоятельной потребности организма во снѣ. Дамьенъ спалъ во время пытки въ промежуткахъ своихъ ужасныхъ страданїй; индѣйцы Сѣверной Америки, при малѣйшемъ облегченїи ихъ мукъ, спали на кострахъ до тѣхъ поръ, пока усиливавшійся огонь не выводилъ ихъ изъ дремоты (т. II, стр. 134).

Эмотивныя клѣтки тоже засыпаютъ и этимъ объясняется, по-

чему въ нашихъ сновидѣніяхъ мы ведемъ себя иногда не особенно похвально. Мы безцеремонно прогуливаемся нагишомъ по многолюднымъ улицамъ, буйствуемъ, совершаемъ кражи и, при встрѣчѣ съ женщинами, дѣйствуемъ иной разъ черезчуръ свободно. Остальные персонажи, фигурирующие въ нашихъ сновидѣніяхъ, тоже поступаютъ не вполне корректнымъ образомъ, такъ что для всей этой компаніи какъ бы не существуетъ ни правилъ приличія, ни требованій нравственности, ни угрызений совѣсти. «Извѣстный филантропъ, многіе годы занимающій высокую юридическую должность, постоянно совершаетъ во снѣ обдуманная мошенничества и каждый разъ сожалѣетъ о своемъ поступкѣ только тогда, когда оказывается, что его должны повѣсить. Женщина, посвятившая всю жизнь на обученіе дѣтей-бѣдняковъ, поймавъ (во снѣ) одного изъ нихъ на томъ, что онъ передразниваетъ ее, складываетъ его въ комокъ и просовываетъ сквозь прутья львиной клѣтки. Одинъ изъ самыхъ добродѣтельныхъ людей (покойный м-ръ Ричардъ Нэпиръ), вовсе не раздѣлявшій военнаго энтузіазма своихъ братьевъ, протыкаетъ насквозь своего лучшаго друга и даже впоследствии всегда вспоминаетъ необычайное чувство наслажденія, испытанное имъ при видѣ конца шпаги, торчавшей между плечъ любимаго имъ товарища» (Карпентеръ. Основанія физиологіи ума, т. II, стр. 148—149). Справедливо замѣчаніе, говоритъ Маудсли, что если бы мы въ дѣйствительности дѣлали все то, что дѣлаемъ въ сновидѣніи, то въ такомъ случаѣ слѣдовало бы всякаго человѣка, идущаго спать, подвергать заключенію, такъ какъ, по словамъ Цицерона, поступки спящихъ въ этомъ случаѣ превосходили бы свою странностью поступки сумашедшихъ.

Предосудительность дѣйствій, совершаемыхъ нами во снѣ, и равнодушное отношеніе къ нравственной сторонѣ этихъ дѣйствій, замѣчаемое обыкновенно у спящаго человѣка, причиняли большое безпокойство многимъ добродѣтельнымъ людямъ, старавшимся по мѣрѣ силъ своихъ сдѣлать безупречною свою жизнь. Развѣ я не одинъ и тотъ же человѣкъ какъ во снѣ, такъ и на яву, восклицаетъ св. Августинъ, разсуждая о своихъ сновидѣніяхъ. Поэтому онъ признавалъ себя виновнымъ за удовольствія, доставленныя ему во снѣ грѣховными грезами и за то отсутствіе сопротивленія, которое онъ обнаружилъ по отношенію къ этимъ грезамъ. Ему казалось, что и въ сновидѣніяхъ онъ обязанъ былъ вступить въ ту борьбу, которую велъ въ бодрственномъ состояніи съ

разными соблазнами, доставляемыми, окружающею действительностью. Хотя онъ легко могъ удостовѣриться послѣ пробужденія, что извѣстные проступки не были совершены имъ въ дѣйствительности, тѣмъ не менѣе совѣсть его была глубоко возмущаема подобными случаями. Его печалило, что нечистые образы какимъ-то непонятнымъ путемъ могутъ возникать въ его душѣ. Испрашивая у Бога прощенія за удовольствія, вызванныя грѣховными сновидѣніями, онъ горячо молилъ удалить отъ него на будущее время всякіе нечистые помыслы и вожделѣнія даже въ сонныхъ грезахъ. Заслуживаетъ вниманія этическая оцѣнка сновидѣній, сдѣланная св. Еомою. Хотя онъ разсматриваетъ только частный случай (*utrum pollutio posturpa sit peccatum?*), но предложенное имъ рѣшеніе вопроса можно примѣнить ко всякимъ проступкамъ и преступленіямъ, совершаемымъ во снѣ спящимъ человѣкомъ. По его мнѣнію сновидѣнія сами по себѣ не должны считаться грѣхами. Но если мы будемъ разсматривать сны со стороны ихъ источниковъ, то найдемъ случай, когда сонныя грезы придется признать грѣховными. Причины, опредѣляющія характеръ сновидѣній, бываютъ двоякаго рода: внѣшнія или внутреннія, тѣлесныя или духовныя. Спящій человѣкъ не можетъ считаться отвѣтственнымъ за свои сновидѣнія, если они являются послѣдствіями его темперамента и особеннаго состоянія его организма; онъ оказывается виновнымъ, если эти сновидѣнія вызваны какими-либо излишествами при употребленіи пищи и крѣпкихъ напитковъ. Переходя отъ фізіологическихъ причинъ къ интеллектуальнымъ и моральнымъ, придется признать грѣховными наши сновидѣнія лишь тогда, когда они являются результатами тѣхъ нечистыхъ и грѣховныхъ мыслей, къ которымъ мы позволяемъ себѣ относиться снисходительно въ бодрственномъ состояніи. Такимъ образомъ, по этой теоріи человѣка приходится винить строго говоря не за его сновидѣнія, а за тѣ мысли и вожделѣнія, которыя появляются у него на яву и служатъ несомнѣнными источниками нѣкоторыхъ его сновидѣній. Касается затронутого здѣсь вопроса также и св. Іеронимъ. Интересенъ поводъ, послужившій причиною той полемики, которая заставила его высказать свой взглядъ на этическое значеніе сновидѣній. Св. Іеронимъ часто упрекалъ себя за ту склонность, которую онъ пыталъ къ латинскимъ и греческимъ авторамъ. Въ одномъ изъ его сновидѣній предъ нимъ явился въ грозномъ видѣ Іисусъ Хри-

стость, и чтобы смягчить его гнѣвъ, св. Иеронимъ далъ обѣщаніе посвятить себя изученію только священнаго писанія. Однако, онъ не въ силахъ былъ порвать всякую связь съ произведеніями Цицерона и даже продолжалъ рекомендовать этого автора своимъ ученикамъ. Руфинъ, знавшій о томъ обѣтѣ, который данъ былъ св. Иеронимомъ въ сновидѣніи, началъ порицать его за нежеланіе исполнить данное имъ обѣщаніе. Это повело къ полемикѣ, въ которой св. Иеронимъ, доказывая недѣйствительность и призрачность своего обѣщанія, высказалъ также свой взглядъ на значеніе нашихъ сновъ. Онъ утверждалъ, что человѣкъ не долженъ бояться быть ввергнутымъ въ адскій огонь за прелюбодѣяніе, совершенное во снѣ, точно такъ же какъ не имѣетъ права рассчитывать на небесную награду то лицо, которое претерпѣло гоненія и мученія за вѣру только въ своихъ сновидѣніяхъ. Буллье, у котораго я заимствовалъ эти свѣдѣнія о взглядахъ Августина, Иеронима и Омы, считаетъ мнѣніе послѣдняго наиболѣе согласнымъ съ истиною (Bouillier. Responsabilité morale dans le rêve. *Revue philosophique*, février 1883, стр. 130—132).

Въ теоріи, признающей сновидѣнія лишь отраженіемъ дѣйствительности, есть, конечно, своя доля правды. Если человѣкъ останавливается въ бодрственномъ состояніи на нескромныхъ мысляхъ, если онъ увлекается порнографической литературой, то это повліяетъ и на характеръ его сновидѣній. При такихъ условіяхъ человѣка можно будетъ признать отвѣтственнымъ за нѣкоторыя изъ его сновидѣній. Слѣдуетъ, однако, принять въ расчетъ, что самая безупречная жизнь не гарантируетъ человѣка отъ появленія сладострастныхъ и порочныхъ грезъ и что сны далеко не всегда являются простымъ отраженіемъ дѣйствительности. Кромѣ того наиболѣе важнымъ въ данномъ случаѣ является не содержаніе сновидѣній, а то отношеніе къ нимъ, какое мы встрѣчаемъ обыкновенно у спящаго человѣка. Этическая оцѣнка фактовъ производится нравственными чувствами. Поэтому если мы утрачиваемъ способность къ этимъ чувствамъ, то вмѣстѣ съ этимъ исчезаетъ возможность и той оцѣнки, которая совершается съ помощью этихъ чувствъ. Чаще всего спящій человѣкъ и является именно такимъ существомъ, которое утратило временно свою нравственную чувствительность. Онъ превращается поэтому въ существо, отвѣтственное за свои поступки лишь тогда, когда къ нему возвращается способность къ чувствамъ,

управляющим его дѣятельностью въ бодрственномъ состояніи. Нельзя обвинять слѣпого за то, что онъ не пользуется своими глазами; несправедливо порицать человѣка, разбитаго параличомъ, за его бездѣйствіе. Въ подобныхъ случаяхъ поведеніе людей вполне объясняется и оправдывается ненормальнымъ состояніемъ нѣкоторыхъ органовъ тѣла. Точно также неосновательно упрекать спящаго человѣка за чрезчуръ толерантное отношеніе къ соннымъ грезамъ, объясняемое прекращеніемъ дѣятельности нѣкоторыхъ частей его мозга. Если бездѣйствуютъ эмотивныя клѣтки, функціонированіе которыхъ безусловно необходимо для возникновенія, на примѣръ, чувства стыда, то справедливо ли будетъ упрекать человѣка за то, что онъ утратилъ способность къ этому чувству.

Не слѣдуетъ думать, что эмотивныя клѣтки совершенно бездѣйствуютъ во время сна. Если бы дѣло происходило подобнымъ образомъ, то при сновидѣніяхъ мы не испытывали бы никакихъ душевныхъ движеній. Но каждый знаетъ, какъ часто нами овладѣваетъ страхъ подъ вліяніемъ ужасныхъ образовъ, появляющихся въ сонныхъ грезахъ. Точно такъ же мы нерѣдко сердимся во снѣ, предаемся горести, плачемъ и даже просыпаемся въ слезахъ. Многое зависитъ здѣсь отъ глубины нашего сна. При извѣстной интенсивности его сновидѣнія, кажется, совершенно прекращаются. Въмѣстѣ съ фантастическими и причудливыми группами представленій исчезаютъ при этомъ и сопровождающія ихъ душевныя движенія. Но если сонъ не особенно глубокъ, то эмотивныя клѣтки приходятъ въ состояніе до нѣкоторой степени сходное съ тѣмъ, въ какомъ онѣ находятся на яву. Поэтому мы нерѣдко испытываемъ во снѣ и стыдъ и раскаяніе, которые бывають иной разъ такъ мучительны, что вызываютъ даже пробужденіе. Въ виду этого, неосновательно было бы утверждать, что при сновидѣніяхъ всегда отсутствуютъ тѣ чувства, которыя на яву удерживаютъ насъ отъ неприличныхъ и безнравственныхъ поступковъ. Хотя сновидѣнія наши находятся обыкновенно въ нѣкоторомъ противорѣчій съ кодексомъ приличій и съ правилами этики, но нельзя утверждать, что чувство отвѣтственности за поступки, совершаемые въ сновидѣніяхъ, совершенно исчезаетъ у спящаго человѣка. Не исчезаетъ также, вопреки увѣреніямъ многихъ лицъ, и способность къ эстетическимъ чувствованіямъ. Признаюсь, что наиболѣе краси-

вья мѣстности, возбуждшія во мнѣ самое живѣйшее удовольствіе, граничившее съ восторгомъ, мнѣ пришлось видѣть именно во снѣ. Подобные факты объясняются очень просто: достаточно вспомнить о томъ, что сонъ эмотивныхъ клѣтокъ не можетъ длиться безъ конца. Если человѣкъ ведетъ совершенно спокойную жизнь и рѣдко испытываетъ душевныя волненія, то эмотивныя клѣтки его не утомляются въ теченіе дня, а поэтому и пробуждаются раньше другихъ клѣтокъ головного мозга. Точно также если человѣкъ удѣляетъ для сна вполнѣ достаточное время, то нѣкоторыя клѣтки головного мозга наконецъ просыпаются и начинаютъ довольно правильно функционировать въ то время, когда человѣкъ еще не успѣлъ окончательно проснуться. Понятно, что при такихъ условіяхъ можетъ произойти возстановленіе способности къ нравственнымъ и эстетическимъ чувствамъ даже въ то время, когда человѣкъ, повидимому, продолжаетъ еще спать, хотя на самомъ дѣлѣ онъ находится уже въ полу-бодрственномъ состояніи. Если мы затѣмъ обратимъ вниманіе на религіозный экстазъ, на сокрушеніе о своихъ грѣхахъ, на ночныя молитвы, то увидимъ, что многіе религіозные люди не только заставляли усиленно работать эмотивныя клѣтки своего мозга, но даже не давали имъ возможности отдохнуть какъ слѣдуетъ ночью. Понятно поэтому, почему эти клѣтки погружались въ свое время въ такой глубокой сонъ, котораго не могли поколебать никакія перипетіи самаго нескромнаго сновидѣнія.

Дѣятельность нервныхъ клѣтокъ можетъ быть прекращаема искусственнымъ путемъ. Существуютъ вещества, которыя, будучи введены въ кровь, дѣлаютъ нѣкоторые нервныя элементы неспособными къ выполнению ихъ обычныхъ функций. Мнѣ уже приходилось говорить о душевномъ состояніи, вызываемомъ употребленіемъ гашиша. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что при этомъ замѣчается полное отсутствіе чувственнаго элемента; человѣкъ совершенно утрачиваетъ способность къ тѣмъ эмоціямъ, которыя играютъ видную роль въ сладострастныхъ сновидѣніяхъ. «Въ грезахъ, вызываемыхъ индійской коноплей, являются иногда образы молодыхъ женщинъ чудной красоты, — видѣнія эти могутъ быть результатомъ галлюцинаціи или иллюзіи, но чувственные желанія отсутствуютъ. Я смотрѣлъ восхищеннымъ взоромъ, — говоритъ Теофиль Готье, — на гирлянду идеально-прекрасныхъ

женщинъ, блиставшихъ во всей своей божественной наготѣ. Я видѣлъ ослѣпительныя, атласныя плечи, серебристую грудь, маленькія розовыя ножки, роскошныя бедра, но все это не искушало меня. Видѣнія, смущавшія св. Антонія, не имѣли никакой власти надо мной. Это отсутствіе чувственныхъ желаній, отмѣченное писателемъ-романтикомъ, вполне согласуется съ наблюденіемъ доктора Феликса Рубо о полномъ подавленіи полового чувства подъ вліяніемъ пріемовъ гашиша» (Симонъ. Міръ грезъ, стр. 225 — 226). Фактъ этотъ интересенъ въ томъ отношеніи, что онъ явно свидѣтельствуемъ о бездѣятельности въ данномъ случаѣ нѣкоторой группы эмотивныхъ клѣтокъ, возбуждаемыхъ впечатлѣніями, идущими отъ половыхъ органовъ. Мы встречаемся здѣсь съ одностороннею дѣятельностью эмотивныхъ клѣтокъ; въ то время какъ однѣ эти клѣтки усиленно работаютъ, другія какъ бы засыпаютъ. Возможно, однако, что бездѣятельность послѣднихъ вызывается лишь отсутствіемъ соотвѣтствующихъ внутренностныхъ впечатлѣній. Дѣйствіе, производимое на человѣка гашишомъ, не всегда описывается одинаковымъ образомъ. Извѣстно, на примѣръ, что ассасины (послѣдователи военной и религіозной секты, основанной въ Персіи въ XI вѣкѣ) прибѣгали къ помощи гашиша. Въ грезахъ, вызванныхъ этимъ веществомъ, большую роль играли у нихъ женщины и чувственныя наслажденія. Это обстоятельство заставляетъ предполагать, что они употребляли не одинъ гашишъ. Я думаю, что одновременно съ гашишемъ, говоритъ докторъ Симонъ, имъ давалось другое вещество, вызывавшее у нихъ чувственныя желанія, которыя лишали созданныя гашишемъ образы ихъ идеальной чистоты. Мы знаемъ, впрочемъ, что къ препаратамъ гашиша, употребляемымъ на востокѣ, часто примѣшиваются такъ называемыя aphrodisiaca (т.-е. вещества, возбуждающія половое влеченіе). Такимъ образомъ дѣятельность нѣкоторыхъ нервныхъ элементовъ прекращается не только вслѣдствіе усталости, но также и подъ вліяніемъ разныхъ веществъ, введенныхъ въ организмъ и измѣнившихъ качества крови. Къ тому, что было сказано о дѣйствіи гашиша, можно прибавить, что подъ вліяніемъ атропина прекращается нормальная иннервация слюнныхъ и потовыхъ железъ, а курарный ядъ парализуетъ двигательные нервы. Замѣчательно, что ни то, ни другое вещество не оказываютъ ни малѣйшаго вліянія на вазо-моторныя (сосудо-двигатель-

тельные) нервы. Значитъ, между нервными элементами существуетъ различіе, хотя и ускользящее отъ нашего вниманія при непосредственномъ изслѣдованіи этихъ элементовъ, но обнаруживаемое разными косвенными путями.

Отъ того состоянія, въ какомъ бываютъ эмотивныя клѣтки при сновидѣніяхъ и грезахъ, мы перейдемъ теперь къ болѣе глубокимъ и продолжительнымъ измѣненіямъ въ ихъ дѣятельности. Имѣется на лицо немало фактовъ, доказывающихъ, что сильное давленіе на головной мозгъ сопровождается полною потерю сознанія. Психическая жизнь при этомъ совершенно прекращается, т.-е. исчезаютъ одновременно и ощущенія, и представленія, и душевныя движенія. Если вслѣдствіе удара по головѣ происходитъ переломъ костей и вдавленіе ихъ внутрь черепа, то безчувственное состояніе, въ которое моментально впадаетъ при этомъ человѣкъ, прекращается только послѣ удаленія черепныхъ костей, давившихъ на мозгъ. При этомъ къ больнымъ не только возвращается тотчасъ же сознаніе, но неоднократно замѣчалось, что они доканчиваютъ фразу, которую начали произносить предъ тѣмъ, какъ съ ними случилось несчастіе. Нѣкоторые экспериментаторы пользовались иногда для своихъ наблюденій отверстиями въ черепѣ, образовавшимися вслѣдствіе подобныхъ случайностей. Человѣку предлагали вопросъ и тотчасъ же надавливали на обнаженную часть мозга. Все время, пока продолжалось это надавливаніе, никакого отвѣта не получалось; но какъ только экспериментаторъ переставалъ давить на мозгъ, человѣкъ начиналъ отвѣчать, совершенно не подозревая того, что прошелъ нѣкоторый промежутокъ времени послѣ предложенія ему вопроса. Если подвергается сдавливанію только небольшой участокъ мозговой коры, то наступаетъ не общая потеря чувствительности и способности къ произвольнымъ движеніямъ, а какое-нибудь частное, т.-е. ограниченное разстройство въ области движеній и ощущеній. Такое давленіе на извѣстную группу клѣтокъ коркового слоя можетъ быть слѣдствіемъ, напримѣръ, небольшого кровоизліянія, вызваннаго разрывомъ нѣкоторыхъ кровеносныхъ сосудовъ мозга. Если подобное кровоизліяніе происходитъ въ опредѣленномъ пунктѣ третьей лобной извилины лѣваго полушарія, то оно сопровождается разстройствомъ движеній, необходимыхъ для разговора, причемъ всѣ остальныя способности человѣка сохраняются при немъ. Из-

вѣстная группа клѣтокъ мозговой коры можетъ прекратить свою дѣятельность также вслѣдствіе остановки притока къ ней крови, вызваннаго закупоркою нѣкоторыхъ артерій. Самая же закупорка эта объясняется въ однихъ случаяхъ утолщеніемъ стѣнокъ артерій (тромбозъ), а въ другихъ—присутствіемъ сгустковъ свернувшейся крови, которые образуются иногда при болѣзненномъ перерожденіи внутренней поверхности кровеносныхъ сосудовъ (эмболія). Прекращеніе дѣятельности какихъ-нибудь клѣтокъ головного мозга является также результатомъ неисправнаго состоянія приносящихъ нервовъ. Я уже упоминалъ о томъ, что клѣтки мозга не могутъ приходить въ дѣятельное состояніе самопроизвольно, т.-е. независимо отъ возбужденій периферическаго или центрального происхожденія. Поэтому когда разстраивается ихъ связь, на примѣръ, съ органами чувствъ, то клѣтки остаются въ бездѣйствіи, несмотря на обиліе внѣшнихъ впечатлѣній. Не будемъ однако останавливаться на этихъ подробностяхъ, такъ какъ и безъ нихъ каждый знаетъ, что головной мозгъ не у всѣхъ людей работаетъ одинаково исправно.

Если прекращается нормальная дѣятельность моторныхъ клѣтокъ головного мозга, то утрачивается способность къ выполненію произвольныхъ движеній. «Разсматривая паталогическія измѣненія, происходящія въ сферѣ двигательныхъ отправленій, мы находимъ, что въ началѣ нервныхъ болѣзней параличъ бываетъ обыкновенно мѣстнымъ, т.-е. распространяется лишь на незначительную группу мускуловъ. На примѣръ, человекъ теряетъ способность глотать, курить, свѣстать, писать разборчивымъ почеркомъ, захватывать пальцами мелкіе предметы; онъ безпрестанно роняетъ вещи, находящіяся въ его рукахъ, походка его дѣлается шаткою, а рѣчь—очень невнятною, и только немногія слова онъ произноситъ попрежнему вполне ясно. Парализованными въ этихъ случаяхъ оказываются, слѣдовательно, только немногія группы мускуловъ. Нерѣдко разстройство двигательныхъ отправленій ограничивается только мускулами половины лица, половины языка, гортани, глазъ, одной какой-нибудь конечности, причемъ случается и такъ, что въ извѣстной конечности бываютъ затронуты ходомъ нервной болѣзни только немногія мышцы, остальные же остаются нетронутыми, такъ, на примѣръ, сгибающія мышцы могутъ быть совершенно парализованы, тогда какъ разгибающія сохраняютъ еще свою нормаль-

ную дѣятельность. Понятно, что явленія такого рода оказываются возможными лишь потому, что сокращеніе каждаго отдѣльнаго мускула вызывается дѣятельностью не всего мозга, а лишь опредѣленныхъ нервныхъ элементовъ. вмѣстѣ съ болѣзненнымъ измѣненіемъ этихъ послѣднихъ становятся невозможными и тѣ мускульныя сокращенія, которыя являются результатомъ возбужденія извѣстныхъ клѣточекъ и волоконъ нервной системы. къ тому же заключенію привело бы насъ изслѣдованіе патологическихъ измѣненій въ области чувства. Мы увидѣли бы, что человекъ теряетъ обыкновенно воспріимчивость только къ нѣкоторымъ изъ дѣйствующихъ на него впечатлѣній, напр., онъ теряетъ чувства вкуса и обонянія, причемъ воспріимчивость его ко всѣмъ другимъ впечатлѣніямъ сохраняется въ прежней силѣ; онъ дѣлается нечувствительнымъ ко всякимъ раздраженіямъ, дѣйствующимъ на органы осязанія, тогда какъ другіе виды чувствительности остаются нетронутыми, и т. д. Иногда исчезаетъ чувствительность только въ одной части организма, напримѣръ, въ рукѣ или ногѣ, вслѣдствіе чего больному начинаетъ казаться, что у него нѣтъ какого-нибудь члена или что этотъ послѣдній не находится болѣе въ прежней связи съ организмомъ (Элементарныя понятія о физической и психической жизни человека, стр. 82—83).

Такъ какъ эмотивныя клѣтки являются ничѣмъ инымъ, какъ сенсорными клѣтками, приспособленными къ воспріятію органическихъ ощущеній, то полезно будетъ остановиться на фактахъ, знакомящихъ насъ съ нѣкоторыми видами разстройства чувствительности. Явленія, вызываемыя прекращеніемъ нормальной дѣятельности нѣкоторыхъ сенсорныхъ клѣтокъ, бывають иногда настолько поразительны, что могли бы возбудить недовѣріе читателей, если бы существованіе этихъ явленій не было засвидѣтельствовано вполнѣ авторитетными лицами. Гризингеръ приводитъ примѣры такого уничтоженія у душевно-больныхъ чувствительности къ боли и измѣненіямъ температуры, что больные буквально сжигали себя, оставаясь при этомъ совершенно спокойными. Одинъ умалишенный, говоритъ онъ, оставшись въ комнатѣ безъ присмотра, положилъ голову на раскаленную желѣзную плиту, а руки въ самый огонь. Сильный запахъ привлекъ людей; больной былъ совершенно равнодушенъ и не обнаруживалъ никакихъ признаковъ боли, хотя руки его обгорѣли до

костей. Интересенъ также случай, о которомъ сообщаетъ Карпентеръ. «Прохожій прилежъ въ зимній вечеръ возлѣ печи для пережиганія извести, положивъ свои ноги, вѣроятно, околѣнчившія отъ холода, на кучу камней, наваленныхъ на ночь для пережиганія. Въ этомъ положеніи онъ заснулъ. Между тѣмъ, огонь, распространяясь все далѣе и далѣе, достигъ, наконецъ, камней, гдѣ лежали ноги. Въ это время человѣкъ, убаюканный тепломъ, продолжалъ спать. Усилившійся огонь сжегъ сначала одну ступню (лежавшую, вѣроятно, надъ отдушиной) и часть голени, притомъ до такой степени, что нога совершенно обуглилась, и, несмотря на это, несчастный продолжалъ спать! Въ этомъ состояніи его на другое утро нашель истопникъ. Не чувствуя никакой боли и не имѣя понятія о случившемся съ нимъ, бѣдняга попробоваль встать, чтобы продолжать свой путь, но не могъ найти башмака и попросиль, чтобы ему помогли отыскать его. Когда онъ, наконецъ, поднялся, оперевъ сожженную ногу о землю, берцовая кость рассыпалась на части, какъ кусокъ извести. И тѣмъ не менѣе, онъ не обнаружилъ никакихъ признаковъ боли и по всей вѣроятности не чувствовалъ ея». (Основанія физиологіи ума, I, ст р. 148—149). Происшествіе это показалось настолько неправдоподобнымъ, что въ свое время было надлежащимъ образомъ разслѣдовано во всѣхъ своихъ подробностяхъ.

Послѣ подобныхъ фактовъ насъ не должны удивлять случаи, при которыхъ душевно-больные разгрызають стекло на кусочки, переламываютъ себѣ руки и ноги, срываютъ перевязки и самымъ неосторожнымъ образомъ двигаютъ поврежденными членами, не испытывая при этомъ никакой боли. Бываетъ такъ, что потеря чувствительности (анестезія) распространяется не только на кожу, но также на слизистыя оболочки, мышцы, органы обонянія и вкуса. Встрѣчались больные, которые сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ имѣли только посредствомъ одного глаза и одного уха. Такихъ больныхъ можно было усыпить, закрывая у нихъ глазъ и затыкая ухо; причемъ сонъ наступалъ очень быстро. Грингеръ объясняетъ всѣ эти анестезіи разстройствомъ центральныхъ органовъ. Если читатель отнесется скептически къ этому объясненію и подумаетъ, что утрата чувствительности является результатомъ неисправнаго состоянія приносящихъ нервовъ, то все-таки ему придется въ расчетъ, что благодаря этой

неисправности перестают функционировать въ извѣстныхъ случаяхъ центральные органы. Значить и при иномъ объясненіи анестезіи дѣло сведется въ концѣ-концовъ къ тому, что утрата чувствительности обусловливается бездѣйствіемъ сенсорныхъ клѣтокъ. Бываетъ и такъ, что чувствительность клѣтокъ чрезмѣрно повышается. Чтобы не усложнять возложенной на себя задачи, я пока не буду останавливаться на этомъ. Я считаю болѣе поучительными случаи анестезіи, такъ какъ здѣсь сама природа производитъ экспериментъ, необходимый для выполнения того правила индуктивной логики, которое устанавливается методомъ разницы. Согласно съ требованіями этого метода, мы должны устранить то обстоятельство, которое считаемъ причиною изучаемаго явленія. Если послѣднее прекратится, то значить устраненное обстоятельство служить одною изъ причинъ этого явленія. Въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ сама природа приводитъ въ бездѣйствіе, т. - е. какъ бы устраняетъ нѣкоторыя сенсорныя клѣтки и даетъ намъ возможность узнать, каковы бываютъ послѣдствія этого эксперимента.

Если могутъ утрачивать способность къ нормальной дѣятельности сенсорныя клѣтки, воспринимающія дѣйствіе внѣшнихъ впечатлѣній, то естественно ожидать, что то же самое можетъ произойти и съ тѣми сенсорными клѣтками, которыя возбуждаются впечатлѣніями, исходящими изъ различныхъ частей собственнаго нашего тѣла. Эти клѣтки были названы здѣсь эмотивными единственно для того, чтобы не напоминать постоянно читателю о томъ, что рѣчь идетъ о клѣткахъ, приспособленныхъ къ воспріятію впечатлѣній, доставляемыхъ органическими перемѣнами. Но, повторяю, эмотивныя клѣтки съ полнымъ правомъ могутъ быть причислены къ разряду сенсорныхъ. Уже на этомъ только основаніи необходимо допустить, что эмотивныя клѣтки тоже могутъ приходить въ состояніе, сходное съ тѣмъ, въ какомъ бываютъ при анестезіи другія клѣтки. Какъ и слѣдовало ожидать факты вполне подтверждаютъ справедливость этого предположенія. Иногда душевно-больные совершенно утрачиваютъ способность къ тѣмъ органическимъ ощущеніямъ, которыми обусловливается появленіе голода. Въ нихъ не возникаетъ ни малѣйшей потребности подкрѣпить себя пищею; они быстро худѣютъ, такъ что приходится прибѣгать даже къ насильственному мѣрамъ, чтобы заставить ихъ проглотить что-нибудь. Такъ

какъ мускульныя ощущенія тоже принадлежать къ числу органическихъ, то полезно будетъ напоминать читателю о томъ, что люди могутъ утрачивать также мышечную чувствительность. Вслѣдствіе этого они лишаются способности обыкновеннымъ путемъ узнавать о положеніи различныхъ частей ихъ тѣла. Поэтому если имъ приходится идти, то они должны бывать смотрѣть на свои ноги, такъ какъ движенія послѣднихъ не сопровождаются обычными мускульными ощущеніями. Если женщина, страдающая мышечною анестезіею, держитъ на рукахъ ребенка, то она непременно должна слѣдить глазами за положеніемъ своихъ рукъ. Въ противномъ случаѣ она можетъ, не замѣчая этого, опустить руки и уронить ребенка.

Иногда больные съ удивленіемъ замѣчаютъ, что они какъ будто перестали существовать. Они сохраняютъ свои интеллектуальныя особенности, но самочувствіе ихъ не только измѣняется, но какъ бы исчезаетъ. Органическія функціи совершаются правильно, но у больныхъ перестаютъ возникать обычныя потребности, они теряютъ вкусъ ко всему, не чувствуютъ ни голода, ни обремененія желудка. Такіе больные безпрестанно задаются вопросомъ, живутъ ли они, находятся ли въ самомъ дѣлѣ на землѣ? Такъ какъ они не видятъ никакого различія между своимъ состояніемъ и смертью. Когда они выздоравливаютъ, то имъ кажется, что они вновь возрождаются къ жизни, что теперь они воскресли, а раньше были мертвецами. Чѣмъ же объясняется подобное исчезновеніе чувства фізіологическаго существованія? По мнѣнію доктора Солье, причиною этого явленія служитъ утробная анестезія, т. е. исчезновеніе внутренностныхъ ощущеній. Болѣзненное измѣненіе чувства собственнаго существованія, говоритъ онъ, встрѣчается именно у тѣхъ субъектовъ, которые страдаютъ болѣе или менѣе глубокой утробной анестезіею и только съ уничтоженіемъ этой анестезіи утраченное чувство существованія вновь восстанавливается и больному кажется, что мертвое тѣло замѣнилось живымъ. Нерѣдко чело-вѣкъ заболѣваетъ совершенно внезапно; онъ вдругъ ощущаетъ сотрясеніе въ головѣ и затѣмъ наступаетъ то исчезновеніе чувства жизни, которое обуславливается потерей способности испытывать внутренностныя ощущенія. Больной можетъ опредѣлить совершенно точнымъ образомъ то мѣсто черепа, гдѣ почувствовалось сотрясеніе, вслѣдъ за которымъ исчезло чувство собствен-

наго существованія. При помощи топографіи, приблизительно установленной для мозговыхъ центровъ, управляющихъ внутренностями, я могъ убѣдиться, говоритъ Солье, что это мѣсто какъ разъ соотвѣтствовало центрамъ пищеварительныхъ органовъ вообще и желудка въ частности. Онъ утверждаетъ, что утробную анестезію можно вызвать искусственнымъ путемъ и что, вслѣдъ за такою искусственной анестезіей внутренностей, у человѣка исчезаетъ чувство жизни, и онъ теряетъ способность испытывать какія-либо эмоціи *).

Разсматривая сновидѣнія, мы уже обратили вниманіе на то, къ какимъ результатамъ приводитъ временное прекращеніе дѣятельности эмотивныхъ клѣтокъ. Понятно, что подобныя же послѣдствія должны наступить и въ случаѣ болѣе продолжительнаго бездѣйствія этихъ клѣтокъ, вызваннаго патологическими процессами. Если мы примемъ въ расчетъ также вполне возможное усиленіе чувствительности тѣхъ или другихъ эмотивныхъ клѣтокъ, то поймемъ, какъ много имѣется причинъ, способныхъ произвести значительныя расстройства въ эмоциональной жизни человѣка. Неудивительно поэтому что не бредъ и не галлюцинаціи признаются психіатрами истинными признаками душевнаго расстройства, а нравственныя измѣненія. Нѣтъ ни одного помѣшаннаго, говоритъ Эскироль, у котораго не были бы разстроены, извращены или уничтожены страсти, привязанности и весь характеръ. Нравственная анестезія наблюдается иногда одновременно съ анестезіею въ области какого-нибудь внѣшняго чувства. Гринингеръ рассказываетъ объ одномъ мальчикѣ, поведение котораго было всегда очень хорошо, какъ вдругъ въ немъ стали проявляться самыя дурныя наклонности. Онъ вовсе не былъ сумашедшій, но вся поверхность его кожи стала нечувствительною. Состояніе это сдѣлалось перемежающимся: когда оно кончалось, больной становился послушнымъ и тихимъ, но вмѣстѣ съ кожною анестезіей возвращались самыя дурныя наклонности, доводящія даже до влеченія къ убійству (Душевные болѣзни, стр. 95—96). Возможно, что въ такихъ случаяхъ у больного исчезала способность къ тѣмъ эмоціямъ, которыя въ нормаль-

*) Докторъ Солье въ 1899 году читалъ въ Брюссельскомъ университетѣ лекціи по физиологической психологіи. Переводъ съ рукописи его заключительной лекціи помѣщенъ въ іюльской книжкѣ «Научнаго Обзорѣнія» за 1899 г., откуда я и заимствовалъ вышеприведенныя свѣдѣнія.

номъ состояніи удерживали его отъ дурныхъ поступковъ. Если каждая случайная наша мысль не сопровождается немедленно соответствующимъ поступкомъ, то это объясняется задерживающимъ вліяніемъ разныхъ чувствованій. Положимъ, что при видѣ ножа у какого-нибудь субъекта возникаетъ воспоминаніе о зарѣзанной курицѣ, а затѣмъ начинаетъ рисоваться въ умѣ картина того, какъ этимъ ножомъ проводятъ по горлу человѣка. При нормальныхъ условіяхъ подобная картина вызываетъ и ужасъ, и отвращеніе. Но предположимъ, что, вслѣдствіе своего рода эмоциональной анестезіи, больной относится къ этой картинѣ совершенно индифферентно. Въ такомъ случаѣ онъ въ состояніи будетъ совершить и дѣйствіе, внушаемое этой картиной, съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ другой человѣкъ закуриваетъ папиросу или переставляетъ стулъ съ одного мѣста на другое. Именно это спокойствіе и является во многихъ случаяхъ очень опасною особенностью больныхъ.

«Подобно тому какъ есть люди, немогушіе различать нѣкоторыхъ цвѣтовъ вслѣдствіе такъ называемой цвѣтной слѣпоты, и люди, которые неспособны отличать одной мелодіи отъ другой, вслѣдствіе недостатка музыкальнаго уха, такъ есть и люди съ врожденнымъ недостаткомъ нравственнаго чувства. Рука объ руку съ этимъ недостаткомъ встрѣчается часто большая или меньшая тупость ума, но не всегда; у нѣкоторыхъ замѣчается поразительный умъ безъ слѣдовъ нравственнаго чувства» (Маудсли. Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ, стр. 65 — 66). Припомнимъ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ той же самой книги, до какой степени нравственный характеръ извращается при болѣзняхъ или пораненіяхъ мозга. Скромный человѣкъ дѣлается надменнымъ и требовательнымъ, цѣломудренный — безстыднымъ и развратнымъ, честный человѣкъ — воромъ, правдивый — самымъ отъявленнымъ лгуномъ; нѣкоторые теряютъ инстинктивную любовь къ дѣтямъ, такъ что мать покидаетъ, ненавидитъ и даже старается умертвить своего собственнаго ребенка. И все это обнаруживается нерѣдко раньше какого-либо умственнаго расстройства.

Говоря о вырождающихся лицахъ, Кюллеръ указываетъ на то, что они отличаются различными недостатками нравственности и характера; на низшей ступени вырожденія мы встрѣчаемся не только съ слабостью, но и съ полнымъ отсутствіемъ нравствен-

наго чувства. Тутъ ужъ мы имѣемъ дѣло съ нравственнымъ ту-поуміемъ или идиотизмомъ. Личности, пораженныя такого рода тупоуміемъ, обнаруживаютъ болѣе или менѣе явный недостатокъ умственныхъ способностей,— хотя это послѣднее условіе и не-обязательно, такъ какъ случается, что нравственный идиотизмъ соединяется съ блестящими умственными способностями. У лич-ностей, о которыхъ здѣсь говорится, уже съ раннихъ лѣтъ встрѣчаются порочныя инстинкты, извращенныя чувства и дур-ныя, неискоренимыя наклонности. Ведутъ себя они такъ, что ихъ выгоняютъ изъ всѣхъ училищъ, куда бы они ни поступили. Часто они весьма рано подвергаются карѣ правосудія и попада-ютъ въ исправительные дома. По Гельвецію неравенство умовъ происходитъ отъ различія образованія; Локкъ говоритъ, что на сто человѣкъ девяносто будетъ хорошими или дурными, вред-ными или полезными, въ зависимости отъ полученнаго ими вос-питанія. Но мнѣніе этихъ философовъ идетъ въ разрѣзъ съ ежедневнымъ наблюденіемъ. Личности, которыми мы теперь за-нимаемся, не поддаются никакому воспитанію. Самая совершен-ная умственная культура безсильна измѣнить ихъ порочныя ин-стинкты (Кюллеръ. Границы сумашествія, стр. 21—23).

Какъ однѣ личности обнаруживаютъ наклонность къ наслѣд-ственному душевному вырожденію, такъ другія обнаруживаютъ врожденную наклонность къ преступности. О ворѣ можно ска-зать то же самое, что о поэтѣ: онъ рождается, а не становится таковымъ. Подобно тому, какъ у нравственно-помѣшанныхъ бо-левая нечувствительность представляетъ одно изъ видныхъ про-явленій ихъ ненормальнаго состоянія, у преступниковъ наблю-дается притупленіе почти всѣхъ родовъ чувствительности. От-сутствіе нравственнаго чувства является также общимъ призна-комъ какъ для преступниковъ, такъ и для нѣкоторыхъ сума-шедшихъ. Многіе преступники не могутъ понять, что такое без-нравственность. Нерѣдко кто-нибудь изъ нихъ и понимаетъ, что поступилъ дурно; но онъ не придаетъ слову «дурно» того значенія, какое придаютъ ему остальные люди. Одинъ изъ нихъ писалъ послѣ своего перваго убійства: «я надѣюсь, что мнѣ простятъ этотъ пустякъ». Другой, на пути къ висѣлицѣ, къ ко-торой онъ былъ приговоренъ за убійство съ грабежемъ, жало-вался, что человѣка рѣшаютъ казнить за подобную бездѣлицу (Ibid., стр. 151—153).

Такимъ образомъ, существуютъ лица, которыхъ рѣшительно не возмущаютъ факты, кажущіеся возмутительными остальнымъ людямъ, живущимъ въ томъ же самомъ обществѣ. Они относятся къ этимъ фактамъ съ такимъ же спокойствіемъ, съ какимъ калѣчатъ себя и обвариваютъ кипяткомъ лица, утратившія болевую чувствительность. Очевидно, что нѣкоторые нервные элементы ихъ головного мозга перестаютъ функционировать нормальнымъ образомъ. Эти элементы или совершенно прекращаютъ свою работу, или исполняютъ ее въ недостаточной степени, или дѣйствуютъ какимъ-то извращеннымъ способомъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ случаи, въ которыхъ нравственная нечувствительность соединяется съ прекрасными умственными способностями. Случаи эти самымъ нагляднымъ и убѣдительнымъ образомъ доказываютъ намъ, что эмоціональная жизнь человѣка требуетъ участія какихъ-то особенныхъ нервныхъ элементовъ. Работа послѣднихъ оказывается ненужною для умственныхъ процессовъ, вслѣдствіе чего болѣзненное разстройство этихъ элементовъ не оказываетъ вліянія на умственную жизнь человѣка, но зато отражается на его чувствованіяхъ. Въ виду этого, мы не имѣемъ права объяснять каждое преступленіе недостаткомъ сообразительности, неумѣемъ понять свои выгоды и т. п. Если люди, вполне сохранившіе свои умственные силы, ведутъ себя иногда самымъ предосудительнымъ образомъ, то это происходитъ, конечно, не потому, что они не умѣютъ разсуждать. Въ жизни человѣка движущею силою являются не мысли, а чувствованія; они же служатъ и тормозами, удерживающими его отъ тѣхъ или другихъ поступковъ. Поэтому когда прекращается или извращается дѣятельность нервныхъ элементовъ, функционированіе которыхъ безусловно необходимо для появленія извѣстныхъ эмоцій, то въ психической жизни человѣка исчезаетъ именно то, что необходимо для регулированія его поведенія. Эту потерю нельзя бываетъ возмѣстить обращеніемъ къ уму человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, что больной всунулъ свою руку въ топящуюся печку и, несмотря на это не ощущаетъ никакой боли. Можно ли будетъ возбудить въ немъ болевое ощущеніе посредствомъ увѣщеваній и разныхъ доказательствъ? Понятно, что подобная попытка окажется вполне безуспѣшной. Точно также нельзя бываетъ возбудить стыдъ, жалость къ другимъ, чувство собственнаго достоинства у того человѣка, у котораго, вслѣд-

ствіе прекращенія дѣятельности нѣкоторыхъ эмотивныхъ, клѣтокъ развилась нравственная анестезія.

Читатель не долженъ упускать изъ виду того, что здѣсь шла рѣчь не объ условіяхъ, создающихъ преступника, а только о возможныхъ послѣдствіяхъ нравственной безчувственности. Не подлежитъ сомнѣнію, что большинство преступленій совершается подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій; существуютъ, однако, личности съ несовершенною и болѣзненною организациею, предрасполагающею ихъ къ совершенію преступныхъ дѣйствій. Но даже относительно такихъ личностей можно и слѣдуетъ поставить вопросъ о томъ, подъ вліяніемъ какихъ соціальныхъ условій могли выработаться эти врожденные болѣзненные особенности. Вѣроятно, такія особенности являются результатами ненормальной жизни родителей преступника, т.-е. вызываются нищетою, чрезмѣрнымъ трудомъ, плохимъ питаніемъ, антигигиеническими условіями, а также алкоголизмомъ и другими излишествами.

V. Индивидуальныя различія. Степень возбудимости нервныхъ клѣтокъ. Нѣсколько словъ о проводимости ассоціаціонныхъ путей. Вліяніе кровообращенія. Бѣглый взглядъ на существенныя положенія изложенной теоріи чувствованій. Эта теорія не можетъ быть названа матеріалистической.

Не всѣ люди одинаково пугливы, вспыльчивы, расположены къ веселью или унынію. Существуютъ лица, у которыхъ эмоціи вызываются самыми ничтожными поводами; у другихъ же возбуждаемость чувствованій оказывается менѣе быстрою. Кромѣ того продолжительность и напряженность душевныхъ движеній тоже бываютъ не одинаковы у различныхъ лицъ. Чѣмъ же объясняются эти индивидуальныя различія? Многое зависитъ здѣсь отъ того, какими свойствами обладаютъ нервныя клѣтки головного мозга. Способность послѣднихъ къ дѣятельности не у всѣхъ людей бываетъ одинакова. Точно также и возбудимость этихъ клѣтокъ можетъ быть сильной или слабой, быстрой или медленной. Для того, чтобы читатель не подумалъ, что эта неодинаковая возбудимость клѣтокъ является только продуктомъ фантазіи автора настоящаго очерка, необходимо будетъ остановиться на нѣкоторыхъ фактахъ. Мы уже видѣли, что дѣятельность эмотивныхъ и сенсорныхъ клѣтокъ иногда въ высшей степени ослабляется и даже совсѣмъ прекращается. Перейдемъ теперь къ явленіямъ противоположнаго характера, т.-е. къ тѣмъ

случаямъ, когда приходится имѣть дѣло съ очень повышенной чувствительностью (гиперестезіей). Существуютъ субъекты, приходящіе въ сильное безпокойство отъ легчайшаго прикосновенія къ ихъ кожѣ; даже слабое дуновеніе вѣтерка и треніе объ одежду вызываютъ у нихъ дрожь и болѣзненное чувство, а давленіе на нѣкоторыя точки тѣла, то постоянныя, то мѣняющіяся, причиняетъ сильнѣйшую боль. На другихъ субъектовъ свѣтотвоя впечатлѣнія дѣйствуютъ такъ сильно, что они проводятъ цѣлые дни въ темной комнатѣ и выходятъ изъ дому только ночью. Нѣкоторымъ изъ нихъ приходится защищать глаза даже отъ сіянія звѣздъ; въ темной комнатѣ они не переносятъ присутствія бѣлыхъ предметовъ, слабый отблескъ которыхъ рѣжетъ имъ глаза. У третьихъ мы встрѣчаемъ преувеличенную чувствительность по отношенію къ звукамъ; они страдаютъ отъ самаго незначительнаго шума, не переносятъ музыки, а грохотъ экипажей вызываетъ у нихъ головокруженіе и своего рода опьяненіе. Иногда гиперестезія эта бываетъ настолько развита, что въ присутствіи такихъ больныхъ нельзя бываетъ кашлять, чихать и даже говорить; шелестъ матеріи, тиканье часовъ кажутся имъ невыносимыми и вызываютъ болѣзненные спазмы. Кромѣ указанныхъ измѣненій въ сферѣ внѣшнихъ чувствъ, приходится также встрѣчаться съ крайней эмоціональной возбудимостью. Существуютъ лица, очень легко поддающіяся разнымъ чувствованіямъ, постоянно волнующіяся, постоянно наэлектризованныя какою-нибудь страстью, такъ что они почти никогда не бываютъ спокойными. Описывая подобныхъ субъектовъ, часто указываютъ на раздражительность, измѣнчивое настроеніе духа, странную подвижность и неугомонность, связанную нерѣдко съ чрезвычайною болтливостью, экзальтированностью, вскрикиваніемъ и вздрагиваніемъ подъ вліяніемъ ничтожныхъ причинъ, сильную обидчивость, вспыльчивость, доводящую до судорожныхъ припадковъ, крайнюю чувствительность ко всякой неожиданности и ко всякому нарушенію установившихся привычекъ.

Такъ какъ въ излагаемой здѣсь теоріи эмоцій очень важное значеніе имѣютъ иннервационныя клѣтки, то полезно будетъ указать на то, что и эти клѣтки подвергаются измѣненіямъ, аналогичнымъ съ тѣми, которыя происходятъ съ сенсорными клѣтками при анестезіи и гиперестезіи. То вліяніе, какое оказываютъ эти клѣтки на дѣятельность различныхъ органовъ, бываетъ не

всегда одинаковымъ. Говоря иначе, иннервация упомянутыхъ органовъ оказывается въ одномъ случаѣ очень ослабленной, въ другомъ очень усиленной. Остановимся сперва на моторныхъ клѣткахъ, такъ какъ онѣ тоже принадлежатъ къ числу иннервационныхъ. Иногда моторныя клѣтки совершенно теряютъ способность вызывать мышечныя сокращенія и результатомъ такого измѣненія ихъ нормальныхъ свойствъ являются разнаго рода параличи. Такъ какъ подобное болѣзненное состояніе охватываетъ обыкновенно не всѣ, а первоначально только нѣкоторыя моторныя клѣтки, то и расстройства въ области движеній оказываются сперва довольно незначительными. Напримѣръ, человѣкъ начинаетъ говорить съ большимъ трудомъ, невнятно произноситъ слова, заикается. Одновременно съ замедленіемъ бѣглости рѣчи походка его дѣлается колеблющеюся; онъ непроизвольно отклоняется съ дороги въ сторону и легко спотыкается. По мѣрѣ развитія болѣзни, хольба становится все болѣе и болѣе затруднительной, такъ что приходится постоянно держаться за стѣну; всѣ движенія, требующія точности (писаніе, шитье, игра на фортепіано) становятся невозможными. Больной утрачиваетъ, наконецъ, способность держаться на ногахъ; вмѣсто правильной рѣчи остаются только спутанные, неопредѣленные звуки и т. д. Въ другихъ случаяхъ моторныя клѣтки пріобрѣтаютъ способность вызывать чрезмѣрныя мышечныя сокращенія, вслѣдствіе чего появляются конвульсіи и судороги. При легкихъ формахъ болѣзни наблюдаются только автоматическія подергиванія лица и головы, чрезмѣрное сокращеніе зрачковъ, судороги шейныхъ мускуловъ, невольныя движенія рукъ или ногъ. Въ болѣе замѣтной формѣ обнаруживаются подобныя явленія при падучей болѣзни и Виттовой пляскѣ. Эта послѣдняя проявляется судорожными движеніями членовъ, сначала легкими и ограниченными, но затѣмъ усиливающимися въ значительной степени и распространяющимися на цѣлую половину тѣла, а иногда на всю мышечную систему.

Разсмотрѣнныя расстройства въ области движеній обусловливаются чаще всего ненормальною дѣятельностью центровъ головного, а не спинного мозга. Это видно уже изъ того, что расстройства эти связаны бывають обыкновенно съ разными душевными болѣзнями. Напримѣръ, параличныя явленія, о которыхъ говорилось выше, почти всегда сопровождаются то слабоуміемъ,

то иппохондріей, то извращеніємъ характера, побуждающимъ больныхъ, находящихся на свободѣ, совершать такіе поступки, которые приводятъ судей въ большое недоумѣніе. Очень часто замѣчается при этомъ присутствіе горделивыхъ идей о собственной личности и мономанія величинъ, которая, вслѣдствіе ея частаго совпаденія съ общимъ параличомъ, приобрѣла важное значеніе для прогноза. Больные высказываютъ самыя преувеличенныя идеи о своемъ могуществѣ, о томъ, что они владѣютъ цѣлыми провинціями, государствами, мірами, милліонами. Одинъ обладаетъ тысячею милліоновъ милліардовъ; все въ мірѣ принадлежитъ ему; онъ все создалъ самъ; другой строитъ великолѣпнѣйшіе замки, купилъ Италію, завоевалъ и уничтожилъ Азію и разрушаетъ мостъ, который ведетъ на луну; третій ежедневно проходитъ сто миль, сочиняетъ сто великолѣпныхъ трагедій и тысячу стихотвореній; голова у него изъ золота и алмазовъ, онъ обладаетъ золотыми лошадьми и замками и т. д. (Гризингеръ. Душевные болѣзни, стр. 464—465).

Извѣстно, что Виттову пляску называютъ иногда «мышечнымъ помѣшательствомъ». Конечно, лица, говорящія это, хорошо помнятъ, что двигательныя разстройства вызываются въ данномъ случаѣ болѣзненнымъ состояніемъ нервной системы, а не мускуловъ. Такъ какъ считается дозволительнымъ пользоваться подобными выраженіями, то я могу сказать читателю, что помѣшательство овладѣваетъ не одними мускулами, но и другими органами нашего тѣла. Иной разъ начинаютъ безумствовать, и притомъ довольно сильно, слюнныя железы. Функціонированіе ихъ становится настолько неправильнымъ, что отдѣленіе слюны то совершенно прекращается, то въ значительной степени усиливается. Обильное слюноотеченіе длится иной разъ нѣсколько дней; затѣмъ оно окончательно исчезаетъ или появляется позднѣе безъ всякой видимой причины. Эта ненормальная дѣятельность слюнныхъ железъ объясняется усиленіемъ или ослабленіемъ иннервации упомянутыхъ железъ. Въ данномъ случаѣ клѣтки, иннервирующія слюнныя железы, приходятъ, повидимому, въ состояніе подобное тому, въ какомъ бываютъ моторныя клѣтки при конвульсивныхъ припадкахъ и параличахъ, а сенсорныя—при гиперестезіи и анестезіи. Точно также извращается нерѣдко у нервныхъ людей дѣятельность потовыхъ железъ, при чемъ обильное отдѣленіе пота локализуется иногда въ рукѣ,

головѣ или другой части тѣла. Вслѣдствіе разстройства иннервации замѣтно измѣняется также дѣятельность почекъ, при чемъ отдѣленіе мочи то прекращается, то увеличивается. Не слѣдуетъ думать, что моча задерживается въ мочевомъ пузырьѣ, такъ какъ въ данномъ случаѣ онъ называется пустымъ. Такое прекращеніе мочеотдѣленія длится нерѣдко больше недѣли безъ особеннаго вреда для здоровья. Приходится наблюдать и противоположныя явленія, когда у нервныхъ субъектовъ свѣтлая и прозрачная моча начинаетъ выдѣляться цѣлыми потоками. Явленія эти не должны удивлять насъ, такъ какъ измѣненіе нормальныхъ свойствъ нервныхъ элементовъ не всегда ограничивается только одною небольшою группою ихъ, но распространяется также и на другіе элементы. Поэтому если возбудимость сенсорныхъ и моторныхъ клѣтокъ порой сильно измѣняется, то всегда можно ожидать, что болѣзненный процессъ распространится и на тѣ клѣтки, которыми иннервируются различные органы растительной жизни.

Если мы станемъ теперь говорить о пониженной или повышенной возбудимости нервныхъ клѣтокъ, то читатель уже не въ правѣ будетъ относиться съ недоумѣніемъ къ возможности такого факта. Предположимъ поэтому, что возбудимость клѣтокъ головного мозга очень ослаблена. Въ такомъ случаѣ даже сильныя впечатлѣнія будутъ вызывать слабыя ощущенія. Распространеніе нервнаго возбужденія въ мозговой корѣ окажется незначительнымъ, такъ что имъ будетъ затронуто лишь небольшое число иннервационныхъ клѣтокъ. Вслѣдствіе пониженной ихъ возбудимости онѣ будутъ работать вяло и пошлютъ слабые импульсы къ разнымъ органамъ. Возникшія благодаря этому тѣлесныя перемѣны окажутся незначительными и неспособными оказать замѣтное вліяніе на эмотивныя клѣтки. А такъ какъ, по нашему предположенію, и эти клѣтки лишены нормальной возбудимости, то мы и не получимъ того осложненія внѣшнихъ ощущеній органическими, которымъ обуславливается появленіе эмоцій. Поэтому у субъектовъ съ очень ослабленною возбудимостью нервныхъ клѣтокъ головного мозга мы встрѣтимъ полнѣйшую невозмутимость, отсутствіе желаній, апатичную безропотность, эмоціональное оцѣпенѣніе. Такіе субъекты дѣйствительно встрѣчаются и нельзя сказать, чтобъ очень рѣдко. Допустимъ теперь, что у какого-нибудь человѣка нервныя клѣтки

головного мозга отличаются повышенной возбудительностью. Въ такомъ случаѣ даже слабыя впечатлѣнія будутъ приводить въ дѣятельное состояніе сенсорныя клѣтки мозговой коры и вызывать сильныя ощущенія. Нервные токи, распространяясь отъ этихъ клѣтокъ по ассоціаціоннымъ путямъ, заставляютъ работать также иннерваціонныя клѣтки. Вслѣдствіе повышенной возбудимости послѣднихъ даже слабыя нервные токи въ состояніи будутъ вызвать усиленное функціонированіе этихъ клѣтокъ. Результатомъ такой работы иннерваціонныхъ клѣтокъ явится возникновеніе разнаго рода органическихъ перемѣнъ. Эти перемѣны въ свою очередь подѣйствуютъ на эмотивныя клѣтки и, благодаря повышенной возбудимости послѣднихъ, вызовутъ сильное чувствованіе.

Для упрощенія вопроса я предположилъ, что возбудимость всѣхъ клѣтокъ мозговой коры оказывается повышенной или пониженной. Понятно, что такіе случаи должны встрѣчаться довольно рѣдко. Но я не буду пускаться въ подробности, такъ какъ читатель и самъ можетъ догадаться о результатахъ такихъ измѣненій, при которыхъ усиливается или ослабѣваетъ возбудимость только нѣкоторыхъ клѣтокъ. Точно также я не стану долго останавливаться на томъ вліяніи, какое оказываютъ на психическую жизнь, нѣкоторыя особенности нервныхъ волоконъ и отростковъ нейроновъ. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что проводимость нервныхъ волоконъ не во всѣхъ случаяхъ бываетъ одинакова. То же самое можно сказать и относительно отростковъ нейроновъ. Допустимъ поэтому, что проводимость ассоціаціонныхъ путей значительно уменьшилась. Въ такомъ случаѣ распространеніе нерваго возбужденія въ мозговой корѣ будетъ встрѣчать такія препятствія, какихъ не бываетъ въ нормальномъ состояніи. Если при обыкновенныхъ условіяхъ нервные токи свободно циркулировали отъ одной группы клѣтокъ къ другой, то, съ ослабленіемъ проводимости ассоціаціонныхъ путей, такой процессъ можетъ сдѣлаться невозможнымъ. Я уже говорилъ о томъ, что при извѣстныхъ условіяхъ между двумя группами клѣтокъ можетъ установиться такая зависимость, вслѣдствіе которой достаточно будетъ придти въ дѣятельное состояніе одной группѣ, чтобы въ подобное же состояніе была вовлечена и другая группа. Но чѣмъ именно обусловливается возможность подобнаго явленія? Понятно, что главную роль

играютъ здѣсь ассоціаціонные пути, по которымъ нервное возбужденіе передается отъ одной группы къ другой. Если эти ассоціаціонные пути утратили свою нормальную проводимость, если нервные токи начинаютъ встрѣчать значительныя и даже непреодолимыя препятствія, то однѣ группы клѣтокъ перестанутъ вовлекать въ дѣятельное состояніе другія группы, а поэтому нѣкоторыя ассоціаціи окажутся разрушенными, или же реализація ихъ будетъ происходить медленно и только при весьма благоприятныхъ условіяхъ. Легко понять, каковы будутъ результаты такого ослабленія или распаденія существующихъ ассоціацій. Для того, чтобы одно представленіе могло напоминать намъ о другомъ, необходимо, чтобы между ними существовала прочная, устойчивая ассоціація. Представленіе, неассоціированное съ другими душевными состояніями, вовсе не можетъ возникнуть въ нашемъ умѣ, такъ какъ появленіе всякой идеи объясняется ассоціаціею ея съ тѣми идеями, которыя занимали нашъ умъ въ предшествующій моментъ. Разсмотримъ, какое вліяніе на эмоціональную жизнь человѣка оказываетъ такое разрушеніе ассоціацій, благодаря которому предметы и явленія перестаютъ вызывать въ немъ обычныя воспоминанія.

Многіе предметы вызываютъ въ насъ тѣ или другія душевныя движенія единственно при помощи связанныхъ съ этими предметами воспоминаній. Поэтому если предметы эти перестаютъ вызывать обычныя воспоминанія, то это непременно отражается извѣстнымъ образомъ и на нашей эмоціональной жизни. Предположить, что предметъ или явленіе перестали вызывать въ насъ тѣ представленія, благодаря которымъ мы считали ихъ прежде опасными и вредными. Понятно, что въ такомъ случаѣ мы останемся вполне спокойными при встрѣчѣ съ этими предметами и явленіями и проявимъ непонятную для другихъ смѣлость тамъ, гдѣ эта смѣлость окажется совершенно неумѣстной и неблагоприятною. Если при встрѣчѣ съ другимъ человѣкомъ, принесшимъ намъ много зла, мы не въ состояніи будемъ вспомнить объ этомъ злѣ, благодаря болѣзненному состоянію нашей памяти, то мы останемся, конечно, вполне безстрастными въ присутствіи этого человѣка и даже обнаружимъ нѣкоторое благодушіе. Вспомнимъ извѣстные примѣры такихъ болѣзненныхъ измѣненій памяти, при которыхъ лица, сохранивши, повидимому, свои умственныя способности и значительную часть своихъ зна-

ній, совершенно забывали о томъ, что они женаты и имѣютъ дѣтей. Какого рода чувствованія могла вызывать у подобныхъ субъектовъ собственная ихъ семья при упомянутомъ поврежденіи памяти? Подумаемъ также, какое вліяніе на эмоціональную жизнь можетъ оказать такое распаденіе ассоціацій, при которой человѣкъ утрачиваетъ воспоминанія о тѣхъ образцахъ прекраснаго, возвышеннаго, благороднаго, знакомство съ которыми вліяетъ на эстетическій вкусъ и нравственныя чувства людей. Какъ бы необычайно ни было какое-нибудь событіе, оно не вызоветъ удивленія въ человѣкѣ, позабывшемъ о всѣхъ тѣхъ свѣдѣніяхъ, изъ которыхъ слагаются наши представленія о нормальномъ, естественномъ порядкѣ вещей. Разумѣется, здѣсь взяты крайніе и поэтому рѣдкіе случаи. Но по такимъ случаямъ легче составить себѣ понятіе о менѣе рѣзкихъ уклоненіяхъ отъ нормальнаго хода психической жизни.

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на то, что осложненіе вѣдншихъ ощущеній органическими можетъ происходить только при достаточной проводимости ассоціаціонныхъ путей, связывающихъ сенсорныя клѣтки съ иннерваціонными. Если передача нервного возбужденія съ первыхъ клѣтокъ на вторыя окажется затруднительной или невозможной, то этимъ самымъ будетъ затруднено или даже уничтожено то воздѣйствіе сенсорныхъ клѣтокъ на иннерваціонныя, благодаря которому появляются органическія перемены, дающія начало нашимъ эмоціямъ. Уже была рѣчь о томъ, что отростки нейроновъ не соединяются, а только соприкасаются между собою. Въ послѣднее время все чаще и чаще приходится встрѣчаться съ указаніями на то, что отростки эти могутъ то укорачиваться, то удлинняться. Значитъ, разстояніе между отростками не представляется чѣмъ-то постояннымъ, но измѣняется въ зависимости отъ разныхъ условій. Если эти отростки распрямляются и сближаются между собою, то этимъ облегчается передача нервного возбужденія отъ однихъ клѣтокъ къ другимъ. Напротивъ, если эти отростки суживаются и укорачиваются, то разстояніе между ними увеличивается, вслѣдствіе чего затрудняется распространеніе нервныхъ токовъ въ мозговой корѣ. Полагають, что возбуждающія вещества (напр., чай и кофе) оказываютъ вліянія на отростки нейроновъ, которые при этомъ вытягиваются и поэтому сближаются между собою. Во время сна отростки, напротивъ, укорачиваются и раз-

стояніе между ними увеличивается. Поэтому слабые нервные токи не въ состояніи бывають преодолѣть препятствій, вызванныхъ этой перемѣной, и обычное теченіе представленій прекращается. Такъ какъ вопросъ этотъ недостаточно разработанъ, то я и не буду пускаться въ дальнѣйшія подробности.

Способность нервныхъ клѣтокъ головного мозга къ дѣятельности, степень ихъ возбудимости, ослабленная или усиленная проводимость ассоціаціонныхъ путей, все это принадлежитъ къ такимъ свойствамъ нервныхъ элементовъ, которыя пріобрѣтаются человѣкомъ при самомъ появленіи его на Божій свѣтъ. Тутъ дѣйствуютъ и наслѣдственность и какія-то вліянія, которымъ подвергается ребенокъ въ материнской утробѣ, и условія жизни въ первые годы дѣтства. Но обо всемъ этомъ мы знаемъ чрезвычайно мало. Нѣсколько больше извѣстно намъ о томъ, какъ дѣйствуетъ на нервные элементы достаточное или недостаточное питаніе этихъ элементовъ. Веществомъ, непосредственно питающимъ органы тѣла, является кровь. Она доставляетъ тканямъ матеріалъ, необходимый для ихъ возобновленія, и уноситъ продукты ихъ разрушенія. Всякая остановка въ притокѣ ея къ какому-либо органу влечетъ за собою ослабленіе или уничтоженіе въ немъ способности къ дѣятельности. Особенно чувствительнымъ ко всякимъ измѣненіямъ въ количествѣ притекающей крови оказывается головной мозгъ, получающій одну пятую часть всей обращающейся въ организмъ крови. Прекращеніе мозгового кровообращенія немедленно влечетъ за собою потерю сознанія.

Количество крови, обращающейся въ организмъ, представляетъ величину, весьма колеблющуюся у различныхъ лицъ и даже у одного и того же индивидуума. Въ среднемъ выводѣ у человѣка кровь составляетъ одну тридцатую часть вѣса его тѣла. Однако у нѣкоторыхъ анемичныхъ субъектовъ количество ея падаетъ до одной семнадцатой и даже до одной двадцатой части вѣса всего тѣла. Относительное количество крови у ребенка и у молодыхъ животныхъ бываетъ больше, нежели у взрослыхъ. Напримѣръ, у юныхъ кроликовъ вѣсъ крови равняется одной тринадцатой части вѣса ихъ тѣла, тогда какъ у взрослыхъ особей относительное количество крови колеблется между одной восемнадцатой и одной двадцать второй частью вѣса тѣла. Диаметръ кровеносныхъ сосудовъ у различныхъ лицъ представляетъ

рѣзкія различія и сообразно съ этимъ измѣняется также емкость кровеносной системы. У ребенка въ первые годы его жизни артеріальные стволы отличаются особенной широтой, благодаря чему и относительное количество крови у него оказывается довольно значительнымъ. Однако это количество и у человѣка и животныхъ является все-таки очень недостаточнымъ для того, чтобы кровь могла поддерживать одновременную энергическую дѣятельность всѣхъ органовъ нашего тѣла. Поэтому усиленный приливъ ея къ одной части организма всегда сопровождается ослабленіемъ притока ея къ другимъ частямъ. Напримѣръ, послѣ сытнаго обѣда кровь направляется преимущественно къ органамъ пищеваренія; такъ какъ вслѣдствіе этого уменьшается притокъ ея къ головному мозгу, то и появляется извѣстная каждому вялость и неспособность къ умственной работѣ.

Существуетъ теорія (впервые высказанная Мейнертомъ), согласно съ которой каждое чувствованіе является только выразителемъ того состоянія, въ какомъ находится питаніе мозговой коры. По этой теоріи перемѣны душевнаго настроенія находятся въ тѣсной зависимости отъ кровенаполненія сосудовъ головного мозга. Мрачное, подавленное настроеніе есть ощущеніе малокровія, диспноэтического состоянія мозговой коры; напротивъ, веселое, пріятное настроеніе есть ощущеніе полнокровія, апоноэтического состоянія коры головного мозга. Въ первомъ случаѣ кровеносные сосуды мозга бывають сужены, вслѣдствіе чего питаніе нервныхъ элементовъ происходитъ въ недостаточной степени; во-второмъ случаѣ эти сосуды расширяются, вслѣдствіе чего питаніе нервныхъ элементовъ повышается.

Въ психологическихъ вопросахъ рѣшающее значеніе всегда принадлежитъ личному опыту. Именно этотъ опытъ и заставляетъ меня считать вышеизложенную теорію несогласной съ истиною *). Значительное ослабленіе притока крови къ головному

---

*) По причинамъ, о которыхъ бесполезно распространяться здѣсь, работа моего сердца почти сразу сдѣлалась настолько слабой, что пульсъ исчезъ и я потерялъ сознаніе. По временамъ я приходилъ въ себя, видѣлъ хлопотавшихъ около меня медиковъ, разговаривалъ съ ними и съ женою, потомъ терялъ сознаніе. Подобное состояніе длилось около десяти часовъ. Передъ внезапнымъ упадкомъ дѣятельности сердца я былъ совершенно здоровъ; на другой день я не только не могъ подняться съ постели, но рѣшительно не въ состояніи былъ безъ посторонней помощи повернуться съ одного бока на

мозгу влечет за собою не тѣ результаты, о которыхъ говорилось выше, а полнѣйшую апатію и равнодушное отношеніе ко всему окружающему. Человѣкъ утрачиваетъ способность испытывать какія-либо эмоціи; его ничто не пугаетъ, не волнуетъ и не интересуетъ. Эти послѣдствія, о которыхъ я говорю на основаніи личнаго опыта, вполне согласуются съ нѣкоторыми подробностями изложенной здѣсь теоріи чувствованій. Если для возникновенія душевныхъ движеній необходима дѣятельность эмотивныхъ клѣтокъ и если, вслѣдствіе значительнаго ослабленія притока крови, упомянутыя клѣтки теряютъ способность работать, то понятно, что недостаточный притокъ крови къ мозгу долженъ сопровождаться именно той эмоціоной безжизненностью, о которой я говорилъ сейчасъ. Напротивъ, вполне достаточный притокъ крови къ головному мозгу, поддерживая на нормальномъ уровнѣ способность эмотивныхъ клѣтокъ къ работѣ, долженъ, вслѣдствіе этого, содѣйствовать появленію всякихъ эмоцій какъ пріятныхъ, такъ и непріятныхъ. Отсюда видно, что при дѣятельномъ мозговомъ кровообращеніи человѣкъ бываетъ подготовленъ къ возникновенію всякихъ эмоцій; онъ можетъ, смотря по обстоятельствамъ, испытать при этомъ не только веселія и радостныя чувствованія, но также и гнѣвъ, и отчаяніе, и стыдъ.

Искусственнымъ путемъ можно произвести довольно значительныя измѣненія въ кровообращеніи и такимъ способомъ вызвать нѣкоторыя перемѣны какъ въ физической, такъ и въ психической жизни человѣка. Напримѣръ, состояніе, близко напоминающее глубокой сонъ, можно вызвать простымъ надавливаніемъ на сонныя шейныя артеріи. Электризація шеи влечетъ за собою суженіе сосудовъ, несущихъ кровь къ головѣ. Опытъ показываетъ, что ослабленное такимъ путемъ мозговое кровообра-

---

другой. Вся кожа сошла съ тѣла и замѣнилась новою. Мало того, эта замѣна умершихъ тканей новыми произошла даже во рту и на языкѣ, что очень затрудняло принятіе пищи. Поправился я только чрезъ три недѣли. Такимъ образомъ, случай оказался достаточно серьезнымъ и поэтому было бы неблагодарно не сообщить читателю о томъ, каково бываетъ самочувствіе человѣка при значительномъ ослабленіи дѣятельности сердца. Тутъ все ослабѣваемъ: и способность думать, и способность желать, и способность двигаться. Эмоціоная жизнь какъ бы замираетъ въ человѣкѣ и поэтому ничто не можетъ разстроить, огорчить, опечалить его.

щеніе вызываетъ только сонливость, а не чувство неудовлетворенности. Каждый знакомъ съ тѣмъ онѣмѣніемъ руки или ноги, которое наступаетъ при сдавливаніи кровеносныхъ сосудовъ этихъ конечностей. Придавши своему тѣлу горизонтальное положеніе, мы способствуемъ притоку крови къ головному мозгу, чѣмъ и пользуются нѣкоторые малокровные субъекты для того, чтобы облегчить себѣ умственную работу. Но если мы будемъ имѣть въ виду нормальный ходъ явленій, то должны будемъ согласиться съ тѣмъ, что измѣненія въ распредѣленіи крови въ тѣлѣ слѣдуютъ какъ тѣнь за совершающимися въ организмѣ переменами, но не служатъ причинами этихъ переменъ. Измѣненія въ распредѣленіи крови вызываются дѣятельностью вазо-моторныхъ нервовъ, вліяющихъ на степень сокращенія кольцеобразныхъ мускуловъ, залегающихъ въ стѣнкахъ кровеносныхъ сосудовъ. Благодаря увеличенію или уменьшенію діаметра этихъ сосудовъ, измѣняется и распредѣленіе крови въ организмѣ, которая всегда течетъ по тому направленію, гдѣ она встрѣчаетъ наименьшія препятствія для своего движенія. Вслѣдствіе суженія однихъ сосудовъ и расширенія другихъ, кровь приливаетъ въ большемъ количествѣ туда, гдѣ существуетъ въ ней надобность, и въ меньшемъ—къ тѣмъ органамъ, которые находятся въ покоѣ и не нуждаются поэтому въ обильномъ снабженіи ихъ кровью. Напримѣръ, если мы начинаемъ думать, то усиливается притокъ крови къ головному мозгу. Этотъ притокъ совершенно не зависитъ отъ характера нашихъ мыслей. Онѣ могутъ быть основательными или нелѣпыми, могутъ относиться къ любому предмету или явленію, во всякомъ случаѣ работа нервныхъ клѣтокъ, связанная съ мышленіемъ, потребуетъ соотвѣтствующаго прилива къ нимъ артеріальной крови. Этотъ приливъ и послѣдуетъ непременно при нормальныхъ условіяхъ, т.-е. при отсутствіи такихъ препятствій, которыя создаются, напримѣръ, при закупоркѣ артерій. Точно также и появленіе чувствованій связано бываетъ съ усиленіемъ мозгового кровообращенія, каковъ бы ни былъ тонъ этихъ чувствованій. Въ виду этого нѣтъ основаній думать, что дѣятельность вазо-моторныхъ нервовъ играетъ важную роль въ качествѣ источника или возбuditеля настроеній и чувствованій. Конечно, для того, чтобы эмотивныя клѣтки могли исполнять свои нормальныя функціи, необходимъ притокъ къ нимъ артеріальной крови. Но видѣть въ этомъ притокѣ причину удовольствія, а въ

ослабленіи мозгового кровообращенія—источникъ страданія, нѣтъ никакихъ основаній. Еще никому не приходило въ голову объяснить дѣйствіе, производимое на насъ ослѣпительнымъ свѣтомъ, оглушающими звуками, пріятнымъ запахомъ цвѣтовъ, перемѣнами въ мозговомъ кровообращеніи. Если вкусъ какого-нибудь вещества кажется намъ отвратительнымъ, то это происходитъ вовсе не потому, что уменьшился притокъ крови къ головному мозгу. Точно также если испортилось наше настроеніе, то это слѣдуетъ объяснять измѣненіемъ тона внутренностныхъ ощущеній, который зависитъ преимущественно отъ характера органическихъ перемѣнъ, но можетъ измѣняться тоже въ зависимости отъ повышенія или пониженія чувствительности нервной системы.

Подъ вліяніемъ сосудо-двигательныхъ нервовъ происходитъ измѣненіе въ распредѣленіи крови по организму. Но, при изслѣдованіи вліянія кровообращенія, нельзя ограничиться только разсмотрѣніемъ указанной дѣятельности сосудо-двигательныхъ нервовъ. Очень важное значеніе имѣютъ также качества крови, работа сердца и давленіе, производимое на кровь стѣнками сосудовъ. Известно, что кровь можетъ приносить пользу тому органу, къ которому она притекаетъ, лишь въ томъ случаѣ, если составъ ея нормаленъ и она содержитъ въ себѣ надлежащее количество кислорода. Въ противномъ случаѣ она не въ состояніи бываетъ поддерживать дѣятельность органовъ и поэтому, несмотря на усиленный притокъ ея къ головѣ, наступаютъ послѣдствія, сходныя съ тѣми, какія наблюдаются при анеміи мозговой коры. Дѣйствительно, опытъ показываетъ, что при недостаточномъ поступленіи въ организмъ кислорода, мышленіе наше становится вялымъ, медленнымъ, при чемъ ослабѣваютъ также чувства, а поэтому и желанія. Слѣдующій опытъ Поля Бера указываетъ на то, какъ сильно ослабѣваетъ при этомъ наша психическая дѣятельность. Захвативъ съ собою каучуковый мѣшокъ съ кислородомъ, онъ помѣстился въ аппаратъ, изъ котораго можно было выкачивать воздухъ. По мѣрѣ удаленія послѣдняго, Поль Беръ становился все болѣе и болѣе апатичнымъ и неспособнымъ къ умственной работѣ. Просчитавши свой пульсъ въ теченіе одной трети минуты и желая помножить найденное число на три, онъ замѣтилъ, что не въ состояніи сдѣлать этого. Такой упадокъ умственныхъ силъ исчезалъ почти моментально каждый разъ,

когда Поль Беръ вдыхалъ кислородъ, и снова появлялся, когда онъ прекращалъ вдыханіе кислорода и оставался подъ вліяніемъ разрѣженного воздуха аппарата. Тисандье, которому пришлось совершить немало воздушныхъ путешествій, тоже указываетъ на ту апатичность и равнодушное отношеніе ко всему окружающему, которыя овладѣваютъ воздухоплавателями по мѣрѣ того, какъ аэростатъ вступаетъ въ разрѣженные слои атмосферы. При этомъ всякое движеніе становится тягостнымъ и человѣка начинаетъ утомлять даже короткій разговоръ. Когда Тисандье понадобилось надѣть мѣховыя перчатки, находившіяся въ его карманѣ, то для этого потребовалось такое усиліе воли, что онъ принужденъ былъ отказаться отъ своего намѣренія. Выражаясь иначе, движенія, необходимыя для приведенія въ исполненіе этого намѣренія, представлялись ему настолько затруднительными, а желанія, которыя должны были заставить его произвести эти движенія, оказались въ такой степени ослабленными, что намѣреніе не могло перейти въ дѣйствіе.

Количество кислорода, находящагося въ нашей крови, зависитъ не только отъ обилія этого газа въ окружающей насъ средѣ, но также и отъ другихъ обстоятельствъ. При нѣкоторыхъ условіяхъ мы можемъ задохнуться даже въ атмосферѣ, очень богатой кислородомъ. Чтобы понять возможность этого явленія, необходимо вспомнить, что кислородъ, проникая въ легочныя альвеолы, а затѣмъ въ кровеносные сосуды, не только растворяется въ кровяной сывороткѣ, но главнымъ образомъ поглощается красными кровяными шариками. Въ составъ послѣднихъ входитъ вещество, называемое гемоглобиномъ, съ которымъ и соединяется кислородъ крови. Онъ образуетъ такое непрочное химическое соединеніе съ гемоглобиномъ, что отдѣляется отъ него даже при нѣкоторомъ уменьшеніи атмосфернаго давленія. Вслѣдствіе этого ткани тѣла легко снимаютъ необходимый для нихъ газъ отъ кровяныхъ шариковъ. Если бы кислородъ могъ только растворяться въ сывороткѣ подобно тому, какъ углекислота растворена въ зельтерской водѣ, то кровь въ состояніи была бы поглотить только сороковую часть того количества кислорода, какое мы обыкновенно находимъ въ ней. Иногда красные шарики крови утрачиваютъ способность поглощать кислородъ. Напримѣръ, окисъ углерода образуетъ болѣе прочное и стойкое соединеніе съ гемоглобиномъ, нежели кислородъ. Когда ей удается проникнуть

въ кровь, то она соединяется съ гемоглобиномъ красныхъ шариковъ; въ такомъ случаѣ самый обильный притокъ воздуха не въ состояніи бываетъ поправить дѣла, такъ какъ кислородъ, вслѣдствіе слабости химическаго сродства своего съ гемоглобиномъ, ни при какихъ условіяхъ не вытѣсняетъ окиси углерода изъ кровяныхъ шариковъ. Поэтому при сильномъ отравленіи окисью углерода, асфикція можетъ наступить даже въ средѣ, наполненной чистымъ кислородомъ. Гемоглобинъ образуетъ прочное соединеніе и съ окисью азота, вслѣдствіе чего вдыханіе этого газа тоже сопровождается вредными послѣдствіями.

Послѣ всего сказаннаго читатель легко можетъ понять, что количество кислорода въ крови зависитъ не только отъ обилія этого газа въ окружающей средѣ, но также отъ числа красныхъ шариковъ и оттого, сколько гемоглобина находится въ нихъ. Количество красныхъ шариковъ въ крови оказывается сильно колеблющимся въ разное время и у разныхъ индивидуумовъ. При нѣкоторыхъ болѣзняхъ число шариковъ значительно уменьшается, а подъ вліяніемъ энергической мускульной работы увеличивается. У женщинъ въ каждомъ кубическомъ миллиметрѣ кровяныхъ шариковъ меньше, нежели у мужчинъ; у новорожденныхъ число этихъ шариковъ въ одномъ и томъ же объемѣ крови значительно выше, чѣмъ у взрослыхъ. Уменьшеніе въ крови количества красныхъ шариковъ вызывается главнымъ образомъ недостаточною пищею, переутомленіемъ, пребываніемъ въ испорченной атмосферѣ или въ мѣстахъ, лишенныхъ солнечнаго освѣщенія. Жители деревень имѣютъ въ среднемъ выводѣ больше красныхъ шариковъ, нежели обитатели городовъ. Дѣятельная жизнь на свѣжемъ воздухѣ, на берегу моря ведетъ къ увеличенію числа этихъ шариковъ; напротивъ, безвыходное пребываніе въ комнатѣ, даже въ теченіе немногихъ дней, сопровождается паденіемъ ихъ числа. Что касается гемоглобина, то количество его въ каждомъ шарикѣ тоже не является чѣмъ - то неизмѣннымъ. Напримѣръ, у здоровыхъ людей количество гемоглобина въ каждомъ шарикѣ равняется приблизительно тридцати билліоннымъ долямъ одного грамма, а въ случаяхъ хлороза и анеміи это количество падаетъ до десяти билліонныхъ долей грамма, т.-е. уменьшается въ три раза. вмѣстѣ съ этимъ уменьшается и способность крови поглощать кислородъ.

Кровь не только должна содержать въ себѣ вещества, необ-

ходимыя для возстановленія тканей, но въ ней, кромѣ того, не должно быть ничего лишняго. Присутствіе въ крови желчи, говоритъ Маудсли, можетъ довести всякаго до самаго мрачнаго взгляда на окружающее и будущее. Никакая философія не въ силахъ помочь такому человѣку, такъ какъ она не можетъ измѣнить состоянія нервныхъ элементовъ, порожденнаго отравленною кровью, которое и является причиной его мрачнаго расположенія. Подобнымъ же образомъ присутствіе нѣкоторыхъ составныхъ частей мочи въ крови страждущихъ подагрой вызываетъ сильную раздражительность, которую не можетъ удалить окончательно никакой душевный контроль, хотя больному и удается иногда подавлять нѣкоторыя проявленія своего гнѣвнаго настроенія. Всевозможныя степени душевнаго расстройства, отъ самаго легкаго меланхолическаго настроенія до самаго сильнаго неистоваго возбужденія, могутъ произойти отъ задержанія въ крови продуктовъ разрушенія тканей. Жизнедѣятельность нашего организма сопровождается образованіемъ продуктовъ распада бѣлковыхъ веществъ. Среди этихъ продуктовъ важную роль играютъ такъ называемыя лейкомаины, накопленіемъ которыхъ обусловливается самоотравленіе организма, а значитъ и многія заболѣванія. Для сохраненія здоровья, организмъ нашъ долженъ освободиться отъ лейкомаиновъ, что и происходитъ на самомъ дѣлѣ при помощи почекъ и нѣкоторыхъ железъ. Однако, эта помощь не всегда оказывается достаточною, вслѣдствіи чего приходится прибѣгать къ помощи терапевтическихъ средствъ.

Кромѣ лейкомаиновъ въ организмѣ нашемъ встрѣчаются и другія ядовитыя вещества, вырабатываемыя разнаго рода бактеріями. Полагаютъ, что ежедневно проникаетъ въ нашъ организмъ почти полмилліона бактерій. Сами по себѣ онѣ не особенно важны, но вредное вліяніе оказываютъ на насъ ядовитыя продукты ихъ жизнедѣятельности. Масса бактерій, поступающихъ въ организмъ, очень скоро отравила бы насъ, если бы не существовало фагоцитовъ, ведущихъ упорную борьбу съ этими микроорганизмами. Кромѣ красныхъ шариковъ, въ крови находятся еще бѣлые шарики. Послѣдніе обладаютъ способностью передвигаться съ одного мѣста на другое и измѣнять свою форму. Среди этихъ безцвѣтныхъ кровяныхъ тѣлецъ и были открыты русскимъ ученымъ Мечниковымъ особыя существа, названныя

имъ лейкоцитами или фагоцитами. Въ 1883 году Мечниковъ впервые высказалъ свои соображенія о той роли, которую играютъ фагоциты въ борьбѣ организма съ патогенными (болѣзнетворными) бактеріями. Какъ только въ нашу кровь попадаютъ бактеріи, фагоциты устремляются къ нимъ, обволакиваютъ ихъ со всѣхъ сторонъ и, подвергая ихъ дѣйствию своего пищеварительнаго сока, перевариваютъ и уничтожаютъ. Борьба фагоцитовъ съ бактеріями не всегда бываетъ удачною, въ особенности въ томъ случаѣ, если температура нашего тѣла очень понижается. Тогда организмъ отравляется ядомъ, выдѣляемымъ болѣзнетворными бактеріями, и наступаютъ неблагоприятныя послѣдствія этого отравленія, причемъ, конечно, измѣняется и характеръ нашего самочувствія. Напримѣръ, подъ вліяніемъ чумныхъ бактерій появляются страшныя головныя боли, невыносимая жажда, психическое угнетеніе и тоска; бактеріи маляріи вызываютъ физическое и нравственное оцѣпенѣніе, апатію, тупую безропотность; ядъ, вырабатываемый бактеріями чахотки, дѣйствуетъ не угнетающимъ, а возбуждающимъ образомъ, порождая въ первый періодъ болѣзни даже оптимистическое настроеніе.

Достигнувши волосныхъ сосудовъ, кровь очень быстро дѣлается негодною для поддержанія жизнѣдѣтельности организма, такъ какъ именно въ этихъ сосудахъ она отдаетъ тканямъ матеріалъ, необходимый для ихъ возстановленія и принимаетъ продукты ихъ разрушенія. Такая кровь должна замѣняться новою, и эта замѣна достигается постояннымъ передвиженіемъ крови, вызываемымъ дѣятельностью сердца и артерій. О работѣ сердца знаетъ почти каждый; менѣе извѣстно то участіе, которое принимаютъ въ кровообращеніи артеріи. Послѣднія тоже содѣйствуютъ передвиженію крови, производя на нее значительное давленіе. Такъ какъ, благодаря устройству сердечныхъ клапановъ, кровь въ артеріяхъ можетъ течь въ одну сторону (отъ сердца къ волоснымъ сосудамъ), то сдавливая кровь, артеріи заставляютъ ее не только передвигаться впередъ, но и вгоняютъ ее въ такіе сосуды, которые могли бы оказаться пустыми при отсутствіи давленія, о которомъ здѣсь говорится. Это послѣднее зависитъ отчасти отъ мышцъ, залегающихъ въ стѣнкахъ кровеносныхъ сосудовъ. Чѣмъ толще бываютъ мышечныя стѣнки артерій, тѣмъ съ большею силою (при равенствѣ остальныхъ условій) давятъ онѣ на кровь и содѣйствуютъ скорости ея передвиженія. Сила

и быстрота теченія крови, говоритъ Лесгафтъ, имѣють несомнѣнное отношеніе къ питанію, а слѣдовательно и къ силѣ, и энергіи, какую ткани человѣческаго тѣла могутъ обнаружить, и къ связаннымъ съ этой работой ощущеніямъ и чувствованіямъ. Поэтому форма и строеніе сердца, а также всей сосудистой системы, вмѣстѣ съ составомъ крови имѣють несомнѣнное значеніе въ отношеніи силы и быстроты дѣйствій и желаній cadaго лица, а также въ отношеніи развитія его чувствованій или его темперамента. По мнѣнію Мориса Флѣри, у истощенныхъ субъектовъ степень артеріальнаго давленія низка, и кровь оказывается жидкою, тогда какъ у возбужденныхъ замѣчается значительное повышеніе давленія, производимаго на кровь стѣнками сосудовъ, сгущенность крови и увеличеніе въ ней количества красныхъ шариковъ. Флѣри придаетъ большое значеніе артеріальному давленію и даже даетъ рядъ цифръ, указывающихъ на то, какъ измѣняется самочувствіе человѣка съ увеличеніемъ или уменьшеніемъ этого давленія. Однако цифры эти не внушаютъ къ себѣ особеннаго довѣрія.

Такимъ образомъ, если мы не станемъ ограничиваться разсмотрѣніемъ дѣятельности вазо-моторныхъ нервовъ, но обратимъ вниманіе также на качество и количество крови, циркулирующей въ нашемъ организмѣ, на быстроту сердечныхъ сокращеній и на силу cadaго отдѣльнаго сокращенія, если мы примемъ въ расчетъ упругую силу артеріальныхъ стѣночекъ, давящихъ на кровь, то должны будемъ согласиться съ тѣмъ, что все это оказываетъ замѣтное вліяніе на состояніе всего организма, а поэтому и на дѣятельность нервныхъ элементовъ. Не слѣдуетъ только думать, что кровь непосредственно дѣйствуетъ на нервныя клѣтки, возбуждая въ нихъ тѣ или другія ощущенія. Для появленія послѣднихъ необходимы впечатлѣнія, доставляемыя приносящими нервами и ассоціаціонными путями. Только клѣтки дыхательнаго центра представляютъ исключеніе изъ общаго правила и возбуждаются къ дѣятельности непосредственно кровью. Остальныя моторныя и сенсорныя клѣтки, для перехода въ дѣятельное состояніе, требуютъ какихъ-нибудь импульсовъ, доставляемыхъ нервными волокнами или соприкасающимися отростками нейроновъ. Поэтому кровь только косвеннымъ путемъ оказываетъ извѣстное дѣйствіе на наше самочувствіе. Подъ вліяніемъ ея измѣняется въ нѣкоторыхъ случаяхъ, во-первыхъ, дѣятельность орга-

новъ растительной жизни, вслѣдствіе чего мѣняется, конечно, и характеръ внутренностныхъ ощущеній. Во-вторыхъ, она оказываетъ болѣе сильное дѣйствіе на нервную систему, при чемъ измѣняется чувствительность послѣдней, а также и ея иннервационная дѣятельность. Легко понять, что если нервная система становится, на примѣръ, болѣе чувствительной и раздражительной, то въ такомъ случаѣ не только усилится дѣйствіе на насъ обыкновенныхъ органическихъ перемѣнъ, но и самыя перемѣны эти, подъ вліяніемъ извращенной иннервации, сдѣлаются болѣе рѣзкими и обширными.

Бросимъ теперь бѣглый взглядъ на главныя заключенія, къ которымъ привело насъ изученіе эмоціональной жизни человѣка. Самонаблюденіе убѣждаетъ насъ въ томъ, что пріятныя или непріятныя ощущенія, а также воспоминанія о нихъ, сопровождаются другими душевными состояніями, которыя я называлъ въ этомъ очеркѣ настроеніями. На послѣднія слѣдуетъ смотрѣть не только какъ на зародыши эмоцій или какъ на главные составные ихъ элементы, но даже какъ на дѣйствительныя эмоціи только въ слабой ихъ формѣ. Это осложненіе ощущеній душевными настроеніями объясняется тѣмъ, что всякое достаточно сильное ощущеніе, точно такъ-же какъ и воспоминаніе о немъ, сопровождается всегда группою ощущеній, произведенныхъ перемѣнами въ органическихъ процессахъ. Если бы мы пожелали понять, почему внѣшнія ощущенія и воспоминанія о нихъ сопровождаются ощущеніями, вызванными органическими перемѣнами, то должны были бы обратить вниманіе на слѣдующія положенія: всякое пріятное или непріятное ощущеніе, равно какъ и воспоминаніе о немъ, оказываетъ вліяніе на органическіе процессы, совершающіеся въ нашемъ тѣлѣ; эти измѣненія въ процессахъ растительной жизни ощущаются нами и воспринимаются въ формѣ того или другого душевнаго настроенія.

Органическія ощущенія, изъ которыхъ складываются душевныя настроенія и чувства, не указываютъ, сами по себѣ на то, какими процессами они порождаются, и поэтому мы не въ состояніи бываемъ локализовать ихъ. Совокупность этихъ ощущеній мы испытываемъ какъ нѣчто цѣлое, неразложимое на части, не будучи въ состояніи опредѣлить степень участія каждаго органа въ произведеніи извѣстнаго настроенія или чувства. Если какое-нибудь органическое ощущеніе начинаетъ выдѣляться

изъ ряда другихъ, такъ что мы не только замѣчаемъ его, но и относимъ (иногда весьма неправильно) къ опредѣленной части тѣла, то такое ощущеніе перестаетъ быть составною частью эмоціи или настроенія. Нетрудно понять, почему подобныя ощущенія не могутъ быть составными элементами чувствованій. Изъ локализуемыхъ ощущеній нельзя составить такія, совершенно неподдающіяся локализации, душевныя состоянія, какъ гнѣвъ, печаль, страхъ, стыдъ. Поэтому локализованныя удовольствія и страданія постоянно относятся нами къ числу ощущеній; мы называемъ ихъ пріятными или болевыми, но не присоединяемъ ихъ къ числу эмоцій. Такимъ образомъ, однимъ изъ характеристическихъ признаковъ эмоціи служитъ топографическая неопредѣленность тѣхъ ощущеній, изъ которыхъ она составлена. Вслѣдствіе этого можно сказать, что эмоція есть пріятное или непріятное душевное состояніе, образованное изъ такихъ неподдающихся локализации, внутренностныхъ ощущеній, которыя возникаютъ подъ вліяніемъ органическихъ перемѣнъ, порождаемыхъ психическими вліяніями. Эти психическія вліянія (ощущенія и представленія), служащія внѣшними причинами эмоцій, непосредственно вызываютъ органическія перемѣны, дѣйствующія на мозговую кору и воспринимаемыя нами въ видѣ того или другого душевнаго волненія.

Тѣ лица, которыя пытались опредѣлить элементы эмоцій, нерѣдко указывали на такія ощущенія, которыя, вслѣдствіе способности ихъ быть локализованными, не слѣдовало признавать составными частями душевныхъ волненій. Напримѣръ, стѣсненіе въ груди, необъяснимое ощущеніе подъ ложечкой, усиленное сердцебіеніе, морозъ, пробѣгающій по спинѣ, горечь во рту, охлажденіе рукъ, ощущеніе шарика, подкатывающагося къ горлу и т. п. Мы не въ правѣ считать составными элементами эмоцій именно потому, что состоянія эти могутъ быть отнесены къ опредѣленнымъ частямъ нашего тѣла. Довольно недурно локализуемъ мы также мускульныя ощущенія. Это обстоятельство (если принять въ расчетъ указанія, содержащіяся въ III главѣ настоящаго очерка) можетъ служить добавочнымъ возраженіемъ противъ теоріи, видящей въ мускульныхъ ощущеніяхъ, связанныхъ съ разными движеніями, доминирующіе составные элементы всякой эмоціи. Джемсъ, излагая свою теорію чувствованій, говоритъ, что самый важный пунктъ ея заключается въ

слѣдующемъ: если мы представимъ себѣ какую-нибудь сильную эмоцію и попытаемся мысленно вычитать изъ этого состоянія нашего сознанія одно за другимъ всѣ ощущенія, порождаемыя тѣлесными перемѣнами, связанными съ эмоціей, то отъ послѣдней ничего не останется. По моему мнѣнію, операція на которую указываетъ Джемсъ, совершенно невыполнима именно потому, что мы не въ состояніи отдѣлить одно отъ другого тѣ ощущенія, изъ которыхъ составлена эмоція. Мы могли бы раздѣльно изслѣдовать эти внутренностныя ощущенія лишь тогда, если бы они допускали локализацию. Но въ такомъ случаѣ, вѣроятно, не существовало бы и тѣхъ душевныхъ состояній, которыя мы называемъ настроеніями, эмоціями, чувствами.

И Джемсъ и Ланге съ особенною настойчивостью указываютъ на то, что тѣлесныя перемѣны, на которыя долго смотрѣли какъ на послѣдствія эмоцій, являются на самомъ дѣлѣ не результатомъ, а причиной душевныхъ движеній. Конечно, въ виду господствовавшаго прежде ошибочнаго взгляда на природу эмоцій, полезно было, хотя бы даже въ парадоксальной формѣ, указать на неправильность существующихъ мнѣній. Какъ всегда случается, переходъ отъ одной крайности къ другой совершился съ обычною рѣзкостью, и отъ душевныхъ движеній совершенно отнята была способность вызывать какія-либо тѣлесныя перемѣны. Но это вполне понятное увлеченіе новою точкою зрѣнія на предметъ оказывается уже совершенно несвоевременнымъ. Пора отнестись къ новой теоріи болѣе хладнокровно, такъ какъ, строго говоря, сущность этой теоріи вовсе не требуетъ того, чтобы мы отнимали у органическихъ ощущеній, являющихся составными элементами эмоцій, ту способность поражать тѣлесныя перемѣны, которою мы надѣляемъ внѣшнія ощущенія. Только въ томъ случаѣ, если можно было бы доказать, что возбужденіе какой-нибудь группы эмотивныхъ клѣтокъ не распространяется за предѣлы этой группы, что эти клѣтки не связаны съ остальными частями мозговой коры и не могутъ посылать нервныхъ волнъ по направленію къ другимъ клѣткамъ, только въ такомъ случаѣ мы имѣли бы право думать, что возбужденіе эмотивныхъ клѣтокъ не сообщается иннервационнымъ клѣткамъ и не вызываетъ поэтому органическихъ перемѣнъ. Но доказать это нельзя и, напротивъ, легко убѣдиться въ справедливости противополож-

наго взгляда. Я уже упоминалъ о томъ, что органическія ощущенія тоже могутъ вызывать разныя измѣненія въ растительной жизни нашего тѣла. Поэтому, при появленіи эмоцій дѣйствительный порядокъ явленій бываетъ таковъ: 1) ощущенія или представленія; 2) органическія перемѣны; 3) внутренностныя ощущенія, вызываемыя воздѣйствіемъ этихъ перемѣнъ на мозговую кору; 4) новыя тѣлесныя перемѣны, порождаемыя дѣятельностью эмотивныхъ клѣтокъ; 5) добавочное возбужденіе этихъ клѣтокъ новыми тѣлесными перемѣнами. Если этотъ взглядъ на порядокъ явленій, происходящихъ при возникновеніи эмоцій, справедливъ, то, конечно, нѣтъ надобности настаивать на томъ, что всѣ тѣлесныя проявленія эмоцій вызываются *исключительно* тѣми ощущеніями и представленіями, подъ вліяніемъ которыхъ возникаетъ эта эмоція. Мы можемъ поэтому сказать, что органическія перемѣны, сопутствующія эмоціи, вызываются сперва какими-нибудь ощущеніями или представленіями и что эти перемѣны отражаются въ нашемъ сознаніи въ видѣ зарождающейся эмоціи *). Затѣмъ эмотивныя клѣтки, приведенныя въ дѣятельное состояніе упомянутыми перемѣнами, въ свою очередь посылаютъ нервныя волны по направленію къ иннервационнымъ клѣткамъ и вызываютъ новыя органическія перемѣны, каковыя перемѣны, вслѣдствіе обратнаго дѣйствія на мозговую кору, усиливаютъ только что возникшую эмоцію. Въ виду сложнаго происхожденія упомянутыхъ тѣлесныхъ перемѣнъ, можно ограничиться указаніемъ на то, что эмоціи есть душевныя состоянія, образованныя изъ нелокализуемыхъ внутренностныхъ ощущеній, вызываемыхъ тѣми органическими перемѣнами, съ которыми связано бываетъ появленіе эмоцій. Нѣтъ надобности упоминать непременно о томъ

*) Эта зарождающаяся эмоція обладаетъ, однако, такою интенсивностью, что возникновеніе ея ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть объяснено центральнымъ возбужденіемъ эмотивныхъ клѣтокъ. Мало того, есть основаніе думать, что во многихъ случаяхъ эти клѣтки подвергаются даже *двойному* возбужденію, причемъ одно возбужденіе направляется по ассоціационнымъ путямъ коркового слоя, а другое—по приносящимъ нервамъ, идущимъ къ головному мозгу отъ различныхъ внутреннихъ органовъ нашего тѣла. Происходящее вслѣдствіе этого суммированіе возбужденій ведетъ къ повышенію интенсивности эмоціи. Это соображеніе можетъ примирить съ излагаемой теоріей тѣхъ лицъ, которымъ кажется, что даже органическія перемѣны, возникающія подъ вліяніемъ представленій и внѣшнихъ ощущеній, слишкомъ недостаточны для энергическаго воздѣйствія на эмотивныя клѣтки.

обстоятельствѣ, что эти душевныя состоянія принадлежатъ или къ числу пріятныхъ, или къ числу тягостныхъ, такъ какъ неподдающіяся локализации внутренностныя ощущенія не оказываютъ, повидимому, никакого дѣйствія на наше сознание въ томъ случаѣ, если они не обладаютъ вполне опредѣленнымъ тономъ и принадлежатъ поэтому къ числу нейтральныхъ, индифферентныхъ ощущеній. Говоря иначе, если упомянутыя внутренностныя ощущенія замѣтно вліяютъ на наше сознание, то порождаемое ими душевное состояніе всегда будетъ или пріятнымъ, или непріятнымъ.

Количество удовольствій и страданій, вытекающихъ изъ основныхъ, общихъ всѣмъ людямъ свойствъ организма, не особенно велико. Но, благодаря вліянію ассоціаціи, эмоціональная наша жизнь съ теченіемъ времени становится все богаче и богаче содержаніемъ, число предметовъ и явленій, способныхъ трогать и волновать насъ, значительно возрастаетъ, причемъ всякій предметъ и всякое дѣйствіе могутъ сдѣлаться источниками удовольствій, если только они не приносятъ намъ страданія, вслѣдствіе физиологическихъ особенностей организма. Фактъ этотъ очень важенъ въ этическомъ отношеніи, такъ какъ онъ даетъ намъ право надѣяться на то, что когда-нибудь чувство отвращенія ассоціируется въ челоувѣкѣ съ мыслью о каждомъ поступкѣ, вредномъ для другихъ, а чувство удовольствія — съ мыслью о всякомъ дѣйствіи, полезномъ для окружающихъ насъ людей. Человѣкъ не только будетъ знать, какая дѣятельность наилучшимъ образомъ обезпечиваетъ общее благо, но будетъ чувствовать влеченіе къ ней и находить въ ней счастье. Въ виду важной роли, играемой ассоціаціей въ нашей психической жизни, полезно уяснить себѣ, какимъ образомъ различные предметы и событія пріобрѣтаютъ способность вызывать въ насъ тѣ или другія чувства: Мы знаемъ, что для появленія эмоціи необходимы органическія перемѣны. Спрашивается, возникаютъ ли эти перемѣны также и въ томъ случаѣ, когда извѣстная эмоція является въ насъ подъ вліяніемъ ассоціаціи. Если испытываемое нами состояніе сознания дѣйствительно таково, что его можно назвать эмоціей, то оно непременно вызывается органическими перемѣнами. Поэтому различные предметы и явленія, къ которымъ мы первоначально относились совершенно равнодушно, начинаютъ затѣмъ волновать насъ только потому, что они пріобрѣ-

тають способность породжати органическія перемѣны. Только при этомъ условіи и могутъ возникать въ насъ дѣйствительныя душевныя движенія, а не одни только воспоминанія о нихъ, лишенные эмоціональной теплоты. Пока предметъ не оказываетъ вліянія на растительную жизнь нашего тѣла, онъ не въ состояніи бываетъ возбудить въ насъ какое-либо чувствованіе.

Въ началѣ этого очерка былъ поставленъ вопросъ о томъ, какія части головного мозга приходятъ въ дѣятельное состояніе при возникновеніи эмоцій и чѣмъ именно вызывается дѣятельность этихъ частей? Отвѣчая на этотъ вопросъ, я обратилъ вниманіе читателей на то обстоятельство, что принципъ физиологическаго раздѣленія труда, обнаруживающійся въ устройствѣ и дѣятельности каждаго организма, находитъ себѣ примѣненіе и въ отправленіяхъ головного мозга. При возникновеніи какого-либо ощущенія, представленія или душевнаго движенія работаетъ всегда не весь головной мозгъ какъ цѣлое, а только нѣкоторые его элементы. Въ мозговой корѣ существуютъ особенныя группы клѣтокъ, изъ которыхъ однѣ приходятъ въ дѣятельное состояніе подъ вліяніемъ зрительныхъ впечатлѣній, другія—подъ вліяніемъ слуховыхъ впечатлѣній, третьи — начинаютъ функционировать, когда желудокъ нашъ дѣлается пустымъ, и на его стѣнкахъ появляются складки и т. д. Такъ какъ каждое чувствованіе состоитъ изъ органическихъ ощущеній, то отсюда слѣдуетъ, что при возникновеніи эмоцій должны возбуждаться тѣ клѣтки головного мозга, которыя находятся въ связи съ разными внутренними органами. Подобно тому какъ ощущенія, доставляемые внѣшнимъ міромъ, имѣютъ различный тонъ, точно такъ же неодинаковый тонъ могутъ имѣть и органическія ощущенія, въ зависимости отъ чего они вызываютъ въ насъ или чувство благосостоянія или чувство недовольства. Тонъ внѣшнихъ ощущеній зависитъ преимущественно отъ характера впечатлѣній, доставляемыхъ окружающимъ міромъ; но онъ можетъ измѣняться и вслѣдствіе повышенія или пониженія чувствительности нервной системы. То же самое слѣдуетъ сказать относительно ощущеній, вызываемыхъ дѣятельностью эмотивныхъ клѣтокъ. Приятность или неприятность этихъ ощущеній зависитъ отъ качества впечатлѣній, дѣйствующихъ на приносящіе нервы, периферическіе концы которыхъ залегаютъ во внутреннихъ органахъ; но тонъ этихъ ощущеній можетъ измѣняться также вслѣдствіе ослабленія

или усиленія возбуждимости эмотивныхъ клѣтокъ и измѣненія проводимости приносящихъ нервовъ, связанныхъ съ этими клѣтками. Уже была рѣчь о томъ, что анестезію внутренностей можно вызвать искусственнымъ образомъ и что послѣ этого человѣкъ теряетъ способность испытывать какія-либо душевныя движенія, пока длится эта анестезія. Въ данномъ случаѣ перестаютъ функционировать окончанія нервовъ, идущихъ къ головному мозгу отъ внутреннихъ органовъ, вслѣдствіе чего тѣлесныя перемѣны не оказываютъ обычнаго дѣйствія на концевые аппараты этихъ нервовъ. Эмотивныя клѣтки, не получая никакихъ впечатлѣній отъ внутреннихъ органовъ, остаются въ бездѣйствіи и поэтому человѣкъ не испытываетъ никакихъ душевныхъ движеній *).

Въ настоящемъ очеркѣ мнѣ пришлось говорить главнымъ образомъ о физиологическихъ условіяхъ душевныхъ движеній. Вслѣдствіе этого изложенная здѣсь теорія можетъ показаться читателямъ матеріалистической. Считаю поэтому полезнымъ напомнить имъ о томъ, что даже спиритуалисты не отрицаютъ вліянія, оказываемаго физиологическими явленіями на нашу психическую жизнь. Кромѣ того нѣкоторыя подробности защищаемой мною теоріи въ высшей степени затрудняютъ матеріалистическое истолкованіе душевныхъ явленій. Читатель, вѣроятно, замѣтилъ, какое важное значеніе я придаю ученію о неодинаковости отправленій различныхъ частей головного мозга. Множество фактовъ доказываютъ справедливость той гипотезы, что каждому ощущенію, каждому сокращенію отдѣльнаго мускула, каждому душевному движенію соотвѣтствуютъ особенные физио-

---

*) Если бы теорія Спенсера о центральномъ возбужденіи эмоцій была справедлива, то искусственная анестезія внутренностей не могла бы вызывать подобныхъ результатовъ. Эмотивныя клѣтки возбуждались бы въ такомъ случаѣ импульсами, идущими по ассоціаціоннымъ волокнамъ и отросткамъ нейроновъ, и душевныя движенія по прежнему возникали бы въ человѣкѣ, несмотря на анестезію внутренностей. Но если при подобныхъ условіяхъ у человѣка не появляется никакихъ эмоцій, то это можно объяснить только тѣмъ, что импульсы, распространяющіеся по ассоціаціоннымъ путямъ, не въ состояніи бываютъ, вслѣдствіе своей слабости, привести эмотивныя клѣтки въ такое состояніе, въ какомъ онѣ бываютъ при возникновеніи чувствованій. Для того, чтобы появилось душевное движеніе, необходимо, чтобы эмотивныя клѣтки были возбуждены импульсами, направляющимися по приносящимъ нервамъ, концевые аппараты которыхъ находятся въ различныхъ внутреннихъ органахъ нашего тѣла.

логическіе процессы, особенные нервныя аппараты, съ поврежденіемъ которыхъ измѣняются или исчезаютъ извѣстныя ощущенія, движенія и представленія. Пойдемъ дальше и предположимъ, на примѣръ, что простѣйшія ощущенія возникаютъ именно въ сенсорныхъ клѣткахъ. Намъ придется, такимъ образомъ, допустить, что клѣтки эти являются какъ бы отдѣльными индивидуумами, одаренными способностью чувствовать. Конечно, мы должны будемъ въ такомъ случаѣ ограничить размѣры психической жизни каждой отдѣльной клѣтки и свести эту жизнь единственно къ тому простѣйшему ощущенію, которое возникаетъ въ данной клѣткѣ подъ вліяніемъ раздраженія, доставляемаго нервнымъ волокномъ, входящимъ въ эту клѣтку. Если мы позволимъ себѣ предположить, что эта клѣтка обладаетъ и другими психическими способностями, то поступимъ въ высшей степени нелогично. Въ самомъ дѣлѣ, какой бы смыслъ имѣло тогда то сложное устройство нервной системы, то раздѣленіе труда между различными ея частями, какое открывается намъ при болѣе подробномъ изученіи нашего организма. Если одна клѣтка можетъ испытывать множество ощущеній, то зачѣмъ понадобилось такое значительное количество ихъ въ головномъ мозгу. Безполезно было бы снабжать фортепіано множествомъ струнъ, если бы достаточно было одной струны для произведенія всѣхъ тѣхъ звуковъ, изъ которыхъ слагается извѣстная соната. Если, несмотря на простоту устройства нервной клѣтки, мы припишемъ ей способность испытывать множество ощущеній и (если угодно) даже способность разсуждать, то предположеніе это окажется въ полномъ противорѣчій съ результатами тѣхъ фізіологическихъ изслѣдованій, съ помощью которыхъ выясняется зависимость отпращиваній извѣстнаго органа отъ сложности его устройства. Чѣмъ разнообразнѣе бываетъ дѣятельность какого-нибудь органа, тѣмъ сложнѣе оказывается его строеніе. Головной мозгъ именно потому и можетъ выполнять столь разнообразныя отпращиванія, что въ одной мозговой корѣ находится болѣе миллиарда нервныхъ клѣтокъ, обладающихъ разными свойствами. Но если мы допустимъ, что вся психическая жизнь сенсорной клѣтки сводится къ способности испытывать одно и то же опредѣленное ощущеніе, то, спрашивается, кто же именно испытываетъ сложныя ощущенія, т.-е. въ комъ возникаетъ, на примѣръ, то состояніе сознанія, которое пробуждается при оркестровомъ исполненіи какой-

нибудь пьесы. Если намъ скажутъ, что такимъ индивидуумомъ, испытывающимъ сложное ощущеніе, является въ данномъ случаѣ группа клѣтокъ, то придется признать психическое существованіе такого индивидуума и непонятнымъ, и невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, если нѣсколько человѣкъ испытываютъ разныя ощущенія, то каждый остается только при собственномъ ощущеніи и никакого новаго, сложнаго состоянія сознанія при этомъ не получается. Ощущенія Ивана и Петра не сливаются въ одно общее ощущеніе, не объединяются и не превращаются во что-либо другое. Единичныя ощущенія и чувства всегда остаются единичными, не вступая въ какія-либо соединенія между собою и не превращаясь въ новыя, болѣе общія и полныя состоянія сознанія.

Сензорныя клѣтки являются, по нашему предположенію, отдѣльными психическими особями, изъ которыхъ каждая имѣетъ свое отдѣльное сознаніе. Даже въ томъ случаѣ, когда клѣтки эти возбуждаются нервными токами, идущими отъ другихъ клѣтокъ, эти токи ни въ какомъ случаѣ нельзя бываетъ сравнить съ телеграммами, увѣдомляющими данную клѣтку о томъ, въ какомъ состояніи находятся сосѣднія клѣтки; эти токи служатъ только импульсами, заставляющими клѣтку исполнять ту однообразную и неизмѣнную работу, къ которой она способна. Допустимъ, однако, что нервные токи, о которыхъ здѣсь говорится, дѣйствуютъ въ качествѣ телеграммъ и прибѣгнемъ къ свидѣтельству личнаго опыта. Когда телеграмма, полученная нами, заставляетъ насъ беспокоиться и волноваться, то чувства эти возникаютъ въ собственной нашей душѣ, а не переливаются въ насъ подобно водѣ изъ другого субъекта. Телеграмма только вызываетъ ту умственную и аффективную жизнь, къ которой мы способны, но не передаетъ намъ душевнаго состоянія другихъ людей. Когда говорятъ о заразительности чувствованій, то прекрасно понимаютъ, что въ каждомъ индивидуумѣ возникаютъ при этомъ самостоятельно чувства хотя и похожія на душевныя движенія другихъ, но имѣющія собственное происхожденіе. Точно также и нервные токи, идущіе отъ одной клѣтки къ другой, только возбуждаютъ въ послѣдней ту дѣятельность, къ которой она способна, но не заставляютъ ее превращаться въ другую клѣтку и жить двойною жизнью, имѣть двойное сознаніе. Нервное возбужденіе, распространяясь по моз-

говой корѣ, заставляетъ каждую клѣтку исполнять ту опредѣленную, постоянную и неизмѣнную работу, къ которой она способна. Снова напоминаю, что ни къ какой другой работѣ каждая отдѣльная клѣтка не способна, точно такъ же какъ не способенъ такой сравнительно сложный органъ, какъ желудокъ доставлять намъ кислородъ, разносить по тѣлу кровь и удалять продукты разрушенія тканей.

Мы предположили, что въ мозговой корѣ находится огромное количество какъ бы самостоятельныхъ существъ съ крайне ограниченной способностью къ психической жизни. Но если это предположеніе справедливо и если упомянутыя существа дѣйствительно обладаютъ тѣми ограниченными способностями, которыми мы должны были надѣлать ихъ, то, спрашивается, гдѣ же происходитъ тотъ синтезъ, благодаря которому изъ простѣйшихъ ощущеній образуются болѣе сложныя душевныя состоянія; гдѣ возникаютъ тѣ психическіе акты, вслѣдствіе которыхъ мы сознаемъ различіе или сходство между отдѣльными ощущеніями, и т. д. При матеріалистическомъ истолкованіи душевныхъ явленій на эти вопросы нельзя дать такого отвѣта, который въ состояніи былъ бы удовлетворить насъ.

Н. Згурскій.

Наблюденія и опыты по эстетикѣ зрительныхъ воспріятій *).

III.

О П Ы Т Ы.

Эти опыты имѣють двоякую цѣль: съ одной стороны, воспроизведеніе опытовъ Фехнера съ 10 четырехугольниками при условіяхъ, благопріятныхъ для полученія болѣе точныхъ научныхъ данныхъ; съ другой — повѣрку высказанной нами гипотезы о природѣ эстетическаго чувства, какъ сложнаго, интенсивнаго чувства сходства.

Прежде чѣмъ излагать подробности, касающіяся постановки этихъ опытовъ, считаю пріятнымъ для себя долгомъ выразить глубокую признательность Ардаліону Ардаліоновичу Токарскому, совѣтами и содѣйствіемъ котораго я пользовался при ихъ организаціи.

Протоколы этихъ опытовъ, производившихся мною въ теченіе 2¹/₂ лѣтъ (съ іюля 1896 г. по декабрь 1898 г.), равно какъ и пять относящихся къ нимъ картоновъ принадлежать въ настоящее время психологической лабораторіи московскаго университета, руководимой А. А. Токарскимъ.

Фигуры, вырѣзанныя для опытовъ изъ бѣлаго картона, были наклеены на пяти черныхъ бристольскихъ картонахъ (68,5 × 49 см.): такое сочетаніе цвѣтовъ имѣло цѣлью яснѣе обрисовать контуры фигуръ, на которые слѣдовало обратить главное вниманіе наблюдателей и, такимъ образомъ, нейтрализовать дѣйствіе цвѣтового фактора въ пользу пространственнаго.

*) См. «Вопросы Фил. и Псих.» №№ 52 и 53.

Къ участию въ опытахъ приглашались лица, принадлежащія къ образованному классу общества, въ возрастѣ отъ 14 до 56 лѣтъ,—учащіяся въ средней школѣ, студенты университета и специальныхъ учебныхъ заведеній, преподаватели, преподавательницы, врачи, художники, психологи и другія лица различныхъ профессій; всего въ опытахъ приняли участіе около 204 мужчинъ и 100 женщинъ.

Распределение лицъ по возрастамъ.

Лѣта:	14—20	21—25	26—30	31—35	36—40	41—45	46—50	51—56	Общее число.
Число мужчинъ:	57	62	27	30	14	11	10	3	204
Число женщинъ:	30	27	15	11	6	5	4	2	100

Въ счетъ cadaго опыта, относящагося къ каждой отдѣльной фигурѣ, вошло ровно 200 показаній мужскихъ и 100 женскихъ. Число дѣйствительныхъ участниковъ въ опытахъ превышаетъ собою эти числа, такъ какъ нѣкоторыя изъ показаній, исключенныя изъ счета по разнымъ основаніямъ, замѣнялись, для пополненія, запасными показаніями другихъ лицъ. Картоны демонстрировались наблюдателямъ при слѣдующей обстановкѣ. Они развѣшивались на стѣнѣ, задрапированной темно-синимъ фономъ, каждая на высотѣ, соответствовавшей росту стоящаго предъ ней наблюдателя; каждый наблюдатель давалъ свои показанія отдѣльно, въ отсутствіи другихъ лицъ.

Нѣсколько попытокъ привлечь къ эстетической оцѣнкѣ этихъ фигуръ лицъ мало образованныхъ или совсѣмъ неграмотныхъ показали, что для этой цѣли должны служить специальные опыты: на такихъ лицъ помѣщенные на картонахъ фигуры не производятъ достаточно раздѣльнаго впечатлѣнія; не чувствуя различій, они даютъ оцѣнки, относящіяся, большею частью, къ цѣлымъ картонамъ, а не къ отдѣльнымъ фигурамъ, что легко объясняется непривычкою къ наблюденію и сравненію такого рода фигуръ.

Лицамъ, приглашеннымъ къ участию въ опытахъ, дѣлались слѣдующія разъясненія. Эти опыты имѣютъ цѣлю изученіе условій возникновенія эстетическаго чувства; поэтому, эстетическая

оцѣнка этихъ фигуръ должна основываться не на какихъ-либо теоретическихъ соображеніяхъ, разсужденіяхъ, догадкахъ, но исключительно на чувствѣ, на непосредственно произведенномъ впечатлѣніи.

Предметомъ вниманія для выясненія этого впечатлѣнія должны быть не цвѣтъ и величина, но исключительно контуры, линіи, очерчивающія собою данныя фигуры. Каждую фигуру надо разсматривать отдѣльно и давать ей отдѣльную оцѣнку, не обращая, по возможности, вниманія на присутствующія на томъ же картонѣ остальные фигуры и независимо отъ нихъ. Первые три вопроса были слѣдующіе.

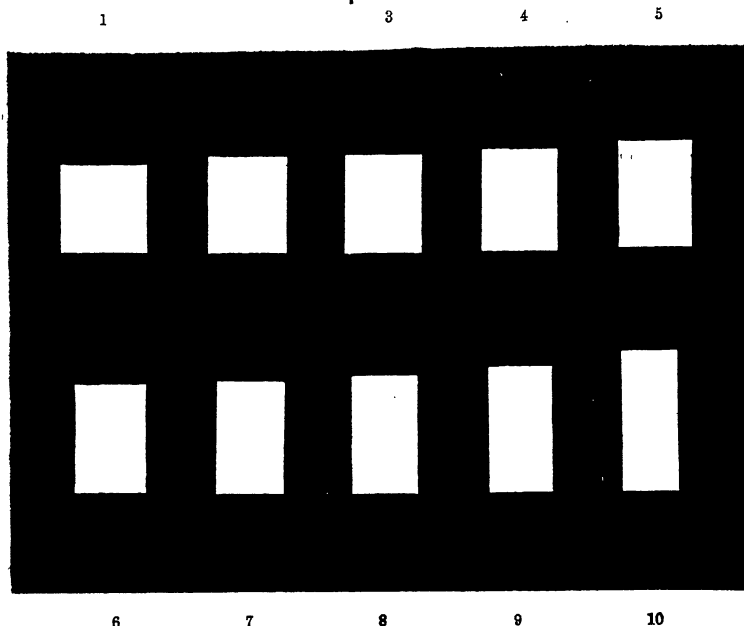
Какія изъ находящихся на картонѣ фигуръ, по своему очертанію, пріятны, изящны, красивы?—какія, наоборотъ, непріятны, неизящны, некрасивы? Если не возникаетъ ни того, ни другого чувства, то какія фигуры безразличны въ эстетическомъ отношеніи?

Когда на эти три вопроса были даны отвѣты, къ нимъ присоединялось еще два вопроса: есть ли между группами эстетически пріятныхъ и непріятныхъ фигуръ—выдающіяся по своей пріятности или по своей непріятности?

Отвѣты на эти пять основныхъ вопросовъ, предлагавшихся относительно всѣхъ пяти картоновъ, регистрировались при помощи слѣдующихъ знаковъ: пріятныя получали +, непріятныя—, безразличныя 0, выдающіяся по своей пріятности + 1, выдающіяся по своей непріятности—1. Къ этому, кромѣ того, присоединялся вопросъ, кажутся ли очертанія фигуръ пріятными или непріятными сами по себѣ, или потому, что напоминаютъ собой какіе-нибудь опредѣленные, видѣнные предметы? Если изъ отвѣтовъ обнаруживалось, что тѣ или другія фигуры оцѣниваются подъ вліяніемъ *опредѣленныхъ напоминаній*, то такія оцѣнки отмѣчались въ протоколѣ особымъ знакомъ, какъ внушенныя случайнымъ дѣйствіемъ ассоціаціи, и снимались со счета, замѣняясь дополнительными (запасными) показаніями другихъ лицъ. Наконецъ, наблюдателямъ предлагалось присоединить какія-либо самостоятельныя наблюденія или замѣчанія, касающіяся изучаемыхъ фигуръ.

Перейдемъ къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ картоновъ. Картонъ I представляетъ собой воспроизведеніе опытовъ Фехнера.

Картонъ I.

Согласно его указаніямъ, мы построили 10 четырехугольниковъ, съ равною площадью, руководствуясь отношеніемъ сторонъ и величиною площади квадрата (№ 1), равною 6400 кв. мм., при длинѣ сторонъ, равной 80 мм.; (размѣры остальныхъ не были прямо указаны Фехнеромъ); такимъ образомъ, 10 фигуръ картона I, согласно съ Фехнеромъ, почти равны между собою по величинѣ площади *), при слѣдующихъ измѣняющихся отношеніяхъ основанія къ высотѣ **):

№№ четыре- угольниковъ.	1 □	2	3	4	5	6	7 ⊙	8	9	10
Отношеніе ос- нованія къ вы- сотѣ.	1/1	6/5	5/4	4/3	29/20	3/2	31/21	23/13	2/1	5/2

*) На практикѣ, при построеніи этихъ фигуръ, получились, вслѣдствіе иррациональности числовыхъ отношеній, нѣкоторая разность въ величинѣ площади четырехугольниковъ сравнительно съ площадью квадрата (№ 1), колеблющаяся въ предѣлахъ отъ — 7, 9 кв. мм. (№ 3) до + 3, 2 кв. мм., (№ 7), которую можно пренебречь, по ея незначительности.

***) ⊙ — условный знакъ отношенія золотого дѣленія.

Огвѣты на пять основныхъ вопросовъ дали слѣдующіе результаты, показанные въ таблицѣ I.

Т а б л и ц а I (н. I).

№№ четырехугольниковъ:	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
О ц ѣ н к и.	Мужскія показанія въ ‰: число опытовъ 200.									
Положительныя + . . .	81,5	79,5	80,5	77,5	84	82,5	87	85,5	83,5	85,5
Отрицательныя — . . .	10	5,5	4,5	5,5	2,5	4	3,5	5	7,5	9,5
Выдающіяся полож. + I .	28	4,5	3	2,5	9	7,5	11,5	17	14,5	37,5
Выдающіяся отриц. — I .	1	0	0	0	0,5	0	0	0	1,5	3,5
Безразличныя 0	8,5	15	15	17	13,5	13,5	9,5	9,5	9	5
	Женскія показанія въ ‰: число опытовъ 100.									
Положительныя + . . .	87	76	76	77	81	82	82	82	84	83
Отрицательныя — . . .	2	5	4	4	3	4	4	2	4	7
Выдающіяся полож. + I .	27	3	4	2	7	7	8	8	12	41
Выдающіяся отриц. — I .	0	1	0	0	0	0	0	0	0	1
Безразличныя 0	11	19	20	19	16	14	14	16	12	10

Эти данныя, какъ результатъ воспроизведенія опытовъ Фехнера при новыхъ условіяхъ, во многихъ отношеніяхъ отличаются отъ числовыхъ данныхъ, полученныхъ самимъ Фехнеромъ по «методу выбора». Такъ какъ, по его системѣ опроса, между этими фигурами выбирались только самыя пріятныя, то мы, для сравненія, должны прежде всего обратить вниманіе на ‰ оцѣнокъ, означающихъ выдающіяся пріятныя (+ I). Въ то время, какъ въ его опытахъ первое мѣсто между наиболѣе пріятными отношеніями принадлежитъ золотому дѣленію (34,50‰ муж. сужденій и 35,83‰ жен.), здѣсь мы видимъ, что отношеніе зо-

лотого дѣленія не играетъ никакой замѣтной роли въ числѣ *выдающихся пріятныхъ* (+ 1) фигуръ: на его долю выпало небольшое число предпочтительныхъ оцѣнокъ: 11,5% муж. и 8% жен. Первое мѣсто, въ числѣ выдающихся, принадлежитъ здѣсь № 10: 37,5% муж. и 41% жен. и № 1: 28% муж. и 27% жен.; это именно тѣ фигуры, которымъ въ таблицѣ Фехнера принадлежить одно изъ послѣднихъ мѣстъ (2,74% м., 3,36% ж. и 1,43% м., 1,68% ж.), съ ничтожнымъ % предпочтеній.

Самый важный результатъ этихъ опытовъ обнаруживается изъ сравненія перваго ряда числовыхъ данныхъ (+) со вторымъ (—). Вопросъ объ эстетической пріятности этихъ 10 фигуръ рѣшается здѣсь вообще, въ положительномъ смыслѣ, подавляющимъ большинствомъ оцѣнокъ отъ 77,5% до 87% муж. и отъ 76% до 87% жен. По этимъ даннымъ можно заключить, что всѣ 10 прямоугольниковъ картона I производятъ на значительное большинство наблюдателей равно пріятное эстетическое впечатлѣніе, безъ замѣтнаго предпочтенія въ этомъ отношеніи какого-либо одного изъ этихъ очертаній. Незначительный перевѣсъ въ 1½% № 7 надъ №№ 8 и 10 среди мужскихъ оцѣнокъ компенсируется противоположнымъ перевѣсомъ №№ 1, 9 и 10 надъ № 7 среди женскихъ оцѣнокъ. Съ этимъ гармонируютъ и данныя третьяго ряда, т.-е. выдающіяся положительныя: они показываютъ, во-первыхъ, что № 7-му, т.-е. отношенію золотого дѣленія, не принадлежитъ никакого дѣйствительнаго преимущества въ эстетическомъ отношеніи надъ другими; во-вторыхъ, они указываютъ на относительную трудность самой постановки вопроса о предпочтеніи фигуръ въ этихъ опытахъ сравнительно съ вопросомъ объ ихъ эстетической пріятности вообще: въ то время какъ вопросъ объ эстетической пріятности или непріятности впечатлѣнія (+ или —) рѣшается громаднымъ большинствомъ согласныхъ показаній, достигающимъ 87%, первый, т.-е. вопросъ о преимуществѣ однихъ эстетически пріятныхъ формъ надъ другими, очевидно, представляетъ собой для наблюдателей нѣчто болѣе сложное, болѣе утонченное; въ его рѣшеніи трудно достигнуть согласія между собой даже 40% показаній; здѣсь отсутствіе значительнаго согласія тѣмъ болѣе понятно, что дѣло идетъ о такихъ однообразныхъ очертаніяхъ, каковы контуры таблицы I. Итакъ, сравненіе между собою первыхъ двухъ рядовъ данныхъ собой показываетъ намъ, что всѣ 10 фигуръ к. I при тѣхъ

условіяхъ воспріятія ихъ, какія даны въ нашихъ опытахъ, осуществляютъ собой нѣкоторый общій законъ красоты простыхъ пространственныхъ формъ, независимый отъ математическаго отношенія основанія въ высотѣ, такъ какъ различія въ этомъ отношеніи не оказываютъ никакого существеннаго вліянія на ихъ эстетическую пріятность. Даже между такими крайними математическими отношеніями основанія къ высотѣ, каковы №№ 1 и 10 ($1/1$ и $5/2$), незамѣтно никакого существеннаго различія въ характерѣ впечатлѣнія: №№ 1 и 10 имѣютъ 81%—85,5% муж. и 87%—83% жен. положительныхъ оцѣнокъ; въ среднемъ счетѣ пріятность № 1 оцѣнивается 84%, а № 10 84,25%. Если данныя 1-го ряда обнаруживаютъ въ этихъ фигурахъ присутствіе *общихъ* условій красоты, то данныя 3-го ряда (+ 1) указываютъ на вліяніе частныхъ условій въ соединеніи съ общими, обнаруживаютъ вліяніе индивидуальныхъ вкусовъ на характеръ оцѣнки; здѣсь предпочтеніе сосредоточивается, какъ мы видѣли, у однихъ на квадратѣ (№ 1), у другихъ на продолговатомъ прямоугольникѣ (№ 10). Эти общія причины возникновенія эстетическаго чувства, въ противоположность второстепеннымъ, частнымъ факторамъ пріятности, могутъ быть удовлетворительно объяснены съ точки зрѣнія условій, возбуждающихъ чувство сходства. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ 10 фигуръ, наблюдаемая при прямомъ положеніи передъ ними глазъ наблюдателя, совмѣщаютъ въ себѣ условія, благодаря которымъ возникаетъ чувство сходственнаго соотношенія частей. Какимъ бы способомъ ни происходило воспріятіе контура глазомѣромъ, посредствомъ ли послѣдовательнаго перемѣщенія сѣтчатки и сравненія противоположныхъ сторонъ (Гельмгольцъ) или посредствомъ постепеннаго обозрѣнія всего очертанія, т.-е. прослѣживанія линій (Вундтъ, Серджи и др.), или, наконецъ, посредствомъ сравненія правой половины съ лѣвой, верхней съ нижней, исходя въ этомъ процессѣ отъ горизонтальной и вертикальной линій эстетическаго ориентированія, во всякомъ случаѣ, каждая изъ 10 фигуръ картона I легко расчленяется на сходныя части, обозрѣніе которыхъ сопровождается рядомъ сходныхъ двигательныхъ и свѣтовыхъ ощущеній, воспріятій. Замѣтимъ теперь же, что во время наблюденій 32-ми лицами было ясно выражена потребность отыскивать середину наблюдаемой фигуры и занимать соотвѣтствующее ей положеніе для болѣе правильной эстетической оцѣнки контура.

Замѣчанія этихъ лицъ показываютъ, что наиболѣе благоприятное положеніе для эстетической оцѣнки простой фигуры то, которымъ обеспечивается при разсматриваніи полученіе большаго числа сходственныхъ воспріятій. Если это заключеніе правильно, если сходственное соотношеніе мышечныхъ и зрительныхъ ощущеній, входящихъ въ составъ этихъ воспріятій, есть существенное условіе возникновенія эстетическаго чувства, то это заключеніе должно будетъ подтвердиться на примѣрахъ отрицательнаго характера: отсутствіе этого условія воспріятій должно повлечь за собою или совершенное отсутствіе или, по крайней мѣрѣ, сильное пониженіе у наблюдателей чувства эстетической пріятности.

Что касается вліянія ассоціацій на оцѣнку фехнеровскихъ фигуръ картона I, то вообще можно замѣтить, что онѣ менѣе всѣхъ другихъ способны были внушать постороннія ассоціативныя представленія. Но въ этомъ отношеніи слѣдуетъ различать три случая. Первый случай тотъ, когда фигурою, по признанію наблюдателя, не только внушается опредѣленное воспоминаніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ это воспоминаніе и служитъ причиною пріятности впечатлѣнія; другой случай, когда опредѣленное воспоминаніе, независимо отъ эстетической оцѣнки контура, является уже послѣ самой оцѣнки; наконецъ, третій, когда внушаемыя ассоціаціи не имѣютъ никакой опредѣленности. Изъ этихъ трехъ случаевъ мы считали только первый достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы признать опытъ неудавшимся и снять его со счета, возмѣщая его запасными показаніями другихъ лицъ. Едва ли слѣдуетъ упоминать о двухъ случаяхъ, когда квадратъ (№ 1) и нѣкоторыя другія фигуры были признаны напоминающими нѣчто «неуклюжее, тяжелое, давящее», объ одномъ случаѣ, когда квадратъ, наоборотъ, возбуждалъ чувство «удовлетворенія, спокойствія», наконецъ, объ одномъ показаніи, когда этотъ же № 1 былъ признанъ напоминающимъ собою паука (поэтомъ-символистомъ). Большаго вниманія заслуживаетъ замѣчаніе, слѣланное четырьмя лицами о томъ, что среднія фигуры, отъ № 5 до № 8, напоминаютъ собою форму часто встрѣчающихся въ общежитіи предметовъ, каковы окна, картины, полотна, рамки и что это, по всей вѣроятности, придаетъ имъ нѣкоторую пріятность.

У Фехнера въ указанной группѣ среднихъ фигуръ отношеніе

золотого дѣленія (№ 7) привлекло къ себѣ наибольшее число предпочтеній, оно занимаетъ у него центральное, господствующее мѣсто; поэтому интересно изслѣдовать, не объясняется ли нѣкоторый хотя и незначительный % предпочтительныхъ оцѣнокъ, полученныхъ №№ 6, 7 и 8 въ опытахъ Фехнера, тѣмъ обстоятельствомъ, что выбиравшія ихъ лица руководствовались не столько ихъ эстетическимъ свойствомъ, сколько практическимъ примѣненіемъ. Для провѣрки этого предположенія я предложилъ 197 лицамъ избрать на этой таблицѣ тотъ № или тѣ №№, которые они найдутъ наиболѣе подходящими для визитной карточки, сообразно съ своимъ вкусомъ. Выборъ, сдѣланный ими съ этой специальной точки зрѣнія, осложненной практическимъ назначеніемъ, привелъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Выборъ фигуры для визитной карточки (н. I).

№№ фигуръ:		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	Число избраний.
Выборъ мужчинъ.	Число лицъ*) 137	0	1	0	0	12	32	55	40	8	7	155
Выборъ женщинъ.	60**)	2	0	0	1	5	10	8	17	11	9	
Сумма	197	2	1	0	1	17	42	63	57	19	16	218
въ %.		1	0	0	0	8	19	29	26	9	7	

Сравнивъ полученные нами въ этомъ случаѣ результаты съ тѣми, которые мы находимъ въ опытахъ Фехнера съ 10 четырехугольниками, замѣтимъ полную между ними аналогію, именно у Фехнера:

№№ фигуръ:		1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Выборъ мужчинъ:	въ %	2,74	0,22	3,07	1,97	5,85	22,33	34,30	21,64	6,2	1,43
Выборъ женщинъ:	въ %	3,36	0,27	0,00	3,36	11,35	17,22	35,83	16,99	9,94	1,68

*) Число лицъ, избравшихъ по 2 номера: 18.

***) Число лицъ, избравшихъ по 2 номера: 3.

Сущность аналогического результата состоитъ въ томъ, что №№ 6, 7 и 8, составляшіе по Фехнеру область золотого дѣленія, получили у насъ всѣ вмѣстѣ также наибольшее число избраній, сумма которыхъ составляетъ 74% у насъ, и 78% муж., 70% жен., въ среднемъ 74%—у Фехнера. Такимъ образомъ, полученныя у Фехнера данныя легко объясняются тѣмъ, что участвовавшія въ его опытахъ лица, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, стѣсненные «методомъ выбора» и принятою у него системою опроса, избирали опредѣленныя формы не столько съ эстетической, сколько съ практической точки зрѣнія. Такъ какъ въ нашихъ опытахъ избраніе фигуры для визитной карточки предлагалось наблюдателямъ уже послѣ того, какъ всѣ фигуры были оцѣнены ими съ эстетической точки зрѣнія, то при этихъ дополнительныхъ опытахъ представлялось интереснымъ сравнить, какъ часто эти лица будутъ избирать для визитной карточки тѣ самыя фигуры, которымъ они отдали уже предпочтеніе въ чисто эстетическомъ отношеніи.

Оказалось, что такія совпаденія очень рѣдки. Изъ 200 избраній (142 муж., 58 жен.) 143 раза (71,5%) для визитной карточки былъ избранъ *другой* четырехугольникъ; только 17 разъ (8,5%) предпочтеніе получилъ тотъ же самый и 40 разъ (20%) былъ избранъ одинъ изъ нѣсколькихъ, получившихъ предпочтеніе ранѣе. Этотъ фактъ показываетъ намъ, что оцѣнка и выборъ даже такихъ простыхъ фигуръ, съ чисто эстетической точки зрѣнія, не только вполне возможны, но, въ большинствѣ случаевъ, рѣзко отличаются отъ оцѣнки и выбора, имѣющихъ практической отгѣнокъ.

Десять прямоугольниковъ Фехнера, воспроизведенныхъ въ нашихъ опытахъ въ качествѣ объектовъ психологическаго эксперимента, заключаютъ въ себѣ 3 фактора, три существенныхъ условія воспріятій, подлежащихъ изслѣдованію: *сходство* противоположныхъ сторонъ, *сходство* всѣхъ угловъ, какъ прямыхъ, и *различіе* математическихъ отношеній основанія къ высотѣ. Совмѣщеніе этихъ трехъ условій во всѣхъ фигурахъ таблицы I не позволяетъ сдѣлать какого-либо рѣшительнаго заключенія о томъ, какому изъ этихъ трехъ факторовъ *) слѣдуетъ приписать

*) Мы говоримъ здѣсь объ этихъ объективныхъ факторахъ, только какъ о внѣшнихъ условіяхъ возбужденія соответствующихъ психическихъ состоя-

возникновеніе эстетическаго чувства, вполне констатированнаго полученными у насъ данными.

Остается сомнительнымъ, зависитъ ли здѣсь эстетическая пріятность отъ сходства сторонъ, отъ свойства угловъ, или отъ отношенія основанія къ высотѣ? Кроме того, можно замѣтить, что если отношеніе золотого дѣленія не вызвало въ нашихъ опытахъ (к. I) замѣтнаго повышенія эстетической пріятности впечатлѣнія, то все-таки остается сомнительнымъ, не можетъ ли золотое дѣленіе проявить свое эстетическое значеніе при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ, въ томъ случаѣ, когда ему будетъ дано большее развитіе и когда оно явится въ сочетаніи съ новыми условіями, не встрѣчающимися въ четырехугольникахъ Фехнера.

Для дальнѣйшаго изслѣдованія этихъ вопросовъ, мы произвели новые опыты съ 8 разносторонними четырехугольниками, построенными на началахъ математической пропорціональности такимъ образомъ, чтобы въ нихъ пропорціональное отношеніе золотого дѣленія (1,618) получило нѣкоторое господство, между тѣмъ какъ сходство противоположащихъ сторонъ и всѣхъ угловъ уступило бы мѣсто противоположнымъ условіямъ: *несходству или различію всѣхъ сторонъ и угловъ.* (См. рис. 1.) Если обозначимъ большія противоположащія стороны этихъ четырехугольниковъ буквами А и С, а меньшія противоположащія стороны буквами В и D, то величина сторонъ А и В будетъ во всѣхъ 8-ми четырехугольникахъ постоянною, равною величинѣ основанія и высоты Фехнеровскаго № 7 предъдущаго картона (101,8 × 62,3 мм.). Величину же двухъ другихъ сторонъ С и D, съ сохраненіемъ между ними того же от-

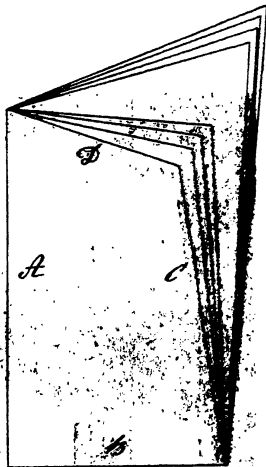
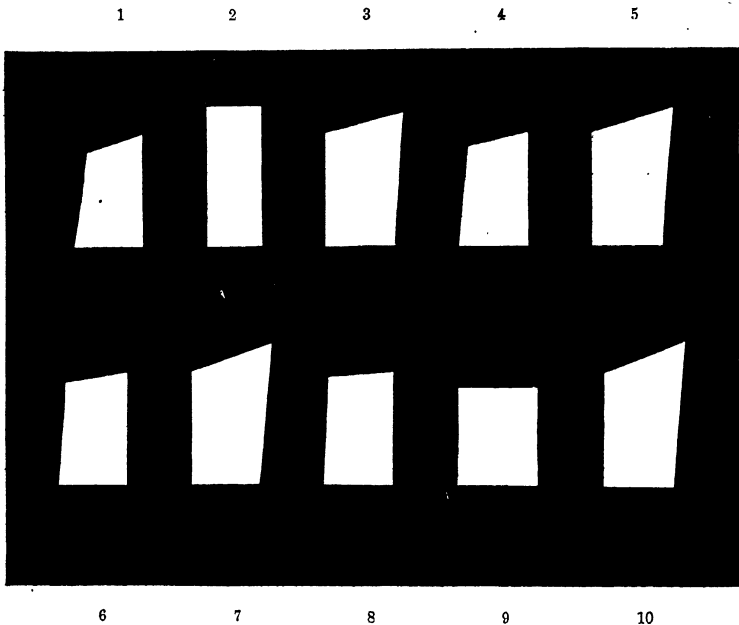

Рис. 1.

нѣй, — воспріятій, непосредственно предшествующихъ возникновенію эстетическаго чувства.

ношенія золотого дѣленія, мы получимъ посредствомъ послѣдовательнаго умноженія нормальнаго математическаго отношенія золотого дѣленія: $34,44 : 21,28$ на $2,5$; $2,6$; $2,7$; $2,8$; $3,5$; $3,6$; $3,7$; $3,8$. Въ полученныхъ такимъ путемъ восьми четырехугольникахъ $A : B = C : D$ и $[(A + B) : A = A : B] = [(C + D) : C = C : D]$; слѣдовательно, отношеніе золотого дѣленія проведено въ нихъ съ неменьшею полнотою, нежели въ четырехугольникѣ золотого дѣленія (№ 7) Фехнера. Къ этимъ 8 четырехугольникамъ мы присоединяемъ, для сравненія съ ними, изъ предыдущаго картона №№ 2 и 9 (въ картонѣ I они соотвѣтствуютъ №№ 10 и 2), изъ которыхъ въ № 2 отношеніе основанія къ высотѣ гораздо больше отношенія золотого дѣленія (2,500 вм. 1,618), а въ № 9 — гораздо меньше (1,200 вм. 1,618). Эти 10 фигуръ были такъ же, какъ и предыдущія, вырѣзаны и наклеены на черномъ картонѣ въ слѣдующемъ расположеніи (картонъ II).

Картонъ II.

Точныя условія построенія этихъ фигуръ показаны въ слѣдующей таблицѣ:

№№ четыре- угольни- ковъ.	Величина угла, ле- жащаго противъ.	О т н о ш е н і я с т о р о н ъ .					
		А : В		С : D			
		mm	mm		mm	mm	
1	115°	101,8	62,9	1,618 з. д.	86,1	53,2	1,618 з. д.
2	90°	126,5	50,6	2,500	126,5	50,6	2,500
3	71°	101,8	62,9	1,618 з. д.	120,5	74,5	1,617 з. д.
4	108°	101,8	62,9	1,618 з. д.	89,5	55,3	1,618 з. д.
5	69°	101,8	62,9	1,618 з. д.	124,0	76,6	1,618 з. д.
6	103°	101,8	62,9	1,618 з. д.	92,9	57,4	1,618 з. д.
7	67°	101,8	62,9	1,618 з. д.	127,4	78,7	1,618 з. д.
8	97°	101,8	62,9	1,618 з. д.	96,4	59,6	1,617 з. д.
9	90°	87,6	73,0	1,200	87,6	73,0	1,200
10	64°	101,8	62,9	1,618 з. д.	130,8	80,8	1,618 з. д.

При этихъ условіяхъ, величина площади №№ 1, 4, 6 и 8 нѣ- сколько менѣе площади № 7 карт. I, а №№ 3, 5, 7 и 10 нѣсколько болѣе ея. Такое различіе между ними можетъ показать, имѣть ли вліяніе небольшая разница въ величинѣ площади на эстети- ческую оцѣнку контура этихъ фигуръ. Наблюдателямъ были предложены пять основныхъ вопросовъ, указанныхъ выше (см. стр. 451). Изъ отвѣтовъ получились слѣдующіе результаты:

Т а б л и ц а II (н. II.).

№№ четырехугольниковъ.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
	Мужскія показанія въ %: число опытовъ 200.									
Положительныя (+) . .	22	91	8	18	10,5	18,5	9,5	22,5	90	12,5
Отрицательныя — . . .	61	5,5	71,5	63,5	69,5	62	71	59	3	69,5
Выдающ. пол—ныя +1 .	4,5	48	0	1,5	0,5	1	1	2	37,5	1
Выдающ. отриц. —1 . .	8	0,5	7	6	10,5	9,5	11	12	0,5	10
Безразличныя 0	17	3,5	20,5	18,5	20	19,5	20	18,5	7	18

№№ четырехугольниковъ.	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Оцѣнки.	Женскія показанія въ ‰: число опытовъ 100.									
Положительныя (+) . . .	20	92	10	16	15	13	9	18	86	19
Отрицательныя — . . .	58	1	69	58	64	63	69	59	6	63
Выдающ. пол—ныя + I . .	4	49	1	1	2	0	1	1	22	2
Выдающ. отрин. — I . . .	12	1	5	9	5	10	10	13	1	4
Безразличныя 0	22	7	21	26	21	24	22	23	8	18

Въ этой таблицѣ прежде всего обращаетъ на себя вниманіе очень большой ‰ отрицательныхъ оцѣнокъ (—), полученныхъ всѣми четырехугольниками, построенными по золотому дѣленію: онъ колеблется въ мужскихъ и женскихъ оцѣнкахъ между 58% — $71,3\%$ показаній, признавшихъ эти фигуры въ эстетическомъ отношеніи *непріятными*. Въ этомъ отношеніи получилось полное согласіе большинства съ тѣмъ лишь отгѣнкомъ, что №№ 3, 5, 7 и 10, у которыхъ правые углы при вершинѣ остры, оказались нѣсколько болѣе непріятными, чѣмъ остальные четыре, у которыхъ эти углы не такъ остры. (Угловатая, колющая очертанія контура представляютъ собою, какъ было замѣчено раньше, неблагоприятное фізіологическое условіе.) Очевидно, что такого высокаго ‰ отрицательныхъ оцѣнокъ не могло бы въ данномъ случаѣ получиться, если бы пропорціональность золотого дѣленія имѣла какъ-нибудь самостоятельное значеніе, какъ факторъ, возбуждающій эстетическое удовольствіе. Этотъ фактъ позволяетъ, напротивъ, думать, что если математическое отношеніе золотого дѣленія въ № 7 карт. I не помѣшало этой фигурѣ получить тамъ 87% мужскихъ и 82% женскихъ *положительныхъ* оцѣнокъ, почти наравнѣ со всѣми другими фигурами т. I, то причину этого явленія остается искать не въ математическомъ отношеніи пропорціональности, а въ одномъ изъ двухъ остальныхъ условій, присутствующихъ въ № 7, какъ и во всѣхъ остальныхъ четырехугольникахъ к. I: въ *сходствѣ* противоположащихъ сторонъ и угловъ. Въ противоположность отрицательнымъ показаніямъ относительно

всѣхъ разностороннихъ четырехугольниковъ картона II, № 2 и № 9 въ этомъ же картонѣ получили очень высокій % положительныхъ оцѣнокъ (+); эти фигуры признаются эстетически пріятными 91% и 90% мужскихъ показаній и 92% и 86% женскихъ. Надо припомнить, что эти самыя №№, получившіе, по «методу выбора», у Фехнера лишь 1,43% и 0,22% мужскихъ положительныхъ оцѣнокъ и 1,68% и 0,27% женскихъ, уже были разъ признаны у насъ эстетически пріятными въ карт. I 85,3% и 79,5% мужскихъ и 83% и 76% женскихъ показаній.

Мы видимъ теперъ, что ихъ эстетическая пріятность не только признана вновь, но и повысилась въ т. II почти на 10%. Это повышеніе слѣдуетъ объяснить влияніемъ сосѣднихъ фигуръ, большинствомъ признанныхъ непріятными, среди которыхъ эстетическая цѣнность пріятныхъ чувствуется съ большею ясностью. Въ подкрѣпленіе къ этому могутъ служить и показанія относительно выдающихся пріятныхъ (+ 1), изъ которыхъ видно, что только № 2 и № 9 останавливали на себѣ вниманіе многихъ лицъ, какъ выдающихся между пріятными. Однако, слѣдуетъ замѣтить, что продолговатый прямоугольникъ № 2 гораздо чаще былъ отмѣченъ знакомъ + 1, нежели прямоугольникъ № 9, близкій къ квадрату: первый—48% мужскихъ и 49% женскихъ, второй же 37,5% мужскихъ и 22% женскихъ показаній. Эту разницу можно объяснить двояко: или безотчетнымъ дѣйствіемъ воспоминаній, въ силу ассоціаціи, именно тѣмъ, что первая изъ этихъ фигуръ напоминаетъ собою большее количество стройныхъ предметовъ подобной формы, нежели вторая; или тѣмъ независящимъ отъ ассоціаціи ихъ свойствомъ, что въ № 2 *сходство* противоположныхъ частей яснѣе подчеркивается *различіемъ* между основаніемъ и высотой, нежели въ № 9, близкомъ къ квадрату. Второе изъ этихъ предположеній кажется болѣе вѣроятнымъ потому, что находить себѣ подтвержденіе въ данныхъ таблицахъ I, гдѣ именно отъ № 5 до № 10, въ группѣ продолговатыхъ фигуръ замѣтно нѣкоторое общее повышеніе эстетической пріятности формъ; нѣсколько компетентныхъ лицъ (въ томъ числѣ одинъ преподаватель рисованія), отъѣзжавшихся отъ оцѣнки cadaго № таблицы I, въ отдѣльности, называли пріятнымъ весь второй рядъ фигуръ картона I и непріятнымъ весь первый.

Данныя таблицы II позволяютъ намъ рѣшить вопросъ, имѣетъ ли небольшое измѣненіе величины площади 8 разностороннихъ че-

тыреугольниковъ, сравнительно съ площадью № 7, какое-либо вліяніе на эстетическую оцѣнку ихъ очертаній. Расположивъ для этого номера разностороннихъ четырехугольниковъ въ порядкѣ постепеннаго возрастанія величины ихъ площади, какъ показано въ нижеслѣдующей таблицѣ, мы увидимъ, что измѣненія въ ‰‰ ихъ положительныхъ и отрицательныхъ оцѣнокъ не обнаруживаютъ предполагаемаго вліянія, такъ какъ ‰‰ соответствующихъ имъ оцѣнокъ то понижается, то повышается.

№№ разностор. четы- реугольниковъ, въ порядкѣ возрастанія ихъ величины:	1	4	6	8	3	5	7	10
О ц ѣ н н и:								
Мужч. + . . .	22	18	18,5	22,5	8	10,5	9,5	12,5
Женщ. + . . .	20	16	13	18	10	15	9	19
Мужч. — . . .	61	63,5	62	59	71,5	69,5	71	69,5
Женщ. — . . .	58	58	63	59	69	64	69	63

Фигуры таблицы II, повидимому, больше всѣхъ другихъ способны были внушать постороннія ассоціаціи представленій, которыя можно раздѣлить на ассоціаціи неопредѣленнаго характера и ассоціаціи опредѣленныхъ предметовъ. По отзыву одного лица, всѣ фигуры разностороннихъ четырехугольниковъ производятъ «коробящее впечатлѣніе», по отзыву одной дамы, они производятъ «безпокойное впечатлѣніе»; напротивъ, №№ 2 и 9 производятъ, по отзыву трехъ лицъ, впечатлѣніе фигуръ «покойныхъ» (разъ) или вызывающихъ «чувство удовлетворенія, какъ знакомыя геометрическія фигуры» (2 р.). Ассоціаціи опредѣленныхъ предметовъ отмѣчены были болѣе 20 разъ. Въ этомъ отношеніи чаще всего указывалось, что разносторонніе четырехугольники напоминаютъ собою аналоги, надгробные памятники, парты, кружки, кувшины, бокалы, вазы, стаканы, паруса (№ 1, № 7), усѣченную пирамиду, усѣченный конусъ, каменную колонну; № 1 вмѣстѣ съ нѣкоторыми фигурами напоминаетъ технику ведро, архитектору—obeliskъ; № 2 напоминаетъ визитную карточку, колонну, окно, слишкомъ длинную человѣческую фигуру. Естественно, что большая часть подобныхъ ассоціацій должна была располагать на-

блюдателей къ признанію разностороннихъ четырехугольниковъ к. II эстетически болѣе пріятными, нежели они могли бы показаться подъ вліяніемъ непосредственнаго впечатлѣнія. Однимъ лицомъ было замѣчено, что если бы №№ 6, 7, 8 и 10 болѣе напоминали собою кружки и др. предметы, то могли бы быть пріятнѣе. Поэтому, каждый разъ, какъ вліяніе опредѣленныхъ ассоціацій на оцѣнку фигуры было слишкомъ явно и признавалось самимъ наблюдателемъ, такое показаніе снималось съ общаго счета, какъ не отвѣчавшее задачѣ опытовъ. Тѣмъ не менѣе есть основаніе предполагать, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствіе ассоціаціи на оцѣнку не было выражено и замѣчено. Кромѣ того, несмотря на предупрежденія каждаго лица, приступающаго къ опыту, о томъ, что оцѣнка контура должна основываться на непосредственномъ дѣйствіи его на чувства, а не на какихъ-либо теоретическихъ соображеніяхъ, нельзя было не замѣтить, что не всѣ оказываются способными къ такого рода эмоціональной оцѣнкѣ. Привычка разсуждать тамъ, гдѣ надо только чувствовать, беретъ перевѣсъ надъ предупрежденіями. Примѣромъ такого разсудочнаго отношенія, съ которымъ приходилось нерѣдко встрѣчаться, можетъ служить оцѣнка нѣсколькими лицами № 8. Тремя наблюдателями очертанія этого номера признаны были пріятными, «какъ приближеніе къ правильнымъ фигурамъ 2-й и 9-й»; четвертымъ лицомъ, наоборотъ, этотъ № признанъ непріятнымъ, какъ «уродливое уклоненіе отъ правильнаго». Между тѣмъ одна дама, называя № 5 выдающимся изъ пріятныхъ, замѣчаетъ, для объясненія своего выбора, что она «любитъ оригинальное». Поэтому-символистомъ были признаны въ таблицѣ II «очень пріятными» только четыре №№—1, 4, 6 и 8. Такъ какъ всѣ вышеуказанныя условія и вліянія не могли быть вполне устранены изъ опытовъ, то можно думать, что при болѣе строгой ихъ постановкѣ, % отрицательныхъ показаній о разностороннихъ четырехугольникахъ могъ бы еще возрасти сравнительно съ полученными въ дѣйствительности.

Уже въ числовыхъ данныхъ, полученныхъ воспроизведеніемъ опытовъ Фехнера въ таблицѣ I, мы могли видѣть очень убѣдительное доказательство того, что различіе математическихъ отношеній пропорціональности сторонъ не оказываютъ никакого замѣтнаго вліянія на эстетическое достоинство четырехугольниковъ, поставленныхъ въ одинаковыя условія наблюденія. Главный во-

прось, вытекающей теперь изъ постановки нашихъ опытовъ въ картонѣ II, состоитъ въ томъ, можно ли полученные путемъ этихъ опытовъ числовые результаты считать новымъ подтвержденіемъ того же самаго вывода, къ которому приводить т. I, на этотъ разъ, въ специальномъ примѣненіи къ одному изъ самыхъ выдающихся математическихъ отношеній пропорціональности—къ золотому дѣленію; можно ли утверждать, на основаніи отрицательныхъ показаній, при новыхъ условіяхъ, что отношеніе золотого дѣленія не принадлежитъ къ числу факторовъ, возбуждающихъ эстетическое чувство?

Возраженіе противъ такого вывода, основаннаго на сопоставленіи впечатлѣній, производимыхъ таблицами I-й и II-й, можетъ состоять только въ слѣдующемъ. Хотя въ восьми разностороннихъ четырехугольникахъ карт. II-го, имѣющихъ значеніе контрольныхъ по отношенію къ дѣйствию № 7 таблицы I-й, устранены два постороннихъ условія, связанныхъ въ немъ съ пропорціональностью: сходство противоположащихъ сторонъ и сходство всѣхъ угловъ, какъ прямыхъ,—но, съ другой стороны, въ ихъ составъ введено новое условіе, кромѣ отношенія золотого дѣленія, котораго не существовало въ фехнеровскихъ прямоугольникахъ: именно присутствіе въ нихъ тупыхъ и острыхъ угловъ разной величины. Поэтому, пока не выясненъ вопросъ объ эстетическомъ значеніи этихъ угловъ, остается почва для сомнѣнія: какому изъ двухъ условій слѣдуетъ приписать большей % отрицательныхъ оцѣнокъ, и не зависятъ ли эти результаты скорѣй отъ эстетически нарушающаго дѣствія тупыхъ и острыхъ угловъ на зрительныя воспріятія, нежели отъ безсилія данной математической пропорціональности вызвать эстетическое удовольствіе. Признавая возможность и основательность такого сомнѣнія, оставляемаго результатами опытовъ съ картономъ II-мъ, мы считаемъ необходимымъ подвергнуть специальному изслѣдованію вопросъ объ эстетическомъ значеніи тупыхъ и острыхъ угловъ. Поэтому, одна изъ главныхъ задачъ послѣдующаго ряда опытовъ состоитъ въ выясненіи вопроса, въ состояніи ли наличность тупыхъ и острыхъ угловъ въ прямолинейныхъ фигурахъ, сама по себѣ, оказать понижающее вліяніе на степень ихъ эстетической пріятности и, такимъ образомъ, противодѣйствовать дѣйствительному эстетическому фактору, если бы онъ былъ осуществленъ въ этихъ фигурахъ.

Для этого возьмемъ 6 четырехугольниковъ (5 параллелограммовъ и 1 ромбъ) при слѣдующихъ условіяхъ ихъ расположенія и построения:

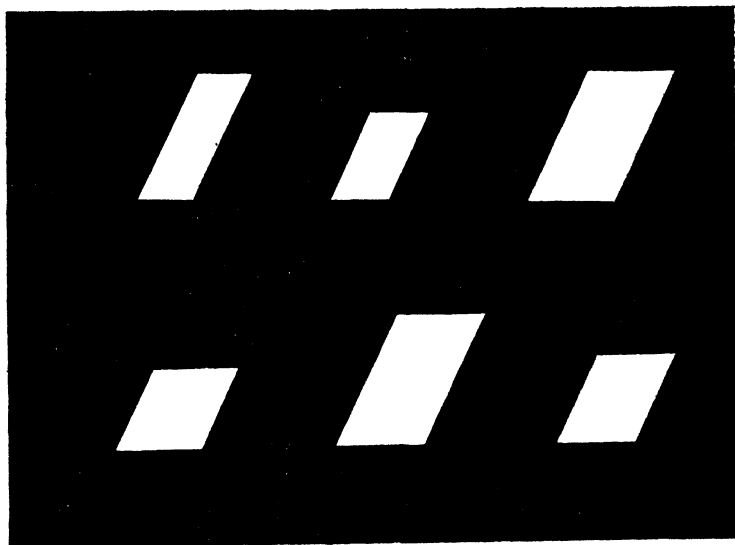
№№ четыре- угольниковъ.	Отноше- ніе сто- ронъ въ цѣлыхъ числахъ.	Величина угловъ.		Длина сторонъ въ мм.	Величина площади въ квад. мм.	Разность сравнительно съ площадью (№ 1, табл. въ квадрат. мм.).
		Ост- рыхъ.	Ту- пыхъ.			
1	$\frac{5}{2}$	64°	116°	126,5 : 50,6	6400,9	+ 0,9
2	$\frac{34}{21}$ з. д.	65°	115°	86,1 : 53,2 зол. д.	4580,5	- 1819,5
3	$\frac{34}{21}$ з. д.	65°	115°	130,8 : 80,8 зол. д.	10568,6	+ 4168,6
4	$\frac{1}{1}$	64°	116°	80,0 : 80,0	6400,0	0,0
5	$\frac{34}{21}$ з. д.	64°	116°	130,8 : 80,8 зол. д.	10568,6	+ 4168,6
6	$\frac{6}{5}$	64°	116°	87,6 : 73,0	6394,8	- 5,2

Картонъ III.

1

2

3

4

5

6

Такъ какъ одна изъ цѣлей построения фигуръ картона III есть изслѣдованіе эстетическаго дѣйствія острыхъ и тупыхъ угловъ, освобожденныхъ отъ сопутствія тѣхъ условій, при которыхъ мы ихъ наблюдали въ восьми фигурахъ таблицы II (№№ 1, 3, 4, 5, 6, 7 и 10), то я воспользовался для построения этихъ косоугольныхъ четырехугольниковъ, величинами наименьшаго изъ острыхъ угловъ (64°) и наибольшаго изъ тупыхъ (116°) картона II; что касается №№ 2 и 3 этой таблицы, то они сжаты въ углахъ на 1° для сравненія ихъ съ другими при этомъ различіи. По взаимному отношенію сторонъ и величинѣ площади, №№ 1, 4 и 6 картона III соотвѣтствуютъ №№ 10, 1 и 2 к. I *), отъ которыхъ они отличаются только величиной угловъ и направленіемъ сторонъ; №№ 2, 3 и 5 к. III построены по золотому дѣленію, съ тѣмъ различіемъ между ними, что № 3 въ 2, 3 раза больше № 2, и № 5 ничѣмъ не отличается отъ № 3, кромѣ разницы въ величинѣ угловъ на 1° .

Отвѣты на пять основныхъ вопросовъ, по отношенію къ картону III, дали слѣдующіе результаты.

Т а б л и ц а III (н. III).

№№ четырехугольниковъ:	1	2	3	4	5	6
О п ѣ н к и.	Мужскія показанія въ ‰: * число опытовъ 200.					
Положительныя + ...	82,5	86	77,5	80	80	81,5
Отрицательныя —	8,5	5,5	7	8	6,5	8
Выдающ. положит. +1	23	33	8,5	24	14,5	8
Выдающ. отрицат. —1	2,5	0	0	2	1	2
Безразличныя 0	9	8,5	15,5	12	13,5	10,5
	Женскія показанія въ ‰: число опытовъ 100.					
Положительныя + ...	90	88	80	85	80	82
Отрицательныя —	5	3	8	6	11	8
Выдающ. положит. +1	29	34	8	25	5	7
Выдающ. отрицат. —1	1	0	1	2	1	0
Безразличныя 0	5	9	12	9	9	10

*) Въ свою очередь, №№ 10 и 2 к. I соотвѣтствуютъ №№ 2 и 9 к. II.

Изъ этихъ данныхъ можно убѣдиться прежде всего въ томъ, что присутствіе острыхъ и тупыхъ угловъ (въ 64° — 65° , 115° — 116°) не оказываетъ никакого замѣтнаго эстетически понижающаго вліянія на степень пріятности, возбуждаемой этими фигурами. Очень рѣдко, въ теченіе эстетическихъ опытовъ, положительныя оцѣнки поднимаются на такую высоту, какъ здѣсь (77% — 90%) и никогда не обнаруживаютъ такого постоянства общаго уровня по отношенію ко всѣмъ, безъ различія, фигурамъ, какъ въ картонѣ III: какъ къ тѣмъ изъ нихъ, которыя построены по золотому дѣленію, такъ и къ остальнымъ, основаннымъ на другихъ отношеніяхъ основанія къ высотѣ. Такъ, напримѣръ, № 4, отношеніе сторонъ котораго есть 1:1, признанъ пріятнымъ 80% муж. и 85% жен. показаній наравнѣ съ № 5, построеннымъ по золотому дѣленію, признаннымъ также пріятнымъ 80% муж. и 80% жен. показаній; № 1, съ отношеніями сторонъ 5:2, признанъ пріятнымъ 82% муж. и 86% ж. показаній почти такъ же, какъ № 2, съ отношеніемъ золотого дѣленія, оцѣненный 86% муж. и 88% жен. показаній. Здѣсь очевидно повторяется то же явленіе, какое мы замѣтили въ к. I: разнообразныя отношенія пропорціональности, въ томъ числѣ и золотого дѣленія, не оказываютъ замѣтнаго вліянія на повышение или пониженіе пріятности фигуръ. Нѣкоторую наивысшую долю пріятности, повидимому, раздѣлили между собою № 1 и № 2, значительно отличающіеся другъ отъ друга величиною площади и математическимъ отношеніемъ сторонъ ($\frac{3}{2}$ и $\frac{34}{21}$); но здѣсь есть основаніе предположить, помимо изящества, вліяніе на ихъ оцѣнку соображеній практическаго характера, касающихся ихъ величины и сходства съ визитными карточками и другими предметами; №№ 3 и 5 не вызвали никакой замѣтной разницы въ ихъ оцѣнкѣ, несмотря на введенное въ нихъ незначительное различіе въ величинѣ угловъ: одинъ изъ нихъ признанъ пріятнымъ $77,5\%$ муж. и 80% жен. показаній, другой— 80% муж. и 80% жен. Изъ всего этого ясно, что если бы присутствіе тупыхъ и острыхъ угловъ могло само по себѣ имѣть понижающее вліяніе на эстетическій характеръ данныхъ фигуръ, то оно необходимо обнаружилось бы въ числовыхъ данныхъ таблицы III; но мы видимъ, что предполагаемаго пониженія пріятности впечатлѣнія не произошло; поэтому мы въ правѣ заключить теперь изъ сопоставленія впечатлѣній, производимыхъ кар-

тонами I, II и III, что эстетическая пріятность очертаній данныхъ фигуръ не обусловливается ни величиною угловъ, ни математическимъ отношеніемъ основанія къ высотѣ, ни величиною ихъ площади.

Вслѣдствіе этого, для объясненія полнаго эстетическаго контраста, какой получился въ нашихъ опытахъ между восемью разносторонними четырехугольниками к. II и всѣми остальными изученными фигурами, остается сдѣлать одно предположеніе: въ то время какъ въ 8-ми четырехугольникахъ картона II, построенныхъ по золотому дѣленію, дѣйствительный, важнѣйшій факторъ эстетическаго удовольствія отсутствуетъ, во всѣхъ остальныхъ фигурахъ этихъ трехъ таблицъ онъ находитъ свое болѣе или менѣе полное осуществленіе. Въ чемъ же состоитъ этотъ факторъ? Факторъ этотъ, по нашей гипотезѣ, не геометрическаго, а психологическаго характера; его надо искать не въ тѣхъ или другихъ числовыхъ отношеніяхъ, которыя могутъ служить только косвенными указателями закона, а въ условіяхъ, въ порядкѣ воспріятія цѣлаго ряда зрительныхъ ощущеній и впечатлѣній, которыми сопровождается разсматриваніе каждой фигуры. Этотъ факторъ выступитъ со всею ясностью и простотой, какъ только мы обратимъ вниманіе на то, при удаленіи какихъ именно условій воспріятія исчезаетъ эстетическая пріятность впечатлѣнія и, наоборотъ, при какихъ она восстанавливается въ полной силѣ: мы убѣдились, что во всѣхъ тѣхъ фигурахъ, въ которыхъ сохранялось *сходство* противоположащихъ сторонъ и *сходство* противоположащихъ угловъ, въ нихъ эстетическая пріятность констатируется очень высокимъ % показаній; наоборотъ, во всѣхъ восьми случаяхъ, съ разносторонними 4-уг-ми к. II, въ которыхъ совершенно отсутствуютъ условія какого-либо сходства сторонъ и угловъ, т.е. сходство воспринимаемаго ряда впечатлѣній, тамъ характеръ впечатлѣнія, производимаго очертаніями, становится противозаэстетическимъ, непріятнымъ; эстетическое чувство не можетъ возникнуть здѣсь, такъ какъ оно есть, по своей природѣ, чувство интенсивнаго сходства. Наоборотъ, чувство интенсивнаго различія, несходства есть естественный антагонистъ эстетическаго чувства. Такова наша гипотеза.

Если, съ этой точки зрѣнія, мы обратимъ теперь вниманіе на особенности фигуръ, на которыхъ сосредоточивалось чувство эстетическаго предпочтенія, выражаемаго знакомъ $\vdash$ I, то найдемъ психологическое объясненіе этому явленію, увидимъ и въ немъ нѣ-

которое вліяніе эстетическихъ условій сходства. Такимъ очертаніемъ является въ картонѣ I квадратъ, съ одной стороны, и продолговатая фигура, начиная съ № 5 до № 10, съ другой; въ таблицѣ II продолговатая фигура № 2 и въ таблицѣ III—продолговатая фигура №№ 1 и 2: все это такіе четырехугольники, въ которыхъ сходственность частей чувствуется съ особенною ясностью и легкостью—или вслѣдствіе полного господства въ нихъ сходственныхъ соотношеній надъ различіями, какъ въ квадратѣ (который въ этомъ отношеніи можно уподобить музыкальному консонансу октавы), или вслѣдствіе того, что въ нихъ сходство нѣкоторыхъ частей (противолежащихъ) ясно выдѣляется, благодаря присутствію отбѣняющихъ это сходство различій: къ этой группѣ относятся всѣ болѣе или менѣе продолговатые прямоугольники и параллелограммы, получившіе предпочтеніе.

Фигуры картона III внушали меньшее количество ассоціацій, нежели фигуры картона II. Къ числу ассоціацій неопредѣленныхъ можно отнести сдѣланную тремя лицами характеристику № 4, какъ фигуры «расплывчатой», «глупой», «тяжеловѣсной» (этотъ послѣдній эпитетъ примѣнялся также къ фф. 3 и 5); въ качествѣ ассоціаціи болѣе опредѣленной, № 5 напомнилъ тремъ лицамъ «мраморную пластинку», «листъ бумаги», «конвертъ»; № 1 двумъ лицамъ—«колонну», «визитную карточку», № 2 напомнилъ двумъ лицамъ «книгу», «альбомъ». Слѣдуетъ отмѣтить также, что № 1 внушалъ одному лицу потребность «построить изъ него равнобокую трапецію», а на другое лицо № 4 и № 6 производили впечатлѣніе фигуръ, у которыхъ недостаетъ верхней части. Замѣтимъ также, это въ девяти случаяхъ, когда № 1 и № 2 были признаны наилучшими среди пріятныхъ, сами наблюдатели мотивировали свое предпочтеніе или ассоціаціей съ «карточкой», «колонной», или соображеніями, касающимися не только ихъ изящества, но и величины.

Важнѣйшимъ условіемъ воспріятія эстетическихъ сходственныхъ соотношеній служить положеніе глазъ наблюдателя относительно наблюдаемой фигуры. Наблюдатель, прежде чѣмъ высказать свою оцѣнку, ищетъ удобнаго положенія, отходитъ отъ картона или отклоняетъ голову на соотвѣтствующее этой цѣли разстояніе; въ самыхъ типическихъ случаяхъ, онъ какъ бы разыскиваетъ вертикальную или горизонтальную линію эстетическаго ориентированія, которая даетъ ему возможность раздѣлить мы-

сленно этими линиями изучаемую фигуру на сходныя между собою части, верхнюю и нижнюю, правую и лѣвую, или прослѣдить нѣсколько разъ при помощи едва замѣтныхъ мышечныхъ движеній глазъ и, слѣдовательно, передвиженій сѣтчатки, весь контуръ изучаемой фигуры. Этотъ періодъ подготовительнаго изученія собственныхъ впечатлѣній составляетъ необходимый моментъ эстетической оцѣнки: у нѣкоторыхъ лицъ онъ бываетъ довольно продолжителенъ, у другихъ очень коротокъ. Когда, при такой дѣятельности глазныхъ мышцъ и сѣтчатки, у наблюдателя само собой возбуждается (хотя бы онъ этого и не подозревалъ) *чувство сходственныхъ соотношеній* между получаемыми ощущеніями, воспріятіями, тогда вмѣстѣ съ этимъ возникаетъ и чувство эстетическаго удовлетворенія; и наоборотъ, этого пріятнаго чувства удовлетворенія не возникаетъ вовсе, когда указанная дѣятельность глазъ не приводитъ наблюдателя къ открытію этимъ эмоціональнымъ путемъ какихъ-либо сходственныхъ соотношеній. Напрасно стали бы мы искать какихъ-либо элементовъ сходства въ восьми фигурахъ таблицы II, построенныхъ по золотому дѣленію: вотъ почему производимыя ими впечатлѣнія не въ состояніи, въ большинствѣ случаевъ, вызвать эстетическаго удовольствія. Чѣмъ легче распознаются въ наблюдаемой фигурѣ сходственныя соотношенія, тѣмъ больше шансовъ она имѣетъ получить высокій % положительныхъ (+) и предпочтительныхъ (+I) оцѣнокъ. Такъ, напримѣръ, легче почувствовать господство сходства въ квадратѣ (№ 1 карт. I), нежели въ ромбѣ той же величины, при данномъ положеніи (№ 4 карт. III), въ чемъ можно убѣдиться, если попробовать провести мысленно черезъ середину этихъ фигуръ вертикальную и горизонтальную линіи ориентированія.

Не ограничиваясь наблюденіемъ и самонаблюденіемъ по отношенію къ состоянію, предшествующему эстетической оцѣнкѣ простыхъ фигуръ, я обратился къ 44 лицамъ, въ которыхъ можно было предполагать развитую способность самонаблюденія, за разъясненіемъ этого вопроса. Восемнадцать изъ этихъ лицъ признали безусловно существованіе потребности занимать середину по отношенію къ наблюдаемымъ фигурамъ вообще и въ особенности по отношенію къ №№ 4, карт. IV и V; они признавали также необходимость срединнаго положенія глазъ во время разсматриванія, какъ «невольную потребность», являю-

щуюся во всѣхъ «сомнительныхъ случаяхъ» для «правильной оцѣнки» и для «провѣрки впечатлѣнія»; однимъ изъ этихъ лицъ, эта мысль была выражена въ слѣдующихъ словахъ: «потребность въ отысканіи центра симметріи чувствуется всегда, и его отсутствіе является причиной непріятности впечатлѣнія».

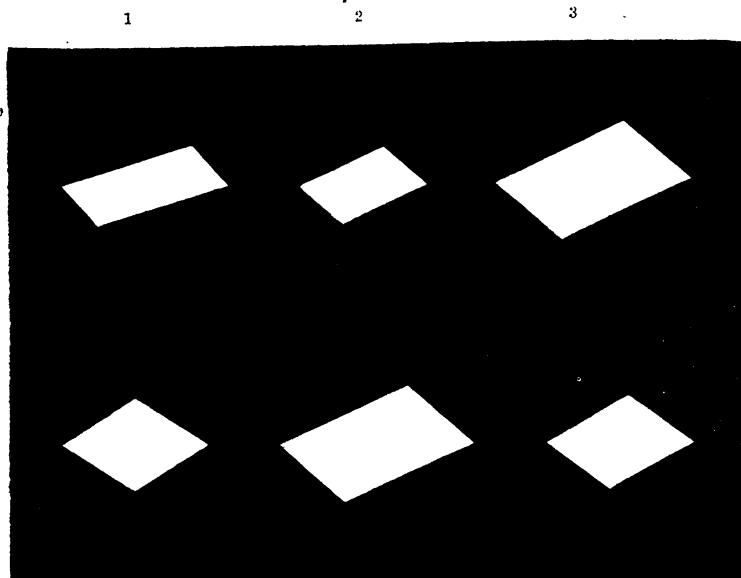
Другою группою лицъ (14 изъ 44) хотя и признавалась необходимость такого ориентированія, однако только въ примѣненіи къ нѣкоторымъ фигурамъ, а не ко всѣмъ, чаще къ фигурамъ картоновъ I, IV и V, рѣже къ фигурамъ к. II и особенно часто къ №№ 4 кк. IV и V (см. стр. 474), шестью лицами изъ 44 была признана потребность занимать середину противъ каждой таблицы, но не противъ каждой фигуры; наконецъ, по мнѣнію пяти лицъ изъ 44, срединное положеніе глазъ наблюдателя не имѣетъ значенія.

Мы уже упоминали, что одинъ изъ крупнѣйшихъ недостатковъ въ постановкѣ опытовъ Фехнера состоялъ въ томъ, что онъ пренебрегъ первостепеннымъ значеніемъ, какое имѣетъ, при эстетической оцѣнкѣ простыхъ фигуръ, положеніе наблюдаемой фигуры относительно глазъ наблюдателя; и потому, разыскивая факторы красоты во внѣшнихъ математическихъ свойствахъ фигуръ, Фехнеръ въ своихъ опытахъ, разбрасывалъ передъ каждымъ новымъ наблюдателемъ свои четырехугольники «въ произвольномъ безпорядкѣ и въ разной степени наклоненія другъ къ другу», вслѣдствіе чего внутренній психическій порядокъ воспріятій,—возбуждаемыхъ изучаемой фигурой, постоянно мѣнялся у его наблюдателей и ускользалъ отъ вниманія самого экспериментатора.

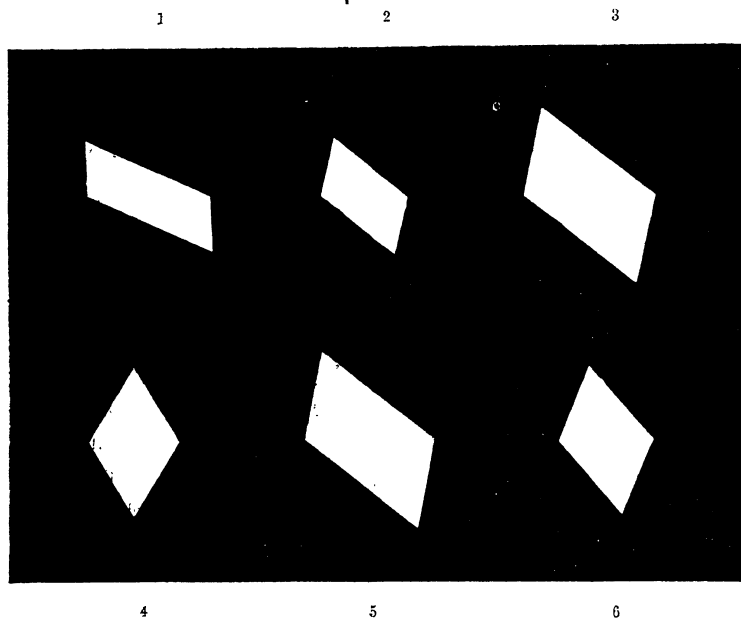
Для того, чтобы оправдать экспериментально наше возраженіе противъ такой постановки опытовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, изучить обстоятельнѣе вопросъ о томъ, какое вліяніе оказываетъ на эстетическую оцѣнку перемѣна положенія наблюдаемой фигуры относительно глазъ наблюдателя, я предпринялъ еще два ряда опытовъ при помощи картоновъ IV и V (см. стр. 474).

Въ этихъ картонахъ тѣмъ самымъ шести четырехугольникамъ, которые находятся на картонѣ III, придано новое положеніе: въ то время какъ на картонѣ III они расположены на одномъ изъ своихъ основаній, въ картонѣ IV тѣ же фигуры расположены по большой діагонали, а въ картонѣ V по малой діагонали, какъ можно видѣть въ слѣдующихъ фотографическихъ снимкахъ:

Картонъ IV.

Картонъ V.

Одной дамой, при первомъ обзорѣннѣ фигуръ картона IV, было замѣчено, что «всѣ онѣ легко узнаются, какъ фигуры, уже видѣнныя на картонѣ III, за исключеніемъ № 4, производящаго впечатлѣніе новое, рѣзкое, болѣе благообразное, чѣмъ остальные». Однако надо замѣтить, что такіе случаи почти не повторялись: наоборотъ, такъ какъ при демонстраціи каждой таблицы остальные закрывались занавѣсками, то многія лица, подѣ влияніемъ перваго впечатлѣннѣ, не замѣчали, что на картонахъ IV и V они видятъ тѣ же самыя фигуры, что и на картонѣ III, принимая ихъ за новыя.

Въ полученныхъ, путемъ обычнаго опроса, числовыхъ данныхъ, относящихся къ картонамъ IV и V, обнаруживаются интересныя результаты, въ особенности, при сравненнѣ ихъ съ показаннѣми, относящимися къ картону III.

Т а б л и ц а IV (н. IV).

№№ четырехугольниковъ:	1	2	3	4	5	6
О ц ѣ н к и:	Мужскія показанія въ ‰: число опытовъ 200.					
Положительныя + ...	60	61,5	53,5	85	53,5	45,5
Отрицательныя —	25,5	22	26,5	10,5	28,5	38,5
Выдающ. положительн. +1	17,5	17	4,5	51	6	2
Выдающ. отрицательн. —1	5,5	1,5	1,5	3	5	12
Безразличныя 0	14,5	16,5	20	4,5	18	16
	Женскія показанія въ ‰: число опытовъ 100.					
Положительныя + ...	65	69	64	89	51	52
Отрицательныя —	21	18	21	10	25	34
Выдающ. положительн. +1	17	17	4	49	5	8
Выдающ. отрицательн. —1	4	1	0	2	1	5
Безразличныя 0	14	13	25	1	24	14

Т а б л и ц а V (к. V).

№№ четырехугольниковъ:	1	2	3	4	5	6
О ц ѣ н к и.	Мужскія показанія въ ‰: число опытовъ 200.					
Положительныя + ...	62	54	46,5	91,5	48	31,5
Отрицательныя —	25,5	26	30	3,5	32,5	57
Выдающ. положительн. +1 . .	13,5	8,5	2,5	61,5	6,5	2
Выдающ. отрицательн. —1 . .	3,5	0,5	0,5	0,5	0,5	21,5
Безразличныя 0	12,5	20	23,5	5	14,5	12
	Женскія показанія въ ‰: число опытовъ 100.					
Положительныя + ...	65	53	47	87	44	33
Отрицательныя —	18	28	23	7	29	52
Выдающ. положительн. +1 . .	19	12	5	58	3	2
Выдающ. отрицательн. —1 . .	3	1	1	0	3	17
Безразличныя 0	17	19	30	6	27	15

Прежде всего мы замѣчаемъ тотъ фактъ, что, съ перемѣною положенія, степень эстетической пріятности всѣхъ фигуръ къ IV и V значительно понизилась, за исключеніемъ № 4, пріятность котораго, наоборотъ, замѣтно возрасла.

Въ то время какъ въ к. III ‰ положительныхъ оцѣнокъ (+) не опускается ниже 77,5‰ муж. и 80‰ женскихъ, въ к. IV онъ понижается до 45,5‰ муж. и 51‰ жен., а въ к. V даже до 31,5‰ муж. и 33‰ жен.; съ другой стороны, въ то время какъ № 4 к. III признается пріятнымъ 80‰ муж. показаній и 85‰ женскихъ, въ картонѣ IV тотъ же № получаетъ 85‰ муж. и 89‰ жен. показаній, и въ к. V 91,5‰ муж. и 87‰ женскихъ. Сравнивая затѣмъ числа отрицательныхъ оцѣнокъ (—), замѣчаемъ, наоборотъ, возрастаніе ихъ почти втрое: наибольш-

щей % отрицательныхъ оцѣнокъ составляетъ въ т. III только 8,5% муж., 11% жен., между тѣмъ какъ въ т. IV онъ доходитъ до 38,5% муж., 34% жен., а въ т. V до 57% муж., 52% жен.

Къ аналогичнымъ заключеніямъ приводитъ сравненіе остальныхъ показаній, относящихся къ № 4 картоновъ IV и V, именно: выдающихся положительныхъ (+1), выдающихся отрицательныхъ (—1) и безразличныхъ (0). № 4 въ картонѣ III признанъ выдающимся пріятнымъ только 24% муж. и 25% жен. показаній, въ картонѣ IV онъ оцѣненъ таковымъ уже 51% муж. и 49% жен. показаній, а въ к. V 61,5% муж. и 58% жен. показаній. Согласно съ этимъ, онъ вызвалъ очень мало выдающихся отрицательныхъ оцѣнокъ: 3% муж., 2% жен. (т. IV); 0,5% муж., 0,0 жен. (т. V); и также мало безразличныхъ: 4,5% муж., 1% жен. (т. IV); 5% муж., 6% жен. (т. V). Кроме того, нельзя не обратить особаго вниманія на рѣзкую перемѣну въ оцѣнкѣ № 6: въ к. III онъ былъ признанъ непріятнымъ только 8% муж. и 8% жен. показаній, въ IV же таблицѣ уже 38,5% муж. и 34% жен., а въ V—57% муж. и 52% жен. Итакъ, характеръ эстетическаго впечатлѣнія очень замѣтно измѣняется при перемѣнѣ положенія однѣхъ и тѣхъ же фигуръ, съ одними и тѣми же математическими соотношеніями сторонъ.

Если бы для объясненія эмоціональныхъ психическихъ явленій, на которыя ясно указываютъ эти данныя, мы обратились къ помощи математической пропорціональности въ соотношеніяхъ сторонъ или къ величинѣ угловъ и площади фигуръ, то въ подобныхъ геометрическихъ свойствахъ ихъ мы не нашли бы никакой твердой опоры для объясненія изучаемыхъ фактовъ, такъ какъ всѣ внѣшнія геометрическія свойства фигуръ остались въ картонахъ IV и V тѣми же самыми, какими они были въ к. III. Откуда же перемѣны въ производимомъ ими впечатлѣніи?

Все дѣло въ томъ, что измѣнилось ихъ положеніе относительно наблюдателя, а вмѣстѣ съ этой перемѣной измѣнился и порядокъ зрительныхъ воспріятій, измѣнилось соотношеніе ощущеній и представленій, сопровождающихъ обозрѣніе каждой фигуры. Постараемся разсмотрѣть эти условія. Обративъ вниманіе на положеніе параллельныхъ линій, ограничивающихъ каждую фигуру картона III, верхней и нижней, правой и лѣвой, мы замѣтимъ, что сходное положеніе и сходная длина этихъ

линій воспринимаются гораздо легче и яснѣе, нежели параллельное, сходственное соотношеніе тѣхъ же линій въ большей части фигуръ кк. IV и V. Въ таблицѣ III для сравненія верхней линіи съ нижнею глазомѣромъ, необходимо совершить лишь рядъ простыхъ обычныхъ движеній глазъ снизу вверхъ и обратно, при чемъ эти глазныя движенія исходятъ отъ первичнаго горизонтальнаго положенія сѣтчатки, или проходятъ черезъ это положеніе, и сопровождаются свѣтовымъ раздраженіемъ однихъ и тѣхъ же мѣстъ сѣтчатки; эти движенія глазомѣра сравнительно легки вслѣдствіе трехъ причинъ: 1) въ нихъ участвуютъ только 2 пары прямыхъ мышцъ; 2) они совершаются въ привычномъ для движеній глазъ направленіи; 3) передвиженіе сѣтчатки отъ одной сравниваемой линіи къ другой, подъ вліяніемъ 2-хъ предыдущихъ условий, совершается быстро. Поэтому, элементы *сходства* воспринимаются здѣсь легко и ясно. Хотя въ тѣхъ же фигурахъ боковыя параллельныя линіи, правая и лѣвая, немного наклонны, тѣмъ не менѣе сравненіе ихъ между собой глазомѣромъ совершается почти также легко, потому что для этого могутъ быть приведены въ дѣйствіе только боковыя прямыя мышцы, при небольшомъ участіи косыхъ.

Совершенно иныя условія представляютъ собой въ этомъ отношеніи тѣ же фигуры (кромѣ № 4) на картонахъ IV и V. Ни одна пара взаимно параллельныхъ линій, изъ которыхъ состоитъ ихъ контуръ, не представляетъ собой тѣхъ удобствъ для ихъ воспріятія и для сравненія элементовъ сходства глазомѣромъ, на которыя мы только что указали. Сравненіе этихъ линій глазомѣромъ, фиксированіе этихъ линій требуетъ постоянныхъ передвиженій сѣтчатки въ косомъ направленіи, при чемъ въ дѣятельность вступаютъ всѣ три пары мышцъ; большая работа выпадаетъ на долю косыхъ, и вслѣдствіе этого обычныя линіи ориентированія глазъ—вертикальная и горизонтальная ось—почти не облегчаютъ акта сравненія; несмотря на то, что математическое разстояніе между элементами сходства не измѣнилось, самый актъ ихъ воспріятія и сравненія глазомѣромъ сдѣлался затруднительнымъ. Чтобы увидѣть, что линіи ориентированія служатъ неодинаково для сравненія сходныхъ частей изучаемыхъ фигуръ, въ зависимости отъ положенія ихъ относительно глазъ наблюдателя, достаточно провести черезъ середину одинаковыхъ фигуръ въ разныхъ положеніяхъ горизонтальную и вертикальную линіи ориентированія.

Сравнимъ, напримѣръ, въ этомъ отношеніи №№ I въ кк. III, IV и V. (рис. 2-й).

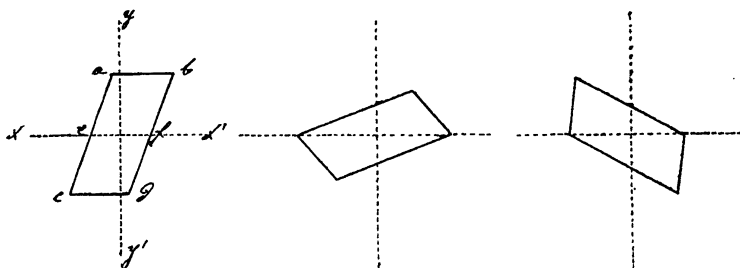

Рис. 2.

Въ № I к. III, исходя отъ линіи ориентированія xx' , легче сравнить глазомѣромъ верхнюю параллельную ab съ нижнею cd , отрѣзокъ ac съ отрѣзкомъ bf , всю верхнюю половину контура ea съ нижнею $esdf$; болѣе затруднительно сравненіе правой половины контура съ лѣвой по отношенію къ линіи ориентированія yy' . Но въ № I кк. IV и V сравненіе равно трудно какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ направленіи, какъ въ вертикальномъ, такъ и въ горизонтальномъ, и потому сходство частей фигуры № I, въ двухъ послѣднихъ положеніяхъ, чувствуется съ меньшею ясностью и опредѣленностью, нежели въ первомъ. Соответственно этому различію эстетическихъ условій воспріятія понижается и степень эстетической пріятности впечатлѣнія, что выражается въ слѣдующихъ числовыхъ данныхъ:

№ I.

к. III.	к. IV.	к. V.
82,5 ⁰ / ₀ м.	60 ⁰ / ₀ м.	62 ⁰ / ₀ м.
90,0 ⁰ / ₀ ж.	65 ⁰ / ₀ ж.	65 ⁰ / ₀ ж.

Если мы припишемъ нѣкоторую долю пріятности перваго положенія фигуры вліянію ассоціацій и ея продолговатости, то все же остается очень значительной разница въ оцѣнкѣ ея пріятности сравнительно съ положеніями 2-мъ и 3-мъ.

Зависимость эстетическаго слѣдствія отъ указанныхъ условій воспріятія *сходствъ* выступить въ противоположномъ направленіи, т.-е. въ смыслѣ повышения пріятности, если мы сравнимъ № 4 т. III съ №№ 4. кк. IV и V (Рис. 3-й).

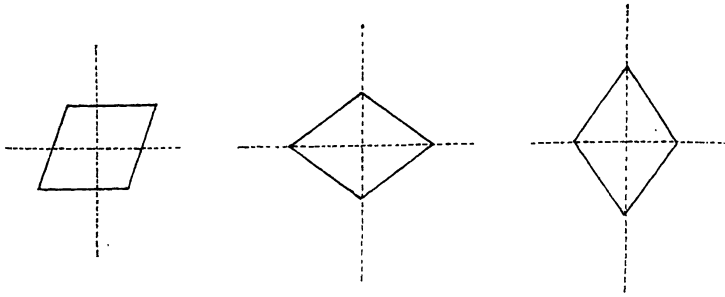

Рис. 3.

Изучая условия зрительных восприятий въ этихъ положеніяхъ, прежде всего надо замѣтить, что въ положеніи первомъ ни одинъ выдающійся поворотный или угловой пунктъ контура не совпадаетъ съ привычными линиями ориентированія глаза, отъ чего затрудняется изученіе контура и сравненіе его сходныхъ частей; между тѣмъ какъ въ положеніяхъ второмъ и третьемъ всѣ углы совпадаютъ съ линиями ориентированія, чѣмъ значительно облегчается воспріятіе взаимнаго отношенія его частей.

Кромѣ того, въ положеніи первомъ этой фигуры только горизонтальная линия ориентированія дѣлитъ ея контуръ на такія сходныя между собою части, которыхъ сходство воспринимается и чувствуется глазомъ легко; между тѣмъ какъ сравненіе правой половины съ лѣвой, въ отношеніи вертикальной линіи, болѣе затруднительно вслѣдствіе косога расположенія сходныхъ частей; напротивъ, при второмъ и третьемъ положеніи той же фигуры сравненіе взаимно сходныхъ частей выполняется съ успѣхомъ по отношенію къ обѣимъ линіямъ ориентированія, какъ горизонтальной, такъ и вертикальной, и здѣсь сходство отдѣльныхъ элементовъ фигуры или, точнѣе, получаемыхъ при ея обзорѣніи воспріятій, чувствуется многостороннѣе, легче, яснѣе, и самое чувство пріятности дѣлается интенсивнѣе.

Числовыя данныя и здѣсь указываютъ на нѣкоторое постепенное повышеніе интенсивности чувства пріятности:

№ 4.

к. III.	к. IV.	к. V.
80% м.	85% м.	91,5% м.
85% ж.	89% ж.	87% ж.

Для провѣрки этого факта, обнаруженнаго показаніями лицъ, которыя не были знакомы съ условіями опыта и не могли сдѣлать вполне сознательныя сравненія этихъ трехъ положеній, я предложилъ 150 мужчинамъ и 100 женщинамъ, открывъ сразу всѣ три картона (III, IV и V), по окончаніи опытовъ съ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, обратить вниманіе на № 4 въ к.к. III, IV и V и зная уже, что это одна и та же фигура, сказать, въ какомъ изъ трехъ положеній она производитъ наиболѣе пріятное впечатлѣніе, и какъ можно было бы расположить ихъ по степени пріятности. Получились слѣдующіе результаты.

Сравнительная оцѣнка № 4, въ зависимости отъ трехъ его положеній.

Степень пріятности.	Мужскія показанія въ ‰.				Женскія показанія въ ‰.			
	Число опытовъ 150.				Число опытовъ 100.			
	Равно пріят.	1 высш. степ.	2 средн. степ.	3 низш. степ.	Равно пріят.	1 высш. степ.	2 средн. степ.	3 низш. степ.
К. III . .	1,33	30,67	30,67	37,33	5	31	25	39
К. IV . .	1,33	26,67	49,33	22,67	5	21	53	21
К. V . .	1,33	48,00	29,33	21,33	5	50	24	21

Эта таблица показываетъ, сколько разъ каждая фигура была признана наблюдателями или равно пріятною во всѣхъ 3-хъ положеніяхъ, или стоящую на высшей, средней или низшей степени пріятности; ‰ есть отношеніе числа показаній къ ихъ общему числу. Изъ этихъ данныхъ видно, что третье положеніе № 4 (въ к. V) признано наилучшимъ 48‰ мужск. и 50‰ жен. показаній; за нимъ по нисходящей степени пріятности слѣдуетъ второе положеніе № 4 (въ к. IV), признанное таковымъ 49,33‰ мужск. и 53‰ женск. показаній; и, наконецъ, на послѣдней степени пріятности признано первое положеніе № 4 37,33‰ мужск. и 39‰ женск. показаній.

Значительный интересъ представляетъ собою также, въ этомъ отношеніи, оцѣнка № 6 въ различныхъ его положеніяхъ. (Рис. 4-й).

Расположеніе его частей, по отношенію къ линіямъ ориентированія, при положеніяхъ второмъ и третьемъ затрудняетъ и замедляетъ воспріятіе сходственности въ большей степени, нежели

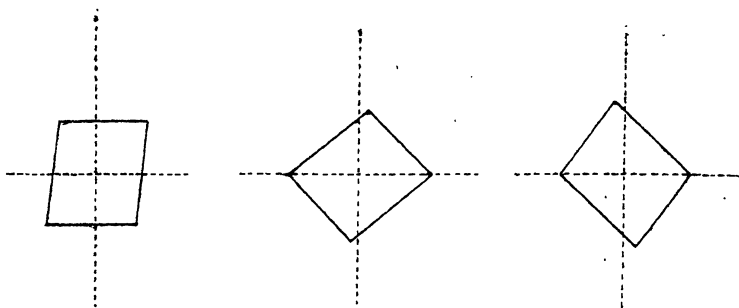

Рис. 4.

при положеніи первомъ. Эта переменна въ условіяхъ воспріятія отражается слѣдующимъ образомъ на степени пріятности впечатлѣнія, выраженной въ числовыхъ данныхъ:

№ 6.

к. III.	к. IV.	к. V.
81,5 ⁰ /о м.	45,5 ⁰ /о м.	31,5 ⁰ /о м.
82,0 ⁰ /о ж.	52,0 ⁰ /о ж.	33,0 ⁰ /о ж.

Нельзя не замѣтить, что пониженіе степени пріятности выражается болѣе рѣшительно и рѣзко при переходѣ отъ положенія перваго къ положенію второму, нежели отъ втораго къ третьему. Если припомнить, что извѣстное количество и быстрота сходственныхъ воспріятій обуславливаютъ возникновеніе эстетическаго ритма, то во всѣхъ сейчасъ приведенныхъ фактахъ нельзя не увидѣть подтвержденія слѣдующему положенію: чѣмъ труднѣе, медленнѣе воспринимаются элементы сходства оцѣниваемой глазомъ фигуръ, тѣмъ труднѣе возникаетъ при этомъ чувство эстетической пріятности, и, наоборотъ, чѣмъ болѣе условія зрительныхъ воспріятій благоприятствуютъ ясному выдѣленію сходственного строя частей данной фигуръ, тѣмъ болѣе обезпечивается интенсивность пріятности эстетическаго впечатлѣнія.

Фигуры картоновъ IV и V, за немногими исключеніями, почти совсѣмъ не внушали ассоціаций. Нѣсколькими лицами было замѣчено, что всѣ фигуръ картона IV (и отчасти V-го) производятъ впечатлѣніе «падающихъ, неустойчивыхъ тѣлъ», впечатлѣніе «чего-то ползучаго», впечатлѣніе «визитныхъ карточекъ и другихъ предметовъ, лежащихъ на плоскости въ перспективномъ сокращеніи».

шеніи»; одной дамѣ онѣ напомнили о предметахъ, выбрасываемыхъ съ парохода во время бури на морѣ, и о бывшемъ съ нею несчастіи такого рода. № 4 к. IV въ очень рѣдкихъ случаяхъ возбуждалъ колебанія при его оцѣнкѣ: наоборотъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ онѣ оцѣнивался, какъ выдающійся по своей пріятности, сразу бросался въ глаза и признавался пріятнымъ безъ всякихъ колебаній; въ отдѣльныхъ замѣчаніяхъ онѣ характеризовался «гармоничнымъ въ сочетаніи своихъ линій и угловъ», «единственной фигурой, которой можно было бы воспользоваться для игрушки, для чего-нибудь изящнаго», а также какъ «цѣльная, законченная форма, которая можетъ имѣть прямое примѣненіе въ орнаментикѣ». № 4 картона V только въ двухъ случаяхъ внушилъ напоминаніе о «наконечникѣ стрѣлы, рѣшетки» и о «бретонскомъ знакѣ». Четырьмя лицами было сдѣлано интересное замѣчаніе, что № 4 к. V «возбуждаетъ желаніе провести взаимно-перпендикулярныя діагонали», что «возможность провести ихъ является причиной его пріятности» и что такая же потребность возбуждается для оцѣнки нѣкоторыхъ другихъ фигуръ, наприм., №№ 1 и 6 к. V. Однимъ лицомъ было замѣчено, относительно №№ 4 к.к. IV и V, что они пріятны безъ всякаго отношенія къ ассоціаціямъ.

Разсматривая условія, которыя, при нашей постановкѣ опытовъ, могли оказать вліяніе на эстетическую оцѣнку фигуръ, мы предвидѣли возможность возраженія, касающагося совмѣстнаго расположенія многихъ фигуръ на одномъ картонѣ. Можетъ быть, было бы правильнѣе показывать каждую фигуру на картонѣ въ отдѣльности, замѣняя ее, послѣ каждой оцѣнки, другою. Такимъ путемъ, казалось бы, можно было бы избѣгнуть взаимнаго вліянія фигуръ и ихъ рядовъ, — вліяніе, отъ котораго трудно вполне отрѣшиться при совмѣстномъ ихъ размѣщеніи на одномъ картонѣ. Мы не отрицаемъ, что такой порядокъ расположенія опытовъ, хотя практически гораздо менѣе удобный, представлялъ бы своего рода интересъ; но сомнѣваемся, чтобы такимъ путемъ возможно было достигнуть существенной цѣли: придать всѣмъ оцѣнкамъ безотносительный, абсолютный характеръ; по нашему мнѣнію, это едва ли необходимо въ эстетическихъ опытахъ. Въ оправданіе нашего пріема демонстрированія фигуръ можно сказать слѣдующее.

Такъ какъ въ дѣйствительной жизни наши эстетическія су-

ждения и оцѣнки относительны, т.-е. основываются на примѣненіи какой-либо единицы сравненія, то не лучше ли въ опытахъ, имѣющихъ цѣлью изслѣдовать условія возникновенія обыкновеннаго эстетическаго чувства, сохранить это естественное условіе, дающее возможность каждому выяснитъ себѣ, какъ можно лучше, характеръ получаемыхъ впечатлѣній посредствомъ ихъ взаимнаго сравненія.

Если бы мы устранили совмѣстное наблюденіе многихъ фигуръ на одномъ картонѣ, то должны были бы замѣнить его послѣдовательнымъ порядкомъ ихъ демонстрированія, при которомъ можно было бы предполагать, что у наблюдателей все-таки происходитъ скрытое, внутреннее сравненіе каждой послѣдующей фигуры съ одною изъ предыдущихъ; но мы не знали бы въ точности, съ какой именно сопоставляется каждая послѣдующая. Такимъ образомъ, для точности экспериментовъ представляется болѣе выгоднымъ производить наблюденія хотя и надъ совмѣстно расположенными фигурами, но при условіяхъ, дающихъ возможность изучить и взвѣснить эти особенности совмѣстнаго расположенія и принять во вниманіе степень ихъ возможнаго вліянія при общихъ выводахъ.

Для выясненія этого вопроса, по окончаніи опытовъ съ отдѣльными картонами, наши наблюдатели сравнивали между собою всѣ пять картоновъ, въ отношеніи общаго расположенія и группировки на нихъ фигуръ, и указывали какъ наиболѣе, такъ и наименѣе пріятныя изъ нихъ въ этомъ отношеніи.

Эти наблюденія дали слѣдующіе результаты.

Оцѣнка впечатлѣнія, производимаго общей группировкой фигуръ на каждомъ изъ картоновъ.

Число лицъ 265:165 мужчинъ и 100 женщинъ.

Картонъ:	I.	II.	III.	IV.	V.	
Оцѣнка ихъ:						
Наиболѣе пріятныя	60	8	155	42	27	} Общее число показаній 573.
Наименѣе пріятныя	36	133	4	17	91	

Картонъ:	I.	II.	III.	IV.	V.	
Въ % къ общему числу лицъ.						
Наиболѣе пріятныя	22,6	3,0	58,5	15,8	10,2	} (43 лицами избрано бо- лѣе двухъ картоновъ).
Наименѣе пріятныя	13,6	50,2	1,5	6,4	34,3	

Полученныя числовыя данныя показываютъ, что наиболѣе пріятными картонами, по общему расположенію фигуръ, признаны к.к. III и I и наименѣе пріятными к.к. II и V. Для объясненія причинъ этой оцѣнки, можно указать на слѣдующія условія. Картонъ III, относительно пріятности котораго высказалось наибольшее число голосовъ, осуществляетъ, въ способѣ группировки своихъ фигуръ, два условія, придающихъ этой группировкѣ эстетической характеръ пріятности, именно, два условія сходства: параллельность сторонъ каждой фигуры по отношенію ко всѣмъ другимъ *) (сходство ихъ направленія) и симметричность ихъ расположенія по отношенію къ величинѣ ихъ площади: въ верхнемъ ряду двѣ большія фигуры расположены по обѣ стороны малой фигуры, въ нижнемъ ряду—наоборотъ. Въ картонѣ I, занимающемъ второе мѣсто по степени пріятности расположенія фигуръ, осуществляется только одно изъ этихъ условій: параллельность расположенія сторонъ. Въ картонѣ II, признанномъ наименѣе пріятнымъ наибольшимъ числомъ голосовъ, оба эти условія сходства совершенно отсутствуютъ; что же касается остальныхъ двухъ картоновъ IV и V, то въ нихъ оба эти условія сходства постоянно нарушаются и особенно рѣзко въ к. V. Всѣ эти факты показываютъ намъ, въ свою очередь, что принципъ сходственного соотношенія управляетъ не только эстетической оцѣнкой контуровъ, но и оцѣнкой самаго расположенія фигуръ, ихъ взаимнаго отношенія.

Теперь является вопросъ, могли ли эти условія опытовъ создать слишкомъ благопріятную обстановку для оцѣнки ка-

*) №№ 2 и 3 этой таблицы, сжатые болѣе другихъ на 1⁰, математически нарушаютъ параллельность расположенія; но это незначительное отклоненіе остается незамѣтнымъ при эмоциональной, эстетической оцѣнкѣ.

ждой фигуры картоновъ III и I и слишкомъ неблагопріятную для картоновъ II и V, — настолько, притомъ, важную, чтобы этимъ влияніемъ можно было объяснить всѣ полученные результаты? Такого предположенія нельзя допустить по слѣдующимъ причинамъ. Анализируя результаты опытовъ, мы замѣчаемъ, что положеніе нѣкоторыхъ фигуръ среди группы другихъ, расположенныхъ недостаточно пріятно, въ эстетическомъ отношеніи, напр., № 2 въ к. II и №№ 4 въ кк. IV и V, нисколько не помѣшало большинству признать ихъ выдающуюся пріятность высокимъ % одобреній. Съ другой стороны, непосредственное наблюденіе показываетъ, что признаніе пріятности расположенія фигуръ на таблицѣ, сдѣланное наблюдателями нерѣдко во время опытовъ, не мѣшало имъ отнестись къ оцѣнкѣ каждой отдѣльной фигуры независимо отъ этого общаго впечатлѣнія и оцѣнивать ихъ только на основаніи контура; обыкновенно эти двѣ точки зрѣнія не смѣшиваются между собою. Такъ, напримѣръ, относительно фигуръ к. III однимъ лицомъ дана слѣдующая оцѣнка: «всѣ фигуры безразличны (0), пріятно только ихъ расположеніе». Многія лица, отмѣчавшія во время оцѣнки пріятность общаго расположенія фигуръ, тѣмъ не менѣе дѣлали между ними постоянныя различія, съ точки зрѣнія ихъ контура, признавая одни пріятными, другія непріятными, третьи безразличными. Одно лицо, признавъ всѣ фигуры к. III непріятными по общему впечатлѣнію, какъ «напоминающіе собою разрушеніе», тѣмъ не менѣе признало ихъ всѣ пріятными въ отношеніи контура. Одно лицо, назвавъ «хорошимъ» расположеніе фигуръ к. IV, въ то же время признало только двѣ изъ этихъ фигуръ пріятными; остальные — непріятными. Все это заставляетъ думать, что въ этихъ опытахъ влияніе взаимнаго расположенія фигуръ не было такимъ сильнымъ факторомъ, который былъ способенъ придать какое-либо однообразное направленіе отдѣльнымъ оцѣнкамъ.

Другое сомнѣніе, какое могло бы возникнуть относительно достовѣрности числовыхъ данныхъ, полученныхъ путемъ такого рода опытовъ, касается влияния субъективнаго настроенія наблюдателей, въ моментъ опыта, на данныя ими оцѣнки. Дѣйствительно, легко допустить — и намъ иногда приходилось это наблюдать — что нѣкоторыя лица приступали къ опытамъ въ состояніи нѣкоторой разсѣянности, невниманія, смущенности и вообще въ

такихъ состояніяхъ духа, которыя должны были отразиться на ихъ показаніяхъ, затемнить истину, исказить въ ту или другую сторону полученныя результаты. Отсюда возникаетъ вопросъ, насколько сознательными, а не случайными были показанія, полученныя посредствомъ опроса, и есть ли гарантіи того, что большая часть показаній, сдѣланныхъ въ одномъ настроеніи духа, не измѣнилась бы въ другомъ случаѣ, при повтореніи опытовъ. Для контролированія произведенныхъ опытовъ въ этомъ отношеніи, мною были организованы повторительные опыты съ лицами, уже разъ дававшими свои показанія. Эти лица приглашались вновь, послѣ болѣе или менѣе, значительнаго срока, когда можно было предположить, что показанія, данныя ими прежде, позабыты. Такимъ образомъ, къ контрольнымъ, повторительнымъ опытамъ было приглашено 25 лицъ обоего пола (15 муж., 10 жен.) отъ 17 до 45 лѣтъ черезъ промежутки времени отъ 3-хъ до 24 мѣсяцевъ. Эти опыты, повторенные при тѣхъ же условіяхъ относительно всѣхъ пяти таблицъ, дали слѣдующіе результаты. (См. стр. 498).

Показанія вторично приглашенныхъ лицъ нерѣдко отступали отъ данныхъ ими прежде показаній въ частностяхъ, но въ существенныхъ вопросахъ они оставались въ большинствѣ случаевъ неизмѣнными. Сравнивая данныя повторительныхъ опытовъ съ основными, въ нихъ можно замѣтить двѣ черты: съ одной стороны, они даютъ картину, по своему общему смыслу совершенно аналогичную съ основными опытами; съ другой стороны, эти новыя числовыя данныя, отличаются отъ предыдущихъ своею болѣею рѣшительностью, типичностью, болѣшимъ согласіемъ большинства въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ. Такъ, напримѣръ, въ картонѣ I, какъ и прежде, вслѣдъ за оцѣнкой квадрата (№ 1), замѣтно рѣшительное паденіе уровня эстетической пріятности, по отношенію къ фигурамъ съ неясными соотношеніями частей сходныхъ къ различнымъ, и новое постепенное повышеніе числа одобреній, начиная съ № 5, выдержанное до конца всего ряда, съ болѣе рѣзкимъ переходомъ, чѣмъ прежде, отъ 76% при № 1 до 92% при №№ 9 и 10. Отношеніе золотого дѣленія ничѣмъ не выдѣляется надъ другими отношеніями. Въ картонѣ II №№ 2 и 9 вновь получаютъ очень высокое число оцѣнокъ, какъ «пріятныя», доходя въ этотъ разъ до 100% относительно № 2 и 96% относительно № 9. Процентъ

Контрольные повторительные опыты.

Число опытовъ 25.

№№ четырехугольниковъ:	К а р т о н ь I.																	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10								
О ц ѣ н к и.	‰-е отношеніе.																	
Положительныя + . . .	76	68	68	68	76	76	88	88	92	92								
Отрицательныя — . . .	16	24	28	24	16	8	4	4	4	0								
Выдающ. полож. +1 . .	20	4	4	4	0	16	16	20	20	44								
Выдающ. отриц. —1 . .	4	0	0	0	0	0	0	0	0	0								
Безразличныя 0	8	8	4	8	8	16	8	8	4	8								
К а р т о н ь II.																		
Положительныя + . . .	24	100	4	12	4	12	4	8	96	4								
Отрицательныя -- . . .	64	0	88	76	88	72	88	72	4	84								
Выдающ. полож. +1 . .	8	72	0	0	0	0	0	0	36	0								
Выдающ. отриц. —1 . .	20	0	4	4	4	12	24	32	0	12								
Безразличныя 0	12	0	8	12	8	16	8	20	0	12								
№№ четырехугольниковъ:	К а р т о н ь III.					К а р т о н ь IV.					К а р т о н ь V.							
	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6	1	2	3	4	5	6
О ц ѣ н к и.	‰					‰					‰							
Положительныя + . . .	84	92	80	96	80	88	68	72	52	96	56	44	68	52	48	96	40	24
Отрицательныя — . . .	8	0	12	4	12	8	20	20	32	4	28	48	20	28	28	4	36	64
Выдающ. полож. +1 . .	24	40	12	36	8	12	4	8	0	64	4	4	0	16	8	76	8	0
Выдающ. отрицат. —1 . .	0	0	0	0	0	0	0	0	0	0	4	20	0	0	4	0	4	32
Безразличныя 0	8	8	8	0	8	4	12	8	16	0	16	8	12	20	24	0	24	12

отрицательныхъ оцѣнокъ по отношенію ко всѣмъ разностороннимъ четырехугольникамъ, построеннымъ по золотому дѣленію, значительно выше прежнихъ; между ними четырехугольники, съ выдавшимися вверхъ острыми углами, также получили большій % отрицательныхъ оцѣнокъ, нежели остальные. Средній уровень показаній о фигурахъ картона III совершенно одинаковъ съ прежнимъ. Въ картонѣ IV эстетическое достоинство № 4, сравнительно съ остальными №№ еще болѣе ясно, чѣмъ прежде, а въ картонѣ V контрастъ между пріятностью № 4 и непріятностью № 6 выраженъ еще рѣшительнѣе. Остальныя данныя согласны съ прежними.

Въ своей интересной по простотѣ изложенія книгѣ «La science du beau» Lévêque говоритъ: «Покажите человѣку (одаренному здравымъ смысломъ и обыкновеннымъ умомъ и образованіемъ) два предмета: одинъ красивый, другой некрасивый: онъ безошибочно отличить ихъ другъ отъ друга» *). Многочисленные опыты, въ которыхъ принимали участіе образованные люди, не лишенные здраваго смысла, показали намъ, однако, что актъ различенія эстетически пріятной формы отъ непріятной, на самомъ дѣлѣ, не такъ простъ, какъ это кажется при первомъ взглядѣ. Это сложный процессъ, исходъ котораго зависитъ отъ многихъ условій, — въ числѣ которыхъ, по нашему мнѣнію, играетъ важную роль природная эмоціональная чувствительность къ воспріятію сходственныхъ соотношеній, степень развитія этой чувствительности воспитаніемъ, специальное упражненіе въ различеніи данныхъ формъ, наконецъ, иногда субъективное настроеніе наблюдателя, внушенное ему случайной ассоціаціей, не имѣющей никакого прямого отношенія къ эстетической красотѣ. Этотъ послѣдній источникъ чувствъ служитъ обыкновенно великой помѣхой къ научному анализу эстетическихъ явленій. Если иногда кажется, что различеніе красоты болѣе сложныхъ формъ и предметовъ легче, нежели эстетическая оцѣнка какихъ-нибудь пріятныхъ фигуръ, то это въ большинствѣ случаевъ происходитъ отъ обычнаго смѣшенія собственно эстетическаго чувства съ другими случайно связанными съ ними чувствами, въ сущности ничего съ нимъ общаго не имѣющими, какъ, напримѣръ, съ чувствомъ нѣжности, симпатіи, общественности, ужаса, уваженія, смѣха и т. п.

*) Charles Lévêque, La science du beau. Paris 1872, p. 5.

Въ этомъ отношеніи удобство, представляемое простыми геометрическими фигурами, для изслѣдованія природы эстетическаго чувства, состоитъ въ томъ, что простота ихъ построения въ огромномъ большинствѣ случаевъ устраняетъ почти всякую возможность возникновенія постороннихъ сложныхъ чувствъ и ассоціацій и такимъ образомъ освобождаетъ эстетическую оцѣнку отъ чуждыхъ примѣсей. Благодаря этому, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самой элементарной, первичной формой эстетическаго чувства, представляющей большой интересъ для изслѣдованія дальнѣйшей эволюціи этого чувства, какъ чувства интенсивнаго сходства.

Когда наблюдатель приступаетъ къ обзорѣнью какой-нибудь простой фигуры и уже видитъ въ первой неясной обрисовкѣ ея очертанія, никакой красоты для него еще не существуетъ: онъ не знаетъ, съ чѣмъ онъ будетъ имѣть дѣло, съ красотой, съ безобразіемъ или съ впечатлѣніями безразличными въ отношеніи красоты. Красота является во время психо-физиологическаго процесса разсматриванія только въ тотъ моментъ, когда, подъ влияніемъ ряда воспріятій, возникаетъ *чувство красоты*. Это чувство есть всегда результатъ нѣкоторой предшествующей ему психической дѣятельности, занимающей опредѣленное, доступное измѣренію время. Если мы легко узнаемъ моментъ наступленія или ненаступленія этого чувства, можемъ заранѣе ожидать, предвидѣть его возникновеніе, то лишь потому, что его природа намъ хорошо знакома изъ опыта, и мы въ состояніи идеально воспроизводить пріятное состояніе, внушаемое намъ извѣстнымъ сочетаніемъ ощущенийъ, воспріятій или представленій. Поэтому, въ точномъ смыслѣ слова, красоту формъ *видѣть* нельзя и въ особенности невозможно *сразу* ее *увидѣть*: ее можно только почувствовать, разсматривая видимыя формы, и, почувствовавъ, перенести это чувство на самыя формы, объективировать его подъ именемъ красоты. Такъ какъ чувство красоты формы зависитъ отъ психическаго процесса ея разсматриванія, т.-е. отъ извѣстнаго порядка зрительныхъ и мышечно-двигательныхъ воспріятій, то естественно, что математическія и геометрическія соотношенія формъ нисколько не связаны прямымъ образомъ съ эстетическимъ чувствомъ. По крайней мѣрѣ, наши наблюденія и опыты заставляютъ отказаться отъ этого предразсудка, еще встрѣчающагося во многихъ новѣйшихъ учебникахъ психологіи. Такъ, напримѣръ, въ «Очеркахъ психологіи» Э. Б.-Ти-

ченера встрѣчаемъ слѣдующее указаніе относительно метода изслѣдованія красоты простыхъ формъ. «Приготовьте длинные ряды геометрическихъ фигуръ—крестовъ, оваловъ, прямоугольниковъ и т. д.—понежному измѣняя пропорціи въ каждомъ рядѣ. Положите фигуры передъ наблюдателемъ и предложите ему выбрать тѣ, которыя ему всего болѣе нравятся. Первыми выбранными окажутся тѣ, пропорціи которыхъ всего ближе подходятъ къ золотому сѣченію; затѣмъ, вѣроятно, будутъ выбраны фигуры симметричныя. Всѣ остальные будутъ или безразличными, или покажутся некрасивыми» *).

Прежде всего, нельзя не замѣтить по поводу этого указанія американскаго психолога, что выраженіе «симметричный» представляетъ собой понятіе крайне неопредѣленное съ точки зрѣнія психологической, т. е. по отношенію къ условіямъ зрительныхъ воспріятій. Какъ мы видѣли, одна и та же фигура можетъ показаться намъ то симметричною, то не совсѣмъ симметричною, то совсѣмъ не симметричною: это зависитъ отъ ея положенія относительно глазъ наблюдателя, отъ условій, при которыхъ мы ее разсматриваемъ.

Если же подъ «симметрией» разумѣть повтореніе сходственныхъ частей въ противоположныхъ направленіяхъ, какъ это приблизительно опредѣляется въ «Очеркахъ» Тиченера и во многихъ другихъ руководствахъ, то становится неяснымъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ «несимметричными прямоугольниками»: всякій прямоугольникъ, контуръ котораго разсматривается прямо, по отношенію къ линіямъ ориентированія, долженъ казаться фигурою симметричною. Вообще же мы можемъ замѣтить по этому поводу, что произведенные нами опыты съ параллелограммами, прямоугольными и косоугольными четырехугольниками не подтвердили ни одного изъ предсказаній, заключающихся въ вышеприведенной цитатѣ. Напротивъ, опыты съ прямоугольниками к. I показали намъ, что разнообразныя математическія отношенія, въ томъ числѣ и золотое сѣченіе, не оказываютъ никакого замѣтнаго вліянія на эстетическую оцѣнку геометрическихъ фигуръ. Въ свою очередь, изъ опытовъ съ картономъ II мы могли заключить что цѣлый рядъ фигуръ, построенныхъ по золотому

*) Очерки психологіи Э. Б. Тиченера, переводъ со 2-го англ. изд. М. Чепинской, 1898 г. Спб. стр. 245.

сѣченію, производитъ эстетически непріятное впечатлѣніе и, наоборотъ, прямоугольники, далеко отступающіе отъ этого отношенія, признаются вполне пріятными.

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ заключеніямъ.

1. Эстетическая пріятность геометрическихъ формъ не зависитъ прямымъ образомъ отъ математическихъ ихъ свойствъ и соотношеній.

2. Разнообразныя математическія отношенія, по которымъ построены фигуры, могутъ производить равно пріятное эстетическое впечатлѣніе, и, наоборотъ, однѣ и тѣ же формы, съ неизмѣнными математическими отношеніями, могутъ возбуждать то эстетическое, то противозстетическое чувство.

3. Эстетика пространственныхъ формъ едва ли можетъ оставаться въ психологіи только эстетикою *пространственныхъ отношеній*, къ чему она сводится у Фехнера и его послѣдователей, но должна быть прежде всего эстетикою воспріятій (зрительныхъ, двигательныхъ и др.) и возникающаго, вслѣдствіе ихъ сочетанія чувства.

4. Эстетическая пріятность простыхъ формъ зависитъ отъ отношеній зрительныхъ и мышечно-двигательныхъ воспріятій, сопровождающихъ процессъ разсматриванія этихъ формъ.

5. Чѣмъ болѣе эти условія благопріятствуютъ быстрому, легкому и ясному воспріятію *сходственной* строя частей данной фигуры, тѣмъ интенсивнѣе возбуждаемое ею эстетическое чувство.

6. Пропорціональность и симметричность могутъ быть условіями красоты лишь настолько, насколько онѣ обуславливаютъ сходство получаемыхъ впечатлѣній.

Въ описанныхъ опытахъ приняли участіе многія лица изъ среды московскаго интеллигентнаго общества; полученными числовыми данными обязаны ихъ просвѣщенному вниманію къ научной цѣли опытовъ. Поэтому, считаю долгомъ выразить глубокую благодарность всѣмъ лицамъ, содѣйствовавшимъ своимъ участіемъ въ опытахъ выясненію вопроса *).

Ц. Балталонь.

*) Надѣмся вскорѣ ознакомить читателей съ результатами новыхъ опытовъ и наблюденій въ области слуховыхъ, музыкальныхъ, и цвѣтовыхъ воспріятій, въ настоящее время еще не вполне законченныхъ: лица, желающія принять въ нихъ участіе, благоволятъ пожаловать по слѣдующему адресу: Покровка, д. Елагина, кв. 27, по воскресн. днямъ, отъ 11 до 3 час. дня.

Четвертый международный психологический конгрессъ въ Парижѣ (²⁰/₇—²⁵/₁₂ августа 1900 г.).

I.

Четвертый психологическій конгрессъ доказалъ жизненность и необходимость этихъ конгрессовъ, большой интересъ къ психологіи, большое значеніе этой науки въ наше время. Еще и теперь многіе сомнѣваются въ самомъ существованіи научной психологіи, многіе увѣрены, что психологіей занимаются только закоренѣлые метафизики. Четыре психологическихъ конгресса доказали, что психологія развивается, разрабатывается и философами, и психологами, и физиологами, и врачами; задачи ея все болѣе расширяются, и она пріобрѣтаетъ все большее и большее значеніе.

Успѣхъ настоящаго конгресса, какъ это вполне вѣрно указалъ въ своей заключительной рѣчи профессоръ Кюльпе, зависѣлъ отъ прекраснаго состава правленія конгресса; а предсѣдателемъ съѣзда былъ Рибо—психологъ-философъ; вице-предсѣдателемъ былъ Рише—психологъ-физиологъ; наконецъ, патологическую психологію, имѣющую такое важное значеніе, изучаетъ секретарь съѣзда Пьеръ Жанэ; такимъ образомъ, всѣ главныя отрасли психологіи нашли въ лицѣ членовъ правленія съѣзда достойныхъ представителей и защитниковъ. Матеріальнымъ успѣхомъ четвертый конгрессъ обязанъ энергіи и любезности Пьера Жанэ, много потрудившагося и до и во время конгресса; этотъ молодой талантливый ученый былъ душою съѣзда, и всѣ докладчики и члены конгресса вспомнятъ съ благодарностью о дѣятельности этого образцоваго секретаря.

Число членовъ достигало весьма значительной цифры—а именно до 400; между ними были теологи, философы, психологи, биологи, врачи, социологи; особенно много было врачей, а именно до 100; изъ нихъ большинство были психіатры. Если можно сомнѣваться, что всѣ члены конгресса серьезно интересовались психологіей, то несомнѣнно, что всѣ лица, представившія доклады, уже не только интересуются психологіей, но и работаютъ по психологіи; а докладовъ было заявлено до 200; такимъ образомъ, съ внѣшней или количественной стороны конгрессъ можно считать вполнѣ удавшимся. Понятно, я не рѣшаюсь судить о качествѣ или достоинствѣ докладовъ, но если даже меньшинство этихъ докладовъ имѣетъ серьезное значеніе, то и въ такомъ случаѣ конгрессъ принесъ существенную услугу наукѣ, и его труды оставляютъ замѣтный слѣдъ въ развитіи психологіи.

Необходимо, однако, отмѣтить весьма печальное явленіе: наиболѣе выдающіеся психологи не пріѣхали на конгрессъ; но они отсутствовали и на предыдущихъ конгрессахъ; можно только пожалѣть, что Вундтъ, Джемсъ, Ломброзо, Штумпфъ, Ферри, не сочли нужнымъ участвовать въ занятіяхъ конгресса.

Правленіе конгресса прекрасно распредѣлило наши занятія; а именно, ежедневно по утрамъ работали въ секціяхъ; въ 2½ ч. происходили общія собранія. Общихъ собраній было шесть; первое было 20/7 августа; предсѣдатель прочелъ рѣчь «О развитіи психологіи со времени послѣдняго психологическаго конгресса», а профессоръ Эббингаузъ прочелъ свою работу «Психологія теперь и сто лѣтъ тому назадъ». Оба оратора убѣдительно доказывали, что психологія быстро развивается, область ея изслѣдованій расширяется. Рибо указалъ, что въ Германіи, по преимуществу, занимаются экспериментальной психологіей, во Франціи и въ Италіи—патологической психологіей, а въ Англии—наблюдательной психологіей.

Эббингаузъ особенно настаивалъ на томъ, что въ XIX-мъ столѣтіи психологія сдѣлала громадныя успѣхи. Въ XIX-мъ столѣтіи была разработана физиологія и патологія головного мозга, что имѣло громадное значеніе въ развитіи психологіи. Не меньшее значеніе имѣло примѣненіе опыта въ психологіи; созданы и разработаны совершенно новые, вполнѣ точные методы изслѣдованія; пока опытъ возможенъ при разработкѣ только немногихъ вопросовъ психологіи, но область его примѣненія все расши-

руется и будетъ расширяться. Вслѣдствіе успѣховъ анатоміи и физиологіи и сближенія психологіи съ этими науками, разработанъ новый отдѣлъ психологіи—*физиологическая психологія*. Открытіе новыхъ методовъ изслѣдованій создало *экспериментальную психологію*. Изученіе патологіи нервной системы еще болѣе расширило область психологическихъ изслѣдованій, и *патологическая психологія* завоевала себѣ право гражданства. Изученіе преступниковъ еще болѣе расширило область психологіи, почему въ настоящемъ конгрессѣ была секція, посвященная *соціальной психологіи*. Не малое значеніе для развитія психологіи имѣло изученіе гипнотизма и внушенія; этими вопросами, имѣющими немаловажное значеніе для психологіи, занимаются столь многіе, что понадобилась особая секція.

Такимъ образомъ, въ теченіе ста лѣтъ психологія не только выработала новые методы изслѣдованія, сблизилась съ естественными науками, не только на много приблизилась къ идеалу всякой науки—точности, но и на много расширила область своихъ изслѣдованій, поставила много совершенно новыхъ задачъ. Психологія теперь обнимаетъ неизмѣримо большую область изслѣдованій, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ. Несомнѣнно, что психологія въ XIX столѣтіи сдѣлала не меньшіе успѣхи, чѣмъ другія науки; развитіе ея не закончено; напротивъ, теперь выдвинуто гораздо болѣе задачъ, чѣмъ сто лѣтъ тому назадъ, почему въ текущемъ столѣтіи по психологіи будутъ работать еще больше, чѣмъ въ прошломъ.

Докладъ профессора университета въ Токио Танимото «Историческая замѣтка о психологіи въ Японіи» не былъ прочтенъ авторомъ, о чемъ едва ли стоитъ сожалѣть, такъ какъ изъ резюме этого доклада, представленнаго въ конгрессъ, видно, что въ Японіи изучаютъ преимущественно англійскихъ и французскихъ психологовъ; а это мы уже знали.

Второе общее собраніе было посвящено «физиологіи головного мозга», третье—«изслѣдованіямъ явленій сомнамбулизма», четвертое—«философскимъ работамъ по психологіи», пятое—«экспериментальной психологіи», шестое—«соціальной и патологической психологіи». Для общихъ собраній были избраны доклады болѣе обширные по объему и болѣе общаго характера, но существенно не отличающіеся отъ тѣхъ, которые были сообщены въ засѣданіяхъ секцій, почему, въ видахъ систематичности изложенія, я

буду говорить вмѣстѣ о докладахъ общихъ собраній и докладахъ, прочитанныхъ на секціяхъ.

Правленіе конгресса проектировало семь секцій: 1) Психологія въ ея отношеніяхъ къ анатоміи и физиологіи, 2) наблюдательная психологія въ ея отношеніяхъ къ философіи, 3) экспериментальная психологія и психофизика, 4) патологическая психологія и психіатрія, 5) психологія гипнотизма и внушенія, 6) социальная и криминальная психологія, 7) сравнительная психологія; но въ виду болѣзни предсѣдателя первой секціи профессора гистологіи Дюваля, а также и для удобства занятій, пришлось соединить первую и седьмую, такъ что было всего шесть секцій.

Понятно, что я не могу говорить о всѣхъ докладахъ; это потребовало бы много мѣста и, главное, невозможно для одного лица, такъ какъ всѣ шесть секцій происходили одновременно. Поэтому я ограничусь тѣмъ, что познакомлю съ содержаніемъ тѣхъ докладовъ, прочитанныхъ въ общихъ собраніяхъ и съ сообщенными въ секціяхъ, съ которыми мнѣ удалось ознакомиться и которые, по моему мнѣнію, заслуживаютъ вниманія, причемъ скажу и о тѣхъ работахъ, которыя хотя и не были прочтены, но ознакомиться съ которыми мнѣ удалось или по хорошо составленнымъ резюме, доставленнымъ авторами, или путемъ бесѣдъ съ авторами. Повторяю, къ сожалѣнію, не всѣ ученые, доставившіе резюме своихъ докладовъ, прочли эти послѣдніе; одни авторы почему-либо не пріѣхали, другіе хотя и присутствовали, но отказались отъ чтенія своихъ работъ. На каждое изъ общихъ собраній было назначено шесть сообщеній, но прочтено было лишь три-четыре. Прежде всего скажу о работахъ, посвященныхъ общей психологіи.

II.

Начну съ докладовъ философскихъ, имѣющихъ общее значеніе, причемъ еще разъ оговорюсь, что о нѣкоторыхъ, можетъ быть и весьма цѣнныхъ работахъ, не могу ничего сказать, потому что авторы изложили ихъ не вполне ясно какъ въ устныхъ сообщеніяхъ, такъ и въ представленныхъ рефератахъ. Прежде всего необходимо остановиться на докладѣ извѣстнаго американскаго философа П. Каруса «Единство и непрерывность (continuité) я».

Не слѣдуетъ далѣе создавать «психологію безъ души», но не-

обходимо создать психологію, которая дастъ новое объясненіе души. Душа есть не то, кто или что чувствуетъ, мыслить и дѣйствуетъ—но душа есть чувствованіе, мысль, дѣйствіе; мы можемъ кратко и просто опредѣлить душу такъ—«система символовъ, сопровождаемыхъ чувствованіями». *Представлять себя* (de representer), вотъ что характеризуетъ душевную дѣятельность человѣка; наши мысли суть чувствуемые образы вещей и отношенія вещей. Намъ необходимо допустить, что субъективность есть внутреннее и непремѣнное свойство самой природы.

Человѣкъ имѣетъ неопредѣленное, но постоянное чувство своего физиологическаго единства; оно не обусловлено какою-либо объединяющею силою; память сознаніе всего нашего прошлаго—вотъ что даетъ силу этому чувству я. Въ самомъ дѣлѣ, матерія, изъ которой состоитъ личность, постоянно мѣняется и потому единство не можетъ быть обусловлено единствомъ матеріи, а слѣдовательно, непрерывность я создается памятью. Слѣдовательно, остается неизмѣннымъ въ человѣкѣ не матерія, изъ которой онъ состоитъ, а форма; сознаніе нашего я обусловлено не единствомъ субстанціи, а единствомъ структуры. Индивидуальность—это жизнь тѣла, ограниченная во времени, личность—это форма жизни, мысли, чувствованія. Индивидуумъ погибаетъ, но личность, какъ часть великаго цѣлаго—человѣчества, остается, продолжается; она въ своей формѣ остается какъ послѣ смерти, такъ и при всѣхъ измѣненіяхъ во время жизни. Наше безсмертіе такъ же реально, какъ наше единство при всѣхъ измѣненіяхъ въ теченіи жизни.

Я думаю, что даже въ этомъ сжатомъ, отрывочномъ изложеніи, оригинальныя мысли Каруса должны насъ заинтересовать.

Философскій характеръ имѣетъ сообщеніе профессора философіи Пражскаго университета Марти (Marty) «О сходствѣ».

Похожими, сходными называются предметы и явленія, и мало отличающіеся другъ отъ друга, и напоминающіе другъ друга. Нѣкоторые предметы и явленія и мало отличаются другъ отъ друга, и напоминаютъ другъ друга; въ большинствѣ случаевъ сходнымъ считается или то, что мало отличается, или то, что напоминаетъ. Болѣе важенъ для образованія сходства второй элементъ; предметы и явленія, весьма отличающіеся другъ отъ друга, признаются сходными, если они напоминаютъ другъ друга; при этомъ ихъ отличіе другъ отъ друга, какъ бы оно ни было велико, можетъ

не имѣть значенія. Отличіе предметовъ только тогда можетъ помѣшать быть имъ похожими, когда оно такъ велико, что они не напоминаютъ другъ друга. Наибольшее сходство бываетъ тогда, когда различіе такъ мало, что сходные предметы можно принять одинъ за другой. Вполнѣ точное, правильное употребленіе термина—сходный имѣется только въ геометріи, гдѣ признается похожимъ то, что напоминаетъ другъ о другѣ и мало отличается другъ отъ друга. Опредѣленіе степени сходства, опредѣленіе въ цѣломъ или въ частяхъ и въ какихъ именно частяхъ есть сходство отличеніе сходства отъ равенства,—все это требуетъ большихъ, знаній, сложнаго анализа и синтеза. Сходство имѣется и тамъ, гдѣ нѣкоторыя части сходныхъ предметовъ или явленій равны другъ другу; но сходство можетъ быть и тамъ, гдѣ нѣтъ равенства. Степени сходства безконечно различны и зависятъ какъ отъ самыхъ предметовъ, такъ и отъ нашихъ познаній; оттого этотъ терминъ употребляется весьма различно.

Философскій характеръ имѣетъ трудъ профессора Реннскаго университета Баша (Basch): «Универсальность эстетическаго сужденія».

Несмотря на измѣнчивость вкусовъ и художественныхъ идеаловъ, несомнѣнно нѣкоторыя художественныя произведенія нравятся всѣмъ и всегда. Какъ можно объяснить такое постоянство эстетическаго сужденія, вытекающаго ихъ чувствованія—элемента по преимуществу субъективнаго, неустойчиваго? Кантъ первый указалъ на эту антиномію вкуса; разрѣшима ли эта антиномія?

Всякое эстетическое сужденіе сводится къ слѣдующему: этотъ предметъ мнѣ нравится; удовольствіе, доставляемое мнѣ этимъ предметомъ, законно, и потому такое же удовольствіе этотъ предметъ долженъ вызывать и у другихъ. Это сужденіе даже въ тѣхъ случаяхъ, когда оно относится къ самымъ простымъ предметамъ—есть очень связанный психическій актъ, состоящій изъ ряда физиологическихъ, психологическихъ, логическихъ и этическихъ элементовъ. Эти элементы могутъ быть сгруппированы въ три категоріи. Первую категорію составляетъ пріятное ощущеніе органовъ чувствъ—непосредственные, чувственные элементы, которые въ концѣ концовъ сводятся къ сознанію наибольшаго возбужденія съ наименьшимъ утомленіемъ. Вторую категорію—формальные элементы—составляетъ интеллектуальное наслажденіе,

вызываемое единствомъ во множествѣ. Третью категорію—ассоціированные элементы—составляютъ чувствованія симпатіи, съ которыми мы относимся къ жизни и людямъ, изображеннымъ въ нравящемся намъ произведеніи искусства. Какіе же именно элементы обусловливаютъ то, что нѣкоторыя произведенія искусствъ—греческія статуи, готическіе храмы, трагедіи Шекспира—всегда и всѣмъ нравятся? Очевидно, элементы первыхъ двухъ категорій; органы зрѣнія и слуха у всѣхъ почти одинаковы; гармонія цвѣтовъ и звуковъ удовлетворяетъ потребности нашего организма. Законы нашего разума, требующаго единства во множествѣ, подчиненности части цѣлому, также универсальны. Ассоціированные элементы, составляющіе третью группу, напротивъ, непостоянны, художественные идеалы зависятъ отъ всего нашего міровоззрѣнія, отъ всей суммы нашихъ представленій; вотъ почему понятіе о прекрасномъ измѣнчиво. Очевидно, что тому, кто не симпатизируетъ жизни грековъ, не понимаетъ ея, не можетъ нравиться греческое искусство. Такимъ образомъ объясняется и универсальность эстетическихъ сужденій и измѣнчивость художественныхъ вкусовъ и идеаловъ.

Считаю необходимымъ передать содержаніе доклада Бергсона «Сознаніе умственнаго усилія», въ виду авторитетности автора среди молодыхъ французскихъ ученыхъ.

Всякая умственная работа состоитъ въ томъ, что мы подыскиваемъ содержаніе для имѣющейся у насъ схемы. Изобрѣтатель, желающій изобрѣсть новую машину, схематично опредѣляетъ себѣ цѣль, къ которой онъ стремится—напр., онъ задумалъ создать летающую съ помощью крыльевъ машину; затѣмъ онъ подбираетъ изъ имѣющихся въ его распоряженіи знаній тѣ образы или представленія, то есть детали машины, которыя должны задуманную схематическую машину замѣнить настоящей, со всѣми тѣми деталями и приспособленіями, которыя необходимы для выполненія задуманной цѣли. Умственное усиліе или умственная работа именно и состоитъ въ борьбѣ представленій, имѣющихъ превратить схему въ настоящій полный образъ; одни представленія оказываются ненужными для наполненія схемы, другія необходимы, въ зависимости отъ того, какія представленія побѣждаютъ необходимыя или лишнія, умственное усиліе заканчивается созданіемъ образа, соответствующаго схемѣ и потому насъ удовлетворяющаго, или несоответствующаго и потому не-

удовлетворяющего. Эта борьба представлений, наполняющих схему, или говоря иначе, воплнѣ своеобразное *движеніе* представлений, даетъ намъ впечатлѣніе *sui generis*, которое и составляетъ сознание умственного усилія или напряженія. Слѣдовательно, сознание умственного усилія создается борьбой представлений, наполняющихъ схему, превращающихъ ее въ полный, со всѣми необходимыми деталями образъ. Авторъ не объяснилъ, что собственно въ его докладѣ составляетъ новое, литературную собственность автора, не объяснилъ и цѣли своего сообщенія.

Докладъ профессора Тиссеранда (Tisserand) «О гербатарианскихъ и физиологическихъ теоріяхъ наслажденія» состоялъ въ слѣдующемъ: Гербатарианцы (Нагловскій) дѣлятъ наслажденія на физическія и психическія; первыя, по ихъ ученію, зависятъ отъ физиологическихъ причинъ, вторыя—отъ психологическихъ. Леманъ доказалъ неосновательность такого дѣленія чувствованій, доказалъ, что всѣ наслажденія обусловлены исключительно физиологическими причинами. Большинство ученыхъ, Дюмонъ, Бэнъ, Спенсеръ, Леманъ, признаютъ, что наслажденіе сопряжено съ увеличеніемъ энергіи, страданіе—съ ея уменьшеніемъ. Рибо думаетъ, что наслажденіе зависитъ не только отъ количества расходуемой энергіи, но и отъ ея качества. Главная ошибка гербатарианцевъ, также какъ и картезианцевъ, состояла въ томъ, что они совершенно отдѣляли душу отъ тѣла; въ дѣйствительности же въ каждомъ психическомъ актѣ имѣется и матеріальный, и формальный элементы. Наслажденіе не входитъ ни въ область механической необходимости, ни въ области мышленія; оно не отдѣлимо отъ жизни и стремленія. Стремленіе тождественно съ бытіемъ; о немъ мы имѣемъ знаніе непосредственное, болѣе убѣдительное, чѣмъ знанія, получаемыя нами съ помощью органовъ чувствъ. Стремленіе не разлагается на движеніе, какъ то ошибочно полагаютъ физиологи; но стремленіе не отдѣлимо отъ движенія органовъ; это движеніе имѣетъ извѣстное направленіе, извѣстную интенсивность; оно есть проявленіе первичной, самостоятельной способности дѣйствовать. Слѣдовательно, въ наслажденіи надо различать два элемента: одинъ матеріальный—физиологическія условія или причины наслажденія; другой формальный—стремленіе; его истинная натура была объяснена выше.

Я почелъ полезнымъ передать содержаніе этого доклада, чтобы еще разъ выяснить, какъ неубѣдительны и неясны могутъ быть

попытки измѣнить вполне доказанную, вполне ясную теорію наслажденія: наслажденіе—это жизнь; страданіе—это смерть. Всякая новая попытка изыскать вполне вѣрное ученіе о природѣ чувствованій окончится столь же плачевно, какъ и попытка Тиссеранда.

Наконецъ, изложу содержаніе доклада доктора медицины, приватъ—доцента психологіи Женевскаго университета Клапареда «Опредѣленіе перцепціи (perception)».

Этотъ терминъ употребляется въ различныхъ смыслахъ, и каждый авторъ пользуется имъ по-своему въ зависимости отъ своихъ метафизическихъ воззрѣній. Очевидно, какъ важно установить всѣми одинаково понимаемое употребленіе этого столь важнаго термина. Англичане и французы нѣсколько иначе, чѣмъ нѣмцы, подраздѣляютъ или группируютъ психическіе процессы. Первые отдѣляютъ воспріятіе, т.-е. перцепцію существующаго (реальнаго), отъ образовъ воспоминанія, т.-е. представленія. Нѣмецкіе психологи группируютъ психическія явленія по степени ихъ сложности; первые употребляютъ терминъ перцепціи для обозначенія воспріятія дѣйствительности, вторые—для обозначенія сложнаго воспріятія. Перцепція въ сущности есть сумма ощущеній органовъ чувствъ, составляющая единое психическое цѣлое. Это единое психическое цѣлое, какъ отдѣльное отъ я, не составляетъ части я. Каждое чувственное впечатлѣніе является исходнымъ пунктомъ цѣлаго рода образовъ и чувствованій, составляющихъ весьма сложную цѣпь психическихъ явленій, которыхъ, конечно, нельзя обозначать терминомъ перцепціи. Этимъ терминомъ слѣдуетъ называть только сумму ощущеній, дающихъ намъ познаніе объ отдѣльномъ предметѣ въ пространствѣ; слѣдовательно, напр., въ перцепціи соединяются зрительныя ощущенія съ ощущеніями мышечными и осязательными.

Такимъ образомъ устанавливается ясное отличіе перцепціи отъ ощущенія, что такъ важно особенно теперь, когда психологія разрабатывается наблюденіями надъ больными, фізіологическими изслѣдованіями. Вообще, необходимо употреблять ощущеніе (sensation) и перцепція (воспріятіе) въ строго опредѣленномъ смыслѣ. Отъ произвольнаго употребленія этого термина, какъ и вообще терминовъ, въ психологіи происходитъ не мало недоразумѣній, почему крайне желательно выработать всѣми принятую терминологию.

О моемъ докладѣ—«Боль», прочтенномъ на четвертомъ общемъ собраніи, говорить не буду, такъ какъ онъ извѣстенъ читателямъ «Вопросовъ Философіи».

III.

Такъ какъ у насъ есть еще лица, полагающія, что психофизика и экспериментальная психологія неразрывно связаны съ матеріализмомъ, и потому относящіяся къ нимъ недовѣрчиво, будетъ нелишнее передать содержаніе доклада профессора католическаго института въ Парижѣ Пейллоба—«Перипатетизмъ и экспериментальная психологія».

Симпатіи перипатетиковъ къ экспериментальной психологіи—несомнѣнный фактъ; они относятся съ полнымъ довѣріемъ къ этому научному движенію. Защитники экспериментальной психологіи въ свою очередь наиболѣе примыкаютъ къ ученію Аристотеля; съ этимъ ученіемъ гармонируютъ ихъ стремленія и выводы. Эта взаимность симпатій обусловлена тѣмъ, что тѣ и другіе пользуются *объективнымъ* методомъ; и тѣ и другіе изучаютъ психическія явленія по ихъ внѣшнимъ проявленіямъ. Хотя они и пользуются методомъ самонаблюденія, но предпочитаютъ объективный методъ, какъ болѣе точный. Напримѣръ, при анализѣ ощущеній, представленій и чувствованій, экспериментальная психологія стремится прежде всего найти физиологическія условія этихъ душевныхъ состояній; она признаетъ, что эти условія не суть что-либо внѣшнее, постороннее сознанию, а напротивъ, считаетъ ихъ существенными, внутренними. Также и методъ Аристотеля есть методъ объективный; перипатетики всегда стремились опредѣлить вліяніе тѣла на душевную жизнь; для нихъ органъ не есть что-то постороннее, отдѣльное отъ его функціи; это только двѣ стороны одной и той же сущности. Для перипатетиковъ психологія—наука о жизни, и потому они прежде всего стремятся опредѣлить: что такое жизнь? Для нихъ также несостоятельны ученія, признающія а ріогі сознаніе, какъ и ученіе, считающее сознаніе эпифеноменомъ. Необходимо сперва опредѣлить, что такое жизнь, и затѣмъ уже можно будетъ приступить къ объясненію сознанія; еще О. Контъ училъ, что отъ простаго нужно переходить къ сложному.

Насколько экспериментальная психологія не имѣетъ общаго съ матеріализмомъ, можно судить по тому, что директоромъ

лабораторіи экспериментальной психологіи университета въ Лувенѣ состоитъ аббатъ Тьері (Thierry), прочитавшій на пятомъ общемъ собраніи свой докладъ «Тонъ рѣчи».

Почтенный ученый задался цѣлью опредѣлить тонъ человѣческой рѣчи; хотя несомнѣнно, что наша рѣчь состоитъ изъ звуковъ съ опредѣленною и постоянной высотой, до сихъ поръ не было возможности съ достаточной точностью опредѣлить звуки нашей рѣчи. Объектами изслѣдованія могутъ быть только лица, привыкшія говорить, умѣющія измѣнять тонъ своей рѣчи, умѣющія повторять одинъ звукъ нѣсколько разъ. Для опредѣленія звуковъ рѣчи авторъ пользовался лиоретграфами и фонографами; одинъ и тотъ же звукъ, одинъ и тотъ же слогъ, одно и то же слово повторялись нѣсколько разъ. Даже пользуясь этимъ методомъ изслѣдованія, крайне трудно, почти невозможно опредѣлить всѣ тѣ безконечно разнообразныя звуки, изъ которыхъ состоитъ наша рѣчь; возможно лишь изучить тѣ звуки, которые чаще другихъ повторяются, чаще употребляются опытными ораторами.

Авторъ не сообщил о полученныхъ имъ результатахъ.

Въ виду недостатка времени профессоръ Кюльпе сообщилъ намъ только часть своей работы «Объ отношеніи едва замѣтныхъ къ болѣе чѣмъ едва замѣтнымъ разницамъ».

Чтобы измѣрить интенсивность психическихъ процессовъ, необходимо имѣть абсолютную единицу, мѣру; такой единицей въ психофизикѣ считалась едва замѣтная разница. Признавалось, что всѣ едва замѣтныя разницы даннаго рода ощущеній равны между собою, почему и возможно ихъ соизмѣрять. Противъ такого воззрѣнія было представлено много возраженій; но до настоящаго времени не было опытомъ провѣрено, насколько вѣрно ученіе о равенствѣ между собою едва замѣтныхъ разницъ. По мнѣнію автора, провѣрить это ученіе можно слѣдующимъ опытомъ. Если мы возьмемъ нѣсколько, — на примѣръ, двадцать бумажекъ, окрашенныхъ китайской тушью, такъ что каждая слѣдующая бумажка отличается едва замѣтной разницей отъ предыдущей, то очевидно, что при равенствѣ едва замѣтныхъ разницъ, изслѣдуемый вѣрно опредѣлитъ соответствующее мѣсто одной изъ бумажекъ, расположенныхъ въ серединѣ (напр. 9, 10, 11-ой). Оказывается, однако, что изслѣдуемому *всегда* кажется, что эту бумажку слѣдуетъ помѣстить ближе къ верхнему концу, напр. онъ ее счи-

таетъ 15-ой, 16-ой и т. п., но никогда 5-ой, 6-ой и т. п. Очевидно, что едва замѣтныя разницы между бумажками, слабо окрашенными, меньше, чѣмъ между бумажками окрашенными интенсивно; слѣдовательно, мы не имѣемъ права признавать едва замѣтныя разницы равными, принимать ихъ за абсолютную единицу при измѣреніи интенсивности психическихъ процессовъ. Такимъ образомъ гипотеза Фехнера оказалась несостоятельной; но она просуществовала сорокъ лѣтъ, что указываетъ на гениальность ея автора.

Профессоръ Ренискаго университета Бурдонъ прочелъ докладъ «Грамматическій типъ словесныхъ ассоціацій».

Бурдонъ просилъ изслѣдуемыхъ по возможности скорѣе сочетать первое попавшее на умъ слово и имѣющее соотношеніе съ произносимымъ авторомъ; полученные такимъ образомъ сочетанія можно раздѣлить на двѣ группы; сочетанія по созвучію: odorat—gat и т. п.; сочетанія по значенію или смыслу: дождь—снѣгъ. Кромѣ этихъ двухъ группъ имѣется еще третья, это—грамматическія сочетанія; въ нихъ имѣется нѣкоторое, хотя и неясное значеніе, нѣкоторый смыслъ; но основой сочетанія служатъ грамматическія формы; существительное сочетается съ существительнымъ: собака—скѣла, глаголь съ глаголомъ: писать—плавать. Чисто грамматическія сочетанія рѣдки; но они безспорно существуютъ; подлежащее сочетается съ сказуемымъ: старость—сѣрая; существительное съ существительнымъ; глаголь съ глаголомъ; глаголь съ нарѣчіемъ (напр. бѣжать—скоро). Чисто-грамматическое происхожденіе этихъ сочетаній доказывается, между прочимъ, и тѣмъ, что часты сочетанія въ духѣ французскаго языка, напр. лошадь—черная, и весьма рѣдки противныя духу французскаго языка: черная—лошадь. Эти грамматическія сочетанія у однихъ встрѣчаются чаще, чѣмъ у другихъ, но они наблюдаются у всѣхъ, хотя и не одинаково часто.

Изучая время сочетанія, я убѣдился, что кромѣ принятыхъ въ наукѣ формъ ассоціаціи, имѣются другія намъ неизвѣстныя; встрѣчаются сочетанія, которыя только съ большою натяжкой можно подвести подъ одну изъ принятыхъ формъ; я думаю, что эти сочетанія образовались заучиваніемъ, частымъ повтореніемъ; напр. старость—сѣдая; тише—ѣдешь; танцовать—до упаду; сообщеніе Бурдона даетъ новое объясненіе, которое я провѣрю новымъ изученіемъ собраннаго мною матеріала.

Весьма содержательнъ докладъ приватъ-доцента С.-Петербургскаго университета А. Нечаева, «Къ вопросу о развитіи памяти у дѣтей».

Авторъ изучалъ развитіе памяти у 494 мальчиковъ и 193 дѣвочекъ, учившихся въ шести городскихъ школахъ. Чтобы многосторонне опредѣлить развитіе памяти, опыты состояли въ слѣдующемъ. Нужно было запоминать: 1) 12 различныхъ предметовъ, которые молча показывались изслѣдуемому, 2) 12 неартикулированныхъ звуковъ (звонъ стакана, ударъ по дереву и т. п.), 3) прочитывалось вслухъ передъ изслѣдуемымъ 12 цифръ, 4) 12 трехсложныхъ словъ, 5) прочитывалось 12 трехсложныхъ словъ, вызывающихъ звуковой образъ, 6) прочитывалось 12 трехсложныхъ словъ, которые обозначали осязательныя, температурныя и мышечныя ощущенія, 7) произносилось 12 словъ, обозначающихъ чувствованія и настроенія 8) прочитывалось 12 словъ, обозначающихъ абстрактныя понятія.

Эти опыты, производившіеся осенью 1899 г., привели автора къ слѣдующимъ результатамъ: Память развивается съ возрастомъ; въ періодъ половой зрѣлости развитіе памяти нѣсколько задерживается. Значеніе словъ имѣетъ большое вліяніе на ихъ запоминаніе. Память абстрактныхъ понятій и чиселъ развивается параллельно. Развитіе разныхъ видовъ памяти происходитъ не одинаково, сильнѣе всего память предметовъ и словъ, обозначающихъ чувствованія. Мальчики обладаютъ лучшей памятью предметовъ и звуковъ, а дѣвочки лучшей памятью для чиселъ и словъ. Болѣе всего отличаются памятью мальчики отъ дѣвочекъ въ возрастѣ между одиннадцатю и четырнадцатю. Съ накопленіемъ представленій замѣчается большая разница въ запоминаніи словъ, въ зависимости отъ ихъ смысла; мальчики 9—11 лѣтъ очень дурно запоминаютъ слова, обозначающія чувствованія; они лучше запоминаютъ числа. Въ періодъ половой зрѣлости память словъ, обозначающихъ чувствованія, развивается очень быстро и равняется у мальчиковъ памяти чиселъ, а у дѣвушекъ даже превосходитъ ее. вмѣстѣ съ памятью словъ, обозначающихъ чувствованія, быстро развивается память осязательныхъ и мышечныхъ ощущеній. У дѣтей память для чиселъ почти равна памяти звуковъ; дѣвочки отъ 10 до 11 лѣтъ запоминаютъ числа даже лучше чѣмъ звуки. Постепенно память звуковъ усиливается и на 17 году даже превосходитъ память чиселъ.

Параллельно съ изслѣдованіемъ развитія памяти, авторъ опредѣлилъ емкость легкихъ спорометромъ и силу рукъ динамометромъ, при чемъ оказалось, что наиболѣе здоровые и сильные дѣти надѣлены и лучшею памятью.

Сравнивая таблицы, обозначающія числа удержанныхъ въ памяти задачъ, мы находимъ, что вообще у дѣвочекъ память лучше, чѣмъ у мальчиковъ; только у пятнадцатилѣтнихъ дѣвочекъ память нѣсколько хуже, чѣмъ у мальчиковъ того же возраста.

Профессоръ П. Соколовъ сообщилъ три весьма цѣнныхъ наблюденія въ своемъ докладѣ «Цвѣтная индивидуализація», прочтенномъ на послѣднемъ общемъ собраніи. Авторъ наблюдалъ даму 30 лѣтъ г-жу С., которая представляла себѣ людей окрашенными въ разные цвѣта въ зависимости отъ ихъ качествъ; умные, талантливые, честные люди ей представлялись темносиними; чѣмъ дальше лицо отъ этого идеала, тѣмъ свѣтлѣе былъ его синій цвѣтъ. Ограниченные мужчины и большинство женщинъ для нея желты. Для того чтобы выбрать цвѣтъ данному лицу, она должна его узнать ближе; но разъ цвѣтъ челоуѣка для нея опредѣлится, онъ остается неизмѣннымъ навсегда, и она всегда представляетъ себѣ этотъ цвѣтъ, когда думаетъ объ этомъ лицѣ. Г-жа С. локализируетъ свои цвѣтовые образы внѣ себя; они ей кажутся цвѣтными облаками, которыя двигаются на разстояніи одного метра отъ ея лица и имѣютъ форму Африки. Авторъ знакомъ съ г-жею С. уже пять лѣтъ и за это время никакихъ перемѣнъ въ ея состояніи не замѣтилъ.

Г-жа К. сорока пяти лѣтъ окрашиваетъ хорошихъ, честныхъ людей въ лиловый цвѣтъ; она себя также представляетъ лиловой; умные, честные, твердые люди ей представляются синими; злые, мстительные—зелеными съ металлическимъ отливомъ. Эти основные цвѣта имѣютъ различные оттѣнки въ зависимости отъ качествъ лицъ. Г-жа К.—хорошая музыкантша—и нѣкоторыя музыкальныя пьесы у ней ассоціируются съ опредѣленными цвѣтами, такъ же какъ и нѣкоторыя абстрактныя идеи, напр. сила окрашена для нея въ красный цвѣтъ, законъ въ синій и т. п.

Г-жа І., старшая сестра г-жи С., ассоціируетъ опредѣленные цвѣта съ поэтическими произведеніями. Такъ поэзія Пушкина ей представлялась розовой, Гейне—ярко-красной, романы Толстого—желто-оранжевыми, повѣсти Тургенева—свѣтло-голубыми

и т. п. Она уверяетъ, что цвѣтъ для нея символизируетъ сама произведенія, ихъ мысли и чувствованія.

Авторъ объясняетъ эту удивительную и малопонятную аномалию слѣдующимъ образомъ: представленіе или видѣніе цвѣтами не только абстрактныхъ идей и людей, но звуковъ и буквъ, есть *символическая апперцепція*; эти лица въ конкретной и живой формѣ цвѣтовъ представляютъ себѣ людей, абстрактныя идеи и тѣмъ легче ихъ запечатлѣваютъ въ своемъ сознаниі; цвѣта для этихъ лицъ—это метафоры. Авторъ думаетъ, что механизмъ сочетанія цвѣтовъ съ абстрактными идеями и буквами одинъ и тотъ же; дѣло въ томъ, что цвѣта сочетаются съ буквами, звуками и именами не въ силу звуковыхъ и зрительныхъ элементовъ этихъ послѣднихъ, но въ силу абстрактныхъ и эмоціонныхъ ихъ особенностей. Цвѣта сочетаются сложными, многочисленными ассоціаціями съ буквами и лицами и затѣмъ являются символами, метафорами этихъ послѣднихъ, что конечно облегчаетъ ихъ сохраненіе. Такимъ образомъ, эта аномалия является даже полезной для индивидуума, чѣмъ конечно и объясняется ея существованіе.

Позволю себѣ замѣтить, что авторъ, по моему мнѣнію, упустилъ изъ виду значеніе внушенія въ образованіи сочетаній цвѣтовъ съ звуками, лицами и идеями.

Не лишень интереса докладъ Вашида (Vaschide) «Опытныя изслѣдованія творческаго воображенія у ребенка». Авторъ ежедневно наблюдалъ мальчика, одареннаго необычайной фантазіей; наблюденіе началось, когда мальчику было шесть мѣсяцевъ и продолжалось три съ половиною года. Кромѣ того, авторъ изучалъ развитіе воображенія у дѣтей въ приютѣ въ Villejuifъ; онъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ.

Творческое воображеніе не зависитъ отъ памяти; у ребенка съ дурною памятью можетъ быть богатое воображеніе. Воображеніе находится въ ближайшей зависимости отъ ассоціаціи и отъ самопроизвольной ассоціаціи, не управляемой извѣстными намъ законами сочетанія представленія (значить—отъ апперпещи; но Вашидъ не употребляетъ этого термина). Такимъ образомъ, въ творческомъ воображеніи нужно различать два элемента—ассоціацію и произволь или случай. Творческое воображеніе не ограничивается воспринятымъ. Ребенокъ не отличаетъ существующаго отъ того, что должно существовать, и вѣрить въ созданія

своей фантазіи. Авторъ пришелъ къ убѣжденію, что творческая фантазія существуетъ при крайней бѣдности психической жизни. Она проявленіе наслѣдственной, врожденной склонности головного мозга къ самопроизвольной, самостоятельной, бессознательной и безслѣдной дѣятельности. Эта дѣятельность доставляетъ удовольствіе ребенку; она ему пріятна; повидимому ребенокъ имѣетъ врожденную потребность фантазировать и понятно, что удовлетвореніе потребности доставляетъ ему удовольствіе. Можно различать двѣ формы творческаго воображенія: первая — дрожательное воображеніе; это самая обычная форма; при этой формѣ главнымъ образомъ работаетъ ассоціація. Вторая форма — это произвольное творчество; такая творческая фантазія заслуживаетъ названія оригинальной; эта форма наблюдается рѣдко. При ней именно проявляется самопроизвольная дѣятельность души; эта дѣятельность сочетается между собою представленія, не подчиняясь законамъ ассоціаціи.

Весьма интересны два доклада г-жи Іотейко (Ioteiko) «Утомленіе въ центральныхъ и периферическихъ органахъ», «Утомленіе какъ самозащита организма», въ виду громаднаго практическаго значенія изучаемаго ею вопроса.

Г-жа Іотейко работала съ эргографомъ; она изслѣдовала утомленіе указательнаго пальца правой руки у нѣсколькихъ студентовъ брюссельскаго университета. Для того чтобы выяснитъ, насколько уменьшеніе силы вслѣдствіе утомленія зависитъ отъ истощенія центровъ головного мозга и насколько отъ истощенія окончаній двигательныхъ нервовъ, испытуемые, утомивъ правую руку на эргографѣ, опредѣляли силу лѣвой руки динамометромъ. При сравненіи цифръ, полученныхъ до опыта и послѣ опыта, оказалось, что сила лѣвой руки вслѣдствіе утомленія правой, уменьшается на 20%, сила правой руки падаетъ нѣсколько болѣе. Очевидно, что ослабленіе лѣвой руки зависитъ отъ истощенія или утомленія головного мозга; эти опыты указываютъ намъ степень участія головного мозга въ уменьшеніи работы вслѣдствіе утомленія. Насколько утомленіе индивидуально, насколько утомленіе намъ мало извѣстно, можно судить по тому, что при изслѣдованіи тѣмъ же самымъ способомъ оказалось, что у одной барышни сила лѣвой руки послѣ утомленія правой возросла на 25%, а у другой — на 1%. Опыты убѣдили автора, что есть лица, у которыхъ умѣренное утомленіе

увеличиваетъ силу; это непонятное намъ увеличеніе силы исчезаетъ послѣ достаточнаго отдыха.

Работа указательнаго пальца на эргографѣ выражается кривою; эти кривыя вполнѣ индивидуальны, и одна кривая даннаго лица вполнѣ похожа на другую и вполнѣ отличается отъ кривыхъ, полученныхъ при изслѣдованіи другихъ лицъ. Сравнивая кривыя всѣхъ изслѣдованныхъ лицъ, оказывается, что по отношенію къ утомленію ихъ можно раздѣлить на три группы: первую составляютъ лица, не поддающіяся утомленію,—утомленіе даже вызываетъ у нихъ возбужденіе; вторую группу составляютъ лица, у которыхъ только небольшое утомленіе вызываетъ возбужденіе, дальнѣйшая работа оканчивается утомленіемъ; наконецъ, третьи устаютъ быстро,—у нихъ не бываетъ возбужденія вслѣдствіе утомленія.

Утомленіе работающаго пальца выражается уменьшеніемъ высоты, на которую поднимается тяжесть, и уменьшеніемъ числа поднятій: палецъ не можетъ уже такъ часто поднимать тяжесть, не можетъ поднимать ее такъ высоко, какъ раньше. Уменьшеніе числа поднятій зависитъ отъ истощенія центра, уменьшеніе высоты—отъ истощенія мускула. Изучая кривыя всѣхъ изслѣдованныхъ, авторъ пришелъ къ несомнѣнному заключенію, что при утомленіи быстрѣе уменьшается высота поднятій, чѣмъ ихъ число,—слѣдовательно, двигательные центры головного мозга истощаются медленнѣе, чѣмъ нервныя окончанія и мускулы, или говоря иначе, истощеніе интенсивнѣе въ периферическихъ органахъ, чѣмъ въ центрѣ. Однако и въ этомъ отношеніи люди весьма значительно отличаются другъ отъ друга,—и коэффициентъ истощенія, т. е. отношеніе высоты къ числу поднятій $\left(\frac{H}{N}\right)$ величина вполнѣ индивидуальная: у каждаго свой коэффициентъ истощенія.

Утомленіе прежде всего обуславливаетъ пониженіе возбудимости окончаній двигательныхъ нервовъ: нужны болѣе сильныя раздраженія, чтобы вызвать то ихъ возбужденіе, которое необходимо для продолженія работы. Слѣдующая степень утомленія выражается въ чувствованіи утомленія; это уже реакція головного мозга на вредное для организма раздраженіе. Слѣдовательно, организмъ противъ вредныхъ, истощающихъ или утомляющихъ его раздраженій прежде всего защищается ослабленіемъ

возбудимости окончаній двигательныхъ нервовъ; когда вредное раздраженіе продолжается, организмъ защищается отъ него уже психически—чувствованіемъ утомленія. Небольшимъ сопротивленіемъ этимъ раздраженіямъ, т.-е. наименьшею утомляемостью, обладаютъ рефлекторные центры. Такимъ образомъ, организмъ обладаетъ весьма цѣлесообразными средствами защиты противъ вредныхъ воздѣйствій.

Почтенный авторъ находитъ, что вопросъ объ утомленіи вообще очень мало разработанъ и необходимы новыя, научно обставленныя изслѣдованія объ утомленіи для того, чтобы можно было воспользоваться знаніями для практическихъ цѣлей.

IV.

Едва ли правленіе конгресса поступило вполнѣ рационально, допустивъ доклады спиритовъ; нельзя, конечно, отрицать того, что спиритическія явленія подлежатъ изученію (а, по-моему убѣжденію, заслуживаютъ тщательнаго изученія и сами спириты), и потому, конечно, изученіе спиритическихъ явленій могло входить въ программу конгресса. Но въ настоящее время ученые и спириты такъ различно не только понимаютъ спиритическія явленія, но и такъ различно къ нимъ относятся, что столкнуться рѣшительно не могутъ, и потому ученые напрасно тратили время, выслушивая рассказы убѣжденныхъ спиритовъ; а спириты, навѣрное, остались недовольны нежеланіемъ ученыхъ серьезно отнестись къ ихъ рассказамъ. Едва ли нужно говорить, что конгрессъ—не мѣсто для провѣрки тѣхъ чудесъ, которыя наблюдали спириты.

Необходимо замѣтить, что именно сообщенія спиритовъ привлекали не мало публики, особенно дамъ, и самое многочисленное общее собраніе было третье, посвященное сомнамбулизму. Больше всего публики я видалъ на засѣданіяхъ пятой секціи; особенно много было дамъ. Еще на лондонскомъ международномъ конгрессѣ экспериментальной психологіи я обратилъ вниманіе на то, что между дамами, интересующимися спиритизмомъ, сомнамбулизмомъ и т. п., много истеричекъ и вырождающихся, по крайней мѣрѣ, по наружному виду *).

*) Второй международный конгрессъ экспериментальной психологіи въ Лондонѣ. Вопросы философіи. 1892 г.

я видалъ и теперъ: едва ли гдѣ-либо, кромѣ больницъ, можно видѣть такъ много субъектовъ съ признаками вырожденія, какъ между лицами, интересующимися спиритизмомъ. Между этими лицами едва ли многія объективно, научно относятся къ предмету; нигдѣ въ ученыхъ собраніяхъ я не видалъ столько накрашенныхъ и расфранченныхъ дамъ, какъ между интересующимися спиритизмомъ. Сомнѣваюсь, чтобы эти подкрашенные дамы могли заниматься научно: спиритизмъ удовлетворяетъ ихъ патологической потребности въ чудесномъ, волшебномъ. Конечно, между лицами, интересующимися спиритизмомъ, были субъекты безъ замѣтныхъ признаковъ вырожденія, и я думаю, что и между спиритами есть люди вполне здоровые; но они по своимъ потребностямъ, настроенію, складу мыслей такъ отличаются отъ насъ, что мы не можемъ понимать другъ друга.

Въ этомъ отношеніи допущеніе спиритовъ въ члены конгресса было полезно: оно убѣдило многихъ въ невозможности взаимнаго пониманія, дало возможность поближе присмотрѣться къ тому крупному общественному явленію, которое такъ мало намъ понятно.

Несомнѣнно, что между вполне образованными людьми есть лица, желающія вѣрить и вѣрующія въ самыя невозможныя чудеса, и было бы бесполезнымъ трудомъ пытаться поколебать ихъ вѣру.

Непримиримое разномысліе между психологами и членами конгресса, интересующимися спиритизмомъ, обнаружилось съ перваго шага, а именно, послѣ прочтеннаго вмѣсто г. Юрьевича г. Охоровичемъ доклада «Психическій институтъ».

Кружокъ лицъ, интересующихся психологіей, основалъ *психическій институтъ*. Международный организационный совѣтъ этого института состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Шренкъ-Нотцингъ (Германія), Майерсъ (Англія), Джемсъ (Америка), д'Арсонваль, Бушаръ, Дюкло, Марей, Сюлли-Прюдомъ, Рибо (Франція), Ломброзо (Италія), Менделѣевъ, Охоровичъ (Россія), Флюрнуа (Швейцарія). Временный исполнительный комитетъ состоитъ изъ трехъ лицъ: Пьеръ Жанэ, Мюррай, Рише. Секретарь общества — состоящій при нашемъ посольствѣ въ Парижѣ камеръ-юнкеръ С. Юрьевичъ. Временное помѣщеніе института — въ Парижѣ, Университетская улица, № 19. Членами попечительнаго совѣта (Comité de Patronage) института состоятъ наши соотечественники: графъ Апраксинъ, Александръ Аксаковъ, Анто-

кольскій, dr. Мендельсонъ, Мечниковъ, Менделѣвъ, графъ Муравьевъ-Амурскій, dr. Охоровичъ, князь Урусовъ, Петрово-Соловово, Рафаловичъ, Рачковскій, Тархановъ, князь Вяземскій.

Психическій институтъ содержится и управляется Международнымъ Обществомъ Психическаго Института.

Институтъ имѣетъ слѣдующія цѣли: 1) собирать въ библіотекѣ и музеѣ всѣ книги, брошюры по психологiи и аппараты, служащiе для психологическихъ изслѣдованiй, 2) выдавать лицамъ, работающимъ по психологiи, нужные для ихъ изслѣдованiй книги и приборы, 3) помогать средствами какъ отдѣльнымъ лицамъ, такъ и лабораторiямъ, разрабатывающимъ психологiю, 4) вызывать (provoquer) изслѣдованiя и работы о тѣхъ явленiяхъ, которыя обратятъ на себя вниманiе института, 5) по возможности организовать лабораторiю и клинику, въ которыхъ нѣкоторые члены будутъ производить изслѣдованiя.

Относительно программы занятiй института Рише въ засѣданiи подготовительнаго комитета 30 iюня 1900 г. высказался такъ: «Мы должны быть и смѣлы и осторожны, а потому должны держаться одинаково далеко какъ отъ слѣпой довѣрчивости, такъ и отъ еще болѣе слѣпозащитаго недоувѣрiя, отказывающагося изслѣдовать факты только потому, что они представляются въ непривычномъ видѣ... Часто факты имѣютъ видъ неожиданный. Нужно ихъ изслѣдовать съ полною точностью, но не слѣдуетъ ихъ отрицать». По мнѣнiю Дюкло, говорившаго вслѣдъ за Рише, институтъ будетъ преслѣдовать двѣ цѣли: «поддерживать всѣ изслѣдованiя, имѣющiя исходнымъ пунктомъ уже извѣстные факты, и такимъ образомъ постепенно и методически расширять поле нашихъ знанiй; съ другой стороны, облегчать изученiе тѣхъ неожиданныхъ фактовъ, о которыхъ только что говорили, ихъ собирать и ихъ публиковать съ тѣмъ единственнымъ условiемъ, чтобы контроль, которымъ будутъ окружены эти изслѣдованiя, былъ вполне наученъ и точенъ. Само собою разумѣется, что институтъ не имѣетъ своею задачею контролировать эти изслѣдованiя: онъ можетъ только требовать, чтобы изслѣдователи излагали самымъ точнымъ образомъ подробности не только самыхъ явленiй, но и всѣхъ обстоятельствъ, могущихъ влiять на результаты».

Эти свѣдѣнiя, почерпнутыя изъ 1-го № бюллетеня психическаго института, и рѣчь г. Охоровича, стремившагося убѣдить

собрание въ полезности психическаго института и указывавшаго на важность изученія психическихъ явленій, не вполне разъяснили цѣль и программу психическаго института. Не смотря на крайнюю симпатичность института, ставящаго своею цѣлью способствовать всѣми средствами психологическимъ изслѣдованіямъ, многое оставалось неяснымъ и даже загадочнымъ. А. А. Токарскій выразилъ удивленіе, почему институтъ называется *психическимъ*, а не психологическимъ, и просилъ разъяснить, почему именно было избрано такое странное названіе, почему не желали воспользоваться вполне понятнымъ, принятымъ въ наукѣ эпитетомъ—*психологическій*. Очевидно, что институтъ, имѣющій своей цѣлью научное изученіе душевной жизни, долженъ называться психологическій. Нежеланіе воспользоваться принятымъ въ наукѣ выраженіемъ, употребленіе эпитета неяснаго, дающаго право дѣлать предположеніе, что въ институтѣ будутъ производиться ненаучныя изслѣдованія, должно быть объяснено. На этотъ категорическій вопросъ А. А. Токарскаго со стороны учредителей отвѣта не послѣдовало, и потому не только многіе не пожелали сдѣлаться членами общества психическаго института, но даже нѣкоторые члены этого общества нашли нужнымъ сложить съ себя званіе до тѣхъ поръ, пока задачи и дѣятельность института не выяснятся окончательно.

Пожелавъ искренно обществу плодотворной *научной* дѣятельности, я однако весьма сомнѣваюсь въ его будущности какъ чисто научнаго учрежденія; я боюсь, что институтомъ завладѣютъ лица, интересующіяся чудеснымъ, вѣрующіе спириты; въ такомъ случаѣ матеріальное процвѣтаніе института несомнѣнно.

Флюрнуа сдѣлалъ сообщеніе «Психологическія наблюденія надъ спиритизмомъ». Авторъ находитъ нужнымъ изучать психологію медиумовъ; психологъ долженъ разъяснить себѣ цѣлый рядъ явленій, такъ сильно интересующихъ общество, а для этого прежде всего нужно изучать медиумовъ. Онъ изучалъ въ Женевѣ г-жу С. Эта интеллигентная особа заявляла автору, что она находится въ сношеніяхъ съ духами, населяющими Марсъ, Юпитеръ и т. п.; ей даже извѣстенъ языкъ и азбука обитателей этихъ планетъ. Флюрнуа показалъ азбуку обитателей планетъ, составленную г-жей С.: это какія-то каракули, напоминающія фигуры, рисуемая дѣтми, когда они пробуютъ нарисовать что-либо, руководясь собственной фантазіей. Авторъ дѣлаетъ слѣдующіе вы-

воды: г-жа С. въ состояніи медиумизма проявляетъ злостность и наивность, несвойственныя ей вообще. Какъ образованная, умная особа, она не можетъ въ нормальномъ состояніи говорить, что обитатели планетъ пишутъ каракулями, какими у насъ не позволяютъ писать дѣтямъ; такая нелѣпость невозможна для образованной особы. Кромѣ того, очевидно злостная насмѣшка: дурачить такими глупостями серьезный человѣкъ не можетъ. Состояніе, въ которомъ находится медиумъ, характеризуется чѣмъ-то дѣтскимъ, пониженіемъ умственного уровня, злостностью. Наблюдения надъ большимъ числомъ медиумовъ, по убѣжденію почтеннаго женевскаго психолога, дадутъ весьма цѣнные результаты.

Казалось бы, что сообщеніе Флюрнуа вполне ясно опредѣляетъ отношеніе ученыхъ къ спиритическимъ явленіямъ; но однако оно вызвало удивившее многихъ замѣчаніе одного члена конгресса. Г-жа С. составила ту же азбуку обитателей планеты (кажется, Марса), какую уже составилъ другой извѣстный во Франціи медиумъ Z., а такъ какъ г-жа С. не могла видѣть азбуки г. Z., то.... На это замѣчаніе Флюрнуа отвѣтилъ, что, если азбука г-жи С. та же, что и г. Z., то, значить, она когда-либо видѣла азбуку г. Z.; на предложеніе оппонента доказать справедливость такого объясненія, Флюрнуа вполне разумно отвѣтилъ, что онъ далъ единственное возможное объясненіе и потому не имѣетъ надобности доказывать его вѣрность. Тѣ, кто не удовлетворяется этимъ простымъ объясненіемъ, должны доказать что г-жа С. не видала азбуки г. Z., и пока этого не докажутъ, не имѣютъ права не довольствоваться естественнымъ объясненіемъ, не имѣютъ права допускать сверхъестественное объясненіе самаго простаго факта. Въ данномъ спорѣ повторяется, по мнѣнію Флюрнуа, постоянное разномысліе между учеными и спиритами; послѣдніе, вмѣсто того чтобы доказать хоть разъ справедливость своихъ предположеній, требуютъ отъ ученыхъ доказательствъ того, что или не нуждается въ доказательствахъ, или по случайнымъ, внѣшнимъ причинамъ не можетъ быть провѣрено. «Я не нуждаюсь въ доказательствахъ того, что г-жа С. видѣла азбуку г. Z.; вы въ этомъ сомнѣваетесь, — докажите, что она не видала: только тогда вы будете имѣть право не довольствоваться естественными объясненіями», закончилъ свой интересный докладъ Флюрнуа.

Затѣмъ входитъ на кафедру Майерсъ и заявляетъ, что онъ ручается за безусловную честность г-жи Томпсонъ; она принадлежитъ къ почтенной лондонской купеческой семьѣ; сдѣланныя надъ нею наблюденія вполне убѣдительны. Майерсъ крайне радъ, что ему удалось найти особу, безспорно обладающую сверхъестественными способностями, и онъ обращаетъ вниманіе конгресса на эти убѣдительныя наблюденія.

Затѣмъ Мутоннье (Moutonnier), отставной профессоръ высшей коммерческой школы, объясняетъ, что онъ также прежде былъ матеріалистомъ; но жизнь убѣдила его въ справедливости воззрѣній спиритовъ. Г-жа Томпсонъ дѣйствительно стоитъ въ общеніи съ высшимъ міромъ, въ чемъ онъ убѣжденъ по слѣдующему факту. Онъ былъ приглашенъ Рише присутствовать въ виллѣ послѣдняго въ Ниццѣ на сеансъ съ г-жей Томпсонъ; по случайной причинѣ онъ не присутствовалъ, и вотъ, когда онъ сидѣлъ въ саду своей гостиницы въ Ниццѣ, входитъ дама, узнаетъ его, называетъ по фамилии и выражаетъ сожалѣніе, что онъ не былъ у Рише. Эта дама оказалась г-жею Томпсонъ. Для Мутоннье очевидно, что естественнымъ путемъ она не могла узнать всего этого; слѣдовательно, она стоитъ въ сношеніи съ высшимъ міромъ.

Долженъ сознаться, что глубокое убѣжденіе, которымъ была проникнута рѣчь Мутоннье, крайне поучительно и можетъ импонировать колеблющимся.

Болѣе поразительныя явленія наблюдалъ Ванъ-Ееденъ (Van Eeden). Г-жа Томпсонъ узнавала владѣльцевъ вещей; такъ, авторъ показалъ ей платье своего знакомаго, покончившаго самоубійствомъ: г-жа Томпсонъ не только узнала, кому принадлежало это платье, но даже узнала, что его владѣлецъ окончилъ жизнь самоубійствомъ. Авторъ вполне убѣжденъ, что г-жа Томпсонъ обладаетъ сверхъестественными способностями и обладаетъ знаніями, которыхъ нельзя имѣть посредствомъ органовъ чувствъ. Послѣ наблюденій надъ г-жей Томпсонъ авторъ пришелъ къ несомнѣнному заключенію о невозможности объяснить естественнымъ путемъ нѣкоторыя явленія. Только непосредственное наблюденіе можетъ убѣдить скептика въ существованіи духовъ.

Рише нашель нужнымъ дополнить сообщенія Майерса, Мутоннье и Ванъ-Еедена заявленіемъ, что рѣшительно нельзя объяснить естественнымъ путемъ ясновидѣніе и прозорливость г-жи

Томпсонъ. Имѣя несомнѣнные доказательства совершенно необъяснимыхъ явленій, Рише не желаетъ ни отрицать фактовъ, ни давать имъ какихъ-либо объясненій. Весьма вѣроятно, что, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые лица обладаютъ совершенно намъ неизвѣстными и непонятными способностями, и нужно ждать, когда эти способности будутъ открыты; существованіе ихъ мы имѣемъ право допускать; изслѣдованіе этихъ явленій приведетъ къ болѣе поразительнымъ открытіямъ, чѣмъ открытіе Рентгена.

Благодаря такту предсѣдательствовавшаго на третьемъ общемъ собраніи профессора Тарханова, все окончилось благополучно; но на засѣданіи пятой секціи дѣло дошло до того, что профессоръ Эббингаузъ выразилъ сожалѣніе объ извращеніи истинной цѣли конгресса участіемъ въ немъ членовъ, мыслящихъ ненаучно, и высказалъ пожеланіе, чтобы будущій конгрессъ занимался только наукой и потому сообщенія лицъ, вѣрящихъ въ спиритизмъ не допускались бы. Повидимому, большинство было согласно съ мнѣніемъ Эббингауза; но вѣдь избирая правленіе IV конгресса, члены III-го конгресса знали воззрѣнія избраннаго ими товарища предсѣдателя.

О другихъ сообщеніяхъ и замѣчаніяхъ лицъ, вѣрящихъ въ медиумовъ, ясновидѣніе и т. п., говорить не буду.

V.

Менѣ всего докладовъ было по соціальной и криминальной психологіи, и, что еще важнѣе, доклады по соціальной психологіи были мало содержательны: многіе авторы не явились на засѣданія, что, какъ я думаю, объясняется далеко не дружественными отношеніями между итальянскими учеными школы Ломброзо и французскими учеными. Особенно жаль, что не было Ферри. Секція имѣла всего два засѣданія.

Нѣтъ возможности и даже нѣтъ надобности говорить о всѣхъ докладахъ по соціальной и криминальной психологіи; въ самомъ дѣлѣ, что можно сказать о докладѣ профессора дрезденскаго политехникума Ф. Шульце «Психологія дикарей». Авторъ вмѣсто доклада представилъ оглавленіе своего послѣдняго труда *Psychologie der Naturvölker*. Онъ «желалъ бы обратить вниманіе всѣхъ ученыхъ, занятія которыхъ имѣютъ соотношеніе съ сравнительной психологіей, на его книгу, озаглавленную *Psychologie*

der Naturvölker». Очевидно, далѣе въ злоупотребленіи правами члена конгресса итти некуда. Шульце злоупотребилъ своимъ правомъ съ умысломъ «обратить вниманіе на ...свой трудъ»; были члены, злоупотребившіе своимъ правомъ по недомыслию.

Полное безсиліе секціи по соціальной и криминальной психологіи еще разъ доказало, что безъ участія итальянскихъ ученыхъ ничего сдѣлать нельзя; для многихъ было вполне ясно, что если бы въ занятіяхъ секціи участвовали итальянскіе ученые, было бы совсѣмъ не то.

Чтобы дать понятіе о докладахъ по соціальной психологіи, приведу содержаніе двухъ наиболѣе ясно составленныхъ докладовъ.

Докладъ приватъ-доцента лейпцигскаго университета Эйленбурга «Задачи соціальной психологіи» состоитъ въ слѣдующемъ. Научная психологія до сихъ поръ занималась только психическими явленіями, проявляющимися въ отдѣльномъ индивидуумѣ. Она искусственно изолировала индивидуума и не занималась психическими явленіями, проявляющимися при сношеніи между собою нѣсколькихъ индивидуумовъ. Уже Гельвецій правильно оцѣнилъ значеніе психологіи народовъ; но эта отрасль знаній до сихъ поръ почти исключительно занималась языкомъ, нравами и мѣрами. Психологія народовъ почему-то по преимуществу занималась примитивными народами, хотя ясно, что изученіе этихъ народовъ не можетъ быть точнымъ, въ виду недостаточности и неточности нашихъ знаній о примитивныхъ народахъ. Напротивъ, изученіе соотношеній между людьми въ современныхъ обществахъ можетъ быть точнымъ и, кромѣ того, мы можемъ изучать такія явленія, выясненіе которыхъ невозможно при изученіи первичныхъ народовъ,—напр. формы совмѣстной работы, происхожденіе общественнаго мнѣнія, чувство чести и т. п. Соціальная психологія имѣетъ свою задачу изученіе взаимныхъ воздѣйствій отдѣльныхъ членовъ общества, ихъ соотношенія; она изучаетъ тѣ явленія, которыя обусловлены воздѣйствіемъ отдѣльныхъ членовъ общества, отдѣльныхъ соціальныхъ группъ. Поле наблюденій—вся общественная жизнь; въ семьѣ, на рынкѣ и биржѣ, въ городѣ, въ общинѣ образуются все новыя отношенія, все новыя воздѣйствія и взаимодѣйствія.

Особо важною задачей соціальной психологіи должно быть опредѣленіе зависимости соціальныхъ психологическихъ процессовъ отъ внѣшнихъ условій; можно надѣяться, что будетъ най-

дено функциональное соотношение между внешними и внутренними процессами. Социальная психология имѣетъ, по мнѣнію автора, очень много задачъ, должна разрѣшить много весьма важныхъ вопросовъ. Авторъ перечисляетъ наиболѣе важные вопросы, но, къ сожалѣнію, онъ ничего не говоритъ о томъ, что сдѣлано въ этой области.

Давно извѣстно, что ставить вопросы гораздо легче, чѣмъ давать отвѣтъ.

Профессоръ философіи католическаго института въ Парижѣ Буллио (Bulliot) въ своемъ докладѣ «О классификаціи характеровъ и о физиологіи человѣка» старается установить слѣдующіе типы.

1) Человѣкъ работы. Чувствительность и воображеніе развиты мало; мысли и страсти сосредочены на небольшомъ кругѣ предметовъ; умъ положительный, характеръ сосредоточенный, твердый, грустный, терпѣливый; настойчивъ въ работѣ.

2) Мечтатель. Чувствительность весьма развита; слабая воля, слабый интересъ къ дѣйствительности; мало дѣятеленъ.

3) Аффективный; преобладаніе осязательной и аффективной чувствительности, блестящее воображеніе; умъ болѣе блестящій, чѣмъ глубокой; воля слабая.

4) Дѣятель; физическая чувствительность слабо развита; еще менѣе нравственная; постоянная потребность въ движеніи; сильныя страсти; импульсивная воля.

5) Интуитивный человѣкъ (L'intuitif); крайняя воспримчивость; активное воображеніе; умъ живой, жадно ищущій всего новаго; недостатокъ терпѣнія; воля неустойчива.

6) Мыслитель; сильно развитое вниманіе; умъ размышляющій, систематизирующій, жадно ищущій истины и склонный къ сомнѣнію; нравственное сознаніе сильно развито; воля сильна, неуклонна.

7) Человѣкъ здраваго смысла; уравновѣшенныя способности; здравомысліе; твердая воля; умѣренное честолюбіе, стремленіе занимать общественныя должности и пользоваться почестями.

8) Человѣкъ, увлекающій толпу; удивительная память; универсальный умъ; сильная воля; грандіозныя прихоти; страшная гордость; величіе души; къ этому типу принадлежатъ Александръ Македонскій, Наполеонъ.

Въ характеристикахъ почтеннаго автора много вѣрнаго, почему я и почелъ нужнымъ передать вкратцѣ этотъ докладъ.

По криминальной психологіи не было ни одного доклада, достойнаго вниманія.

О докладахъ по анатоміи и физиологіи головного мозга, по психіатріи говорить не буду въ виду ихъ спеціального характера и недостатка мѣста.

Какъ видно изъ моего отчета, болѣе всего интересныхъ работъ было представлено по физиологической и экспериментальной психологіи; второе мѣсто занимаютъ работы по философской психологіи; я думаю, было бы всего благоразумнѣе на будущихъ конгрессахъ ограничиться двумя секціями и не допускать вовсе докладовъ по анатоміи головного мозга, психіатріи, гипнотизму и социальной психологіи; не слѣдуетъ забывать мудраго правила: *non multa, sed multum*; его къ сожалѣнію позабыли организаторы III-го и IV-го психологическихъ конгрессовъ.

VI.

Закончу отчетъ о конгрессѣ описаніемъ наиболѣе всѣхъ заинтересовавшаго и наиболѣе поразившаго насъ явленія — феноменальныхъ музыкальныхъ способностей мальчика трехъ съ половиною лѣтъ. Этого удивительнаго ребенка демонстрировалъ Рише, за что ему конечно всѣ, видѣвшіе это чудо, очень благодарны.

Serrino Arriola у Rodriguez изъ Ферроля ничѣмъ не отличался отъ другихъ дѣтей, никакими болѣзнями не страдалъ; также и родители его пользовались здоровьемъ и ничѣмъ не выдѣлялись. Когда ребенку было два съ половиною года, его мать, занимаясь въ столовой, услышала, что кто-то подбираетъ ноты на піанино, стоявшемъ въ гостиной. Она вошла въ гостиную, чтобы узнать, кто трогаетъ клавиши ея піанино, и, къ крайнему своему изумленію, увидѣла, что ея сынъ вползъ на стулъ и съ серьезнымъ видомъ подбираетъ ноты. Интересы къ музыкѣ у ребенка все увеличивались, и онъ сталъ наигрывать слышанные имъ мотивы. Учить его музыкѣ такъ же, какъ учатъ другихъ дѣтей, оказалось невозможно; онъ самъ подбиралъ понравившіеся ему мотивы и цѣлыя музыкальныя пьесы, а потомъ игралъ ихъ на память. Въ теченіе полугода онъ дошелъ до того, что свободно разыгрывалъ понравившіяся ему пьесы, — слѣдовательно, когда ему было три года, онъ игралъ на память нетрудныя вещи. Затѣмъ, онъ сталъ

импровизировать. Играетъ онъ только на своемъ піанино — инструментѣ старомъ, дурного тона, но съ очень мягкими клавишами.

Въ нашемъ присутствіи этотъ феноменальный ребенокъ сыгралъ двѣ пьесы (польку и вальсъ), затѣмъ сыгралъ сочиненные имъ маршь и переложенную имъ для фортепьяно мѣстную народную пѣсню. Меня поразило выраженіе лица мальчика во время игры: когда онъ садится или, правильнѣе говоря, его сажаютъ за фортепьяно, обыкновенный трехлѣтній ребенокъ сразу превращается въ серьезнаго, восторженнаго виртуоза. Лицо становится серьезнымъ, задумчивымъ; лобъ наморщенъ, взглядъ сосредоточенный, устремленный; всѣ движенія его плавны, самоувѣренны, спокойны.

Игра доставляетъ ему, очевидно, большое удовольствіе и не утомляетъ его; онъ игралъ тридцать минутъ, съ четырьмя перерывами, длившимися всего около восьми минутъ, такъ что опытъ продолжался 38 минутъ. Я съ часами въ рукахъ опредѣлилъ продолжительность его игры, но оговариваюсь, — я былъ такъ пораженъ этимъ чудомъ, что не ручаюсь за безусловную точность приводимыхъ мною цифръ. Маленькій артистъ игралъ до тѣхъ поръ, пока мать его не останавливала; артистъ сразу превращался въ ребенка; онъ съ восхищеніемъ самъ хлопалъ въ ладоши, по прекращеніи игры; повидимому, аплодисменты слушателей доставляли ему удовольствіе.

Съ технической стороны игра этого феноменальнаго ребенка поражаетъ своею бѣгlostью и чистотою; если бы не недостатокъ силы, то можно было бы подумать, что это играетъ взрослый, хорошо разучившій данную пьесу. Не только лица, понимающія музыку, но и профаны замѣтили, что этотъ ребенокъ — чудо играетъ! съ большимъ вкусомъ и толкомъ; фразировка въ его игрѣ была поистинѣ восхитительна. Особенно вкусъ и пониманіе музыки были ясны въ композиціяхъ трехлѣтняго автора; его игра была понятна, онъ отдѣлывалъ то, что должна была выразить его музыка. Композиціи Родригеца, по мнѣнію лицъ, знающихъ музыку, несложны, но музыкальны и богаты. Когда онъ импровизировалъ, онъ не повторялся, переходы были изящны и мягки, и вообще его игра доставляла удовольствіе. Замѣчательно, что трехлѣтній артистъ не беретъ за то, что ему не по силамъ. Вообще, его игра совершенно не похожа на ученическую; всякій чувствуетъ, что артистъ понимаетъ, что играетъ и играетъ то, что хочетъ сыграть.

Когда онъ окончилъ играть, т. е. мать его сняла со стула, ничего необыкновеннаго я въ немъ подмѣтить не могъ; онъ даже не имѣлъ утомленнаго вида. Признаковъ вырожденія я не замѣтилъ.

По словамъ его родителей и теперь онъ ничѣмъ, кромѣ своихъ феноменальныхъ музыкальныхъ способностей, не отличается отъ дѣтей своего возраста; онъ хорошо ѣсть и спитъ; питаніе его удовлетворительное.

Не знаю, чѣмъ объяснить ту непринужденность, съ которою онъ игралъ передъ нами—привычкой или артистическимъ складомъ его натуры; по словамъ родителей, онъ никогда не стѣснялся играть передъ чужими; всегда это доставляло ему видимое удовольствіе; всегда онъ игралъ охотно и не капризничалъ, когда его снимали со стула.

Слѣдующій конгрессъ будетъ въ Римѣ въ 1904 году; такъ какъ одни предпочитали апрѣль, другіе октябрь, и сговориться не могли, то Правленію предоставлено выбрать, по своему усмотрѣнію, мѣсяцъ, наиболѣе удобный, по мѣстнымъ условіямъ. Предсѣдателемъ избранъ извѣстный физиологъ Луціани, а товарищемъ предсѣдателя Сержи.

Въ частной бесѣдѣ нѣкоторые члены конгресса выражали мнѣ пожеланіе, чтобы VI-й конгрессъ состоялся въ Россіи; наше гостепріимство произвело сильное впечатлѣніе и оставило прекрасное воспоминаніе у всѣхъ членовъ XII-го Международнаго Медицинскаго конгресса. Я убѣжденъ, что было бы вполне умѣстно избрать мѣстомъ VI-го психологическаго конгресса Москву или Петербургъ. Во всѣхъ отношеніяхъ такой выборъ мѣста конгресса былъ бы весьма удаченъ; у насъ достаточно ученыхъ; мы имѣемъ, что показать нашимъ гостямъ; психологическій конгрессъ въ Россіи послужилъ бы сближеніемъ нашихъ ученыхъ съ иностранными и еще разъ доказалъ бы наше гостепріимство и сердечность. Для того чтобы VI-й психологическій конгрессъ состоялся въ Россіи, необходимо своевременно сговориться; необходимо, чтобы мы выступили уже въ Римѣ съ готовымъ предложеніемъ. Два—I-й и IV конгрессы были въ Парижѣ, II-й въ Лондонѣ, III-й въ Мюнхенѣ, V-й будетъ въ Римѣ; очевидно теперь очередь за нами.

В. Чижъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

I. Обзоръ книгъ.

А. Сутерландъ. Происхожденіе и развитіе нравственнаго инстинкта. Перев. съ англ. Н. Кончевской. Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1900. Стр. III—IV + 816. Ц. 1 р. 50 к.

Свое изслѣдованіе Сутерландъ начинаетъ картиннымъ и математически-доказательнымъ изображеніемъ того колоссальнаго процесса уничтоженія жизней, который имѣетъ постоянное мѣсто на земномъ шарѣ. Отъ этого беспощадно-губительнаго процесса спасаетъ виды только пропорціонально-колоссальная плодовитость, быстрое развитіе зародыша и ранняя зрѣлость особей. Правда, всѣ эти *condiciones, sine quibus* поп выживанія низшихъ видовъ животныхъ, не только не способствуютъ, но прямо препятствуютъ сохраненію долѣе развивающихся и потому долѣе безпомощныхъ особей съ болѣе высокой нервной организаціей. Выживанье послѣднихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и дальнѣйшее безграничное прогрессированье видовъ, становится возможнымъ лишь тогда, когда родители, обнаруживая хотя слабое стремленіе къ охраненію своего потомства, отпускаютъ его на арену борьбы за существованіе болѣе или менѣе развитымъ и сильнымъ. Впрочемъ, въ царствѣ холоднокровныхъ этотъ благодѣтельный для особи и вида инстинктъ не можетъ быть названъ сознательнымъ и сводится къ механическимъ приемамъ охраненія зародыша. Но у теплокровныхъ, въ царствѣ пернатыхъ и млекопитающихъ, наряду и въ зависимости отъ умноженія и улучшенія механическихъ способовъ родительскаго ухода, замѣчается возрастанье и сознательной привязанности къ потомству (все менѣе многочисленному) и заботы о немъ, доходящей на высшихъ ступеняхъ животнаго царства до самоотверженія.

Обращаясь затѣмъ къ исторіи развитія родительской симпатіи у человѣка въ частности, Сутерландъ предварительно дѣлитъ всѣ народы всемірной исторіи, сообразно достигнутой ими ступени умственнаго развитія, на (низшихъ, среднихъ и высшихъ) дикарей, варваровъ, цивилизованные и культурные народы. Последняя ступень, которой достигли современные передовыя націи, есть ступень низшей культуры. Вся исторія человѣчества характеризуется тенденціей уменьшенія потомства, а также удлиненія періода и улучшенія воспитанія дѣтей. Но неспособное сдерживать страсти и эгоистичное человѣчество долго стремится къ сокращенію числа дѣтей такими дурными и искусственными средствами, какъ выкидыванье плода и дѣтоубійство. Со ступени же средняго варварства оно направляется къ этой цѣли болѣе разумнымъ путемъ самовоздержанія (черезъ удлиненіе дѣвическаго періода для женщинъ и болѣе позднихъ браковъ для мужчинъ) и долгаго и тщательнаго воспитанія дѣтей.

На почвѣ родительской симпатіи, какъ «новое ея развѣтвленіе» (168), постепенно зарождается и «другая форма симпатіи, возникающая между самими родителями, развитіе которой способствуетъ удивительнымъ образомъ, почти удваиваетъ дѣйствительность материнской и отцовской любви» (165). Впрочемъ, супружеская симпатія «носитъ иной характеръ и въ общемъ болѣе ранняго происхожденія» (166). Впервые обнаруживаясь у теплокровныхъ, она становится очень замѣтной лишь у человѣка. Однако, и здѣсь вполнѣ естественное и выгодное для жизни потомства стремленіе преобразовать временныя и случайныя отношенія между полами въ постоянныя и неразрывныя (моногамія) осуществляется очень медленно и подъ вліяніемъ не моральнаго чувства, а сознанія «удобства и спокойствія однобрачнаго союза» (194). За всѣмъ тѣмъ, хотя до сихъ поръ сохранились пережитки древнихъ беспорядочныхъ половыхъ отношеній (проституція женщинъ и добрачный развратъ большинства мужчинъ) цѣломудріе, главнымъ образомъ женское, у современныхъ культурныхъ народовъ достигло въ общемъ довольно высокой ступени развитія. Что же касается самаго идеала женскаго цѣломудрія, то онъ слагается отчасти подъ вліяніемъ симпатіи, отчасти подъ вліяніемъ того, что на извѣстной ступени экономическаго развитія мужчина начинаетъ смотрѣть на жену, приобретаемую путемъ купли, какъ на свою безраздѣльную собствен-

ность. Но въ достаточно развитомъ видѣ идеаль женскаго цѣломудрія является лишь у высшихъ варваровъ, причеиъ очень долго, отчасти и нынѣ, цѣломудріе женщины понимается вѣшнимъ образомъ. Въ то же самое время мужчина стѣсняется въ удовлетвореніи своихъ страстей развѣ лишь признаніемъ собственности сосѣдей, которою считается женщина. Однако, на высшихъ ступеняхъ цивилизациі, — на почвѣ достаточно развитшейся супружеской симпатіи, — возникаетъ и развивается идеаль и мужскаго цѣломудрія. Ростъ этого идеала идетъ параллельно со возрастающимъ улучшеніемъ положенія женщины...

Когда нервная организація челоѣка стала способной къ родительской и супружеской симпатіи, необходимо должно было послѣдовать расширение, распространение ея на братьевъ, сестеръ, кровныхъ родственниковъ, — переходъ ея въ социальную симпатію. И это тѣмъ естественнѣе, что социальная симпатія имѣетъ, если можно такъ выразиться, продолжительную до челоѣческую исторію, — въ царствѣ низшихъ животныхъ. Отсутствуя у насекомыхъ (авторъ не признаетъ истинной, эмоціональной симпатіи у пчелъ и муравьевъ), упомянутая симпатія становится замѣтной лишь у теплокровныхъ и здѣсь долго, до ступени низшихъ дикарей, развивается не безъ задержекъ и отступленій назадъ. Дальнѣйшій ростъ социальнаго чувства обезпечивается, помимо происхожденія изъ другихъ упомянутыхъ симпатій, его предохранительною силой относительно особи и вида. Впрочемъ, прежде чѣмъ расширяться, социальная симпатія должна была углубиться. Соотвѣтственно съ этимъ авторъ въ общихъ чертахъ раскрываетъ, «какъ становится преобладающей доброта, возрастаетъ гуманность и развивается патриотизмъ внутри одного и того же племени, — какъ, по мѣрѣ того какъ племя расширяется въ націю, чувство преданности пріобрѣтаетъ полезную интенсивность, а способность къ повиновенію возрастаетъ до такой степени, что поддерживаетъ общую гармонію» (386). Въ частности Сутерландъ изображаетъ постепенный ростъ общественной симпатіи въ улучшеніи обращенія съ больными и слабыми, въ болѣе систематическомъ и внутреннемъ характерѣ благотворительности, особенно же въ тенденціи войны къ болѣе рѣдкому возникновенію и къ принятію болѣе мягкихъ формъ.

Въ концѣ концовъ подъ многоѣковымъ вліяніемъ естественнаго подбора нервная организація челоѣка замѣтно, хотя пока еще не

для микроскопа гистолога, измѣнилась въ направленіи инстинктивной неспособности къ жестокости. Образовывающаяся такимъ образомъ симпатія и составляетъ «элементарную или естественную» (практическую, житейскую) нравственность, основу дальнѣйшихъ ступеней «сложной или производной» (486) нравственности, — нравственности а) долга, б) самоуваженія и с) идеальной красоты. При этомъ предполагается, «моральное поведеніе то, которое руководствуется разумной симпатіей. — Симпатіей мы, конечно, называемъ естественную способность радоваться радостями и страдать страданіями другихъ. — Симпатія разумна, когда въ конечномъ результатѣ она не жертвуетъ большимъ счастьемъ другихъ ради ихъ меньшаго, но болѣе непосредственнаго счастья» (499).

Однако, нравственность, основанная на симпатіи, становится достаточно опредѣленной и постоянной только подъ вліяніемъ чувства долга. Между тѣмъ послѣднее не прирождено человѣку, «вызывается не внутренней игрой симпатіи, а внѣшнимъ вліяніемъ, оказываемымъ на поступки индивида среднимъ уровнемъ симпатіи окружающаго его общества» (512). Конечно, «санкціи долга, т.-е. тѣ вліянія, которыми опредѣляется его сила» (513), — общественное мнѣніе, подражаніе, повиновеніе (общественной, гражданской или религіозной) власти, — зависятъ въ силѣ своего дѣйствія отъ нашей способности къ симпатіи. Но такъ какъ онѣ могутъ обратить въ долгъ всякаго рода поступки, то истинно нравственнымъ можетъ быть названъ дѣйствительно тотъ лишь актъ, который основанъ на подлинной симпатіи. Нравственность является еще въ высшей формѣ, когда опирается на чувство самоуваженія. Повинуясь этому чувству, человѣкъ избѣгаетъ дурныхъ поступковъ не только въ силу признанія ихъ такими со стороны общественнаго мнѣнія, но и потому, что, совершивъ ихъ, онъ сталъ бы презирать себя самого. Впрочемъ, и нравственное самоуваженіе, несмотря на свой внутренній характеръ, основывается на господствующихъ нравственныхъ понятіяхъ, на среднемъ уровнѣ симпатіи, а не врождено человѣку, не трансцендентно. Самую высокую, хотя для немногихъ доступную, ступень нравственности представляетъ любовь къ добру ради него самого, его красоты. Это безкорыстное предпочтеніе добродѣтели всѣмъ благамъ міра, предполагающее общую воспримчивость къ красотѣ, придаетъ нравственности какъ бы неземное происхожденіе. Но противъ послѣдняго говорятъ временный и мѣстный характеръ всѣхъ

нравственныхъ идеаловъ, процессъ ихъ непрерывнаго роста и объясненіе нравственнаго энтузіазма, какъ и всякаго другого, какъ и общаго ихъ основанія—удовольствія, опытомъ расы и индивидуума. Вслѣдствіе этого материнская, супружеская и общественная симпатія «должна была сдѣлаться пріятною не только при ощущеніи ея въ насъ самихъ, но и при наблюденіи ея въ другихъ» (577). Подъ тѣми же вліяніями сложился и нравственный идеалъ, принимающій два взаимно-вліяющіе вида—мужской (активный) и женскій (пассивный).

Впрочемъ, въ дѣйствительной жизни значительное число хорошихъ поступковъ совершается подъ воздѣйствіемъ различныхъ квази-нравственныхъ мотивовъ. «Квази-нравственность зависитъ прежде всего отъ чувства отвѣтственности и отъ сознанія принудительной силы закона» (586). Стоя на той точкѣ зрѣнія, что «наше поведеніе составляетъ равнодѣйствующую притягательныхъ силъ, образуемыхъ внѣшними мотивами» (587), Сутерландъ считаетъ человѣка, невластнаго создать эти мотивы, отвѣтственнымъ, «обладающимъ свободной волей только въ той мѣрѣ, въ какой онъ можетъ вліять на свою внутреннюю природу. Но послѣдняя, въ свою очередь, находится не во власти человѣка, такъ какъ она зависитъ, во-первыхъ, отъ наслѣдственности, во-вторыхъ, отъ физиологическихъ данныхъ и, въ-третьихъ, отъ социальныхъ условій» (588). За всѣмъ тѣмъ нельзя признать полного отсутствія отвѣтственности. Только послѣднюю слѣдуетъ понимать не въ общепринятомъ смыслѣ, а въ томъ, что человѣкъ не можетъ не принимать въ соображеніе, въ качествѣ мотивовъ своего поведенія, возможныхъ послѣдствій своихъ поступковъ.

На всѣхъ ступеняхъ быта дикарей,—на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія права «можно замѣтить только понятіе о нанесенномъ вредѣ» и боязнь кровавой мести наряду съ «полнымъ отсутствіемъ представленія о безнравственности» (614). Человѣкъ «лишь внутри своей семьи... находитъ естественныя условія для развитія въ немъ добрыхъ чувствъ», распространяющихся сначала съ дѣтей на жену, а позже съ брата или родственника на простого сосѣда. Но семья можетъ сдѣлаться колыбелью нравственности только у тѣхъ расъ, наприм., у арійской, гдѣ половая ревность внутренне объединяетъ болѣе или менѣе крупныя семейныя единицы. Безопасность и спокойствіе, взаимно обезпечиваемые членами такой семьи другъ другу, устанавливали между ними на

почвѣ симпатіи и путемъ традиціи обычай, согласные съ требованіями чести и терпимости, а также дружескія, родственныя отношенія. Въ то же время семья, какъ цѣлое, находилась въ постоянной войнѣ со всѣми окружающими семьями. Подъ вліяніемъ чувства страха, опасенія возмездія со стороны обиженнаго; «изъ этихъ отношеній возникли всѣ обычай войны, кровавой мести, переговоровъ, сдѣлокъ, вознагражденія за убытки, договорнаго права и уступокъ» (624). Такимъ образомъ, «изъ обычаевъ, установившихся внутри семьи, возникла нравственность; изъ обычаевъ, установившихся между семьями, возникъ законъ» (624). Нравственныя понятія, согласовавшіяся съ установившимися семейными обычаями, образовали «обычное право, осуществлявшееся главою семьи въ ея повседневной жизни. Въ концѣ концовъ оно проникло и въ публичное право, возникшее гораздо позднѣе» (637). Въ то же время первоначально простая, непосредственная семейная нравственность (симпатія), подъ вліяніемъ чувства родовой гордости, становится болѣе сложною обязанностью, опредѣленнымъ идеаломъ. Только что сказанное относительно нравственности и права доказывается исторіей развитія послѣдняго...

Разъ основа нравственности—эмоція симпатіи, естественно возникаетъ вопросъ о физиологической сторонѣ ея. Но онъ не можетъ быть рѣшенъ безъ разсмотрѣнія физиологической основы всѣхъ эмоцій вообще, которой, по Сутерланду, является симпатическая нервная система,—измѣненіе ея тонуca, или напряженія. Въ данномъ случаѣ имѣютъ важное значеніе сосудодвигательные нервы симпатической системы. Степень напряженія этихъ нервовъ «опредѣляется тонусъ, или напряженіе, кровеносныхъ сосудовъ, а слѣдовательно и тонусъ всего организма... и душевнаго состоянія» (704). Дѣло въ томъ, что «въ тѣлѣ никогда не бываетъ достаточно крови, чтобы наполнить въ максимальномъ размѣрѣ одновременно всѣ кровеносные сосуды» (706). Съ приливомъ крови, подъ вліяніемъ внѣшняго стимула, въ артеріи сердца, мозга и периферическихъ мускуловъ и съ отливомъ изъ кровеносныхъ сосудовъ брюшной полости, органы становятся дѣятельными, и это состояніе организма отражается въ сознаніи въ видѣ той или иной экзальтирующей эмоціи. Если, наоборотъ, внѣшній стимулъ сжимаетъ артеріи сердца, мозга и периферіи и гонитъ отсюда кровь въ расширенныя артеріи брюш-

ной полости,—кожа блѣднѣетъ, мускулы и пульсъ слабѣютъ, и человѣкъ испытываетъ одну изъ угнетающихъ эмоцій. Такое приспособленіе, отличающееся автоматическимъ характеромъ даже у человѣка, возникло въ животномъ организмѣ подъ вліяніемъ борьбы за существованіе, которое сохраняется или нападеніемъ на врага, или воздержаніемъ отъ сопротивленія. Въ первомъ случаѣ необходимо было сосредоточеніе и энергичное проявленіе всѣхъ силъ организма, во второмъ — ихъ общій упадокъ и предотвращеніе опаснаго стремленія къ сопротивленію. Говоря теперь иначе и точнѣе, эмоція въ ея простѣйшей формѣ является «автоматическимъ освобожденіемъ... нервной энергіи» (704) организма подъ вліяніемъ «стимула органовъ чувствъ, который посылается отъ мозга къ узламъ и сосудодвигателямъ симпатической нервной системы» (709)...

Свою общую физиологическую теорію эмоцій Сутерландъ прилагаетъ къ половой и супружеской эмоціи въ частности, объясняя всѣ явленія тѣхъ и другой соотвѣтствующими измѣненіями въ состояніи сосудистой системы.

Взглядъ автора на эмоцію, какъ производимую тѣлеснымъ состояніемъ, противорѣчитъ общераспространенному воззрѣнію на нее, какъ на «измѣненіе, возникающее первоначально всегда въ невещественной сущности, называемой душой, и только затѣмъ уже *распространяющееся на тѣло» (753). Господствующая теорія опровергается, однако, эмоціонными перемѣнами, вытекающими изъ перемѣнъ (въ тонусѣ сосудистой системы) производимыхъ въ тѣлѣ возрастомъ, а также обусловленныхъ дѣйствіемъ возбуждающихъ веществъ и патологическимъ состояніемъ организма,—въ болѣзняхъ вообще и при сумашествіи въ частности.

Выяснивъ такимъ образомъ физиологическую сторону простыхъ, первичныхъ эмоцій, Сутерландъ предлагаетъ соотвѣтствующую классификацію ихъ и психологически-физиологическій анализъ (со своей точки зрѣнія).

Всѣ первичныя эмоціи были хорошо приспособлены къ сохраненію индивида. Но въ послѣдствіи, когда животныя стали жить обществами, въ интересахъ сохраненія особей, эмоціи должны были сдѣлаться заразительными. Такого рода эмоціи Сутерландъ называетъ «первичными индуктивными», или «симпатическими». «Сущность нервной дѣйствія, производимаго эмоціоннымъ стимуломъ, еще не выяснена... Но... заразительныя стимулы дѣйствительно

существуютъ, и... вызванная ими эмоція бываетъ вполне аналогична первичной» (780), даже по своей физической сторонѣ. «Симпатію, слѣдовательно, можно разсматривать какъ способность заражаться эмоціями окружающихъ» (792). «Съ физиологической точки зрѣнія она предполагаетъ тонкую нервную воспримчивость къ внѣшнимъ признакамъ эмоцій» (792), а «происхожденіе... способности къ симпатіи кроется въ родительскихъ отношеніяхъ» (793).

Кромѣ первичныхъ эмоцій и ихъ индуктивныхъ проявленій, Сутерландъ отмѣчаетъ еще вскользь вторичныя эмоціи. «Онѣ представляютъ собою сложный результатъ воздѣйствія интеллектуальныхъ представленій на болѣе простыя эмоціальные состоянія» (793) и «играютъ свою роль въ области нравственности» (794). Подъ вліяніемъ столкновенія различныхъ эмоцій и сравнительной оцѣнки ихъ разсудкомъ «среди общественныхъ животныхъ развился инстинктъ, отдающій, въ общемъ, предпочтеніе тѣмъ эмоціямъ, которыя благодѣтельны для всего общества». Такимъ образомъ, *«нравственный инстинктъ у общественныхъ животныхъ является результатомъ того естественнаго подбора, происходящаго среди эмоцій, который стремится поощрять эмоціи взаимопомощи и ослаблять эмоціи, ведущія ко взаимному вреду»* (795*).

Въ данномъ нами изложеніи книги Сутерланда по необходимости отмѣчено только самое существенное и опущено все второстепенное—въ раскрытіи и доказательствахъ ея основной идеи. Тѣмъ не менѣе, и отсюда видно, что разсматриваемое изслѣдованіе отличается столько же богатствомъ содержанія, сколько образованностью трудолюбиваго автора. Въ предисловіи къ своей книгѣ Сутерландъ говоритъ, что онъ работалъ надъ ней въ теченіе 11 лѣтъ! Онъ не только изучилъ множество классическихъ работъ въ области зоологіи, физиологіи, антропологіи, исторіи, законовѣдѣнія и философіи, но и провѣрялъ, по мѣрѣ возможности, научныя положенія собственными опытами и наблюденіями. Выступая такимъ образомъ во всеоружіи науки, авторъ всегда обстоятеленъ и доказателенъ,—по крайней мѣрѣ, всегда богатъ фактами. Неудивительно, поэтому, что книга его не только читается съ захватывающимъ интересомъ, но и является весьма полезнымъ приобретеніемъ для науки. Чрезвы-

*) Курсивъ Сутерланда.

чайно интересна прежде всего самая большая часть изслѣдованія—исторія нравственности. Интересна она по обстоятельному, фактическому раскрытію этой исторіи въ видѣ полной и цѣльной картины, особенно же по той идеѣ, которая красной нитью проходитъ черезъ нее. Эта идея заключается какъ бы въ отождествленіи всемірной исторіи съ исторіей нравственности, въ утвержденіи, что результатомъ историческаго процесса является выработка нравственнаго типа. Такимъ образомъ, теорія Дарвина, приложенная къ области нравственности, вопреки распространенному мнѣнію, оказывается, не приводитъ съ необходимостью къ отрицанію этой послѣдней. Съ большимъ интересомъ читаются и тѣ главы книги, гдѣ авторъ подробно изображаетъ психологическій генезисъ нравственности, начиная съ низшей ея ступени—непосредственной моральной симпатіи. Невольно останавливаешься вниманіемъ при чтеніи этихъ главъ въ частности на той, гдѣ авторъ,—можетъ быть, односторонне, но остроумно и доказательно,—попутно рассматриваетъ вопросъ объ отвѣтственности. Кое что можетъ дать, даже не раздѣляющимъ взгляда автора, и его физиологическая теорія эмоций.

Кореннымъ недостаткомъ книги намъ представляется эклектизмъ, который обнаружилъ авторъ какъ въ основной своей идеѣ, такъ и въ раскрытіи ея. Сочиненіе Сутерланда, какъ мы видѣли, даетъ исторію нравственности, психологическій ея анализъ и физиологическую теорію. Въ исторіи нравственности авторъ слѣдуетъ Дарвину. Въ предисловіи онъ говоритъ: «Почти половина моей книги представляетъ собою подробное развитіе четвертой и пятой главъ его «Происхожденія чловѣка»,—«старательно выполняетъ планъ, набросанный учителемъ». Въ своемъ психологическомъ анализѣ нравственности авторъ является послѣдователемъ Адама Смита, которому онъ считаетъ себя «обязаннымъ не въ меньшей степени», чѣмъ Дарвину. Въ физиологическомъ объясненіи нравственности, по собственному признанію, онъ «приходитъ къ тому же общему результату», что извѣстная теорія эмоций Джемса-Ланге, «хотя инымъ... путемъ» (798). Мы не имѣемъ возможности въ краткой критической замѣткѣ входить въ разборъ всѣхъ этихъ взглядовъ. Не рѣшаемся мы и утверждать, что всѣ составные элементы нравственной концепціи Сутерланда по существу непримиримы другъ съ другомъ. Во всякомъ случаѣ автору не удалось объединить

ихъ въ одинъ цѣлостный взглядъ. Не выставляя какого-нибудь высшаго, объединяющаго ихъ принципа, авторъ считаетъ всѣ перечисленные элементы своего моральнаго построения какъ бы равнозначными и не подчиняетъ ихъ даже другъ другу. Правда, онъ какъ будто признаетъ исходной точкой своего изслѣдованія физиологическую теорію эмоцій (698). Но въ то же время эта теорія, какъ увидимъ ниже, является самой слабой—въ смыслѣ раскрытія и обоснованія—стороной книги. Между тѣмъ авторъ въ значительной степени стертъ въ примиряемыхъ имъ взглядахъ печать оригинальности,—ихъ индивидуальность. Особенно справедливо это относительно теоріи Дарвина. Руководимый идеей Смита о симпатіи, какъ основѣ нравственности, авторъ придаетъ ученію провозвѣстника борьбы за существованіе, какъ движущаго принципа жизни, слишкомъ уже мягкій, слишкомъ телеологическій характеръ. Это тѣмъ замѣтнѣе, что, задавшись изобразить исторію животнаго царства, какъ исторію послѣдовательнаго развитія нравственнаго инстинкта, авторъ позволяетъ себѣ, принужденъ дѣлать нѣкоторыя натяжки въ истолкованіи фактовъ. Сутерландъ въ общемъ убѣжденъ, что «никогда, въ исторіи жизни, не было ни малѣйшаго скачка въ переходѣ отъ одного чувства къ другому» (46). Но изображаемый авторомъ процессъ строго постепеннаго развитія соціальной симпатіи среди животныхъ, начиная съ низшихъ видовъ теплокровныхъ, нарушается общепризнаннымъ высокимъ развитіемъ этой симпатіи среди пчелъ и муравьевъ. Что же дѣлаетъ Сутерландъ въ виду этого неоспоримаго факта? Онъ измѣняетъ гипотезу «тупого переулка» природы,—предполагаетъ, что «мы имѣемъ дѣло въ данномъ случаѣ скорѣе съ механически дѣйствующимъ инстинктомъ, нежели съ эмоціей» (307), что симпатическія чувства муравьевъ и пчелъ только «аналогичны, но не подобны симпатіи» (312) и «достигли у этихъ насѣкомыхъ своего кульминаціоннаго пункта, быть можетъ, потому, что неспособны къ дальнѣйшему развитію» (313). Но всякій согласится, что вся эта гипотеза «тупого переулка» природы, по меньшей мѣрѣ,—натяжка.—Съ другой стороны, стараясь сохранить вѣрность утвержденію Дарвина о жизни, какъ борьбѣ за существованіе, авторъ придаетъ симпатіи, какъ основѣ нравственности, болѣе внѣшній (если ужъ не утилитарный) характеръ и меньшую сложность, чѣмъ она имѣетъ у Смита. Изъ сказаннаго

видно, что исторія нравственности, написанная по плану Дарвина, и психологическій ея анализъ, внушенный Смитомъ, соединены въ книгѣ Сутерланда болѣе или менѣе внѣшнимъ и искусственнымъ образомъ.—Что касается связи психологическаго анализа нравственности, по Смиту, съ физиологической теоріей ея, то, хотя мы не находимъ у Сутерланда фактовъ очевиднаго противорѣчія между тѣмъ и другой, самая связь ихъ (не параллелизмъ) представляется намъ настолько же недостаточно раскрытой и доказанной, насколько недостаточно раскрыта и доказана Сутерландомъ его физиологическая теорія эмоций. Последнее до извѣстной степени признаетъ и онъ самъ (699 и 753 стр.). И въ самомъ дѣлѣ, нельзя же назвать особенно убѣдительными доказательства, основанныя почти исключительно на случаяхъ патологическаго состоянія человѣческой природы. Впрочемъ, отмѣченная слабая связь у Сутерланда психологической и физиологической теорій эмоций объясняется, на нашъ взглядъ, общимъ двусмысленнымъ отношеніемъ его книги къ вопросу о взаимодействіи тѣла и души, даже къ существованію послѣдней...

Воздержавшись отъ разбора заимствованнаго нашимъ авторомъ у Смита ученія о симпатіи, какъ существенномъ признакѣ нравственности, мы не можемъ, однако, не возразить противъ мнѣнія Сутерланда, что первая основа нравственности, именно, родительская симпатія. По нашему, вѣрнѣе будетъ сказать, что въ родительскихъ отношеніяхъ впервые проявляется общая симпатическая тенденція человѣческой природы. Въ общемъ же родительская любовь на первыхъ стадіяхъ своего обнаруженія, какъ онѣ описаны у автора, въ своей сущности столько же (если не больше) проникнута эгоизмомъ, какъ и симпатіей. Иначе—первобытная и вообще непосредственная родительская любовь весьма часто является главнымъ образомъ какъ расширенный эгоизмъ. Отецъ и мать на этой ступени развитія родительскихъ отношеній любятъ своихъ дѣтей почти только потому, что это ихъ дѣти. Но такая любовь къ дѣтямъ отличается отъ любви къ своему животному, даже *своей* вещи гораздо болѣе количествомъ, чѣмъ качествомъ.

Не совсѣмъ яснымъ, пожалуй, даже заключающимъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе кажется намъ взглядъ Сутерланда на происхожденіе и значеніе въ исторіи нравственности супружеской симпатіи. «Супружеская симпатія», — говоритъ онъ на

166 стр.,—«является могучимъ пособникомъ въ дѣлѣ родительскаго ухода. Но она носить иной характеръ и въ общемъ болѣе ранняго происхожденія». Однако, черезъ страницу мы читаемъ, что супружеская симпатія, какъ и «общее расположеніе къ альтруистическимъ чувствамъ, медленно развивалась прежде всего на почвѣ родительскихъ отношеній», что она есть не больше, какъ «новое развитіе родительской симпатіи» (168). Спрашивается въ концѣ-концовъ, произошла ли супружеская симпатія прежде родительской и независимо отъ нея, или же представляетъ изъ себя производное и зависимое отъ послѣдней явленіе. Изъ контекста книги не видно, какого окончательнаго мнѣнія держится по данному вопросу Сутерландъ. Но въ первомъ случаѣ не все въ дѣлѣ нравственности, какъ хотѣлъ бы онъ, объясняется изъ родительскаго инстинкта. Впрочемъ, вся путаница въ данномъ отношеніи проистекаетъ, кажется, изъ того, что Сутерландъ смѣшиваетъ подъ однимъ понятіемъ супружеской симпатіи любовь между мужчиной и женщиной, основанную на почвѣ однихъ упорядоченныхъ половыхъ отношеній, съ такой же любовью, но уже осложненной и облагороженной общей привязанностью къ дѣтямъ.

С. Казанскій.

Gustav Störing, Dr. phil. et med., Privatdocent der Philosophie an der Universität Leipzig. Vorlesungen über Psychopathologie in ihrer Bedeutung für die normale Psychologie mit Einschluss der psychologischen Grundlagen der Erkenntnistheorie. Mit 8 Figuren im Text. Leipzig 1900 (468 стр.).

Книга д-ра Штёрринга — выдающееся явленіе въ современной психологической литературѣ. Обладая тонкимъ анализомъ философа и знаніями практическаго психіатра, авторъ задался цѣлью воспользоваться психопатологическими наблюденіями для выясненія теоретическихъ вопросовъ нормальной психологіи. Такимъ образомъ, по своей задачѣ, его работа примыкаетъ къ извѣстнымъ сочиненіямъ Рибо («Болѣзни памяти», «Болѣзни воли») и Бинэ («Измѣненія личности»), съ той существенной разницей, что въ книгѣ Штёрринга впервые сдѣлана попытка освѣтить съ точки зрѣнія психологіи по возможности *все основные вопросы*

общей психологіи. Не впадая въ крайность, можно сказать, что въ этомъ сочиненіи дается очеркъ полного курса психологіи, насколько онъ можетъ быть построенъ при помощи наличнаго психопатологическаго матеріала. При этомъ на всей книгѣ сказывается характеръ «лекцій», изъ которыхъ она возникла. Это выражается, во-первыхъ, въ сравнительно популярной формѣ изложенія, а во-вторыхъ, въ стремленіи выдвинуть впередъ только особенно важные и существенные вопросы психологіи, оставляя въ тѣни многія второстепенныя проблемы.

Исходнымъ пунктомъ автора является взглядъ на всякій психопатологическій случай, какъ на своеобразный экспериментъ, производимый самой природой. Конечно, въ этомъ отношеніи особенно цѣнными оказываются такіе случаи, гдѣ первоначально измѣняется только одинъ компонентъ душевной жизни. «Тогда, — говоритъ авторъ, — у насъ получается полная аналогія съ тѣми экспериментами, которые производятся нами самими. Измѣненіе одного компонента душевной жизни позволяетъ намъ узнать: 1) какія дѣйствія причиняются даннымъ компонентомъ, въ связи съ другими причинами (ибо при всякомъ дѣйствіи нужна наличность нѣсколькихъ причинъ), и 2) какое вліяніе оказываетъ данный компонентъ на рассматриваемое явленіе. Измѣненіе компонента въ патологическихъ случаяхъ часто состоитъ въ томъ, что явленія, менѣе замѣтныя въ нормальной жизни, становятся здѣсь болѣе доступными для изученія. Именно, въ этихъ случаяхъ усиливается напряженность измѣненныхъ компонентовъ. Особого рода случай является тамъ, гдѣ какой-нибудь компонентъ выпадаетъ. Такіе случаи особенно важны для анализа. Они часто даютъ намъ возможность, сопоставляя ихъ съ соответствующими явленіями нормальной психологіи, подмѣтить значеніе извѣстнаго компонента какъ составной части того или другого комплекса въ нормальной душевной жизни. За первичнымъ измѣненіемъ только одного компонента душевной жизни слѣдуетъ, по своему значенію для нормальной психологіи, измѣненіе ограниченнаго числа компонентовъ душевной жизни. Различное сопоставленіе этихъ компонентовъ въ различныхъ случаяхъ даетъ возможность дѣлать обратныя заключенія о дѣйствіи этихъ компонентовъ, взятыхъ въ отдѣльности. Далѣе, значеніе патологическихъ явленій для нормальной психологіи заключается въ томъ, что они даютъ возможность провѣрять психологическія теоріи.

Разумѣется, психологическая теорія тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ проще удастся ей объяснить патологическія явленія. Такимъ образомъ, въ патологическихъ случаяхъ мы находимъ пробный камень цѣнности психологическихъ теорій. Наконецъ, значеніе психопатологіи для нормальной психологіи состоитъ въ томъ, что изученіе патологическихъ случаевъ опредѣляетъ постановку вопросовъ для новыхъ проблемъ. Есть много патологическихъ случаевъ, которые не только не могутъ объяснить фактовъ психологіи, но сами нуждаются въ психологическомъ объясненіи. Однако и эти случаи имѣютъ цѣнность для психологіи. Существеннымъ условіемъ успѣховъ науки является плодотворная постановка вопросовъ. Патологія душевной жизни даетъ намъ для этого множество поводовъ» (стр. 11—13).

Намѣтивъ такимъ образомъ (въ I главѣ) задачи и методы своего труда, авторъ даетъ (во II главѣ) тщательно обоснованное раздѣленіе основныхъ проблемъ книги и затѣмъ (начиная съ III главы) переходитъ къ подробному разсмотрѣнію процессовъ воспріятія, памяти, сужденія, самосознанія, чувства и воли. При этомъ большая часть сочиненія д-ра Штёрринга посвящена анализу умственныхъ процессовъ (гл. III—XXII), а меньшая—явленіямъ чувства (гл. XXIII—XXIV) и воли (гл. XXV).

Въ краткой журнальной рецензіи невозможно передать всего богатства содержанія книги д-ра Штёрринга, всей тонкости его анализа, искусства постановки вопросовъ и множества отдѣльных остроумныхъ замѣчаній. Надо надѣяться, что это сочиненіе будетъ прочитано и оценено всеми специалистами-психологами и психопатологами, и что русскій переводъ этой полезной и интересной книги не заставитъ себя долго ждать. А пока можно ограничиться только указаніемъ на тѣ стороны сочиненія Штёрринга, которыя представляются наиболѣе оригинальными.

Выступая противникомъ ассоціаціонной (интеллектуалистической) психологіи, д-ръ Штёррингъ повсюду подчеркиваетъ важное значеніе чувства, какъ элемента душевной жизни, при чемъ особенно подробно выясняетъ фиксирующее вліяніе чувства на представленія.

Изъ отдѣльныхъ частей книги особенно выдаются: анализъ галлюцинацій и псевдогаллюцинацій, которыми авторъ пользуется для установки различія воспріятій и представленій (стр. 30—91), разсужденіе о разныхъ видахъ афазіи съ попыткой создать но-

вую теорію этихъ явленій (стр. 110—126) и постановка вопроса о необходимости точнаго разграниченія понятій «напряженности» вниманія и его «концентраціи» (стр. 413—424) *).

Александръ Нечаевъ.

Wilhelm Wundt. Völkerpsychologie. Eine Untersuchung der Entwicklungsgesetze von Sprache, Mythos und Sitte. I. B. Die Sprache. I. Th. Lpzg. 1900. XV+627.

Нынѣшней весной ученики и слушатели Вундта скромно праздновали двадцатипятилѣтіе его дѣятельности, какъ руководителя основаннаго имъ знаменитаго психологическаго института въ Лейпцигѣ, положившаго начало экспериментальной психологіи въ длинномъ рядѣ выпущенныхъ имъ работъ. Одна изъ самыхъ большихъ аудиторій роскошнаго зданія Лейпцигскаго университета была превращена въ садъ тропическими растеніями и цвѣтами, среди которыхъ мелькали демонстраціонные аппараты, приготовленные къ лекціи о психологіи зрительныхъ ощущеній. При входѣ на кафедру Вундтъ былъ встрѣченъ ассистентомъ, который въ небольшой Ansprache указалъ на его значеніе въ развитіи современной психологіи и вмѣстѣ съ многочисленной аудиторіей провозгласилъ троекратное «Lebe hoch, Geheimrath Wundt!». Въ своемъ отвѣтномъ словѣ Вундтъ сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «Я хотѣлъ уклониться отъ празднованія этого юбилея; вы хотѣли иначе. Что значить въ нѣмецкомъ университетѣ двадцатипятилѣтіе профессорской дѣятельности? Трудно было бы найти студента, продѣлавшаго 50 семестровъ; но среди нашихъ профессоровъ это менѣе, чѣмъ рѣдкость... Жизнь есть борьба съ препятствіями. Если мнѣ удалось преодолѣть нѣкоторыя изъ нихъ, то этимъ я обязанъ вамъ, моимъ сотрудникамъ и слушателямъ, обязанъ общему строю нашей академической жизни. Hoch, alma mater Lipsiensis! Несмотря на свои 68 лѣтъ; Вундтъ все еще работающій ученый, дѣятельный профессоръ и плодовитый писатель. Онъ лично слѣдитъ за всѣми работами

*) *Примѣчаніе.* Въ статьѣ А. П. Нечаева «Экспериментальныя данныя къ вопросу о вниманіи и внушеніи», напечатанной въ № 52 «Вопросовъ Ф. и П.», рисунокъ на стр. 175, по ошибкѣ, напечатанъ *верхомъ внизъ*. Восстановить правильную кривую можно по таблицѣ, данной на стр. 174. Ред.

въ своей лабораторіи, входя въ техническія детали психологическаго эксперимента и руководя постановкой опытовъ; ежедневно читаетъ лекціи горячо и убѣжденно, прекрасно владея словомъ, съ богатыми и блестящими демонстраціями, прочитывая въ нѣсколько семестровъ цѣлый циклъ курсовъ по логикѣ, исторіи философіи, этикѣ, по психологіи въ ея различныхъ видахъ; непрерывно ведетъ оживленную полемику—словомъ, продолжаетъ успѣшную борьбу съ житейскими препятствіями. Начало его новаго обширнаго труда служить нагляднымъ тому доказательствомъ.

Сочиненіе разсчитано на три тома. Первый, въ двухъ частяхъ, содержитъ «психологію языка», второй будетъ посвященъ «мысли и религіи», третій—«культурѣ и обычаю». Каждый томъ будетъ составлять законченное цѣлое. Вторая часть перваго тома находится въ печати и выйдетъ въ свѣтъ осенью. Психологія языка будетъ разработана особенно подробно. Намъ пришлось слышать отъ самого автора, что онъ сознаетъ происходящую вслѣдствіе этого неравномѣрность частей, но что именно по вопросу о языкѣ у него накопилось особенно много матеріала и было бы жаль не использовать его. Остальные два тома авторъ надѣется выпустить черезъ три-четыре года.

Введеніе устанавливаетъ задачи и опредѣляетъ понятіе «коллективной психологіи». Такъ предлагаемъ мы не перевести, конечно, а измѣнить и описать безспорно неудачный терминъ *Völkerspsychologie*, объяснимый исключительно традиціями нѣмецкой психологіи. Неудовлетворительность его совѣтетъ и самъ авторъ. Народъ самая большая, правда, группа, въ предѣлахъ которой проявляются тѣ своеобразные психическіе процессы, которые составляютъ предметъ коллективной психологіи, однако не единственная. Не менѣе, если не болѣе видное участіе въ образованіи этихъ явленій принимаютъ другія формы общественной жизни и дѣятельности людей—семья, общество и государство. Буквальный русскій переводъ былъ бы совершенно непригоденъ: «Народная психологія» или «психологія народовъ» имѣютъ совершенно другое, неподходящее въ данномъ случаѣ значеніе, соотвѣтствуя тому, что Вундтъ называетъ психологическою этнологіей, т. е. ученію о національныхъ характерахъ, составляющему прикладную часть психологіи коллективной. Остаются два другіихъ нерѣдко употребляемыхъ термина—«соціальная» или «сравнитель-

ная» психологія. Первый изъ нихъ Вундтъ считаетъ неудобнымъ, потому что понятіе общества противопоставляется иногда понятію государства; эпитетъ «соціальная» исключалъ бы, слѣдовательно, изъ области коллективной психологіи явленія, возникающія въ связи съ условіями государственной жизни. Напротивъ выраженіе «сравнительная психологія» включало бы въ ее область зоопсихологію, психологію возрастовъ, половъ, т. е. такія отрасли психологическаго изслѣдованія, которыя не имѣютъ съ ней ничего общаго, кромѣ сравнительнаго метода. Предлагаемый нами терминъ «коллективная психологія» вполне оправдывается и тѣмъ отношеніемъ, въ которое ставитъ ее Вундтъ, съ одной стороны, къ психологіи индивидуальной, съ другой—къ лингвистикѣ и смежнымъ отдѣламъ исторіи.

Двойное положеніе занимаетъ коллективная психологія по отношенію къ индивидуальной. Такъ какъ совмѣстная коллективная дѣятельность отдѣльныхъ индивидуумовъ не можетъ вести къ образованію такихъ продуктовъ, зародыши которыхъ не были бы уже раньше заложены въ единичномъ сознаніи, то слѣдовательно въ коллективной психологіи нѣтъ и не можетъ быть такихъ общихъ законовъ, которыхъ не знала бы уже психологія индивидуальная. Послѣдняя играетъ роль основной и общей науки, по сравненію съ которой первая образуетъ болѣе спеціальную область примѣненія общихъ законовъ единичнаго сознанія и представляетъ собою прикладную индивидуальную психологію. Однако въ то же время коллективная психологія не только даетъ вспомогательное средство, но и образуетъ самостоятельную область психологическаго изслѣдованія, вводитъ самостоятельный психологическій методъ. Явленія психическаго взаимодѣйствія не просто отражаютъ въ себѣ субъективныя свойства сознанія, но зависятъ также отъ особыхъ условій совмѣстной жизни. Ихъ вліянію обязано существованіе особой коллективной души въ эмпирическомъ смыслѣ этого слова, какъ закономѣрной связи коллективныхъ психическихъ процессовъ; причѣмъ эта «народная» душа не есть простая сумма отдѣльныхъ индивидуальныхъ сознаній, а нѣчто большее. Соединеніе отдѣльныхъ психофизическихъ субъектовъ даетъ въ результатъ, въ силу общеобязательнаго для всѣхъ гуманитарныхъ наукъ начала творческаго синтеза, такіе психофизическіе процессы, которые безъ этого взаимодѣйствія никогда не возникли бы сами собой

въ индивидуальномъ сознаниі. Поэтому изъ общихъ законовъ индивидуальной психологіи нельзя дедуктивно вывести законовъ коллективныхъ явленій; точки зрѣнія, выработанныя ею, не всегда достаточны въ примѣненіи къ послѣднимъ. Ихъ разработка да-етъ и новыя психологическія точки зрѣнія. Индивидуальная и коллективная психологія взаимно дополняютъ другъ друга. Ими исчерпывается область психологіи какъ по содержанію, такъ и по методу. По содержанію, потому что явленія индивидуальнаго сознания и духовнаго взаимодействія составляютъ единственно возможный матеріалъ психологіи, какъ самостоятельной науки. По методу, потому что съ одной стороны экспериментъ устраняетъ методъ чистаго самонаблюденія, а съ другой стороны—ни исторія, ни литература, ни искусство, ни біографія не поддаются планомѣрной методической обработкѣ и не могутъ ни образовать особаго отдѣла психологіи, ни выработать самостоятельнаго психологическаго метода.

Отъ специальныхъ задачъ этихъ наукъ коллективную психологію ограничиваютъ двѣ черты изучаемыхъ ею явленій. Во-первыхъ, въ своемъ возникновеніи они бывають обусловлены участіемъ неопредѣленнаго множества людей, такъ что распре-дѣлить элементы общаго результата этого взаимодействія между отдѣльными индивидуумами бываетъ невозможно. Во-вторыхъ, такъ какъ коллективное творчество никогда не принимаетъ формы произвольнаго акта, протекаетъ безъ сознаниа цѣлей, безъ намѣренно составленнаго плана, то развитіе его созданій слѣдуетъ общеобязательнымъ законамъ. Задача коллективной психологіи кончается поэтому какъ разъ тамъ, гдѣ начинаются задачи смежныхъ дисциплинъ, тамъ, гдѣ общее духовное развитіе отбѣсняется на задній планъ вмѣшательствомъ отдѣльныхъ личностей. Психологія языка, напримѣръ, предоставляетъ изучать произведе-нія индивидуальнаго творчества исторіи литературы; въ психологіи мѣста эту границу проводитъ распадѣніе его на религію и философію; для психологіи обычная граница лежитъ тамъ, гдѣ обычай дифференцируется на право и нравственность, такъ какъ, по мнѣнію Вундта, то и другое расчлененіе есть «личное дѣло отдѣльныхъ реформаторовъ и законодателей».

Такимъ образомъ предметъ коллективной психологіи составляютъ психофизическіе факторы общаго развитія формъ чело-вѣческаго общенія, дѣйствія которыхъ находятъ себѣ выраженіе

въ произведеніяхъ совмѣстнаго духовнаго творчества, носящихъ характеръ общеобязательности. Въ этихъ предѣлахъ остаются для психолога три чисто психологическія проблемы: языкъ, миеъ съ начатками религіи и обычай съ начатками культуры. Ихъ развитіе подчиняется общеобязательнымъ законамъ психическаго взаимодействія. Они тѣсно связаны другъ съ другомъ, соотвѣтствуя тремъ основнымъ фактамъ индивидуальнаго сознанія: въ языкѣ отражается міръ представленій человѣка; въ возникновеніи миеовъ участвуютъ преимущественно различныя направленія чувствъ; обычай обнимаетъ область волевыхъ дѣйствій. Какъ индивидуальное сознаніе, такъ и народная душа могутъ развиваться только въ этихъ трехъ направленіяхъ.

Первый томъ, первая часть котораго вышла теперь, посвященъ, какъ было сказано, психологическимъ законамъ развитія рѣчи. Въ своей психологіи языка Вундтъ исходитъ отъ одной основной мысли. Рѣчь, по его мнѣнію, есть волевая функція, принадлежащая по своей психофизиологической природѣ къ тому виду движеній, которыя объективируютъ психическое содержаніе и называются вслѣдствіе этого выразительными. Эта мысль даетъ стройную и естественную схему, наглядно охватывающую и послѣдовательно раскрывающую психофизическіе процессы, участвующіе въ возникновеніи и постепенномъ ростѣ языка. Точкой отправленія служитъ общая теорія выразительныхъ движеній, которой занята первая глава. Одни изъ этихъ движеній складываются въ «рѣчь жестовъ», представляющую съ психологической точки зрѣнія своего рода пра-языкъ; другія, звуковыя выраженія чувствъ, развиваются въ систему членораздѣльныхъ звуковъ, образующихъ матеріалъ будущей рѣчи (2-ая и 3-ья главы). Четвертая глава даетъ психологическое объясненіе явленіямъ постепеннаго превращенія этого звукового матеріала, а послѣдняя содержитъ теорію словообразованія. Въ эту схему, въ которой каждое звено заключаетъ соотвѣтствующее ему мѣсто, искусно вставлены богатыя, разнообразныя данныя психологіи, лингвистики, этнологіи и психопатологіи. По преобладанію этого или другого матеріала общую схему можно разбить на два отдѣла. Первые двѣ главы носятъ характеръ психофизиологической и этнологической, послѣднія три заполнены преимущественно данными языковѣдѣнія. Въ первомъ отдѣлѣ устанавливаются, на почвѣ общей теоріи психическаго взаимодействія, психофизиологиче-

скія основы рѣчи, во второмъ — отыскиваются психофизиологическіе субстраты отдѣльныхъ явленій въ жизни языка. Тотъ и другой отдѣлъ готовятъ постепенно теорію происхожденія рѣчи, которой будетъ отведена заключительная глава всего перваго тома. Удачнымъ психологическимъ толкованіемъ и законченностью обработки выдѣляются главы о языкѣ жестовъ и словообразованіи, принадлежащія, на нашъ взглядъ, къ лучшимъ. Передадимъ вкратцѣ содержаніе перваго отдѣла. Какъ чисто психологическая, такъ и чисто физиологическая теорія выразительныхъ движеній обнимаютъ одну только сторону этого явленія и должны уступить мѣсто теоріи психофизиологической. Общія свойства выразительныхъ движеній, съ точки зрѣнія психофизическаго параллелизма, не могутъ не стоять въ соотвѣтствіи съ общими свойствами аффектовъ; а общія свойства послѣднихъ зависятъ, въ свою очередь, отъ природы элементарныхъ чувствованій, входящихъ въ составъ ихъ. По этому поводу Вундтъ предлагаетъ новую теорію чувствованій, показывающую, что психологическіе взгляды его продолжаютъ находиться *im Werden* *). Отъ прежней теоріи она отличается тѣмъ, что увеличиваетъ втрое число измѣреній и контрастирующихъ направленій чувствованій. Область чувствованій есть область контрастовъ; всякое чувствованіе должно двигаться между контрастирующими полюсами. Между ощущеніями и представленіями возможны только отношенія простого различія; въ отношенія контраста ихъ ставятъ сопутствующія имъ чувствованія. Раньше Вундтъ допускалъ только одинъ контрастъ чувствъ пріятныхъ и непріятныхъ. Однако по даннымъ внутренняго опыта и по нѣкоторымъ физиологическимъ соображеніямъ, а также, какъ намъ кажется, и подъ влияніемъ теоріи Джемса-Ланге, онъ считаетъ нужнымъ прибавить къ этому контрасту еще два: чувства возбужденія и подавленности, напряженія и его разрѣшенія. Чувствованія образуютъ слѣдовательно систему трехъ измѣреній или шести направленій. Всякое чувствованіе можетъ лежать одновременно во всѣхъ трехъ измѣреніяхъ, но не болѣе чѣмъ въ трехъ, очевидно, контрастирующихъ направленіяхъ.

*) Въ первый разъ эта теорія была изложена имъ въ общихъ чертахъ въ *Очеркахъ психологіи* и въ послѣднемъ изд. *Лекцій о душѣ челоука и животныхъ*. Полемизируя съ Тичинеромъ (*Philosophische Studien* B. XV), Вундтъ объясняетъ мотивъ, побудившій его оставить прежнюю теорію.

Наростая и убывая, чередуясь другъ съ другомъ, эти элементарныя чувствованія порождаютъ въ своемъ потокѣ всѣ виды аффектовъ, при чемъ тремъ измѣреніямъ чувствованій соотвѣтствуютъ три свойства аффектовъ: чувства пріятнаго и непріятнаго сообщаютъ аффекту его качественныя особенности; чувствами возбужденія и подавленности опредѣляется его интенсивность; отъ чувствъ напряженія и его разрѣшенія зависитъ формальный характеръ аффекта, характеръ теченія отдѣльныхъ элементовъ въ ихъ смѣнѣ. Наряду съ элементарными чувствованіями въ составъ аффекта входятъ обыкновенно и представленія, нераздѣльно сливающимися съ эмоціональными элементами.

Интенсивности, качеству аффекта и сопровождающимъ его представленіямъ соотвѣтствуютъ три основныхъ вида выразительныхъ движеній. Интенсивность обнаруживается въ степени и характерѣ иннервации сердца и сосудовъ кровеносной системы; качества выражаются мимическими движеніями рта, глаза, носа, напряженіемъ мышцъ, щекъ и подбородка; представленія—пантомимическими движеніями рукъ, ногъ и иногда всего туловища. Всѣ эти выразительныя движенія были первоначально простыми волевыми дѣйствіями и вызывались какимъ-нибудь простымъ мотивомъ, т.-е. слѣдовали одному какому-нибудь элементарному чувствованію. Въ результатѣ продолжительнаго родового развитія такія сознательныя волевыя дѣйствія превратились въ безсознательныя механическіе рефлексы. Обратное происхождение волевыхъ дѣйствій изъ рефлексовъ было бы, по мнѣнію Вундта, необъяснимымъ чудомъ. Иннервационныя выраженія интенсивности аффектовъ представляютъ первичную форму. Изъ нихъ развились мимическія движенія, благодаря тонкой мускулатурѣ лица и близкой связи ея съ органами специальныхъ чувствъ, а пантомимическія, благодаря тому, что этотъ родъ движеній стоитъ въ непосредственномъ отношеніи къ объектамъ нашихъ представленій. Въ такомъ порядкѣ шло родовое развитіе; въ развитіи же индивидуума наблюдается обратное направленіе. По мѣрѣ того какъ первоначальная интенсивность аффектовъ слабѣетъ, выразительныя движенія поддаются произвольному контролю. Вмѣстѣ съ тѣмъ, все болѣе и болѣе поддаваясь произвольному воспроизведенію, они начинаютъ служить цѣлямъ выраженія представленій самихъ по себѣ, выступающихъ постепенно на первый планъ изъ остальнаго содержанія аффектовъ, и становятся средствомъ

общенія. Пантомимическія движенія, указательныя и подражательныя даютъ прежде всего начало языку жестовъ.

Извѣстно нѣсколько системъ жестовъ. При сравнительно искусственной обстановкѣ складывается система жестовъ у глухонѣмыхъ; при болѣе естественныхъ условіяхъ развивается жестикунляція дикихъ народовъ, имѣющая иногда, какъ, на примѣръ, у сѣверо-американскихъ племенъ, длинную исторію; у южныхъ итальянцевъ сохранилась до сихъ поръ традиціонная система знаковъ-жестовъ; цистерціанскіе манахи, налагая на себя обѣтъ молчанія, должны были намѣренно выработать свой языкъ жестовъ. Несмотря на различіе условій возникновенія и развитія этихъ видовъ языка жестовъ, общія основныя свойства ихъ остаются вездѣ одни и тѣ же. Всѣ они имѣютъ одну общую этимологію, такъ какъ вырабатываютъ опредѣленныя однородныя формы жестовъ, поддающіяся психологической классификаціи. Происходя непосредственно изъ пантомимическихъ движеній, жесты дѣлятся, подобно имъ, на указательныя и изобразительныя. Жесты указательныя составляютъ простѣйшую форму этого языка и не способны на дальнѣйшее развитіе. Жесты изобразительныя дифференцируются въ трехъ направленіяхъ. Сначала изъ подражательныхъ, пантомимическихъ движеній развиваются жесты, просто копирующіе предметъ (*nachbildende Geberden*); изъ этихъ послѣднихъ возникаютъ жесты соозначающіе (*mitbezeichnende*), которые берутъ для обозначенія предмета изъ общей суммы присущихъ ему признаковъ какой-нибудь одинъ характерный; на высшей ступени стоятъ жесты символическіе, которые обозначаютъ предметъ косвенно, черезъ посредство одного или нѣсколькихъ представленій, ассоціативно связанныхъ съ нимъ. Сверхъ того изобразительныя жесты распадаются на два рода. Если движеніемъ указательнаго пальца очерчиваются въ воздухѣ контуры предмета, то получается жестъ, рисующій предметъ. Если же для обозначенія предмета руки складываются въ болѣе устойчивыя формы, то получается пластическій жестъ.

Наличность такихъ опредѣленныхъ формъ въ языкѣ жестовъ составляетъ исключительную особенность человѣческаго развитія и сближаетъ его съ звуковой рѣчью. Родство ихъ доказывается также тѣмъ, что языкъ жестовъ различаетъ грамматическія категоріи предмета, свойства и состоянія, хотя предлоги, союзы и отвлеченныя нарѣчія совершенно отсутствуютъ въ немъ. Впро-

чемъ и основныя категоріи существительнаго, прилагательнаго и глагола не всегда бывають выражены съ достаточной опредѣленностью. Неопредѣленность отдѣльныхъ знаковъ зависитъ отъ двухъ причинъ. Жесты, развиваясь отъ указательныхъ до символическихъ, теряютъ иногда прежній смыслъ, приобрѣтая новый или видоизмѣняя старый—процессъ, вполне аналогичный переносу и измѣненію смысла словъ.

Кромѣ того смыслъ отдѣльнаго жеста опредѣляется его положеніемъ въ ряду другихъ жестовъ, образующихъ связное предложеніе, согласно извѣстнымъ синтаксическимъ правиламъ сочиненія, обязательнымъ для всѣхъ видовъ языка жестовъ. Въ силу его непосредственной наглядности преобладаетъ временный и пространственный порядокъ жестовъ: они слѣдуютъ въ порядкѣ воспріятій. А такъ какъ отдѣльные жесты смѣняются другъ друга сравнительно медленно, то символъ, непонятный самъ по себѣ, долженъ опредѣлиться символомъ предыдущимъ, а не слѣдующимъ за нимъ. Поэтому подлежащее ставится обыкновенно на первомъ мѣстѣ, опредѣленіе послѣ опредѣляемаго, глаголъ слѣдуетъ за дополненіемъ.

Языкъ жестовъ, будучи языкомъ въ буквальномъ, не метафорическомъ смыслѣ, представляетъ значительный интересъ для психологіи рѣчи. Онъ служитъ живымъ образомъ того состоянія звуковой рѣчи, когда между знакомъ и обозначаемымъ предметомъ существовала внутренняя и непосредственная связь; а существованіе такой стадіи необходимо допустить съ психологической точки зрѣнія. Происхожденіе и развитіе его даетъ возможность наблюдать въ болѣе первобытномъ и несовершенномъ идѣ явленія, аналогичныя явленіямъ въ жизни звуковой рѣчи. Отсюда естественный переходъ къ лингвистическому отдѣлу, изложеніе котораго приходится отложить до появленія второй части въ виду ихъ тѣсной связи.

Коллективная психологія Вундта примыкаетъ къ его прежнимъ работамъ и служитъ отчасти ихъ продолженіемъ. Въ своей *Логикѣ* онъ далъ изложеніе ея методики, въ *«Очеркѣ психологіи»* посвятилъ особую главу «развитію формъ духовнаго общенія», намѣчающую въ общихъ чертахъ ея программу, въ *Этикѣ* подготовилъ психологію мѣта и обычая. Основные психологическія принципы, къ которымъ привела его долготѣнная разработка фи-

зіологической психологіи, всецѣло перешли въ психологію коллективную. Требования психофизическаго параллелизма строго соблюдаются въ психологіи рѣчи, и такъ какъ рѣчь есть явленіе психофизическое по преимуществу, то здѣсь этотъ принципъ находитъ плодотворное примѣненіе. Протестъ противъ вульгарной психологіи, подставляющей на мѣстѣ реальнаго психическаго процесса логическую рефлексію о немъ, вооруженной эстетическими и телеологическими критеріями, получаетъ особенное значеніе въ психологіи рѣчи, если вспомнить, что «у колыбели современнаго языкознанія стоитъ романтизмъ». Принципъ творческаго синтеза также подтверждается съ новой силой въ психологіи рѣчи. Самое понятіе психическаго коллективнаго явленія и его законовъ, какъ отличныхъ отъ явленій и законовъ индивидуальнаго сознанія, есть продуктъ этого принципа. Къ нему Вундтъ прибѣгаетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда приходится объяснять переходъ отъ просто волевыхъ дѣйствій къ дѣйствіямъ произвольнымъ, по выбору, отъ инстинктивнаго слѣдованія психическихъ фактовъ къ планомѣрному творчеству, отъ ассоціативнаго механизма къ работѣ апперцепціи. Свообразныя теоріи законовъ ассоціации, узнаванія, памяти, апперцепціи, волевого процесса, перенесены въ коллективную психологію въ прежнемъ видѣ.

Однако это вполне понятное и законное вліяніе субъективныхъ взглядовъ не роняетъ значенія труда Вундта. Въ психологической литературѣ ему суждено занять видное мѣсто. До сихъ поръ въ этой области были только общія программы, иногда даже слишкомъ общія и широкія, вродѣ извѣстной программы Лазаруса, или же отдѣльныя монографическія работы, посвященныя частнымъ вопросамъ. Специальное изслѣдованіе и психологическое толкованіе оставались при этомъ разобщенными. Безспорно въ первый разъ предпринимается въ такихъ размѣрахъ систематическій обзоръ богатаго матеріала коллективной психологіи, съ попыткой выработать ея планъ, отмежевать ея границы, установить ея методъ, подчинить данныя смежныхъ специальныхъ наукъ требованіямъ и выводамъ современной психологіи. Широкий психологическій опытъ, исключительная по своей разносторонности научная и философская подготовка автора даютъ уже сами по себѣ гарантію высокаго интереса и серьезнаго вниманія, какого заслуживаетъ его трудъ.

Ставя психологию въ тѣсную связь съ гуманитарными науками, новый трудъ Вундта заставитъ навсегда отказаться отъ предрасудка, распространеннаго какъ среди специалистовъ, такъ и въ болѣе широкихъ кругахъ, предрасудка, отождествлявшаго физиологическую часть психологии съ научной психологіей вообще. Современная психологія не совпадаетъ съ психофизикой. Ей приходилось временно ограничиваться психофизическимъ экспериментомъ, пока она была занята рѣшеніемъ простѣйшихъ вопросовъ. Для объясненія болѣе сложныхъ психическихъ фактовъ экспериментальный методъ не пригоденъ. Здѣсь нужны другія пояснительныя средства объективнаго характера, болѣе надежныя для разложенія сложныхъ психическихъ образованій, чѣмъ внутреннее самонаблюденіе. Такія средства даетъ лингвистика, первобытная культура и этнологія, матеріаль которыхъ, на ряду съ историческимъ и филологическимъ объясненіемъ, ждетъ психологическаго толкованія. Эта область содержитъ, можетъ быть, «самую важную и богатую часть задачъ психологии».

Общіе принципы Вундта не имѣютъ сплошь да рядомъ рѣшающаго вліянія на судьбу отдѣльныхъ положеній. Какъ въ другихъ работахъ Вундта, такъ и здѣсь можно иногда принять его частныя выводы, не соглашаясь съ общими точками зрѣнія. Блестящее объясненіе Гриммовскаго закона передвижки звуковъ остается, напр., весьма убѣдительнымъ, независимо отъ его теоріи выразительныхъ движеній и чувствъ, тѣмъ болѣе, что въ своихъ объясненіяхъ онъ обращается къ даннымъ психофизическаго эксперимента и патологическаго изслѣдованія столь же часто, какъ и къ общимъ принципамъ. Впрочемъ, частныя выводы, классификаціи, иногда искусственныя, съ замѣтнымъ пристрастіемъ къ трихотоміи, терминологія, «затѣйливо придуманная и не всякому доступная», говоря словами извѣстной гоголевской характеристики—все это можетъ имѣть, особенно въ первомъ опытѣ, временное значеніе. Самъ авторъ предупреждалъ насъ въ одномъ частномъ разговорѣ, что уже второе изданіе будетъ, вѣроятно, мало похоже на первое. Тѣмъ не менѣе сочиненіе Вундта останется въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ методологическимъ образцомъ для позднѣйшихъ работъ въ этой области, возбудитъ интересъ къ ней и дастъ сильный толчокъ къ ея разработкѣ.

Д. Викторъ.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

И. С. Андреевскій. Классическое и реальное образованіе. Глуховѣ. 1900. Стр. 52.

С. Аргаманова. Слабая борьба съ сильными заблужденіями въ современномъ воспитаніи. С.-Петербургъ. 1900. Стр. 86. Ц. 60 к.

Николай Бердяевъ. Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи. Критическій этюдъ о Н. К. Михайловскомъ. Съ предисловіемъ Петра Струве. Ц. 2 руб. 25 коп. Спб. Стр. LXXXIV + IV + 267.

Бьёрнстьерне-Бьёрнсонъ. Единобрачіе и многобрачіе. Переводъ съ нѣмецкаго изданія, одобреннаго авторомъ. Изд. Л. А. Золотарева. Москва, 1900. Ст. 55. Ц. 25 к.

Н. Г. Вороновъ. Опытъ сравнительной исторіи Европы. Москва. 1900. Стр. 135. Ц. 2 р.

Воспоминанія князя Григорія Григорьевича Гагарина о Карлѣ Брюлловѣ. Къ 100-лѣтію со дня рожденія Брюллова 1799—1899. Съ предисловіемъ и статьей о художественной дѣятельности автора воспоминаній. Спб. 1900. Стр. 54.

Въ поискахъ человѣческаго совершенства и счастья. Подборъ мнѣній выдающихся мыслителей по различнымъ вопросамъ умственной, нравственной, семейной и общественной жизни человѣка. Составилъ Ст. Воскр.—ій. Томскъ 1900. Стр. 452.

Гербертъ Спенсеръ. Цѣломудріе, бракъ и родительство. Второе изданіе. Переводъ и изданіе Золотарева. Москва. 1900. Стр. 64. Ц. 30 к.

И. О. Германъ. Понятія о цѣли бытія. Москва. 1900. Стр. 35.

И. Гливенно. Задачи и методы изученія новыхъ языковъ въ средней школѣ. Кіевъ. 1900. Стр. 17.

Ф. Ле-Дантекъ. Ламаркизмъ и дарвинизмъ. Переводъ съ французскаго подъ редакціей проф. Н. Яковлева. Ц. 75 к. Стр. 207. Спб. Изд. О. Н. Поповой.

Декартъ. Метафизическія размышленія. Переводъ В. М. Невѣжиной, подъ редакціей и со статьей проф. А. И. Введенскаго. Декартъ и рационализмъ. С.-Петербургъ. 1901. Труды С.-Петербургскаго Философскаго Общества. Выпускъ 1-й. Ст. VIII + 96.

Jean Finot. La philosophie de la longévité. Paris, 1900. Стр. XII + 329.

«Жить—любви служить (очеркъ православнаго нравоученія) протоіерея Стефана Остроумова. VI + 318 стр. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой. Продается у автора. Ст. Тума, Рязанской губ.

В. Заболотный. Опытъ къ рациональному разрѣшенію вопроса: Что такое война? (Философскій эскизъ на почвѣ субъективизма). Ц. 70 к. Стр. IV—124. Варшава. 1900 г.

О. Кюльпе. Введеніе въ философію. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей П. Б. Струве, съ библиографическими дополненіями Я. Н. Колубовскаго. С.-Петербургъ. 1901. Ст. V—343. Ц. 1 р. 25 к.

М. Н. Лажневъ. Марксъ и Кантъ (Критико-философская параллель). Изданіе П. Ковалева и Н. Осиповича. Николаевъ. 1900 г. Стр. 88. Ц. 75 к.

Н. Маклецова. Революціонеръ. (Исторія одной души). Москва. 1900. Стр. 255. Ц. 1 р.

Отчетъ Александровской публичной библіотекы въ г. Самарѣ и Самарскаго публичнаго музея за 1899 г. Самара.

Отчетъ Нижегородской городской общественной библіотекы за 1899 г. (Тридцать девятый отчетный годъ). Н.-Новгородъ. 1900. Стр. 73.

Полное собраніе сочиненій В. Г. Бѣлинскаго въ двѣнадцать томахъ подъ редакціей и съ примѣчаніями С. А. Венгерова. Тома I и II. Спб. 1900. Ц. отдѣльнаго тома 1 р. 25 к. Всѣхъ двѣнадцати томовъ 12 руб. I т.—542 стр., II т.—608 стр.

Н. Поповъ. Власть кумировъ въ храмѣ истины (о препятствіяхъ къ утвержденію христіанства). Религіозно-философскій очеркъ. Москва. 1900. Стр. 96. Ц. 50 к.

И. С. Проданъ. О памяти въ связи съ современными психологическими теоріями и изслѣдованіями. Стр. 62.

Протоколы Кіевскаго Психіатрическаго Общества за 1899—1900 гг. Кіевъ.

Д. М. Россинскій. Отчетъ о командировкѣ для изученія западно-европейскаго шелководства въ 1891—1892 гг. Часть I шелководство западной Европы. Москва. 1900. Стр. 112 + 38 + 18.

Часть II. Шелководныя работы. Стр. 50 + 14 + 31 + 17 + 30 + 19.

Рѣчь и Отчетъ, читанные въ годичномъ собраніи московскаго сельскохозяйственнаго института 26 сентября 1900 года. Москва. 1900. Стр. 123.

Сергій Шараповъ. По-русски. Ц. 30 к. Москва. 1900. Стр. 40.

Старое и новое. Сергѣя Шарапова. Ц. 30 к. Москва. 1900. Стр. 38.

Сила Воли или искусство владѣть собою. Философско-психологическое изслѣдованіе **Л. З. Яхнина**. Ц. 70 к. Стр. XII—106.

Жоржъ Фонсегривъ. Элементы психологіи. Переводъ съ 3-го французскаго изданія студентовъ московской духовной академіи подъ редакціей, съ измѣненіями и дополненіями **П. П. Соколова**. 1900 г. Стр. 351. Ц. 1 р. 25 к.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXIX^A. Семь озеръ—Симфонія. Издатели: **Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ)**, **И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ)**. Спб. 1900.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXX. Симъ—Слюзка. Издатели: **Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ)**, **И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ)**. Спб. 1900.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXX^A. Слюзь—Софія Палеологъ. Изданіе **Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ)**, **И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ)**. Спб. 1900.

Извѣстія и замѣтки.

Въ годичномъ собраніи С.-Петербургскаго Философскаго Общества 22 октября 1900 г. избраны въ почетные члены: Михаилъ Ивановичъ Каринскій, Алексѣй Александровичъ Козловъ, графъ Левъ Николаевичъ Толстой и Борисъ Николаевичъ Чичеринъ.

Печатается II вып. Трудовъ Спб. Философскаго Общества:

Малебраншъ. Разысканіе истины. Переводъ подъ редакціей Э. Л. Радлова.

Виндельбандъ. Исторія новой философіи въ связи съ общей культурой и отдѣльными науками. Переводъ подъ ред. А. И. Введенскаго.

Таннери. Начала науки древнихъ грековъ. Переводъ подъ редакціей А. И. Введенскаго.

Московское Психологическое Общество.

CLXXXI. Отчетъ объ очередномъ засѣданіи 12 февраля
1900 г.

Засѣданіе было открыто въ 8¹/₂ часовъ въ физической аудиторіи университета подъ предсѣдательствомъ Л. М. Лопатина, при тов. секретаря Н. Д. Виноградовѣ, въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: Н. А. Абрикосова, Ю. И. Айхенвальда, Ц. П. Балталона, А. Н. Бернштейна, В. Н. Ивановскаго, гр. Мамуна, Б. К. Млодзѣвскаго, В. П. Преображенскаго, Н. П. Постовскаго, Г. А. Рачинскаго, В. К. Рота, В. П. Сербскаго, П. П. Стрѣльцова, С. А. Суханова, кн. С. Н. Трубецкаго, К. Д. Умова, чл. соревн. Шахъ-Назарова и посторонней публики.

Въ засѣданіи происходило, между прочимъ, слѣдующее:

Дѣйствит. членъ А. А. Токарскій сдѣлалъ сообщеніе «къ вопросу о зрительной памяти съ представленіемъ обществу г. Діаманди и его опытовъ».

Послѣ вступленія референта г. Діаманди сдѣлалъ опытъ съ воспроизведеніемъ цифръ и вычисленіями.

По окончаніи опытовъ былъ сдѣланъ перерывъ на 10 минутъ, послѣ котораго засѣданіе продолжалось подъ предсѣдательствомъ кн. С. Н. Трубецкаго.

Была прочитана вторая часть реферата и сдѣланы слѣдующія заключенія относительно опытовъ г. Діаманди и характера его зрительной памяти:

1. Зрительная память г. Діаманди качественно не отличается отъ нормальной памяти и воспроизводитъ полученные образы съ тѣми же неточностями, какія свойственны всѣмъ людямъ безъ

исключенія, и, напр., по отношенію къ линиямъ, фигурамъ, цвѣтамъ она даже далеко не совершенна.

2. Количественно она рѣзко отличается отъ средней нормы по отношенію къ цифрамъ, но воспроизведеніе цифръ не носитъ характера фотографическаго воспроизведенія: цифры появляются въ представленіи г. Діаманди измѣненными, иногда какъ бы написанными его собственнымъ почеркомъ, а не такъ, какъ онѣ, дѣйствительно, были изображены; цвѣтъ ихъ не воспроизводится одновременно и мѣсто расположенія ихъ не всегда остается тѣмъ, какимъ оно было въ дѣйствительности, а воспроизводится сообразно его собственной зрительной схемѣ.

3. Въ этомъ отношеніи г. Діаманди рѣзко отличается отъ лицъ, одаренныхъ болѣе точной зрительной памятью, какъ, напр. нѣкоторые игроки въ шахматы à l'aveugle, которые видятъ шахматныя доски и фигуры, какъ онѣ есть въ дѣйствительности, форму и цвѣтъ ихъ, или нѣкоторые живописцы, которые съ необыкновенною точностью запоминаютъ отношенія частей и оттѣнки цвѣтовъ.

4. Типъ памяти г. Діаманди, однако, остается преимущественно зрительнымъ, какъ не измѣняются цифры въ его представленіи, онъ продолжаетъ, тѣмъ не менѣе, видѣть ихъ.

5. Преимущественная роль зрительной памяти не устраняетъ однако, того, что г. Діаманди пользуется также и двигательной памятью, произнося про себя цифры, и памятью слуховой, вспоминая, какъ онѣ были ему сказаны.

6. Этимъ объясняется та поразительная быстрота, доселѣ не имѣющая себѣ равной, съ которой г. Діаманди можетъ воспроизводить цифры въ обратномъ порядкѣ и во всѣхъ направленіяхъ.

7. Эта быстрота воспроизведенія цифръ въ измѣненномъ порядкѣ представляетъ характерный признакъ зрительной памяти и въ то же время служитъ доказательствомъ того, что г. Діаманди не пользуется обычными мнемо-техническими приѣмами, какъ, напр., переводъ цифръ на буквы и пр.

Доказательствомъ отсутствія мнемо-техническихъ приѣмовъ служитъ также то, что иногда память измѣняетъ г. Діаманди въ такихъ случаяхъ, гдѣ приложеніе самыхъ простыхъ мнемо-техническихъ приѣмовъ могло бы вывести его изъ затрудненія.

8. Исключительная способность г. Діаманди воспроизводить

цифры укрѣпляется упражненіемъ, подчиняясь въ этомъ направленіи общимъ законамъ памяти.

9. Быстро запоминая громадныя количества цифръ—до 200 въ нашихъ опытахъ, — г. Діаманди забываетъ ихъ также довольно быстро, что даетъ ему возможность повторить свои опыты два раза въ день.

10. Г. Діаманди постоянно удерживаетъ въ памяти только гѣ неподвижныя цифры, которыя были заучены имъ въ цѣляхъ счета и которыми онъ пользуется при всѣхъ своихъ вычисленіяхъ, какъ, напр., степени и корни нѣкоторыхъ чиселъ, число секундъ въ столѣтіи и нѣкоторыя таблицы.

11. Вычисленія г. Діаманди производитъ обычными способами, пользуются при этомъ разными сокращеніями. Складываетъ, вычитаетъ и множитъ, какъ всѣ, справа налево.

12. Какъ счетчикъ, г. Діаманди въ своей основной характеристикѣ приближается къ типу остальныхъ, извѣстныхъ до настоящаго времени, феноменальныхъ счетчиковъ, но въ то время, какъ большинство знаменитыхъ счетчиковъ поражало слабымъ развитіемъ своихъ умственныхъ способностей и крайней ограниченностью интересовъ, г. Діаманди проявляетъ живой умъ и разнообразныя интересы, начитанность и стремленіе къ литературному труду.

Засѣданіе закрыто въ 12 ч. ночи.

Предсѣдатель Л. Лопатинъ.

Матеріалы для журнальной статистики за 1900 г. (по 10 декабря включительно), экземпляры журнала „Вопросы философіи и психологіи“ распредѣлялись по мѣсту слѣдующимъ образомъ:

№№	Въ губерніяхъ.	Экз.	№№	Въ губерніяхъ.	Экз.
1	Кіевская	46	10	Варшавская	17
2	Херсонская	45	11	Московская	17
3	Тифлісская	31	12	Тамбовская	17
4	Харьковская	31	13	Саратовская	15
5	Таврическая	29	14	Томская	15
6	Казанская	24	15	Курская	14
7	Лифляндская	24	16	Черниговская	14
8	Екатеринославская	19	17	Нижегородская	13
9	Обл. В. Д.	19	18	Орловская	13

№№	Въ губерніяхъ.	Экз.	№№	Въ губерніяхъ.	Экз.
19	Пермская	13	51	Терская	5
20	Тульская	13	52	Уфимская	5
21	С.-Петербургская	12	53	Акмолинская	4
22	Владимірская	11	54	Архангельская	4
23	Волынская	11	55	Астраханская	4
24	Подтавская	11	56	Гродненская	4
25	Смоленская	11	57	Ковенская	4
26	Бессарабская	10	58	Кубанская	4
27	Виленская	10	59	Курляндская	4
28	Вятская	10	60	Оренбургская	4
29	Воронежская	9	61	Петроковская	4
30	Самарская	9	62	Ставропольская	4
31	Симбирская	9	63	Тверская	4
32	Ярославская	9	64	Амурская	3
33	Минская	8	65	Елизаветпольская	3
34	Пензенская	8	66	Закаспійская	3
35	Тобольская	8	67	Семирѣченская	3
36	Бакинская	7	68	Сырѣ-Дарьинская	3
37	Витебская	7	69	Ферганская	3
38	Иркутская	7	70	Эстляндская	3
39	Костромская	7	71	Дагестанская	2
40	Вологодская	6	72	Калужская	2
41	Енисейская	6	73	Плоцкая	2
42	Люблинская	6	74	Семипалатинская	2
43	Олонецкая	6	75	Сувацкая	2
44	Подольская	6	76	Сѣдлецкая	2
45	Приморская	6	77	Эриванская	2
46	Псковская	6	78	Якутская	2
47	Забайкальская	5	79	Ломжинская	1
48	Кутаисская	5	80	Могилевская	1
49	Новгородская	5	81	Нюландская	1
50	Рязанская	5	82	Радомская	1

Итого по губерн. 760

II Москва 191

III С.-Петербургъ 178

VI За границу 70

Итого 1199

(Въ томъ числѣ бесплатныхъ и обмѣнныхъ) 199

Принимается подписка на 1901 годъ
НА
„Вятскую Газету“,

еженедѣльное изданіе Вятскаго Губернскаго Земства.

Годъ VIII-й.

За изданіе и широкое распространеніе „Вятской Газеты“ Вятское губернское земство удостоено Общимаъ Собраніемъ ИМПЕРАТОРСКАГО Вольнаго Экономическаго Общества

большой золотой медали.

Программа газеты:

I. Правительственныя распоряженія. II. Земское дѣло, продовольственное и страховое дѣло. III. Народное образованіе. IV. Статьи литературно-историческаго содержанія. V. Спеціальныя статьи: 1) по сельскому хозяйству (земледѣлію, огородничеству, садоводству, скотоводству, пчеловодству, птицеводству) и кустарнымъ промысламъ; 2) по медицинѣ и ветеринаріи. VI. Хозяйственная жизнь Россіи и губерніи (текущія свѣдѣнія, по Россіи, по губерніи). VII. Отзывы о книгахъ. VIII. Вопросы и отвѣты. IX. Свѣдѣнія о погодѣ. X. Справочный отдѣлъ и объявленія.

Въ годъ дается: 52 №№ съ спеціальными приложеніями.

Пробный № высылается за семикопѣчную марку.

Подписная цѣна:

на годъ 2 р., на полгода 1 р., на три мѣсяца 50 к., съ доставк. и пересылк.

За перемѣну адреса уплачивается 20 к.

Цѣна за объявленія: 10 коп. со строки петита въ концѣ текста; впереди — 20 коп.; при повтореніи уступка: за 3 раза — 15%, за 5 разъ — 20%, за 10 разъ — 25%. Далѣе—по соглашенію.

Подписка и объявленія принимаются въ г. Вяткѣ, въ губернской земской управѣ и въ книжныхъ складахъ губернскаго земства.

Адресъ для писемъ: г. Вятка, редакція „Вятской Газеты“.

Статьи, присылаемыя для напечатанія, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію, не принятыя—не возвращаются. Статьи, присланныя безъ обозначенія условій, считаются безплатными. За предыдущіе года газеты распространя.

Редакторъ, предсѣдатель губернской земской управы В. Шиллегодскій.

Открыта подписка на 1901 г.

XII г.

НА ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

XII г.

„ВѢСТНИКЪ ВОСПИТАНІЯ“

Журналъ имѣетъ цѣлью распространеніе среди русскаго общества разумныхъ свѣдѣній о возможно правильномъ установленіи воспитанія въ семьѣ и школѣ.

Журналъ допущенъ Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Пров. для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній какъ мужскихъ, такъ и женскихъ.

Программа журнала: I) Оригинальныя и переводныя статьи. II) Критика и библіографія. III) Рефераты и мелкія сообщенія. IV) Хроника. V) Приложенія: литературно-педагогическіе очерки, рассказы, воспоминанія и т. д. VI) Объявленія.

При настоящей редакціи въ журналъ принимали участіе: д-ръ философіи В. Аври (Victor Henri), Н. Ф. Арешевъ, Ю. И. Айхенвальдъ, А. Д. Алферовъ, приватъ-доц. Я. А. Боткьянъ, Ю. А. Бунинъ, И. А. Бунинъ, И. П. Блѣконскій, Н. М. Бычковъ, приватъ-доц. В. А. Вагнеръ, Е. Варбъ, В. П. Вахтеровъ, К. Н. Вентпель, Ю. А. Веселовскій, проф. Р. Ю. Вишперъ, А. Ф. Гартвигъ, М. О. Гершензонъ, А. Е. Грузинскій, Н. П. Дружининъ, В. Е. Ермиловъ, Н. В. Закъ, С. В. Зенченко, Е. А. Звягинцевъ, Н. Н. Златовратскій, В. Е. Игнатевъ, В. В. Каллашъ, В. Кохановскій, Е. Ловичъ, Е. И. Лозинскій, М. Любавскій, проф. И. Н. Миклашевскій, Н. Миновичъ, Н. Ф. Михайловъ, Л. П. Никифоровъ, Е. С. Некрасова, М. К. Николаева, Ф. Ф. Ольденбургъ, В. П. Острогорскій, В. В. Петровъ, Н. И. Поздняковъ, Г. А. Пузыревскій, Г. Роковъ, Н. А. Русскихъ, Л. М. Ровенфельдъ, Д. Д. Семеновъ, А. С. Симоновичъ, А. М. Скабичевскій, Н. А. Скворцовъ, Н. В. Сперанскій, К. М. Ставлюковичъ, приватъ-доц. Е. Д. Синацкій, Л. Д. Симицкій, В. С. Стѣрова, І. Тевсъ, Н. И. Тезяковъ, А. П. Флеровъ, А. Н. Филипповъ, А. С. Хахановъ, П. В. Хопровъ, кн. Д. И. Шаховской, А. А. Штевенъ, Ф. А. Эрнъ, проф. Ф. Ф. Эрисманъ, В. Я Яковлевъ, Е. Н. Янжулъ, акад. И. И. Янжулъ, и многіе друг.

Въ журналѣ два раза въ годъ печатается подробный и систематическій „Указатель текущей педагогической литературы“.

Срокъ выхода восемь разъ въ годъ (въ теченіе четырехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ журналъ не выходитъ); въ каждой книжкѣ журнала около 20-ти печатныхъ листовъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ безъ доставки 5 р., съ доставкой и пересылкой 6 р., въ полгода—3 р., съ пересылкой за границу—7 р. 50 к.; для студентовъ и недостаточныхъ людей подписная цѣна уменьшается на 1 руб.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры за 1891, 1892 и 1894 гг. продаются по 2 р. и по 3 р. съ перес., за 1895, 1896 и 1898 гг. по 5 р. съ пересыл.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи (Москва, Арбатъ, Старо-Конюшенный пер. д. Михайлова) и во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ обихихъ столицъ. Гг. иногороднихъ просятъ обращаться прямо въ редакцію.

Редакторъ-издатель д-ръ Н. Ф. Михайловъ.